Р 32
V 555/2

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ.

Эпоха мирового кризиса, экономического, социального и политического.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скалигер).

Всекопромсовет - Мособлпечатьсоюз
Ред.-изд. кооп. т-во „Русский Библиографический Институт Гранат"
Москва, Тверской бульвар, 25.

2007044818

8753-39

Сдано в производство 8/IV 1937 г. Тираж 10000—24 л. Форм. бум. 62×94
Главлит № Б—17708. Печ. знак. в листе 63.000. Подп. к печ. с X 1937—по V 1938 г.

Типо-литография Ленгорторготдела, Ленинград, Лештуков пер., 18. Зак. № 788.

Содержание тома

	Столб
I. Мировой экономический кризис	1
II. Дипломатия эпохи	59
III. Великобритания	114
IV. Ирландия	154
V. Франция	163
VI. Австрия	215
VII. Венгрия	272
VIII. Германия	324
IX. Италия	427
X. Испания	481
XI. Португалия	594
XII. Швеция	628
XIII. Норвегия	654
XIV. Дания	671
XV. Финляндия	695
XVI. Латвия	715
XVII. Эстония	725
XVIII. Литва	732

Лишь месяцы прошли с того времени, как были написаны обзоры, входящие в состав настоящего тома, но уже за это короткое время вихрь событий снес с карты Европы Австрию (март 1938 г.) Муссолини получил возможность прокламировать короля Италии императором Абиссинии; интервенция в Испании приняла еще более откровенный характер иноземного завоевания; выход в отставку Идена, назначение на пост министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса (февраль 1938 г.) и англо-итальянское соглашение демонстративно показали резкое усиление профашистского направления внешней политики Англии. Но все эти перемены не могли ограничиться только странами, в которых они происходили, и переплетались с событиями, происшедшими или назревающими в странах, обзор которых имеет войти в следующий том цикла. За захватом Австрии последовал натиск на Чехословакию; безнаказанность агрессии в Европе и в Африке придала смелость Японии для разбойного нападения на Китай. Наряду с этими странами во второй том войдет обзор Соединенных Штатов Америки, влияние которых на развитие европейских стран, повидимому, будет все более возрастать. Поэтому целесообразнее представляется изменения, происшедшие в странах, обнимаемых обзорами настоящего тома, рассматривать не в отдельных дополнениях к этому тому, а в заключительной аналитической главе в конце всего цикла, которая будет говорить о капиталистическом мире в его целом и состоянии переживаемого им кризиса к тому моменту.

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Эпоха мирового кризиса, экономического, социального и политического

ЭПОХА МИРОВОГО КРИЗИСА,
ЭКОНОМИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

I. Мировой экономический кризис. 1. Мировой экономический кризис начался еще до того, как 24 октября 1929 г. разразилась паника на Нью-Йоркской бирже, являвшейся центром международной спекуляции. Биржевой крах, принявший сразу международный характер, конечно, не представлял самостоятельного явления и не был причиной кризиса. Он был специфической формой выхода кризиса, взрыва накопившихся противоречий в сфере материального процесса производства, грозным проявлением и сигналом острого перепроизводства.

Еще до краха на Уол Стрите ряд сигналов свидетельствовал о наличии кризиса перепроизводства. Явные признаки начавшегося сельско-хозяйственного кризиса имелись уже в конце 1928 г. в Канаде, в США, в Аргентине, в Австралии. Частичные кризисы имели место в производстве отдельных видов сырья и продовольствия, показателем чего является крушение попыток их монополистического регулирования. В 1928 г. прекратила свое действие принятая в 1922 г. „схема" Стевенсона в области контроля производства каучука; в том же году Куба отказалась от „схемы" ограничения производства сахара, действовавшей 4 года; медный картель 1926 г. и бразильская ревалоризация (повышение продажной цены) кофе оказались несостоятельными еще задолго до „черного четверга" на Нью-Йоркской бирже. Канадский пшеничный пул хотя и устоял против первого натиска разразившейся экономической бури, но огромные непроданные запасы пшеницы на его элеваторах и начавшееся снижение цен на пшеницу подрывали всякую базу под контракты с фермерами и подготовляли его крах, который и наступил в 1931 г. Из промышленных стран перебои производства обнаружились в 1928 г. в Германии в связи с ослаблением притока американских кредитов, а также в Польше и других странах.

В то время как в ряде стран, преимущественно аграрных, кризис уже созрел и принял более или менее острые формы, втянув в свою орбиту и американское сельское хозяйство, промышленное производство США еще продолжало развиваться с крайней степенью напряжения. Поворотный пункт здесь наступил в июне 1929 г., когда производство повернуло от подъема к упадку (жилищное строительство начало сокращаться еще в конце 1928 г.). Эта дата оказалась критической точкой и для большинства основных капиталистических стран. Только во Франции она наступила несколько позже, именно в мае 1930 г. Кризис, таким образом, не делал никакого исключения ни для великих, ни для малых стран.

Переплетение аграрного и промышленного кризиса, кризис в США, на которые приходится почти половина мирового производства, означали перерастание кризисов местных и частичных во всеобщий и превращение кризисов национальных в мировой кризис.

Мировой экономический кризис развернулся на базе общего кризиса капитализма. Это придало ему исключительную разрушительную силу. По своему масштабу, продолжительности и глубине мировой экономический кризис является рекордным в истории капитализма вообще и каждой капиталистической страны в частности. Он потряс капиталистическое хозяйство до основания и перерос в кризис политический и идеологический.

Удары кризиса были тем оглушительнее, чем усерднее буржуазные политики и теоретики вытравляли самое понятие кризиса из общественного сознания. Представители буржуазной науки исходили и исходят из смягчения и сглаживания остроты кризисов. Они изгнали проблему кризисов из своих „руководств" и заменили ее учением о конъюнктуре, которое стремится растворить кризисы в коротких и длинных конъюнктурных „волнах" самых различных исторических периодов. Сами буржуазные экономисты, хотя и с опозданием, признают теперь, что многочисленные конъюнктурные институты в капиталистических странах при помощи черной белой магии, т.-е. вычерчиванием кривых и конструированием всевозможных „барометров", строили оптимистические экономические „прогнозы" и предсказывали „процветание", когда вплотную надвинулся кризис. Такое известное издание, как „Recent Social Trends" косвенно само подтверждает, что теория непрерывного „процветания" в США была просто фальсификацией. „В медовые месяцы 1925—1929 гг.—пишут в нем авторы резюме,—было много лиц, которые полагали, что циклы „сглажены" в этой благоденствующей стране. В настоящее время каждый из нас сознает, что мы страдаем от одной из самых жестоких депрессий в нашей национальной истории. Всякий, кто знаком с прошлым опытом, предвидит, что, с возвращением оживления и процветания, новая волна процветания закончится в свою очередь последующим снижением, которое перейдет в другой период депрессии, более или менее острый".

Но, распростившись с теорией непрерывного „процветания", эти авторы, как и вся буржуазная наука, беспомощно останавливаются перед кризисом, как перед мистическим явлением, сущность которого они не в состоянии постигнуть. С их точки зрения неизбежность кризисов при капитализме еще является вопросом, подлежащим дальнейшему исследованию и эксперименту. Общий кризис капитализма, в том числе и американского, вообще, как проблема, не стоит перед ними. С такой точки зрения естественным является объяснение исключительной глубины кризиса „нециклическими факторами", что служит псевдонимом для ряда самых разнообразных причин, как например, быстрые темпы технического прогресса и рационализация, замедленный рост народонаселения, мировое производство и распределение золота, мировая война и ее последствия и т. д. Характерно, что, исходя из последствий мировой войны, другой буржуазный исследователь мирового экономического кризиса, английский профессор Lionel Robbins начинает свое исследование „The Great Depression" с прямого утверждения о том, что мы живем не в четвертом, а в 19-м году мирового кризиса.

Капитализм, действительно, уже 19 лет (а считая со времени мировой войны 1914—1918 гг. и больше) переживает кризис, но не в том, конечно, смысле, как это думает Л. Роббинс. Сущность общего кризиса капиталистической системы состоит в том, что капитализм уже не представляет собой единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства. Отживающей капиталистической системе хозяйства пришла на смену более передовая, социалистическая система, окончательно и бесповоротно победившая в СССР и противостоящая мировому капитализму, как важнейший

фактор его разложения. За протекшие 19 лет социалистическая система стала безраздельно господствующей на $^1/_6$ земного шара и превратилась в мощную *мировую* силу; процесс же расшатывания капитализма получил дальнейшее ускорение, выражаясь в гигантском обострении классовой борьбы, в нарастающем революционизировании международного рабочего класса и трудящихся в колониальных и зависимых странах.

Победа социализма закреплена в великой Сталинской конституции, которая является „обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы" (Сталин). Конституция победившего социализма является ярким факелом, освещающим рабочим и всем эксплоатируемым путь борьбы с капиталистическим рабством и империалистическим гнетом и ускоряющим гибель капитализма.

Загнивание капитализма нашло свое выражение в громадном обострении противоречия между производительными силами и буржуазными производственными отношениями, в частности, в наличии хронической массовой безработицы и хронической недогрузки производственного аппарата и особенно наглядно — в исключительной силе мирового экономического кризиса. Капитализм ищет выхода из накопившихся противоречий до крайности обостренных его кризисом, в установлении в ряде стран фашистской диктатуры, которая во главе с наиболее агрессивным германским фашизмом идет открыто к развязыванию антагонистических сил, готовых к военному столкновению за новый передел мира.

Вышеприведенные рассуждения Роббинса, характерные для бесплодия буржуазной науки, заинтересованной в прикрашивании язв капитализма, показывают, что он ничего не понял в развертывающейся эпохе войн и революций, без учета которой невозможен подлинно-научный анализ такого сложного комплекса, как мировой экономический кризис, ни в его возникновении, ни в разнообразных формах его движения.

Историческое развитие и борьба обеих систем дает в мировом масштабе конкретную проверку также и по вопросу о циклических кризисах. Периодические кризисы возникли вместе с зарождением капитализма и сопровождают его до самой могилы; социалистическая же система, как показывает пример СССР, ликвидирует окончательно кризисы и безработицу.

Подтачивание капиталистической системы общим кризисом, ее прогрессирующее расстройство проявляется в деформации послевоенных циклов воспроизводства. Оно находит свое выражение не только в углублении, затягивании и всеобщности циклического кризиса, в ослаблении сил, противодействующих ему, но не в меньшей мере в урезанности и крайней неравномерности фазы подъема в разных странах и отраслях, в конвульсивности ее развития и быстром созревании противоречий, ведущих к взрыву. Весьма показательно, например, что даже по исчислениям буржуазного американского экономиста Уэсли Митчеля за весь послевоенный период 1919—1928 гг. в США приходится на годы повышательной конъюнктуры всего 57% и на годы понижательной конъюнктуры—43% данного исторического отрезка. Но эти соотношения резко изменятся в обратном направлении, если взять мировую конъюнктуру в целом, ибо, как известно, фаза конъюнктурного оживления в Европе была весьма умеренной. Кроме того, Митчель не учитывает, что американское сельское хозяйство в „процветании" не участвовало наравне с промышленностью, если не считать крупных капиталистических сельскохозяйственных предприятий и зажиточной верхушки фермеров; что хроническая недогрузка производственного аппарата достигала в годы наиболее высокой конъюнктуры, по самым консервативным и преуменьшенным расчетам, не менее 20% в США и около 30% в Англии и Германии; наконец, высокий уровень постоянной безработицы в фазу „процветания", превосходивший в ряде капиталистических стран кризисный уровень довоенного времени. Безусловно более прав либе-

ральный профессор Р. Тогуэль, один из видных представителей „мозгового треста“ при Рузвельте (бывший заместитель секретаря департамента земледелия), указавший, что при наличии в США в 1929 г. 10 млн. семейств — свыше $^1/_3$ населения — на уровне бедности и нищеты самое понятие „эры процветания“, а также разговоры об исчезновении бедности—просто подлог.

Исходя из марксистско-ленинского анализа третьего периода, из расшатывания капиталистической стабилизации, тов. Сталин указывал еще в 1927 г., в докладе на XV съезде ВКП(б) на неизбежность наступления самого глубокого и самого острого кризиса мирового капитализма. Этой точке зрения лидеры II Интернационала, Гильфердинг и другие, к которым присоединился и правый реставратор капитализма Бухарин, противопоставили теорию „организованного капитализма“, перспективу „оздоровления“ капиталистического строя. На XVI съезде ВКП(б) можно было уже подвести историческую проверку этим двум диаметрально противоположным позициям.

Об этом с полным основанием тов. Сталин напомнил в своем докладе съезду. „Большевики говорили,—указывал товарищ Сталин,—что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации, при ограниченных пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян, должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над „оригинальным пророчеством“ большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об „организованном капитализме“. А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики“ („Вопросы ленинизма“, стр. 488, 1933 г.).

Правые реставраторы капитализма уже тогда сомкнулись с Троцким, заклятым врагом Советского Союза, предсказывавшим буржуазии „новую большую эпоху капиталистического роста и могущества“ и своей буржуазно-апологетической, капитулянтской, „теорией“ „американской исключительности“ лакействовавшим перед республикой доллара. Судебный процесс над троцкистско-зиновьевской бандитской шайкой диверсантов и фашистских шпионов и дальнейшее расследование деятельности правых отщепенцев показали, что правые представляют такую же банду преступников и врагов народа. Как троцкизм, так и правые перестали быть политическим течением в рабочем классе и из идейных оруженосцев контр-революционной буржуазии они превратились в ее авангард, в один из штурмовых отрядов фашизма.

2. Интенсивность кризиса характеризуется амплитудой колебаний, т.-е. размерами сжатия производства и продолжительностью кризиса. Для иллюстрации интенсивности мирового экономического кризиса приводим следующий ряд, характеризующий размах падения в различные экономические циклы США за последние 50 лет.

Глубина и продолжительность кризиса в США с 80-х годов XIX века (падение от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса по индексу хозяйственной активности Экс-Хоутона и Анналиста)

Кризисы	Даты	Продолжительность (в месяцах)	% падения
Кризис 1881/82 г.	VIII/1881 — II/1885	42	37
„ 1892 г.	II/1892 — VI/1894	28	37
„ 1903 г.	IX/1902 — XII/1903	15	24
„ 1907 г.	VII/1907 — III/1908	8	36
„ 1920 г.	III/1920 — III/1921	12	29
„ 1929 г.	VI/1929 — III/1933	45	43

Приведенные данные отчетливо показывают, что мировой экономический кризис является действительно рекордным в истории американского капитализма. Из предыдущих кризисов по своим отдельным показателям к нему как будто бы несколько приближается кризис 1880-х годов. Но на самом деле это не так. Как известно, Энгельс характеризовал в 1892 г. в своем предисловии к книге „Поло-

жение рабочего класса в Англии" кризис 1810-х годов как неполный, как состояние хронического застоя (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI, ч. I). Этот вывод Энгельса также подтверждается и данными Business Annals Торпа, относящимися к США и показывающими, что сплошного снижения там не было за указанный период. Таким образом, приведенные выше показатели кризиса 1881/82-х гг. являются безусловно преувеличенными. Вообще, если взять средние показатели, то окажется, что послевоенные кризисы в США значительно превосходят по интенсивности кризисы довоенного времени. Вместе с тем сравнение кризисов 1920/21 и 1929 гг. показывает, что острота кризисов усиливается в эпоху общего кризиса капитализма от взрыва к взрыву.

Это различие кризисов в довоенный и послевоенный период, период общего кризиса капитализма, еще нагляднее выступает в Германии. В качестве показателей возьмем данные о динамике производства. За отсутствием месячных данных в Германии (как ниже и в Англии) нельзя сравнивать изменения от высшей к низшей точке производства, но для наших выводов это не имеет решающего значения. За период 1860–1913 гг. в Германии было 6 кризисов (1867, 1872, 1883, 1891, 1900, 1907 гг.), но только в 1883 и 1900 гг. кризис выразился в замедлении роста промышленного производства; четыре остальные кризиса дали заметное сокращение, а именно: с 1867 г. по 1870 г.—6%; с 1872 по 1874 гг.—6%, 1891—1892 гг.—3%, 1906—1908 гг.—6%. Типичное сокращение производства (по среднегодовым данным) для довоенных кризисов в Германии—6%, кризис же 1929 г. дал сокращение на 42%.

Картина в Англии является не менее характерной. Начиная с 1825 г., регулярно повторяющиеся периодические кризисы отличались сравнительно краткой продолжительностью—за исключением кризиса 1870-х годов, растянувшегося на несколько лет. Падение производства за 12 довоенных кризисов составляло в среднем 5,25%; среднее же сокращение производства за два послевоенных кризиса составляет 26%.

Мировой экономический кризис, несмотря на всеобщий характер, развертывался неравномерно по странам и отраслям. Это видно из следующего сопоставления:

Индекс промышленного производства в различных странах (1932 г. в % к 1929 г.)

	Вся промышленная продукция	Средства производства	Средства потребления
Весь капиталистический мир	63,1	—	—
США	53,8	28,0	75,9
Германия	58,0	33,7	77,7
Англия	83,5	69,6	94,7
Франция	68,8	59,4	71,6
Италия	66,9	72,4	72,2

Наиболее пораженными очагами мирового экономического кризиса являются США и Германия, в относительно меньшей степени — Италия, Франция и особенно Англия, хотя относительно последней следует учесть низкий уровень производства перед кризисом, отставший еще от довоенного. Среднюю группу между первыми и вторыми, по упадку промышленного производства, представляют Польша, Чехословакия и др. Из сфер промышленного производства наибольшее свертывание показывает производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. Наряду со средствами производства почти повсюду было парализовано строительство, а из новых отраслей особенно пострадала автомобильная промышленность. О глубоком упадке строительства свидетельствуют следующие данные (1929 г. = 100): в США индекс строительства снизился в 1933 г. до 21,4, в том числе жилищного строительства—до 12,6, прочих видов строительства—до 26,1; в Германии жилищное строительство сократилось до 24,8 в 1932 г. и торгово-промышленное—до 20,4; во Франции общий индекс строительства упал до 55,7 в 1935 г.; в Англии кризис строительства был слабее, чем в других странах, а именно, сокращение продолжалось только до 1931 г., снизившись в целом до 86,2.

Резкое свертывание производства средств производства и строительства

наглядно подтверждает правильность марксистской теории кризисов, указывающей, что накопление является движущей силой в процессе циклического воспроизводства капитала. Глубокий упадок производительного потребления повлек за собой бурное нарастание волны безработицы, т. к. отрасли, производящие средства производства, помимо широкой амплитуды циклических колебаний, характеризуются большим удельным весом занятой на них рабочей силы.

Катастрофический характер кризиса особенно ярко обнаруживается, если сравнить темпы падения промышленного производства от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса.

Сокращение промышленной продукции в % (от высшей точки до кризиса к низшей точке кризиса)

Весь капиталистический мир	— 44,0
США	— 53,5
Германия	— 52,1
Великобритания	— 23,4
Франция	— 36,3
Италия	— 46,4

По этим данным объем промышленного производства сократился во всем мире более чем на $^2/_5$, а в США и Германии—свыше, чем наполовину. Наименьшее сокращение дала Англия, за нею следуют Франция и Италия.

По оценке Международного бюро труда при Лиге наций („Les consequences sociales de la crise", 1936), потери от свертывания промышленной деятельности во время кризиса за период 1929 — 1934 гг. достигают 117 млрд. долл. (в ценах 1928 г.), а с учетом потерь на транспорте—149—176 млрд. долл. (в ценах 1928 г.) или 100—120 млрд. долл. в ценах 1913 г. Это равняется стоимости всей мировой войны. Прогрессирующее загнивание капитализма, выражающееся в грандиозном расхищении производительных сил посредством чередования войн и кризисов, наглядно иллюстрируется всеми приведенными данными.

Специфическая природа и механика мирового экономического кризиса тесно связаны с тем, что он выступает как форма движения монополистического капитализма, при котором противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения—эта основа периодических кризисов—достигает высшего обострения. Монополистический капитализм, говорит Ленин, есть новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Империализм означает такую ступень обобществления, когда „частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена" (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 174).

Капиталистическая монополия находится в безысходном противоречии с конкуренцией, из которой она вырастает. „Именно это соединение противоречащих друг другу „начал": конкуренции и монополии существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию" (Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 297). Во время кризиса столкновение и „спутывание" этих двух противоречивых „начал" развивается с бешеной силой, обостряя конвульсивный, неравномерный характер развития капиталистической экономики и крайне запутывая весь ход капиталистической машины. Господство монополий существенно видоизменяет характер и формы проявления кризиса. Политика высоких монопольных цен является моментом, ведущим к затягиванию и углублению кризиса. Это с огромной глубиной выразил тов. Сталин в докладе на XVI съезде ВКП(б). Вместе с тем он отметил, как другую существенную особенность мирового экономического кризиса, „резко выраженный кризис крупного промышленного производства".

Кризисы перепроизводства вызывают как реакцию сокращение текущего производства. При господстве же монополий эта реакция еще более усиливается вследствие монополистиче-

ской политики цен. „Нынешний капитализм,—подчеркивал тов. Сталин,—в отличие от старого капитализма, является капитализмом *монополистическим*, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание" („Вопросы ленинизма", стр. 493, 1933 г.).

Резкое сокращение рынка во время кризиса заставляет капиталистов сворачивать производство, монополистический же капитал, в интересах сохранения высоких монопольных цен, в гигантской степени усиливает эту тенденцию. Это подтверждается данными кризиса 1920—1921 гг. Еще более резко выражена отмеченная тенденция в следующих данных об уменьшении количества занятых рабочих в американской обрабатывающей промышленности за 1929—1933 гг.

Уменьшение количества рабочих в обрабатывающей промышленности США во время кризиса в зависимости от размеров предприятий (% изменения)

	Всего	1—5 чел.	6—20 чел.	21—50 чел.	51—100 чел.	101—500 чел.	501—2500 чел.	2501 и более чел.
Кризис 1929—1933 гг. . . .	— 31,4	— 43,2	— 24,9	— 25,9	— 25,9	— 27,1	— 34,5	— 46,2
Кризис 1920—1921 гг. . . .	— 29,9	— 8,2		— 19,2		— 38,5		

Очень характерно, что наибольшее сокращение рабочей силы приходится за 1929—1933 гг. на крайние группы, при чем в гигантских предприятиях рабочая сила сократилась почти наполовину. Для мелких предприятий это означало массовую гибель, а для крупных—гигантский рост недогрузки. Нет сомнения, что США в этом отношении не представляли исключения.

Присущая монополистическому капитализму тенденция к загниванию крайне усиливается во время кризиса. Избыток капитала и избыток рабочей силы достигли в период мирового экономического кризиса неслыханных размеров. Лавинообразный рост безработицы превратил в эти годы капиталистические страны в гигантские дома для безработных. Безработица приняла самые разнообразные формы: полной и частичной, видимой и „невидимой"; она охватила лиц физического и умственного труда, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, взрослых и молодежь, мужчин и женщин. О динамике безработицы свидетельствует индекс уровня безработицы, исчисляемый Лигой наций на основе официальных данных соответствующих стран (в основном в отношении промышленных рабочих).

Индекс уровня безработицы в разных странах (1929 г. = 100).

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Весь капиталистический мир. . .	164	235	291	274
США.	177	233	290	296
Германия.	164	239	304	260
Великобритания .	154	205	213	191
Италия	141	244	335	389
Япония.	135	153	173	140

За годы кризиса, по явно неполным и преуменьшенным официальным данным, зарегистрированная безработица утроилась, при чем в отдельных странах ее рост продолжался и в 1933 г., когда уже была достигнута низшая точка падения производства. В Германии в 1933 г. на 6 млн. занятых рабочих приходилось 6 млн. полных безработных и 4,5 млн. частично безработных, т.-е. занятые рабочие составляли меньшинство. В результате этого по переписи 1933 г. впервые за последние 50 лет (с переписи 1882 г.) численность занятых в промышленности оказалась абсолютно ниже численности занятых в сельском хозяйстве. В США армия безработных достигла, по исчислению Американской федерации труда, в первом квартале 1933 г. 13,6 млн. чел., а по более полным оценкам—

даже 17 млн., иначе говоря, каждый из трех самодеятельных был безработным, а большая часть остальных была занята сокращенное рабочее время. В результате этого в небывалой степени сократилось использование рабочего времени. По американским и германским статистическим данным, число проработанных человекочасов сократилось в промышленности обеих стран за годы кризиса наполовину, а в других сферах материального производства, например, в строительстве, в еще большей степени.

Безработица приняла исключительные размеры среди молодежи. При общем количестве безработных в 30 млн., по данным Лиги наций, на молодежь приходилось не менее 6–7 млн. Молодое рабочее поколение вследствие исключительной продолжительности кризиса лишено было доступа к производительному труду. В Германии в 1932 г. молодые безработные составляли половину всех безработных. Часть безработной молодежи выделяла банды отщепенцев, которых, по словам Fr. Wunderlich, насчитывалось до 600 в одном Берлине, в каждой от 10 до 100 участников. Из этих деклассированных элементов фашисты черпали резервы для штурмовых отрядов. Сюда устремлялась также и академическая молодежь, так как в это время германские университеты по существу превратились в „ожидальни" для безработной молодежи.

Гигантское расточительство основной производительной силы общества капитализмом ярко выступает при сравнении приведенных выше цифр с размерами довоенной безработицы. До войны в период 1900—1913 гг. в США безработица составляла в среднем 7,8% по отношению ко всему числу рабочих; в Англии она колебалась в зависимости от циклических колебаний в пределах 2—10%, составляя в среднем за цикл 4,5%; в Германии циклические колебания безработицы достигали 1—5%.

Одной из особенностей мирового экономического кризиса является рост безработицы среди интеллигенции. Так, по данным проф. Soudy, председателя Комитета по безработице среди инженеров, в США во время кризиса около половины инженеров не имело работы. Главный контингент безработных приходился на возраст 30—40 лет. Эти цифры, кроме того, не учитывают безработицы среди окончивших учебные заведения и не получивших из-за кризиса возможности применить свои способности и знания. По германской переписи 1933 г. количество безработных специалистов и технических служащих достигло 257 тыс. чел., что составляет около $^1/_5$ общего количества самодеятельных этой категории, т. е. каждый пятый из группы инженерно-технических работников в июне 1933 г. был безработным в Германии.

Весь ход мирового экономического кризиса целиком подтверждает вывод о том, что чем концентрированнее производство, чем выше уровень его монополизации, тем конвульсивнее его сжатие и, следовательно, тем мучительнее безработица. В связи с этим поучительно сопоставить динамику производства и динамику цен за годы кризиса. Для США характерный ряд приводит американский статистический журнал („Journal of the American Statistical Association", June 1935):

Отношение 1929 г. к началу 1933 г.

	% падения цен	% сокращения производства
Сельскохозяйственное машиностроение	6	80
Автомобили	16	80
Цемент	18	65
Чугун и сталь	20	83
Автомобильные шины	38	70
Текстильные изделия	45	30
Пищевые товары	49	14
Кожа	50	20
Нефть	56	20
Сельскохозяйственные товары	68	6

Эти данные показывают, что сельско-хозяйственное производство сократилось очень незначительно, зато цены сел.-хоз. товаров дали наибольший темп падения; наоборот, в промышленности при колоссальном сжатии производства цены упали в меньшей степени. Внутри промышленности отрасли легкой индустрии в целом испытали относительно меньшее сокращение производства и относительно большее падение цен по сравнению с тяжелой индустрией, давшей рекордное сокращение производства и наименьшее

снижение цен. Хотя тяжелая промышленность обычно во время кризиса подвергается наибольшему сжатию, нельзя, однако, считать случайностью, что как раз наиболее монополизированные отрасли, удельный вес которых в тяжелой промышленности очень высок, сокращают в большей степени выпуск продукции и в меньшей степени цены. Благодаря таким разрывам в продукции и ценах, а также между ценами монополизированных и немонополизированных товаров, монополии стремятся переложить тяжесть кризиса, с одной стороны, на трудящиеся массы, а с другой стороны—на мелких и средних производителей, приводя тем самым к углублению и затягиванию кризиса.

Общее падение уровня цен было более резким, чем во все предшествовавшие кризисы при исключительной неравномерности этого падения по отдельным группам и категориям товаров („Мировой экономический обзор Лиги наций". за 1934—1935 гг.").

Падение оптовых цен в различных странах (низшая точка кризиса к средней за 1925 — 1929 гг., принятой за 100)

Англия	62
Германия	68
США	66
Япония	65

Небывалое падение цен отражает всю глубину перепроизводства товаров и давление избыточных производственных мощностей, исключительное сжатие рынка вследствие катастрофического обнищания масс; основным же фактором неравномерности этого падения является степень монополистического господства на различных ступенях производства и распределения. Разрывы цен, как последствие их неравномерного снижения, прежде всего идут по линии монополизированных и немонополизированных товаров, как это видно из нижеследующих данных (Мировой экономический обзор Лиги наций за 1935—1936 г.):

Индекс цен на монополизированные и немонополизированные товары (отношение низшей точки падения к 1929 г., принятому за 100)

	Монопольные цены	Немонопольные цены
Германия	78	46
Австрия	90	69
Польша	70	50

В ходе кризиса „ножницы" монопольных и свободных цен значительно увеличились по сравнению с уровнем 1929 г. Монополии хотя и не смогли удержать свои цены стабильными, но снижение монопольных цен происходило в меньшей степени и неизмеримо медленнее, чем уровень немонопольных цен.

Особенно глубокий разрыв, благодаря такой политике цен, был создан между картелированной и трестированной промышленностью, защищенной высокими таможенными пошлинами, и распыленным сельским хозяйством, а в интернациональном масштабе—между империалистическими странами и аграрно-колониальной периферией. Этот разрыв нашел свое выражение в росте расхождения между сельско-хозяйственными и промышленными ценами, а также между ценами на экспортные и импортные товары промышленных и аграрно-колониальных стран. В этой структуре цен обнаружилась особая острота аграрного кризиса в условиях монополистического капитализма и общего кризиса капиталистической системы в целом.

3. Аграрный кризис, как и промышленный, есть кризис перепроизводства. Производительные силы мирового сельского хозяйства в послевоенный период заметно выросли. Расширение основного капитала имело место не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, правда, в гораздо более слабой степени и при том крайне неравномерно в отдельных странах и по отдельным культурам. Развитие новых районов производства продовольствия и сырья, рост механизации и концентрации, повышение производительности труда в старых районах и странах шли одновременно с деградацией и разорением миллионов мелких фермеров и крестьян.

Рост сельско-хозяйственного производства явно отставал от роста производительных сил. По индексу Лиги наций за период 1925—1929 гг. мировая сельско-хозяйственная продукция увеличилась всего на 5% и в основном оставалась стабильной во время кризиса. Более резко возросло производство колониальных товаров

(кофе, чай, какао) и особенно каучука. Общее загнивание капитализма получило свое выражение в недогрузке и в сельском хозяйстве.

Несмотря на крайне медленные темпы своего роста, сельско-хозяйственное производство переросло рамки рынка, ограниченного обнищанием масс, особенно обостряемым в условиях общего кризиса капитализма. Это нашло свое выражение в безуспешных попытках монополистического регулирования на мировом сельско-хозяйственном рынке и в ускорении темпа падения сельско-хозяйственных цен, начавшегося еще до кризиса.

Перепроизводство сельско - хозяйственных товаров, вследствие особенностей социального строя сельского хозяйства, имеет свои специфические формы проявления. В промышленности капиталисты с наступлением кризиса безжалостно выбрасывают рабочих на улицу и резко свертывают производство; наиболее беспощадны в этом отношении крупные капиталистические монополии. Наоборот, фермер или крестьянин со своей семьей в случае кризиса не может бросить свое хозяйство. Более того, при обострении кризиса крестьянские и фермерские семьи пополняются за счет безработных, вернувшихся из города. В то же время с падением цен на сельско-хозяйственные товары фермеры и крестьяне для погашения рентных и других фиксированных платежей (по долгам, налогам и т. п.) вынуждены выбрасывать на рынок все возрастающую товарную массу. Попытка свести в фермерском бюджете денежные покупки до минимума и все больше развивать производство для удовлетворения собственных потребностей способствует скорее не сжатию, а росту производства. С другой стороны, крупные сельско-хозяйственные предприятия и аграрные монополии, в силу огромных преимуществ по линии издержек производства по сравнению с мелкими сельско-хозяйственными производителями, менее склонны, чем промышленные монополии, к ограничению производства. Все это показывает, какой тяжелый и затяжной характер получает перепроизводство в области сельского хозяйства. К сказанному следует еще добавить влияние природных условий. Оно исключительно велико, например, в производстве кофе, каучука и т. д., где требуется несколько лет прежде чем дерево созреет, где борьба с перепроизводством связана с истреблением целых лесных массивов.

Единственным результатом такого положения являлось снижение сельско-хозяйственных цен. Но стихийное снижение превратилось в катастрофическое падение цен в силу резкого сокращения спроса в результате политики монополий, как это показал ход мирового экономического кризиса. В этом кризисе производители сырья и продовольствия пострадали в исключительной степени: падение цен на их продукты превзошло все известные рекорды, и бедствия аграрных стран и областей не имели примеров в прошлом. Следующий ряд иллюстрирует глубину этого падения по отдельным товарам.

Изменения оптовых цен отдельных товаров, выраженных в стерлингах (низшая точка в % к 1929 г.)

Каучук 17,7	Кофе 44,1	Ячмень 68,0
Шелк 25,7	Чай 44,9	Нефть 75,0
Шерсть 26,7	Джут 46,1	Сахар 76,9
Медь 34,1	Свинец 47,6	Лес 79,2
Пенька 37,1	Олово 49,8	Чугун 78,4
Хлопок 37,7	Серебро 50,8	Цемент 82,6
Кукуруза .. 39,2	Бекон 51,6	Уголь 97,1
Цинк 40,5	Баранина .. 51,8	Стальные рельсы... 97,1
Кожа 41,3	Мука 53,3	Полосовое железо... 99,0
Лен 41,8	Какао 56,2	
Льняное масло 43,2	Масло 57,4	
Пшеница ... 43,7	Овес 60,0	
	Говядина ... 62,1	

В виду резких колебаний валютных курсов и внешнеторговых ограничений, здесь приведены изменения оптовых цен (выраженных в стерлингах) на английском рынке, который ближе других отражает колебания мировых цен. Катастрофический характер падения цен на предметы продовольствия и сырья, в первую очередь сельско-хозяйственного, выступает здесь особенно резко. По отдельным странам неравномерность изменения проявляется в более крутом падении цен в аграрных странах по сравнению с индустриальными.

Неравномерное падение цен на товары сельско-хозяйственного и про-

мышленного происхождения увеличило в очень резкой степени расхождение цен — „ножницы" — между товарами, отчуждаемыми фермерами на рынке, и товарами, приобретаемыми ими для личного и производительного потребления, и привело к почти полной ликвидации покупательной способности широких фермерских и крестьянских масс. Петля задолженности стянулась еще туже, продажи ферм с молотка превратились в массовые явления. Многочисленные факты об этом приводятся в разделах по соответствующим странам.

Специфические формы проявления аграрного кризиса, устойчивый и длительный характер перепроизводства, длительная понижательная динамика сельско-хозяйственных цен приводят часто к неправильным и даже извращенным представлениям о природе аграрного кризиса. Если одна группа буржуазных экономистов, как Джевонс, Мур и др., основную причину периодических кризисов вообще усматривают исключительно в зависимости колебаний урожаев от природных и космических условий, то, наоборот, другая группа вовсе отрицает аграрные кризисы как самостоятельное явление.

„Сельско-хозяйственный кризис и промышленный кризис, — читаем мы в книге, изданной Международным бюро труда при Лиге наций," „Les Conse quences sociales de la crise", — не стоят просто рядом, друг подле друга. Резкое ухудшение положения сельско-хозяйственных производителей с 1930 года скорее результат — и неизбежный результат — внезапного и резкого сокращения промышленной продукции". Таким образом, получается, что аграрный кризис — простой рефлекс промышленного кризиса. Из механического противопоставления резко сократившейся промышленной товарной массы и менее эластичной сельско-хозяйственной товарной массы, этих двух, якобы, эквивалентных „куч", автор приходит к неизбежности резкого падения сельско-хозяйственных цен. Так как только промышленность с его точки зрения „ответственна" за кризис, то ее и нужно „лечить", тем самым наступит и „оздоровление" сельского хозяйства.

В ответ на это следует прежде всего отвергнуть грубо механистический метод объяснения динамики цен путем голого сопоставления товарных „куч"; иначе, спрашивается, почему не сопоставлять „кучи" средств производства и средств потребления и на основании этого делать заключение о колебаниях цен этих отраслей. Что же касается отрицания аграрного кризиса, то ясно, что помимо явного незнания законов развития сельско-хозяйственного производства, автор просто расходится с действительностью, с фактом совпадения и переплетения кризиса аграрного и промышленного в общеэкономический кризис, с тем, что „промышленный кризис будет усиливать сельско-хозяйственный, а сельско-хозяйственный затягивать промышленный, что не может не привести к углублению экономического кризиса в целом" (Сталин).

Если рассмотренная концепция отвергает специфичность аграрного кризиса, то тов. Варга, исходя из специфичности сельского хозяйства, отрицает периодичность сельско-хозяйственных кризисов вообще. Тов. Варга распространяет свой вывод не на какой-либо определенный исторический отрезок времени, например на эпоху общего кризиса капитализма, а на всю историю капитализма, огульно заявляя, что „периодически повторяющихся аграрных кризисов не было, потому что... *в сельском хозяйстве преобладает простое товарное производство и производство для собственного потребления*... подавляющая часть сельско-хозяйственных продуктов, поступающих на рынок, производится не капиталистами, а крестьянами". „Сюда еще присоединяются, — продолжает тов. Варга, — отсталость сельского хозяйства вообще, низкий органический состав капитала и относительно незначительная роль основного капитала — „материального базиса" кризисов, по выражению Маркса"... (E. Varga, „Die grosse Krise", стр. 59—60, подч. у т. Варга).

По существу тов. Варга впадает в противоречие с самим собой. С од-

ной стороны, он указывает, что основная причина аграрного кризиса та же, как и промышленных, а именно: противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения; с другой стороны, он утверждает, что в сельском хозяйстве преобладает производство для собственного потребления. Эти утверждения несовместимы друг с другом.

Далее тов. Варга неправильно излагает марксистское понимание периодичности кризисов. „Характерная особенность... промышленного цикла состоит в том, — пишет Маркс, — что раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот неизменно воспроизводится периодически" („Капитал", т. III, ч. 2, стр. 27—28). Возобновление же основного капитала, по Марксу, является материальной основой периодических кризисов. Хотя цикличность слабее выражена в сельско-хозяйственном производстве, чем в промышленности, но она имеется.

Причиной сельско-хозяйственного кризиса является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, которое находит свое выражение в противоречии между избыточной производственной мощностью сельского хозяйства и обнищанием масс. Одним из конкретных проявлений основного капиталистического противоречия является диспропорция в движении основного и оборотного капитала, которая и приводит к периодичности сельско-хозяйственных кризисов. Маркс писал: „Чем ближе подходим мы в истории производства к современности, тем регулярнее оказывается, и как раз в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда позднейшего обесценения сырых материалов органического происхождения" („Капитал", т. III, ч. I, стр. 98).

Характерно, что сам тов. Варга приводит в другом месте положение Маркса о том, что „в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистически) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением" („Капитал", т. III, ч. 2, стр. 484). Но это положение направлено против трактовки сущности аграрных кризисов у тов. Варга, так как накопление капитала, как указывает и тов. Варга, по Марксу, является движущей силой циклического хода воспроизводства (см. Введение т. Варга к книге „Мировые экономические кризисы", стр. 7—8).

Исследования американского департамента земледелия показывают, что за последние 50 лет (с 1875 года) в США циклы сельско-хозяйственных цен в основном соответствовали общим промышленным циклам, при чем повышательной конъюнктуре предшествовали относительно низкие, а понижательной — относительно высокие сельско-хозяйственные цены (L. H. Bean, „Agricultural price cycles and business cycles. The Agricultural Situation", June 1927, U. S. Department of Agriculture). Пример США в этом вопросе имеет огромное значение, так как США — страна крупнейшего капитализма, в которой сельское хозяйство занимает видное место.

Тов. Варга, наконец, недооценивает рост основного капитала в сельском хозяйстве, имевший место в послевоенный период. Этот рост находит свое выражение, между прочим, в том, что сельское хозяйство, в отличие от прежнего времени, связано не только со II подразделением, но также и с I подразделением общественного производства (сельско-хозяйственное машиностроение, автомобили, химическая промышленность, оросительные сооружения и т. д.). Очень показателен тот факт, что с обострением аграрного кризиса затраты сельского хозяйства на элементы основного капитала почти полностью прекратились и снова возобновились одновременно с улучшением конъюнктуры. Конечно, рост капитала в сельском хозяйстве при наличии монополии на землю и при существовании ренты идет гораздо медленнее, чем в промышленности; тормозящее значение избыточной производственной мощности и аграрного перенаселения здесь также сильнее. Однако, условия общего кризиса капи-

тализма лишь деформируют, но не устраняют цикличность.

Заслуга тов. Варга несомненно заключается в том, что он подчеркнул своеобразие в конкретных формах проявления аграрных кризисов, но его трактовка их природы является в значительной части неправильной.

4. Величайшие потрясения в сфере производства, вызванные кризисом, сопровождались еще более резким сокращением мировой торговли. Сужение международного обмена и возрастающее изолирование отдельных стран вызвали исключительно разнообразный арсенал средств всеобщей конкурентной борьбы. Немудрено поэтому, что спираль, описываемая свертыванием международного товарооборота, оказывается еще более сдавленной, чем в области производства. Это видно из следующего сопоставления, (Международный экономический обзор Лиги наций за 1933—1934 гг.).

Индексы промышленного производства и физического объема экспорта (1932 г. в % к 1929 г.)

Страны	Производство	Экспорт
Франция...	69	59
Германия..	58	59
Англия.....	83	63
США.....	54	53

Таким образом, экспорт в количественном отношении сократился за 1929—1932 гг. на 40—50%, в то время как продукция уменьшилась на 17—45%. Эта неравномерность оказывается гораздо более значительной при учете падения цен. Например, по данным Лиги наций, индекс международного товарооборота снизился в 1932 г. в золотых ценах до 35,5 (1925—1929 гг.=100) против 63 по индексу мирового капиталистического производства в том же году (1929 г.=100). Характерно также, что размеры внешней торговли в ценностном выражении продолжали сокращаться до 1935 г., в то время как в производстве низшая точка кризиса была достигнута уже в 1932 г.

Приведенные выше данные показывают вместе с тем, что американский экспорт оставался в 1932 г. на самом низком уровне. Еще более значительна неравномерность в движении международной торговли по отдельным товарным группам, как это видно из следующих данных (Международный экономический обзор Лиги наций за 1934—1935 гг.):

Международная торговля по отдельным товарным группам (1929 г. = 100)

Годы	Продовольственные товары		Сырые материалы		Промышленные изделия	
	Физический объем	Золотые цены	Физический объем	Золотые цены	Физический объем	Золотые цены
1932	89,5	52,5	81,0	44,5	58,0	64,0
1933	82,5	46,0	87,5	40,5	59,5	55,5
1934	84,5	42,0	88,0	40,0	64,0	50,0

Здесь обнаруживаются крайне характерные сдвиги в торговле по отдельным товарным группам в годы кризиса. По физическому объему торговля продовольствием и сырьем сократилась в меньшей степени, чем торговля промышленными изделиями; в ценностном же выражении получается обратная картина — наибольшее сокращение приходится на первые две товарные группы.

Указанная неравномерная динамика является результатом более резкого падения цен на продовольствие и сырье, чем на промышленные изделия, „ножниц" между экспортными и импортными ценами на эти товары. Это дало возможность промышленным странам переложить часть своих потерь от кризиса на колониальные и аграрные страны, зависящие от сельскохозяйственного экспорта; особенно выгодным оказалось в этом отношении положение Англии, в импорте которой продовольствие и сырье (включая полуфабрикаты) составляли в 1929 г. 71,7%, а в 1933 г.—уже 77,0% по отношению ко всему ввозу. По оценке Междуна-

родного бюро труда, Англия за счет разницы экспортных и импортных цен сбросила на трудящихся аграрных стран более 50%, Франция—36% и Германия—15% своих потерь от кризиса за период 1930—1933 гг. В целом три крупных промышленных государства Европы переложили на аграрный сектор мировой экономики за 1930—1934 гг. бремя приблизительно в 10 миллиардов „долларов 1929 года". Этот пресс еще более усугубил кризис и разорение аграрных и колониальных стран.

Развал международной торговли был ускорен бешеным ростом протекционизма, громадным распространением ограничений ввоза в форме запретов, квот, лицензий, компенсационных расчетов, введением жесткого девизного контроля и т. п. При общем стремлении продавать, но не покупать, при наличии почти непреодолимых барьеров для международного обмена эти мероприятия являлись орудиями всеобщей экономической войны. Свободная торговля была изгнана из своего последнего убежища, почти накануне своего столетнего юбилея, после перехода Англии в 1932 г. на рельсы протекционизма.

Наглядной иллюстрацией, характеризующей всю остроту международной конкурентной борьбы, могут служить следующие данные о нарастании аграрного сверхпротекционизма в области пшеницы (см. „Considerations on the present evolution of agricultural protectionism", League of Nations Publications, 1935, II B.):

Пошлины на пшеницу в европейских импортных странах.

	центы (золотые) на бушель		
	1 января 1924 г.	1 января 1929 г.	1 января 1934 г.
Соед. Корол. .	своб.	своб.	52,8[1]
Германия . . .	„	36,5	184,5[2]
Италия	„	65,7	120,3[2]
Франция . . .	23,7	42,6	98,4[2]
Бельгия. . . .	своб.	своб.	своб.[2]
Голландия . .	„	„	„ [2]
Чехо-словакия	„	26,8	49,6[2]
Греция	29,2	43,2	37,0[2]
Швейцария . .	[2]	[2]	[2]
Австрия. . .	„	12,5	55,3
Швеция	30,4	30,4	30,4[2]

[1]) На ценимую пшеницу.
[2]) Квоты, регулирование помола или государственная монополия.

Неудивительно, поэтому, что цены на внутренних рынках, защищенных целой системой охранительных и запретительных тарифов и субвенций, поддерживались искусственно на более высоком уровне по сравнению с ценами на мировом рынке. В большинстве стран, например, пшеница, масло и сахар продавались по ценам втрое более высоким, чем на „свободном" мировом рынке. В связи с этим площади посевов и сборы в импортных странах возросли; Германия, Италия и Франция почти прекратили ввоз хлеба, а Франция официально даже выступила как страна, экспортирующая пшеницу. Вся тяжесть сокращения производства упала на экспортные страны.

Паралич экономической деятельности, выразившийся в упадке производства и в развале международного товарооборота, исключительное падение цен и резкие сдвиги в соотношениях цен, почти полное прекращение вывоза капитала—в колоссальной степени усилили бремя внутренней и международной задолженности и повлекли за собой крупнейшие потрясения финансовой и денежно-кредитной системы, расшатав фундамент мировой валюты. Бегство капитала, принимавшее по временам характер лавины и облегчавшееся быстрой мобилизацией огромных краткосрочных фондов, находившихся в международном обращении (10—12 млрд. долларов против 2—3 млрд. долл. до войны), крупнейшие международные перемещения золота, тезаврирование золота в частных руках—все это свидетельствовало о распространении всеобщего недоверия.

Движение, как шквал, распространялось от периферии к центру, от стран-должников к странам-кредиторам. Оно началось с прекращения платежей и краха валют в аграрных странах Южной Америки и перебросилось в промышленные страны Европы. В мае 1931 г. разразилась финансовая паника в Вене, достигшая кульминационной точки в банкротстве „Creditanstalt'a". Через месяц был объявлен банковский мораторий в Германии и приостановлены заграничные платежи, в том числе и репара-

ционные платежи по плану Юнга. В Германии финансовый и кредитный кризис принял исключительно острые формы вследствие огромных размеров ее краткосрочной задолженности — около 12 млрд. марок, — использованной для долгосрочных инвестиций и репарационных платежей, и в силу большой утечки капитала (германского и иностранного) за границу, приведшими к закрытию крупнейших банков (Данат и др.).

Вслед за крахом в Германии последовала волна банкротств и панического истребования вкладов из банков в других странах. Напор иностранных требований на Лондон, замороженные английские кредиты в Германии, стремительное сокращение золотых запасов Английского банка за счет отлива международных краткосрочных фондов, хранившихся в Лондоне, и превращение сальдо английского платежного баланса из активного в пассивное втянули Лондон, старейший мировой финансовый центр, в водоворот стихии. Все эти факторы международного и внутреннего порядка — из числа последних следует подчеркнуть ослабление конкурентоспособности английских товаров на международном рынке вследствие высокого курса фунта при установлении золотого стандарта в 1925 г. — в совокупности поколебали устойчивость английского фунта. С отказом Англии 21 сентября 1931 г. от золотого стандарта вексель в фунтах потерял свою традиционную функцию мирового платежного средства. Однако, и обесцененный фунт все же оставался притягательным магнитом для целого круга стран, входивших в „стерлинговый блок" (доминионы, скандинавские страны и т. д.). Пляска вексельных курсов, наступившая вслед за этим во всем мире, внесла новое расстройство в международный обмен, как форму мировой материальной связи. Степень обесценения валюты выступила как специфическое орудие конкурентной борьбы за долю участия в мировой торговле.

На примере Англии, являвшейся до кризиса международным финансовым и торговым центром, очень ярко обнаруживается глубина распада мировых торговых связей в этот период. Оградив свой внутренний рынок двойным частоколом с помощью обесцененной валюты и высоких таможенных пошлин от иностранной конкуренции, британский капитал, с одной стороны, сколачивал „стерлинговый блок", а с другой стороны—на конференции в Оттаве совместно с доминионами (включая Британскую Индию и др. имперские страны) в 1932 г.—системой имперских преференциальных тарифов стремился к изолированию имперского рынка. Во всеоружии этих средств борьбы Англии удалось несколько поднять активность своей промышленности, особенно ее экспортных отраслей, а также тех отраслей, которые конкурируют на внутреннем рынке с импортом. Вместе с тем возрос удельный вес внутриимперской торговли. Но все эти мероприятия еще более обострили международную конкурентную борьбу, в частности англо-американские противоречия. Характерно, что в ответ на ограждение английского рынка многие иностранные экспортеры стали открывать в промышленных центрах Англии свои предприятия или отделения своих предприятий.

С углублением кризиса в США, с ростом общего недоверия, усилившегося многочисленными банковскими крахами и обострением мирового финансового кризиса, обнаружилась, с одной стороны, тенденция к тезаврированию (припрятыванию) золота и, с другой стороны—к вывозу капитала из США, в особенности иностранными капиталистами. Особенно крупный пример представляла операция с вывозом больших партий французского золота, хранившегося в американских банках. В начале марта 1933 г. все американские банки были закрыты. Паралич кредитной системы, огромное бремя внутренней задолженности и фиксированных платежей при резком снижении цен и дезорганизации всей структуры цен, усиливавшие политическое напряжение в стране, особенно в фермерских кругах, грозная сила безработицы и задача ее рассасывания в условиях общего застоя принудили 19 апреля 1933 г. к отказу от золотого

паритета доллара. Этим актом правительство широко открыло двери для инфляции. Обесценение доллара послужило сигналом к новому обесценению мировых валют и к отказу от золотого стандарта в подавляющей части мира.

В этой обстановке была созвана в конце июля 1933 г. в Лондоне международная конференция в целях „экономического разоружения". Хотя из программы конференции были заранее устранены вопросы, которые вызывали наиболее острые разногласия (например, вопрос о международной задолженности), конференция потерпела полный провал с первых же своих шагов, натолкнувшись на непримиримость англо-американских противоречий, как на первый камень преткновения, в частности по вопросу о стабилизации валюты. В ответ на предварительные переговоры о стабилизации валюты, в которых позиция англичан сводилась к закреплению более низкого курса фунта стерлингов по отношению к доллару, Рузвельт дал директиву американской делегации под лозунгом: охрана внутреннего рынка важнее стабильности внешнего курса денежной единицы. Каждый из противников рассматривал валютные махинации как рычаг конкурентной борьбы, как орудие нападения и средство изолирования своего национального рынка. Единственным жалким результатом конференции было международное соглашение об экспорте пшеницы. После конференции валютная и торговая война развернулась с новой силой.

Крах мировой экономической конференции дал толчок к дальнейшему усилению монополистического движения. Сужение рынка и изменившееся в ходе кризиса соотношение сил внутри отдельных международных монополий привели в результате внутренней борьбы к распаду крупнейших монополистических объединений, образовавшихся до кризиса, как, например, Европейского стального картеля, Международного союза экспортеров меди, трубного, цинкового картелей и др. Кредитный и финансовый кризис усилил центробежные силы, подорвав объединения, основанные на переплетении финансово-капиталистических интересов. Яркие примеры в этом отношении представляют крахи таких могущественных финансовых олигархий, как мирового спичечного финансового концерна Крейгер и Толль, американского энергетического концерна Инсулла и др. Прежние „схемы" монополистического контроля в области производства сырья и колониальных товаров были также взорваны кризисом. Но, с другой стороны, за годы кризиса в отдельных отраслях, в особенности тех, которые менее были затронуты им (производство искусственного шелка, химия), образовался ряд новых монополий; в большинстве же отраслей происходили реорганизация и перегруппировка отдельных монополистических интересов на новой основе.

Правительства своей политикой сверхпротекционизма и контингентирования, своим тесным переплетением с монополиями, введением принудительного картелирования в ряде стран, всей своей экономической политикой всячески усиливали тенденции к монополизации. Так, напр., при самом активном и непосредственном вмешательстве правительств (английского, голландского) были возобновлены международные монополистические соглашения в области производства олова, каучука, чая и др. товаров.

Мощь государственного аппарата была использована как сильнейший рычаг картелирования и трестификации внутри отдельных стран. Мероприятия в этой области обычно преподносились под громкими лозунгами „реорганизации", „корпоративного строя", „нового курса", „планирования" и т. д. „Национальное" правительство Англии, например, ввело в 1932 году $33^1/_3\%$ пошлину на ввоз железа и стали при условии, что стальная промышленность осуществит „реорганизацию" и „рационализацию". В результате протекционистской политики были созданы при финансовой поддержке Английского банка мощные монополистические комбинаты (Виккерс - Армстронг, Дорман-Лонг, Ланкаширская стальная корпорация, Джон Броун) и обеспечены условия, облегчившие английской стальной промышленности

вступить в реорганизованный европейский стальной картель. Те же задачи монополизации были поставлены правительством перед другими отраслями (угольной, текстильной).

В фашистских государствах „корпоративное" устройство является прикрытием для проведения самого жесткого контроля монополий над экономикой страны и служит орудием беспощадной эксплоатации трудящихся, и их подчинения гнету финансовой олигархии. С приходом Гитлера к власти в 1933 г. под охраной „тоталитарного" государства поднялась огромная волна монополистического движения в форме принудительных и добровольных картелей. Это „движение" является составной частью фашистской программы по подготовке к новой войне, важнейшим рычагом аппарата фашистской власти в форсировании военно-мобилизационной готовности экономики и населения.

В США „национальный акт по восстановлению хозяйства" Рузвельта, несмотря на свои демократические привески, также привел к концентрации мощи монополий, которые получили решающий голос в „кодексах". Отмена антитрестовского законодательства и лозунг о „самоуправлении" в промышленности дали толчок к усилению монополистических тенденций и распространению монополистического контроля на независимые предприятия. Под флагом „честной" конкуренции магнаты капитала проводили свою политику монопольных цен и договаривались о распределении рынков сбыта и об устранении конкуренции со стороны „неорганизованных". Крупный монополистический капитал забил отбой и резко повернул свой фронт против „новой эры", когда его всемогущество наткнулось на растущий отпор рабочих и недовольство средних слоев. Этот отход от „нового курса" Рузвельта обозначился еще более явственно с улучшением хозяйственной конъюнктуры, выгоды которой наиболее мощные монополистические группы стремились использовать без вмешательства со стороны.

Решение Верховного суда США, признавшего „неконституционность" законодательства рузвельтовского „нового курса", выражало классовые стремления мощных финансово-капиталистических групп, не соглашавшихся ни на какие уступки рабочему классу и опасавшихся усиления его мощи за счет использования „национального акта". Это решение ярко вскрыло, что все разговоры о планировании при капитализме являются прямым обманом. Оно послужило последним толчком к окончательному распаду всей „системы" „новой эры", начавшемуся еще задолго до этого. Классовые противоречия взорвали „национальное единение", прикрывавшееся эмблемой „синего орла" (эмблемой „новой эры" Рузвельта).

Борьба монополии и конкуренции приняла за время кризиса еще более острые формы. Монополия захватывает все более новые сферы, монополистические методы получают государственную поддержку, в то время как конкуренция в ряде случаев даже запрещена законом.

Монополистическая политика цен имеет прочную опору в аппарате государственной власти. Особенно ярко это выступает в странах фашистской диктатуры, в частности в Германии, где, с приходом фашизма, под видом установления твердых цен государство используется как важнейший рычаг в деле проведения политики монопольных цен. По приблизительной оценке, удельный вес монополизированных товаров в товарообороте Германии 5 лет тому назад составлял, примерно, 50%, а в настоящее время, по оценке „Wirtschaftskurve" (Heft IV, 1936), эта цифра поднялась уже до 70—80%. Конечно, это не устраняет конкуренции, а еще более ее обостряет. Об этом, между прочим, свидетельствуют продовольственные затруднения в третьей империи, сопротивление крестьянства принудительным поставкам по фиксированным ценам, рост продажи из-под полы и т. д., а также общий рост цен.

Общее ориентировочное представление о соотношении монополии и конкуренции дают также следующие данные. Анализ структуры и группировка индекса мирового производ-

ства продовольствия и сырья Лиги наций, в котором преобладающую роль играют сельско-хозяйственные продукты (78,2% сел.-хоз. продукты и 21,8% не сельско-хоз. в 1935 г.), на монополизированные и немонополизированные товары, показывают, что вес первых составляет около 25%. С учетом частичных и местных монополий, а также монополистической роли транспорта этот процент еще более повысится. Однако, здесь еще остается большое поле для конкуренции. С другой стороны, даже там, где монополия является полной, конкуренция не прекращается, ибо конкуренция проникает в монополию, монополисты же в свою очередь конкурируют между собой.

Это „спутывание" и борьба монополии и конкуренции наглядно разоблачает все буржуазные маневры относительно создания „добросовестной", „честной", „справедливой" и т. п. конкуренции. Усилившееся государственное вмешательство в различных капиталистических странах под флагом „регулируемой" экономики являлось по существу ловко замаскированной формой национализации убытков наиболее крупных капиталистов от кризиса и предоставления им ряда привилегий для обогащения за счет обманутых широких масс.

Буржуазные и мелкобуржуазные ученые исписали целые фолианты, чтобы представить эти государственные мероприятия, продиктованные интересами монополистического капитала, как начало сознательного вмешательства в экономический процесс, как возникновение „организованного хозяйства". Под лженаучными рассуждениями о „кредитном цикле" (Кейнс, Шумпетер и др.) и о возможности кредитного контроля (например, в области инвестиций) по существу защищалась политика инфляции как средство урезывания зарплаты и как орудие борьбы с иностранной конкуренцией; в бессодержательных химерах о переходе от кредитного контроля к общему контролю воскрешалась уже обанкротившаяся теория „организованного капитализма". Сочетание инфляции с общественными работами, этим жалким паллиативом для обмана бунтующих масс, фашистские лагери принудительного труда, демагогические трюки гитлеровцев с „сельско-хозяйственной помощью" для снабжения юнкерских и кулацких хозяйств почти даровой рабочей силой—все это превращалось под пером капиталистических апологетов в элементы „планового капитализма".

5. Народный доход—синтетический показатель, суммирующий итоги хозяйственной деятельности, — за годы кризиса сократился в небывалых размерах, при чем в неравномерной степени по отдельным странам (см. таблицу): в США—на 39,8%, в Германии—на 40,7% и в Англии—на 11,7% (с учетом дохода от иностранных инвестиций на 14,3%) за период 1929-1932 гг. Эта неравномерность падения выступает с исключительной резкостью при сопоставлении динамики доходов различных классов. Так, фонд зарплаты рабочих и служащих уменьшился за рассматриваемый период в США на 40,9%, в Германии—на 39,3%, в Англии — на 4,2%. Темпы падения зарплаты рабочих являются прямо катастрофическими, составив в США 60.5%, в Германии 56, 3% и в Англии 10,3%[1]).

Резкое сжатие фонда выплаченной зарплаты является результатом двух факторов: гигантских размеров безработицы и уменьшения зарплаты занятых рабочих. Последняя сокращалась различными методами, из которых главнейшие были: ликвидация всяких приработков, нарушение тарифных договоров и уменьшение тарифных ставок, увеличение выработки при той же или даже уменьшенной оплате, сокращение проработанного времени, увольнение рабочих с высокой оплатой труда и их замещение низко оплачиваемыми рабочими.

На втором месте по интенсивности свертывания доходов стоят сельскохозяйственные производители (особенно в странах с крупным удельным весом сел. хозяйства). Доход последних сократился за тот же период в США на 73,7% и в Германии на 52,9%. Бур-

[1]) Следует учесть, что эти данные исчислены на основе буржуазных источников и являются минимальными. Подробнее см. примечания к таблице на стр. 37.

Классовая структура и динамика народного дохода в капиталистических странах в 1929—1932 гг.

Показатели	США [1]				Англия [2]				Германия [3]			
	млн. долларов		Сокращение в % к 1929 г.	Удельный вес в % к итогу	млн. фунтов стерл.		Сокращение в % к 1929 г.	Удельный вес в % к итогу	млрд. марок		Сокращение в % к 1929 г.	Удельный вес в % к итогу
	1929	1932		1929	1932	1929	1932		1929	1932		1929	1932
Народный доход	81,1	48,9	—39,8	100,0	100,0	3.553	3.138	—11,7	100,0	100,0	75,9	45,1	—40,7	100,0	100,0
Зарплата рабочих и служащих	49,2	29,1	—40,9	60,7	59,5	1.908	1.828	— 4,2	53,7	58,2	39,7	24,1	—39,3	52,3	53,4
В том числе: зарплата рабочих	17,2	6,8	—60,5	21,2	13,9	1.186	1.333	+10,3	41,8	42,4	16,0	7,0	—56,3	21,0	15,5
Доход сельских хозяев	5,7	1,5	—73,7	7,0	3,1	46	50	+ 8,8	1,8	1,6	6,3	2,5	—62,9	7,0	6,6
Доход на капитал (вкл. доход высших служащих)	26,2	18,3	—30,2	32,3	37,4	1.599	1.260	—21,2	45,0	40,2	30,9	18,5	—40,1	40,7	41,0

[1]) По США приводится распределенный народный доход на основании исчислений Отдела экономических исследований департамента торговли (National Income. 1929—1932 гг.). Из общего фонда зарплаты вычтено жалованье высших служащих, которое исчислено нами для 1929 г. в размере 3.87 млн. долларов и для 1932 г.—2.411 млн. долларов. В зарплату рабочих входит зарплата по обрабатывающей и добывающей промышленности, строительству и транспорту.

[2]) По Англии народный доход дается в исчислениях Кларка (Colin Clark, „National Income and Outlay", 1937). Под народным доходом понимается доход, произведенный внутри страны, но без дохода от иностранных инвестиций. В зарплату входят данные о зарплате рабочих во всех отраслях хозяйства; из жалованья вычтены доходы высших групп служащих, т.-е. получающих выше 250 фун. в год. Следует учесть, что перелом от кризиса к депрессии совершился в Англии раньше, чем в других странах; поэтому сопоставление с 1932 г. неполно отражает изменения за период острого кризиса, в особенности в сельском хозяйстве, и частично по зарплате.

[3]) По Германии использованы данные статистического управления („Wirtschaft und Statistik", 1936, № 16, Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reiches. 1934, H. 3). Зарплата и жалованье дается за вычетом жалованья свыше 8.400 марок в год. Зарплата промышленных рабочих фактически относится к 1928 г., но едва ли отличается от 1929 г.

жуазные источники не позволяют выделить из данной группы наиболее мощные хозяйства кулаков и помещиков. При дифференцированном подходе обнаружилось бы, безусловно, более резкое сокращение мелких и средних доходов, как выражение глубины разорения этих слоев.

Кризис сопровождался крупным уменьшением дохода на капитал, составившим в США 30,2%, в Германии—40,1% и в Англии—21,2%. Но и динамика буржуазного дохода была неравномерной. Это отчетливо видно из данных, относящихся к США. В то время как прибыль в США резко сократилась, фиксированные доходы снижались медленно и в относительно *небольшой степени. Большие различия* имелись и среди получателей прибыли: в США при огромном росте числа дефицитных предприятий (в 1932 г.—83% всех промышленных предприятий) в отдельных отраслях и производствах, особенно в военной промышленности, прибыль не только не снижалась, но даже увеличивалась.

В результате указанной неравномерной динамики доходов отдельных социальных групп классовая структура народного дохода в капиталистических странах обнаружила резкие сдвиги. Отметим только изменения в удельном весе зарплаты рабочих в народном доходе, вызванные кризисом. В США удельный вес зарплаты рабочих снизился с 21,2% в 1929 г. до 13,9% в 1932 г., в Германии—с 21% до 15,5%; в Англии выделить отдельно зарплату промышленных рабочих не представляется возможным.

Чистая реальная зарплата в европейских странах[1]) (средняя за цикл; 1900 г.=100).

Соединенное Королевство	Германия	Франция
1895-1903 гг.—99	1894-1902 гг.—97	1895-1903 гг.—107
1904-1908 гг.—95	1903-1909 гг.—98	1903-1908 гг.—114
1909-1914 гг.—93	1909-1914 гг.—96	1909-1914 гг.—114
1924-1932 гг.—93	1924-1935 гг.—77	1922-1935 гг.—104

По уровню жизни кризис отбросил рабочих на несколько десятков лет назад. Это видно из вышеприведенных данных, исчисленных Ю. Кучинским для западно-европейских стран за ряд

[1]) С учетом потерь от безработицы, взносов на социальное страхование и страховых пособий.

промышленных циклов (J. Kucynski, „Labour Conditions in Western Europe").

Массовое обнищание рабочего класса достигло крайнего своего выражения. После упорной борьбы ряда поколений материальное положение рабочих в результате кризиса оказывается хуже, чем в конце XIX в. Миллионы пролетариев, лишенных права на труд, вынуждены поддерживать свое существование за счет жалких крох от общественной благотворительности. Если в США накануне кризиса 1929 г. одна треть американских семей находилась на уровне бедности и нищеты, то в 1933 г.—уже половина. Процесс деградации и разорения фермерских хозяйств углубился. В 1933 г. проценты по ипотечной задолженности вместе с налогами составляли уже 36% от среднего валового дохода американских ферм. Выручка же фермера катастрофически упала. Напр., в 1928 году фермер продавал булку хлеба за 0,09 доллара и получал из этой суммы 0,02 доллара, а в 1932 г. из 0,067 доллара ему доставалось только 0,006 доллара за булку (см. „Capitalism and its culture" by Jerome Davis, p. 462). Эти данные свидетельствуют о возрастающей эксплоатации фермеров со стороны монополий, господствующих в сфере обращения. Монополистическая эксплоатация фермера, как поставщика сельско-хозяйственного сырья и продовольствия, приняла особенно резкий размах по линии табака, молока, мясного скота.

Разорение и грабеж трудящихся способствовали их быстрому революционизированию, углублению и расширению форм экономической и политической борьбы. Наряду со стачечной и революционной борьбой рабочих, участились выступления фермеров, оказывавших активное сопротивление приведению в исполнение судебных решений о принудительной продаже ферм. Кульминационного пункта фермерское движение достигло 22 октября 1933 г., когда National Farmers Holiday Association организовала общефермерскую забастовку в США. Брожение приняло такие размеры, что конгресс был вынужден в 1934 г. установить пятилетний мораторий на сельско-хозяйственные ипотеки. Аналогичные меры были приняты в Германии и других странах. Революционные взрывы и восстания охватили также ряд стран Центральной и Южной Америки: Аргентину, Бразилию, Чили, Кубу и др.

Политическая радикализация масс, взбудораженных неслыханными бедствиями кризиса, выразилась в ослаблении и размывании промежуточных партий, в усилении крайних полюсов: с одной стороны—в росте влияния компартий, и с другой стороны—в наступлении фашизма, открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала, во главе с его самой реакционной разновидностью—германским фашизмом.

Огромное революционизирующее воздействие оказывало на международную обстановку успешное осуществление пятилетнего плана, воспринятого с энтузиазмом не только трудящимися СССР, но и всего мира. Этому противостояло стремление буржуазии вырваться из тисков кризиса за счет колониальных рабов, за счет разорения трудящихся крестьян и беспощадной эксплоатации рабочих. Фашистская каторга должна была сломить революционную энергию рабочего класса и подчинить его гнету монополистического капитала.

6. В середине 1932 г. непрерывное спиралевидное свертывание промышленного производства с 1929 г. приостановилось в основных капиталистических странах, достигнув низшей точки падения. Этот новый качественный момент означал, что под действием внутренних сил капитализма экономический кризис, затянувшийся на ряд лет, перешел в новую фазу—фазу депрессии. Но это была депрессия особого рода, развивающаяся на базе общего кризиса капитализма со свойственными данному этапу противоречиями (хронической безработицей, хронической недогрузкой и т. д.).

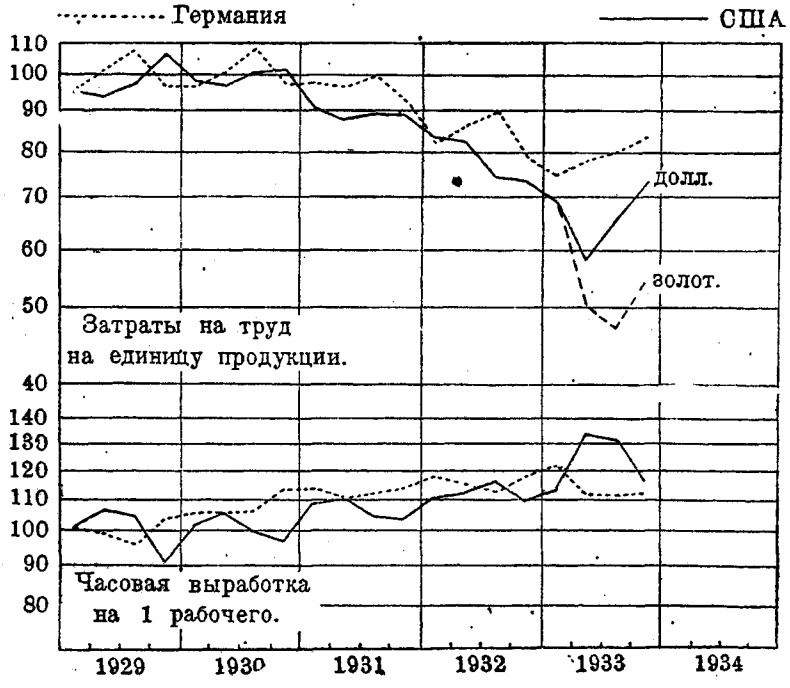
Действие внутренних сил капитализма сказалось, прежде всего, в том, что „капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности

за счет рабочих — путем углубления их эксплоатации через усиление интенсивности их труда, *за счет фермеров* — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, *за счет крестьян колоний и экономически слабых стран* — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом на сырье и затем на продовольствие" (И. Сталин, „Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)").

На этой основе были созданы предпосылки для рентабельности капиталистических предприятий. Благодаря резкому сокращению зарплаты и жалованья, с одной стороны, и росту интенсивности труда, с другой стороны, затраты на труд на единицу продукции начали снижаться в США и Германии уже с половины 1930 г., компенсируя вздорожание издержек вследствие недогрузки, о чем наглядно говорит следующая диаграмма (Международный экономический обзор Лиги наций за 1933—1934 г.).

В США до отхода от золотого стандарта издержки на труд уменьшались даже более быстрым темпом, чем в Германии. С введением в середине 1933 г. промышленных кодексов и установлением минимума зарплаты издержки на труд несколько возросли, но затем это было перекрыто дальнейшим ростом выработки на одного рабочего. В фашистской Германии, где зарплата остается на голодном кризисном уровне, расходы на труд на единицу продукции неуклонно снижаются. В Японии с декабря 1931 г. до июня 1935 г. по данным банка Мицубиси, розничные цены повысились на 12.9%, оптовые цены—на 36.1%, а номинальная зарплата рабочего за тот же период снизилась на 9.7%; в результате этого реальная зарплата упала при резком увеличении интенсивности труда. На этой основе усиливается и продолжается голодный японский экспорт. Вместе с огромным удешевлением цен на сырье и лучшим его использованием капитал получил стимулы к расширению производства.

В том же направлении действовал и тот факт, что многие неконкурентоспособные предприятия погибли под

ударами кризиса, а в оставшихся предприятиях были проведены, особенно в 1932 и 1933 гг., перегруппировки, реорганизация, кризисная рационализация и т. д. В результате повысился уровень централизации и и концентрации. В 1929 г. американские автомобильные концерны — Форд, Дженерал Моторс и Крейслер — производили 77% автомобилей (в США и Канаде), а в 1934 г. эти компании дали уже 88% и в 1935 г. — 93%, почти вытеснив „независимых". В цветной металлургии три ведущих компании — Анаконда Коппер, Кеннекот и Фелпс Додж,—производившие в 1929 г. 38% всей добычи меди в США, увеличили свою долю в общем итоге до 71% в 1935 г. Одновременно усилилась тенденция к слиянию перерабатывающих и добывающих предприятий.

Жесткая необходимость заставила монополии признать факт „морального" обесценения капитала и списать часть своего основного капитала в целях приспособления к более низкому уровню цен. За годы кризиса в большинстве предприятий были приостановлены всякие работы по расширению, за исключением самых необходимых; строительство, кроме военного, пришло в упадок. Кризис характеризовался прямым проеданием основного капитала.

Яркие факты в этом отношении дают переписи оборудования, опубликованные журналом „American Machinist". На основе обследования 1 345.447 различных видов оборудования обнаруживается, что в 1925 г. оборудования в возрасте свыше 10 лет, следовательно практически изношенного, было в США 44%, в 1930 г. — 48%, а в 1935 году уже 65%. На американских железных дорогах за 1929—1935 гг. процент паровозов, нуждающихся в ремонте, увеличился с 16,3 до 22,2, а процент плохих товарных вагонов с 6 до 15. Около 60% всех паровозов на железных дорогах 1 класса старше 20 лет и только 10% может быть отнесено к современным, построенным за последние 10 лет. Средний возраст товарных вагонов составляет 15 лет. За пятилетие 1931—1935 гг. среднегодовые капитальные вложения на жел.-дор. транспорте составляли только 214 млн. долларов против 812 млн. долларов за предшествовавшие пять лет — 1926—1930 гг., что дает уменьшение на 74%.

Давление избыточной производственной мощности сказалось в том, что ряд промышленных кодексов (стальной, цементный и др.) во времена НИРА запрещал увеличение производственной мощности в соответствующих отраслях.

Эта практика ограничений получила особенно широкое применение в Германии. Фашистское правительство Гитлера с конца 1933 г. опубликовало 22 постановления, ограничивающие инвестиции в различных отраслях и производствах (см. перечень в „Die Wirtschaftskurve", H. IV, 1936); даже еще в 1936 г. были изданы постановления о запрещении капитальных вложений в производство цемента, автомобильных частей, пишущих машин, искусственной шерсти и т. д. Многие из этих ограничений имеют силу до 1940 г. Английское правительство также выдавало капиталистам субсидии в целях устранения устаревшего оборудования (в текстильной промышленности, судостроении).

Аграрный кризис вызвал сокращение затрат на приобретение сельскохозяйственных машин и тракторов, а также на их ремонт. Эти расходы фермеров уменьшились в США с 513 млн. долларов в 1929 г. до 106 млн. долларов в 1932 г. В годы кризиса трактор и комбайн все более вытеснялись лошадью и даже мулом. Также резко упали затраты и на искусственное удобрение.

Таким образом, в народном хозяйстве накоплялся неудовлетворенный спрос как по линии возмещения, так и расширения производственного оборудования, а также строительства. Падение цен и обострение конкурентной борьбы особенно побуждали капиталистов к обновлению основного капитала в целях понижения индивидуальной стоимости товара по сравнению с его общественной стоимостью. Наличие избыточной производственной мощности тормозило этот стимул, но в конечном счете он пробил себе путь.

Об этом свидетельствует тот факт, что технический прогресс, несмотря на все заклинания против него, не приостановился во время кризиса. С наступлением депрессии особого рода производительность труда возросла как в результате повышения его интенсивности, так и за счет внедрения новых технических усовершенствований и улучшения старых методов производства, а также за счет изменений в организации труда.

Характерно, что в последние годы затраты фермеров на сельско-хозяйственное оборудование стали также расти. Так, расходы фермеров в США на покупку автомобилей и грузовиков, сократившиеся с 403 млн. долларов в 1929 г. до 11 млн. долларов в 1933 г., составили в 1934 г. 185 млн. долларов и в 1935 г. — 257 млн. долларов. Число наличных тракторов в сельском хозяйстве увеличилось в 1935 г. на 127.000, что является рекордным приростом за все годы. Здесь также сказывается накачивание капиталистических ферм правительственными субсидиями за время „нового курса" Рузвельта. Рост расходов на сельскохозяйственное оборудование и удобрение имеет место и в других странах, но он еще значительно отстает от докризисного периода.

Необходимость хотя бы некоторого смягчения безработицы заставила правительства создать наиболее льготные условия для частного строительства наряду с попытками организации общественных работ. Образовавшийся за годы кризиса огромный жилищный дефицит способствовал оживлению жилищного строительства в отдельных странах. Расширение и усовершенствование производственного оборудования и рост строительства сопровождались увеличением числа занятых рабочих и отработанного времени, а следовательно ростом выплаченной зар. платы и некоторым расширением потребительского спроса. Важным фактором улучшения конъюнктуры являлся рост цен (в национальной валюте), наметившийся в ряде стран в 1933 г. и продолжавшийся в последующие годы. Этот рост цен охватывал все более широкий круг стран и товаров, обнаруживая тенденцию к более значительному повышению цен в аграрных странах, чем в промышленных, и сельско-хозяйственных цен по сравнению с общим индексом цен, в результате чего „ножницы" были заметно сжаты.

Рост цен в первую очередь обусловливался повышением промышленной деятельности в различных странах. Но помимо этого большую роль играет подготовка к войне и громадное увеличение расходов на вооружение, вызывающих спекулятивный и инфляционный рост цен. Первое место по темпу роста цен занимают цветные металлы, зависящие в огромной степени от военного спроса. Военный фактор влияет в сторону сильного вздорожания также и на такие товары, как чугун, сталь, скрап (металлический лом), строительные материалы, шерсть, кожа и даже пшеница, что имеет место особенно в последнее время.

Экономический кризис углубил общий кризис капитализма. Внутренние и внешние противоречия в капиталистических странах достигли крайней остроты. Преодоление экономического кризиса за счет разорения и обнищания трудящихся, за счет роста эксплоатации рабочего класса, обострение противоречия между производственными возможностями и ограниченной емкостью внутреннего и внешнего рынков, перегороженных многочисленными барьерами, крупные сдвиги в соотношении сил между империалистическими государствами в результате кризиса, приведшие к краху капиталистической стабилизации, — все это ставит в порядок дня с исключительной остротой передел уже поделенного между империалистическими хищниками мира. Загнивающий капитализм, задыхающийся от избытка людей и капиталов, которым он не может дать производительного приложения, раздираемый внутренними и внешними противоречиями, подготовляет грандиозную кровавую бойню, чтобы отсрочить свою неминуемую гибель под напором революционизирующихся масс. Наиболее агрессивные импе-

риалистические страны в лице военно-фашистской Японии и стран фашистской диктатуры — Германии и Италии — уже заключили тайный блок против СССР — оплота международной пролетарской революции, — одновременно осуществляя империалистические захваты в Китае, в Абиссинии, в Испании, как опорных пунктах для развязывания мировой империалистической войны.

Крупный толчок к росту вооружений дал захват Маньчжурии Японией в 1931 г. „Ассоциация иностранной политики" в США опубликовала недавно (т. XII, № 23) данные о росте военных расходов за период послевоенного нападения японского империализма на Маньчжурию. Согласно этим данным, военные расходы в 60-ти странах составили в 1931 г. — 4.067 млрд., в 1934 г. — 5.064 млрд. и в 1935 г. — уже 10.731 млрд. долл. (по паритету 1936 г.). Таким образом, вооружения не только растут, но самый темп роста увеличивается, как показывает удвоение расходов в 1935 г. по сравнению с 1934 г. Нельзя при этом упускать из виду, что эти цифры являются минимальными, так как они не включают скрытых ассигнований на военный бюджет. Но даже по этим данным военные расходы европейских стран уже стоят на уровне расходов первых лет мировой войны, достигая 20% от народного дохода. Европа, а из азиатских стран — Япония в настоящее время представляют подлинный военный лагерь.

Не случайно, что по размерам военного бюджета на первом месте стоят фашистские страны во главе с Германией. В 1931 г. военные расходы Германии составляли, по данным американской ассоциации, всего 247 млн. долларов, но с установлением фашистской диктатуры они увеличиваются в 1934 г. до 382 млн. долларов, а в 1935 г. они подскакивают уже до 2.600 млн. долл. т.-е. дают рост за один год почти в 7 раз. Этот гигантский рост находится в связи с провокационной отменой Гитлером в начале 1935 г. военных ограничений Версальского мира и введением обязательной военной службы в Германии. Теперь, когда германский фашизм поставил под ружье армию в 1.350.000 чел. (включая военизированные отряды), военные расходы дали еще более крупный рост. По подсчетам английского журнала „The Banker" (февраль 1937 г.), германские военные расходы составили: в 1933-1934 гг — 3 млрд., в 1934-1935 гг.—5,5 млрд., в 1935 - 1936 гг.— 10 млрд. и в 1936-1937 гг. — 12,6 млрд. марок. Фактически военные расходы уже превышают инвестиции в германское народное хозяйство, составившие в среднем за 1933 - 1936 гг. 9,6 млрд. марок в год. Таким образом, можно утверждать без всякого преувеличения, что все накопление германского народного хозяйства прямо или косвенно предназначено на цели захватнической войны. Военная деформация всей экономики страны, неограниченное хозяйничанье сросшихся с фашистским государственным аппаратом монополий подчинено той же задаче. Фашизм урывает из общественного продукта львиную долю на непроизводительные цели, обрекая трудящиеся массы на недоедание и нужду. Не только нынешнее поколение Германии, но, вследствие колоссального роста государственной задолженности, и будущие поколения уже заложены во имя империалистических интересов германского финансового капитала.

Громадный скачок в росте военного бюджета дает и Великобритания. Захват Абиссинии экспедиционной армией Муссолини поставил под удар коммуникационные линии британской метрополии с ее важнейшими колониальными владениями и крайне обострил англо-итальянские противоречия. В Китае „сферы влияния" британского империализма стоят под угрозой со стороны захватнической политики Японии. Крах Вашингтонского морского соглашения 1921—1922 гг. и провал Лондонской морской конференции 1935 г. повлекли за собой морское соперничество, в частности—быстрый рост японских вооружений на Тихом океане. Все это показывает, что японо-германское военное секретное соглашение имеет не только антисоветское острие, но направлено также и против британских интересов (равно

как и против американских). В свою очередь огромный размах вооружений германского фашизма создал для Англии реальную опасность, которая тем ощутимее, чем более уязвимы британские острова и их жизненные центры со стороны современной военной техники, в частности со стороны авиации.

Военные расходы Великобритании составляли в 1931 г. 449 млн. долларов, в 1934 г. — 481 млн. долларов и в 1935 г. — 847 млн. долларов. На пятилетний период 1937-1942 гг. намечено ассигновать 1.500 млн. фунт. стерл., т.-е. 300 млн. фунт., или 1.500 млн долларов в год. Учитывая, что накопление в английском народном хозяйстве составляет 500—600 млн. фунт. стерлингов в год, мы получаем, что намеченная программа вооружений составит более половины фонда накопления. Это соревнование в области вооружений, которое охватило все страны, соревнование не только количественное, но и качественное, создает своего рода военный бум, особенно в отраслях, обслуживающих военный спрос (химия, черная и цветная металлургия, авиамоторостроение, различные виды стратегического сырья), и подхлестывает приближение нового взрыва в начавшемся цикле капиталистического воспроизводства. Неразрывная связь между ростом промышленной продукции и подготовкой войны не означает, что циклическое оживление конъюнктуры в капиталистических странах является искусственным. Новый цикл воспроизводства развивается на основе имманентных законов капитализма, но исключительный размах и темпы вооружений способствуют быстрому созреванию и столкновению внутренних сил и конфликтов.

Рост промышленного производства характеризуется значительной неравномерностью по отдельным странам и отраслям, что видно из следующих данных:

Индекс промышленного производства (1929 г.=100

	Среднее за 1936 г.	Январь-февраль 1937 г.
Весь капиталистический мир	95 6	—
США	88,1	*97,5
Германия . . .	106,3	105,6
Англия	116,0	—
Франция . . .	70 3	73,8
Чехословакия .	80,2	97,1
Польша	72,2	80,3
Япония	151,6	—

Индекс мирового промышленного производства, вероятно, уже достиг весной 1937 г. уровня 1929 г., при чем в то время как Германия, Англия и Япония его превзошли, а США вплотную к нему подошли, во Франции и Польше промышленная продукция еще отстает от 1929 г. на 20—25%. По отношению же к высшей докризисной точке отставание еще больше. Только первые три страны превзошли высшую докризисную точку, а продукция США еще отстает приблизительно на 10%, в результате чего вся мировая продукция также отстает от докризисного максимума на 7—8%.

По отдельным отраслям также имеется большая неравномерность. Это видно из сопоставления уровня производства средств производства и средств потребления в отдельных странах. Например, в Германии индекс производства средств производства достиг в 1936 г.—112,8 а индекс средств потребления только 98,7 (1929 г.—100) в Японии соответственные цифры составили 218,7 и 142,7 (1930-100) Этот разрыв увеличился в 1936 г. по сравнению с 1935 г. В других странах эта тенденция обнаруживается в более слабой степени. Очевидно, она находится в связи с резким перераспределением общественного продукта в сторону производства средств вооружения в Германии и Японии.

Одним из структурных противоречий эпохи всеобщего кризиса капитализма является массовая хроническая безработица. В годы кризиса армия безработных гигантски увеличилась за счет циклической безработицы. С увеличением промышленного производства размеры циклической безработицы сократились, но в то время как промышленная продукция уже подходит к докризисному уровню, а в отдельных странах даже его превысила, безработица значительно превосходит уровень 1929 г. Например: индекс физического объема промыш-

ленного производства в США составлял в начале 1937 г. 97.5, а число безработных, по данным National Industrial Conference Board (*Bulletin*, № 3, February 25, 1937), все еще достигало 8,4 млн. против 1,1 млн. чел. по оценке для 1929 г. (по другим оценкам—около $2^1/_2$ млн.), т.-е. почти в 8 раз выше. В Англии в начале 1937 г. уровень промышленного производства был выше докризисного на 16%, число же зарегистрированных безработных составляло 1.497 тыс. против 994 тыс. в 1929 г. (по более полным данным Colin Clark'a, число безработных составляло в 1929 г. — 1,76 млн. и в I кв. 1936 г. — 2,63 млн.). Даже фальсифицированная германская статистика безработицы не в состоянии скрыть этот факт. Согласно профессиональной переписи (июнь 1933 г.) число работоспособных наемных рабочих и служащих в Германии составляло 21,7 млн., а число работающих, по официальным данным 1936 г., достигало 17,1 млн., т.-е. 4,6 млн. не имели работы против 1,89 млн. зарегистрированных безработных в 1929 г. Промышленная же продукция была на 6% выше докризисного уровня. Даже с учетом увеличения армии безработица все еще значительно выше докризисного уровня. В Японии, по официальным данным, число безработных в конце 1936 г. составляло 323 тыс. против 369 тыс. в 1930 г., промышленная же продукция была в $1^1/_2$ раза выше.

Все это свидетельствует о том, что в результате кризиса и дальнейшего повышения интенсивности труда массовая хроническая безработица еще больше возрасла. Этот фактор вместе с бешеным нажимом на зарплату обусловливает крайне тесные пределы для расширения емкости рынка.

Основой для некоторого смягчения хронической безработицы могло бы явиться крупное расширение и обновление основного капитала. Однако, огромные размеры существующего оборудования тормозят этот процесс, что видно из данных об обновлении основного капитала в США. Если принять уровень обновления основного капитала в 1925–1929 гг. за 100, то динамика представляется в следующем виде (Справочник Америк. пром. и торг., 1937, Амторг):

	1929 г.	1932 г.	1935 г.	1936 г. (9 месяцев)
Индекс обновления основного капитала. .	117	27	45	63
Индекс обновления оборудования	136	23	62	82
Индекс обновления строительства. . . .	105	37	34	50

Эти данные показывают, что в условиях общего кризиса хозяйственное оживление в США наталкивается на относительно узкие границы. Хотя процесс реконструкции основного капитала идет и в отдельных отраслях принимает заметные размеры, но в целом темпы и объем процесса переоборудования значительно уступают предшествующему циклу. В этом процессе огромную роль играют прежде всего интенсификация и улучшение в использовании существующего оборудования, замена ряда старых механизмов и аггрегатов новыми, усовершенствование отдельных важнейших узлов и т. д. в сочетании с методами „кризисной" рационализации, рассчитанной на жестокое сокращение издержек на труд. На базе таких особенностей в цикле воспроизводства темп роста продукции обгоняет темп обратного вовлечения рабочих в производство, в результате чего хроническая безработица не только не смягчается, но проявляет тенденцию роста по сравнению с докризисным уровнем.

В Англии обновление основного капитала происходило весьма быстрыми темпами. Чистые вложения в основной капитал увеличились с 255 млн. фунтов в 1929 г. до 268 млн фунт. в 1935 г., при чем на жилищное строительство приходилось более половины вложений против $^1/_3$ в 1929 г. (см. Colin Clark „National Income and Outlay").

Если предпосылкой расширения промышленного производства и его рентабельности было снижение издержек производства путем уменьшения затрат на труд и на сырье в единице продукции, то в сельском хозяйстве ослаблейие аграрного кризиса вызвано

в основном сокращением товарных запасов и ростом сельско-хозяйственных цен за счет расширившегося промышленного спроса. Издержки сельско-хозяйственного производства в своих решающих элементах не обнаружили крупных сдвигов в основной массе фермерских и крестьянских хозяйств. По своему технико-экономическому уровню сельское хозяйство находится даже на более низкой ступени, чем в 1928—1929 гг. В повышении сельско-хозяйственного дохода по сравнению с его самой низкой точкой в 1932—1933 гг., помимо роста рыночных цен, большую роль играли, кроме того, специальные субсидии кулацким и помещичьим хозяйствам, чрезмерный аграрный сверхпротекционизм, разгул автаркистских тенденций и т. д. В этих своеобразных путях борьбы с кризисом дана основа для дальнейшего отставания сельского хозяйства от промышленности и роста противоположности между ними, для углубления процесса разорения трудящихся масс деревни и их порабощения финансовым капиталом. Но благодаря этому сужается база для развертывания кругооборота промышленного капитала в целом.

Несмотря на значительный рост промышленного производства в капиталистических странах, международный товарооборот еще резко отстает от докризисного уровня. Это видно из следующего сопоставления (по данным Лиги наций; 1929 г. = 100):

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Индекс объема мирового промышленного производства	83,0	71,3	77,0	85,1	95,6
Индекс мирового экспорта (в прежних золотых долларах) .	39,0	36,0	34	35	38

Движение международного экспорта отстает от мирового промышленного производства как по темпам, так и по уровню. В 1936 г. экспорт (в прежних золотых долларах) составлял немного более $^1/_3$ докризисного уровня, в то время как промышленная продукция подошла к нему вплотную.

По своему физическому объему мировая внешняя торговля отстает в значительно меньшей степени, но по важнейшим группам здесь большая неравномерность, что видно из следующих данных („La production mondiale et les prix", Société des Nations, 1935.36):

Индекс объема мировой торговли (1929 г. = 100)

	1933 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
1. Предметы продовольствия	90,5	84,5	84,0	86,0
2. Сырые материалы	82	87,5	89,5	93,5
3. Промышленные изделия .	58	59,5	65,5	68,5

Индекс мирового производства (1929 г. = 100)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
1. Предметы продовольствия	100,7	101,2	99,8	99,7
2. Сырые материалы . . .	71,1	78,6	84,9	91,9
а) То же без руды и сырой стали	78,8	84,8	89,6	94,8
3. Обрабатывающая промышленность	62,7	71,0	76,6	84,3

Хотя индексы производства и торговли не являются сопоставимыми в строгом смысле слова, но для выявления основных тенденций они могут быть использованы. Из трех групп индексы сырых материалов как по производству, так и по торговле менее всего отстают друг от друга, что вполне понятно, так как промышленное оживление предъявляло большой спрос на сырье. Производство продовольствия остается за эти годы стабильным (хотя по отдельным странам произошли значительные сдвиги), но торговля продовольственными товарами находится в угнетенном состоянии, отставая в 1935 г. на 14% от докризисного уровня. Расстояние между индексами обрабатывающей промышленности и торговли промышленными изделиями, несмотря на некоторое улучшение внешней торговли, увеличилось за 1932—1935 гг. Это показывает, что изолирование национальных рынков продолжается.

В области мировой валюты действие внутренних сил капитализма обнаруживается в ослаблении колебаний основных мировых валют. Однако, эта весьма относительная устойчивость была нарушена крахом золотого блока и девальвацией франка. Очередь франка и его спутников, уцелевших во время первой бури благодаря неравномерности в развертывании кризиса, хотя и с опозданием на три года, все же, после безуспешной борьбы, наступила. Сужение внутреннего рынка вследствие затягивания кризиса и ослабление конкурентоспособности на международном рынке из-за высокого курса франка по сравнению с обесцененной валютой других стран, обострение классовой борьбы внутри страны подрывали устойчивость франка. Крупная буржуазия в частности стремится использовать финансовое напряжение в стране и шаткость позиции франка для атаки на правительство народного фронта. Все это нашло свое выражение в бегстве капитала за границу, в утечке золота, в припрятывании валюты, в напряжении денежного рынка и в обострении внутреннего политического положения. В результате правительство Блюма 25 сентября 1936 г. было вынуждено объявить о девальвации франка на 25- 34%.

Обесценение французского франка на $^1/_3$ по отношению к его прежнему золотому паритету, а также голландского гульдена и швейцарского франка и последовавшее дальнейшее снижение курса итальянской лиры, повторная девальвация за время кризиса чехословацкой кроны и т. д., фактическое обесценение германской марки и все большее ее оттеснение в сферу внутреннего обращения завершают опустошительный круг в дезорганизации мировой валюты. Не только в прежние кризисы, но и в ходе мировой войны не было такого краха, так как американский доллар и валюты некоторых нейтральных стран все же выдержали в свое время испытания войны.

Соглашение Франции с США и Англией о взаимной поддержке валютного курса реализуется в условиях все обостряющейся международной конкурентной борьбы и это делает его крайне непрочным. В то же время растущее финансовое напряжение в Германии, Японии и Италии в связи с огромными затратами на вооружения и военные авантюры, при остром недостатке денежного капитала в этих странах, таит в себе опасности новых взрывов и катастроф. Инфляционные расходы на финансирование колоссальных военных приготовлений для „тотальной" войны, исчерпание резервов и рост трудностей в связи с вздорожанием импортного сырья и с использованием наличного оборудования, рост диспропорций и неравномерности — заставляют все более усиливать пресс военно бюрократического контроля и расширять систему ограничений. Вся финансовая и хозяйственная политика фашизма подготовляет развал, который нельзя задержать бюрократической утопией фашистского „регулирования". Загнанные во внутрь противоречия в любую минуту могут прорваться наружу. Об этом говорит распространение общего недовольства и растущий отпор рабочих, несмотря на фашистский террор. Весьма важным симптомом также является растущая популярность в фашистских странах среди масс лозунга народного фронта.

Характерным моментом в новых условиях международной конкуренции является развитие собственной промышленности, в первую очередь текстильной, в аграрных странах, что видно из следующих данных:

Индекс промышленной активности в 7 преимущественно аграрных странах[1]) (1929 г. = 100)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г. (1. кв.)
Общий индекс.	86	97	112	121	132
Текстильная промышленность	127	138	154	160	155
Все прочие отрасли. .	81	92	107	115	129

При относительно небольшом объеме промышленности этих стран, темп развития все же представляется весьма ин-

[1]) Чили, Дания, Эстония, Финляндия, Греция Венгрия, Румыния.

тенсивным. Одним из последствий экономического кризиса также является рост промышленности в скандинавских странах, в частности в Швеции, выступающей главным поставщиком Германии. С другой стороны, усиливается стремление индустриальных стран к стимулированию сельско-хозяйственного производства и к развитию промышленности суррогатирования в целях создания собственной сырьевой и продовольственной базы на случай войны, а также для улучшения своего торгового и платежного баланса. Однако, по сравнению с огромными финансовыми затратами, достижения в этом отношении незначительны. В целом рост спроса на стратегическое сырье в связи с военными приготовлениями и трудности сбыта вследствие застоя внешней торговли еще более усилили зависимость капиталистических стран от международного рынка.

Процесс воспроизводства в эпоху монополистического капитализма осуществляется в рамках мирового хозяйства. Система же международных отношений держится на вывозе товаров и капиталов, на регулярном функционировании денежно-кредитного механизма и на устойчивости мировых цен, на определенной совокупности финансово-капиталистических связей и зависимости и складывающихся на их базе форм международного „сотрудничества". Новый круг мировой капиталистической экономики начался при блокированных рынках, обесцененных валютах, аннулированных долгах, резко сократившемся международном товарообмене, при растущем финансовом напряжении ряда стран, изнемогающих под тяжестью военных расходов, под грохот орудийной пальбы фашистских поджигателей войны. Арсеналы заполняются до отказа боевыми припасами, между тем как трудящиеся массы обречены на недоедание и нужду. Ленин гениально предсказал еще в 1918 году, что эпоха краха капитализма есть „эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов"... (Собр. соч., т. XXII, стр. 350). Это предвидение подтверждается полностью на особенностях современного этапа. Сейчас нельзя предвидеть, что будет раньше — война или кризис, или оба сольются вместе. Но несомненно, что подготовляется и все более приближается гигантский взрыв. Этот взрыв неизбежен, так как даже сравнительно незначительный рост производительных сил и производительности труда, при наличии постоянной массовой безработицы и постоянной нужды трудящихся масс, вступает в острый конфликт с ограниченными рамками капиталистического рынка. Этот взрыв вместе с тем ускоряется по мере развертывания и сплочения движения народного фронта, по мере кристаллизации единого рабочего фронта для отпора безграничной эксплоатации. Кризис и военное столкновение должны служить своеобразной отдушиной для избыточной продукции, но вместе с тем это такие средства, которые взрывают устои буржуазной общественной системы и гигантски революционизируют рабочий класс и всех трудящихся.

Литература: *Сталин, И. В.*, „Политический отчет XV съезду ВКП(б)" (Партиздат, 1935); *Сталин, И. В.*, „О правом уклоне в ВКП(б)" („Вопросы ленинизма", 10-е изд., 1934); *Сталин, И. В.*, „Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б)" (там же); *Сталин, И. В.*, „Итоги первой пятилетки" (там же); *Сталин, И. В.*, „Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)" (там же); *Сталин, И. В.*, „Беседа с Дюранти" („Правда" от 4 января 1934 года); *Сталин, И. В.*, „К итогам работ XIV конференции РКП(б)" (Партиздат, 1938); *Сталин, И. В.*, „Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом" („Вопросы ленинизма", 10 изд., 1934); *Молотов, В. М.*, „В борьбе за социализм" (речи и статьи, 2-е изд., Партиздат, 1935 г.); *Молотов, В. М.*, „Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР" (Партиздат, 1935); „Коммунистический интернационал в документах" (Партиздат, 1933); стенографические отчеты VI и VII конгрессов Коминтерна и XI, XII и XIII Исполкомов Коминтерна; *Варга, Е.*, „Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика 1928—1934" (Партиздат, 1935); *Варга, Е.*, „Мировой кризис и борьба двух систем" (Партиздат, 1932); *Варга, Е.*, „Мировой экономический кризис" („Московский рабочий", 1930); *Варга, Е.*, „Новые явления в мировом экономическом кризисе" (Партиздат, 1934); „Кризис и загнивание капиталистической промышленности" (сб. статей под ред. Л. Мендельсона и Е. Хмельницкой, 1934); „Новые материалы к работе В. И. Ленина „Империализм, как высшая стадия капитализма" (2-е изд. под ред. Е. Варга, Л. Мендельсона и Е. Хмельницкой, Партиздат, 1935); „Проблемы мирового хозяйства" (6. сб. под ред. Л. Я. Эвентова, Л. Мендельсона, Госпланиздат, 1930); „Проблемы мирового кризиса" (дискуссия в Институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии, Партиздат, 1932). „Современный кредитный кризис" (дискуссия в Институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии, Партиздат, 1932); *Эвентов, Л.*, „Плановые маневры в капиталистических странах" (Соцэкгиз, 1936); „Мировые экономические кризисы 1848—1935" (под.

обш. ред. E. Варга, т. I, 1937): *Varga, E.*, „Die grosse Krise und ihre politischen Folgen" („Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in d. USSR", 1934); *Strachey, John*, „The nature of the capitalist crisis" (1935); *Ohlin, B.* „The course and phases of the world economic depression" (Report presented to the Assembly of the League of Nations, Geneva, 1931); *Einzig, Paul*, „The world economic crisis 1929—1932" (3-d ed., Lond., 1932); *Keynes, J. M.*, „The general theory of employment, interest and money" (2 vls., Lond. a. N. Y., 1936); *Haberler, G.*, „Inquiry into the causes of the recurrence of periods of economic depressions" (League of Nations); *Robbins, Lionel*, „The great depression" (Lond., 1934); *Hayek, F. A.*, „Prices and production" (Lond., 1935); *Corey, Lewis*, „The Decline of American capitalism" (N.-Y., 1934); *Nearing, Scott*, „Must we starve" (N.-Y. 1932); *Davis, Jerome*, „Capitalism and its culture" (N.-Y.); *Lederer, Emil*, „Technischer Fortschritt und Arbeitslosigkeit" (Tüb., 1931); *Pigou, A. C.*, „The theory of unemployment" (Lond., 1933); „Royal Institute of International Affairs, Unemployment: an international problem. A report by a study group of members of the Royal. Inst. of Int. Aff." (Lond. a. N.-Y., 1935); „International Labour Office, Unemployment problems in 1935". Studies prepared by the Intern. Lab. Off. in collaboration with Professors Ansiaux, Cole, Hahn and Hirsh (Geneva, 1931); *Kuczynski, Jürgen*, „Labor Conditions in Western Europe" (Lond., 1937); *Gumperz, Julian*, „Die Agrarkrise in den Vereinigten Staaten"; *Kirk, J. H.*, „Agriculture and the trade cycle" (Lond., 1933); „International Institute of Agriculture, The world agricultural situation in 1934—1935" (Rome Inst. of Agr.); „League of Nations, The agricultural crisis" (2 vls., Geneva); Royal Institute of International Affairs, World Agriculture" (Lond. a. N.-Y., 1932); *Mills, F. C.*, „Prices in recession and recovery, a survey of recent changes" (N.-Y., 1936); „World social economic planning Material contributed to the 1931" (World Social Economic Congress in Amsterdam, 2 vls., Hague and N.-Y.); „International Labour Office — Social and economic Reconstruction in the United States" (Geneva, 1934). Большой конкретный материал об этапах мирового экономического кризиса приведен в многочисленных публикациях экономического отдела Лиги наций: League of Nations, Economic Intelligence Service, World Economic Survey, World production and prices и т. д. Литературу о кризисе в отдельных странах см. ниже в очерках об отдельных странах. Более детальную библиографию о проблеме кризисов читатель найдет в изд. Инсти ута мир. хозяйства и мир. пол. „Мировые экономические кризисы 1848—1935", т. I, 1937, а также в „The Review of economic statistics", vol XIX, February, 1937, Harvard University Press.

Л. Эвентов.

Май. 1937 г.

II. Дипломатия эпохи (о дипломатии в эпоху мировой войны и в первые послевоенные годы см. *дипломатия и мировая война*, XLVII, 42/123). Четырехлетие *1924—1928 гг.* представляет краткий период „временной стабилизации", когда „Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии", английскому, американскому и японскому капиталу — „насчет установления сфер влияния в Китае" и империалистическим группам передовых стран — „насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения своих колоний" (Сталин, „Вопросы ленинизма", изд. 9-е, ст. 113).

В течение 1925 г. работа по линии „урегулирования" западно-европейских отношений за счет создания общего фронта против СССР достигла высшей степени напряжения в связи, главным образом, с успехами национально-революционного движения в Китае и всеобщей забастовкой и особенно стачкой горняков в Англии в 1926 г. 12.VI.1926 г. английское правительство известило НКИД, что „не может обойти молчанием действие советских властей, выразившееся в разрешении перевода в Великобританию фондов, предназначенных для поддержки генеральной стачки". НКИД ответил 15.VI, что советское правительство, „выражающее волю рабочих и крестьян СССР, не могло воспретить профсоюзам... переводить денежные суммы за границу для оказания поддержки профсоюзам другой страны". Нота О. Чемберлена с протестом против речей на партийной конференции и на пленуме ИККИ в Москве (осенней сессии 1925 г.), а также против статей в „Известиях", и угрожавшая разрывом торгового соглашения и дипломатических отношений вызвала указание наркоминдела Литвинова на грубую и клеветническую кампанию кругов и лиц, близких к английскому правительству, в пользу интервенции в СССР. 12.V.1927 г., по распоряжению Хикса, был произведен вооруженный полицейский налет на помещения торгпредства и Аркоса в Лондоне, под предлогом розыска пропавшего британского государственного документа. 27.V.1927 г. Остин Чемберлен известил сов. полпредство, что обыск доказал, будто бы, наличность военного шпионажа и „разрушительной деятельности" со стороны торгпредства, вследствие чего английское правительство „не может больше поддерживать дипломатических отношений с правительством, допускающим и поощряющим *такое положение вещей, какое* было обнаружено". Почти одновременно с лондонским налетом подверглось налету помещение советского военного атташе в Пекине (6. IV. 1927 г.), и совершен был ряд

провокационных актов, имевших целью вызвать одновременно с англосоветским разрывом разрыв между СССР и Китаем при содействии гоминдановской агентуры. Этот широко задуманный и подготовленный этап наступления на советы ознаменовался также позорным террористическим актом — убийством полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова (7.VII 1927 г.).

В то время как в Англии вернулась к власти „твердолобая" реакция, взявшая курс на создание антисоветского блока, — во Франции майские выборы 1924 г., прошедшие под знаком банкротства „национального блока", победившего на выборах 1919 г., — при безостановочном падении франка, безостановочном росте дороговизны жизни, фашистско-диктаторских поползновениях президента республики Мильерана, — дали победу „левому блоку", возглавленному Э. Эррио. Но под давлением финансовой олигархии левые правительства пали одно за другим, и Пуанкаре вернулся к власти с программой, которая была принята (в палате 24 июля 1926 г.) майским большинством: борьба с финансовой и политической спекуляцией на понижение франка, поддержка плана Дауэса, отказ от инфляции, увеличение налогов на капиталы, повышение пошлин, косвенных налогов и т. д. Внешняя политика Франции с 1924 г. характеризуется англо-французским компромиссом: 1) лондонское соглашение, положившее конец оккупации Рура, и 2) женевский протокол 2. X.1924 г., представлявший уступку лейбористского правительства французскому „демократическому" правительству — принятие англичанами формулы „безопасность, арбитраж, разоружение", взамен согласия французов на созыв конференции по разоружению на 15.VI. 1925 г. К ноябрю 1924 г. женевский протокол подписали 15 государств франкофильской ориентации, британские же доминионы высказались против ратификации его, т.-е. против увеличения обязательств, возлагаемых на британскую империю статутом Лиги наций. Когда в октябре правительство Макдональда пало, новый министр иностранных дел Чемберлен заявил отказ от женевского протокола, мотивировав это тем, что протокол „скорее привел бы к международным осложнениям и новым войнам, чем способствовал бы установлению всеобщего мира". Италия и Япония поддержали английскую позицию. Протокол был этим аннулирован, и Франция взяла обратно свое согласие на созыв конференции по разоружению в 1925 г. В то же время французское правительство восстановило дипломатические отношения с СССР (28. X. 1924 г.), чему предшествовал ряд признаний советского правительства: Италия — 7.II, Норвегия — 15.II, Австрия — 25.II, Греция — 8.III, Швеция — 15.III, Китай — 31.V, Дания — 18.VI, Мексика — 4.VIII. За Францией последовала Япония — 20.I.1925 г.

1925-й год дал картину „поляризации" двух лагерей: империалистической реакции (с английскими твердолобыми во главе) и антиимпериалистического фронта. В английских правящих кругах определились две тенденции: „изоляционистская", нашедшая свое полное выражение в отказе от женевского протокола, и „европейская", выразителями которой были Остин Чемберлен и Болдуин и которая привела в 1925 г. к локарнским соглашениям. Последняя не могла удовлетвориться отказом от женевского протокола потому, что стремилась гарантировать безопасность самой Англии при помощи Франции и Бельгии (со стороны Ламанша) и обеих этих стран, вместе с Данией, со стороны Северного моря. Часто сопутствует этой тенденции убеждение, что Германия не напала бы в 1914 г., и в будущем не нападет на Францию, если-бы знала, что Англия состоит в оборонительном союзе с Францией. Английское правительство предложило германскому возобновить то предложение западноевропейского пакта, которое было сделано еще в декабре 1922 г. Куно (когда он был канцлером), но тогда не встретило сочувствия Пуанкаре, теперь же, — в виду провала женевского протокола и усилившегося участия в европейских делах США (т.-е. увеличения средств давления на Францию) — имело шансы на успех. После

неудачных попыток сепаратного соглашения с Францией без Англии и с Англией без Франции, правительство Лютера-Штреземана предложило пакт о соблюдении мира между державами, „заинтересованными на Рейне" (герм. нота 9. II. 1925 г.), — а именно Англией, Францией, Италией и Германией—под гарантией США. (Неупоминание Бельгии было объяснено немцами как простая „забывчивость", которая и была ими, по требованию Франции и Англии, исправлена). При обсуждении проекта локарнского трактата ген. Смэтс (Ю. Африка) неизменно заявлял, что суть этого проекта заключается в чемберленовском стремлении создать „новый Священный Союз". Чемберлен защищал в палате общин 24. III свою политику тем, что „все великие войны, веденные Англией, вызваны были необходимостью предотвратить превращение какой-либо крупной военной державы в европейского гегемона и хозяина на берегах Ла-Манша и в портах Нидерландов" и что дело идет теперь о том же, то-есть о гарантиях не только против Германии, но, в сущности, и против Франции. При этом Чемберлен уверял, что ни Польша, ни Германия „не намерены нарушить мир на общих своих границах", — тогда как польский министр иностранных дел Скржинский объявил германский маневр прологом к пересмотру германо-польской границы и сравнил западно-европейский пакт с принятием противопожарных мер в одной части музейного здания, при сохранении в полном объеме опасности пожара в соседних комнатах. Эррио держался этой же точки зрения, но 10 апреля потерпел поражение в сенате и уступил место премьера Пенлеве, а портфель мин. иностранных дел — Бриану. 23 апреля Польша и Чехословакия подписали в Варшаве соглашения, сблизившие Польшу с Малой Антантой. Англия настаивала на эвакуации кельнской зоны, Франция ставила это в зависимость от гарантии безопасности и соблюдения Германией режима разоружения. Попытки найти общий ответ на февральскую германскую ноту вследствие этого не удавались до 4 июля, когда финансовое, главным образом, давление заставило Бриана окончательно принять английскую точку зрения во французском ответе, врученном в Берлине 16 июня. Франция и Англия согласились по вопросу о вступлении Германии в Лигу наций; разногласие оставалось по вопросу о том, как будет решаться вопрос о выполнении Англией обязанности участника и гаранта „рейнского мира": односторонним ли решением Англией вопроса, кто явился при нарушении мира агрессором, или же точным определением агрессора (в пакте) которое связало бы свободу действий английского правительства. Бриан 8 августа приехал в Лондон добиваться действительной гарантии для Франции, но вынужден был уступить и принять английское условие — чтобы агрессия, влекущая за собою вмешательство Англии, была „очевидной" (flagrant), в сомнительном же случае спор об „очевидности" может (английская уступка) переливаться на решение Лиги наций. В заключительной стадии переговоров германское правительство сделало попытку обусловить свое участие в конференции в Локарно эвакуацией сев.-рейнской зоны и даже поднять вопрос о разоружении, но и английское правительство (не говоря о французском) отказалось связать все эти вопросы в один узел. 16. X. 1925 г. были подписаны в Локарно: 1) заключительный протокол; 2) пять приложений к нему, а именно: а) договор о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией,—„рейнский пакт", б) конвенция об арбитраже между Германией и Бельгией, в) то же между Германией и Францией, г) договор об арбитраже между Германией и Польшей и д) то же между Германией и Чехословакией; 3) коллективная нота участников конференции, адресованная Германии по поводу § 16 статута Лиги наций; 4) договоры между Францией и Польшей и между Францией и Чехословакией. Локарнское соглашение было поддержано дипломатией США. Президент Кулидж, приветствуя заключение его, высказался в том смысле, что вопрос о сухо-

путном разоружении Европа будет решать без участия США, но проблема морских вооружений должна будет обсуждаться, конечно, при участии США. Добившись досрочной эвакуации рейнского левобережья и вступивши в Лигу наций (в 1926 г.), Германия подписала с СССР торговый договор (12. X. 1925 г.) и договор о ненападении и взаимном нейтралитете (24. IV. 1926 г.). Политика изолирования СССР потерпела неудачу и в других направлениях: 17. XII. 1925 г. СССР подписал договор о ненападении и взаимном нейтралитете с Турцией; 31. VIII. 1926 г. — с Афганистаном и 28. IX. 1926 г. — с Литвой о дружбе и ненападении. Ощутительные результаты эта политика принесла лишь на Д. Востоке, в Китае. Национально-революционное движение заставило китайское правительство подписать 31 мая 1924 г. соглашение с СССР, но затем давление извне повело китайскую правящую клику по иной дороге, несмотря на то, что народные массы явно симпатизировали СССР и видели врагов Китая в Англии и в Японии.

Финансовая конференция в Париже — с участием США — установила порядок и очередь получений по репарационным платежам. По отчету ген. агента первый год выполнения плана Дауэса дал удовлетворительные результаты. По отчету американской World War Debt Commission состояние международной военной задолженности к концу 1925 г. представляло следующую картину: 20 государств в общем имели в США задолженность в 10.338.058.352 доллара. Из этих стран одна Куба погасила свой долг (10 млн. долл.); 5 стран (Финляндия, Англия, Венгрия, Литва, Польша) заключили с США соглашения, урегулировавшие вопрос об их долгах погашением в течение 62 лет; с Францией переговоры кончились неудачей; Австрия получила отсрочку до 1943 г.

В 1926 г. французская дипломатия, опираясь на франко-германские картели тяжелой индустрии и на проекты экономической реконструкции Европы при посредстве Лиги наций, пробовала создать единый фронт европейских государств по отношению к США. Однако, в том же 1926 г. локарнская „идиллия“ нарушилась тревожным оборотом франко-итальянских отношений.

Италия, с одной стороны, заключила с Испанией договор о дружбе, согласительной процедуре и юридическом урегулировании споров (7. VIII. 1926 г.), с другой — военно-союзный договор с Албанией (28. XI. 1926 г.), означавший разрыв итало-югославской Антанты и вызвавший уход в отставку „итало-фильского“ министра иностранных дел Югославии Нинчича. За опубликованным итало-испанским договором подозревалось секретное соглашение, направленное против Франции; договор же с Албанией означал приступ к превращению ее в итальянский протекторат, т.-е. обострял до крайности итало-югославские отношения, затрагивая интересы и обязательства Франции. Этот взрыв итальянской активности в Средиземном море (и одновременно в Йемене) показал, что Локарно во всяком случае не усилило положения Франции в Европе.

В сентябре 1926 г. состоялось торжественное появление представителей Германии в Лиге наций и занятие ими постоянного места в Совете Лиги наций. Главные представители Франции и Германии в Лиге наций, Бриан и Штреземан, провели $4^1/_2$ часа вместе в Туари (близ франц.-швейц. границы). Согласно информации германского происхождения дело шло о франко-германском компромиссе следующего содержания: Франция согласна на эвакуацию 2-ой и 3-ей зон рейнской оккупации в течение 1927 г., на возвращение Саарской области в том же году, на возвращение Германии Эйпена и Мальмеди; Германия согласна на уплату Бельгии 120 млн. зол. марок за Эйпен—Мальмеди и 250—300 млн. зол. марок Франции за возврат саарских копей, на активную поддержку курса жел.-дор. германских обязательств на сумму $1^1/_2$ млдр. золотых марок, на отказ от лондонского соглашения 1924 г. в отношении льгот по уплате процентов и погашения по этим обязательствам. Публичным поводом к последовавшему

признанию бесед в Туари совершенно частными и необязательными была речь Штреземана в Женеве по вопросу об ответственности за войну. Однако, беседы эти, даже будучи облечены в форму соглашения, остались бы беспочвенными, если бы США не дали согласия на участие американских банков в финансовой части этого соглашения, неосуществимой без их участия. Между тем США, в виду неплатежа Францией военных долгов Америке, повидимому, отказались участвовать в этой сделке и этим аннулировали туарийский компромисс.

Вопросами безопасности и разоружения в 1927 г. занимались третья сессия подготовительной к конференции по разоружению комиссии Лиги наций в Женеве, с 21 марта по 26 апреля, и морская конференция трех стран (Англии, США и Японии) там же с 24 июня до 4 августа 1927 г. Ни здесь, ни там не было достигнуто никаких положительных результатов. В то время как во Франции прошел закон о военной организации всего населения страны в случае войны, основанный (по словам Клотца, докладчика в сенате) на понятии „тотальной войны", т.-е. участия в войне всего населения и всех рессурсов страны,—французское министерство иностранных дел, в поисках обеспечения мира, встретило готовность США присоединиться к такому соглашению, которое признавало бы неправомерным актом всякую войну. В декабре 1927 г. нотой Келлога (от 28 декабря) правительство США в ответ на инициативу Бриана (исключить возможность войны между Францией и США договором между ними) предложило „исключить войну из числа средств ведения национальной политики" вообще, путем многостороннего договора. 27. VIII. 1928 г. был подписан „пакт Келлога", а 21. VIII США предложили СССР, через французского посла в Москве, присоединиться к этому пакту, на что последовал ответ, выяснивший позицию СССР—не только против войны в узком смысле этого слова, но и против интервенций, блокад, оккупаций и за действительное разоружение. 29. XII. 1928 г. последовало советское предложение Польше о немедленном введении в действие пакта Келлога, и 9. II. 1929 г. в Москве соответствующий протокол был подписан СССР, Польшей, Эстонией, Латвией и Румынией. К нему присоединились Турция — 27. II, Персия—3. IV, Литва — 5. V и Данциг — в июне того же года.

В то время как советская дипломатия, несмотря на открыто враждебную политику влиятельнейших правительств, успешно проводила в защиту великого социалистического строительства активную политику борьбы за мир, локарнская комбинация с двух сторон взрывалась: ростом реваншистского национализма в Германии и азартной спекуляцией на ослабление позиций Франции со стороны итальянского фашизма. В течение 1926 и 1927 гг. все внешнеполитические декларации Муссолини шумно заявляли о необходимости для Италии господствовать на Средиземном море и о невыносимом положении Италии, приравненной версальским миром к побежденной Германии с точки зрения „обделенности" ее колониями. Со страниц итальянской прессы не сходили вопросы о пересмотре (в пользу Италии) танжерского статута, об итальянской колонизации французской Африки (125 тысяч итальянцев во французских Тунисе, Алжире, Марокко — против 27 тысяч итальянцев в итальянской Ливии), о перераспределении мандатов, в связи с восстаниями в Сирии и в Марокко. Показательны были: итало-венгерский договор 5. IV. 1927 г., открывший Венгрии Фиуме (порто-франко), и, особенно, итало-румынский договор, предоставивший Румынии на льготных условиях военное снаряжение одновременно с обнаружением нелегального снабжения Венгрии итальянскими пулеметами. При содействии Англии Италия получает равные с Францией права в Танжере и преимущественное положение (ж.-д. концессия) в Абиссинии.

Известную активность проявила Англия (в долине Ян-цзы), продолжавшая ускоренно строить сингапурскую военную базу, в то время как Япония завязала с США переговоры о желдор. маньчжурском займе.

Ликвидация конфликта с Швейцарией открыла возможность советским представителям участвовать в женевских собраниях. Лига наций продолжала топтаться на месте; советский проект разоружения был задержан обсуждением и в следующем году отклонен. Наступательная английская политика (см. выше) сказалась не только в Польше и в Прибалтике, но и во Франции, которой сделано было Союзом ССР предложение урегулировать вопрос о русских долгах на основе получения во Франции кредитов, но которая ответила отказом, в значительной степени сообразуясь с английской политикой. С другой стороны, французская дипломатия не поддержала старания английской заострить польскую политику против СССР.

1928 год принес значительное улучшение международного политического положения Франции, гл. обр. вследствие резкого отражения англо американского антагонизма в европейской политике. Важнее всего было то, что Англия, обеспокоенная брианов ским предложением „вечного мира" с США, воспользовалась превращением политического плана двухстороннего пакта в неопределенное многостороннее объявление войны „вне закона" и, с своей стороны, заключила с Францией военно-морской „компромисс". Последовавшие газетные разоблачения англо-французского военного союза, может быть, и содержали преувеличения, но факты показали действительное восстановление англо-французского сотрудничества в полном объеме: в августе 1928 г. английская дипломатия совместно с французской предъявила Болгарии требование прекратить анти-югославскую деятельность в Македонии; в вопросе о продолжении рейнской оккупации первая также солидаризировалась с последней, обманувши ранее возбужденные Англией надежды Германии на досрочную эвакуацию; итальянская активность сразу же притупилась во всех сферах французских интересов, и начались даже разговоры о возможности установления итало-французской Антанты; в Польше прекратилась английская борьба с французским влиянием, и наметилось польско-румынское—под французским патронажем—сближение; Греция, подписавшая с Италией договор о дружбе и арбитраже, поторопилась заключить такой же договор и с Югославией.

В сентябре 1928 г. состоялось в Женеве решение приступить к окончательному урегулированию проблемы репараций: до этих пор даже вопрос о числе годовых германских взносов оставался невырешенным в плане Дауэса. Но когда германское (социал-демократическое) правительство поставило там же вопрос о досрочной эвакуации Рейнской области, то, — при полном безучастии со стороны англичан, Бриан ответил, что о ней не может быть и речи, пока Германия не даст гарантии выполнения своих репарационных обязательств.

На сообщение об англо-французском соглашении, США ответили прямым осуждением его и внесением в конгресс—не спешивший ратифицировать пакт Келлога—громадной военно-судостроительной программы (15 крейсеров в 10 тыс. тонн каждый). Некоторые акты США имели характер прямых антибританских выступлений: так, Келлог подписал с египетским правительством, находившимся в конфликте с Англией („4 требования"), договор о дружбе и арбитраже; после подписания в Париже пакта он поехал с визитом к главе Ирландского свободного государства, отказавшись посетить Лондон. В то время как английская дипломатия и Детердинг вели свою подрывную работу против СССР, „Стандарт-Ойль" лойяльно сотрудничал с советским нефтеэкспортом, и во влиятельных американских кругах заметно выросло тяготение к СССР. Так была заключена сделка на 26 миллионов долл. „Дженерал электрик К°" с кредитом на 5 лет в то самое время, когда антисоветский „Комитет кредиторов России" притянул на свою сторону германских банкиров в разрез с раппальским соглашением.

1929 год был переходным к катастрофическому мировому кризису 1930 и след. годов. Экономическая конъюнктура ухудшилась, и борьба за рынки сбыта обострилась уже во второй половине этого года. Иностранные эмис-

сии США в 1928 г. сократились на 1/3 по сравнению с 1925 г., в Англии—почти на 50%. Повсеместно началась горячка протекционизма.

В этом году план Дауэса был заменен планом Юнга, определившим общую сумму германских платежей в 25 млрд. долларов и снявшим иностранный контроль с гос. доходов Германии, с рейхсбанка и с железных дорог. Досрочное прекращение оккупации рейнской области обусловлено было мобилизацией части платежных обязательств, превращавшей эту часть в обыкновенный государственный долг владельцам облигаций. 300-миллионный (в долларах) германский заем Франция и США принимали для размещения у себя. Контроль над выполнением Германией „версальских" обязательств передавался Лиге наций, что также несколько смягчало положение Германии. Однако, Германия должна была уплачивать по 2 млрд. марок в год, и всякие льготы, в связи с падением цен, были исключены; почва для национал-социалистской агитации оставалась благоприятной.

1930 г. начался в Германии под знаком приближавшейся поляризации сил коммунистического рабочего движения и национал-социалистической контрреволюции. В июне новый канцлер, Брюнинг, заявил Гинденбургу о невозможности сохранения парламентского режима.

Влияние мирового кризиса на международно-политические отношения сказалось прекращением эры послевоенного, буржуазно-социал-демократического пацифизма. „Социал-демократические партии, руководимые Вторым интернационалом, поверившие во всемогущество и вечность демократии и ее способность охранять мир и отказавшиеся поэтому и отучившиеся от всякой революционной борьбы с буржуазией, оказались в некоторых странах выбитыми из всех своих позиций. Вместе с этими партиями потерпела большой урон и радикальная интеллигентская и пацифистская часть мелкой буржуазии. К тому же выросло новое поколение людей, не знавшее, не испытавшее ужасов мировой войны и не зараженное поэтому антивоенными настроениями"... (Литвинов, речь на IV сессии ЦИК СССР). Обнаж-бое и обострение противоречий, присущих *мировому капитализму, мировым экономическим кризисом*, усиливали „с каждым месяцем, с каждым днем" борьбу „за рынки сбыта, за сырье, за вывоз капитала".

„Средства борьбы: таможенная политика, дешевый товар, дешевый кредит, перегруппировка сил и новые военно-политические союзы, рост вооружений и подготовка к новым империалистическим войнам, наконец — война" (Сталин, „Вопросы ленинизма", изд. 10-е, стр. 353).

Главное из противоречий между *империалистическими странами* — между США и Англией—сказалось обнаженнее всего в Южной Америке, где на почве этого противоречия возникла трехлетняя война из-за Чако, с неменьшей силой—в Китае, в колониях, в доминионах, с неменьшей обнаженностью и силой—в переговорах о *морских вооружениях*.

Американский нажим (см. выше) вызвал поездку английского премьера (снова Макдональда) в Вашингтон. В Версале англичане еще отказывали американцам в равенстве флотов; на вашингтонской конференции 1921 г. они согласились на равенство линейных флотов, но восставали решительно против равенства вспомогательных морских сил (крейсеров и т. п.); на женевской конференции американское требование равенства крейсерских флотов было англичанами категорически отвергнуто; теперь же, в 1929 г., Макдональд отправился в Вашингтон именно для того, чтобы заявить об английской капитуляции в „крейсерском вопросе",—т.-е. о сдаче вековой позиции Англии как гегемона на морях. Значение этого события усугублялось тем, что в это самое время разрабатывался в США таможенный тариф, неблагоприятный для Англии, и крайне обострилась англо-американская борьба из-за Аргентины.

В основное противоречие этих двух могущественнейших империалистических систем вплетается японо-американское противоречие, обостренное до крайности внутренними противоречиями *японского военно-феодального*

империализма под активизировавшим его завоевательные тенденции влиянием кризиса. Японо-американский антагонизм— при использовании Японией в полной мере англо-американского противоречия, т.-е. при широком вооруженном наступлении Японии на Китай, — в известной степени маскирует „главное противоречие", которое, однако-же, определяет и смелость, и ширину японской вооруженной экспансии и нерешительную, колеблющуюся позицию США на Дальнем Востоке. Кризис обострил вопрос о „военных долгах", т.-е. усложнил американо-европейские отношения, в которых и борьба за германскую арену экспорта капитала играла не последнюю роль. Все это должно было парализовать усилия США объединить действия капиталистической дипломатии для защиты „общих интересов" при нарушении целости и независимости Китая тогда, когда дело шло уже не о поддержке милитаристских банд против СССР, а о противодействии японскому военному наступлению на Китай. Вместе с тем, в разожженную кризисом войну мировой буржуазии со своими колониями и борьбу ее из-за полуколоний вклинилась „явная и скрытая работа по подготовке интервенции против СССР",—„разрыв английского консервативного кабинета с СССР, захват КВЖД китайскими милитаристами, финансовая блокада СССР, „поход" клерикалов во главе с папой против СССР, организация вредительства наших спецов агентами иностранных государств, организация взрывов и поджогов, вроде тех, которые были проделаны некоторыми служащими „Лена-Гольдфильдс", покушения на представителей СССР (Польша), придирки к нашему экспорту (США, Польша) и т. п.". Встречные силы, парализовавшие осуществление интервенции в планировавшейся широте, — по определению тов. Сталина—„сочувствие и поддержка СССР со стороны рабочих капиталистических стран, рост экономического и политического могущества СССР, рост обороноспособности СССР, политика мира, неизменно проводимая Советской властью" (там же, стр. 358).

В 1929 г. нанкинское правительство продолжало политику провокационной борьбы с национальной революцией. Лицемерно провозглашая отмену навязанных Китаю неравноправными договорами таможенных тарифов, оно, само подталкиваемое иностранной агентурой, подталкивало маньчжурских милитаристов на авантюру против СССР в расчете на поддержку и США, и Японии, и Англии, и даже Германии и в надежде, что северная китайская военщина, ввязавшись в борьбу против СССР, пойдет на объединение с Нанкином для совместной борьбы с революцией. Указанные выше факторы, а также тревога, вызванная неуклонным осуществлением великого плана социалистического строительства в СССР, вместе с расчетом найти выход из лабиринта империалистических противоречий за счет СССР, вызвали попытку „прощупывания штыком" обороноспособности Советского Союза на КВЖД, одновременно с подрывной работой английской агентуры на Среднем и Ближнем Востоке, в Афганистане, в Персии и в Турции. В последних двух странах работа эта не поколебала основ мира, прочно заложенных советской дипломатией; напротив, ангорский советско-турецкий декабрьский протокол еще более сблизил Турцию с СССР. В Афганистане, в результате усилий английской агентуры, рухнул режим своеобразного „просвещенного абсолютизма" Аманулы. Но на Д. Востоке Красная армия нанесла сокрушительный удар сев.-китайской военщине и русской белогвардейщине. Удар этот был настолько молниеносен и решителен, что раздутый на Западе одновременно с „прощупыванием" на Востоке „крестовый поход" против СССР превратился из „штурма" в осадную, потерявшую остроту кампанию. Этот „крестовый поход", организованный, главным образом, английской „твердолобой" реакцией, при ближайшем участии Ватикана и прочих церковных организаций финансового капитала Европы и Америки, завершил собой год, начатый московским протоколом о досрочном введении в действие пакта Келлога. Разгром китайско-белогвардейских банд вызвал попытку дипло-

матического вмешательства: американскую ноту от 3. XII. 1929 г., переданную наркоминделу Литвинову через французского посла в Москве, выражавшую „надежду, что Китай и Россия воздержатся или откажутся от враждебных действий", и английскую такого же содержания, переданную норвежским посланником. Ответное заявление М. М. Литвинова, переданное Эрбетту (франц. посол), разъяснило смысл и характер провокационной политики нанкинского правительства, отвергало права третьих сторон вмешиваться в переговоры СССР с Китаем и выражало „изумление по поводу того, что правительство США, которое по собственному желанию не находится ни в каких официальных отношениях с правительством Советского Союза, находит возможным обращаться к нему с советами и указаниями". В то время как конфликт с Китаем советская дипломатия ликвидировала хабаровским протоколом на основе восстановления мира и доверия между трудящимися СССР и Китая, американские „твердолобые" искали восстановления своего престижа в нажиме на мексиканское правительство, вынужденное этим нажимом разорвать отношения с СССР (формально 23. I. 1930 г.). Все, чего могли добиться, в свою очередь, английские „твердолобые", это предписать лейбористскому правительству Макдональда поставить СССР предварительные условия возобновления дипломатических отношений между Англией и СССР, что затянуло переговоры между Гендерсоном и Довгалевским; лишь 3 октября 1929 г. был подписан протокол, ликвидировавший разрыв англо-советских отношений.

1930 год проходил под знаком достигнего полной „зрелости" мирового кризиса; на 1 января в США числилось 6 миллионов безработных; Англия бросилась за помощью к своим доминионам; в Германии еще сентябрьские выборы ознаменовались крахом буржуазно-пацифистских и социал-демократической партий; во Франции трижды сменились правительства; произошел переворот в Румынии; пала диктатура в Испании; вспыхнули революции в государствах латинской Америки. По примеру США, повсюду воздвигались протекционистские таможенные барьеры.

С развитием мирового экономического кризиса наступало „обнажение и обострение противоречия между странами-победительницами и странами побежденными", в особенности между Францией и Германией. „План Юнга", превозносившийся как окончательное и полное решение репарационного вопроса, рассматривался в Германии как этап на пути к окончательному и полному освобождению от версальского мира. Очищение „третьей" рейнской зоны в июне этого года произвело в Германии лишь тот эффект, что на первый план националистическая агитация выдвинула теперь вопрос о восточных границах, не переставая протестовать против „порабощения двух поколений германского народа" по плану Юнга. Таким образом, снова частичные уступки вызвали лишь обострение внешне-политической и внутренне-политической борьбы, при чем в Германии националистическая демагогия имела возможность маскировать свою службу финансовой олигархии не только антисемитской демагогией, но и внешне-политическими лозунгами борьбы с французским империализмом.

Лондонская конференция пяти держав (США, Англия, Франция, Япония и Италия) в течение трех месяцев обсуждала вне Лиги наций проблему нормирования морских вооружений. Выработанный договор целиком не мог быть принят вследствие разногласия между Францией и Италией; последняя добивалась равенства с Францией, Франция ей в этом отказывала. Поэтому наиболее важный, третий раздел был подписан только США, Англией и Японией; раздел этот санкционировал равенство морских вооружений США и Англии. Подготовительная комиссия конференции Лиги наций по разоружению закончила выработку компромиссного (между Англией и Францией) проекта и назначила созыв конференции на январь 1931 г. Между тем, агитация в Германии по поводу восточных границ обострила отношения и с Польшей, и с Францией, и с Чехословакией. Итальянская дипломатия пред-

приняла маневр сближения с Германией, муссируя идею пересмотра мирных договоров и навязывая свое покровительство Австрии, Венгрии и Болгарии.

Английская внешняя политика, отягощенная расцветом гандистского и ростом революционного движения в Индии, стремилась, главным образом, к охране целости и интересов британской империи; наступательная активность ее ослабела; лейбористский кабинет вел в отношении и США, и Франции, и СССР компромиссную политику. Напротив, в Японии обозначилось сильное недовольство военно-морских кругов подписанием и ратификацией лондонского морского соглашения.

Под знаком беспримерного расширения и углубления кризиса проходил в капиталистическом мире „страшный" (annus terribilis) *1931 год.* При общем обострении международных противоречий попытки смягчить хотя бы некоторые из них были отброшены. Правда, Германия (Брюнинг) начала год заявлениями о своей готовности „продолжать" политику выполнения договоров и оздоровления германских финансов. Однако, при возрастающем нажиме со стороны гитлеровской организации в эту политику включено было экономическое объединение с Австрией. Декларация Курциуса (герм. мин. ин. дел) от 31 марта по поводу таможенного австро-германского союза выдвинула на первый план проблему „аншлюса", ударивши в то же время по французскому плану дунайской таможенной „федерации". Под давлением Франции и Англии германское правительство вынуждено было от осуществления своего проекта отказаться. Финансовое давление на Австрию и Германию еще более обострило их экономическое положение. На этом основании Германия потребовала моратория по репарационным платежам. В Чекерсе Брюнинг и Курциус посетили Макдональда и получили от него доброжелательные обещания, повидимому, оказать содействие в получении американской помощи. 20 июня Гинденбург обратился непосредственно к президенту Гуверу с призывом о помощи письмом, переданным по телеграфу. Гуверовское предложение о всеобщем моратории по долгам совпало с этим обращением. 7 июля в Париже состоялось соглашение с французским правительством, против медлительности которого в Германии велась ожесточенная кампания, несмотря на предоставленный Германии для облегчения ее положения 100-миллионный краткосрочный кредит (25 июня). 13 июля лопнул один из крупнейших германских банков („Данатбанк"), и Брюнинг с Курциусом вызваны были в Париж для соглашения о мерах предотвращения банкротства Германии. Гуверовский план был затем утвержден конференцией 7 держав, и были продлены Германии кредиты. Новый пересмотр репарационного вопроса был в принципе решен, и на январь 1932 г. назначен был созыв для этой цели конференции. Давление „национальной оппозиции" вынудило Брюнинга исключить из правительства Курциуса и Вирта как особенно ненавистных фашистам проводников политики компромиссов и бережения республиканско-парламентского режима. В новогодней речи Гинденбург заявил, что германский народ принес все жертвы, какие мог, и что теперь он вправе требовать от других правительств выполнения их долга перед Германией.

Падение курса фунта стерлингов и отказ от золотого стандарта, в связи с обострением внутреннего положения на почве борьбы за переложение тяжести кризиса на трудящихся и с революционным движением в Индии, ослабляло международную позицию Англии. В августе Английский банк во главе влиятельнейших банкиров и промышленников предъявил категорическое требование правительству „сбалансировать бюджет" путем сведения к минимуму пособий для безработных в первую очередь. Требование это было подкреплено ссылкой на то, что оно представляет условие, поставленное американскими банкирами для получения займа в 25 миллионов фунт. ст., необходимого для разрешения валютного кризиса. Лейбористское правительство Макдональда согласилось провести сокращение и пособий безра-

ботным, и вообще расходов по охране труда, здоровья и культурных интересов населения; возмущение рабочих масс не уступало в силе настроению, предшествовавшему генеральной стачке 1926 г.; под давлением его профсоюзные центры высказались против правительства, и часть лейбористских министров (Гендерсон и др.) отказалась от проведения плана, выработанного правительством совместно с банкирами и лидерами буржуазных партий. Макдональд, уговорившись с последними о составлении коалиционного („национального") правительства, представил 24. VIII королю отставку кабинета, и тотчас же получил поручение составить новое правительство, образованное им в составе 4 лейбористов-диссидентов, 4 консерваторов (Болдуин и др.) и 2 либералов. Центральные органы профсоюзов и лейбористской партии ограничились словесными и бумажными протестами против перехода Макдональда на открытую службу реакционнейшей части буржуазии. 28 августа был опубликован лейбористский манифест протеста; в тот же день Английск. банк получил кредиты на 40 млн. фунт. ст. и от США, и от Франции, и новый кабинет Макдональда приступил к реализации „сбалансирования бюджета" за счет трудящихся и проведению „твердого курса" в Индии.

Кризис и в США достиг такой силы, что обсуждались проекты уничтожения урожаев хлопка и т. д. Доллар начал падать; золото текло отовсюду во Францию. В ноябре в Вашингтоне Гувер и Лаваль (франц. премьер) согласились о совместных мерах к восстановлению золотого стандарта. США при этом поступились своим диктаторским положением в вопросах о репарациях и о продлении гуверовского моратория. По существу, Франция могла использовать свое положение только для того, чтобы продолжить политику вооруженного мира. Италия обратилась за финансовой помощью к США. Лишь в Испании, где общий кризис вызвал крушение монархии, новая республиканская конъюнктура сложилась к выгоде Франции, что дало повод германской и итальянской прессе обвинять французское правительство в низвержении Альфонса XIII и поддержке резолюции.

Важнейшим событием этого года была японо-китайская война — завоевание Маньчжурии японцами (Мукден занят 18 сентября, бои на Нонни 4—7 ноября), полностью использовавшими европейско-американские затруднения и противоречия для осуществления давних своих планов (Шимонозеки, Портсмут, 21 требование 1915 г.). В течение 10 лет после Вашингтонской конференции Япония, не нарушая мира, вооружилась; военные расходы в ее бюджете составляли от 28 до 48%. В 1924 г. США ввели закон об иммиграции, отменивший „джентльменское соглашение" 1907 г., и абсолютно воспрещавший японскую иммиграцию на территории США. После сентябрьского землетрясения 1923 г. (550 млн. фунт. ст. убытков) потребовалось 7 лет для восстановления разрушенной Иокогамы. Резко усилившееся со стачки 1919 г. в Кобе (35.000 участников) рабочее движение чрезвычайно обострило в этот период положение; правительственная энергия сконцентрировалась на борьбе с „опасными мыслями"; в то же время японский капитализм частично реконструировал свою индустрию, добившись в частности в текстильной промышленности рыночного превосходства над английской. Американский иммиграционный акт 1923 г. принят был в Японии внешним образом спокойно. Япония отказалась от участия в бомбардировке Шанхая англо-американскими судами, несмотря на то, что японское консульство пострадало при бурных антиимпериалистических демонстрациях в Шанхае. Но уже в это время военщина и партия сейюкай требовали „активной" политики, добились отставки Сидехары и оккупации Шандуня. Сидехара, вернувшись к власти, отозвал войска. Милитаристы удвоили усилия, аргументируя свое требование „не упускать времени" усилением национального движения в Китае, а также быстрым ростом экономической и военной мощи СССР. Кризис со всею силой охватил Японию: внешняя торговля

ее, несмотря на достижения капиталистической „рационализации" японской легкой промышленности, упала в течение года на $^1/_3$ оборота, — максимальное падение для всех капиталистических систем мира. К „естественному" сокращению сбыта шелка и хлопчатобумажных тканей присоединились китайский бойкот и почти запретительные таможенные тарифы в британских доминионах.

Созванная в том же 1930 г. в Лондоне конференция по ограничению морских вооружений поставила перед японскими милитаристами вопрос об ограничении строительства вспомогательных военных судов, не включенных в постановления Вашингтонской конференции. Когда японские делегаты отказались от этого ограничения, Макдональд обратился через их голову к премьер-министру в Токио и получил согласие японского правительства подписать соглашение. Возмущение японской военщины достигло крайних пределов: через две недели после ратификации лондонского соглашения (октябрь 1930 г.) японский премьер был убит, и политическое руководство перешло к империалистам военно-фашистского лагеря. Взрыв бомбы на Южно-Маньчжурской ж. д. 18 сентября явился поводом к выполнению тщательно подготовленной и разработанной программы, начавшейся оккупацией Мукдена. Программа эта ни для кого не являлась тайной; корреспондент нью-йоркской „Herald Tribune" в том же сентябре телеграфировал из Мукдена: „Удостоверяю, что дело идет об образовании марионеточного („puppet") „независимого" маньчжурского правительства под властью японской военщины".

1932 год представлял дальнейшее развитие контраста между неуклонным, планомерным строительством в СССР и развалом капиталистического мира.

Таможенная война всех против всех продолжалась. Все попытки ввести в капиталистическую экономику подобие планового начала свелись к проектированию на следующий год всемирной экономической конференции. Единственным положительным итогом 1932 г. была лозаннская конференция (16 июня—8 июля), упразднившая репарации на основе вложения Германией 3 млрд. марок заемными обязательствами в Международный банк „реконструкции Европы". Таким образом, „баронский" кабинет фон Папена получил то, чего не могли добиться республиканские правительства Германии. Ратификация этого решения джентльменским соглашением между Англией, Францией, Италией и Бельгией была поставлена в зависимость от достижения соглашения между ними и США по вопросу о военных долгах. В этом США увидели создание единого фронта государств-должников против них. Вместе с тем заключен был 13 июля англо-французский договор о „доверии", т.-е. о кооперации „в духе статута Лиги наций" по всем вопросам экономической политики и разоружения, — „с полной искренностью во всех проблемах того же рода, каковы проблемы, разрешенные в Лозанне". Вопрос о военных долгах, который лозаннское предложение Италии связывало полностью с репарациями, остался отделенным от последних и нерешенным. Кабинет Папена мог еще держаться, хотя в июле выборы дали Гитлеру 13.733.000 голосов; ноябрьские выборы — после „похищения" Папеном гитлеровской программы — уменьшили на 2 миллиона эту армию. Гитлеровцы перешли к подготовке военного переворота и, в качестве последнего рессурса, Шлейфер занял место Папена.

Завоевание Маньчжурии Японией, под прикрытием японских военных действий (с января по май 1932 г.) в Шанхае (прекращение которых должно было составить „уступку" англо-американцам и примирить их с захватом японцами Маньчжурии), беспрепятственно продолжалось: дипломатия США стремилась создать общий фронт против Японии, но фактически стояла перед общим фронтом государств-должников против Америки. Европейская военная промышленность обслуживала одновременно и Китай, и Японию. 10. XII. 1931 г. совет Лиги наций принял, с участием („одобрением") США, постановление о создании

комиссии обследования (комиссии Литтона). Имелось в виду, что до окончания „следствия" японцы и китайцы останутся на своих позициях,—китайские войска занимали еще район КВЖД и Харбина, а также Мукден-Бейпинскую дорогу. Но 23 декабря японцы начали наступление в последнем направлении и 3 января 1932 г. взяли Чин-Чоу, ликвидировав этим китайское сопротивление с юга, и тотчас же открыли операции в северном направлении. 7 января американское правительство обратилось с идентичными нотами к Китаю и Японии, предупреждавшими, что США не признают ни теперь, ни в будущем никаких фактических или договорных изменений прав Китая, фиксированных договорами США с Китаем и обеспечивающих его целость и неприкосновенность, если эти изменения произведены уже или будут произведены путями, несогласными с парижским пактом 27. VIII. 1928 г. (так назыв. „доктрина Стимсона" заключавшая, впрочем, оговорку о „законных правах" Японии в Маньчжурии). Японцы ответили 16 января, „что у Китая нет ни реальной власти, ни прав в отношении Маньчжурии", которая, на основе прав на самоопределение, стремится „вернуть себе независимость" от Китая (в 1900-1903 гг. царское правительство заявляло это же самое, японское же доказывало, напротив, что Маньчжурия — неотъемлемая часть Китая). 28 января японцы начали наступление на Чапей (Шанхай), а 28 февраля провозгласили „независимость" Маньчжу-Го. 11 марта собрание Лиги наций объявило обязанностью членов Лиги наций „не признавать положения, договора и соглашения, достигнутого средствами, противоречащими парижскому пакту" (Келлога),—формальный успех США. 12 марта Маньчжу-Го обращается за признанием ко всем правительствам, из которых одна Япония отвечает (в сущности - себе самой) утвердительно. Китайский антияпонский бойкот принес сокращение японского экспорта в Китай на 40%, тогда как до того сокращение его (по сравнению с 1931 г.) не превышало 22%. Еще чувствительнее для японцев было неожиданно-стойкое сопротивление 19-й армии в шанхайских боях (японских войск было 70.000; потери их—3 000 убитых и раненых; китайские потери—20.000). Концентрация американских (а затем и англо-французских) военных судов в Шанхае и прочие меры США имели целью поддержать в китайцах волю к сопротивлению без прямого вмешательства в их защиту. Обращение Китая за защитой к Лиге наций имело результатом воззвание (от 16 февраля) Совета Лиги наций „к чести" и „к лойяльности" токийского правительства, от которого требовалось соблюдение девяти-стороннего Вашингтонского трактата и Парижского пакта, в виду готовности Китая принять все предложения Совета для мирного улажения конфликта. Японское правительство ответило ультиматумом 18 февраля командованию 19-й армии. В Совете Лиги наций японский делегат Сато объявил, что японцы действуют исключительно „в порядке законной самообороны против китайской агрессии", „точно так же, как в прошлом действовали в Китае европейские державы". 3 марта японцы взяли Ву-Сунские форты. Американский флот покинул Атлантический океан и весь сосредоточился в Тихом океане, еще 23 февраля пройдя Панамский канал; но морской департамент объявил в то же время, что эта концентрация не имеет никаких дипломатических целей. В мае японцы, после заключения гоминдановцами перемирия, эвакуировали шанхайский район. Отчет комиссии Литтона должен был быть рассмотрен 21 ноября, но был принят лишь 24 февраля 1933 г., результатом чего был лишь выход Японии из Лиги наций.

В своей внешне-политической активности США были связаны не только финансовыми взаимоотношениями с европейскими державами, но и развитием революций (обострение классовой и антиимпериалистической борьбы в условиях феодального или полуфеодального строя, хронически потрясаемого военными переворотами и разлагаемого режимом господства и интервенции иностранного капитала) и военных конфликтов в латинской Аме-

рике,—гражданская война в Бразилии, революция в Чили, спор между Колумбией и Перу из-за Летиции, конфликт из-за Чако между Боливией (поддерживаемой США) и Парагваем (поддерживаемым Англией)—борьба за нефть и олово.

Проблема „разоружения" продолжала дебатироваться и в 1932 г., главным образом „гуверовский план" сокращения на $^1/_3$ всех сухопутных сил. СССР поддержал этот „план", но в результате поправок и оговорок от того, во что превратился этот план, отказались даже и первоначальные его сторонники. Резолюция женевской конференции от 23 февр. выразила принципиальные пожелания: о сокращении всех вооружений, в особенности средств наступательных, о воспрещении воздушных нападений на мирное население, об ограничении калибра тяжелой сухопутной артиллерии, о запрещении химической, бактериологической и „поджигательной" войны. Принятие этой резолюции явилось поводом для Германии демонстративно уйти с конференции на том основании, что конференция не формулировала принципа равноправия Германии в отношении вооружения. Эта демонстрация (при „моральной" поддержке американской дипломатии, стремившейся завоевать германские симпатии) возбудила опасения, что правительство Папена готовится денонсировать V раздел Версальского договора и открыто вооружаться. 29 августа германское правительство предложило французскому вступить в отдельные переговоры о равенстве вооружений. Французское правительство опубликовало это предложение и свой отрицательный ответ на него, в котором говорилось, что Франция не желает вести такие переговоры помимо Лиги наций и США. Так как Англия предложила обсудить франко-германский спор в Лондоне (Англия, Франция, Италия и Германия при американском „наблюдателе"), то Франция поспешила противопоставить этому свой „план" в заседании конференции по разоружению 14 ноября. Этот план включал, на ряду с ограничениями армий континентальной Европы, создание международной вооруженной силы, а также договоры о взаимопомощи между континентальными странами; Совет Лиги наций должен был большинством голосов решать вопрос о применении международной вооруженной силы, т.-е. о том, кто—агрессор и кто—жертва нападения. Обсуждение этого плана было отложено на 1933 г. На конференции 5 держав (2—11 декабря 1932 г.) Франция заявила, что готова принять принцип равноправия Германии в вооружениях „на основе общей системы гарантий безопасности для Франции и для других государств". Германия требовала отмены V раздела Версальского договора и немедленного осуществления равенства, без чего не соглашалась вернуться на конференцию о разоружении. Однако, она вернулась, как только Англия, Франция и Италия подписали декларацию, тождественную по существу с французским предложением. Уже 29. XI был подписан советско-французский пакт о ненападении, тогда как англо-с ветские отношения пережили новый кризис (денонсирование временного соглашения, заключенного в 1930 г., а затем в 1933 г.—введение эмбарго на экспорт СССР, „дело Метро-Виккерс"). Этот кризис закончился возобновлением торгового соглашения лишь в 1934 г. В том же 1933 г. Китай восстановил нормальные отношения с СССР; советская дипломатия заключила пакты о ненападении с Финляндией (21. I. 1932 г.), с Латвией (5. II), с Эстонией (4. V), с Польшей (ратифиц. 27. XI), с Италией (2. X. 1933 г.). Предложение такого пакта сделано было нами Японии еще в декабре 1931 г., но было отклонено под предлогом, что достаточно пакта Келлога (нарушителем которого в 1933 г. Япония была признана Лигой наций). Так же проволочками и враждебными маневрами встречено было сделанное в мае 1933 г. предложение наше о продаже КВЖД, осуществленное лишь в 1935 г.

1933 год принес дальнейшее обострение внутренне-политической борьбы классов и внешне-политических противоречий в капиталистическом мире. Наиболее ярким выражением этого обострения были: приход к власти

Гитлера в Германии в январе 1933 г., выход Японии из Лиги наций 27 марта (в ответ на резолюцию по докладу Литтона, признавшую Маньчжурию частью Китая) и выход Германии из Лиги наций 19 октября в ответ на принятие плана сокращений вооружений, сохранившего на ближайшее время (до 8 лет) неравенство вооружений стран-победителей и стран побежденных. Внешне-политической частью программы, с которой Гитлер пришел к захвату власти, было вооружение Германии с лозунгом контр-революционной войны буржуазной Европы против СССР и громко заявленным вожделением германско-империалистической экспансии на Востоке. Прикрытие реваншистских вожделений на Западе болтовней о „миссии на Востоке" никого не обмануло. (Пресса для внутренней пропаганды не стеснялась угрожать, заявляя: „Целью будущей войны является не какой-нибудь клочек земли, не провинция, не рынок; ее цель, говоря прямо, - убить врага, уничтожить его навсегда, как народ" и т. д.). С этого времени проблема непосредственной военной опасности в Европе занимает первое место в мировой политике.

Маневры английской дипломатии, одновременно агрессивной в отношении СССР и благожелательно принимавшей антисоветские выступления гитлеровских агентов (поездка Розенберга в Лондон, меморандум Гугенберга), несмотря на возмущение английского общественного мнения (даже и влиятельных буржуазных кругов), ориентировали агрессивность гитлеровской Германии на Восток, в чем французская дипломатия отказывалась, однако, видеть освобождение Франции от германской опасности. Германская же агрессивность вырастала в борьбе за „равенство вооружений", одновременно взяв на прицел Австрию (подготовкой фашистского переворота и аншлюса изнутри) и поставив Польшу перед необходимостью выбирать между союзом с Германией или союзом с Францией в подготовлявшейся реваншистской фашистской войне.

Результаты мировой экономической конференции в Лондоне были весьма незначительны. Вопрос о военных долгах также не получил решения. И на экономической конференции, и на конференции по разоружению, во всех видах борьбы за мир, дипломатия СССР завоевывала исключительное положение; отметим заявление наркоминдела Литвинова о возможности размещения сов. заказов на 1 млрд. долларов и о пакте об экономическом ненападении; замечательным успехом советской дипломатии было подписание 3–5 июля 1933 г., во время экономической конференции в Лондоне, конвенций с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном, Чехословакией, Югославией и Литвой об определении нападающей стороны, с последующим присоединением Финляндии. Согласно статье II этих конвенций, будет признано нападающим в международном конфликте... „государство, которое первое совершило бы одно из следующих действий: 1) объявление войны другому государству; 2) вторжение своих вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства; 3) нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; 4) морскую блокаду берегов или портов другого государства; 5) помощь, оказанную вооруженным бандам, которые будучи образованными на его территории, вторглись бы на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование подвергшегося вторжению государства, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства". Приезд Эррио и визит французской авиации в Москву, установление (формальное) дипломатических отношений между СССР и Испанией; обмен с Италией „авиационными визитами" и, наконец, одно из важнейших событий года—признание СССР правительством (президент Рузвельт) США (16. XI. 1933 г.)—все

это в значительной степени рассеяло опасность изоляции, созданную для СССР подписанием „пакта четырех" 7 июня 1933 г. Пакт этот подтверждал обязательства сигнатариев перед Лигой наций, локарнское соглашение, пакт Келлога и женевскую декларацию 11. XII. 1932 г.: подписавшиеся под ним Англия, Германия, Италия и Франция обязывались сообща поддерживать мир (1), согласовывать между собою решение вопросов, связанных с применением статей 10, 16 и 19 статута Лиги наций (2), сообща стремиться к успеху конференции по разоружению (3), сотрудничать в вопросах экономического порядка в рамках Лиги наций (4). Этот пакт не помешал Германии покинуть конференцию по разоружению и Лигу наций, под предлогом неприемлемости установления „испытательного периода" и несоблюдения принципа равенства в вопросе о качественных сокращениях вооружений. Германский меморандум 18. XII. 1933 г., врученный французскому послу в Берлине, отвергал осуществимость разоружения вообще и требовал для Германии равенства вооружений, взамен участия Германии в пактах о ненападении. Переговоры по поводу этого меморандума продолжались в 1934 г. Тем временем, англо-франко-итальянский протокол 17. II. 1934 г. подтвердил принцип независимости Австрии.

Характеризуя международно-политическую конъюнктуру конца 1933 г., М. М. Литвинов указал три „основные группировки государств, борьба между которыми заполняет в настоящее время международную арену": 1) „Весьма немногие страны, которые либо уже заменили дипломатию военными операциями, либо, еще будучи к этому не подготовлены, собираются это делать в недалеком будущем". 2) Страны, имеющие „свои противоречия с другими странами, которые они не рассчитывают устранить иначе, как войной", но которые „еще не достигли такой остроты, чтобы война считалась актуальной. Считая, однако, войну неизбежной и неустранимой и, с другой стороны, не будучи слишком заинтересованы в сохранении всеобщего мира, они не хотят связывать себе рук и избегают, по возможности, обязательств, которые излишне, по их мнению, упрочивали бы мир, как пакты о ненападении, определение агрессии и т. п. Они, может быть, ничего не имели бы против маленькой драки между третьими государствами, в которую они сами не были бы вовлечены и из которой они могли бы извлечь некоторую выгоду, в особенности, если бы от таких драк мог пострадать наш Союз". 3) „Есть, наконец, и такие буржуазные государства—и их не мало,—которые на ближайший отрезок времени заинтересованы в ненарушении мира и готовы направлять свою политику в сторону защиты этого мира".

„Организационный пакт" Малой Антанты (принятый делегатами Чехословакии, Югославии и Румынии в Женеве 16 февраля 1933 г.) целью ее ставил —„поддерживать мир и защищать общие интересы трех государств" и постановил, что все политические договоры каждой из трех стран Малой Антанты в будущем должны будут заключаться не иначе, как с одобрения Совета Малой Антанты (состоящего из министров иностр. дел). Заключение с СССР предложенных советской дипломатией соглашений, укрепляющих мир, равно как и установление вполне дружеских отношений с СССР (поездка Бенеша в Москву и заключение чехословацко-советского соглашения в 1935 г.) свидетельствуют об искренней политике защиты мира дипломатией Малой Антанты на данном историческом этапе. Отход Польши от этой политики ознаменовался сближением с Германией и неизбежным охлаждением отношений с Малой Антантой; до известной степени пошатнувшееся положение последней выправилось подписанием в Афинах 2. II. 1934 г. балканского пакта Румынией, Югославией, Турцией и Грецией. Эта „балканская Антанта", являющаяся как бы продолжением Малой Антанты, несколько укрепила мир в юго-восточной Европе, где ему угрожает, с одной стороны, болгарский фашизм, мечтающий о „реванше", а с другой — итальянский фа-

шизм, стремящийся сближением со странами, борющимися подготовкой войны против версальской системы мирных договоров, подкрепить свою политику империалистического великодержавия.

В разрез с линией охраны мира в Европе, в *1934 году* продолжалось под прикрытием декларации о ненападении (26. I. 1934 г.) германо-польское сближение. В том же 1934 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Румынией, Болгарией, Венгрией, Чехословакией. Между тем как Германия и Япония покинули Лигу наций — 15. X. 1934 г. 34 государства обратились к СССР с приглашением вступить в Лигу наций. Болдуин, Остин Чемберлен, Черчилль выступали в английском парламенте как сторонники активной борьбы с германской военной опасностью на континенте.

В. М. Молотов отметил на IV сессии ЦИК СССР *(т. е. еще в декабре 1933 г.)* „сдерживающую роль Лиги наций по отношению к рвущимся к войне силам". Тов. Сталин в интервью с америк. журналистом („Правда", 4. I. 1934 г.) отметил положительное значение на данном историческом этапе Лиги наций как препятствия на пути развертывания войны. 18. IX собрание („ассамблея") Лиги большинством 38 голосов (по уставу достаточно было бы 28 голосов) против трех (Португалия, Голландия, Швейцария), при 7 воздержавшихся (Аргентина, Бельгия, Куба, Люксембург, Панама, Перу, Венецуэла), приняло СССР в Лигу наций с предоставлением ему постоянного места в Совете Лиги наций. В первой речи своей Литвинов оговорил, что СССР не несет ответственности за прежние решения Лиги наций, принятые без участия СССР, а также что СССР считает подлежащими изменению статьи статута Лиги наций, узаконяющие расовое неравенство и в известных случаях войну (ст. 12, 15, 32 и 23).

В начале 1934 г. состоялось досрочное введение в действие франко-советского торгового соглашения, в августе—ответный визит советской авиации во Францию, 5 *декабря подписан* Литвиновым и Лавалем в Париже протокол о восточном региональном пакте (совместная работа для осуществления его), к которому присоединилась Чехословакия, 9 декабря в Москве *подписан франко-советский протокол о кредитах*, — события, свидетельствовавшие о непрерывном дальнейшем росте международного влияния СССР. Состоявшаяся, наконец, сделка о продаже *КВЖД* в известной мере притупила остроту положения на дальне-восточной границе СССР в то время, как главным очагом военной опасности стала гитлеровская Германия.

Одним из важнейших международных актов всей послевоенной эпохи является подписанный в Париже 2 мая 1935 г. советско-французский договор о взаимной помощи, состоящий из 5 статей и протокола, содержащего 4 пункта.

Ст. I: „В случае, если СССР или *Франция явились бы* предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения *постановлений статьи 10 устава Лиги наций*" („члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и ... независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры *к обеспечению выполнения этого обязательства*"). Ст. II: „В случае, если в условиях, предусмотренных в ст. 15, § 7 устава Лиги наций („в случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме представителей спорящих сторон, — члены Лиги оставляют за собою право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия"), СССР или Франция явилась бы ... предметом невызванного нападения *со стороны какого-либо* европейского государства, — Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку". Ст. III: „Принимая во внимание, что согласно ст. 16 устава Лиги наций (о санкциях

со стороны всех членов Лиги наций против члена Лиги наций, прибегнувшего к войне, экономического и военного характера, на основе взаимопомощи, вплоть до пропуска защищающих обязательства Лиги войск через их территорию) каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в ст.ст. 12, 13 или 15 устава Лиги наций (обязательство прибегать к третейскому разбирательству конфликта и выполнять решения третейского суда или же отдавать спорный вопрос для его урегулирования Совету Лиги наций), тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, — СССР и взаимно Франция обязуются в случае, если одна из них явится в этих условиях и, несмотря на искренние мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу немедленно помощь и поддержку, действуя применительно к ст. 16 устава". § 1 протокола устанавливает, что следствием ст. III является обязательство каждой договаривающейся стороны оказать немедленно помощь другой, сообразуясь безотлагательно с рекомендациями Совета Лиги наций, как только они (рекомендации) будут вынесены в силу ст. 16 устава. Условлено также, что обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, дабы достичь того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всею скоростью, которой потребуют обстоятельства, и что, если, несмотря на это, Совет не вынесет, по той или иной причине, никакой рекомендации и если он не достигнет единогласия, то *обязательство помощи тем не менее будет* выполнено. Условлено также, что обязательства помощи, предусмотренные в настоящем договоре, относятся лишь к случаю нападения, совершенного на собственную территорию той или другой договаривающейся стороны". § 2 устанавливает, что принимаемые обязательства „не могут иметь такого применения, которое, будучи несовместимым с договорными обязательствами, принятыми одной из договаривающихся сторон, подвергло бы эту последнюю санкциям международного характера". § 3: „Оба правительства, — считая желательным заключение регионального соглашения, целью которого явилась бы организация безопасности договаривающихся государств и которое вместе с тем могло бы включить обязательства взаимной помощи или сопровождаться таковыми, — признают друг за другом возможность в соответствующем случае участвовать с обоюдного согласия, в той форме, прямой или косвенной, которая представлялась бы подходящей в подобных соглашениях, при чем обязательства этих соглашений должны заменить собой те, которые вытекают из настоящего договора". Пункт этот устраняет очевидным образом какие-либо добросовестные опасения со стороны Германии (или Польши), открывая настежь двери к заключению с их участием соглашения, гарантирующего мир и безопасность, взамен соответствующих обязательств, вытекающих из настоящего договора. § 4 констатирует, что „переговоры, результатом которых явилось подписание настоящего договора, были начаты первоначально в целях дополнения соглашения о безопасности, охватывающего страны северо-востока Европы, а именно: СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и соседние с СССР Балтийские государства; на ряду с этим соглашением должен был быть заключен *договор о помощи между СССР, Францией и Германией*, в котором каждое из этих трех государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое явилось бы предметом нападения со стороны одного из этих трех государств. Хотя обстоятельства до сих пор не позволили заключить эти соглашения, которые обе стороны продолжают считать желательными, тем не менее обязательства, изложенные в советско-французском договоре о помощи, должны пониматься как имеющие действовать *лишь в тех пределах, которые имелись в виду в первоначально намечавшемся трехстороннем договоре* (т.-е. — в отношении Германии). Независимо от обязательств, вытекающих из настоящего договора, напоминается вместе с тем,

что согласно сов.-франц. договору о ненападении от 29 ноября 1932 г. и при том без ущерба для универсальности (т. е. без ограничения европейскими рамками) обязательств этого пакта, в случае, если бы одна из сторон подверглась нападению со стороны одной или нескольких третьих европейских держав, *не предусмотренных в вышеназванном тройственном соглашении*, — другая договаривающаяся сторона должна будет воздерживаться в течение конфликта от прямой или косвенной помощи или поддержки нападающему или нападающим, при чем каждая из сторон заявляет, что она не связана никаким соглашением о помощи, которое находилось бы в противоречии с этим обязательством" (опублик. в „Известиях" и „Правде" от 4 мая 1935 г.).

16 мая 1935 г. в Праге был подписан аналогичный договор о взаимной помощи между СССР и Чехословацкой республикой, состоящий из 6 статей и протокола, содержащего 3 параграфа. § 2 редактирован след. образом: „Оба правительства констатируют, что обязательства, предусмотренные статьями I, II и III настоящего договора (тождественные с первыми тремя ст. фр.-сов. договора, заключенного в стремлении содействовать созданию в Вост. Европе региональной системы безопасности, начало которой положено франко-советским договором от 2 мая 1935 г.), ограничиваются теми же пределами, которые установлены п. 4-м протокола подписания упомянутого договора. Одновременно оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции" (опублик. в „Изв." и „Правде" от 18 мая 1935 г.).

Подписание обоих этих договоров встречено было всеобщим и сильнейшим удовлетворением не только в непосредственно заинтересованных странах, но и в ряде других стран. Германо-фашистская пресса сначала сдержанно отметила, что фр.-сов. дружба представляет один из важнейших факторов в европейской политике, но затем пыталась представить ее „угрозой" для Германии. Позиция английской дипломатии, видимо, определилась попытками извлечь возможную выгоду из воссоздавшегося „равновесия сил" и старанием направить энергию германской подготовки войны (вооружений) против континентальных стран. Однако, сразу же обнаружилась влиятельная оппозиция со стороны кругов, учитывающих радикальное изменение обстановки в связи с нынешними условиями морской и особенно воздушной войны. В ходе же развития итало-абиссинского конфликта вскрылась столь ясно несостоятельность маневров английской дипломатии в стиле эпохи „блестящего одиночества", что ей пришлось снова повернуть на дорогу *лояльного* сотрудничества с Францией.

1935 г. 3 февр. 1935 г. Саймон и Лаваль подписали в Лондоне англо-французский протокол о том, что обе стороны согласны решать вопрос о равенстве вооружений лишь как один из элементов общей системы гарантий мира и безопасности в Европе, а 16 марта односторонним актом германского законодательства ликвидирован был V раздел Версальского мира, и германская армия специальным декретом была возвращена в положение крупнейшей военной силы на континенте. По всем признакам этот акт (накануне поездки Саймона и Идена в Берлин) был согласован с антисоветскими кругами Англии, стремящимися ориентировать гитлеровский фашизм на Восток, против СССР (на ближайшем этапе: Литва — Мемель). В самой Англии тенденция эта встречает столь сильное противодействие, что непосредственно за визитом Саймона в Берлин последовала поездка Идена (лорд-хранитель печати) из Берлина в Москву, — акт внимания, каким с ревельского свидания 1908 г. ни разу со стороны Англии не было удостоено до-революционное русское правительство, но не меняющий факта известной поддержки из Лондона гитлеровских вожделений, направленных против СССР.

Установление „единого" англо-франко-

итальянского фронта в отношении акта 16 марта на апрельской конференции трех держав в Стрезе логически вытекало из „локарнской" политики в ее современном оформлении, начатом франко-итальянским соглашением 7 января 1935 г. Шесть дипломатических инструментов, составляющих это соглашение, разрешают вопросы: итальянской иммиграции в Тунис (в пользу Франции, так как соглашение предусматривает отмену тех итальянских привилегий в Тунисе, которые являлись ограничением французского суверенитета в этой колонии Франции); разграничение в Ливии, отдающее Италии площадь приблизительно в 114.000 *кв. км* (и вызывающее резкую критику со стороны французских военно-колониальных кругов, ссылающихся на пример „неудобств", связанных с соседством испанцев в Марокко); разграничение в Эритрее, отдавшее Италии побережье Баб-эль-Мандебского пролива и остров Думеррах; экономическая „кооперация" Франции и Италии в Абиссинии, в частности — передача итальянцам 20% французского общества железной дороги между Джибути и Аддис-Абебой; в отношении Австрии и придунайской Европы оба правительства согласились рекомендовать наиболее заинтересованным государствам заключение дунайского пакта, конвенции о невмешательстве во внутренние дела, взаимного обязательства строго соблюдать неприкосновенность границ и независимость договаривающихся сторон (этот договор должен быть заключен всеми странами, граничащими с Австрией, и самою Австрией, а затем предложен к подписанию Франции, Польше, Румынии, а в последней стадии — другим державам, которые пожелали бы к нему присоединиться); не дожидаясь заключения этой конвенции, оба правительства условились, в случае угрозы целости и независимости Австрии, договориться между собой и с Австрией о мерах ее защиты с последующим распространением этой „консультации" на другие государства для привлечения их к совместным действиям; в отношении германских вооружений оба правительства признали, что ни одна сторона не имеет права односторонним актом изменять свои обязательства в вопросе о вооружениях и что в случае такого изменения они будут действовать сообща; заключительная декларация поясняла, что все спорные вопросы между Францией и Италией разрешены и что впредь они будут действовать сообща, на основе взаимного доверия и „традиционной дружбы".

Лондонская англо-французская декларация 3 февраля заключала присоединение Англии к франко-итальянскому соглашению по всем вопросам европейской политики: о германских вооружениях, дунайском пакте и т. д. Германия приглашается вернуться в Лигу наций; предусматривается „воздушная" конвенция в развитие Локарнского пакта, заключающая обязательства для шести участников его притти немедленно своими воздушными силами на помощь тому из них, кто подвергнется невынужденному воздушному нападению со стороны другого участника пакта и конвенции. Взамен „равноправия" в вопросе вооружений Германия приглашается к участию в общей конвенции об ограничении вооружений и предварительно присоединиться к восточному пакту взаимопомощи и к дунайскому пакту.

17 апреля Совет Лиги наций принял англо-франко-итальянскую резолюцию, констатировавшую неправомерность одностороннего аннулирования Германией ее международных обязательств и приглашавшую участников декларации 3 февраля продолжать действовать в направлении заключения системы соглашений, обеспечивающих мир; кроме того, резолюция предусматривает выработку мер против нарушителей мира и гарантий эффективности обязательств и гарантий Лиги наций. Резолюция была принята единогласно, при одном воздержавшемся члене Совета—Дании. В день принятия резолюции германский представитель заявил английскому, что эта резолюция затруднит возвращение Германии в Лигу наций и сотрудничество Германии с западными державами. Дальнейшим практи-

ческим следствием конференции в Стрезе было выступление 3 держав по мемельскому вопросу в форме коллективной ноты литовскому правительству. После обсуждения министрами ин. дел Литвы, Эстонии и Латвии этой ноты, подтвердившими солидарность их политики, литовское правительство предложило мемельским немцам 5 мест в мемельской директории, но получило в ответ отказ от этих мест, разумеется по внушению из Берлина. Державам-гарантам мемельского статута литовское правительство предъявило доказательства, что все меры, принятые им в Мемеле, были вынуждены непрерывным вмешательством германского правительства во внутреннюю жизнь Мемеля и подготовкой нац.-социалистского переворота.

27 апреля германское правительство объявило о своем решении немедленно спустить на воду 12 подводных лодок по 250 тонн, между тем как на вторую половину мая назначена была, после визита Саймона в Берлин, англо-германская морская конференция в Лондоне. Эти 12 субмарин были построены еще минувшей зимой, а в апреле был отдан приказ о сборке готовых уже частей. В то же время говорилось, что в Берлине Саймон стал жертвой „недоразумения" в части переговоров с Гитлером, касавшейся воздушных вооружений: заявление Гитлера о равенстве английских и германских воздушных вооружений Саймон понимал, как относящееся к Англии без ее колоний и доминионов; выяснилось, однако, что Гитлер имел в виду всю Британскую империю. Состоявшееся в июне англо-германское морское соглашение (германский флот = 35% британского) не ухудшило, во всяком случае, для Англии существующей пропорции и представляло не более, как передышку, которой английское правительство намерено воспользоваться для того, чтобы подтянуться к установленной норме. В Англии хорошо известно то место в речи Геринга 2 мая в ассоциации журналистов, которое было вычеркнуто из опубликованных текстов цензурой и которое заключало в себе требование для Германии такого воздушного флота, который был бы равен сумме двух крупнейших военно-воздушных флотов из числа других европейских государств. Англо-германское соглашение вызвало крайнее беспокойство во Франции, где дальнейшие пути „двусторонней" английской политики возбуждают подозрение, и чрезвычайно подняло тон гитлеровской агитации, явно спекулировавшей на нейтралитет Англии в случае войны Германии „на два фронта". 21 мая 1935 г. гитлеровским правительством был издан закон о всеобщей воинской повинности, на основании которого кадровая армия (не считая нерегулярных формирований) менее чем через год составилась из 700.000 человек, при 3.000 танков, 2.000 самолетов (а всего самолетов в Германии—7.000), 3.500 орудий, 6.500 станковых пулеметов и т. д. Число военных заводов с 30 в 1933 г. выросло до 340 в 1936 г., число рабочих в военной промышленности — с 110.000 до 600.000 чел. Военный бюджет вырос с 960 млн. марок до 11,2 млрд. марок (данные, приведенные Черчилем при обсуждении английского бюджета в марте 1936 г.).

Тревожное положение в Европе деятельно использовалось в Азии Японией и в Африке Италией: Япония к началу июля фактически завладела Чахаром и Хубейской провинцией, т.-е. всем северным Китаем; Италия закончила приготовления к завоевательной кампании в Абиссинии, одновременно демонстрируя свою боевую силу на Средиземном море в связи с концентрацией там английского флота. На попытки Англии и присоединившейся к ней Франции, после заявления англ. дипломатии о готовности сотрудничать с Францией в охране мира в Европе, склонить Рим к компромиссному решению в рамках Лиги наций, Италия до английской морской демонстрации отвечала предупреждениями о своей готовности выйти из Лиги наций, а в конце сентября — после этой демонстрации — выставила свои требования в отношении Абиссинии, означающие аннексию значительной части Абиссинии и установление итальянского протектората над остальной ее частью.

Дипломатия США, разочаровавшись в своих надеждах вызвать другие страны на активное противодействие японской агрессии в Китае, вернулась на свою прежнюю—до прихода к власти Рузвельта — позицию сосредоточения своей деятельности в странах латинской Америки: интервенция в Кубе, ликвидация боливиано-парагвайской войны с расчетом на посреднической конференции в Буэнос-Айресе провести решение спора о Чако в пользу американских нефтяных интересов в Боливии, и т. д. Совпало противоречивым образом некоторое оживление антисоветских настроений („недоразумение" в вопросе о царских долгах) с волной возмущения против погромного германского фашизма. В отношении Лиги наций наблюдался также отход от первоначальной позиции Рузвельта, обещавшего сближение США с этой организацией. Однако, основным фактом в политике США оставались лихорадочные морские вооружения в виду краха вашингтонских соглашений. Обострение отношений с Японией сказывается также в стараниях американской дипломатии вытеснить Японию из занятых ею позиций, в частности в Бразилии.

Осенью 1935 г. Япония, захватив провинции Хубей и Чахар, принимала угрожающие подготовительные к дальнейшим захватам меры в направлениях Суюань, Шандунь, Шеньси, Фуцзянь. По мере развития японской агрессии развивалось и национально-демократическое движение китайского народа, важнейшим этапом в росте которого явился манифест ЦК компартии Китая и центрального советского китайского правительства, обращенный ко всему китайскому народу и призывавший его, в согласии с ориентировкой VII конгресса Коминтерна, к созданию единого национального фронта против японского империализма. Японию поддерживали Германия и Италия. Германская дипломатия хотела заключения германо-японского союза, направленного непосредственно против СССР, а в то же время представляющего орудие давления и шантажа по отношению к Англии и США. Правительство Муссолини поддерживало гитлеровскую дипломатию на Дальнем Востоке, укрепляя этим связь свою с фашистской Германией в Европе как орудие шантажа в отношении Франции и Англии.

Глубокая трещина в японской империалистической системе была вскрыта в февр. 1936 г. военно-фашистским путчем в Японии; несмотря на неудачу его, нажим японо-фашистской военщины в 1936 г. продолжался. От нанкинского правительства японская дипломатия добивалась: заключения токио-нанкинского „союза" против национально-освободительного движения китайского народа (под флагом „союза против коммунизма"); признания нанкинским правительством „Манчжоу-Го", а также так наз. „автономии" пяти северокитайских провинций (Хубей, Чахар, Шандунь, Шеньси и Суюань); принятия японских гарнизонов на р. Янцзы и на о. Хайнан и японских „советников" при нанкинском правительстве; подчинения китайских учебных заведений японскому контролю и т. д.

Работа Лиги наций после заключения локарнских соглашений велась с 1926 г., главным образом, в комиссии по подготовке конференции по разоружению, а с 1932 г.—в конференции по разоружению, сорванной агрессивной политикой Германии (см. выше); с 1933—34 г. конференция вернулась к вопросам безопасности, т.-е. к положению, предшествовавшему заключению локарнского пакта, уничтоженного германским правительством. В 1934 г. Союз ССР предложил превратить конференцию по разоружению в постоянную конференцию мира, разрешающую вопросы не только разоружения и безопасности, но и конкретные конфликты. С начала военных действий Италии против Абиссинии (2 октября 1935 г.) Совет Лиги наций занялся вопросом о нарушении Италией ст. 12 пакта Лиги наций; решение о наложении эмбарго на оружие, ввозимое в Италию, было принято 11 октября, о прочих санциях—14—19 октября. Эти санкции состояли: в воспрещении ввоза оружия и некоторых видов военного сырья, финансовом бойкоте и бойкоте итальянского экспорта (*см.* LIII, 555). Из санкций, предусмотренных резолюция-

*

ми Лиги наций 1921 г., не были осуществлены ни разрыв дипломатических сношений, ни усиление санкций, ни даже предположенное запрещение ввоза в Италию нефти. Принятые санкции введены были в действие 18 ноября 1935 г. 4 июля 1936 г. Собрание Лиги наций констатировало, что полного применения пакта Лиги наций достигнуть не удалось, и выразило пожелание о прекращении применения санкций в виду фактического завершения завоевания Абиссинии. Снятие санкций состоялось 15 июля 1936 г.

Принятые Лигой наций санкции против Италии не составили реального препятствия разгрому абиссинских военных сил итальянской техникой. Однако, вместе с обострением отношений с Англией, санкции легли чувствительным бременем, материальным и политическим, на муссолиниевский режим. 9 мая 1936 г. декретировано было римским правительством превращение Абиссинии в колонию Италии, после чего, однако, борьба абиссинцев против завоевателей продолжалась (и продолжается) в формах партизанской зойны. Катастрофическое состояние итальянских финансов ставило Муссолини перед выбором: либо капитулировать перед Англией, либо пытаться достигнуть компромисса с Англией путем захвата позиций, могущих составить предмет торга с Англией; последнее равносильно взятию курса на крайнее обострение международно-политической обстановки, т.-е. на быстрое „врастание" в новую империалистическую мировую войну. Муссолини—в виду шаткости фашистского режима в Италии—избрал второй путь, вступив в тесную связь с испанским фашизмом, нашедшим в нем и в гитлеровской Германии деятельных пособников и организаторов подготовлявшегося в Испании (еще до февральских выборов 1936 г.) фашистского переворота.

Гитлеровское правительство, рассчитывая использовать положение, созданное в Европе англо-итальянским спором, а во Франции—острой внутренне-политической борьбой накануне апрельских выборов, разорвало локарнский договор внезапным занятием 5-ю пехотными дивизиями демилитаризованной рейнской зоны 7 марта 1936 г. При этом оно крепко опиралось на благожелательный нейтралитет и прямую поддержку „фашистофильского" лагеря английской буржуазии, возлагающего на фашизм черную работу по борьбе с революционной демократией („большевизмом") на европейском и азиатском континентах. По линии этой фашистофильской ориентации заключено было в 1934 г. англо-германское соглашение о платежах, в результате которого Англия, по признанию Идена, покупала на 100 фунтов стерлингов товаров в Германии за каждые 55 фунтов стерлингов, на которые Германия покупала товары в Англии—беспримерное в германской внешней торговой практике соглашение, оставлявшее гитлеровскому правительству из каждой сотни английских фунтов ст. 45 фунтов „на покупку — по словам Идена — сырья, продовольствия (!) и на погашение ее финансовых обязательств", в действительности — на сухопутные, воздушные и морские вооружения германского фашизма, как это открыто констатировано было известным лозунгом „пушки, вместо масла".

Занятие рейнской зоны вызвало дипломатические протесты, нисколько не ослабившие впечатления „успеха" гитлеровского метода разрушения международно-правовых оснований европейского мира. Гораздо более серьезным ударом для германского фашизма была новая и крупнейшая внутренне-политическая победа антифашистского народного фронта — парламентские выборы 26 апреля и 3 мая 1936 г. во Франции. Французский фашизм, разоблаченный как гитлеровская агентура во Франции, потерпел на этих выборах полное поражение. Тем большее значение для гитлеровской политики окружения Франции приобрел вопрос о фашистском перевороте и утверждении германо-итальянской ориентации в Испании. 13 июля было заключено австро-германское соглашение, согласованное с Италией, Венгрией и Польшей, предоставлявшее Германии экономическую „близость" с Австрией и свободу дея-

тельности гитлеровской агентуре—австрийской „национал-социалистической" партии. Одновременно последовало выдающееся по наглости заявление в Женеве президента Данцигского сената, фашиста, о предстоящем разрыве Данцига с Лигой наций, основанное, очевидно, на сговоре с Варшавой. В ночь с 17 на 18 июля того же 1936 г. начался фашистский мятеж в Испании, подготовленный испанскими генералами при помощи и под руководством гитлеровского и муссолиниевского правительств, с самым деятельным содействием со стороны военно-иезуитско-фашистской диктатуры Португалии. Героизм испанского пролетариата и единство спаянного компартией народного фронта дали отпор мятежникам, опрокинувший все расчеты фашистских генералов. Тотчас же после того, как мятежники потерпели неудачу в Кастилии, в Каталонии, Валенсии, в Бискайе, т.-е. с первых дней мятежа, интервенты начали открыто наводнять район фашистско-марокканской оккупации германо-итальянской военной техникой и инструкторами, а затем—войсками; португальская территория и все органы португальской фашистской диктатуры были предоставлены в распоряжение организаторов мятежа, начиная с установления через португальскую территорию связи между северными и южными бандами фашистов. Вопрос о судьбе испанской республики, таким образом, сразу же стал вопросом борьбы против фашизма и начатой им интервенционистской войны в Испании.

Английская дипломатия в испанском вопросе проявила снова бережное отношение к престижу Гитлера и Муссолини, несмотря на захват интервентами Балеарских и Канарских островов, Сеуты, Малаги и т. д., почему и французское правительство, опасаясь более всего „оторваться" от Англии, не решилось выступить на защиту своей безопасности на Средиземном море и на Пиренеях. С другой стороны, французское правительство в свою очередь не поставило Англию перед необходимостью выбирать между поддержкой решительного выступления Франции против фашистской интервенции и разрывом англо-французской антанты. В пользу интервентов действовали в Лондоне: контр-революционная вражда к „слишком левому", по оценке влиятельных реакционных кругов (в том числе владельцев богатейших горнозаводских концессий в Испании), республиканскому правительству и уверенность английских „хозяев" Португалии, что успех испанской демократии сметет иезуитско-фашистскую диктатуру в Португалии, охраняющую до сих пор „английские интересы" в этой стране. Этими кругами испанское правительство и было объявлено „красным", почти „большевистским", а интервенция—„борьбой двух идеологий": фашистской и марксистской... Английская дипломатия заявила себя „нейтральной" в этой „борьбе двух идеологий" и взяла на себя самую выгодную для империализма Гитлера и Муссолини задачу: „локализовать" начатую ими на Пиренейском полуострове, в тылу Франции, войну против испанского народа с целью обосноваться на Пиренейском полуострове и в западной части Средиземного моря.

С начала фашистского мятежа и обнаружения помощи ему со стороны фашистских правительств, французское правительство под давлением английских консерваторов (через английское правительство) и французских реакционных кругов выступило—„во имя предотвращения европейской войны" — с предложением о „невмешательстве в дела Испании". Лондон стал местом обсуждения и проведения в жизнь принципа невмешательства „международным комитетом" в составе представителей Союза ССР, инициаторов политики невмешательства: Франции и Англии, а также фашистских правительств Германии, Италии и Португалии. Уже 7 октября 1936 г. представитель Союза ССР в Лондонском „комитете" (под председательством британского представителя, лорда Плимута), Майский заявил, что если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, Союз ССР будет считать себя свободным от обяза-

тельств, вытекающих из соглашения. 4 декабря правительства Франции и Англии предложили остальным державам, представленным в лондонском комитете, сообща установить гарантии невмешательства. Майский заявил требование о немедленном прекращении посылки иностранных „волонтерских" частей в Испанию и об удалении регулярных войск. Португалия оттянула свой ответ до 17 декабря. Установление наблюдения на границах Испании за выполнением изданных отдельными правительствами запрещений отъезда добровольцев в Испанию также оттягивалось фашистскими правительствами до апреля 1937 г. От участия в этом наблюдении своими военными судами Союз ССР отказался; инциденты с английскими наблюдательными военными судами показали, насколько предусмотрительно было это решение с точки зрения мирной политики Советского Союза. Как до установления контроля, так и после установления его фашистские правительства продолжали саботировать соглашение. Итальянские войска и германская авиация с начала 1937 г. составляют главные силы мятежников. Итальянское правительство в самое последнее время открыто заявило и в лондонском комитете, и в Риме о своем решении не отзывать своих войск из Испании; германское правительство, своей авиацией уничтожая города и селения в Бискайе, поддержало вторжение итальянцев и мятежников в Бискайю и подняло против себя волну негодования и протестов во всем мире.

Задачу организации действительной борьбы в защиту мира и свободы народов Европы взял на себя Союз ССР.

По адресу японской военщины еще 1 марта 1936 г. сделано было открытое предупреждение заявлением товарища Сталина в беседе с г. Рой-Говардом, председателем американского газетного объединения, что в случае нападения Японии на Монгольскую народную республику „нам придется помочь Монгольской народной республике". Это же было заявлено японскому послу в Москве зам. народного комиссара ин. дел Стомоняковым и подтверждено опубликованием договора СССР с Монголией. За первые 9 месяцев 1936 г. имело место свыше 90 нарушений советской и монгольской границ частями японских и маньчжурских войск. Все они прекращались с такой твердостью и быстротой, что ни одно из них не превратилось из искры, брошенной поджигателями, в пламя.

Создание единой международной политики пролетариата в интересах мира с „действенными мероприятиями", сковывающими „злодейские руки зачинщиков войны" (Димитров, „Правда", 1 мая 1936 г.), сделало Союз ССР признанным руководителем борьбы народов против фашизма и войны. Успех этой политики отражен был в сентябре 1936 г. международным конгрессом друзей мира в Брюсселе. На этом конгрессе присутствовало 4.000 делегатов из 35 стран; в основу этого движения легли 4 пункта: 1) признание ненарушимости обязательств, вытекающих из международных договоров; 2) сокращение и ограничение вооружений путем международных соглашений и недопущения наживы на производстве и торговле оружием; 3) усиление Лиги наций в целях предотвращения и прекращения войны путем организации коллективной безопасности и взаимопомощи; 4) установление в рамках Лиги наций действенного механизма, посредством которого можно было бы изменить к лучшему международную обстановку, грозящую вызвать военные осложнения.

Непрерывное возрастание мощи Союза ССР, при неизменной политике охраны мира, было в течение последних лет важнейшим фактом международно-политической действительности, противостоявшим в сознании всего человечества и правительств всего мира военно-фашистской агрессии. Конференция в Монтре показала с особенной наглядностью всю высоту положения, занятого Союзом ССР, сравнительно с международно-политическим положением и весом дореволюционной России: советской дипломатии достаточно было занять в Монтре твердую позицию, чтобы достигнуть того, чего пра-

вительство дореволюционной России не могло добиться никакими средствами тайной дипломатии, без разбора пускавшейся им в ход. Коренные изменения в международной обстановке со времени лозаннской конференции 1922—1923 г. (*см.* XLVII, 114/15) потребовали от турецкого правительства принятия по существу той точки зрения на лозаннскую конвенцию, которую при выработке ее отстаивала советская делегация. Турецкое правительство, верное принципам международного права и мирного сожительства народов, не могло принять тактику нарушения международных договоров, навязывавшуюся ему германо-итало-японскими образцами; оставаясь сторонником мира и права, оно, начиная с 1933 г., возбудило вопрос о правомерном пересмотре лозаннской конвенции, в связи с принятием § 19 проекта конвенции о сокращении вооружений, упразднившим тяжелую сухопутную артиллерию и ограничивавшим воздушные вооружения при сохранении тяжелой морской артиллерии. С другой стороны, неравноправное положение Турции в проливах, при почетном положении, занятом ею в ряду народов, борющихся за мир и право, становилось тем несообразнее, что некоторые государства, подпавшие под иго фашизма, пали настолько же низко, насколько поднялась новая Турция над Турцией старого режима. На эту неравноправность турецкий министр иностр. дел обратил вновь внимание Совета Лиги наций 17 апреля 1935 г. и 14 сентября того же года — в пленарном заседании Собрания Лиги наций. 10 апреля 1936 г. турецкая нота, адресованная правительствам СССР, Франции, Англии, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Италии и Японии, а также Лиге наций, указала на несообразность применения лозаннской конвенции, в особенности демилитаризации проливов, при существующей международной обстановке и предложила им приступить к пересмотру лозаннской конвенции для обеспечения неприкосновенности турецкой территории и развития навигации между Средиземным и Черным морями. Италия, игравшая первую роль на лозаннской конференции вместе с Англией и Францией, отказалась знаменательным образом от участия в конференции, открывшейся в Монтре. Участвовали в конференции в Монтре и подписали новую конвенцию о проливах: Турция, СССР, Франция, Англия, Болгария, Греция, Румыния, Югославия, Япония. Новая конвенция, подписанная 20 июля 1936 г., декларируя принцип свободы плавания в проливах, упразднила демилитаризацию проливов, предоставила черноморским державам в мирное время право прохода через проливы их линейных военных судов (ст. 11), а также подводных лодок (ст. 12) из Черного в Средиземное море и обратно, ограничила глобальным тоннажем в 30.000 тонн морские силы нечерноморских держав, допускаемые в Черное море, с возможностью повышения этого тоннажа до 45.000 т., но ни при каких обстоятельствах не выше этой нормы (ст. 18). Таким образом, режим „закупорки" русского черноморского флота, прочно установленный конвенцией о проливах 1841 г. и не менявшийся с тех пор, отошел в прошлое.

В трех фашистских государствах ведется всеми способами подготовка мировой войны. К этой цели направлено было стремление гитлеровского правительства еще более подорвать значение международных договоров односторонней отменой соглашения о режиме судоходства на Рейне и др. реках, продиктованной, впрочем, и военно-подготовительными соображениями и планами. 25 ноября 1936 г. в Берлине было подписано германо-японское соглашение, направленное—под контрабандным флагом „борьбы против коммунизма"—против СССР в духе аннексионистских планов гитлеровской экспансии „на Восток" и захватнических устремлений японской военщины „на Запад". „Что касается опубликованного японо-германского соглашения,—сказал наркоминдел Литвинов на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде советов,—то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является

лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а, вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово коммунизм даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом" („Большевик", 1936 г., № 23, стр. 69). В „Ньюс Кроникл" изложено было содержание этого договора, представляющего военную конвенцию, имеющую целью „совместную защиту законных интересов" Японии и Германии. „Законные интересы" гитлеровской Германии определились в следующем объеме: включить в гитлеровскую империю дунайские, балканские, скандинавские, прибалтийские страны, Швейцарию, Бельгию, Голландию; получить прежние германские колонии и новые—голландские, португальские, испанские; подчинить себе Польшу и Украину. Метод „защиты" этих „интересов": разрушить при помощи германо-итальянского союза и соглашений с Польшей, Австрией, Венгрией и Болгарией систему коллективной безопасности; добиться, при содействии французских фашистов и наиболее реакционных кругов английской буржуазии, разрыва пактов о взаимной помощи, заключенных Францией с СССР и СССР с Чехословакией; терроризировать угрозой войны Европу; где возможно—организовать фашистскую интервенцию с фашистскими мятежами, а там, где это невозможно, — диверсионно-вредительскую и шпионскую агентуру и террористические банды, широко используя троцкистские резервы фашизма, как это вскрыто судебным процессом в Союзе ССР и троцкистским мятежом в тылу республиканской Испании, в Каталонии. Декларация Гитлера в рейхстаге 30 января 1937 г. открыто объявила Германию покровительницей немецкого меньшинства в Чехословакии; одновременно Риббентроп заявил об этих „правах" и „обязанностях" гитлеровской Германии при переговорах с заместителем Идена. Т. о., открыто, перед всем миром, Чехословакия поставлена на очередь, рядом с Испанией, как ближайший объект разрушения и порабощения. Под „законными интересами Японии" японо-германский договор разумеет известную программу захватов японской военщины в Китае, в Тихом Океане, на советском Дальнем Востоке; японская официозная пресса, сверх того, возражает против „законности" германских вожделений в отношении голландской Индонезии. Т. о., японо-германский договор является договором о разделе между японским и германским фашизмом восточной половины земного шара.

Позицию „невмешательства" в испанском вопросе английское и французское правительства оправдывали перед общественным мнением своих стран тем, что принятие этой позиции предотвратило превращение итало-германской интервенции в Испании в европейскую всеобщую войну еще осенью 1936 г. Советская дипломатия, защищающая права законного испанского правительства, разоблачала интервенционистскую деятельность фашистских государств, превращавших политику невмешательства в циничный фарс. 7 октября 1936 г. представитель СССР в Международном лондонском комитете по вопросам невмешательства в дела Испании заявил, что если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, Союз ССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения. Соглашение это, само по себе, если бы даже оно соблюдалось и Германией, Италией и Португалией, а не только демократическими государствами, было бы уступкой в пользу испанских мятежников: австрийское правительство при подавлении в феврале 1934 г. восстания в защиту республиканской конституции получало боеприпасы от венгерского правительства; также и греческое правительство при подавлении венизелистского мятежа без всяких ограничений снабжались боеприпасами из других стран. „Невмешательство" было изобретено лишь тогда, когда фашистские мятежники поднялись против демократиче-

ского правительства" („Ком. Интерн.", октябрь 1936 г. № 16). Но полное игнорирование этого соглашения фашистскими правительствами превратило его в блокаду законного испанского правительства. 29 сентября 1936 г. наркоминдел Литвинов в заседании совета Лиги наций изложил точку зрения союзного советского правительства на тактику потворства Германии и Италии: „Агрессор, строящий всю свою политику на превосходстве грубой материальной силы, как имеющий в арсенале своей дипломатии лишь грозные требования, блефы или угрозы и тактику совершившихся фактов, может быть доступен лишь голосу столь же твердой политики... Всякие увещевания и упрашивания его, а тем более уступки его незаконным и бессмысленным требованиям... производят на него лишь впечатление слабости, укрепляют его сознание собственной силы и поощряют его к дальнейшей непримиримости и к незаконным действиям. Даже во вне создается легенда непобедимости агрессора, что порождает фаталистические и капитулянтские настроения в некоторых странах, которые постепенно, иногда даже незаметно для себя, начинают терять свою самостоятельность, превращаясь в вассалов агрессора". На весь мир, наконец, прозвучали слова тов. Сталина: „Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества". Общепризнано теперь, что то, что теперь разыгрывается в Испании, выходит далеко за пределы внутренней гражданской войны: это война германского и итальянского империализма против испанского народа; это — первый акт войны, которую германский фашизм подготовляет против демократической Европы. Следовательно, теперь уже дело идет, в результате политики Болдуина-Идена-Блюма, не о предотвращении войны: она была бы предотвращена немедленной помощью законному испанскому правительству в объеме его законных прав, тогда, когда обнаружилось участие интервентов в организации мятежа, т.-е. в первые же дни его. Война была бы легко прекращена в самом начале, если бы под флагом невмешательства не была установлена блокада законного испанского правительства. Война, наконец, может быть прекращена не без некоторого усилия теперь, когда требуется энергичный, решительный образ действий, чтобы интервенты убрали из Испании свои обширные вооруженные силы, частично разбитые, с тяжким уроном для престижа фашизма в Италии и в Германии. Дальнейшая же оттяжка решения ведет к превращению войны в Испании в войну во всем мире.

Литература. Документальные публикации „Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна" (1932); „Локарнские соглашения" (1925); „Сборники документов по международной политике и международному праву", под ред. Антонова (изд. НКИД, 1929—1934); „Договоры о ненападении и о согласительной процедуре, заключенные между СССР и иностр. госуд." (1934); „Десять лет советской дипломатии" (1927); „СССР в борьбе за разоружение" и „В борьбе за мир" (Сов. делегации в Женеве, 1928); „Конвенции об определении агрессора" (1933); „Советско-американские отношения 1919—1933" (1934); „СССР в борьбе за мир" (1935); „League of Nations, Report of the Commission of Inquiry" (Lytton, 1932); ежегодники: „Survey of International Affairs"; „Documents on International Affairs", „Schulthess's Geschichtskalender"; „The Statesmans's Year Book". Журналы: „Большевик"; „Мир. хозяйство и мировая политика"; „Коммунистический интернационал"; „Foreign Affairs"; „Current History"; „L'Europe Nouvelle".

Май 1937 г.

III. Великобритания (*см.* XLVII, 381). 1. *Предкризисные годы* (1927—1929). Особенностью экономического цикла в В., начавшегося кризисом 1920 г., было отсутствие фазы процветания. Даже в 1929 г., т.-е. накануне нового кризиса, основные отрасли английской промышленности—металлургия, текстиль, судостроение, уголь—не достигли уровня производства 1913 г., а британский экспорт отставал от довоенного уровня почти на $^1/_5$. Важнейшие, так наз. „старые", отрасли английской промышленности пострадали от войны больше, чем отрасли промышленности США, Японии или Франции; эти „старые" отрасли, созданные еще в эпоху промышленной монополии Англии в XIX в., ориентировались гл. обр. на вывоз. Между тем во время войны 1914—1918 гг. В. была оторвана от внешних рынков и вынуждена была уступить ранее занятое ею место в снабжении заокеанских рынков США, Японии, а также местной промышленности таких стран

как Канада, Аргентина, Бразилия, Австралия и даже Индия. В особенности пострадал сбыт изделий английской хлопчатобумажной промышленности, ибо последняя получила за годы войны в далеких заокеанских странах особенно значительное развитие, и Ланкашир, этот крупнейший район английской индустрии вообще и хлопчатобумажной промышленности в частности, стал одним из наиболее пораженных безработицей районов. Но и британская угольная промышленность пострадала сильнейшим образом от замены угля другими источниками энергии (нефть, белый уголь, электроэнергия), от экономии в использовании угля и от конкуренции новых, ранее не разрабатывавшихся угольных бассейнов. Судостроительная промышленность, после того как потери тоннажа, вызванные мировой войной, были возмещены, осталась со значительно сократившимся портфелем заказов; уменьшился объем мировой торговли, и в первую очередь внешней торговли самой В., увеличилась скорость новых судов, а, следовательно, уменьшилась потребность в тоннаже, существенно сократились расстояния американских перевозок в связи с постройкой Панамского канала, и в конечном счете судоходство стало предъявлять значительно меньший спрос на новые суда, чем ранее. Опять-таки Англия, дававшая до войны около $^1/_2$ мирового тоннажа, пострадала более других стран; Германия принялась за восстановление своего, выданного союзникам, торгового флота; Италия, Япония и другие страны субсидировали свое судоходство и ассигновали средства на постройку верфей. Между тем, британские верфи, расширенные в годы войны под влиянием нужд обороны, оказались после 1921 г. лишенными значительной части военных заказов: именно в этой области, в области строительства военных судов, наступило известное замедление вооружений в 1921—1929 гг. Наконец, британская металлургия в годы войны расширила свою производственную мощность в полтора раза и в течение всех лет, следовавших за кризисом 1920 г., вплоть до нового кризиса ни разу не могла довести уровня производства стали, а тем более чугуна, до 80% производственной мощности.

Вместе с тем, в ходе промышленного цикла, предшествовавшего кризису 1929 г., в В. наблюдалось величайшее обострение неравномерности развития отдельных отраслей промышленности. На ряду со „старыми" отраслями, находившимися в состоянии относительного упадка, наблюдалось развитие „новых" отраслей английской промышленности, обязанных своим происхождением новейшим завоеваниям науки и техники и в той или иной степени связанных с войной 1914—1918 гг., а также с подготовкой к новой войне. В числе этих „новых" отраслей английской промышленности следует отметить такие отрасли, как химическую промышленность, которая в довоенной Англии была крайне слаба и которая была вызвана к жизни настоятельными требованиями обороны; химическая промышленность получила с самых первых шагов такую поддержку правительства, которая никак не могла согласоваться с принципами фритредерской экономической политики, царившими в довоенной В. Рядом с химической промышленностью получили развитие авто- и авиастроение, производство точных инструментов, приборов, радиоаппаратуры, производство искусственного шелка, электротехническая промышленность — отрасли, которые до войны в В. либо вовсе отсутствовали, либо были крайне слабы. Все эти отрасли ориентировались, гл. обр., на внутренний рынок и лишь в слабой степени связаны были с мировым рынком. В „новых" отраслях британской промышленности отнюдь не наблюдалось такого отставания В. в области трестирования и картеллирования, какое было характерным для „старых" отраслей. Тогда как в угольной промышленности королевская комиссия Самюэля, представившая правительству отчет в 1926 г., застала 1.507 различных предприятий, тогда как в хлопчатобумажной промышленности множество разрозненных мелких предприятий сохраняло громоздкий, дорого

стоивший и не оправдывавший себя аппарат сбыта и управления, тогда как большинство старых английских верфей годилось только на слом, а старые мелкие предприятия черной металлургии никак не могли конкурировать с перестроенными в послевоенные годы на основе репарационных платежей предприятиями Франции и Бельгии или с расширенными в годы инфляции и в годы частичной стабилизации предприятиями Германии, — в это самое время в британской химической промышленности создается Имперский химический трест (1926), в области искусственного шелка одной компании Куртолдс принадлежало в 1924 г. 80% продукции, в автомобильной промышленности в 1926 г. произошло слияние ряда компаний воедино под маркой „Моррис Моторс Лтд", объединивших около половины всей продукции автомобилей. Несмотря на то, что экономическая политика послевоенных правительств в В. содействовала созданию монополий в отдельных и в особенности в „старых" отраслях, последние все еще значительно отставали в этом отношении, и только кризис 1929 г. в значительной степени ликвидировал это отставание В. от других больших стран капитализма.

Наиболее характерной чертой тяжелого экономического положения В. в 1921—1929 гг. была являвшаяся следствием хронической недогрузки производственного аппарата массовая безработица. Цифра безработицы в 1927—1929 гг. колебалась от 1.100 до 1.400 тыс. чел., что составляло от 9 до 11% всего числа застрахованных рабочих. Таким образом, безработица в В. в предкризисные годы вдвое превышала число безработных в В. в кризисный 1907 г. В особенности значительной была безработица в угольной и судостроительной промышленности, где % безработных в 1929 г. составлял 16% и 24% по отношению к общему числу застрахованных рабочих, и это в лучший год первого послевоенного цикла.

Правительство Болдуина (поставленное у власти в 1924 г. с помощью избирательного трюка — фальшивки о „красной опасности"), проявило свое полное бессилие перед грозным фактом растущей безработицы. Правящие классы послевоенной В. вели упорное и систематическое наступление на те завоевания, которых добился рабочий класс В. за годы войны в области социального законодательства, уровня жизни и условий труда, стремясь низвести положение английских рабочих до того уровня, на котором находились рабочие важнейших конкурирующих с В. капиталистических стран европейского континента. Обострение классовой борьбы, связанное с этим походом правящих классов на уровень жизни и труда английских рабочих, проявилось во всеобщей стачке мая 1926 г., спровоцированной правительством Болдуина и закончившейся неудачей вследствие предательства реформистских вождей Генсовета и лейбористской партии. Поражение, нанесенное английскому рабочему классу разгромом всеобщей стачки, предрешило судьбу углекопов, которые должны были вернуться к работе после самого продолжительного локаута в истории английской угольной промышленности, длившегося более $7^1/_2$ месяцев, в середине ноября 1926 г. Окрыленная успехом реакционная буржуазия В. поспешила закрепить результаты своей победы в законе о профсоюзах (1927), получившем среди революционных рабочих наименование „штрейкбрехерской хартии". Этот закон, проведенный правительством Болдуина вопреки самой решительной оппозиции со стороны всех организованных рабочих, лишал рабочих завоеванного ими ранее права „мирного пикетирования" у жилищ штрейкбрехеров, объявлял всеобщую стачку незаконной, отменял ранее существовавший порядок, по которому все члены профсоюзов автоматически платили так наз. „политический взнос" в кассу лейбористской партии, за исключением тех, кто заявлял о своем нежелании платить, и создавал новый порядок, при котором „политические взносы" уплачивались лишь тем, кто письменно подтвердит свое желание их уплачивать. Кроме того, закон ли-

шал служащих государственных учреждений права входить в какие бы то ни было рабочие организации, имеющие политические цели и задачи, и требовал от тред-юнионов ежегодной финансовой отчетности. Этот реакционный закон отбрасывал развитие тред-юнионов на двадцать лет назад. Не приходится удивляться, что в 1927 г. и последующие годы число членов тред-юнионов стало заметно сокращаться, и за один лишь 1927 г. упало на 20%. Английская буржуазия стремилась, одновременно с проведением закона о тред-юнионах и репрессиями по адресу революционного крыла английского рабочего движения (процесс против компартии), создать благоприятную обстановку для реформизма. С этой целью в 1927—1928 гг. была усилена пропаганда „классового мира", и по инициативе одного из крупнейших магнатов капитала, Альфреда Монда (лорда Мельчетта), были организованы совещания предпринимателей и рабочих (эта пропаганда получила наименование „мондизма"). С своей стороны, реформистские вожди тред-юнионов — Томас, Бондфильд, Ситрин — активно содействовали этой пропаганде, а лейбористская партия под влиянием реакционных вождей — Макдональда, Сноудена и др. — исключила коммунистов из своих рядов (1927).

В мае—июне 1927 г. „твердолобым", т.-е. крайним правым консерваторам, ослепленным классовой ненавистью к СССР как стране пролетарской диктатуры, удалось добиться разрыва дипломатических сношений между В. и СССР. После целого ряда провокационных выступлений Беркенхэда, Черчилля и других консервативных лидеров, а также после нескольких дипломатических нот с обвинениями советского правительства в „революционной пропаганде" в Британской империи, министр внутренних дел в кабинете Болдуина, Джойнсон-Хикс, организовал налет полиции на помещение акц. о-ва Аркос, выполнявшего поручения советских торговых организаций в В., и на помещение торговой делегации СССР в В. под предлогом состоявшегося якобы похищения какого-то тайного документа из английского военного министерства. Хотя налет полиции, проведенный в помещении торговой делегации СССР в В., вопреки прямому смыслу торгового соглашения, предусматривавшего для торгпредства СССР права дипломатической неприкосновенности, не дал, да и не мог дать никаких результатов, правительство В. разорвало с СССР дипломатические сношения. В. пыталась организовать новый поход против СССР в союзе с другими антисоветскими элементами: с происками английских реакционеров, несомненно, находилось в связи и провокационное выступление Чжан-Цзо-Лина в Китае против полпредства СССР, а также убийство советского полпреда тов. Войкова в Варшаве. Но попытки В. организовать единый фронт европейской реакции против советского государства и начать войну с СССР не увенчались успехом; провокационный налет английской полиции вызвал возмущение в рабочих массах самой В. и других стран. Даже лейбористские вожди увидели себя вынужденными протестовать против разрыва дипломатических сношений с СССР и включили восстановление нормальных отношений в программу партии, с которой лейбористы шли к предстоящим выборам. С другой стороны, серьезные деловые круги В. также не поддержали антисоветской политики Болдуина. Как раз накануне полицейского налета на торговую делегацию СССР последняя подписала с председателем крупнейшего банка В.—Мидланд-Банк, банкиром Мак-Кенна, соглашение о кредитах в размере 10 млн. ф. ст. для размещения советских заказов в В. Это соглашение не могло быть осуществлено, так как в виду разрыва дипломатических отношений правительство СССР увидело себя вынужденным перенести заказы из В. в другие страны. Уже через десять месяцев после разрыва в СССР прибыла, с одобрения британского правительства, репрезентативная делегация английских промышленников во главе с Ремнантом для переговоров о возможностях размещения советских заказов в В., и британское правительство

стало искать путей для того, чтобы обеспечить себе приличное отступление от занятой им позиции.

1928 год и первые месяцы 1929 года прошли под знаком подготовки всех парламентских партий к предстоявшим выборам. Парламент, избранный в 1924 г., представлял собой для реакции своего рода „chambre introuvable" (неповторимую палату), которая, конечно, не соответствовала изменившимся настроениям избирателей. Муниципальные выборы 1927 и 1928 гг. принесли лейбористам значительную победу, доставив им (за два года) более 300 новых мест в муниципальных советах. В 1928 г. лейбористы выступили с обширной программой под заглавием „Труд и Нация", в которой провозглашали „мирный переход к социализму", отвергали всякое дальнейшее сокращение заработной платы, требовали национализации банков, средств транспорта, каменноугольной промышленности и других источников энергии, национализации земли при условии сохранения за мелкими и средними фермерами беспрепятственного использования государственных земельных угодий на началах аренды, обещали провести закон о 48-часовой рабочей неделе, воспретить работу в промышленности подростков моложе 15 лет и в законодательном порядке сделать обязательным начальное образование до 15 лет для всех с тем, чтобы открыть двери старших классов средних школ и высших учебных заведений для „детей народа". Программа лейбористов предусматривала, далее, ассигнование государственных средств на уничтожение трущоб и жилищное строительство, проведение нового фабричного закона в согласии с современными требованиями санитарии, гигиены и техники безопасности, отмену закона о тред-юнионах 1927 г. и многое другое. Эта программа, выработанная при участии Брейльсфорда и Мэкстона, представляла собою наибольшее приближение к позиции Независимой рабочей партии, провозглашавшей лозунг „Социализм в наши дни". Бездеятельность консервативного правительства, видевшего единственное „спасение" в тарифной реформе, но лишенного возможности осуществить применение этого „универсального рецепта" до новых выборов, пробудила симпатии к лейбористам со стороны широких кругов мелкобуржуазных избирателей. В 1927—1929 гг., когда США находились в расцвете послевоенного „просперити", во многих районах Англии, и в частности в южном Уэльсе, где основную массу населения составляли углекопы, наблюдался подлинный голод, и все активное, молодое, жизнеспособное население стремилось покинуть „пораженный" район.

Консервативное правительство, ограничившееся в борьбе с безработицей жалкими попытками „организовать" переброску рабочих из одного района Англии в другой (было создано даже особое Управление переброски промышленности и поощрялась эмиграция углекопов в Канаду на сельскохозяйственные работы) пыталось закрепиться у власти с помощью политических кунштюков. Так, в 1928 г. в парламент было внесено предложение о реформе палаты лордов, которое имело целью обновить этот, по выражению Энгельса, „инвалидный дом" правящих классов В. Проведению этого предложения, предусматривавшего создание „выборной" верхней палаты из 150 лордов, избранных всеми пэрами Англии, и пополненной „назначенцами" из числа „старейших" деятелей политики и науки, и присвоение этой палате широких законодательных прав, помешала волна протеста со стороны широких демократических кругов, которая заставила осторожного Болдуина понять опасности, проистекающие из подобной попытки „изменить неписанную конституцию". В программе дня стоял зато другой вопрос — о предоставлении избирательного права молодым женщинам, не достигшим 30 лет, и под впечатлением опыта католической Бельгии, где соответствующая реформа избирательного права принесла на первых порах увеличение голосов „партиям порядка", т.-е. партиям крупной буржуазии и земельной аристократии,

правительство Болдуина, под широковещательными лозунгами демократизации государственного строя В., внесло в парламент и провело закон об уравнении в правах избирателей — мужчин и женщин, достигших совершеннолетнего (21 год) возраста.

На выборах в мае 1929 г. консервативная партия понесла поражение, которое, впрочем, ни для кого не было уже неожиданностью. Консерваторы получили на выборах 260 мест, потеряв более 150 мест. Зато лейбористы увеличили число своих мандатов с 152 до 288, став самой многочисленной партией в палате, но не имея абсолютного большинства голосов. Таким образом, лейбористская партия, придя к власти в июне 1929 г., вынуждена была опираться на поддержку либералов, этого „живого трупа" английской политической жизни. Растерявшая свою программу, своих избирателей и свою классовую опору, либеральная партия, расколотая то на три, то на четыре группы, аморфная политически, стала вновь, как в 1924 г., хозяйкой положения в парламенте. Но в то же время отсутствие прочного лейбористского большинства являлось превосходным предлогом для бездействия лейбористского руководства, которое, как и в 1924 г., более всего на свете боялось с одной стороны своей собственной официальной программы, с помощью которой оно приобрело голоса рабочих, и с другой стороны тех народных масс, которые поставили лейбористских вождей у власти. Вождь лейбористской партии Макдональд, составляя свое второе правительство и основываясь на поддержке либералов, был озабочен прежде всего тем, чтобы самый состав кабинета не вызвал никаких опасений у Сити, этого подлинного правительства В. Уитли, бывший министром здравоохранения в первом кабинете Макдональда и проведший в 1924 г. единственное по существу крупное мероприятие тогдашнего лейбористского правительства — закон о жилищном строительстве, остался ныне за бортом как слишком „красный". Ленсбери, который давно уже растерял все следы послевоенного „левачества", но все еще мог быть в глазах твердолобых олицетворением „поплеризма" (т.-е. расходов на „социальные нужды"), получил малозначущий пост министра общественных работ. Зато крупные посты были предоставлены таким твердокаменным реформистам, как Филипп Сноуден (канцлер казначейства), которого даже в Сити считали скорее фритредером-либералом, чем социалистом; как Клайнс (министр внутренних дел), который принимал участие в разработке мер „безопасности" на случай всеобщей стачки; как лорд Сэнки (лорд-канцлер), присоединившийся к лейбористской партии из-за министерского портфеля, или Джоуитт (генерал-атторней), вышедший из либеральной партии уже после выборов только для того, чтобы иметь возможность войти в правительство. Весьма неохотно предоставил Макдональд по требованию исполкома партии пост министра иностранных дел Артуру Гендерсону, которого, правда, нельзя *было* заподозреть в излишнем радикализме, но который был главным соперником Макдональда в руководстве лейбористской партии и был возможным конкурентом на пост премьера. Наконец, в правительство была впервые введена на полных правах члена кабинета женщина — Маргарита Бондфильд, бывшая одним из наиболее реакционных членов Генсовета, в качестве министра труда; этим лейбористское правительство пыталось отдать дань демократическому равенству полов, только что признанному избирательной реформой 1928 г. Наиболее „демократическим" по происхождению, но отнюдь не по симпатии и воззрениям, был лорд-хранитель печати, секретарь союза железнодорожников Томас, тесно связанный материальными интересами и личной дружбой с крупнейшими промышленниками, банкирами и консервативно-либеральными политиками; на Томаса возлагалась борьба с безработицей. Эту „демократическую" струю „уравновешивала" аристократическая фигура зятя лорда Керзона, бывшего консерватора, молодого Освальда Мосли, получившего пост канцлера герцогства Лан-

кастерского (министра без портфеля), но сразу занявшего видное положение в составе министерства и в парламентской фракции лейбористов.

2. *Кризис (1929—1932).* Лейбористское правительство не успело еще как следует почувствовать себя в седле, как начался жестокий экономический кризис. Вслед за биржевым крахом в США началось сильное падение цен и продукции, которое вслед за США распространилось на Англию и затем на континентальную капиталистическую Европу и другие страны мира. Безработица в В. стала быстро расти; уже в 1930 г. общее число занятых рабочих (среднее за год) уменьшилось по сравнению с 1929 г. на 400 тыс. чел., а в августе 1932 г. (низшая точка), по данным статистики министерства труда, безработица охватывала 23% всех застрахованных рабочих, т.-е. (с учетом пропусков и изъятий официальной статистики) никак не меньше четверти всего пролетариата Англии. По официальным данным число безработных достигало 3 млн. чел.

„Отсутствие в В. фазы процветания, предшествующей кризису 1929 г., т.-е. отсутствие широкого обновления основного капитала, в значительной степени определило то, что кризис в Англии достиг меньшей глубины, чем в большинстве других стран" („Мировые экономические кризисы 1848—1935", под ред. Е. Варга). Говоря словами крупнейшего экономического журнала в Англии — „Экономиста", Англия потеряла меньше потому, что ей было меньше чего терять. Так, промышленная продукция сократилась от высшей точки 1929 г. до низшей точки 1932 г. в целом всего на $^1/_4$. Но по отдельным отраслям промышленности падение было гораздо более значительным. „По выплавке чугуна Англия была отброшена в кризисе 1929 г. назад к 1861 г. (не считая 1921 и 1926 гг., когда были стачки горняков), судостроение — к уровню, которого не наблюдалось даже с 1843 г." (там же). Но и по другим, более „благополучным" показателям В. была отброшена на много лет назад: по добыче угля — к 1898 г., по производству стали — к 1908 г., по экспорту — к 1898 г.

Экономический кризис 1929 г. нанес решительный удар „старым" отраслям британской промышленности, получившим свое наибольшее развитие в эпоху промышленной монополии В., т.-е. в середине и третьей четверти XIX в. Наметившаяся еще до кризиса неравномерность развития „старых" и „новых" отраслей еще более обострилась в 1929—1932 гг. Устаревшие, мелкие, разрозненные предприятия британской металлургии, судостроения, текстильной промышленности были выведены из строя и должны были совсем закрыться и распустить кадры своих рабочих. Феннер Броквей, описывавший „Голодную Англию" уже в 1934 г., застал в одном из самых богатых промышленных районов страны, на северо-восточном побережьи, в угольных графствах Нортумберленде и Дэргеме, толпы безработной молодежи, не имевшей возможности получить производственную квалификацию на заводе, и „стариков", в возрасте 45 лет и старше, которые оставались без работы более 3 лет и не имели никаких шансов приобрести работу. Даже полуофициальные обследования экономистов, работавших под эгидой университетских организаций, рисуют нам отчаянное положение таких крупнейших индустриальных районов страны, как сев.-зап. Шотландия (бассейн Клайда), сев.-вост. побережье (Нортумберленд и Дэргем), Кемберленд, Ланкашир и Чешир и южный Уэльс, не говоря уже о Северной Ирландии, отрезанной от своего ближайшего рынка (Ирландского свободного государства) политической и таможенной границей.

Принадлежавшие ранее к рабочей аристократии углекопы, механики судостроительных верфей и металлисты ощутили на себе влияние кризиса в очень сильной степени. Хотя снижение номинальной заработной платы в Англии в годы кризиса, было по сравнению с другими капиталистическими странами не столь велико (12—16%), но фактически уменьшение реального заработка рабочей семьи было очень и очень значительным. Безработица, охватившая в старых отраслях промышленности иногда более половины застрахованных рабо-

чих, с средней продолжительностью до 6 — 7 месяцев, исчерпала сбережения, накопленные годами предшествующего труда. Вместо 2 — 3 занятых в семье рабочих углекопов, механиков, ткачей оставался один занятый, причем новое законодательство по безработице (см. ниже) лишало права на получение пособия всех других членов семьи, если хотя бы один имел поденную работу или другие источники существования.

Несколько лучше было положение рабочих в „новых" отраслях промышленности, средоточием которых были относительно новые районы промышленности — юго-восток с Лондоном и примыкающая к юго-востоку часть центральной Англии (Midlands). Эта разница стала особенно заметна, когда производство перестало уменьшаться и низшая точка была преодолена (с 1932 г.).

Падение оборотов мировой торговли превысило даже падение мировой продукции; в условиях небывалого снижения цен на сырье и продовольствие контрагенты В. — такие заокеанские страны, как Канада, Австралия, Аргентина, Бразилия и др. — стали прибегать ко всемерному ограничению импорта промышленных товаров. Эти страны исходили при этом не только из интересов собственной промышленности, которая хотела сохранить за собой возможно большую часть внутреннего рынка, но и из требований платежного баланса; огромное большинство стран-должников оказалось уже в 1931 г. на грани банкротства.

С своей стороны В., для которой внешние экономические связи играли едва ли не определяющую роль до войны 1914-1918 гг., испытала в этой области также весьма значительное потрясение. Сокращение экспорта было гораздо более значительным, чем уменьшение импорта, в котором до двух пятых приходилось на долю продовольствия. Банкротство стран-должников и прекращение платежей по долгам, возведенное в систему в 1930 г., сокращение судоходства и биржевой и посреднической деятельности привели к уменьшению активных статей английского платежного баланса. В 1921 г. платежный баланс Англии временно был сведен с пассивным сальдо, несмотря на огромные капиталовложения (до 4 млрд. ф. ст.) за границей и в колониях, несмотря на первый в мире флот, стоявший на приколе, несмотря на вековую организацию бирж, фрахтового рынка и кредита. Краткосрочные кредиты были отозваны из В. американскими и французскими банками, и В. оказалась перед необходимостью отойти от золотого стандарта, восстановленного с таким трудом и такими жертвами для всего народного хозяйства в 1925 г.

Несмотря на то, что кризис в Англии не ознаменовался все же столь глубоким падением продукции, как, напр., в США, действие его было настолько разрушительным, что нашло себе отражение в глубоких экономических и политических сдвигах в жизни В.

Так, экономический кризис нашел себе проявление в кризисе сложившейся в В. партийно-политической системы, построенной на смене у кормила правления двух парламентских партий—партии большинства (правительственной) и партии меньшинства (оппозиции). Лейбористское правительство оказалось совершенно неподготовленным к действию мирового экономического кризиса, которое оно восприняло в качестве „кары свыше". Начиная с января 1930 г., когда устами Томаса, министра по делам безработицы, лейбористское правительство признало наличие беспримерного экономического кризиса в В., и вплоть до своей отставки в августе 1931 г. лейбористское правительство беспрерывно обращалось к парламенту за разрешениями увеличить страховой фонд пособий по безработице за счет государственного бюджета. В 1931 г. угроза бюджетного дефицита нависла над правительством, и последнее проявило свое полное бессилие перед лицом правящих классов. Лейбористское правительство сошло в могилу, не выработав даже плана обложения капиталистов „налогом на капитал", в роде того налога, который составлял часть официальной лейбористской программы в 1919 — 1923 гг. (capital levy).

Правительство Макдональда поручило комиссии сэра Джорджа Мэя с участием большинства консервативно настроенных политиков и чиновников составить программу „режима экономии", и когда большинство членов комиссии представило летом 1931 г. доклад, в котором требовало снижения пособий по безработице и снижения окладов государственным служащим и учителям в качестве первого удара, за которым должен был последовать общий нажим на уровень жизни пролетариата, в правительстве возник кризис. Как теперь стало известно, огромное большинство членов лейбористского правительства признало „необходимость" сокращения пособий по безработице, но, учитывая неизбежное возмущение масс, не желало взять на себя ответственность за это мероприятие. Тогда премьер Макдональд, который уже в 1930 г. окончательно вышел из состава Независимой рабочей партии и который с нескрываемой ненавистью относился к пролетарскому социализму Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, совершил в августе 1931 г. своего рода государственный переворот. Он вступил в переговоры с лидерами оппозиционных партий — консерваторами и либералами, и затем, сговорившись с ними, а также с несколькими совершенно разложившимися и потерявшими всякую связь с массами министрами-лейбористами, и вручил королю Георгу V отставку лейбористского кабинета, оставив, таким образом, своих лейбористских коллег в нелепом положении. Доктрина коллективной ответственности кабинета, составляющая, как явствует из всех буржуазных учебников государственного права, казалось бы неотъемлемую часть британской неписанной конституции, вдруг перестала существовать, а премьер Макдональд тут же получил от короля Георга, который, таким образом, опять-таки в нарушение конституции, сыграл роль соучастника этого „конституционного переворота", поручение составить новое „национальное правительство". Это правительство составилось из 10 человек — 4 консерваторов, поддерживаемых всей консервативной партией во главе с Болдуином, который занял пост лорда председателя совета (заместителя премьера) и который был душой новой парламентской комбинации, 2 либералов, которые представляли большую часть партии, кроме группы Ллойд-Джорджа, который сразу же занял по отношению к новому кабинету враждебную позицию, и 4 „национал-лейбористов", которые никого не представляли, кроме самих себя, и не имели ни поддержки организованных тред-юнионов, ни поддержки рабочих избирателей. За Макдональдом последовало лишь 13 членов парламента из 289 лейбористов парламентской фракции (в том числе Сноуден и Томас, но не Гендерсон, возглавивший, наконец, лейбористскую партию). Объявив себя „временным правительством", имеющим целью обеспечить устойчивость национальных финансов, новый кабинет приступил к осуществлению „режима экономии" и назначил новые парламентские выборы в атмосфере паники, созданной отходом В. от золотого стандарта, падением фунта стерлингов и снижением пособий по безработице. На выборах 1931 г. бывшие члены лейбористского правительства, Макдональд и Сноуден, при поддержке либерала Ренсимена пустили зловещий слух о том, что лейбористское правительство намеревалось якобы конфисковать вклады трудящегося населения В. в сберегательных кассах для того, чтобы восполнить дефицит в государственной казне — слух, сыгравший ту же роль, что и фальшивка о „красной опасности" на выборах 1924 г. Вместе с тем, ренегаты Макдональд, Сноуден и Томас скрыли от избирателей, что отставка лейбористского кабинета была проведена небольшой кликой прожженых политиков под диктовку британских и американских банкиров, которые отказывались предоставить кредиты, необходимые Английскому банку осенью 1931 г., без прямой гарантии снижения пособий по безработице. На выборах 1931 г. были пущены в ход все „патриотические" мотивы для того

чтобы обеспечить полный успех национального правительства; к услугам последнего оказалась конечно, вся буржуазная печать, настроившаяся, как по мановению жезла, на единый лад. Результатом было то, что „национальное правительство", обратившееся к стране за поручением применить целебные средства к больному организму В. и взять на себя роль врача (doctor's mandate), получило огромное большинство в парламенте, состоявшее почти исключительно из консерваторов, но выступавшее под удобной вывеской „национального кабинета". Лейбористская партия была сведена к жалкому охвостью в 52 человека, и большинство бывших лейбористских министров не было переизбрано в парламент. К этим немногим лейбористам примыкала „семейная группа" Ллойд-Джорджа из 4 человек. Между тем, на стороне правительства оказалась консервативная фракция в числе 471 членов (т.-е. на 330 человек больше, чем все остальные фракции), 13 национал-лейбористов в главе с Макдональдом, Томасом и Сноуденом, 35 национал-либералов (так наз. „саймонитов", сторонников сэра Джона Саймона, ставшего министром иностранных дел), 33 либерала-фритредера (так наз. „самюэлитов", т.-е. сторонников сэра Герберта Самюэля) и 2 просто „национальных" кандидата. Консервативный характер нового кабинета был ясен с самого начала, но кабинет продолжал пользоваться „национальной" вывеской в течение многих лет, сохранил ее и в 1937 г. после повторных выборов.

Политический кризис 1931 г. в В. был поучителен в том смысле, что показал, как британская буржуазия может повести дело к отставке кабинета „сухими", „конституционными" методами, если это окажется необходимым в ее интересах. Государственный переворот и программа наступления на уровень жизни широких масс были проведены под лозунгом патриотической „национальной жертвы".

Лейбористская партия получила по заслугам, т. к. доказала в 1929—1931 гг. свою неспособность вести борьбу за основные требования широких народных масс. Лейбористское правительство внесло в парламент законопроект об отмене закона о тред-юнионах 1927 г., но, столкнувшись с сопротивлением либералов в вопросе о признании всеобщей стачки нелегальным и наказуемым деянием (либералы настаивали на соответствующей поправке к правительственному тексту закона), правительство сняло законопроект с обсуждения. В вопросе об обязательном образовании до 15-летнего возраста правительство отступило перед палатой лордов и также отказалось от своего законопроекта, что вызвало отставку министра просвещения Тревельяна, бывшего либерала, возмущенного поведением Макдональда в этом и других вопросах. Законопроектов о национализации важнейших отраслей промышленности правительство даже не вносило, отказавшись с самого начала от проведения своей официальной программы, и в 1931 г. Сноуден, отрекшийся окончательно от лейбористской партии, назвал эту программу, свое время им самим подписанную, „жалким собранием бредней". Только один законопроект об угольной промышленности был проведен лейбористским правительством, но этот законопроект не предусматривал ни национализации промышленности в целом, ни даже национализации недр, которая была одобрена в принципе королевской комиссией под председательством лорда Сэнки в 1919 г. и имела значительное число сторонников среди представителей буржуазных партий (порукой этому может служить внесение этой меры в программу консерваторов в 1937 г.). Законопроект об угольной промышленности не осуществил также важнейшего требования углекопов об уменьшении числа рабочих часов до $7^1/_2$ в день, и вместо этого была принята поправка палаты лордов о 90 часах работы в течение 14 дней, что давало возможность шахтовладельцам варьировать часы работы в шахтах по своему усмотрению (так наз. „spread-over"). Закон не предусматривал также заключения коллективного договора между предпринимателями и рабочими по всей стране и вносил

лишь одно нововведение — о принудительном объединении предприятий в области сбыта угля по районам. Но и это было принято в конце концов в столь громоздкой, полной оговорок редакции, что на основе закона 1930 г. объединение угольной промышленности только с трудом сдвинулось с мертвой точки. Но в этом отношении новый закон был характерен для той линии экономической политики, которой придерживалось лейбористское правительство: оно стремилось содействовать консолидации финансового капитала в В. путем объединения предприятий, трестирования, синдицирования, слияния. Экономический кризис 1929 г. не только не прошел в этом смысле даром для английской промышленности, но можно без преувеличения сказать, что в 1929—1933 гг. было сделано больше в этой области, чем за предшествующее двадцатилетие. В 1929—1930 гг. произошло слияние крупнейших предприятий металлургической и военной промышленности (образование: „Инглиш стил корпорейшен" „Юнайтед стил компани", объединение Дорман-Лонга, Болкоу-Вон, Гэст, Кин энд Неттльфольдс и Болдуинс Лимитед) и было подготовлено объединение всей черной металлургии В. для вхождения в единый картель, образовавшийся уже после тарифной реформы 1932 г. В 1929 г. при участии банка Англии возникла „Ланкашир коттон корпорейшен", которая приступила к объединению хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и постепенно включила в себя около $^1/_4$ всей индустрии. Банк Англии создал в 1930 г. специальную компанию по финансированию промышленности („Bankers Industrial Development Company") с целью содействовать слиянию промышленных предприятий и их „санации". Правительство Макдональда продолжало в сущности линию, намеченную консерваторами, когда оно продолжало использовать в целях объединения промышленных предприятий государственную схему электрификации страны.

В области внешнеполитической лейбористскому правительству предстояло разрушить ту изоляцию, в которой оказалась В. в результате пятилетней деятельности консервативного кабинета. С этой целью лейбористское правительство начинает переговоры с США о морском соглашении и в 1930 г. достигает заключения так наз. лондонского морского договора, по которому В. согласилась временно ограничить свои крейсерские силы нормами тоннажа, примерно соответствующими 50 крейсерским единицам. Хотя британские морские круги и инспирируемая ими пресса изображали эту „уступку" В. как величайшую „жертву", которая якобы ставит под угрозу безопасность Британской империи, на самом деле ни о какой жертве в данном случае говорить не приходится, так как английские крейсерские силы к моменту лондонской конференции фактически не превышали 50 единиц, при чем большая часть из них была выстроена в годы войны 1914–1918 гг. и, следовательно, подлежала замене новыми кораблями (Иванов, Л., „Морское соперничество империалистических держав"). Заключению морского договора предшествовал визит Макдональда Гуверу, проведенный вскоре после прихода лейбористов к власти (октябрь 1929 г.), совпавший с решительным поворотом в экономической конъюнктуре в США. Совместная декларация Гувера и Макдональда, подписанная 9 октября 1929 г., признавала принцип паритета американских и английских судов в отношении всех категорий боевых судов и одновременно торжественно провозглашала „немыслимость" войны между В. и США. Вопреки этой декларации визит Макдональда не дал заметного улучшения англо-американских отношений; борьба между США и В. на рынках заокеанских доминионов и Южной Америки была в самом разгаре, и наступающей стороной в этой борьбе были еще США. Только по мере того, как экономический кризис значительно ослабил позиции США на мировых рынках, В. стала вновь вытеснять США с многих новых рынков. Но в рассматриваемый период „это была еще музыка

*

будущего". На Дальнем Востоке проянонская политика В. встречала осуждение со стороны США. В Европе влиятельные американские круги определенно выступали против германских репараций и встречали лишь неполную поддержку со стороны В., связывавшей, подобно Франции, проблему репараций с проблемой междусоюзных долгов Америке. Только с введением в действие плана Гувера в 1931 г. и фактическим прекращением платежей по междусоюзническим и репарационным долгам долговая проблема оказалась „разрешена" для В. по тому рецепту, который В. выдвигала еще в декларации Бальфура 1924 г., но к вящему неудовольствию американского кредитора.

Канцлер казначейства Сноуден вернулся в Лондон триумфатором с репарационной конференции в Гааге, где он с редким усердием защищал интересы британского капитала, требуя полным рублем причитающуюся В. долю репарационных платежей. Агрессивная позиция лейбористского канцлера, который вел себя на международной конференции подобно слону в посудной лавке, вызвала бурный восторг желтой печати, которая превозносила Сноудена до геркулесовых столбов — сомнительный успех для правительства, опиравшегося как-никак на рабочие голоса. Полной неудачей закончились переговоры В. с Египтом; хотя лейбористское правительство через месяц после прихода к власти убрало из Египта реакционнейшего верховного комиссара Ллойда, ни в переговорах Гендерсона с Махмудпашой в 1929 г., ни в переговорах с Нахас-пашой в 1930 г. лейбористское правительство не отказывалось от особых прав В. в Египте и в особенности в Судане. Таким образом линия правительства В. в вопросе о Египте и Судане оставалась неизменной, в соответствии с декларацией правительства Болдуина по поводу Парижского пакта 1928 г., в которой В. выставляла свою „доктрину Монроэ" в отношении восточной части Средиземного моря и всех прибрежных областей Красного и Аравийского морей. Только в одном вопросе лейбористское правительство внешним образом как будто решительно порвало с линией консерваторов — в области англо-советских отношений, и дипломатические отношения с СССР были восстановлены в декабре 1929 г. по инициативе В., виновной в их разрыве. Но необходимость восстановления отношений с СССР была к этому времени хорошо усвоена деловыми кругами В., и лейбористам была лишь предоставлена английской буржуазией возможность загладить ошибку правительства Болдуина. Вместе с тем лейбористское правительство не находило в себе решимости одернуть реакционеров, заинтересованных во всемерном внутриполитическом использовании „антисоветской карты", принесшей им торжество в 1924 г. Поэтому 1930 и 1931 гг. при лейбористском правительстве оказались временем ожесточенных антисоветских кампаний, сменявших друг друга с завидной быстротой — кампаний против так наз. „принудительного труда", „демпинга" и „религиозных преследований", кампаний, в которых участвовали не только члены парламента и бывшие министры, но и князья церкви, и газетные магнаты, и наемные писаки, и аристократические шалопаи.

На имперской конференции, собравшейся в Лондоне в 1930 г., лейбористское правительство оказалось не в состоянии представить план экономического сотрудничества между отдельными частями Британской империи, который был бы приемлем для доминионов. Следовавшее фритредерским принципам Сноудена лейбористское правительство решительно отказалось от введения разработанной системы таможенных преференций и вместо того предложило доминионам высказаться по поводу так наз. „плана оптовых закупок сырья и продовольствия", разработанного лейбористским депутатом Уайзом. Этот план встретил, однако, сопротивление со стороны Сити, которое усмотрело в нем посягательство на свои доходы от посредничества в торговле между В. и странами-поставщиками, и лейбористское правительство немедленно от этого плана отказалось. Конференция

1930 г. была использована для разрешения ряда конституционных вопросов, которые рассматривались еще в 1926 г.; непосредственным результатом имперской конференции 1930 г. явился так наз. „Вестминстерский статут" 1931 г., который устанавливал полное формальное равенство в области внутренней и внешней политики, предоставлял доминионам право изменения всех законов, относящихся к территории данного доминиона, хотя бы эти законы и были в прошлом приняты английским парламентом, окончательно определял права генерал-губернаторов, титул короля и пр. Что же касается экономических отношений между странами империи, то имперская конференция вынуждена была ограничиться созданием имперского экономического секретариата, одной из многих ученых и бесполезных комиссий, порожденных на свет лейбористским правительством. Крайне неудачной была политика лейбористского правительства в вопросе об Индии; здесь правительство Макдональда опять-таки пошло по стопам своих предшественников, продолжая репрессии в Индии, и одновременно созывая „конференцию круглого стола", обещая Индии „статут доминиона" и в то же время разъясняя, что в этих обещаниях речь идет о туманном идеале далекого будущего.

Очутившись у власти, „национальное" правительство тотчас же занялось проведением давно намеченной консервативной программы. Снижение зарплаты государственных служащих, учителей и военнослужащих, а также снижение пособий по безработице обрекали на полуголодное существование широкие слои населения и являлись сигналом ко всеобщему наступлению капитала на условия труда в промышленности и торговле. Мятеж британского флота в Инвергордоне, последовавший тотчас же вслед за тем, как правительство объявило о предстоявших „мерах экономии", ярким заревом осветил непрочность „классового мира", провозглашенного „национальным" правительством. Инвергордонский мятеж, в котором приняли участие матросы военного флота, предъявившие экономические по форме, но политические по существу требования, и создавшие свои судовые комитеты, вызвал панику в рядах буржуазии, привыкшей абсолютно полагаться на дисциплину вооруженных сил вообще, а морского флота в частности. Правительство пошло на уступки и постаралось потушить мятеж, не создавая „мучеников" на подобие 1919 г., когда открытое увольнение организаторов стачки полицейских привело к постоянному недовольству в течение нескольких лет. Остин Чемберлен поплатился своим местом морского министра в национальном правительстве и с тех пор не возвращался более на правительственный пост. Недовольство масс распространилось еще более широко, когда правительство провело вслед за тем закон о поверке нуждаемости (пресловутый „mean test"), согласно которому кандидаты на получение страховых пособий по безработице должны были доказать, что они не имеют других средств к существованию, и если в рабочей семье был хотя бы один работающий, остальные члены семьи теряли право на пособие. Борьба против „поверки нуждаемости" сделалась отныне основным вопросом для английских рабочих, а национальное движение безработных во главе с ветераном рабочего движения коммунистом Томасом Манном и Валем Ганнингтоном стало массовым движением огромного политического значения. Это движение насчитывало в своих рядах более миллиона человек. Состоя из непостоянных участников, терявших связь с движением после получения работы, движение имело, однако, несколько важнейших очагов—южный Уэльс, с.-в. побережье, Глазго и Лондон, где самое сосредоточение огромной массы рабочих, не имеющих постоянного заработка, способствовало успеху движения. Одной из наиболее успешных форм борьбы безработных за свои права, выступавших под лозунгом „труд или пособие на жизнь" (work or maintenance), были шествия—голодные походы из очагов безработицы в Лондон. Эти голодные походы привлекали со-

чувствие широких кругов трудящихся, способствовали популяризации лозунгов движения и не давали правительству и реакционным лидерам возможность отмахнуться от проблемы безработицы. Волнения в Беркенхэде и других городах В. в сентябре 1932 г. и спровоцированное полицией кровопролитие на улицах свидетельствовали о жестоком обострении классовой борьбы.

Другим мероприятием „национального" правительства, имевшим в своем роде историческое значение, было введение протекционистского таможенного тарифа. В. решительно переходила отныне к протекционизму с опозданием по крайней мере на четверть века, и британские промышленные монополии получали возможность широкого использования внутреннего рынка, в интересах прибыли. В то же время введение таможенного тарифа на подавляющее большинство статей английского импорта позволяло увеличить косвенное обложение за счет прямого; иными словами, при помощи общего тарифа английская буржуазия перекладывала налоговые тяготы на плечи трудящихся. Введением общего таможенного тарифа, охватывавшего ряд сельско-хозяйственных продуктов, В. начала политику сельско-хозяйственного протекционизма, расцветшего пышным цветом в последующие годы. На Оттавской имперской экономической конференции 1932 г. В. закрепила результаты своей новой тарифной политики в соглашениях с крупнейшими доминионами (кроме Ирландии), заключенных на пять лет и предусматривавших предоставление доминионам ряда важных таможенных преференций на британском рынке. С своей стороны В. использовала свою выигрышную позицию в качестве единственного крупного импортера продовольственных товаров для того, чтобы обеспечить для себя преимущественные права в тех доминионах, которые, подобно Австралии и Новой Зеландии, были крайне заинтересованы в английском рынке. В дальнейшем то же средство нажима было применено к другим странам (напр., к Дании и Аргентине в 1933 г.). „Уже после того, как отход от фунта стерлингов стал совершившимся фактом, английская буржуазия с успехом использовала падение фунта для укрепления своих позиций на мировом рынке в качестве экспортера промышленных товаров" („Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг." под ред. Е. Варга).

Третьим мероприятием „национального" правительства, которое было проведено им с целью облегчить положение государственного бюджета, была конверсия государственного долга и понижение средней нормы процента, который платило государство, с 5 до $3^1/_2\%$. Тем самым расходы по долгу, составлявшие в В. ранее более 40% всего бюджета, уменьшились почти на $^1/_3$. Значительная часть облигаций военного долга находилась в руках „маленьких людей", мелких и средних держателей, которые таким образом пострадали в первую очередь. Легче всего отделались плательщики прямых налогов, т.-е. правящие классы, которым пришлось примириться с повышением подоходного налога до 5 шилл. с фунта стерлингов (25%).

3. *Депрессия особого рода и подготовка нового кризиса (1933—1937).* Первые симптомы улучшения экономического положения В. проявились в 1933 г. Промышленная продукция показала некоторое увеличение; В. была в 1933 г. единственной страной в мире, где началось некоторое оживление жилищного строительства и имелись зачатки (правда, еще весьма жалкие) обновления основного капитала. Сокращение внешней торговли приостановилось, и курсы промышленных акций впервые показывали повышение; наконец, на денежном рынке оставалось много свободных денег, и в условиях приостановки экспорта капитала за границу (но не в колонии) кредитная система работала нормально. Итак, В. оказалась той страной капиталистического мира, которая стала ранее других на путь выхода из кризиса.

Объяснение этому, казалось бы, парадоксальному явлению, парадоксальному потому, что В. в 1921—1929 гг. переживала полосу относительного упадка, следует искать в том, что английская буржуазия, обладающая

наибольшим опытом в управлении народными массами, имела возможность наиболее успешно маневрировать, располагая накопленным „старым жиром" британского хозяйственного организма, огромными колониальными рессурсами, налаженной торгово-кредитной системой. Фунт стерлингов, несмотря на отход В. от золотого стандарта, сохранил свое значение в качестве мировой валюты; к стерлинговому блоку, т.-е. к блоку стран с фунтом стерлингов в качестве основной валюты или с валютой, придерживающейся определенного отношения к фунту стерлингов, примкнули страны с населением около 600 млн. чел. (все страны Британской империи, Скандинавские государства, Аргентина, Бразилия и др.). Одно это уже давало В. громадные преимущества в мировой торговле. Промышленный протекционизм позволил В. использовать внутренний рынок в небывалых ранее пределах, и, например, английская металлургия, которая в течение всего послевоенного времени работала значительно ниже своей производственной мощности, получила возможность организоваться в единый картель за стеной таможенных тарифов и значительно усилить свое положение и на внутреннем и на внешнем рынке. Дешевые деньги позволили В. использовать — с помощью государства — острую жилищную нужду для домостроительства, которое приняло в 1934—1935 гг. особенно значительные размеры. Наконец, техническая отсталость В. по сравнению с такими странами, как Германия и США, настоятельно требовала обновления основного капитала, которое в В. было в 1933—1936 гг. относительно более значительным, чем в большинстве других капиталистических стран.

Итак, рост промышленной продукции в годы депрессии особого рода и в полосе оживления, наметившегося в 1936 г., основывался на весьма значительном жилищном строительстве, дальнейшем развитии новых отраслей (в особенности авто- и авиастроения, электротехнической промышленности и производства искусственного шелка), на обновлении основного капитала, вызванном потребностями расширившегося внутреннего рынка в результате протекционизма. Наконец, значительно усилилась в В. и военная промышленность. Под непосредственной угрозой вооружений германского фашизма В. начала в 1936 г. и в особенности в 1937 г. энергично вооружаться, подготовляясь к новой мировой войне. При этом вооружения В. приняли небывалые ранее размеры: на пятилетие 1936—1940 ассигновано около $1^1/_2$ млрд. фунт. ст. на непосредственные военные расходы. Перевооружение армии, флота и воздушного флота связано с полной мобилизацией промышленности и подготовкой к переходу промышленности на военные рельсы уже в мирное время. Но военное строительство, развернутое в В. позже, чем в Германии, не сыграло решающей роли в начале периода депрессии особого рода.

Несмотря на то, что В. ранее других вышла из кризиса, что маневроспособность британской буржуазии позволила ей путем решительных мероприятий не только удержать за собой, но и усилить позиции В. на мировых рынках в годы кризиса, несмотря на развитие жилищного строительства и новых отраслей промышленности, общий уровень промышленной продукции в В только к началу 1935 г. примерно достигает уровня 1929 года. И в 1937 г. общий уровень промышленной продукции В. всего на 10—12% выше уровня 1929 г. Таким образом, два десятилетия народное хозяйство В. в сущности топчется на месте, не обнаруживая почти никакого движения вперед, в особенности если учесть, что население В. за годы 1913—1937 увеличилось соответственно на 12—14% и следовательно продукция основных отраслей промышленности на душу населения несколько уменьшилась по сравнению с довоенным временем.

Мы говорили выше, что В. удалось до известной степени укрепить свои позиции на мировых рынках. Но это была для В. успешная борьба за сохранение и увеличение своей доли в уменьшившемся целом мировой торговли. Доля экспорта в промышленной

продукции В., согласно имеющимся подсчетам, упала довольно сильно — примерно с 25—28% до 18—20% за 1927—1935 гг. На некоторых рынках В. в годы 1920—1935 потерпела существенный ущерб: это в первую очередь относится к рынкам Дальнего Востока и странам Тихого океана, где В. испытала на себе в первую очередь удары японского демпинга. В 1934 г. японский экспорт хлопчатобумажных изделий впервые сравнялся по размерам с британским вывозом, а в 1935 г. окончательно превзошел его, и В. должна была уступить Японии первое место в мировом экспорте хлопчатобумажных тканей, подобно тому как после войны В. уступила первое место в мировом экспорте вообще США. В условиях обнищания широких масс Азии дешевые японские товары, экспортируемые в условиях демпинга, не могли не вытеснить относительно дорогих британских товаров, которые сохранили за собой позиции лишь там, где они обладали специфическими преимуществами, проистекающими из *политического* преобладания В. Но даже и в британской Индии, где В. располагала преимуществами: вытекающими из того, что Индия является британской колонией, Японии удалось значительно расширить свой экспорт хлопчатобумажных изделий за счет В. Япония стала для Индии и даже для Австралии, и в меньшей степени для Канады и Новой Зеландии настолько важным рынком сырья и продовольствия (хлопка, шерсти, пшеницы), что с помощью того самого торгово-политического оружия, к которому обычно прибегала В. (использование своего положения в качестве покупателя сырья), Япония оказалась в состоянии заставить Индию и доминионы облегчить условия ввоза японских товаров. Итак, позиции В. были укреплены за счет США, но не за счет Японии. В 1935—1937 гг. значительно обострилась англо-германская конкуренция в Европе.

Из старых отраслей британской промышленности в наиболее тяжелом положении остались угольная промышленность и судостроение, отчасти также и текстильная промышленность. Проблема хронической безработицы и связанная с нею проблема пораженных районов не были сняты с порядка дня ни в период депрессии особого рода, ни в полосе оживления. За все годы, истекшие с 1929 по 1936 г., цифра безработицы в В. не падала ниже 2 млн. чел., и, таким образом, после выхода из кризиса в В. оставалась армия безработных, значительно превышавшая ту, которая имелась в В. к началу кризиса 1929 г. Только в 1936-1937 гг. число безработных упало ниже 2 млн. человек. Особое внимание обращала на себя длительность безработицы. Среди безработных свыше $^1/_7$ не имело работы более восемнадцати месяцев; средняя продолжительность безработицы колебалась между тремя и четырьмя месяцами, а число безработных только к концу рассматриваемого периода уменьшилось до $^1/_7$ всего числа застрахованных, но в отдельных районах этот процент более, чем вдвое, превышал общую норму. В связи с неравномерностью развития отдельных отраслей английской промышленности наметилось изменение соотношения между отдельными промышленными районами. Новые отрасли промышленности тянулись, главным образом, к юго-востоку страны, в район Мидлендс и в особенности в район Лондона, где промышленников привлекало наличие значительных кадров дешевой и слабо организованной рабочей силы, отсутствие традиций борьбы тред-юнионов за условия труда и заработную плату и огромный рынок мирового города с его 20% населения всей Англии. В ряде старых промышленных районов наблюдалось не только относительное сокращение числа занятых, но иногда и абсолютное уменьшение численности пролетариата (напр., южный Уэльс). Вместе с тем, тридцатые годы с их хронической безработицей, тяжелыми лишениями и угрозой войны ознаменовались столь резким сокращением рождаемости в В., что перед страной во всей широте встал вопрос не только о полной приостановке прироста населения к 1940 г., но и о вероятном уменьшении населе-

ния метрополии в ближайшее десятилетие. Ни один общий показатель не отражает, быть может, с такой силой загнивания английского капитализма, как этот факт прекращения естественного прироста населения, притом в период, когда В., как никогда ранее в течение полутора столетий, не является более страной эмиграции.

Кризис британской партийно-политической системы, давно уже назревший и ускоренный экономическим кризисом 1929 г. и нашедший себе проявление в приходе к власти национального кабинета, еще более углубился. Консервативная партия стала по существу единственной партией английской буржуазии. Либеральная партия распалась окончательно; часть ее лидеров вместе с так наз. „национал-лейбористами" превратилась в привесок к консервативному большинству, привесок, сохраняемый исключительно ради „национальной" вывески, которая все еще не потеряла своего эффекта для наименее развитой политически части избирателей. В самой консервативной партии в годы кризиса и депрессии особого рода наметились определенные сдвиги. В 1929—1931 гг. газетные магнаты Бивербрук и Ротермир пытались диктовать консервативному руководству линию поведения, настаивая на решительном повороте к имперскому протекционизму, к фашистским методам борьбы с организованным рабочим движением и к антисоветской политике. Бивербрук и Ротермир требовали и смены самого руководства, требуя отставки Болдуина и передачи поста лидера кому-либо из так наз. правых консерваторов полуфашистского толка. Но приход к власти „национального" правительства на время объединил всех консерваторов под руководством Болдуина. Только года через два после выборов 1931 г., когда консервативное большинство в палате почувствовало свою силу, правые объединились (на этот раз под руководством Черчилля) в борьбе против консервативного руководства по вопросу об управлении Индией. Борьба правых крайне облегчала маневрирование консервативному руководству, которое ограничилось при окончательном утверждении конституции для Индии минимальными уступками, ссылаясь на недовольство реформой заметной части собственной партии (с Черчиллем во главе). С другой стороны, в консервативной партии приобрела значительный вес и влияние группа так наз. „младоконсерваторов", в числе которых наиболее видными были Моррисон, Макмиллан, Иден, Эллиот и др., которые стремились склонить партию на путь популярного в широких массах под влиянием СССР „экономического планирования". Нечего и говорить, что это „планирование" ничего не имело общего с планированием в стране социализма, а скорее было сходным с идеями „Нью Дила" американского президента Рузвельта. Министр сельского хозяйства Эллиот провел в плане этих „идей" младоконсерваторов ряд мероприятий с целью улучшить положение британского сельского хозяйства. Несмотря на затрату значительных государственных средств (путем субсидий сельским хозяевам), таможенные пошлины, квоты, регулирование внутреннего рынка и т. п., основной цели, которую ставило себе аграрное законодательство Эллиота, по крайней мере на бумаге (в теории),—роста числа занятых в сельском хозяйстве и укрепления мелкой собственности — добиться не удалось. С другой стороны, принятые меры ускорили проникновение финансового капитала в сельское хозяйство, усилили процесс концентрации в деревне и вымывание мелких фермеров из производства. Но другая цель — укрепление продовольственной базы В. на случай войны — была частично достигнута. Младоконсерваторов отчасти поддерживал Болдуин, выступавший на протяжении ряда лет в качестве главного „идеолога" британской буржуазной демократии, развивающейся якобы по „своим собственным", „британским", традиционным и мирным путям. Поэтому консервативное руководство на словах отказывалось иметь что-либо общее с английским фашизмом, оформившимся организационно в сущности лишь в 1932 г. под руко

водством Освальда Мосли. Фашистские группы существовали в В. почти десять лет перед тем, но они не имели почти никакого значения в политической жизни страны, не пытались даже создать себе массовую базу и выступали с традиционными консервативными лозунгами. Только начиная с 1932 г. и в особенности с момента прихода к власти германского фашизма в начале 1933 г. Освальд Мосли попытался применить опыт гитлеровцев в В. и создать массовую фашистскую партию. Аристократ и богач, зять Керзона и сын баронета, Освальд Мосли использовал лейбористскую партию и ее правительство в качестве трамплина для того, чтобы приобрести популярность, и, надо отдать должное мещанским вкусам лейбористского руководства, сделал в лейбористской партии почти головокружительную карьеру. Став членом правительства Макдональда, Мосли представил кабинету свою программу борьбы с безработицей, и когда эта программа была забракована кабинетом, он вышел в отставку в 1930 г. В 1931 г. Мосли окончательно откололся от лейбористской партии и вместе с несколькими „левыми" ее членами образовал так наз. „Новую" партию, которая, однако, едва через год после своего образования раскололась, и из нее возникла на этот раз откровенно-фашистская группировка британских чернорубашечников. Мосли с поразительной быстротой воспринял „идеологические" установки германского фашизма: ниспровержение парламентской демократии, призыв к ликвидации марксизма и организованного рабочего движения, антисемитизм, расовый шовинизм и пр. и т. п. Его программа представляла собою жалкую компиляцию лозунгов Муссолини и Гитлера, к которым этот английский аристократ не раз ездил на поклон и поучение. При попустительстве лейбористского руководства Мосли и его банда начали разгонять рабочие собрания в Лондоне и Ланкашире, группируя вокруг себя наиболее неустойчивые и хулиганские деклассированные элементы; в 1933—1934 гг. Мосли заручился поддержкой распространенной желтой газеты „Дейли Мейль" (издатель лорд Ротермир), а также финансовой поддержкой со стороны ряда крупных магнатов финансового капитала (лэди Хустон, лорд Неффильд, Моррис и др.). Однако, когда в 1934 г. Мосли попытался организовать демонстрации-монстр в Лондоне (Олимпия и Гайд-парк), а в 1936 г. — провести демонстрацию в лондонском Ист-энде, он потерпел оглушительное поражение. Возмущенные рабочие явились, вопреки советам реакционных лидеров тред-юньонов, на контр-митинги антифашистских организаций в числе, во много раз превышавшем жалкие отряды чернорубашечников, и сорвали провокационные выступления Мосли и присных. Английская буржуазия держит Мосли в резерве на всякий случай и охраняет его митинги, где провокаторы с дубинками подвергают избиению честных рабочих с помощью полицейских отрядов.

На выборах 1935 г. фашистам не удалось провести в парламент ни одного кандидата. Консерваторы, которые и на этот раз выступали под „национальным" флагом, получили 385 мест, потеряв, таким образом, немногим менее 100 мандатов по сравнению с выборами 1931 г. (за истекшие четыре года консерваторы успели потерять не менее 20 мандатов на дополнительных выборах). Национал-либералы (саймониты) получили на выборах 32 места, а национал-лейбористы — всего 8 мест. Большим поражением для правительства было забаллотирование Макдональда, который позорно провалился в горняцком округе Сигеме, который представлял несколько лет, и провал сына Макдональда, Малькольма, министра по делам доминионов. Еще перед выборами Макдональд вынужден был уйти с поста премьера и уступить его истинному руководителю правительства — Болдуину. Рабочие избиратели выразили, таким образом, свое отношение к обоим Макдональдам, типичным ренегатам рабочего движения. Лейбористы получили на этот раз 154 мандата, став, как гласит парламентский термин, „работоспособной оппозицией"; боль-

шего они и не хотели и боялись возможности получить большинство в палате, так как не имели ни вождей, ни программы. Либералы-самоэлиты и группа Ллойд-Джорджа собрали вместе 21 голос, Независимая рабочая партия — 4 мандата, и коммунисты завоевали в парламенте 1 место (В. Галлахер от округа Ист Файф в Шотландии). Таким образом, в новом парламенте оппозиция была представлена 184 голосами (считая 4 независимых депутатов); либералы-самоэлиты уже в конце 1932 г. вышли из правительства, разойдясь с остальным составом в вопросе о таможенном тарифе.

После предательства вождей с Макдональдом во главе лейбористская партия осталась в тяжелом положении. Ее оплотом попрежнему служили тред-юнионы, во главе которых стояли матерые реформисты вроде Ситрина, Бевина и др., которые по сути дела ничем не отличались от ренегата Томаса. В парламенте лидером был избран старик Ленсбери, по убеждениям мелкобуржуазный пацифист. Наиболее активные, не потерявшие связи с массами деятели Независимой рабочей партии вынуждены были выйти в 1933 г. из рядов лейбористской партии, и на выборах 1935 г. НРП участвовала самостоятельно. Внутри лейбористской партии под руководством сэра Стаффорда Криппса образовалась Социалистическая лига (1934), распущенная в 1937 г. по требованию лейбористского руководства. НРП и Социалистическая лига вместе с компартией и по ее инициативе выступили с призывом к организации единого фронта антифашистских сил в 1935 г. Британская компартия обратилась в 1935 г. к лейбористскому руководству, предлагая принять компартию в лейбористскую партию, которая является по уставу федерацией рабочих организаций, мотивируя свое предложение необходимостью объединения всех антифашистских сил. Лейбористское руководство отвергло обращение компартии, и в этом лишний раз сказалось истинное лицо лейбористских лидеров, погрязших в сотрудничестве с буржуазными политиками и предпринимателями и боявшихся, что коммунисты подымут перед рабочими завесу над словами и делами лейбористских вождей.

Рост влияния британской компартии нашел себе отражение в массовом движении безработных, которое достигло особенного развития в 1933—1935 гг., а также в беспримерном до того в Англии распространении марксистско-ленинской литературы (образованный в 1936/37 г. „Клуб левой книги" сразу приобрел 40 тыс. членов). Компартия опиралась на симпатии широких масс к антифашистскому фронту, на течение в пользу мира. Ошибкой компартии было то, что она не сумела стать во главе антивоенной кампании в В., которая развернулась с особенной силой в 1935 г.; компартия не дала, поэтому, должного и своевременного отпора пацифистам типа Ленсбери, провозгласившим борьбу против всякой войны и политику „непротивления злу". В 1935 г. в В. было проведено „голосование в пользу мира", в котором приняло участие $11^1/_2$ млн. человек; это голосование показало, что огромное большинство избирателей поддерживало Лигу наций и доктрину коллективной безопасности со всеми вытекающими отсюда мероприятиями против агрессора.

Между тем британская внешняя политика в течение рассматриваемого периода была полна колебаний. В. принимала руководящее участие в конференции по разоружению (председателем конференции был британский делегат Гендерсон) и в мировой экономической конференции, которая ставила своей задачей „экономическое разоружение". В лице правительства Болдуина—Макдональда В. проявила попустительство по отношению к агрессии Японии в Китае, начавшейся захватом Маньчжурии в 1931 г. Министр иностранных дел Саймон решительно отверг всякую возможность применения санкций в Японии и, напротив, побуждал Китай не оказывать сопротивления японской агрессии и „мирным путем" договориться с Японией. Издеваясь над „доктринерским отношением к Лиге наций", сэр Джон Саймон в клубе печати в Женеве заявил: „Япония

нуждается в экспансии, и она сейчас делает лишь то, что Англия делала в прошлом; беда в том, что устав Лиги не предоставляет достаточного простора динамическим силам истории, которые влекли нас в Индию, а теперь влекут Японию в Маньчжурию". Столь откровенный и циничный отказ от противодействия агрессору был продиктован, повидимому, уверенностью некоторых наиболее реакционных кругов в Англии в полезном для Англии значении Японии как антисоветского фактора на Дальнем Востоке. Позиция правительства Болдуина—Макдональда стала, однако, меняться, когда ожидаемая в Англии война между Японией и СССР не состоялась, а Япония стала проникать далее в сев. Китай, который В. считала сферой своих интересов. Но время для должного противодействия японскому агрессору было упущено. Только в 1935 г. В. стала наверстывать потерянное время, организуя военную защиту своих позиций в Тихом и Индийском океанах, укрепляя Сингапурскую базу и содействуя укреплению обороны доминионов, предлагая финансовую помощь Китаю и осторожно устанавливая контакт с теми силами, которые могут быть в интересах В. противопоставлены японской агрессии в Америке, Европе и Азии.

Между тем, война Италии против Абиссинии в 1935—1936 гг. едва ли не застала британское правительство врасплох, и даже в этом вопросе, игравшем весьма существенную роль для британских интересов, В. оказалась не в состоянии помешать итальянскому империализму обосноваться в исключительно важном с точки зрения британской стратегии северо-восточном углу Африки, на пересечении трех важнейших коммуникационных путей Британской империи: пути Кейптаун—Каир, пути Суэц—Бомбей и пути Кейптаун — Занзибар — Аден. Соглашение Хора-Лаваля, заключенное в Париже в начале декабря 1935 г., обнаружило, что британское правительство вовсе не намерено или не может решительно сопротивляться итальянской агрессии и готово признать за Италией право на львиную долю в разделе Абиссинии. Наконец, британское правительство не оказало сопротивления неоднократным нарушениям договоров со стороны Германии, отказывалось ясно выявить солидарность с доктриной „неделимости мира", хотя и признавало желательность заключения не только западного, но и восточного „пакта безопасности", и не сказало в парламенте, несмотря на настойчивые требования со стороны своих собственных сторонников, окончательного слова по вопросу о германских колониальных притязаниях. В вопросе об интервенции фашистской Германии и фашистской Италии на стороне мятежников в Испании правительство В. заняло опять-таки колеблющуюся и неустойчивую позицию, которая способствовала превращению комитета по невмешательству в ширму для фашистской интервенции, а самого невмешательства — в недостойный фарс. Заключение японо-германского соглашения, а затем создание фашистского блока „ось Рим-Берлин" нельзя не считать решительным внешнеполитическим поражением В., которое вынудило В. к затрате огромных средств на вооружения. В. готовится к новой мировой войне, надеясь сыграть в ней роль арбитра.

В 1933 г. реакционные силы в В. пытались использовать процесс инженеров Метро-Виккерс в СССР для того, чтобы добиться нового обострения отношений с СССР. Но на этот раз торжество реакции было непродолжительным; эмбарго на ввоз советских товаров в В. и ответное запрещение ввоза британских товаров и фрахтования британских судов в СССР просуществовали менее двух месяцев, и с тех пор дипломатические и торговые отношения СССР с В. развивались нормально. В 1935 г. Иден по поручению правительства В. посетил Москву, где имел беседу с тов. Сталиным. В. была в числе тех государств, которые подписали обращение к правительству СССР, приглашая СССР вступить в Лигу наций; к этому обращению присоединились и все британские доминионы.

Экономический кризис не приоста-

новил действия центробежных сил в составе Британской империи. Национально-освободительное движение в Индии и Египте заставило В. пойти на значительные формальные уступки в индийской конституции (1935) по отношению к индийской буржуазии и в англо-египетском „союзном" договоре 1936 г. по отношению к Египту, которому В. обязалась содействовать в вопросе об отмене капитуляции. С другой стороны, доминионы в годы экономического кризиса и депрессии особого рода под влиянием оттавских соглашений и значения В. как рынка сырья и продовольствия, а также под влиянием угрозы со стороны возможного агрессора, оказались в большей степени под влиянием центростремительных тенденций, чем ранее в 1921—1929 гг. Только один из доминионов — Ирландия, экономически наиболее тесно связанная с В.,—продолжала борьбу за полное формальное отделение от В. и увенчала ее проведением новой конституции 1937 г. (см. ниже, *Ирландия*).

„Национальное" правительство, начавшее свою деятельность с решительного наступления на уровень жизни рабочих масс, пыталось ослабить обострение классовой борьбы в В. путем „возмещения" безработным урезанной части пособий и возвращением учителям и государственным служащим отнятой у них части окладов в 1934 г. Однако, „поверка нуждаемости". осталась в силе, и самый порядок предоставления пособий безработным был изменен таким образом, что исключения из списков получающих пособие приняли массовый характер. В то же время „национальное" правительство, учитывая уроки Инвергордона и стремясь получить в свои руки законное оружие против левых элементов в рабочем движении, провело в 1934 г. закон о борьбе с революционной пропагандой в войсках (так наз. Sedition Act, т.-е. акт о мятеже), на основании которого правительство в случае необходимости может отправить в тюрьму кого угодно за хранение или распространение литературы, которая, будучи направлена в войска, может побудить их к мятежу. Этот закон по существу отбрасывает английское законодательство назад к так наз. эпохе Кэстльри, когда В. в числе прочих государств боролась с „духом" французской революции (1815 — 1820 гг.). Несомненно, что проведение этого закона является частью военной подготовки В.

В 1935 г. по случаю торжественного празднования 25-летнего юбилея короля Георга „национальное" правительство приложило все усилия для того, чтобы укрепить „традиционный" авторитет монархии и главы ее, который ныне является единственным юридическим звеном, связующим Британскую империю. В 1936 г., после смерти короля Георга V, на престол вступил его сын Эдуард VIII, который, однако в том же году отказался от престола, так как правительства В. и доминионов отказались санкционировать его брак с американской гражданкой Симпсон, дважды ранее состоявшей в браке. После отречения Эдуарда VIII в дек. 1936 г. на престол вступил его брат Георг VI.

Литература. „Мировые экономические кризисы 1848 — 1935 гг.", под ред. *Е. Варга* (М., 1937); *Варга, Е.*, „Новые явления в мировом экономическом кризисе" (М., 1934); *Мюр, Р.*, „Как управляется Британия" (М. 1936); „Бдительные", „Внешняя политика В." (М. 1936); *Иванов, Л. Н.*, „Морское соперничество империалистических держав" (М., 1936); *Звавич, И.*, „Имперская экономическая политика Великобритании" („Мировое хозяйство и мировая политика", 1936, № 9); Annual Register (1929—1937), Statesman's Year book (1929—1937), „Survey of International Affairs" за соотв. годы. Издания британского института межд. отношений (Institute of International Affairs) по отдельным вопросам британской внешней политики. *Allen*, „Organisation of British industry", L., 1938; „The British Empire". A report by a Study group, L. 1937.

Июль 1937 г.

IV. Ирландия (*ср.* XLVII, 426 сл.). 1. *Годы частичной стабилизации* (1924—1929). После окончательной победы контр-революционного режима Косгрева над республиканцами в Ирландском свободном государстве (И. С. Г.) сложился тесный союз между т. н. „лоялистами", поддерживавшими Англию во время англо-ирландской войны 1919—1921 гг., и сторонниками правительства Косгрева, в прошлом составлявшими правое крыло шин-фейнеров. Политически и экономически правительство нового доминиона опиралось на Англию, несмотря на словесные выступления отдельных членов

правительства Косгрева о независимости И. во внешней и внутренней политике.

Первым испытанием силы правительства по отношению к Англии было соглашение 1923 г., затем вторично подтвержденное в 1925 г., по которому правительство Косгрева обязывалось принять на себя денежные платежи (аннуитеты) в покрытие так наз. земельных обязательств ирландских фермеров по отношению к их прежним лендлордам, а также выплату пенсий британским чиновникам, полицейским, солдатам, служившим в И. до того, как образовался доминион И.С.Г. Тем самым ирландский народ принимал на себя бремя оплаты своих вековых угнетателей. Правительство Косгрева не посмело представить эти соглашения на ратификацию, хотя обладало в парламенте относительным большинством, и республиканская партия еще не принимала участия в деятельности парламента; правительство опасалось, что оно будет сметено волной народного гнева. В 1921—1925 гг. правительство Косгрева еще раз пошло навстречу Англии в вопросе об утверждении границы с Олстером и согласилось оставить без изменения установленную по договору 1921 г. пограничную линию за одновременный отказ Англии от претензии к И.С.Г. в отношении части британского государственного долга, возложенной на И.С.Г. по тому же договору. Между тем, установленная таким образом пограничная линия сохраняла в составе Сев. Ирландии (Олстера) значительное недовольное меньшинство (крестьяне-католики западной части Олстера), тяготевшее к И.С.Г.

Правительство И.С.Г. приняло деятельное участие в имперских конференциях 1923 и 1925 гг., присоединившись к системе британских имперских преференций; ирландские представители в Лиге наций стали играть роль подголосков британской делегации, связываясь при этом с наиболее реакционным правительством, которое имела Англия после войны—первым правительством Болдуина, подавившим всеобщую стачку и порвавшим дипломатические отношения с СССР. Используя свое право посылать дипломатических представителей, аккредитованных при иностранных правительствах, И. назначила таковых не только в Нью-Йорк и Париж, но и в Ватикан. Связь с католической церковью стала, таким образом, еще более тесной, чем была в годы полного английского владычества.

Во внутренней политике годы пребывания у власти правительства Косгрева были годами реакции. Правительственная партия Куманн-нан-Гаэль представляла собою коалицию крупных фермеров-кулаков, заинтересованных в экспорте на английский рынок, уцелевших дворян-помещиков, городских торговцев, чиновников, судей, адвокатов, крупно-буржуазной интеллигенции столичного Дублина. Когда в 1927 г. царившее в стране народное недовольство привело к террористическому акту, направленному против министра внутренних дел О'Хиггинса, правительство воспользовалось этим для того, чтобы провести через Дайл закон о безопасности государства. В области духовной жизни правительство Косгрева проявило себя усилением цензуры по отношению к театру и кино, зачислением в список запрещенных к продаже книг произведений Горького, Джойса, Кэбелла, Достоевского и др. писателей, как „порнографической" литературы.

В экономической области предкризисные 1924—1929 гг. были временем постепенного и медленного восстановления. Разрушения, причиненные англо-ирландской войной устранялись крайне медленно. Неурожаи 1923—1924 гг. привели к разорению мелкого крестьянства и скоплению безработных в городах. Положение мелкого крестьянства было крайне тяжелым, так как правительство взимало налоги и выкупные платежи (аннуитеты) с железной настойчивостью, не останавливаясь перед продажей с молотка земельных участков, жилищ и жалкого скарба крестьян. Так, годы хозяйничанья правительства Косгрева были временем довольно быстрой пролетаризации ирландской деревни. С другой стороны, экономическая поли-

тика правительства Косгрева была направлена на укрепление кулацкой кооперации и связи ирландского сельского хозяйства с английским рынком. Правительство провело ряд законов с целью улучшить качество экспортируемых товаров (закон об экспорте молочных товаров—1924 г., закон об экспорте и сортировке яиц—1925 г. и др.). С целью содействия развитию ирландской промышленности правительство поручило германской фирме Сименс и Шуккерт разработать схему использования энергии реки Шэннон (1925); это был первый случай предоставления крупной строительной концессии не-английской фирме в британском доминионе. Одновременно с этим правительство привлекло американский капитал (Форд) для строительства автотракторного завода в Корке, бельгийский капитал для участия в сахарной промышленности (Карлоу).

2. *Мировой экономический кризис* докатился до И.С.Г. несколько позже, чем до крупнейших промышленных стран Старого и Нового света. Падение цен на ирландские сельско-хозяйственные продукты последовало в широком масштабе во второй половине 1930 г., а рост безработицы в городах определился лишь в 1931 г. Но зато с того момента, как в И.С.Г. начался экономический кризис. неустойчивое экономическое положение страны, тесно связанной с одним решающим рынком (Англией) и одной категорией экспортных товаров (продукты скотоводства и птицеводства), дало себя почувствовать. В стране началось усиленное брожение, проявлявшееся в массовом отказе фермеров от платежей аннуитетов, начиная с 1931 г., и в усилении антиправительственных организаций. Еще в 1927 г. сторонники де-Валера, отошедшие от крайних националистических элементов, вошли в палату, принеся присягу английскому королю и образовав оппозиционную партию Фианна Файль. Эта партия выступала против правительства, обвиняя его в предательстве ирландских национальных интересов в политической и экономической области. Де-Валера выступил тогда же с программой широких протекционистских мероприятий, заходивших гораздо дальше, чем проведенные до тех пор немногие охранительные пошлины. Программа де-Валера снискала ему поддержку мелких промышленников города. Во время экономического кризиса партия де-Валера обещала методами поощрения местной промышленности бороться с безработицей, предлагала отказаться от платежей земельных аннуитетов и путем проведения соответствующих законов отрезать все формальные нити, связывающие И. с Англией. На выборах 1932 г. за партию де-Валера голосовали городские рабочие и безработные, мелкие торговцы и промышленники, ожидавшие от смены правительства содействия промышленности; за ту же партию голосовали фермеры, рассчитывавшие на прекращение земельных платежей, и широкие круги населения, недовольные уступчивостью Куманн-нан-Гаэль по отношению к Англии. В результате выборов 1932 г. Фианна Файль пришла к власти и на повторных выборах 1933 г. получила большинство над всеми другими партиями.

С образованием правительства де-Валера получили легальную возможность агитации республиканцы, ранее действовавшие в подполье. Ирландская республиканская армия, поддерживавшая на выборах 1932 г. партию Фианна Файль и представлявшая трудящихся города и деревни, ранее участвовавших в гражданской войне против Англии, открыто возобновила свою деятельность. К ней примкнули, главным образом, батрацкая и бедняцкая молодежь, крестьянская интеллигенция, ремесленники и учителя. Ирландская республиканская армия в 1933 г. стала вести борьбу против де-Валера, который недостаточно радикально выступал за полное отделение И. от Англии. В 1933 г. образовалась самостоятельная ирландская компартия.

Правительство де-Валера провело отмену присяги королю со стороны членов парламента, прекратило уплату (в июле 1932 г.) земельных аннуитетов и пенсий, ссылаясь на то, что соглашения Англии с пра-

вительством Косгрева не были ратифицированы, добилось смены английского генерал-губернатора и назначения на его место в 1933 г. мелкого дублинского лавочника Дональда Беклей, в прошлом участника дублинского восстания 1916 г. Поскольку сенат, состоявший преимущественно из назначенных правительством Косгрева сторонников Куманн-нан-Гаэль, систематически препятствовал проведению программы де-Валера, правительство последнего вынуждено было мириться с отсрочкой в проведении основных законопроектов на полтора года; но в 1934 г. правительство де-Валера провело закон о ликвидации самого сената, который перестал существовать в 1936 г. Таким же способом правительство де-Валера устранило ранее существовавший порядок апелляции на решения ирландских судов в верховный суд Англии (тайный совет короля), и это было признано законным правом И. на основании Вестминстерского статута 1931 г. (см. выше, *Великобритания*, стб. 137).

Прекращение платежей вызвало соответствующие репрессии со стороны Англии, установившей специальные таможенные пошлины на ирландские товары; за счет этих пошлин английское правительство с успехом покрывало платежи английским лендлордам и пенсионерам. С другой стороны, ирландское правительство ответило репрессиями в виде пошлин на английский уголь и фабрикаты. Экономическая война между Англией и И. продолжалась до января 1935 г., когда между английским и ирландским правительствами было заключено соглашение о взаимном снижении (но не отмене) пошлин на скот и уголь. Это соглашение, заключенное сроком на один год, было дважды продлено, но за ним не последовало полного прекращения таможенной войны. Правительство де-Валера провело ряд таможенных пошлин, ставивших своей задачей содействие ирландской мелкой промышленности (обувной, пищевой, текстильной, швейной) и строительству новых больших заводов (автомобильный завод) и фабрик (резиновых шин). Несмотря на это, вплоть до 1934 г. безработица оставалась на очень высоком уровне (по официальным данным более 75.000 чел.), и снижение безработицы последовало лишь в 1934 г., когда положение сельского хозяйства начало несколько улучшаться. Сопряженное с затруднениями сбыта на британском рынке сокращение ирландского экспорта почти в $2^1/_2$ раза (с 60 до 25 млн. фунт. ст.) затронуло прежде всего крупных фермеров-экспортеров. Мелкие фермеры, для которых местный рынок и собственное потребление играли решающую роль в хозяйстве, больше были заинтересованы в прекращении земельных платежей, чем могли проиграть от потери британского рынка. К тому же правительство де-Валера настойчиво содействовало увеличению посевной площади под пшеницей, которая увеличилась более, чем в 2 раза за 1932—1937 гг., и тем несколько облегчило положение сельских хозяев И.

Политикой маневрирования правительство де-Валера сумело обеспечить себе поддержку широких слоев населения, не возбуждая против себя имущих классов. Куманн-нан-Гаэль приобрела черты типично фашистской партии. В 1933 г. во главе партии стал бывший начальник полиции генерал О'Деффи, пытавшийся создать подобие вооруженных фашистских отрядов при Куманн-нан-Гаэль („синие рубашки"). Под предлогом борьбы с фашизмом правительство де-Валера привело в действие законы о безопасности государства, проведенные еще в 1927 г. Косгревом, и направило их, главным образом, против ирландской республиканской армии, компартии и других левых элементов рабочего движения, примыкавших к компартии. Что же касается „синих рубашек", то, будучи распущенной правительством, эта организация восстанавливалась под разными наименованиями и потеряла свое значение главным образом потому, что де-Валера зарекомендовал себя как более умелый и более осторожный представитель ирландской буржуазии. К 1936 г. провал Куманн-нан-Гаэль, как политической партии, и О'Деффи, как вождя, определился окончательно, и генерал,

перессорившийся в заключение со всеми политическими деятелями партии, благополучно вышел из нее. Интервенция в Испании представила для его сторонников случай использовать свои жалкие силы для участия в борьбе мятежников против законного правительства Испании. Де-Валера не сделал попытки помешать этому нарушению принципа невмешательства.

Во внешней политике правительство де-Валера, на словах и в юридических актах стоя на позиции всемерного отделения И. от Англии (создание особого ирландского гражданства в 1935 г.), на деле поддерживало Англию. В Лиге наций де-Валера активно содействовал английской политике в абиссинском вопросе, во всеуслышание объявил о заинтересованности И.С.Г. в британских вооружениях и не отказался предоставить в распоряжение метрополии военные гавани И. В своих собеседованиях с английскими государственными деятелями в 1936 и 1937 гг. де-Валера выдвигал требования объединения И.С.Г. с Северной И., входящей, как известно, в состав Соединенного королевства Великобритании и северной И. Это требование не вызвало со стороны Англии обычных возражений, и дело ограничилось ответным выступлением премьера Северной И. Крейгэвона, отрицавшего возможность объединения обеих И.

В 1937 г. правительство де-Валера провело новую конституцию, которая окончательно порвала все формальные и юридические связи И. с В. И. провозглашалась самостоятельным государством „Эйре", связанным с В. „внешней ассоциацией" (external association); по конституции „Эйре" охватывает всю территорию острова И., хотя временно признается раздельное существование Северной И. (Олстера). Пост генерал-губернатора упраздняется, и главой Эйре избирается президент, обладающий полнотой исполнительной власти. Католическая религия объявляется религией большинства граждан „Эйре". Конституция была принята народным референдумом, и на выборах 1937 г. де-Валера и его союзники лейбористы получили большинство голосов на выборах.

3. *Северная Ирландия* (*Олстер*) была образована в 1921 г. как часть Соединенного королевства Великобритании и северной И. (*см.* XLI, ч. 5, 671), имеющая двойное парламентское представительство — в парламенте в Лондоне и в собственном парламенте (в Бельфасте), перед которым несет ответственность местное правительство северной И. Руководство политической жизнью находилось в течение всего рассматриваемого периода в руках партии юнионистов (оранжистов), примыкающей в имперской политике к английским консерваторам. Ирландское националистическое меньшинство, представленное в местном парламенте, фактически не допускалось к политической жизни; агитаторы-националисты и сторонники Фианна Файль подвергались аресту и высылке в И.С.Г. Де-Валера, избранный в 1935 г. членом олстерского парламента, не мог фактически принять участия в его работе.

Еще накануне мирового экономического кризиса Олстер, на ряду с Ланкаширом, южным Уэльсом и районом Клайда стал одним из так наз. „пораженных" районов. Крупнейшие отрасли промышленности Олстера—судостроительная и полотняная — тесно связаны с внешним рынком. После войны судостроительная промышленность Олстера (Бельфаста) никогда не работала с полной нагрузкой. Мировой экономический кризис особенно тяжело отразился на промышленности Бельфаста и Лондондерри; таможенная граница, созданная договором 1921 г., серьезно затрагивала интересы потребительских отраслей промышленности Бельфаста (обувной, швейной, пищевой), ранее ориентированных на ближайший—ирландский—рынок. В годы мирового экономического кризиса (1932) промышленная продукция экспортных отраслей Олстера падала до 35% продукции 1929 г. Некоторое улучшение хозяйственной конъюнктуры наметилось в 1936 г., в связи с военными заказами.

Июль 1937 г.

V. Франция (*ср.* XLVII, 462 сл.). 1. *Экономика. Экономика Франции накануне кризиса.* Промышленный подъем, предшествовавший мировому экономическому кризису, достиг во Ф. более высокого уровня, чем в других капиталистических странах Европы. Физический объем промышленной продукции в 1930 г. (год наиболее высокого экономического подъема во Ф.) на 40% превысил уровень 1913 г., в то время как в Германии физический объем промышленности в год наиболее высокого экономического подъема (1929) лишь на 10,9% превысил уровень 1913 г., а в Англии—всего только на 0,6%. Послевоенный экономический подъем был во Ф. крайне неравномерным в отношении отдельных отраслей промышленности. Очень большой подъем показали, как и в ряде других капиталистических стран, так называемые новые отрасли промышленности: резиновая промышленность достигла в 1930 г. 896% своей продукции 1913 г., автомобильная—637%. Характерной особенностью Ф. был большой подъем всей металлообрабатывающей промышленности, физический объем производства в которой в момент высшего конъюнктурного подъема достиг 158% уровня 1913 г. Выплавка стали также достигла в этот момент 138% уровня 1913 г. В то же время в наиболее типичной отрасли производства средств потребления—текстильной — производство в 1930 г. составляло всего 85% уровня 1913 г. Иначе говоря, в момент самого высокого конъюнктурного подъема производство важнейшей из отраслей, связанных с массовым потреблением, на 15% отставало от довоенного уровня, а продукция важнейшей отрасли производства средств производства на 60% превысила довоенный уровень. Такого разрыва не знала ни одна из капиталистических стран. Это показывает, в какой степени послевоенный экономический подъем был во Ф. связан не с общим развитием народного хозяйства, а с действием особых специфических причин.

Важнейшей из этих причин является восстановление разрушенных войной районов и связанная с этим послевоенная техническая реконструкция во французской промышленности, финансируемая за счет репараций и затянувшейся инфляции. Огромное строительство по восстановлению разрушенных районов, в которых сосредоточивались две трети всего производственного аппарата французской тяжелой промышленности, создало широкий рынок для французской промышленности средств производства. Восстанавливаемые предприятия отстраивались при этом на значительно более высокой технической базе. Яркие примеры технического перевооружения французской промышленности дает угольная промышленность Па де Кале — самого крупного во Ф. угольного района. Механизированная добыча посредством пневматических молотков составляла здесь в 1913 г. 4,7% общей добычи угля, а в 1931 г.—80,7%. О реконструкции французской металлургии английский торговый атташе во Ф., Роберт Кахил, один из лучших знатоков французской промышленности, пишет следующее: „С 1914 г. огромное большинство металлургических предприятий было либо полностью реконструировано и оборудовано самой современной техникой, либо существенно реорганизовано и улучшено, при чем и в том и в другом случае было произведено расширение предприятий". Во французской химической промышленности был создан ряд совершенно новых для Ф. производств (производство красителей и др.). Реконструирована также в значительной степени и машиностроительная промышленность. Эта техническая реконструкция французской промышленности на ряду с восстановлением разрушенных областей и с очень большим строительством портов и дорог, а также пограничных укреплений, создали большой спрос для отраслей производства средств производства, и явились основой всего послевоенного экономического подъема во Ф.

Этот подъем был во вторую очередь вызван присоединением к Ф. Эльзаса и Лотарингии, значительно более развитых в промышленном отношении, чем остальные области Ф., и богатых промышленным сырьем.

Лотарингия в довоенные годы выплавляла 3.800 тыс. *m* чугуна, в то время как вся довоенная Ф. выплавляла 5.200 тыс. *m*. Эльзас производил в довоенные годы около половины того количества хлопчатобумажных тканей, которые до войны производила вся Ф. Богатство вновь присоединенных областей промышленным сырьем в первую очередь выражается в больших запасах железной руды в Лотарингии. В 1917 г. в этой области добывалось столько же железной руды, сколько во всей Ф. (свыше 21 млн. *m*). В Эльзасе Ф. приобрела также богатые залежи калия, что способствовало развитию химической промышленности.

Послевоенный подъем во Ф. был вызван в третью очередь низким уровнем цен французских изделий в результате затяжной инфляции и стабилизации франка на низком уровне. Инфляция привела к тому, что уже в 1927 г. экспорт из Ф. составлял больше 160% довоенного экспорта, в то время как германский экспорт к этому времени едва перешагнул довоенный уровень, а в Англии составлял около 130% довоенного уровня. Стабилизация франка на низком уровне способствовала тому, что стабилизационный кризис, который переживали после окончания инфляции почти все капиталистические страны, во Ф. был кратковременным и слабым. Низкий уровень французских цен способствовал росту иностранного туризма во Ф., который приобрел в годы подъема большое значение для всей экономики страны. Так, например, доход от иностранного туризма составлял в 1929 г. около 12 млрд. франков, т.-е. больше одной пятой стоимости всего французского экспорта за этот год.

Развитие кризиса. Экономический кризис начался во Ф. в середине 1930 г., т.-е. почти на год позже, чем в США и большинстве капиталистических стран Европы. Это запоздание было в первую очередь связано с тем, что техническая реконструкция промышленности дала толчок к строительству новых предприятий в ряде отраслей производства средств производства, и процесс этот продолжался в 1929—1930 гг., а в отдельных отраслях затянулся и на более поздние годы. Таким образом в момент, когда начался мировой экономический кризис, во Ф. еще продолжался процесс обновления основного капитала в промышленности. К тому же в 1929—1930 гг. во Ф. шло большое военно-стратегическое строительство (строительство крепостных укреплений на франко-германской границе). Это давало возможность сохранить высокий уровень производства во французской промышленности уже после того, как начался мировой экономический кризис. Вначале мировой экономический кризис отразился на Ф. в виде сокращения ее экспорта предметов роскоши. Это был толчок, который ускорил взрыв очень больших противоречий, накопившихся во французском народном хозяйстве в период подъема, когда происходил большой рост производства средств производства при сохранении отсталого уровня сельского хозяйства и слабом развитии массового потребительского рынка.

Течение экономического кризиса во Ф. характеризует следующая таблица:

Годы	Общий индекс пром. продукции	Продукция чугуна	Продукция стали	Машиностроение	Текстильная пром.	Строительная пром.
	1929 г. = 100	(тысяч. тонн)		1929 г. = 100		
Среднемесячная						
1929	100	864	808	100	100	100
1930	100,7	866	787	100	92,4	112,3
1931	89,2	663	652	86,6	77,2	102,6
1932	69,1	461	470	61,5	64,7	82,0
1933	77,0	527	544	68,8	80,4	74,6
1934	71,2	513	512	68,1	69,5	67,2
1935	67,6	482	522	61,1	70,7	55,7
1936	70,5	520	559	63,7	72,8	58,3

*

В первый период кризиса, от середины 1930 г. до середины 1932 г., он быстро развивался во всех отраслях французской промышленности. Наиболее сильное сокращение производства дает первое полугодие 1932 г. В производстве средств производства кризис во Ф. в период 1930—1932 гг. развивается все же в более слабых темпах, чем в других крупных капиталистических странах.

Снижение продукции чугуна и стали от высшей точки перед кризисом к сентябрю 1932 г. (в %%)

	Капиталистич. мир	США	Германия	Англия	Франция
Чугун . .	— 70,3	— 84,8	— 77,3	— 62,1	— 50,7
Сталь . .	— 65,7	— 81,5	— 73,3	— 51,7	— 46,2

В середине 1932 г. под влиянием общего роста промышленного производства в капиталистическом мире и некоторого роста мировых цен и во Ф. начинается небольшой рост промышленной продукции. Он продолжался до середины 1933 г. За этот период общий индекс физического объема промышленной продукции поднялся во Ф. немного больше чем на 20% по сравнению с низшей точкой в 1932 году. Низшая точка в 1932 г. составляла 92 (1913 г. = 100), в июле 1933 г. она поднялась до 112. Этот небольшой рост промышленного производства не имел во Ф. под собой серьезной почвы. Об этом говорило дальнейшее снижение строительства. Индекс строительной промышленности за тот же период дал снижение больше чем на 10%.

В середине 1933 г. во Ф. начинается новое снижение промышленной продукции. Наступает новый этап углубления кризиса, который продолжается до начала 1936 г. Наиболее сильное падение за этот период дает строительная промышленность. Во всей промышленности в начале 1935 г. снова достигается низшая точка 1932 г., а в среднем 1935 г. дает даже более низкий уровень, чем 1932 г.

В этот период тенденция развития конъюнктуры во Ф. расходится с тенденцией развития конъюнктуры в большинстве капиталистических стран. Капиталистический мир в целом вступает в период депрессии особого рода, там происходит заметный рост промышленной продукции и в ряде стран намечается даже промышленное оживление. Во Ф. же 1933—1934—1935 гг. являются годами углубления кризиса. Небольшой рост промышленной продукции начинается лишь в 1936 г., он продолжается и в первой половине 1937 г.

Причины дальнейшего углубления кризиса во Ф., в период, когда капиталистический мир начал переходить в депрессию и даже к оживлению, в первую очередь кроются в глубоких противоречиях, которые накопились во Ф. во время последнего цикла, и относительно более слабом сокращении промышленного производства в первые годы кризиса. Благодаря тому, что в первые годы кризиса во Ф. еще продолжалось обновление основного капитала, а новое строительство затянулось в ряде отраслей промышленности до 1931 и даже до 1932 г., накопившиеся в период подъема противоречия не рассасывались даже в такой мере, как это происходило в ряде других капиталистических стран. Причиной углубления кризиса в 1933 г. является также значительное ухудшение в этот период положения во французском сельском хозяйстве. Французское сельское хозяйство как раз в 1933—1934—1935 гг. наиболее сильно пострадало от падения цен. Раздробленность и техническая отсталость французского сельского хозяйства делали для него значительно более трудным, чем для других крупных капиталистических стран, снижение издержек производства. Большая роль сельского хозяйства во французской экономике вела к тому, что углубление аграрного кризиса сильнее, чем в других капиталистических странах Европы, отражалось на положении промышленности.

На ряду с этим углублению кризиса во Ф. способствовало более слабое, чем в других капиталистических странах, снижение общего индекса цен, в особенности розничных цен. Во Ф. в годы кризиса образовался такой разрыв между индексом

оптовых цен и индексом стоимости жизни, которого не знала ни одна другая капиталистическая страна.

Снижение цен на первое января 1933 г. по сравнению с 1929 г. (в %%)

	Оптовые цены	Индекс стоимости жизни
США	36	26
Германия . . .	35	20
Англия	27	15
Франция . . .	38	4

Кроме общих причин, свойственных всем капиталистическим странам (развитие монополий и др.), особенно сильному разрыву между общими ценами и стоимостью жизни во Ф. содействуют высокие государственный и коммунальный бюджеты, которые покрываются в подавляющей части путем косвенных налогов.

Высокий уровень розничных цен и стоимости жизни снижал покупательную способность масс и таким образом бил по французскому внутреннему рынку. Он также создавал добавочные преграды для притока иностранных туристов и для французского экспорта.

Во второй половине 1936 г. и в 1937 г. после прихода к власти правительства Блюма имелся ряд экономических предпосылок для роста промышленной продукции (улучшение положения в сельском хозяйстве, рост покупательной способности трудящихся масс). Промышленное производство росло, однако, медленно, т. к. капиталисты в борьбе с правительством, выдвинутым народным фронтом, воздерживались от вложения своих капиталов в промышленность и в огромных размерах вывозили их за границу.

Сельское хозяйство. В отличие от промышленности французское сельское хозяйство перед кризисом не знало периода расцвета и подъема. Оно даже не оправилось полностью от ударов, нанесенных войной, и не восстановило довоенной посевной площади и довоенного уровня поголовья скота.

Посевная площадь и продукция

Культуры	Посевная площадь (в тыс. *га*)			Продукция (в млн. квинталов)		
	1904—1913 гг.	1914—1923 гг.	1924—1933 гг.	1904—1913 гг.	1914—1923 гг.	1924—1933 гг.
Зерновые	13.547	10.691	11.100	171,9	126,0	157,7
Кормовые	14.810	15.182	16.496	793,2	694,9	925,7
Промышленные . .	387	194	351	77,9	81,0	75,6
Виноградники. . .	1.631	1.527	1.530	53,4	49,8	56,5

Данные таблицы показывают, что посевная площадь под зерновыми сократилась за послевоенный период почти на 20%. Больше всего сократилась площадь под пшеницей (в 1913 г.— 6.542 тыс. *га* и 5.374 тыс. *га* в 1930 г.). Продукция зерновых сократилась в меньшей степени, чем посевная площадь, а продукция пшеницы даже осталась на довоенном уровне. Это является результатом некоторого роста урожайности в послевоенные годы, когда выросло потребление химических удобрений, а также применение в наиболее крупных хозяйствах более усовершенствованных сельско-хозяйственных машин. Потребление фосфатов на один гектар обрабатываемой земли выросло с 80 *кг* в 1913 г. до 98 в 1929 г., потребление шлаков—с 17 *кг* до 37, чистого калия—с 1,38 до 10,2, азотистых удобрений—с 18,6 до 42,5. Однако, Ф. еще значительно отстает от почти всех других западно-европейских стран в потреблении химических удобрений: Германия потребляла в 1929 г. 36,6 *кг* чистого калия на один гектар обрабатываемой земли, Ф. — только 10,2 *кг*; азотистых удобрений Германия в том же году потребляла 93 *кг* на гектар обрабатываемой земли, а Ф.—только 42,5.

Вышеприведенная таблица показывает, что за послевоенный период возросла площадь под кормовыми культурами, в том числе под естественными лугами. Это говорит об экстенсификации хозяйства и вместе с тем об усилении тенденции к росту скотоводческого хозяйства. Однако, тенден-

ция эта прокладывает себе путь очень медленно. Это показывают данные о развитии поголовья скота.

Поголовье скота (в тыс.)

	1913 г.	1929 г.
Лошади	8.222	2.986
Овцы	16.131	10.452
Крупный рогатый скот	14.788	15 631
Свиньи	7.036	6.102

По всем видам скота, кроме крупного рогатого, французское сельское хозяйство к 1929 г. еще не достигло довоенного уровня. Количество рогатого скота выросло. Однако, этот рост невелик. По количеству скота, приходящегося на один гектар земли, Ф. отстает от большинства западно-европейских стран.

Хозяйства	1921 г.	1931 г.
Без наемной рабочей силы	1.284.871	1.341.112
1— 5 наемных рабочих	1.330.848	1.048.715
6— 10 „ „	84.916	23 895
11— 20 „ „	6.613	3.754
21— 50 „ „	1.992	2.200
51—100 „ „	210	240
101—500 „ „	27	26
свыше 500 „ „	0	1

За послевоенный период в сельском хозяйстве Ф. произошло сокращение средних хозяйств при некотором росте мелких, с одной стороны, и крупных—с другой.

Характерной чертой послевоенного периода во французском сельском хозяйстве является бегство из деревни в город. Количество людей, занятых в сельском хозяйстве, с 1921 г. по 1931 г. сократилось на 1.313 тыс. человек. Все данные о развитии сельского хозяйства в послевоенный период показывают, что уже до начала мирового экономического кризиса оно находилось в тяжелом положении.

Первые удары аграрного кризиса, выразившиеся в снижении цен на пшеницу, Ф. почувствовала в 1929 г. Однако, тогда в стране не образовались еще большие запасы, и во Ф., как стране, которая в те годы больше ввозила зерна, чем вывозила, путем усиления аграрного протекционизма (значительного повышения пошлин, ограничения импорта пшеницы путем установления максимального процента потребления заграничного зерна при хлебопечении, создания „резервного фонда" пшеницы) удалось предупредить дальнейшее снижение цен, оторвать их от уровня мировых цен. Этому способствовали также плохие урожаи 1930 и 1931 гг., которые привели к повышению цен зерна во Ф. В эти годы, когда цены пшеницы на мировом рынке упали почти на половину, во Ф. они удержались на относительно высоком уровне и даже были выше цен 1928—1929 гг. Осенью 1932 г. наступило резкое обострение аграрного кризиса во Ф. и большое снижение цен пшеницы, которое продолжалось вплоть до осени 1935 г. и повлекло за собой снижение цен также второстепенных зерновых культур и продуктов животноводства.

За период от 1928—1929 гг. до лета 1934—1935 гг. цены на пшеницу упали с 150 фр. за квинтал до 83 фр., цены на овес—с 121 фр. до 44 фр., на ячмень—с 128 фр. до 58 фр. Одновременно с этим с 1930 до 1934 г. упали на 50—55% цены на скот. Цены на вино упали со 132 фр. за гектолитр до 54 франков в 1935—1936 гг. Денежная стоимость растительной продукции французского сельского хозяйства сократилась с 83,7 млрд. фр. в 1929 г. до 42 млрд. фр. в 1934 г.

В 1932 г. правительство усилило аграрный протекционизм и фактически запретило импорт пшеницы, но все же не могло остановить падения цен. Неудача этих мероприятий была связана в первую очередь с тем, что разрыв между французскими ценами и ценами на мировых рынках стал очень большим. Во вторых, Ф. из страны, импортирующей пшеницу, какой она была в довоенные годы, вследствие сокращения потребления хлеба (оно составляло 224 *кг* на душу в 1913 г. и 190 *кг* в 1933 г.) превратилась в страну, стоящую на грани между импортом и экспортом. В годы хороших урожаев Ф. превращается сейчас в экспортера пшеницы, а урожай 1932, как и урожай 1933—1934 гг., были хорошие.

Обнаружив банкротство протекционистской таможенной политики, для поднятия уровня цен на пшеницу правительство радикалов в 1933 г. стало на путь введения „минимальных цен" на пшеницу. Минимальная цена 1933—

1934 гг. была установлена в 115 франков за квинтал. Торговцы и мельники были обязаны уплачивать производителям не ниже этой цены. Однако, они этот закон всячески обходили. Крестьянин, будучи не в состоянии найти покупателя, уплачивающего минимальную цену, находясь перед необходимостью покрытия разных расходов, продавал из-под полы спекулянту по более дешевой цене. На ряду с официальной ценой образовалась более низкая фактическая цена, которая находилась на разном уровне в разных районах и создавала почву для наживы спекулянтов. Крупные промышленники, стремясь понизить свои издержки производства, энергично выступали против политики поддержки сельскохозяйственных цен на более высоком уровне, чем на мировых рынках. В результате неудачи политики минимальных цен и давления крупной промышленной буржуазии правительство Фландена в 1935 г. от этой политики отказалось. Цены еще быстрее покатились вниз.

Французское сельское хозяйство оказалось в очень тяжелом положении. Хотя индекс оптовых цен промышленных и сельскохозяйственных цен с осени 1930 г. до осени 1935 г. показывал во Ф. ножницы в пользу сельского хозяйства, в действительности положение обстояло иначе. Крестьянин покупал промтовары не по оптовым ценам, а по розничным, которые значительно выше; при этом как раз цены многих товаров, необходимые для сельского хозяйства (сельхоз. машины, химические удобрения и т. д.), находятся на более высоком уровне, чем другие промтовары.

Положение изменилось в 1936 г. под влиянием роста цен сельскохозяйных продуктов на мировом рынке и под влиянием мероприятий правительства Блюма (создание пшеничного бюро и др.). Цена пшеницы поднялась до 147 франков за квинтал, в то время как в конце 1935 г. она составляла 70—80 франков. В меньших размерах поднялись цены других сельскохозяйственных продуктов.

Внешняя торговля. Экономический кризис во Ф., как и в других капиталистических странах, привел к значительному сокращению внешней торговли. Импорт с 4.852 млн. франков в месяц в 1929 г. упал до 1.745 млн. франков в 1935 г., экспорт сократился еще больше, с 4.178 млн. фр. в месяц в 1929 г. до 1.289 млн. франковв 1935 г. В 1935 г. и 1936 г. начался некоторый рост импорта; однако, экспорт еще до последних месяцев 1936 г. продолжал сокращаться. Сокращение французского экспорта в годы кризиса является не только результатом сокращения мировой торговли, но также и успешной конкуренции с французскими товарами товаров тех стран, которые стали на путь обесценения своей валюты. Сокращение экспорта наиболее сильно ударило по французской текстильной и швейной промышленности. В текстильной промышленности до 40% производства шло до кризиса на экспорт. Резкое сокращение его — одна из причин того, что эта промышленность находится во Ф. во все годы кризиса в особенно тяжелом положении. В годы кризиса Ф. удалось повысить роль своих колоний в своей внешней торговле. Удельный вес колоний во французском экспорте равнялся в 1927 г. 12,7%, а в 1933 г. он поднялся до 27%, в конце 1935 г. он даже дошел до 35%. Однако, в абсолютном выражении и экспорт в колонии за годы кризиса сократился. После девальвации франка осенью 1936 г. и некоторого роста промышленной продукции начался рост импорта (главным образом промышленного сырья). Рост экспорта был значительно меньшим и в результате значительно вырос пассивный торговый баланс (в первом полугодии 1937 г. он составлял ежемесячно около 1,5 млрд. франков).

Государственные финансы. Наиболее остро стал во Ф. в годы кризиса вопрос бюджетного дефицита. После ряда послевоенных лет, отличавшихся бюджетным дефицитом, Пуанкаре в период промышленного подъема путем значительного увеличения налогов удалось свести без дефицита бюджет 1928 г. и 1929 г. Однако, уже с 1930 г. Ф. снова вошла в полосу бюджетных дефицитов. С одной стороны, продолжали расти расходы

(военные расходы выросли в 1930 г. в связи со строительством в этот период линии укреплений вдоль германской границы), с другой стороны — благодаря большой доле косвенных налогов ухудшение экономического положения автоматически вело к сокращению бюджетных поступлений; к тому же еще правительство в период 1929 г. и первой половины 1930 г., рассчитывая на продолжение промышленного подъема и рост бюджетных поступлений, начало сокращать налоговое обложение (с декабря 1928 г. по апрель 1930 г. оно было сокращено на 5.876 млн. франков). По официальным данным (бюджетные данные во Ф. очень не точны, и часто новый министр финансов называет другие, более высокие цифры бюджетного дефицита за прошлые годы, чем те, которые прежде считались официальными) бюджет 1930-1931 г. дал 2.638 млн. франков дефицита (53.626 млн. — расход; 50.988 млн. — доход), а бюджет 1931-1932 г. 5.508 млн. дефицита (53.212 млн.— расход; 47.704 млн.—доход). Правительства Тардье и Лаваля, находившиеся в те годы у власти, продолжали уверять, что кризис Ф. не коснется, и не принимали никаких мер для борьбы с бюджетным дефицитом. В 1932-1933 гг. правительства радикалов повели борьбу с бюджетным дефицитом, стремясь сократить расходы, но развитие кризиса вело к еще большему сокращению налоговых поступлений и государственного дохода. Бюджет 1932 г. дал 6 млрд., а бюджет 1933 г.— 7 млрд. дефицита. Серьезному сокращению расходов мешал характер расходной части французского бюджета, где около 40% бюджета (около 20 млрд. франков) идет на уплату процентов по внутреннему государственному долгу. Это—результат высокого государственного долга и в еще большей мере — высоких процентов, гораздо более высоких, чем в других крупных капиталистических странах. В 1932 г. правительство Эррио провело конверсию $4^1/_2$% ренты; конверсия эта, однако, охватила только небольшую часть государственного долга и дала небольшой эффект (сокращение расходов на 1 млрд. франков). Правые правительства, которые пришли к власти после февраля 1934 г., пытались сократить дефицит путем сокращения жалования государственным служащим, сокращения пенсий бывшим участникам войны и тому подобными мероприятиями. В этом был гвоздь чрезвычайных декретов правительства Думерга и правительства Лаваля. Сокращение расходов в действительности получалось значительно меньшим, чем это предполагали правительства, а в то же время налоговые поступления продолжали сокращаться. Сокращались поступления от косвенных налогов, а от уплаты прямых налогов французская буржуазия очень настойчиво уклонялась. Так, в 1935 г. общая сумма по выписанным налоговыми органами листам (по прямому обложению) составляла 4,44 млрд. франков (против 8,63 млрд. в 1929 г.), а до конца года налогоплательщиками было внесено только 3,25 млрд. франков, до смешного малая сумма прямых налогов. Бюджетный дефицит составлял, по сообщению министра финансов Венсан Ориоля, в 1934 г. 8,8 млрд. фр., в 1935 г. — от 9 до 10 млрд. фр., а в первую половину 1936 г. — от 6 до 7 млрд. фр. В течение всего этого периода продолжал быстро расти государственный внутренний долг. Он составлял 282 млрд. фр. в 1928 г. и 337 млрд. фр. 31 декабря 1935 г. Постоянный бюджетный дефицит и провал всех опытов уравновешения бюджета создали некоторую угрозу для стабильности франка. С другой стороны, сохранение высокого бюджета при сокращении в результате кризиса народного дохода превращало этот бюджет в большую тяжесть для народного хозяйства. Большие косвенные налоги способствуют сохранению высокого уровня розничных цен и стоимости жизни, а рост государственных займов, заключаемых по высоким процентам, создает препятствия для притока капиталов в промышленность. Правительство Блюма, придя к власти в июне 1936 г., застало в области государственных финансов очень тяжелое наследство. Правительство Блюма не решилось пойти на коренное изменение французской налоговой системы

(обложение капитала, увеличение прямых налогов и т. п.). Вместе с тем выросли государственные расходы (военные нужды, социальные мероприятия и т. д.). Под давлением крупного капитала правительство Блюма встало осенью 1936 г. на путь девальвации. Связанное с этим некоторое сокращение государственных расходов не принесло серьезного улучшения государственного бюджета. По некоторым подсчетам бюджетный дефицит 1937 г. составит около 90 млрд. франков.

Правительство Шотана, пришедшее на смену правительству Блюма, пытается оздоровить государственные финансы, повысив налог на крупные доходы, а также повысив косвенные налоги.

Валютное положение. Стабилизация франка в 1926 — 1928 гг. привела к возвращению французских капиталов, бежавших за границу в период инфляции. Вместе с активизацией платежного баланса это вело к наплыву во Ф. золота и валютных резервов. В первые годы кризиса эта тенденция продолжалась. Острый взрыв кредитного кризиса в Англии, США и центральной Европе привел к тому, что во Ф. не только продолжали возвращаться французские капиталы, но туда также бежали и иностранные капиталы в поисках сохранного места от обесценения капиталов. Французский банк обменял в этот период свои валютные резервы на золото, в результате чего произошел очень большой рост золотого запаса французского банка. Золотой запас, составлявший 41,6 млрд. фр. в 1929 г., вырос до 83 млрд. фр. в 1932 г. Высокий уровень золотых резервов французского банка сохранялся до начала 1935 г., когда он еще составлял 82 млрд. фр. Утечка золота началась с первых месяцев 1935 г. Часть капиталов начала убегать из Ф., опасаясь девальвации франка. К этому еще прибавились политические моменты. Сокращение золотого запаса французского банка стало в руках финансовой олигархии важным орудием политической борьбы. Весной 1935 г., когда решающая группа финансовой олигархии вела борьбу против экономического курса правительства Фландена, требуя от него более решительной бюджетной экономии, произошло резкое уменьшение золотых запасов французского банка. Вторая волна утечки капиталов произошла весной 1936 г. во время выборов в парламент и в период образования правительства Блюма. В этот период финансовая олигархия в своих решающих кругах перешла на позиции девальвации и путем перевода своих капиталов за границу добивалась проведения этой девальвации. Под давлением капитала правительство Блюма осенью 1936 г. провело девальвацию франка на 33%.

Бегство капиталов за границу продолжалось и после этого и стало важнейшим оружием капитала в борьбе с правительством народного фронта. В результате бегства капиталов и спекуляции с франком правительство Блюма к июню 1937 г. израсходовало запасный фонд в 10 млрд. франков, образованный при девальвации 1936 г. для защиты франка. Созданные утечкой капитала финансовые и валютные трудности были использованы крупной буржуазией для свержения правительства Блюма (отказ сената предоставить этому правительству финансовые полномочия). В июле 1937 г. произошло новое снижение курса франка (новый курс 128,75 фр. на 1 ф. стерл.).

2. *Внутриполитическое развитие Франции за годы кризиса.* Экономический кризис начался во Ф. в период, когда у власти находились правые правительства. Палата того времени (1930—1932) была палатой, избранной в 1928 г. Выборы в эту палату проходили под знаком борьбы за стабилизацию франка. Пуанкаре, выступавшему в роли спасителя франка, удалось привлечь к сотрудничеству с реакционной буржуазией значительные слои французской мелкой буржуазии, напуганной обесценением франка. Это нашло свое выражение в переходе в 1926 г. партии радикалов и радикал-социалистов на путь сотрудничества с партиями правого лагеря и в развале левого картеля, созданного на выборах 1924 г. Левый картель был разрушен не только в палате в 1926/28 г.,

но был разрушен и на выборах 1928 г. Колебания радикалов вправо и разрозненность левых групп при выборах 1928 г. привели, в условиях французской избирательной системы, обеспечивающей преимущество сблокированным партиям, к большой победе на выборах правых буржуазных группировок. В палате группы правого крыла и правого центра имели большинство. Поэтому после ухода в июне 1929 г. Пуанкаре из правительства кабинет Бриана смог продержаться лишь несколько месяцев, открыв путь для кабинета Тардье. За период 1930/32 гг. сменился ряд кабинетов, но за исключением небольших промежутков у власти пребывали за это время правительства, возглавляемые Тардье или Лавалем (3 кабинета Тардье и 2 кабинета Лаваля). Это были правые правительства, проводившие реакционный курс во всей политике, в первую очередь во внутренней. Возглавляли же правительства новые лидеры правого лагеря — послевоенные буржуазные дельцы. Во внутренней политике Тардье пытался сплотить все правые группы под боевым лозунгом борьбы с „марксизмом", он пытался весь государственный административный аппарат освободить от влияния радикалов и непосредственно поставить его на службу правых реакционных групп. В хозяйственной политике Тардье исходил из того, что начавшийся мировой экономический кризис не докатится до Ф. Тардье продолжал твердить о наступившей эре процветания и мечтал войти в историю как вдохновитель этой эры. Он носился с идеей организации больших государственных работ, которые не допустят во Ф. развития промышленного кризиса. Он начал политику аграрного сверхпротекционизма, которая по его замыслу должна была изолировать Ф. от влияния мирового аграрного кризиса. Тардье и Лаваль сохраняли государственный бюджет на уровне лет промышленного подъема и даже еще увеличивали этот бюджет, хотя кризис начал быстро сокращать поступление от косвенных налогов и государственные доходы. Во внешней политике правые правительства того периода вели политику, последствием которой была изоляция Ф. Они пытались спасти всю систему репараций, хотя кризис ее полностью подорвал. Оказывая в 1931 г. сопротивление американским планам моратория для Германии (послание Гувера), правительство Лаваля способствовало сближению США и Англии для совместного нажима на Ф. Правительства Тардье и Лаваля проводили авантюристский антисоветский путь во внешней политике, ослабляя позиции Ф. перед лицом Германии. Реакционная политика правительств Тардье и Лаваля толкнула радикалов к сближению с социалистами и воссозданию на парламентских выборах 1932 г. левого картеля. Правый лагерь, возглавляемый Тардье, выступал на выборах, ослабленный не только непопулярностью своей внешней политики, провалом своих обещаний процветания, правый лагерь был еще ослаблен аферой спекулянта Устрика, в которой был замешан министр юстиции Пере и ряд правых политиков. На парламентских выборах 1932 г. правое большинство прежней палаты (консерваторы, республиканско-демократический союз, независимые республиканцы, народные демократы, левые республиканцы и независимые радикалы) потеряло 125 тысяч голосов, собрав 4.380 тысяч голосов против 4.505 тысяч в 1928 г. Левый картель (партия радикалов и радикал-социалистов; республиканские социалисты, независимые социалисты и социалистическая партия) выиграл 446 тысяч голосов, собрав на выборах 4.319 тысяч против 3 873 тысяч в 1928 г. Коммунистическая партия собрала 796 тысяч голосов. Наибольшее изменение голосов, полученных левым картелем и правым лагерем в 1932 г. по сравнению с выборами 1928 г., привело к большой передвижке в составе палаты. Группы левого картеля в отличие от выборов 1928 г. выступали на выборах 1932 г. во втором туре сплоченным фронтом, и это обеспечило им большую победу. В новой палате группы правого крыла и правого центра имели на 75 депутатов меньше, чем в прежней палате. В новой палате эти группы предста-

вляли меньшинство. Большинство в новой палате получили группы левого картеля, имевшие на 70 депутатов больше, чем в палате 1928 г. Самой сильной группой новой палаты были радикал-социалисты, насчитывавшие 157 депутатов; второй по численности группой была социалистическая фракция, насчитывавшая 129 депутатов. Коммунисты имели 12 депутатов.

Левый картель, хотя и был осуществлен на выборах, в парламенте не был реализован. Социалистическая партия и партия радикалов и радикал-социалистов не пришли после выборов к соглашению о программе будущего правительства. Поэтому после выборов не было создано правительство левого картеля, правительство с участием социалистов и с твердым парламентским большинством из всех группировок левого картеля. Руководство партий радикалов и радикал-социалистов не желало тогда проводить политику хотя бы незначительных социальных реформ, которых домогалась социалистическая партия. Лидер партии радикалов Эррио уже во время избирательной кампании выдвинул формулу: „бюджетная дефляция или денежная инфляция", означавшую курс на сокращение бюджета также и ценой сокращения жалования государственным служащим. Учитывая, что такая политика неминуемо приведет к конфликтам с социалистами, Эррио искал поддержки для образуемого им правительства среди некоторых групп центра („радикальная левая", „независимая левая"), которые не входили в левый картель. Он создал поэтому правительство, в котором решающую роль играли радикалы, но куда были привлечены также и представители небольших групп центра. Такая правительственная комбинация имела против себя правый лагерь палаты, с другой стороны—не имела постоянной поддержки социалистов. Она была лишена поэтому прочного большинства в палате. Это вело к частым правительственным кризисам. Однако правые партии не могли ими воспользоваться для создания своих правительств, т. к. они не имели большинства в палате. Поэтому все правительства в период с июня 1932 г. по февраль 1934 г. носили один и тот же характер и отличались небольшими нюансами—это были правительства, стержнем которых были радикалы: кабинет Эррио (июнь—декабрь 1932 г.), Поль-Бонкура (декабрь 1932 г.—январь 1933 г.), Даладье (январь—октябрь 1933 г.), Сарро (октябрь—ноябрь 1933 г.), Шотана (ноябрь 1933 г.—февраль 1934 г.), Даладье (февраль 1934 г.). Все эти правительства наталкивались на серьезные трудности, порожденные углубившимся экономическим кризисом.

Самым трудным участком для правительств радикалов была борьба с дефицитом государственного бюджета. Дефицит этот быстро рос, правительства радикалов проводили политику бюджетной экономии, но не решались серьезно снизить жалование государственным служащим, чего настойчиво домогалась реакционная крупная буржуазия. Под влиянием ухудшения экономического положения Ф., ухудшения ее международных позиций и в результате потери после выборов 1932 г. надежды правых реакционных кругов на свою победу на парламентском пути, в этих кругах происходит большая политическая эволюция. Ухудшение экономического положения Ф. усилило в крупнобуржуазных кругах убеждение, что возврат к докризисному подъему невозможен и что времена „легкой жизни" прошли. Отсюда выросло в этих кругах стремление к генеральному наступлению на трудящиеся массы для снижения издержек производства во французской промышленности. Неверие в возможность осуществить это при парламентском режиме, который в условиях французской партийно-парламентской системы обеспечивает большинство левым мелкобуржуазным партиям, породило стремление к замене парламентского режима политическим строем иного типа. Ухудшение международного положения Ф. также усилило в реакционных кругах стремление к созданию фашистского или полуфашистского режима, который путем расправы с революционным пролетарским движением подготовит тыл

для будущей войны. Укрепил эти тенденции приход Гитлера к власти в Германии.

Фашизм в глазах реакционной французской крупной буржуазии перестал быть каким-то специфическим, локальным явлением, режимом, пригодным только для отдельных стран. Морис Ординер, бывший вице-председатель французского сената и председатель сенатской группы правого Республиканского союза, в своей книге „Ревизия конституции", изданной в 1934 г., подводя итоги развития буржуазной демократии, выразил эту мысль следующими словами: „В итоге не остается больше стран, где парламентский режим продолжает существовать, за исключением Великобритании, Ф., Бельгии, скандинавских стран и Чехословакии. Диктатура в разных формах становится политическим строем мира". Французская крупная буржуазия начала все в большей степени верить, что якорем спасения буржуазного строя является „сильная власть" в тех или иных формах, независимая от парламентских комбинаций, лишающая трудящихся политических свобод и всех легальных возможностей организации, беспощадным террором разрушающая массовые организации пролетариата.

Критика парламентаризма, указания на недостатки этого режима и на негодность его для настоящего времени стали модным явлением среди французских буржуазных политиков. В крупно-буржуазной французской прессе все чаще начали раздаваться голоса критики парламентаризма. К этим голосам критики парламентского режима, зафиксированного в конституции 1875 г., присоединился уже в конце 1932 г. бывший премьер Думерг. В предисловии к книге Мориса Ординера, написанном 30 октября 1932 г., Думерг пишет: „Конституция 1875 г. не отвечает потребностям и нуждам сегодняшнего времени, а еще меньше тем, которыми нам грозит в ближайшем будущем еще не закончившаяся серия тяжелых и всевозможных кризисов... Конституция 1875 г. нам оказала большие услуги... Но дела как в Европе, так и во всем мире сегодня не таковы, какими они были перед войной". Один за другим видные реакционные политики, отдавая дань заслугам буржуазной демократии в прошлом, признают ее непригодность для сегодняшнего дня. Увенчал эту критику парламентских порядков во Ф. лидер правого лагеря Андрэ Тардье.

Реакционные политики далеко шли в своей критике парламентского строя, но как боевую программу дня они не выдвинули ликвидацию всего строя буржуазной демократии, их пугал массовый характер и антикапиталистическая демагогия организаций, которые создавал классический фашизм итальянского или германского образца во время своей борьбы за власть, их пугали политические последствия ликвидации всякой законности при фашистском перевороте. К тому же эти реакционные круги учитывали ненависть к фашизму в широких кругах трудящихся масс Ф., воспитанных в демократических традициях, и понимали, на какие трудности натолкнется попытка фашистского переворота во Ф. и какими опасностями она будет сопровождаться. Поэтому реакционные политики, ставшие на путь борьбы с парламентским строем, стремились создать полуфашистский режим, не ликвидируя полностью парламента, не производя коренной ломки государственного аппарата, не допуская больших потрясений во время борьбы за создание этого режима, максимально используя все легальные и конституционные возможности. Отсюда родилась программа-минимум реакции, сводившаяся к требованиям реформы государства и ревизии конституции 1875 г.

Разработал эту программу Тардье. В 1933 г., год спустя после крупной выборной победы „левого картеля" (в мае 1932 г.), он первый поднял знамя борьбы против правительства радикалов, подчеркивая при этом во всех своих выступлениях, что борьба не может закончиться только свержением правительства радикалов, но должна привести также к ревизии конституции. В серии статей в журнале „Illustration" и в газете „Liberté" Тардье развернул программу этой ре-

визии, обобщив ее потом (в начале 1934 г.) в своей книге „Час решения".

Суть программы Тардье сводится к следующим пунктам: 1) предоставление президенту республики по предложению премьер-министра права роспуска палаты, не спрашивая на это согласия сената; 2) лишение депутатов права увеличивать расходы в бюджете и сокращать доходы, предоставив эти права только исполнительной власти; 3) лишение государственных служащих права стачек и права коалиции (права принадлежности к профсоюзу).

Смысл предлагаемых Тардье реформ—создать легальные формы для установления полуфашистской „сильной власти" путем: 1) обеспечения ей независимости от парламента, сильно ограничив парламентский контроль над бюджетом, предоставив исполнительной власти право роспуска парламента в любой момент, давая ей этим сильное орудие давления на депутатов; 2) очистки государственного аппарата от ненадежных для буржуазии государственных служащих, лишения этого крупного отряда трудящихся важнейших политических прав (первый шаг к тому, чтобы лишить этих прав весь пролетариат).

Книга Тардье и предлагаемые им реформы стали евангелием реакционной французской буржуазии. Влиятельная крупнобуржуазная пресса (как и ряд видных крупнобуржуазных политиков) восхваляла проект Тардье как панацею от всех зол, как единственный путь „к спасению".

Выступая в качестве носителей порядка и легальности, реакционные сторонники „сильной власти" все же ясно отдавали себе отчет, что в парламенте они имеют меньшинство и что осуществить даже свою „программу-минимум" они на чисто парламентских путях не смогут. Для того, чтобы быстро добиться успехов в деле осуществления своей программы, они должны были прибегнуть к внепарламентской борьбе, к воздействию на палату силой, к давлению „улицы". Это толкнуло реакционных крупнобуржуазных политиков, выступающих в качестве „противников фашизма" и сторонников „реформы парламентаризма", к созданию и поддержке боевых фашистских организаций. Отсюда исходил в конце 1933 г. толчок к оживлению фашистских и полуфашистских лиг во Ф.

Фашистские лиги во Ф. не имели такого богатого прошлого, как гитлеровские организации, к моменту подъема фашистской волны в начале современного экономического кризиса. Первые организации фашистского характера были созданы во Ф. после победы левого картеля в 1924 г. Тогда у крайних реакционных групп начали зарождаться антипарламентские тенденции. В 1924 г. была создана боевая организация „Патриотической молодежи". Усилив свою активность в 1925/26 гг., когда инфляция сильно разоряла мелкобуржуазные слои во Ф., эта организация заглохла после прихода Пуанкаре, стабилизации франка и начала экономического подъема во Ф.

В 1933 г. началось новое оживление фашистских и полуфашистских лиг и организаций во Ф. Возникли организации как „Солидаритэ Франсэз", рабски копирующие итальянских и немецких фашистов, объявляющих себя сторонниками „тотальной революции". Эти организации не проникли в массы мелкой буржуазии, не говоря уже о рабочих. Но зато им удалось создать боевые отряды, куда привлекались разные люмпенпролетарские элементы, и которые представляли из себя в значительной части наемное войско. К началу 1934 г. эти отряды насчитывали около 3—4 тысяч человек.

В конце 1933 г., после ряда лет бездействия активизировалась „Патриотическая молодежь", которая стала боевой организацией наиболее агрессивных элементов правых буржуазных партий. Благодаря своей крайней националистической агитации „Патриотическая молодежь" начала проникать в некоторые слои мелкой буржуазии—в среду конторских и банковских служащих, страховых агентов, инженеров, студентов и т. д. К началу 1934 г. она насчитывала несколько десятков тысяч человек.

Центральной организацией французского фашизма стали к началу 1934 г.

„Боевые кресты", возникшие в 1927 г. как замкнутая организация бывших фронтовиков, получивших на войне знак отличия—боевой крест. Преобладание в этой организации офицеров и унтер-офицеров резерва превратило ее уже в первые годы существования в очаг реакционных влияний. Используя престиж бывших фронтовиков, вожак „боевых крестов" полковник де ла Рокк начал сплачивать в 1933 г. вокруг своей организации самые боевые реакционные и шовинистические элементы из рядов средней буржуазии и более зажиточных слоев мелкой буржуазии.

Активизировалась также старая монархическая организация „Аксион Франсэз", которая усилила в годы кризиса свое влияние в среде аристократической и буржуазной студенческой молодежи.

Раскрытие аферы Ставиского, в которой был замешан ряд видных деятелей радикальной партии, дало в руки фашиствующих реакционных политиков ценное оружие. Удобнее всего было использовать эту аферу для организации „народного гнева" против палаты. Раскрытие афер, которые стали очень частым явлением во время Третьей республики, уже давно является важным оружием в борьбе разных групп буржуазных политиков друг против друга. Этим средством уже давно пользуются для свержения министерских кабинетов. В 1933—1934 гг., когда волна недовольства широко прокатилась по стране, когда реакционные крупнобуржуазные политики поставили своей задачей не только свержение кабинета радикалов, но и большие реформы для фашизации государственного аппарата, они стремились использовать раскрытие аферы Ставиского не только для парламентских махинаций, но и для мобилизации вокруг себя мелкобуржуазных масс на широкой внепарламентской арене. Разоблаченные аферы уже из-за своей сенсационности возбуждают интерес в довольно широких слоях мелкой буржуазии, которые далеки от активной политической жизни; мелкий буржуа из-за ограниченности своего кругозора часто готов больше негодовать по поводу грязных проделок в верхах буржуазного общества, чем по поводу социальных и политических порядков капиталистического строя. Реакционные политиканы, борцы за „сильную власть" попытались возмущение мелкого буржуа проделками финансовых тузов и продажностью министров и депутатов направить в русло борьбы с парламентом. Лозунг „долой воров"—лозунг, который имеет во Ф. старые традиции, под которым парижский мелкий люд в 1848 г. шел на борьбу с монархией Луи-Филиппа,—стал основным боевым кличем фашиствующей реакции в январе и феврале 1934 г.

В январе 1934 г. различные фашистские организации устраивают небольшие уличные демонстрации, требуя в связи с делом Ставиского отставки ряда радикальных министров (министра юстиции Далимье, премьера Шотана и др.). После того, как новый премьер Даладье снял с поста префекта полиции в Париже реакционера Кьяппа, замешанного в деле Ставиского и в то же время протектора фашистов, облегчившего им устройство уличных демонстраций против премьера Шотана, Кьяпп пошел на решительную схватку, к которой уже давно готовился. Фашистские лиги организовали 6-го февраля вооруженную демонстрацию к палате. Полиция оказала сопротивление, пали убитые и раненые. Правительство имело достаточно сил, чтобы расправиться с фашистскими демонстрантами, но руководство радикалов было напугано, стало на путь капитуляции. Правительство Даладье ушло в отставку, а радикалы согласились поддержать правительство „национального единения", возглавляемое Думергом, правительство, в котором преобладающее влияние имели реакционные круги. Радикалы пошли также на предоставление этому правительству „чрезвычайных полномочий", т.-е. на ограничение прав парламента в пользу исполнительной власти. Это была крупная победа реакционных поборников „сильной власти", первый крупный шаг к осуществлению их стратегического плана. Эта победа передала в руки реакционных кругов руковод-

ство государственным аппаратом, создала возможность фашизации этого аппарата, дала конституционное и легальное прикрытие для дальнейшего наступления и продвижения по пути к „сильной власти", дала исходные позиции для развертывания лобовой атаки на экономические и политические позиции широких масс трудящихся.

Но если события 6-го февраля вызвали панику и капитуляцию парламентских лидеров мелкобуржуазной демократии, то совсем иную реакцию они вызвали в рядах пролетариата. Эти события были восприняты французским пролетариатом как серьезная и непосредственная угроза установления во Ф. ненавистной фашистской диктатуры. Чувство этой угрозы дало толчок к мощному движению пролетарского отпора фашизму. Это нашло свое наиболее яркое выражение во всеобщей стачке и демонстрациях 12 февраля. Всеобщая стачка 12 февраля была по количеству участвовавших в ней рабочих и служащих самой крупной стачкой в истории Ф. В ней участвовало 4 млн. человек; в важнейших отраслях промышленности она охватила 70—90% всех рабочих, к ней также примкнуло преобладающее большинство государственных служащих.

Стачка 12 февраля сопровождалась уличными демонстрациями, в которых во всей Ф. приняло участие 1.200 тыс. человек. Демонстрации эти отличались своей массовостью не только в Париже, где в демонстрации в Венсенских аллеях участвовало 150 тыс. человек, но и в ряде провинциальных городов. В книге „Рабочие дни 9 и 12 февраля", изданной буржуазным издательством, приводятся следующие данные о демонстрациях 12 февраля в разных городах Ф.: 50 тыс. в Марселе, 40 тыс. в Рубэ, 35 тыс. в Лилле, и т. д. Таких массовых выступлений пролетариата Ф. не знали со времени 1919—1920 гг., периода самого высокого революционного подъема. Волна политических забастовок прокатилась 12 февраля по всей Ф. и дошла до самых глухих ее уголков. Стачка и демонстрации 12 февраля показали, что угроза фашизма всколыхнула самые широкие массы французского пролетариата, что даже те его слои, которые в течение долгого периода оставались в стороне от политических схваток, выразили свою волю решительно сопротивляться приходу фашизма к власти во Ф.

Не менее показательной, чем массовость развернувшейся после 6 февраля пролетарской борьбы с фашизмом, является ее напряженность. Она выразилась в том, что в течение двух недель после 6 февраля пролетарии Парижа три раза (9, 12 и 19 февраля) выходили на улицу и при этом два раза огромными массами в 150—200 тыс. человек. Эти выступления происходили в условиях, когда Париж был наводнен пешей и конной полицией и войсками, и носили явно выраженный боевой характер. Во время демонстрации 9 февраля в ряде пунктов при стычке с полицией рабочие создавали баррикады, и последующие массовые демонстрации, хотя и не сопровождались сильными стычками с полицией, отражали стойкость, решительность и стремление к борьбе. Частые антифашистские демонстрации происходили также и во всех крупных промышленных центрах провинции. Самым характерным во всей этой борьбе было то, что почти ни одно выступление фашистов не оставалось без отпора рабочих, без контр-демонстрации пролетариев.

Наиболее характерной чертой антифашистской борьбы французского рабочего класса является огромная стихийная тяга рабочих к созданию единого сплоченного пролетарского фронта для отпора фашизму. Уже до событий 6 февраля коммунистическая партия Ф. добилась некоторых успехов в деле создания единого фронта в борьбе с фашизмом. После Амстердамского антивоенного конгресса, созванного по инициативе Ромэна Роллана и Анри Барбюса, во Ф. был создан ряд антивоенных и антифашистских комитетов, куда входят также небольшие группы социалистических рабочих вопреки запрету социалистических лидеров. Но после 6 февраля, когда широкие массы рабочих Ф. почувствовали

непосредственную угрозу фашизма, стремление к совместной борьбе с коммунистами против наступающего врага охватило массу рабочих, идущих за социалистической партией. Это отразилось уже в отношении социалистических рабочих к демонстрации 9 февраля 1934 г., организованной компартией. В Париже к этим демонстрациям присоединились организованные отряды рабочих-социалистов. Именно здесь, в этой демонстрации 9 февраля, было положено начало движению пролетарского единства в борьбе с фашизмом, которое впоследствии приобрело такой сильный размах во Ф.

Единый пролетарский фронт против фашизма был создан в огне борьбы, он окреп в демонстрациях, организованных совместно коммунистической и социалистической партиями в ряде городов Ф. (в Лилле, Тулузе, Бордо, Лориане и др.) между 6 и 12 февраля, в массовых выступлениях 12 февраля и в сотнях совместных демонстраций, организованных в последующие дни и месяцы. Создание единого пролетарского фронта, которое произошло в огне боев рабочего класса Ф. с фашизмом, значительно усилило в рабочих массах веру в свои силы.

Вслед за созданием единого фронта пролетарской борьбы на улицах Парижа и других городов Ф. в июле 1934 г. дело дошло также до общего соглашения между руководством коммунистической и социалистической партий о совместной борьбе с фашизмом. Это соглашение не только закрепляло достигнутые успехи в сплочении сил пролетариата для борьбы с фашизмом, оно также значительно повысило возможность систематического организованного отпора французского пролетариата фашизму.

Это соглашение было результатом того, что стремление к борьбе с фашизмом и к созданию сплоченного пролетарского фронта охватило самые широкие слои пролетариата, а это значит—и рабочих из низовых организаций социалистической партии. После опыта Германии социалистические рабочие поняли, что без массового отпора сплоченного пролетариата нельзя воспрепятствовать приходу к власти фашизма. Нажим этих рабочих на руководство социалистической партии был очень силен; очень сильны были и опасения лидеров социалистической партии, что низовые организации их партии вопреки их воле пойдут на совместные выступления с коммунистической партией. События 9 февраля, когда группы социалистических рабочих присоединились к коммунистической демонстрации, были достаточно серьезным основанием для опасений. 12 февраля были организованы совместные выступления обеих партий и обеих конфедераций труда, но это происходило без формального соглашения между руководством социалистической и коммунистической партий. Но уже вскоре, при организации демонстраций 20 апреля и 20 мая 1934 г. в Париже, компартия добивается соглашения с руководством сенской федерации социалистической партии о совместной подготовке этих выступлений. В социалистической партии, особенно в сенской федерации, начало оформляться левое течение, которое отражало тягу социалистических рабочих к разрыву с политикой реформизма и к созданию единого пролетарского фронта. Это давление низовых организаций и опасения остаться генералами без армии толкало лидеров социалистической партии к принятию предложения компартии и к заключению пакта о совместной борьбе. Леон Блюм признал, что не с легким сердцем они шли на совместные выступления, заявляя, что „идея единства действия с коммунистической партией, первые совместные манифестации, в которых мы до сих пор принимали участие, вызвали в нашей партии смесь энтузиазма, тревоги и беспокойства". В то же время Леон Блюм доказывал, что отказ от заключения соглашения является опасным, так как „народная масса хочет единства... Она не хочет заявлений, чреватых новыми отсрочками или новыми отговорками".

К созданию единого фронта во Ф. привела правильная тактика французской компартии, которая вынудила руководство социалистической партии стать на путь совместных действий с коммунистами в борьбе против фашиз-

ма. Коммунистическая партия Ф. сразу после первых вылазок фашистов высоко подняла знамя защиты демократических свобод и прав трудящихся, призвала пролетариат на борьбу против ликвидации его демократических завоеваний. Компартия взяла в свои руки инициативу борьбы против фашистских попыток установить террористический режим бесправия, и это нашло свое выражение в первой большой антифашистской демонстрации, организованной французской компартией 9 февраля 1934 г. Эта передовая роль компартии в борьбе против фашистских покушений на демократические завоевания пролетариата приблизила к ней рабочих, идущих за социалистической партией, усилила среди этих рабочих тягу к совместной борьбе с коммунистами и тем самым дала серьезный толчок к созданию единого пролетарского фронта в борьбе с фашизмом. Выступление коммунистов 9 февраля заставило социалистов призвать к стачке и демонстрациям 12 февраля. Коммунистическая партия Ф. учла новую обстановку, создавшуюся после февральских демонстраций фашистов, и с первых дней после этих событий стала на путь совместных выступлений вместе с социалистической партией в борьбе против фашизма. 12 февраля по всей Ф. стачки и демонстрации проводились по призыву обеих партий и обеих конфедераций труда.

Коммунистическая партия Ф. учла те серьезные изменения, которые произошли внутри социалистической партии (тяга к единому фронту среди левых элементов в социалистической партии), и начала настойчиво добиваться соглашения с руководством социалистической партии о совместных действиях против фашизма. Она не смущалась первыми отказами лидеров социалистической партии и добилась соглашения с руководством сенской федерации этой партии. Соглашение с сенской федерацией компартия Ф. использовала для дальнейшего давления на социалистических лидеров, для заключения общего соглашения. Она объявила о своем согласии отказаться от выступлений против социалистических лидеров, поскольку они будут проводить политику единого фронта, беспощадно разоблачая всех, кто будет срывать единство действий и мешать ему. Компартия Ф., добившись заключения соглашения между обеими партиями о совместной борьбе против фашизма, взяла на себя инициативу выдвижения политической платформы для единой партии пролетариата. Укрепляя единый фронт, добиваясь все более тесного сотрудничества с низовыми организациями социалистической партии, компартия парализовала попытки правых лидеров социалистов сорвать соглашение о совместной борьбе, ликвидировать единство действий, — а такие попытки были.

Достигнутое единством действий сплочение пролетариата, его возросшая в связи с этим активность в борьбе с фашизмом привели к усилению влияния пролетариата на мелкобуржуазные массы. Уже при первых крупных выступлениях французского пролетариата против фашизма он оказал влияние на крупные отряды непролетарских слоев трудящихся. Это в первую очередь сказалось в вовлечении большой массы государственных служащих в стачку 12 февраля. Вовлечение в антифашистское движение известных слоев мелкой буржуазии проявилось также и в крупных демонстрациях бывших участников войны, организованных коммунистами 8 июля и 11 ноября 1934 г., а также в поддержке антифашистского движения некоторой частью мелкобуржуазной интеллигенции. Соглашение между коммунистической и социалистической партиями дало новый толчок росту влияния пролетариата на значительные слои мелкой буржуазии. Рост антифашистских настроений в рядах мелкой буржуазии начал оказывать влияние и на радикальную партию, где начало уже летом 1934 г. нарастать сопротивление политике поддержки реакционного правительства Думерга.

Эти политические сдвиги в широких слоях французского общества помешали правительству Думерга осуществить программу, которую перед ним поставили реакционные круги крупной

буржуазии. Думерг после 12 февраля и большого подъема пролетарской борьбы боялся обострять положение. Он стремился поэтому без такого обострения положения закрепить достигнутые успехи и постепенно, этапами, двигаться дальше к „сильной власти". Наиболее реакционные слои, и в первую очередь Тардье, хотели „ковать железо, пока горячо", использовать возбуждение, вызванное аферой Ставиского, и замешательство в рядах радикалов для нанесения им решающих ударов и для того, чтобы добиться от парламента ревизии конституции. Думерг опасался, что постановка со всей остротой вопроса о ревизии конституции сразу же в первые месяцы создания его кабинета вызовет новые большие выступления пролетариата и сможет привести к колебанию радикалов влево. Сотрудничеством же с верхушкой радикалов, которая поддержала его политику снижения жалования государственным служащим, он надеялся настолько привязать ее к правым кругам, что она окажется вынужденной впоследствии согласиться и на ревизию конституции. Эти планы также были сорваны ростом антифашистской борьбы масс. Когда осенью 1934 г. Думерг решился пойти в бой за „ревизию конституции" и выдвинул проект этой ревизии в духе планов Тардье, обстановка для осуществления этих требований реакционных поборников „сильной власти" оказалась еще менее благоприятной, чем в феврале. Сопротивление рабочего класса фашизму продолжало нарастать, выросло и недовольство мелкой буржуазии правительством Думерга.

Думерг пытался укрепить влияние реакционных слоев, пугая мелкого буржуа „красной опасностью" и „инфляцией", упадком франка, которые несет с собой „единый пролетарский фронт", но и это не помогло. Верхушка радикалов, считаясь с растущим недовольством мелкой буржуазии, отказалась принять предложение о предоставлении президенту права роспуска палаты без согласия сената, а это было одним из центральных пунктов конституционного проекта Думерга. Правая пресса начала угрожать новым 6 февраля, но угрозу эту реакционные слои побоялись осуществить, опасаясь еще значительно более сильного сопротивления пролетариата, чем 12 февраля. Кабинет Думерга пал, и это явилось серьезным поражением реакционных слоев.

Неудача реакционного лагеря в борьбе за ревизию конституции вызвала большие перегруппировки в его рядах. Она вызвала дальнейшее размежевание между теми кругами крупной буржуазии, которые стремятся максимально использовать парламентские возможности в осуществлении своей экономической программы и укреплении государственного аппарата для борьбы с революционным движением и в то же время поощряют развитие фашистских лиг в качестве подсобной силы для этой борьбы, и теми наиболее реакционными крупнобуржуазными кругами, которые стремятся к коренной ломке всего режима буржуазной демократии, делают основную ставку на фашистские лиги. Первую тенденцию отражал Фланден, который возглавил правительство после падения Думерга в ноябре 1934 г. и отказался от проекта ревизии конституции. Начать проведение планов крупной буржуазии с „экономического конца" — такова была основная идея Фландена. Он пытался снизить издержки производства во французской промышленности, снижая цены на сельскохозяйственные продукты. Поэтому он отказался от политики „минимальной цены" на пшеницу и допустил значительное снижение цен на зерновые. Фланден надеялся также понизить издержки производства путем снижения кредитного процента. Но здесь он ничего не добился. Он начал также прибегать к госкапиталистическим мероприятиям (проект введения принудительного картелирования). Консервативная французская буржуазия усмотрела в некоторых фланденовских мероприятиях рузвельтовские тенденции и угрозу инфляции. Фланден натолкнулся на оппозицию со стороны регентов французского банка. Утечка капиталов, которая началась не без их содействия, вынудила Фландена

требовать от палаты „чрезвычайных полномочий" в экономической области, и, натолкнувшись на оппозицию справа и слева, кабинет Фландена пал в июне 1935 г. Позицию наиболее реакционных групп крупной буржуазии, которые из неудачи Думерга сделали вывод о необходимости коренной ломки буржуазной демократии, отразил Тардье. В ряде своих выступлений летом 1935 г., в частности в своей книге „По наклонной плоскости" Тардье отрекается от своего старого плана ревизии конституции и признает его неосуществимым: „В течение последних пяти лет мы надеялись, что конституционные реформы, предусмотренные хартией республики, смогут привести ее (ревизию государственного строя) в движение. Но события последних месяцев показали, что... нельзя больше рассчитывать на парламентский успех". Тардье объявляет единственным спасением от катастрофы для господствующей буржуазии „сознательную революцию". Он пишет: „С одной стороны, доказано послевоенной историей, что существующий режим бессилен и опасен. С другой стороны, доказано историей правительства Думерга и правительства Фландена, что общественные власти, исполнительная и законодательная, конституционные носители необходимого акта реформы, являются его неуклонными противниками—в этом драма. Два вывода, столь же глубоко противоречивые, сколь тесно соединенные друг с другом, бросаются в глаза. Первое — политический строй Ф. не может быть легально улучшен".

Ставка наиболее реакционных кругов французской крупной буржуазии на „активное меньшинство", которое силой изменит государственный строй, нашла свое отражение в активизации летом и осенью 1935 г. фашистских лиг, а особенно „Боевых крестов", в переходе их к более агрессивной тактике. Активизации фашистских лиг способствовал приход к власти (после падения кабинета Фландена) правительства Лаваля. Лаваль взял во всей своей политике ярко выраженный реакционный курс. Получив от палаты „чрезвычайные полномочия" в финансовой области, Лаваль сократил на 10% жалованье государственных служащих и пенсии бывших фронтовиков. Лаваль пытался также укрепить реакционные влияния в государственном административном аппарате, сделать его более надежной опорой реакционного правительства. В то же время он оказывал серьезную поддержку фашистским лигам (Лаваль предложил де ла Рокку устроить контрдемонстрацию 14 июля 1935 г.), используя их как орудие шантажа и давления на правых радикалов и подготавливая в их лице основную боевую силу реакции для борьбы с революционным движением в момент решающих классовых и политических конфликтов.

Фашистские организации, а особенно важнейшая из них, за период 1934 и 1935 гг. значительно выросли. Им не удалось проникнуть в гущу мелкобуржуазных масс, повести за собой разоряемые кризисом и недовольные группы мелкой буржуазии, но мобилизуя под свои знамена наиболее реакционные элементы и сплачивая их в боевые отряды, фашистские организации, и в первую очередь „Боевые кресты", создали большие военизированные организации. Ла Рокк говорил даже о 800 тысячах сторонников, завербованных в его организации, и хотя цифра является значительно преувеличенной, все же летом 1935 г. стало ясным, что ла Рокк создал из своих организаций серьезный боевой кулак реакции. Пробные мобилизации, которые он проводил в разных районах страны, показали летом 1935 г. широким слоям пролетариата и мелкой буржуазии, что фашистская угроза продолжает нарастать. Эта угроза усилила антифашистское настроение радикальной мелкой буржуазии, усилила левое крыло в радикальной партии. Под влиянием этих тенденций летом 1935 г. оформился во Ф. антифашистский народный фронт. 14 июля 1935 г. в Париже была организована демонстрация антифашистского народного фронта, в которой приняли участие коммунистическая партия, социалистическая партия, партия радикалов и радикал-социалистов и ряд неболь-

ших левых групп. Массовость этой демонстрации, которая насчитывала свыше 500 тысяч участников, подтвердила, как широко проникли в народные массы антифашистские настроения.

Правительство Лаваля вынуждено было в этих условиях маневрировать, чтобы сохранить свое существование. Оно соглашается на проведение в палате законопроекта о роспуске военизированных организаций, надеясь отвести удар от важнейших фашистских лиг и вместе с тем создать впечатление ослабления фашистской угрозы, чтобы таким путем ослабить антифашистские настроения в стране. Продолжающееся покровительство правительства Лаваля фашистским лигам и после принятия палатой законопроекта о роспуске военизированных организаций, поддержка, оказываемая правительством Лаваля на международной арене итальянскому агрессору во время итало-абиссинской войны, поиски компромисса с Гитлером усиливают антилавалевские настроения в рядах радикалов, где побеждает левая тенденция. Эррио уходит из правительства Лаваля, это правительство оказывается лишенным поддержки радикалов и большинства в парламенте и в январе 1936 г. уходит в отставку. Реакция потерпела новый серьезный удар.

К власти приходит кабинет, возглавляемый правым радикалом Сарро. В него, кроме радикалов, входят и более умеренные представители правого центра палаты: Фланден, ученик Клемансо—Мандель и некоторые другие. Правый лагерь объявляет войну правительству Сарро, как правительству, ликвидирующему „победу 6-го февраля". Парламентская база правительства Сарро передвигается налево. Правительство опирается в парламенте на поддержку радикалов, депутатов социалистической партии и небольших групп более умеренных депутатов правого центра.

Крайние фашистские элементы из монархической „Аксион франсэз", возбужденные парламентским поражением реакционного лагеря, устраивают покушение на лидера социалистов Леона Блюма. Эта новая вылазка фашистов встревожила широкие народные массы. 16 февраля 1936 г. народный фронт организует в Париже антифашистскую демонстрацию, которая по своей численности превосходит демонстрацию 14 июля 1935 г. и свидетельствует о дальнейшем сплочении народных масс для борьбы с фашизмом.

26 апреля и 3 мая 1936 г., во время пребывания у власти правительства Сарро, во Ф. происходят выборы новой палаты. Выборы эти подвели политические итоги двух лет борьбы между фашизмом и антифашистским движением. На выборах выступали 2 блока: народный фронт и правый лагерь. В первом туре партии народного фронта шли каждая отдельно, во втором туре они объединялись вокруг того кандидата партии народного фронта, который в 1-м туре собрал наибольшее количество голосов. В правом лагере костяком стали крайне правые элементы — сторонники и покровители фашистских лиг. Более умеренные группировки правого лагеря и правого центра, которые выступают против крутой ломки государственного аппарата по рецептам фашистов, в борьбе с народным фронтом, в особенности во втором туре голосования, шли в общем блоке с крайне реакционными группами. Таким образом выборы приобрели характер большого политического боя между лагерем фашизма и реакции, с одной стороны, и антифашистским народным фронтом — с другой.

Выборы отразили серьезный сдвиг массы избирателей влево. Правые группировки потеряли по сравнению с выборами 1932 г. около 200 тысяч голосов. Эти 200 тысяч голосов перешли к партиям народного фронта, который сверх того завоевал еще около 250 тысяч голосов за счет привлечения новых избирателей, не участвовавших в голосовании в 1932 году. В результате партии, примыкающие к народному фронту, получили свыше 5.600 тысяч голосов, а правые буржуазные партии, враждебные народному фронту,—около 4.250 тысяч голосов.

Сильная перегруппировка произошла и внутри обоих лагерей. Самый больший успех выборы принесли ком-

партии, собравшей $1^1/_2$ миллиона голосов против 800 тысяч на выборах 1932 года. Компартия отвоевала голоса как у правых буржуазных группировок, так и у некоторых партий, примкнувших к народному фронту, но своей колеблющейся и нерешительной политикой отталкивавших избирателей. Среди партий, враждебных народному фронту, больше всего потеряли группы правого центра (так называемые „независимые радикалы" и „республиканская левая"). Крайне правые группы („республиканско-демократический союз", возглавляемый Мареном и „королем стали" де Ванделем) выиграли в провинциях небольшое количество голосов за счет правоцентристских групп.

Переход 200 тысяч избирателей от партий правого лагеря к партиям народного фронта, завоевание народным фронтом около 250 тысяч голосов новых избирателей из числа подросшей молодежи и из тех, кто до последнего времени оставался политически пассивным и в выборах участия не принимал, говорят о том, что после появления фашизма на политической арене Ф. и создания народного фронта в народных массах Ф. произошел значительный сдвиг влево. Таков один из важнейших политических итогов выборов.

Значение политического сдвига влево, отраженного в парламентских выборах 1936 года, подчеркивается еще одним обстоятельством. Социалистическая и радикальная партии и мелкие левые группы, примкнувшие к народному фронту, за последние годы эволюционировали влево. Они выступали как группировки народного фронта, в котором участвует и компартия. У партии радикал-социалистов на выборах этого года впервые в политической платформе фигурировали лозунги борьбы с магнатами капитала („Против 200 семейств, правящих Францией"). Социалисты выступали не как участники „левого картеля", по существу стоявшего на позициях буржуазной политики, лишь с некоторыми реформистскими поправками, а как партия, входящая в единый пролетарский фронт, сотрудничающая с компартией в организации массовых внепарламентских выступлений против фашизма. Избиратели, голосовавшие за радикал-социалистов и за социалистов, голосовали ныне за новую политику этих партий, а отнюдь не за их политику периода 1932 года.

Сдвиг избирателей влево—это в первую очередь результат решительного сопротивления, оказанного фашизму рабочим классом и всеми трудящимися. Более детальный анализ итогов выборов позволяет сделать ряд выводов о позициях обоих лагерей и отдельных отрядов внутри этих лагерей.

Характерно, что правые партии потеряли голоса в первую очередь в столице и крупных политических центрах. Во всей стране лагерь противников народного фронта по сравнению с 1932 годом потерял около 5% своих избирателей. В Парижском округе (департамент Сены) и особенно в самом Париже процент этот выше. Во всем Сенском департаменте, т.-е. в столице и ее предместьях, правые потеряли по сравнению с 1932 годом свыше 10% голосов, а на теперешних выборах—около 400 тысяч голосов. В самом Париже процент голосов, потерянных правыми, выше, чем по всему Сенскому департаменту.

Поражение реакционного лагеря в Париже явилось для правых серьезным ударом. Во-первых, Париж играет в политической жизни Ф., пожалуй, большую роль, чем какая-либо столица в другом европейском государстве. Во-вторых, Париж в течение десятилетий находился под влиянием правых. Еще в начале XX века, когда промышленные предприятия перекочевали в предместья и пролетарская прослойка в центре столицы значительно уменьшилась, правые партии при помощи националистической агитации завоевали сильное влияние в Париже. Парижский муниципалитет был твердыней реакционного лагеря. Большинство депутатов от Парижа было ярыми реакционерами. В февральские дни 1934 года, когда фашистские лиги организовали поход против палаты депутатов, они даже пытались говорить от имени „парижского народа". Теперь влиянию реакции в Париже

нанесен серьезный удар. Большинство населения столицы голосовало за народный антифашистский фронт. Во всем Сенском департаменте партии народного фронта получили 630 тысяч голосов из общего количества 1.040 тысяч действительных голосов. За народный антифашистский фронт голосовало свыше 60% избирателей столичного округа. В самом Париже партии народного фронта получили свыше 320 тысяч голосов, т.-е. 56% общего количества голосов.

Поражение правого лагеря в Париже имеет еще одну очень важную сторону. Как раз в Париже правые партии наиболее тесно связаны с фашистскими организациями. Большинство правых депутатов Парижа и его предместий, независимо от того, под какой этикеткой эти депутаты выступали на выборах, являются покровителями фашистских лиг, самыми активными и реакционными элементами в буржуазном лагере. Поэтому поражение правого лагеря в Париже в то же время является поражением наиболее реакционных элементов.

Фашистские лиги не выступили во время избирательной кампании на широкой политической арене. Своих официальных кандидатов крупные фашистские лиги и в первую очередь „Боевые кресты" не выдвигали. „Боевые кресты" остались в избирательной кампании за кулисами, объявляя своей основной задачей борьбу за привлечение к избирательным урнам пассивных элементов, чтобы таким путем увеличить силы „национального фронта". Ла Рокк в этой борьбе потерпел серьезную неудачу. Процент участвующих в голосовании несколько повысился, но это пошло не на пользу, а во вред правому лагерю. Во всех округах, где замечен прирост участвующих в голосовании, наиболее серьезны успехи народного фронта.

Политическая передвижка в антифашистском лагере, среди партий, примыкающих к народному фронту, обнаружившаяся на выборах, выражается в ослаблении влияния партии радикалов и радикал-социалистов и в очень больших успехах коммунистов. Радикал-социалисты, по подсчетам некоторых буржуазных газет, потеряли по сравнению с 1932 годом свыше 400 тысяч голосов. По другим подсчетам, радикал-социалисты потеряли 350 тысяч избирателей (в 1932 г. они получили 1.837 тысяч голосов, а в нынешних выборах—1.486 тысяч голосов). Потери эти более значительны в городах и несколько меньше в деревне. Характерно, что наиболее значительна потеря голосов правым крылом этой партии. Причиной этих потерь являются политические колебания радикал-социалистов вправо, особенно в 1934 и 1935 годах. В 1934 г. радикалы поддерживали правительство Думерга, а в 1935 г.—правительство Лаваля. То, что правительства Думерга и Лаваля благоволили к фашистским лигам, а также проводившаяся этими правительствами политика сокращения жалованья чиновникам вызвали недовольство в значительных кругах демократической мелкой буржуазии. Это недовольство переносилось и на радикал-социалистов, которые поддерживали в то время эти правительства. Партия радикал-социалистов сохранила, однако, основную массу своих избирателей. Это произошло только потому, что она примкнула к мощному народному антифашистскому движению. Радикал-социалисты не подверглись участи многих старых буржуазных и мелкобуржуазных партий Европы, которые в годы кризиса сошли на-нет, теряя влияние в мелкобуржуазных массах.

Социалистическая партия Ф. потеряла по сравнению с 1932 г. несколько десятков тысяч голосов. Следует учесть, что в промежутке между выборами 1932 и 1936 гг. из социалистической партии ушла группа в 30 депутатов, собравшая в 1932 г. 200 тысяч голосов. Итоги выборов 1936 г. показывают, что социалисты частично компенсировали потерю, связанную с расколом 1933 г. В то же время в крупных политических и промышленных центрах социалисты потеряли часть голосов в пользу коммунистов.

Самые крупные успехи выборы принесли компартии. Вместо 800 тысяч голосов в 1932 г. она в 1936 г. собрала 1.500 тысяч голосов. Особенно больших успехов компартия добилась в Париже

и его предместьях. В Сенском департаменте за коммунистов подано 39% всех голосов. Очень значителен рост влияния компартии в Марселе—втором по величине городе Ф.: вместо 14 тысяч голосов в 1932 г. компартия в нынешних выборах получила 55 тысяч голосов. Укрепились позиции компартии в промышленных районах севера. На ряду с этим компартия значительно усилила свое влияние почти во всех сельскохозяйственных округах.

В результате выборов партии и группы, примыкающие к народному фронту, получили в палате значительное большинство из 381 депутата против 237 депутатов правого крыла и правого центра. Создалась парламентская база для создания правительства, опирающегося на партии народного фронта.

Новое правительство возглавил Леон Блюм, лидер социалистов, ставших самой многочисленной группой парламентского большинства (социалисты в той палате насчитывают 146 депутатов, радикалы 116 и коммунисты 72). В кабинет Блюма вошли также представители радикалов и представители республиканского и социалистического союзов. Коммунисты не вошли в состав правительства Блюма. Но в то же время компартия заявила о своей поддержке правительства Блюма в его борьбе за осуществление программы народного фронта.

Серьезный отпечаток на первые шаги правительства Блюма наложила мощная волна экономических стачек, прокатившаяся по всей Ф., в июне 1936 г. Стачки начались с 27 мая на нескольких заводах авиационной и автомобильной промышленности Парижского округа. Рабочие требовали повышения зарплаты, признания делегатов, выбранных рабочими, и введения 40-часовой рабочей недели. Новой характерной особенностью этих стачек было то, что бастовавшие оставались на предприятии. Эта новая форма стачки возникла из стремления помешать фабрикантам использовать в качестве штрейкбрехеров имеющееся налицо значительное количество безработных. Забастовавшие рабочие быстро добились успехов. После этого стачка стихийно с чрезвычайной быстротой перенеслась на все заводы металлообрабатывающей промышленности Парижского округа, а затем охватила другие отрасли промышленности в различных районах страны. Быстрое распространение стачки свидетельствовало о значительном подъеме боевых настроений рабочих. Эти настроения выросли в результате победы народного фронта на выборах. Рабочие знали, что к власти приходит правительство, выдвинутое народным фронтом, которое ставит своей задачей изменение порядка в стране. Рабочие хотели, чтобы порядки изменились не только в политической жизни, но и на предприятиях. Рабочие стремились реализовать у себя на предприятиях большую победу, которую они одержали на выборах; на ряду с этим боевой дух рабочих был значительно поднят объединением профессиональных союзов, которое произошло в начале 1936 г. Ликвидация распыленности профсоюзов усилила в рабочем классе веру в свои силы.

Стачка охватила свыше полутора миллиона рабочих. Основные массы рабочих находились в борьбе в течение двух-трех недель. Характерной чертой июньских стачек была огромная дисциплинированность рабочих. Рабочие занимали предприятия в полном порядке, в каждом цехе выделялись свои делегаты, создавались свои комитеты, организовались стачечные пикеты, ночлег и доставка продовольствия для стачечников, охранялись входы и выходы на завод. Всюду была создана очень хорошая связь между стачечными комитетами на отдельных предприятиях и профсоюзами, руководившими стачками. Второй характерной чертой июньской стачечной волны было чрезвычайное упорство рабочих. Там, где предприниматели после подписания соглашения саботировали его проведение в жизнь, рабочие вновь начинали бастовать. Характерной чертой июньских стачек был также охват не только промышленных рабочих, но также и разных прослоек людей наемного труда, которые до последнего времени оставались в стороне от классовой борьбы и в значительной части находились под влиянием реакционных

организаций (служащие страховых компаний, артисты, кельнеры, служащие универмагов и т. д.).

Июньские стачки закончились большим успехом рабочих. 7 июня при содействии правительства Блюма произошло общее соглашение между представителями всеобщей конфедерации труда и представителями всеобщей конфедерации французской промышленности. По этому соглашению зарплата повышалась от 7 до 15%, были введены коллективные договоры, были признаны рабочие делегаты на предприятиях, а рабочая неделя была сокращена до 40 часов. Позиция рабочих на предприятиях тем самым значительно укреплялась. Многие предприниматели пытались саботировать проведение соглашения от 7 июня, на многих местах рабочие еще выдвигали добавочные требования. В результате и после 7 июня во многих отраслях промышленности и торговых предприятиях стачки продолжались. Парижские металлисты, основной кадр стачечников, закончили забастовку 13 июня.

Успешная стачка значительно подняла боевые настроения рабочих. После окончания стачки начался небывалый приток в профсоюзы. Численность французских профсоюзов выросла до 5 млн. человек, в то время как к моменту слияния профсоюзов — в начале 1936 г. — они насчитывали меньше миллиона человек.

На ряду с ростом профсоюзов происходил дальнейший быстрый рост коммунистической партии. В феврале 1934 г. она насчитывала около 30 тыс. членов, но накануне выборов в апреле 1936 г. она выросла до 100 тыс. человек, а к началу 1937 г. она уже насчитывала свыше 300 тыс. членов.

Июньские стачки укрепили правительство Блюма. Они показали, какая активная сила стоит за правительством и напугали реакционную буржуазию. Они также ослабили влияние фашистов в массах. Стачки толкнули правительство Блюма на немедленное проведение в жизнь ряда важных социальных законов. В течение нескольких дней были проведены через палату и сенат законы о ежегодных платных отпусках для рабочих, о коллективных договорах и об установлении 40-часовой рабочей недели без снижения зарплаты. Этим была в законодательном порядке санкционирована победа рабочих в июньской стачке. После этого правительство Блюма провело законопроект об изменении статута французского банка, — ликвидации регентского совета, который сосредоточивал руководство банком в руках небольшой кучки финансовой олигархии. По новому закону для руководства банком создан административный совет, в котором преобладающее влияние имеет правительство.

Одновременно правительством Блюма был проведен закон, дающий правительству право национализировать с соответствующей оплатой ряда предприятий военной промышленности. В июле 1936 г. был также проведен закон о создании „национального бюро пшеницы", которое должно скупать и перепродавать все зерно, поступающее на рынок. Благодаря этому бюро спекулянты были лишены возможности резко снижать цены осенью, когда продает свое зерно мелкий крестьянин, чтобы взвинтить эти цены осенью.

Таким путем правительство Блюма несколько облегчило тяжелое положение крестьян, разоренных кризисом. Все социальные мероприятия правительства Блюма не выходят за рамки капиталистического строя, но в то же время они несколько ослабляют экономические позиции финансовой олигархии и несколько облегчают тяготы, которые кризис взвалил на трудящиеся массы.

Правительство Блюма опубликовало также декрет о роспуске фашистских организаций. Фашистским организациям нанесен удар, но они не перестали существовать и стремятся выступать на политической арене под новыми этикетками.

Первый этап борьбы между фашизмом и антифашистским движением закончился победой последнего.

Вынужденный к отступлению во время больших июньских стачек, лагерь крупного капитала вскоре начал атаки против правительства Блюма на валютно-финансовом участке. Круп-

ные капиталисты стали решительными сторонниками девальвации, видя в ней единственный окольный путь для снижения реальной зарплаты рабочих и служащих, поднявшейся после июньских стачек. Кроме того, вынудив правительство, выдвинутое народным фронтом, к проведению девальвации, крупный капитал расчитывал дать новые политические козыри реакционным партиям и группам. Давление на правительство Блюма с целью проведения девальвации франка крупные капиталисты оказывали в первую очередь путем вывоза капиталов за границу. Правительство Блюма не решалось принять предложений коммунистической партии о коренной налоговой реформе, увеличивающей обложение капитала и обеспечивающей оздоровление государственного бюджета; под давлением усилившейся утечки капиталов за границу правительство Блюма провело осенью 1936 г. девальвацию франка. Оправившись после крупных поражений на парламентских выборах в мае 1936 г. и во время июньских стачек, реакционный лагерь начал делать ряд попыток перегруппировки и сплочения своих сил. Активизировалась распущенная правительством фашистская организация „Боевых крестов", выступая под названием „Французской социальной партии". Наряду с этим большую активность развила новая фашистская партия Дорио („Французская народная партия"). Пользуясь финансовой поддержкой Гитлера, Муссолини и реакционных французских капиталистов, Дорио приобрел ежедневную газету („Либерте") и попытался, организуя „фронт свободы", сплотить вокруг себя весь фашистский и реакционный лагерь. Сплочение фашистских и реакционных сил Дорио не удалось в связи с продолжавшимися трениями между отдельными фашистскими и реакционными организациями. Вскоре Дорио потерпел серьезное поражение на муниципальных выборах в Сен-Дени, муниципалитет которого в течение целого ряда лет являлся основной опорой Дорио. Это явилось новым серьезным ударом для французского фашизма. Тяжелый удар получил также другой фашистский вожак, де ла Рокк, в результате разоблачений реакционера Поцо ди Борго о постоянных субсидиях, которые получал ла Рокк еще в 1931 и 1932 гг. от реакционных правительств Тардье и Леваля.

Крупный капитал начал усиленно пытаться разрушить народный фронт, провоцируя трения между отдельными партиями народного фронта. Для этого капиталистические круги в первую очередь пытались добиться поворота вправо радикальной партии. Реакция делала усиленные попытки создания бреши между рабочим классом и средними слоями в области социальных вопросов. Под давлением капиталистических кругов активизировалось правое крыло среди радикалов (Кайо, Ренье, Мило и др.), которое повело борьбу против правительства Блюма. Для этой борьбы в первую очередь был использован сенат, где правое крыло радикалов (Кайо, Ренье и др.) имеет большое влияние. В июне 1937 г., когда капиталистические круги в целях борьбы с правительством Блюма усилили вывоз капиталов за границу и правительство потребовало финансовых полномочий для упорядочения государственных финансов, Кайо и Ренье повели против правительства атаку в сенате. Сенат большинством голосов отказал в предоставлении правительству Блюма требуемых полномочий. Блюм не решился на борьбу с сенатом (хотя имел для этого ряд возможностей) и ушел в отставку. Падение правительства Блюма не повлекло, однако, за собой распада народного фронта, на что расчитывала реакция. К власти пришло правительство радикала Шотана, в состав которого вошли радикалы и социалисты. Шотан заявил о своей верности народному фронту и его программе и получил в парламенте поддержку всех партий народного фронта. Коммунистическая партия подвергла критике финансовые мероприятия правительства Шотана и объявила о своей поддержке правительства в целях сохранения народного фронта. Для отпора новым атакам реакции компартия усилила свою борьбу за объединение социалистической и коммунистической

партий и создание единой партии французского пролетариата.

Внешняя политика в годы кризиса. Основными предпосылками сохранения установленной Версальским договором гегемонии Ф. в Европе были: 1) военное превосходство Ф. над другими империалистическими державами в Европе и разгром военных сил Германии; 2) система военных союзов Ф., создавшая кольцо вокруг Германии; 3) сильное орудие экономического давления на Германию (система репараций); 4) финансовая мощь Ф. Кроме того, эта гегемония Ф. в послевоенной Европе подкреплялась ростом промышленной мощи страны после получения Эльзаса и Лотарингии и технической реконструкции французской промышленности, а также усилением колониальной империи Ф.

Экономический кризис всерьез подорвал важнейшие предпосылки гегемонии Ф. в Европе, а некоторые из них даже полностью уничтожил; тем самым кризис нанес решающий удар всей версальской системе. Кризис окончательно уничтожил систему репараций, которая давала французскому империализму возможность выколачивать из Германии большую дань и в то же время являлась важным орудием давления Ф. на Германию. Германский монополистический капитал при помощи фашизма, пришедшего к власти в годы кризиса, восстановил свою военную мощь. Германия уже создала большую армию и на всех парах работает над ее техническим оснащением новейшей военной техникой. Весь производственный аппарат ее тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроительный, гораздо более мощный, чем во Ф., поставлен на службу подготовки войны. Французские военные круги прекрасно отдают себе отчет в том, что в годы войны германская промышленность сможет в значительно больших размерах снабжать фронт военным снаряжением, чем французская промышленность. Восстановление военной мощи Германии, ликвидируя военное превосходство Ф. в капиталистической Европе, быстро разрушает последние устои версальской системы.

Так же и следующая важнейшая предпосылка гегемонии Ф. в Европе — французская система союзов — за последние годы получила серьезный удар. Эта система союзов включала: Польшу, Чехословакию, Румынию, Югославию. Сейчас важнейший из бывших французских союзников — Польша вошла в фарватер гитлеровской внешней политики. Ф. вовсе не уверена в своем польском „союзнике" в случае войны. Узы, связывающие с Ф. других ее союзников, также значительно ослаблены. И в Румынии, и в Югославии имеются буржуазные группировки, выступающие за смену внешнеполитической ориентации.

Финансовая мощь Ф. явилась в годы стабилизации важным источником ее политического влияния. Займы Ф. укрепляли систему ее союзов. Но в годы кризиса мировой экспорт капитала сильно упал. Особенно опасаются французские капиталисты направлять свои капиталы в страны центральной и юго-восточной Европы, отличающиеся крайней неустойчивостью своего экономического и политического положения. Огромные бюджетные дефициты французского государства создают серьезные препятствия для предоставления Ф. государственных займов своим союзникам. В результате Ф. уже не может в такой степени, как в прошлые годы, использовать свои огромные капиталы для укрепления своего политического влияния.

В первые годы кризиса, когда у власти находились правительства Тардье и Лаваля (1930—1932), французская внешняя политика не хотела учесть никаких уроков из изменившегося международного положения Ф. Эти правительства хотели спасти ту часть Версальского договора, которую спасти никак нельзя было (репарации). Правительство Лаваля сопротивлялось гуверовскому проекту моратория и согласилось под нажимом, допустив сближение САШ и Англии для совместного давления на Ф. Правительства Лаваля и Тардье продолжали антисоветский курс и вели к изоляции Ф. на международной арене.

Приход к власти в июне 1932 г. правительства радикалов, возглавляе-

мого Эррио, привел к изменению внешнеполитического курса Ф. в отношении СССР. Французское правительство подписало пакт о ненападении с СССР. На Лозаннской конференции (лето 1932 г.) правительство Эррио пошло на сближение с Англией и дало свое согласие на фактическую ликвидацию системы репараций. Внешняя политика правительства Эррио укрепила позиции Ф., но вместе с тем колебания правительства Даладье в 1933 г. по вопросу о пакте четырех, предложенному Муссолини, вызвали недовольство у малых французских союзников (Югославия, Чехословакия, Польша) и принесли вред французской внешней политике.

В 1934 г., когда Гитлер после ухода из Лиги наций и конференции по разоружению начал на всех парах восстанавливать вооруженную мощь германского империализма, угроза войны и реванша со стороны империалистической Германии стала для Ф. вырисовываться все более реально. Под влиянием этой угрозы Барту, министр иностранных дел правительства Думерга, начал более энергично проводить политику франко-советского пакта взаимопомощи, которую энергично поддержал Советский Союз. Барту проявил также инициативу в приглашении Советского Союза в Лигу наций. После отказа Германии и Польши заключить восточно-европейский пакт взаимопомощи, Барту начал подготовлять франко-советский пакт взаимопомощи. Лаваль, занявший после убийства Барту пост министра иностранных дел, формально продолжал политику Барту. В апреле 1935 г. он подписал франко-советский пакт о взаимопомощи. Но фактически внешнеполитическая линия Лаваля расходилась с политикой Барту. Лаваль только под давлением частично осуществлял эту политику. На деле Лаваль стремился к сближению с Италией и компромиссу с Гитлером. Во время итало-абиссинской войны Лаваль заменил политику коллективных действий Лиги наций в борьбе с агрессором политикой локализации войны и фактической поддержки агрессора. Этой политикой Лаваля был нанесен серьезный удар Лиге наций, и было оказано поощрение всем агрессорам. Вместе с тем политика Лаваля в абиссинском конфликте нанесла серьезный удар франко-английскому сотрудничеству. Посылка Лавалем неофициальных агентов к Гитлеру, чтобы проложить путь к компромиссу, затяжка ратификации франко-советского пакта обнадежили Гитлера и облегчили ему разорвать 7 марта 1936 г. локарнский договор и ремилитаризовать рейнскую область.

Если политика Барту представляла те слои французской буржуазии, которые, осознав растущую угрозу со стороны германского империализма, стремятся ей противодействовать созданием фронта мирных держав и укреплением коллективной безопасности, то политика Лаваля отражала позицию тех реакционных кругов французской буржуазии, которые хотят откупиться от агрессора, руководствуются в первую очередь интересами внутренней политики и, объявляя войну революционному движению своей страны, боятся сближения с СССР. Эти реакционные и фашистские круги согласны даже на ослабление международных позиций Ф., лишь бы не укреплять сотрудничества с Советским Союзом.

Правительство Блюма ликвидировало курс Лаваля во французской внешней политике. Оно заявило себя сторонником политики неделимого мира и коллективной безопасности. Однако, оно в ряде важных вопросов оказалось под сильным влиянием внешнеполитического курса консервативного английского правительства. В испанском вопросе правительство Блюма было инициатором „политики невмешательства" и даже после того, когда обнаружилось, что политика невмешательства стала прикрытием для германской и итальянской интервенции в Испании, правительство Блюма не решилось отказаться от этой политики. Это попустительство германскому и итальянскому агрессору нанесло удар системе коллективной безопасности.

Июль 1937 г.

VI. Австрия (*см.* XLVII, 289 сл.). 1. *Австрия как внешнеполитическая проблема.* Проблема А. не сходила с политической повестки дня, можно сказать, с самого создания этого государства. Особое географическое положение страны прежде всего делает ее ценнейшей империалистической и военно-стратегической ключевой позицией, обладание которою для всякой империалистической державы равносильно, по меньшей мере, господству над всей центральной Европой. Но А. является вместе с тем и воротами для экспансии на Балканы и в восточную Европу. Это обстоятельство никогда не выявлялось с такой убедительностью, как именно теперь, когда Гитлер бесцеремонно прибирает А. к рукам.

Не говоря уже о национальном своеобразии австрийского народа, которое вполне оправдывало его государственную независимость на хозяйственных, исторических и культурных основаниях, создание и сохранение независимого австрийского государства являлось для победителей в мировой войне, а в особенности для стран-наследниц А., актом самоохранения и безопасности по отношению к Германии. Ибо, несмотря на поражение Германии, опасность последующего ее восстановления и связанного с этим возрождения империалистических традиций вильгельмовской эры вовсе не казались устраненными. Вследствие этого уже с самого начала в А. сталкивались различные сферы империалистической заинтересованности Франции и Малой Антанты, с одной стороны, Германии, Италии и Венгрии — с другой. Политическая установка Англии по отношению к А. станет понятной на основе традиционной континентальной политики Англии. Для борьбы с французской гегемонией на материке Европы Англия не только поддерживала политику Германии, Италии и Венгрии в их стремлении к восстановлению вооружения и пересмотру договоров, но не преминула обеспечить себе господствующее положение и в самой А. путем сильного влияния на австрийский финансовый капитал.

Эта внешнеполитическая констелляция А., которая — оставляя в стороне незначительные колебания — продержалась до захвата власти Гитлером, давала *всем* австрийским правительствам возможность разыгрывать друг против друга эти группы держав с противоположными интересами, т.-е. выжимать из них займы и всякие иные материальные уступки. Традиционными козырями внешней политики А. искони были: присоединение к Германии („аншлюс“) и реставрация Габсбургов, и искони протянуты были тайные нити между „Балхаусплатцом“ (местонахождение австр. министерства ин. дел) и Вильгельмштрассе, но тянулись они и к венгерским легитимистам и к кроатским сепаратистам. Этот принцип — „разыгрывать внешнюю политику на двух роялях“, — принцип, возведенный прямо в государственный догмат прелатом Зейпелем, политически расчищавшим путь австро-фашизму, нашел верных продолжателей в Дольфусе и Шушниге. С другой стороны, А. разыгрывает во внешнеполитическом концерте венгерских легитимистов роль политической лаборатории, где в относительно безопасных условиях могут производиться опыты над всеми столь жгуче интересующими Венгрию вопросами реставрации, вооружения и пересмотра договоров. Констатируемое по сравнению с прошлым различие в австрийской внешней политике обнаруживается лишь в изменении внешнеполитического лозунга. Если лозунгом Зейпеля в свое время являлось положение: „Никакой развязки без или против Германии“, то позднейший лозунг гласит: „Никакой развязки, без или против Италии“. Дело в том, что со времени захвата власти Гитлером Италия, как гарант и временный исполнительный орган Лиги наций в деле защиты австрийской независимости, распространила сферу своего влияния на придунайский район, — позиция, которую она даже и теперь — после соглашения с Гитлером — уступит лишь под давлением крайнего нажима. Ибо независимо от неприятней для Италии перспективы германского соседства при включении А. в

состав Германии (Южный Тироль). это равносильно было бы полному политическому, так сказать, оттеснению Италии на периферию Европы. Таким образом, в этой смене внешнеполитических лозунгов А. отражается огромная политическая перемена, произошедшая в Европе со времени захвата власти Гитлером.

Два обстоятельства поставили за последние годы А. в центр мировых интересов. героическая борьба австрийского пролетариата против австро-фашистской реакции (12 февраля 1934 г.) и неустанные старания гитлеровской Германии воссоединить А. После необычайно изменчивого развития политических перипетий старания эти, пока что, получили благоприятное для Гитлера разрешение в германо-австрийском соглашении 11 июля 1936 года (см. ниже).

До 12 февраля 1934 г. — собственно говоря, все время с возникновения австрийской республики — А. неизменно придерживалась предписанного ей Лигою наций принудительного маршрута в области финансов и политики. Зато, как это всегда бывает в государствах с пассивной внешней политикой, тем драматичнее развивалась внутренняя политическая жизнь А. Необходимо знать хотя бы в основных чертах это внутреннее политическое развитие А. до февраля 1934 г. и в последующее время для того, чтобы понять, почему и каким образом эта маленькая страна в средней Европе могла в последние годы сделаться опасным очагом пожара. В современной напряженной политической атмосфере А. играет, примерно, роль Сербии перед мировой войной. Страна эта, географически почти целиком расположенная в бассейне Дуная, вклиненная между Германией, Чехословакией, Венгрией, Югославией, Италией и Швейцарией, является в хозяйственном, политическом и стратегическом отношениях чрезвычайно важной позицией для господства над придунайской территорией. Неудивительно, что жадно стремящиеся к пересмотру договоров германские, итальянские и венгерские поджигатели войны давно уже прилагают все усилия, чтобы вовлечь А. в планы своей внешней политики.

2. *Социально-экономическая структура Австрии.* Даже сжатое изображение хозяйственного развития и положения А. в послевоенное время, особенно в фашистский период, не может обойтись без того, чтобы не отметить некоторые характерные для хозяйства А. факты, — и прежде всего тот факт, что австрийская промышленность вследствие распада австро-венгерской монархии потеряла семь восьмых территории своего прежнего сбыта, последствием чего явился процесс огромного сжатия всего австрийского производственного аппарата. Политика высоких покровительственных пошлин, проводимая государствами, выделившимися из состава двуединой монархии, и осуществляемая ими из националистических и военнополитических соображений собственная индустриализация все время ставили и ставят поныне непреодолимые в большинстве случаев преграды австрийской экспортной индустрии.

Другими факторами, в первую очередь определяющими социально-экономическую структуру А., приходится считать почвенные условия, распределение земли и населения, а также общие условия производства. Из 7,5 млн. *га* годных земель 3,13 млн. *га*, т.-е. 42%, заняты лесом, и 0,47, т-е. 13%, Альпами; иначе говоря, 55% всех годных земель находится под *самыми экстенсивными* культурами. Значительная часть А. является высокогорной страной.

Минеральными полезными ископаемыми А. не слишком богата. Однако, у нее есть мощные месторождения железной руды в Эрцберге (Штирия), есть соль (Зальцкаммергут), бурый уголь в Кёфлахе (Штирия) и Вольфсэгге (Верхняя А.), магнезит в Фейтче (Штирия). Богата А. и водными силами. Зато у нее почти совсем нет каменного угля и нефти а медь, алюминий и свинец добываются в незначительных количествах. В смысле богатства и удобств добывания (открытая разработка) заслуживает быть отмеченным Эрцберг, играющий значительную роль в игре диплома-

тических интриг, сплетаемых вокруг А.: и германский и итальянский генеральные штабы видят в нем бесценный резерв на случай войны.

Решающим элементом в хозяйственных и политических отношениях А. является распределение ее земельного фонда. Самое сжатое понятие о нем дает следующая таблица:

	Количество хозяйств (в тысячах)	Поверхность (в тыс. га)	В % к общему кол. земля	Количество хозяйств в %	Число лиц (в тысячах)
Карликовые хозяйства (0—5 га)	217	487	6	50	515
Мелкие и средние (6—20 га)	149	1.604	21	34	652
Средние и кулацкие (21—100 га)	61	2.098	27	15	406
Крупные (свыше 100 га)	6	3.490	46	1	115
	433	7.629	100	100	1.718

Итак, по меньшей мере половина, а вероятнее — три четверти всех сельских хозяйств А. принадлежит пролетарским или полупролетарским слоям. Чтобы существовать, карликовые хозяйства вынуждены наниматься в рабочие, главным образом в сел.-хоз. рабочие. Они лишь по видимости стоят на более высокой социальной ступени, чем безземельные сел.-хоз. рабочие. В действительности как раз земельная собственность связывает их в подыскании более благоприятных условий работы, а это равносильно современной форме средневекового прикрепления к земле и превращает их в настоящих glaebae adscripti (крепостных).

Вторая группа, состоящая из малоземельных крестьян, в сущности тоже ведет пролетарское существование, особенно если хозяйство переобременено долгами, а это в А.—обычное явление. Причины такой огромной задолженности: высокие налоги, высокие цены на все промышленные продукты при одновременно низких ценах на сельскохозяйственные продукты, особенно на продукты карликовых и мелких крестьян, которые должны были их реализовать немедленно и при самых неблагоприятных условиях, тогда как торговцы и кулацкие товарищества клали в карман посреднические барыши. При этом нужно заметить, (что так называемое единонаследие Anerbenrecht), по которому крестьянский двор переходит к старшему или младшему сыну, тогда как доля других детей в наследстве выплачивается в виде ипотек (как правило — весьма важный источник задолженности), существует в А. только в Тироле и в некоторых частях Зальцбурга и практически имеет значение только для средних и крупных крестьянских дворов, так что здесь оно может остаться за пределами внимания. Задолженность малоземельных крестьян, согласно последним статистическим данным, достигает ужасающей суммы — полумиллиарда шиллингов. Прогрессирующее уже много лет обнищание карликовых и малоземельных крестьянских хозяйств, особенно альпийских хозяйств, происходящее под давлением налогов и ростовщичества, недостатка сбыта и низких цен, является прямо беспримерным. Часть этих малоземельных крестьян, правда, может быть, причислена и к середнякам, поскольку они занимаются высокоценными и интенсивными культурами, как-то: виноградарством, сахарной свеклой и т. д.— все это главным образом в равнинных частях страны.

В третью группу входят подлинные середняки, а также зажиточные крестьяне, которые работают с помощью наемных батраков и батрачек и сбывают значительную часть своей продукции на рынок. Политически они в прежнее время составляли основные массы христианско-социальной партии, ныне они не столь едины. Однако, независимо от того, что одна часть середняков примыкает к фашистскому хеймверу, а другая состоит в христианско-католическом лагере, они все же составляют сильней-

шую социальную опору современного клерикально-фашистского режима. Среди же карликовых и малоземельных крестьян находят себе многочисленных приверженцев демагоги национал-социалистов („наци").

Из приведенной выше таблицы мы усматриваем, наконец, особенно вопиющий факт, а именно, что 3,5 млн. *га*, т.-е. почти половина всех годных земель А., принадлежит 6.000 крупных землевладельцев. Дальнейший анализ хозяйств размером выше 1.000 *га* дает, однако, еще более яркую картину распределения собственности. Оказывается, что 562 крупнейших собственника держат в своих руках в общей сложности 2,1 млн. *га*, или 28% всех годных земель А. Земельная доля 217.000 карликовых хозяйств, составляющих ровно половину всех сельских хозяйств, равняется всего 6%, или $^1/_{17}$ всех годных земель. Или, если взять все карликовые и малоземельные хозяйства, 84% всех сельских хозяйств и 1.197.000 лиц, в них занятых, владеют лишь 27% годных земель.

Как крупные землевладельцы, феодальные аристократы и церковь теснейшим образом связаны с торговым, промышленным и банковским капиталом, эксплоатируя многочисленные свои сахарные и спиртоочистительные заводы, мельницы и лесопилки, бумажные и целлюлозные предприятия, кирпичные заводы и цементные заводы. Политически они являются сильнейшими факторами и носителями австрофашистской реакции. Путем господства над всеми командующими высотами хозяйства и государства, путем систематического использования печати, школы, театра, кино и радио в классовых своих интересах, а также путем беззастенчивой социальной демагогии крупные землевладельцы искони умели впрягать мелкое крестьянство в колесницу служения своим интересам, так же как промышленный капитал умел мобилизовать в своих интересах мелких производителей, а банковский капитал — „общее хозяйственное благополучие".

Дальнейшим своеобразным моментом социально-экономической структуры А. является распределение населения. В А. 6,7 млн. жителей, из них 1,8 млн. приходится на столицу — Вену, соотношение совершенно неестественное. На Вену и Нижнюю А., т.-е. на две из девяти союзных областей приходится более половины всего населения А. Этот факт вскрывает характерный для политики и хозяйства А. дуализм: между высокоразвитым в промышленном и торговом отношениях миллионным городом и примыкающим к нему промышленным районом, с одной стороны, и почти совершенно аграрной остальной территорией — с другой, где города незначительны и промышленность развита слабо, при наличии лишь отдельных вкрапленных предприятий по переработке сырья.

Структуру промышленных и торговых предприятий А. вскрывает следующая таблица:

	Промышленных предприятий (в тысячах)	Занято человек (в тысячах)
Мелк. предприятия . .	305	527
Менее значит. средние предприятия	24	233
Более значит. средние предприятия . . .	6	240
Крупные предприятия.	1	328
	336	1.328

Насколько неблагополучно тут обстоит дело, видно из того, что на торговлю приходится 35% общего числа предприятий и 20% занятого в промышленности и торговле населения. Такая гипертрофия торгового дела является признаком многолетнего кризиса и процесса сжатия хозяйства.

В заключение укажем еще на неблагоприятное географическое размещение, на недостаточность и дороговизну технического оборудования, на бедность капиталом и вытекающие отсюда высокие процентные ставки,—факторы, способствующие существенному превышению производственных расходов австрийской промышленности сравнительно с однородными отраслями других соперничающих стран. Австрийские промышленники, работающие на экспорт, искали уравнительный коэффициент для повышения своей спо-

собности к конкуренции и с самого начала нашли его в снижении прожиточного уровня масс. Сложной системой мероприятий в области заработной платы, установления цен, налогов и социальной политики они сумели резко снизить общий уровень жизни и добиться этим необходимой им премии на экспорт.

В первые годы республики, когда австрийская буржуазия откупилась от кровавой расплаты уступками пролетариату в области социального законодательства, желанная экспортная премия получалась путем инфляции. После стабилизации валюты эта же цель достигалась систематически подготовлявшимися прямыми наступлениями на заработную плату и социальные права рабочего, а далее — повышением цен и государственными займами, ложившимися своею тяжестью на все трудящееся население. А победа австро-фашистской реакции в конце концов открыла возможность для беспрепятственного снижения заработной платы и самой безастенчивой социалполитической конкуренции.

3. *Австрийское хозяйство до захвата власти фашистами.* Осенью 1922 г. была стабилизована австрийская валюта. Внутри страны валюта расценивалась много выше, чем вовне, и процесс выравнивания ее стоимости внутри и за границей завершился лишь в 1924 г. Между тем заработная плата стояла в А. на значительно более низком уровне, чем в конкурирующих промышленных странах, в то время как общие производственные расходы австрийской промышленности были значительно выше. Следствием был огромный хозяйственный кризис, разрешившийся крушением спекуляции с франками, распадением больших инфляционных концернов крупных спекулянтов Бозеля и Кастильони, а также крушением отдельных „политических банков" (основанных или принадлежащих буржуазным партиям). Если австрийские рабочие в эпоху инфляции имели хотя бы иллюзию успешного движения заработной платы, то теперь и это миновало безвозвратно. Заработная плата была стабилизована на низком уровне 1924 г. и с той поры уже больше не поднималась. Наоборот, все последующее время стояло под знаком наступления австрийской буржуазии на „социальное обеспечение". Процесс систематического выхолащивания социального законодательства, успешно проводившийся уже с 15 июля 1927 г., нашел свое завершение после 12 февраля 1934 г. С этой поры австрийская крупная буржуазия получила свою экспортную премию, оплачиваемую невообразимо низким уровнем жизни, к которому беспредельная ее жажда к наживе принудила трудящихся А.

1925/26 гг. отмечены крупными крахами банков. Сплетение политики с аферами, непрерывный ряд коррупционных скандалов, тянущийся от самого начала австрийской буржуазной республики вплоть по самого последнего уже фашистского времени, может также считаться особенно характерным для А. явлением. Ибо австрийская коррупция далеко оставляет за собой всякую привычную при капитализме, так сказать, „законную" меру. От катастрофы „Депозитного банка", „Унионбанка", „Verkehrsbank'a" и „Центрального банка" немецких сберегательных касс, от скандала с почтовыми сберегательными кассами до крушения „Учреждения земельного кредита" (Bodenkreditanstalt), от краха „Кредитанштальта" (Creditanstalt), „Учетного банка" и „Венского союза банков", до скандала с хищениями в „Фениксе", — тянется непрерывная цепь политического и финансового разложения. Столпы австрийской феодальной аристократии, чьи пышные имена играли роль вывески, соперничали с крупными спекулянтами в разбазаривании народного достояния.

Помимо дополнительного специфически австрийского явления полного разложения общественной жизни, эти крахи крупнейших венских банков должны рассматриваться прежде всего как выражение общего процесса сжатия австрийского хозяйства, а также ликвидации Вены как финансового центра и финансового транзитного пункта для центральной Европы и Балканского полуострова, каковую роль Вена

в течение многих десятилетий играла в глазах ищущих приложения французских, английских, бельгийских и швейцарских капиталов. Безвозвратно канула в вечность заветная мечта крупных денежных спекулянтов Кастильони, Зиггарта, Эренфеста и д-ра Берлинера, а с ними и всей паразитической шайки обанкротившихся аристократов и христианских политических дельцов воскресить исчезнувшую австро-венгерскую монархию, хотя бы в форме банковских счетов. Ото всего этого остались миллиардные убытки в результате повторных „санаций", остался чудовищный государственный долг примерно в четыре миллиарда шиллингов и страшное обнищание масс. Целые промышленные округа в Нижней А. и Штирии, принадлежавшие обанкротившимся банковским концернам, уже много лет спят мертвым сном; безработное, в большинстве своем уже много лет снятое со всех видов пособия, население этих областей влачит ужасное нищенское существование.

Следствием такого коррупционного хозяйничанья и ошибочных финансовых расчетов была непрестанно возраставшая нехватка капитала. Поэтому повсеместно осуществленная за 1926—1929 гг. рационализация лишь в слабой степени нашла себе применение в А. (рационализация в А. происходила меньше за счет капиталовложений, чем за счет интенсификации труда). Австрийская крупная буржуазия вместо этого искала себе компенсации в высоких заградительных пошлинах и в устройстве картелей по сбыту, установлению цен и условий сбыта, при чем она всецело обеспечивала себе А. как рынок сбыта и открыла эру нелепейшей политики демпинга. Эти тенденции к картеллированию и эта политика демпинга, вызвавшие неслыханное обременение собственной страны в выгоде других, получили дальнейшее усиление в эпоху фашизма.

Политика картелей, проводимая австрийской крупной буржуазией и выражающаяся по отношению к рабочим и потребительским массам в непрестанном урезывании заработной платы, в снижении аккордных ставок, в систематическом отнятии социальных прав и повышении цен, повела также к заключению международных картельных соглашений, к продаже на сторону паев на продукцию и сбыт, а это практически привело к остановке большого числа фабрик. Так, напр., австрийская железная и стальная промышленность примкнула к международному картелю стального сырья и перешла в значительнейшей своей части в германские руки; то же произошло с электрической и химической промышленностью, а также с австрийскими шелковыми фабриками. Отсюда многочисленные нити повели и ведут поныне к австрийской политике.

1928—1932 гг. отмечены резким обострением положения во всех областях хозяйственной жизни. Определившиеся уже в 1928 г. регрессивные тенденции усилились осенью и зимой 1930 г. до степени вполне развившегося кризиса, которому в последующее время предстояло еще более значительное обострение. Правда, в общей тенденции австрийского хозяйства к снижению можно установить бросающееся в глаза различие между Веной и провинцией. Причиной этого является известная коммунальная политика социал-демократической общины Вены; высокодаровитый финансовый референт ее, Гуго Брейтнер, и знаменитый умерший в 1936 г. в Москве профессор Юлиус Тандлер осуществили широкую программу обеспечения и жилищного строительства, благодаря чему общий уровень трудовой занятости поднят был в Вене на значительную высоту по сравнению с провинцией.

В первые месяцы 1930 г. картина мирового хозяйства изменилась: мировая конъюнктура, существовавшая до этого времени, сменилась тяжелым кризисом. На австрийском хозяйстве мировая конъюнктура отозвалась лишь очень слабо; тем катастрофичнее сказалась реакция. Специфически австрийский кризис сжимания лишь теперь стал проявляться в полной мере. Он обнаружился не только в металлургической промышленности, особенно раздутой, но прежде всего в области строительства. Крах „Учреждения зе-

мельного кредита" и вынужденное, по требованию правительства, слияние его с „Кредитанштальт" (Ротшильд) приводит к объединению и вместе с тем к приостановке мощных промышленных концернов, находящихся в сфере господства этих банков. Австрийский „Кредитанштальт" теперь фактически имел под своим контролем свыше 75% всех австрийских промышленных предприятий. Целый ряд машиностроительных, паровозных и вагоностроительных заводов, автомобильных и текстильных предприятий был приостановлен или снесен. В результате — неописуемая нищета рабочих масс. Число безработных в эту пору впервые перешагнуло за 300.000.

В мае 1931 г. последовало крушение гипертрофически развившегося „Кредитанштальт", которое было ударом по банкам во всем капиталистическом мире. Кредиты, выданные им для дальнейшего ведения его собственных и принятых им на себя промышленных концернов, были целиком заморожены. К тому же „Кредитанштальт" и по самостоятельным делам, и по наследству, доставшемуся от „Учреждения земельного кредита" (Bodenkreditanstalt), связано было с многочисленными сомнительными предприятиями за границей, которые сильно обременяли его. Если кризис 1924—1927 гг., например, до известной степени пощадил текстильную и химическую промышленность, равно и производство строительных материалов, то теперь и эти отрасли попали под колеса. Особенно резко была отброшена назад австрийская тяжелая промышленность. На рубеже 1930/31 г. выплавка чугуна достигала лишь 21,6% прежнего своего нормального уровня, прокат железа — 39,9%, в то время как машиностроительное производство во всей совокупности работало лишь на 40—45% своих возможностей.

Крушение „Кредитанштальт" совершенно подорвало австрийское хозяйство. Оно повлекло за собой отказ от всех краткосрочных кредитов, которые—по известному рецепту всех обанкротившихся капитанов банковского дела — инвестированы были „Кредитанштальт" на долгие сроки. Таким именно способом австрийские банки финансировали кратковременную конъюнктуру 1928 года. А., с самого начала стоявшая в финансовом отношении под опекой Лиги наций, не получила от нее никакой поддержки в вопросе о „Кредитанштальт", более того, — западные державы прямо-таки обострили катастрофическое положение. Объясняется это тем, что как раз в это время австрийский канцлер Шобер и германский министр иностранных дел Курциус разрабатывали план таможенного объединения, которое должно было подготовить фактическое присоединение А. к Германии („аншлюс").

Если первоначально говорили, что убытки „Кредитанштальт" составляют всего 160 млн. шиллингов, то впоследствии признанные потери поднялись до гигантской суммы в $1^1/_2$ миллиарда. На этом основании, а также на том, что государство санировало этот банк и вместе с тем „контролировало" мощные индустриальные концерны, Отто Бауэр построил в свое время пресловутую теорию о том, что А. вступает отныне в полосу „государственного капитализма".

Для санации „Кредитанштальт" государство внесло в „Австрийский национальный банк" денежные векселя на сумму около 700 млн. шиллингов. Несмотря на вдвое сократившееся хозяйство, количество находившихся в обороте австрийских денежных знаков в декабре 1931 г. было на 20% больше чем в предыдущем году. Наступившая паника привела в короткое время к быстрой утечке золота (с 928 млн. до 317 млн. шил.) из Национального банка. Вследствие этого шиллинг потерял 30% своей стоимости, внешняя торговля также стала быстро падать, и из наличного общего числа рабочих и служащих в 1,5 млн. человек почти 500.000 в течение следующего года остались без работы. Параллельно с этим упадком промышленности, торговли и банковского дела происходило и необычайное обострение кризиса в австрийском сельском хозяйстве. И без того уже искони не-

надежное положение австрийских альпийских крестьян прямо-таки катастрофически обострилось вследствие запрещения ввоза в Германию и в дальнейшие годы, вплоть до последних дней, не испытало ни малейшего смягчения.

Этот кризис всего австрийского хозяйства, обнаруживший — помимо связи его с кризисом мирового хозяйства — специфически австрийские элементы, послужил фоном для развертывания классовых боев между крупной буржуазией и пролетариатом А. 1932 г. принес дальнейшее резкое ухудшение общего хозяйственного положения. 1932 и 1933 гг. были в хозяйственной и политической области годами острейших противоречий. Безработица в эти годы достигла высших размеров, в то время как производственные цифры опустились до минимума. При пресловутом канцлере Дольфусе А. в торгово-политическом отношении переходит к политике предпочтения и торговых контингентов, с особым подчеркиванием так наз. аграрного курса, который принес крупному землевладению и кулачеству неслыханные барыши, премии и субсидии. В марте 1933 г. государству пришлось санировать дальнейшими 180 млн. шиллингов находящиеся на краю гибели „Нижнеавстрийское учетное общество" и „Венский банковский союз".

Цифровое выражение торгового баланса австрийского хозяйства с 1924 г. до захвата власти фашистами в миллионах шиллингах таково:

Годы	Ввоз	Вывоз	Объем оборота	Дефицит
1925	2.905	1.956	4.861	949
1926	2.845	1.745	4.590	1.100
1927	3.191	2.099	5.290	1.092
1928	3.317	2.249	5.556	1.068
1929	3.318	2.220	5.538	1.098
1930	2.739	1.880	4.679	859
1931	2.210	1.327	3.537	883
1932	1 400	786	2.186	614
1933	1.190	818	2.008	372
1934	1 172	880	2.052	292
1935	1.205	895	2.100	310
1936 (с января по октябрь)	999,7	774,7	1.774,4	225

(„Zeitschrift f. öster. Konjunkturforschung").

В этих цифрах находит себе выражение вся трагедия австрийского хозяйства, чудовищный процесс его сжатия. Мы видим: объем оборота внешней торговли по отношению к высшей точке, 1928 г., снизился на $3^1/_2$ миллиарда шиллингов, т.-е. почти на две трети. Торговый баланс был и остается неизменно пассивным, таков же и платежный баланс, который лишь в незначительной части компенсировался доходами от иностранного туризма, доходами от транспорта (т. наз. „невидимый" платежный баланс). Политическая независимость А. и в хозяйственном отношении также постоянно обеспечивалась извне (фактически Францией, Англией и Чехословакией) посредством различных займов.

Поучительную картину дают нам и цифры общего хода дел и производства, австрийского железоделательного производства, безработицы и движения заработной платы за это время (годы 1923—1931 приняты за 100):

Годы	Индекс общего хода дел	Индекс производства
1923	63,5	65,0
1924	87,4	90,3
1925	97,5	72,0
1926	101,1	107,1
1927	100,3	94,8
1928	112,0	119,5
1929	118,0	124,0
1930	113,0	115,1
1931	96,9	92,6
1932	81,2	85,5
1933	68,4	71,5
1934	72,5	89,4
1935	73,0	90,0

(Wirtschaftstatist. Jahrbuch d. Arbeiterkammer für 1934/35).

Развитие австрийского железоделательного производства шло след. образом (в тысячах тонн):

Годы		Годы	
1926	98,3	1931	47,9
1927	81,6	1932	31,0
1928	139,6	1933	6,9
1929	143,3	1934	30,0
1930	117,9	1935	39,0

(тот же источник)

Годы	Безработные, получавшие пособие (в тысячах)	Зарегистрирован. безработные (в тысячах)	Годы	Безработные, получавшие пособие (в тысячах)	Зарегистрирован. безработные (в тысячах)
1924	94	127	1931	253	301
1925	149	183	1932	309	378
1926	178	202	1933	329	406
1927	172	200	1934	288	370
1928	150	183	1935	285	—
1929	164	192	1936	265	—
1930	207	248			

(„Öster. Institut f. Konjunkturforschung" und „Öster. Volkswirt").

Цифры эти — официальные и, разумеется, далеко ниже действительных. Впрочем, они еще и сезонно подчищены в том смысле, что связанные с сезонами конъюнктурные колебания исключены. За десять лет безработица в А. утроилась. Цифры числа безработных, получавших пособие, дают совершенно неверную картину. Ибо из года в год десятки тысяч безработных беспощадным образом снимались со всех видов пособия. С другой стороны, из года в год десятки тысяч молодежи достигают рабочего возраста, не получая работы, так что статистика вообще не учитывает их. Если, например, производственная статистика в 1930 г. насчитывает 95.000 занятых мальчиков-учеников, то всенародная перепись 1934 г. насчитывает их всего 59.000, так что приходится отметить уменьшение числа их на 36.000. Сейчас (1936 г.) в А. около 60.000 чел. молодежи, вообще не получившей никакого профессионального обучения.

Насколько нагло лжет эта официальная статистика, видно из следующего: в 1930 г. было 984.000 застрахованных от безработицы, в то время как 1934 г. дает цифру 663.000. Разница, следовательно, обнаруживает чистый прирост безработных в размере 321.000 чел. А между тем число безработных, получавших пособие, поднялось за это время лишь на 81.000 чел. Куда же делись 240.000 чел.? Если вычесть отсюда ок. 40.000 чел. (официально признанное число снятых со всех видов пособия), то все же остается необъяснимый остаток в 200.000 безработных, которые бесследно исчезли из официальной статистики. Этих „черных" безработных приходится, однако, постоянно присчитывать к официальным данным, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к истине.

В связи со статистикой безработных величайший интерес представляет статистика заработной платы. Если заработки в А. уже во время стабилизации валюты стояли относительно ниже уровня их в конкурирующих промышленных странах, то реальная заработная плата в последующие годы до прихода к власти фашистов была еще более снижена вследствие последовательного сокращения защиты прав квартиронанимателей и всего социального законодательства, а также вследствие снижения заработной платы. Австро-фашизм переложил кризис на австрийские массы таким способом, что с помощью стройной системы мероприятий в области заработной платы, налогов и цен доходы широких масс испытали дальнейшее чувствительное понижение. Разумеется, статистических данных обо всем этом нет, однако движение заработной платы и жалованья рабочих и служащих за последние годы в Вене дает возможность сделать соответствующие выводы. Вот каково это движение:

Годовой фонд заработной платы и жалований в Вене (в млн. шиллингов)

годы		годы	
1929	158	1933	95
1930	152	1934	89
1931	137	1935	83
1932	112		

(„Öster. Institut f. Konjunkturforschung")

За 1936 г. опубликование этой рубрики было приостановлено. К столь же поразительным заключениям о чудовищном обнищании трудящихся А. (чудовищном вследствие стремительного сжатия всего производственного базиса, вследствие ужасной безработицы и массового обнищания при одно-

временном стремительном вздорожании всех предметов широкого потребления) приводит нас и податная статистика последних лет. С прямыми и косвенными налогами, в которых находит свое отражение безудержная классовая борьба, дело обстояло следующим образом:

	1929	1933	1934	1935	1936	Намечено на 1937
	(в млн. шиллингов)					
Прямые налоги	385,1	281,4	280,1	300,2	289,2	329,6
Пошлины	286,0	179,6	203,9	211,1	215,4	215,0
Налоги на потребление	101,6	154,9	171,5	181,2	192,6	194,9
Налоги с оборота	255,6	251,9	278,6	277,6	266,0	281,0

Хотя заметно некоторое повышение и прямых налогов, но, во-первых, оно не стоит ни в какой связи с косвенными налогами, а, во-вторых, это повышение только по видимости может быть отнесено на счет обременения имущих классов. Действительной причиной этого повышения является пропорциональный кризисный налог на оборону страны (целевые налоги на содержание вооруженных фашистских сил за счет широких масс), получающий характер массового обложения. Поступления от налогов на доходы и заработки, налогов на земли и строения, поимущественного и с акционерных обществ показывают наклонность к стремительному падению, в то время как налоги на потребление, пошлины и налоги с торгового оборота являются чистейшим массовым обложением, так как они путем повышения цен перелагаются на широкие массы.

4. *Хозяйственная политика австрофашизма.* Австрийская буржуазия имела все основания ликовать, когда австрийский рабочий класс был подавлен в февральских боях 1934 г. 12-е февраля очистило ей путь к беспрепятственному разбойничьему наступлению на весь трудящийся народ. Банки и промышленники, оптовая торговля и крупное землевладение, католическая церковь и Габсбурги — вот кто пожал в первую голову плоды февральской победы: именно они своей эксплоатацией выжимали все соки из австрийского народа.

На другой стороне стоят: рабочие и служащие, у которых отняты были все политические свободы, разгромлено в большей своей части социальное законодательство, а жизненный уровень снижен еще на 30—40% по сравнению с дофашистской эрой; безработные, для которых размер и сроки выдаваемых пособий по-драконовски сокращены, из которых многие десятки тысяч беспощадно сняты со всех видов пособия; карликовые и малоземельные крестьяне, а частично и середняки, как жертвы фашистской грабительской политики. Наконец, мелкое ремесло и мелкая промышленность, средние городские слои и интеллигенция точно так же должны были расплатиться за фашистскую хозяйственную политику ценой тяжелого ущерба своему материальному положению. Беспрепятственной мобилизацией народного достояния, обременением на многие годы вперед народного дохода в виде внутренних и внешних займов, а также интенсивно проводимым под названием „трудовых занятий" вооружением, австрофашизм сумел вызвать в 1934 г. некоторое хозяйственное оживление. Он лелеял при этом великую надежду дать знаменитый „начальный запуск" частному хозяйству.

Этот искусственно повышенный уровень производства и объема внешней торговли (премии, субсидии, снижение провозных тарифов, возмещение налоговых взносов и т. п.) подерживался в 1935 г. лишь с трудом. Точно так же и наложенный в этом году трудовой заем состоялся лишь при крайне напряженных условиях в противоположность относительно успешному выигрышному займу. Некоторое оживление заметно было на повороте от 1935 к 1936 г в связи с итало-абис-

синской войной, но это оживление значительно ослаблено было затяжкой в платежах, а частью и просто неплатежом. Весною же и летом 1936 г. наступает резкий поворот назад. Затихание экспорта в Италию, почти полная ликвидация предоставления работы в голодном бюджете 1936 г., хозяйственный и моральный удар, вызванный недавним грандиозным финансовым и коррупционным скандалом в страховом обществе „Феникс", скандалом, который вызван был главным образом финансированием фашистских займов и союзов обороны,— все это, вместе взятое, вскрывает в высшей степени неустойчивое положение фашистской хозяйственной политики. Ибо что же осталось от всего фашистского волшебства? Предприниматели затратили огромные барыши от государственных заказов на военное снаряжение, главным образом на то, чтобы разделаться с долгами, выкупить пакеты акций, рационализировать еще больше свои предприятия или выплатить дивиденды. Фашистские надежды на „частную инициативу" обманули: с прекращением государственных заказов вся конъюнктура в области военного снаряжения внезапно обнаружила понижательную тенденцию. Общий же уровень производительных отраслей, лежащих за пределами определенно выраженного военного снаряжения, как был, так и оставался все время на опасно низком уровне.

Положение общественных финансов весьма ненадежно. Допустимая граница государственной задолженности давно перейдена. Насколько сильно пострадал государственный кредит, показывает недавний выпуск казначейских билетов, которые, вопреки принятому обычаю, присчитываются к бюджету следующего года и не могут быть дисконтированы „Национальным банком". Неудивительно, ибо государство уже более двух лет не вносит „Национальному банку" ни амортизационных платежей, ни процентов за те 663 миллиона шиллингов, которые он ссудил ему в связи с санацией „Кредитанштальт". Долг этот по чисто декоративным основаниям числится у „Национального банка" в его активе. И при ближайшем рассмотрении даже этот показной козырь австро-фашистской хозяйственной политики — устойчивость валюты — оказывается совершенно искусственным продуктом, никоим образом не покоящимся на естественной прочности валюты. Австрийский „Национальный банк" фактически выключен из хозяйственной жизни; это видно из вексельного его учета, который давно уже стоит на одном и том же уровне. В довершение всего—это даже и не торговые векселя, а собственные векселя „Национального банка", внесенные в него акционерным „Обществом промышленного кредита" („Industrie-Kredit A. G."), которые на 99% принадлежат „Национальному банку".

Эта констатация никоим образом не означает, что А. в хозяйственном или финансовом отношении стоит накануне крушения. Мы здесь имели в виду наметить лишь экономический базис австро-фашизма, базис, который в смысле валюты, государственного кредита и хода производства вооружения обнаруживает те же черты, как и базис большинства центральных и восточно-европейских государств. Наиболее характерным является то, что, несмотря на снижение объема производства и внешней торговли, несмотря на ограниченность валюты и государственных финансов, крупная буржуазия и финансовый капитал умеют не только обеспечить, но даже увеличить свои прибыли. Ибо и в других фашистских и полуфашистских странах, и в А. усиленное давление на заработную плату, диктатура цен, обложение предметов широкого потребления, а также политическое угнетение рабочего класса и всего трудящегося народа являются средствами для обеспечения как хозяйственно-политического курса фашистской системы, так и экономической ее основы.

Авантюристическая внешняя политика, враждебная Лиге наций позиция в вопросе о санкциях, двусмысленная реставрационная политика и провокационное нарушение договора по вопросу об обороне и вооружении,— все это чрезвычайно сузило финансо-

вую маневренную способность австрофашизма. И без того уже всегда обостренное финансовое положение можно было до известной степени скрывать, пока „Феникс" выручал фашистский режим в его финансовых злоключениях. Теперь и это кончилось. Под давлением безвыходного хозяйственного положения, ослабленный внутренней политической рознью, расшатанный непрерывным хозяйственным и политическим нажимом Германии, прижатый к стене Муссолини с момента нынешнего внешнеполитического сотрудничества Италии и гитлеровской Германии, австрийский клерикальный фашизм вынужден был заключить чреватое последствиями соглашение с Гитлером 11 июля 1936 года.

5. *Политическая жизнь Австрии до 12 февраля 1934 г.* На хрупком, полном противоречий социально-экономическом фундаменте этого государства в послевоенное время происходил внутренний политический процесс, порою достигавший захватывающего дух драматизма. Революция 1918 г. не коснулась классовых позиций австрийской буржуазии, могущества финансового капитала, феодальной аристократии и церкви, равно как и преданной им бюрократии. Крушение монархии затронуло единственно только армию. Ее оружию предстояло играть еще очень значительную роль в грядущем политическом развитии.

Ростки будущего развития были видны уже при самом рождении австрийской республики. Ибо республика провозглашена была в А. социал-демократом Зейтцом, христианско-социалистическим прелатом Хаузером и великогерманцем Дингофером—теперешним подголоском Гитлера. Общеизвестный реформист социал-демократ Карл Реннер видел спасение от „анархии", т.-е. от пролетарской революции, только в коалиции с австрийской буржуазией и крестьянами-середняками. Так волны пролетарской революции, поднявшиеся было и в А.—вследствие воздействия великой русской пролетарской революции и соседства венгерской и баварской революций, а также вследствие всеобщего брожения в самой А.—были усмирены, чем немало гордились вожди и идеологи „австро-марксизма".

В революционные дни А. была ключом к положению во всей Европе, ибо она являлась мостом между венгерской (22 марта 1919 г.) и баварской (7 апр. 1919 г.) республикой советов. Но социал-демократический статс-секретарь по внутренним делам, Маттиас Эльдерш, распорядился арестовать вождей коммунистов, подготовлявших большую демонстрацию за эти советские республики в соседних странах и за власть советов в А. На другой день, 15 июня 1919 г., он приказал оставленному в должности императорскому полицей-президенту Шоберу (которому, как предтече австро-фашизма, еще суждено было играть значительную роль впоследствии) стрелять в революционных рабочих Вены, направлявшихся шествием к зданию тюрьмы. 17 трупов и более сотни раненых осталось на мостовой. Сочувствовавший революционерам 41-й батальон народной милиции (Volkswehr) был окружен правительственными войсками и вскоре после этого окончательно распущен по приказанию социал-демократического статс-секретаря по военным делам Юлия Дейча,—пожалуй, самой роковой фигуры австрийской социал-демократии.

Дорога для австрийской реакции была свободна. Уже в дни переворота три реакционных вождя австрийской провинции (пресловутый начальник области Штирии Рингтелен, генерал Хюльгерт в Каринтии и адвокат Штейдле в Тироле) создали так наз. „охраны из обывателей" (Einwohnerwehren), предшественниц поздней их „охран очага" — „хеймверов". Австрийская буржуазия, которая из страха перед ожесточенными рабочими и фронтовиками сделала им значительные уступки в области социального законодательства, теперь решила возможно скорее взять уступки назад. Ее обнадеживало фактическое соотношение сил, но в первую очередь победа венгерской и германской реакции.

После того как социал-демократия выполнила свое назначение защитного вала против большевизма (еще в 1935 г.

христианско-социальный демагог Куншак расточал за это громкие хвалебные речи по адресу социалистической партии), коалиция распалась по ничтожному поводу. С этих пор до самого своего крушения социал-демократия формально все время находилась в „оппозиции". Это кажущееся оппозиционное положение было, однако, источником роковых иллюзий среди австрийских рабочих.

Вождем и политическим идеологом австрийской реакции был пресловутый прелат Зейпель. Вся австрийская политика последующих лет теснейшим образом связана с именем этого иезуита. Он был создателем единой христианско-социальной партии, которая объединяла аристократию и крестьян, мелкое мещанство и значительную часть городской буржуазии, он сколачивал различные антимарксистские единые фронты, и он же был виртуозом виляющей внешней политики А. Зейпель же после оздоровления валюты пользовался женевским финансовым контролем как прикрытием для всех реакционных покушений. Он же покрывал накоплявшиеся из года в год фашистские убийства рабочих, и на его совести лежит кровавое 15 июля 1927 г.

Политическим противником Зейпеля выступала австрийская социал-демократия. Ареной борьбы служил ей парламент, ее политическим идеалом была формальная демократия, ее преимущественным орудием—парламентская риторика и обструкция. Полная иллюзий во всем, что касается путей и средств, псевдореволюционная во всех вопросах о конечной цели, облекавшая все „теории" в патетическую фразеологию 1848-х годов, австрийская социал-демократия с какой-то единственной в своем роде притягательной силой влияла на массы. И это—тем более, что относительные успехи австрийского социального законодательства, внешнее положение оппозиции при фактической государственной ответственности, а также вытекавший из целого ряда особых обстоятельств блестящий количественный рост социал-демократической партии и профессиональных союзов,—все это придавало в глазах масс особенный престиж „государственной дальновидности" заведомых оппортунистов. Сюда присоединялось жившее много десятилетий воспоминание о Гайнфельдском учредительном съезде партии, всестороннее почитание старика Виктора Адлера, а также его сына Фридриха за его деяния и за мужественное его поведение перед лицом чрезвычайного суда,—все это моменты, которые с безграничной верностью привязывали десятки тысяч простых пролетариев к партии и профессиональным организациям, а также к их вождям, и долгое время совершенно застраховывали австрийскую социал-демократию от революционных влияний и идей. Опираясь на такие предпосылки, реформистская и оппортунистическая бюрократия без особого труда превратила понятия „единство партии" и „партийная дисциплина" в какой-то фетиш или, лучше сказать, в повиновение без малейшей критики.

Количество членов социал-демократической партии и свободных профессиональных союзов дает такую картину:

Годы	Членов партии	Членов проф. союзов	Годы	Членов партии	Членов проф. союзов
1918	89.628	253.187	1926	595.417	776.392
1919	332.391	772.146	1927	669.586	792.762
1920	385.863	900.820	1928	713.884	766.168
1921	461.150	1.079.777	1929	718.026	787.277
1922	553.022	1.049.949	1930	698.181	659.204
1923	414.273	896.768	1931	653.605	582.687
1924	566.124	828.088	1932	648.497	520.162
1925	576.107	807.515			

В то время как профессиональные союзы, по мере растущего ухудшения хозяйственного положения, а также вследствие старательного уклонения от экономической борьбы, неудержимо спустились до половинного количества

членов, социал-демократическая партия, наоборот, если не считать 1923 г., обнаруживала до 1929 г. непрерывный прирост членов. Процесс отхода от партии принял крупные размеры лишь с наступлением тяжелого хозяйственного и политического кризиса 1929—1933 гг.

Тем временем, однако, австрийская реакция сознательно и систематически развертывала свои силы против рабочего класса. С денежной помощью от крупных финансовых кругов и индустрии, под командой аристократов и уволенных от службы офицеров, при поддержке церкви, а также государственной юстиции и всей исполнительной власти, пройдя школу немецких офицеров-путчистов и убийц фемы (тайное судилище, *см.* XIV, 223/24), при содействии итальянских, немецких и венгерских денежных средств,—фашистские хеймверы постепенно выросли в опасную силу. Прикрываемые Зейпелем и другими заступниками, они стали прибегать к безудержной и кровавой провокации, подводя рабочих под пулеметы, собственные или государственные. На зверское убийство фронтовиками в Шаттендорфе (Бургенланд) одного инвалида войны и девятилетнего сына рабочего, рабочие ответили непосредственным прекращением работы и демонстративной всеобщей забастовкой, что послужило прямым поводом к созданию знаменитого республиканского „шуцбунда" (союза защиты) 21 февр. 1923 г. Как при всех предшествовавших случаях убийства рабочих, так и на этот раз центральный социал-демократический орган „Рабочая газета" („Arbeiterzeitung") решительно провозгласила, что это—последнее убийство, за которое должно последовать справедливое возмездие. По обыкновению ровно ничего не последовало. В своей „борьбе за улицу", т.-е. за право свое выступать всюду в боевом порядке, хеймверы уже к началу 1927 г. добились первых своих успехов. Социал-демократия отступила перед провокациями хеймвера, чтобы „избежать гражданской войны и кровопролития", как она обычно выражалась. Эти успехи уже не давали хеймверам покоя. Для того, чтобы разоружить рабочих перед предстоящей борьбой, Зейпель в одну прекрасную ночь приказал внезапно занять арсенал, куда рабочие во время переворота (свержения монархии)—впрочем, в согласии с буржуазией—припрятали десятки тысяч ружей от возможного захвата со стороны Антанты. Не дожидаясь никаких приказаний, рабочие этого района ответили на покушение Зейпеля тем, что сами заняли арсенал и выключили свет во всем районе. В переговорах, одновременно веденных с Юлием Дейчем, Зейпель обещал отменить распоряжение насчет арсенала. Однако, через две недели то же выступление, значительно лучше подготовленное, было повторено, и на глазах совершенно озадаченных рабочих огромная масса оружия—40.000 ружей и 300 пулеметов—была увезена вместе с боевыми припасами.

Вынесение оправдательного приговора шаттендорфским убийцам повело к кровавому 15 июля 1927 г. В необычайном возбуждении рабочие венских предприятий вышли на Рингштрассе. Долгие годы сдерживаемый гнев вырвался наружу, и в страстном протесте рабочие сожгли дворец юстиции, этот символ позорного реакционного правосудия. Хотя рабочие не были вооружены, они все же оказывали успешное сопротивление неоднократным полицейским атакам, пока начальник полиции Шобер не распорядился—по приказанию прелата Зейпеля—стрелять в толпу. Жертвами 15 июля было 90 убитых и более 1.000 раненых.

Первый вождь шуцбунда, Юлий Дейч, повел себя по отношению к рабочим, требовавшим оружия, прямо позорно. Только в одной части Штирии знаменитый героический борец Коломан Валлиш—впоследствии, после февральского поражения, повешенный клерикал-фашистами—прогнал всю администрацию и фактически захватил власть. А социал-демократия не сделала ничего, ограничившись провозглашением на неопределенное время забастовки транспорта и однодневной всеобщей забастовки протеста, которая происходила уже и без того. Партийное руководство видело в этом клапан для успокоения глубоко возмущенных масс.

ибо уже 17 июля Отто Бауэр на многолюдном венском собрании уполномоченных высказался за прекращение забастовки на транспорте, если опасность окажется устраненной. Еще через два дня забастовка транспорта была прекращена без всяких условий, для того, чтобы перенести „борьбу" на парламентскую почву.

15-е июля 1927 г. было прологом к кровавой трагедии следующих лет, которая достигла драматического своего апогея и конца в героических днях австрийского пролетариата 12 февраля 1934 г. Все, что последовало за 15-м июля, представляется, в перспективе уже законченного и достаточно известного в своих деталях исторического развития, неизбежным следствием этой открытой капитуляции социал-демократии, за которой в дальнейшие годы последовал целый ряд капитуляций, пока мужественные австрийские рабочие, обманутые и расслабленные руководством, не были побеждены в героической отчаянной борьбе пушками и гранатами фашистской буржуазии. Сжатые фактические данные осветят ход событий последующих лет.

Австрийская крупная буржуазия переходит в наступление по всему фронту. Террор на производстве, создание фашистских профессиональных союзов, стачки рабочих, входящих в свободные проф. союзы,—в порядке дня. И здесь социалистическая партия (СП) сдает позиции в так наз. хюттенбергском пакте 25 мая 1928 г., в котором признано было равноправие фашистского профсоюза (UG=Unabhängige Gewerkschaft; см. *Рабочий класс в Австрии*, XXXV, 159). В социал-демократии одерживает перевес правая группировка Карла Реннера.

Последующие столкновения рабочих с хеймвером каждый раз отмечены все теми же стереотипными чертами: кровавая провокация со стороны хеймвера, театральные протесты и угрозы социал-демократии с соответствующими предостережениями о „развалинах", которые останутся после гражданской войны, взывания к „объективной государственной власти", которая сама же и поощряла эту провокацию, и в конце концов—капитуляция с одновременным перетолкованием этой капитуляции в „победу". Удивительным во всей этой трагедии, которую целиком надо поставить в вину социал-демократии, является терпеливая выдержка и бескорыстная верность рабочих этой партии, даже и тогда, когда они давно уже пришли к убеждению, что позиция их совершенно проиграна.

„Завоевание улицы" („Die Eroberung der Strasse") хеймвером происходило след. образом. Под охраной каждый раз мобилизуемой для этого государственной полиции хеймвер совершал провокационные походы в промышленные районы с целью окружить таким образом красную Вену. По этой системе последовали выступления в венском „Wiener - Neustadt" осенью 1928 г., в Сан-Лоренцене в авг. 1929 г., где хеймверовцы в кровопролитном нападении убили 13 рабочих. Осенью этого года в Австрии уже господствовала атмосфера гражданской войны. Крах „Учреждения земельного кредита" („Bodenkreditanstalt"), отказ в заграничных средствах и бегство капиталов, давление английского финансового капитала—все это приводит к власти кровавого начальника полиции, „человека порядка"—Шобера. И социал-демократия тепло приветствовала этого человека, которого рабочие после 15 июля ненавидели почти так же, как Зейпеля. Социал-демократия голосовала и за его изменение конституции, которое требовало для правительства исключительных диктаторских полномочий. Эта реформа конституции, вполне отвечавшая интересам хеймвера, была, так сказать, закладкой фундамента для фашистского сословного государства. Австрийская социал-демократия с этого времени непрестанно придерживалась политики „меньшего зла", сознательно отказываясь от решения вопроса силами еще совершенно не сломленного в эту пору австрийского рабочего класса.

Политический маршрут социал-демократии предписывался в это время Карлом Реннером. Он говорил: „Перед лицом этих обстоятельств на австрийской социал-демократии лежит двойной долг: она должна предоставить

буржуазным партиям время опомниться, чтобы они сами сумели освободиться от фашизма" („Что должно случиться в Австрии?" „Kampf", февр. 1930). Изумительный диагноз, устанавливающий, что фашизм и буржуазия две разные вещи. Так возникла новая теория, так наз. теория „отсрочки" („Pause"), которая должна была утешить рабочих надеждой на лучшие времена. Меланхолически рассуждая над этой пресловутой отсрочкой, тогдашний главный редактор „Рабочей газеты" писал: „Все то, что произошло в последние месяцы, конечно, не является поражением для австрийской рабочей партии, скорее это ряд решительных оборонительных успехов, гордое самоутверждение в борьбе с неблагоприятными обстоятельствами. Но внутренне это все же глубоко болезненный процесс" („Kampf", март 1926 г.).

Ряд таких „оборонительных успехов" растянулся надолго. Социал-демократия пошла на компромиссы в жилищном законе, в конституции и в законе против террора, который был полон всяких придирок и капканов для свободных профессиональных союзов. Фактическое соотношение сил вне парламента очень значительно ослабило позицию СП в парламенте.

Отдельные характерные этапы этого периода таковы: падение правительства Шобера осенью 1930 г., отчасти вследствие противоречий в самом правительственном лагере, отчасти под внешнеполитическими воздействиями; образование подчеркнуто реакционного правительства Вогуэна—Зейпеля — Штаремберга; последовавшее через шесть недель его падение по тем же причинам, как и падение Шобера, и его замена „демократическим" правительством Эндера (после тяжелого поражения христианских социалистов и хеймвера на выборах), которое фактически продолжало под новым флагом дело австрийской реакции; пропущенные мимо ушей советы КПА, предостерегавшей от преждевременных триумфальных славословий и неоправдываемого оптимизма, ибо решительный бой в лучшем случае только отсрочивался; изменения в составе правительства в связи с последовавшим в мае 1931 г. крахом крупнейшего австрийского банка—„Кредитанштальт", санация этого учреждения и избрание при поддержке социал-демократии союзного президента Микласа; разбившийся о сопротивление рабочих и о вмешательство Франции путч хеймвера 13 сентября 1931 г. и быстро последовавшее оправдание преданных суду вожаков; обострение международного положения вследствие побед национал-социалистов в Германии; выборы общинных советов в А. в апреле 1932 г., которые снова принесли тяжелое поражение христианским социалистам, в то время как СП в общем удержала свои позиции; значительные на этих выборах успехи КПА, которая всюду продвинулась вперед, и на ряду с этим избирательные успехи национал-социалистов.

Чтобы не потерпеть поражения от бурно продвигающихся всюду национал-социалистов, реакционным кругам пришлось поторопиться. С другой стороны, в лагере австрийской реакции в это время вовсе не было какого-либо особого оптимизма насчет возможности успеха. Рабочие были очень сильны и бдительны, шуцбунд успел восстановить свои боевые потери, в то время как австрийская реакция, раздираемая социальными, политическими и идеологическими противоречиями обнаруживала и в хозяйственном отношении значительные расхождения в интересах. К тому же и военная ее формация — хеймвер — была сильно разложена и ослаблена перебежчиками в лагерь наци. Да и общее хозяйственное положение, равно и международная ситуация тоже не открывали особенных перспектив для успешных политических экспериментов.

При таких условиях правительство перешло в руки мало известного дотой поры и неприметного Дольфуса. Парламентское большинство в один голос, с трудом достигнутое путем блокировки буржуазных партий, большинство, над которым так много иронизировали, было, однако, ему как раз на руку для того, чтобы дискредитировать парламент. Для этого метода систематического дискредитирования парламента, искусно применявшегося

Дольфусом, прекосходное поприще открывали главным образом исключительные постановления. Главный курьез этих исключительных постановлений заключался в том, что они опирались на *императорский* закон о расширенных полномочиях в области военного хозяйства 1917 г., который исходил из совершенно других предпосылок и ставил себе совсем другие цели. Этот шедевр юридической казуистики в истолковании и аналогии этого закона к тому же преподнесен был (в октябре 1932 г.), по примеру античных цезарей, в самой безобидной форме и в очень популярном одеянии: имелось в виду привлечь к ответственности директоров „Кредитанштальт"; но именно этот же закон послужил коварным орудием для всех покушений, какие в дальнейшем совершал Дольфус, чтобы расшатать и и ослабить рабочий класс в предстоявшем решительном бою.

До известной степени примером для образа действий Дольфуса был и государственный переворот, произведенный 20 июля 1932 г. Папеном в Пруссии, как и вообще в ту пору все события в Германии находили себе соответствующий отклик в А. По поводу одного кровавого нападения националистов на дом рабочих в рабочем районе Зиммеринг (Вена), во время которого застрелили двух националистов и одного стражника, Дольфус принял в состав правительства министром внутренних дел Фея, хеймверского майора, пресловутого кровопийцу и взяточника. С обострением положения в Германии заметно обострились и внутренние политические отношения в А. В январе 1933 г. раскрыта была, да еще к тому же социал-демократическими железнодорожниками, громадная перевозка оружия между Италией и Венгрией, тайно организованная австрийским фабрикантом боевых припасов и покровителем хеймвера Мандлем; это не мало способствовало решению австрийской реакции разгромить рабочие организации.

Захват власти Гитлером в январе 1933 г. и связанное с этим обострение международного положения в А.; возникшая вопреки желанию вождей забастовка австрийских железнодорожников против дальнейшего ухудшения их положения; „борьба" социал-демократии в парламенте против строгого наказания железнодорожников, 4 марта, и фарс с отставкой всех председателей национального совета, которую Дольфус назвал „самоисключением парламента"; террористические гитлеровские выборы после пожара рейхстага, 5 марта, и приведение в действие Дольфусом всего механизма исключительных положений, одним ударом отменившее свободу собраний, печати и все политические права граждан; провозглашение Дольфусом „авторитарного сословного государства" и необычайное возбуждение и боевая решимость рабочих; смехотворная инсценировка формального созыва парламента руководителями СП и оппозиционными великогерманцами, 15 марта, для обхода угрозы Дольфуса насилием; слабость дольфусовского режима, а также готовность австрийских рабочих ко всеобщей забастовке и вооруженному восстанию; саботирование руководителями СП предложения КПА о едином фронте и лихорадочное ожидание рабочими боевых лозунгов; готовность СП „к мирному распутанию положения" и кровавое издевательство правительства; кровавая борьба рабочих — социал-демократов и коммунистов — против хеймвера и жандармерии в Штирии и роспуск шуцбунда в апреле 1933 г.: таковы лишь отдельные подзаголовки к событиям тех напряженных дней.

Дольфус систематически продолжает теперь свою политику провокации и всяческого унижения рабочих. Он запрещает распространение „Рабочей газеты". Последовавшую вслед за этим забастовку полиграфических рабочих всех газетных предприятий руководители профессиональных организаций, однако, считают нужным прекратить, дабы не повредить переговорам о „мирном распутании". Это мирное распутание приняло такой вид, что Дольфус немедленно за ним возвел хеймвер в звание вспомогательной полиции и запретил празднование 1-мая. В социал-демократическом

партийном руководстве берут верх Данненберг и заведомо реформистские и оппортунистические провинциальные уполномоченные в качестве „испытанных тактиков в деле переговоров". Лозунг Данненберга был таков: „против революционных романтиков, за чувство ответственности". Эффектным дополнением к нему был другой лозунг Отто Бауэра: „сломить!" („niedermachen"!). Они обратились против бурно нараставшей левой оппозиции, которая политически и идеологически стала в значительной части приближаться к позиции КПА; политическое и моральное влияние КПА на социал-демократических рабочих выросло в такой же мере, в какой становилась очевидной для масс беспомощность и политическая неспособность руководителей СП, не умевших в ответ на кровавые фашистские провокации выдвинуть ничего другого, кроме ребячьих „демонстративных прогулок". Руководители СП видели в них особенно хитрое решение вопроса, „потому что ведь прогуливаться не запрещено". Но полиция знать не хотела этих гуляющих и каждый раз принималась жестоко расправляться с ними при помощи резиновых дубинок. В стиле этих прогулок и 1 мая должно было превратиться в „гигантскую прогулку", которая вследствие всеобщего напряжения и возбуждения на самом деле выразительно разыгралась под пулеметами и проволочными заграждениями полиции и войск.

Однако, еще до этого, неуклюже подражая герингговскому пожару рейхстага, арестовали около 1.000 коммунистов по поводу якобы найденных планов авантюрной попытки переворота („путча"), для того, чтобы как-нибудь оправдать последовавшее 26 мая запрещение КПА. КПА, предвидевшая подобную возможность, блестяще отразила удар предварительным переходом на нелегальное положение. Хотя рабочие протестовали против запрещения КПА, социал-демократия ограничилась судебным оспариванием „исключительного положения" (точь-в точь, как сделал это Лейпарт перед лейпцигским имперским судом). В ответ на это Дольфус отозвал всех членов Верховной конституционной судебной палаты или принудил их к отставке, т. е. фактически распустил Верховную конституционную судебную палату. Тогда социал-демократия обратилась со всенародным письмом к союзному президенту Миклясу, избранию которого она способствовала, и с призывом к принесенной им присяге соблюдать конституцию, но несмотря на 1.100.000 голосов, которые все таки удалось собрать, ровно ничего не последовало. Решительные выпады национал-социалистов и запрещение их партии (июнь 1933 г.) были введением к войне Дольфуса на два фронта, к чему его поощрял Муссолини. Этим запрещением клерикал-фашизм хотел избавиться от своих конкурентов, а СП воспользовалась этим поводом, чтобы открыто провозгласить политику „меньшего зла". Внешнее оправдание своей политики руководители СП нашли в решительном с виду выступлении Дольфуса против наци, с которыми он на деле беспрерывно вел переговоры, и в последовавшем в мае 1933 г. создании т. наз. „отечественного фронта", который по мысли Дольфуса должен был объединить все реакционные силы и в который насильственно загоняли всех сколько-нибудь зависимых от правительства людей — чиновников и служащих всех общественных предприятий.

Партийные и профсоюзные социал-демократические руководители прямо предлагали Дольфусу „гражданский мир" („Burgfrieden") против наци; больше того, они даже готовы были присоединиться к отечественному фронту. Политика же Дольфуса была примерно такова: помощь СП использовать, а в остальном — пинки. Необходимую для такого положения дел приправу по обыкновению состряпал Отто Бауэр, который находил диктатуру Дольфуса, несмотря на некоторые изъяны, все же вполне приемлемой. „Новый курс, конечно, можно назвать диктатурой, ибо выключение народного представительства, законодательство на основании чрезвычайных распоряжений правительства, времен-

ное прекращение, или даже ограничение важнейших свобод, выключение установленного конституцией контроля, — все это составляет сущность диктатуры. Можно назвать этот курс диктатурой буржуазии, ибо все видные слои буржуазии его поддерживают и видят в нем свое представительство. Но его еще нельзя назвать фашистской диктатурой („Kampf", июль 1933 г.).

Но этот недостаток еще можно было устранить. В той же статье Отто Бауэр буквально заявлял „неприступному" Дольфусу: „Мы, стало быть, не безусловно отклоняем исключительные диктаторские распоряжения, если они приняты согласно конституции". Но Дольфус в августе 1933 г. ездил к Муссолини в Риччоне и вернулся оттуда с планом подавления рабочих под маской оборонительной борьбы против наци (по международным соображениям). Последующее время до 12 февр. 1934 г. было полно внутренних разногласий и провокаций клерикал-фашизма, снаряжавшегося к последней борьбе. Пышный „католический съезд" (в сентябре), к которому приурочено было празднество освобождения от турок (имеется в виду 12/IX-1683 г., т.-е. 250-летие освобождения Вены от турок Яном Собесским, *см.* XII, 147), полное всяких политических намеков, был по своему внешнему оформлению грозным смотром австрийского фашизма. Несколько дней спустя Дольфус в произнесенной им речи уже прокламировал осуществление „авторитарного сословного государства".

Назначение кровопийцы Фея вице-канцлером и князя Шенбург-Гартенштейна военным министром уже намечало линии дальнейшего движения. Первым делом Фея было создание концентрационных лагерей. Вслед за этим была снова введена смертная казнь, отмененная в 1918 г., а также распространение военного суда по делам об имущественном ущербе, причиненном забастовкой. А социал-демократические вожди все еще уверяли возбужденных рабочих, которые, несмотря на озлобление, нервное напряжение и обессиление, требовали систематической подготовки к вооруженной обороне, что надо ждать еще дальше. „Решение — перед нами", — таково было стереотипное уверение с марта 1933 г., но активные и революционные элементы ясно и с возрастающей тревогой видели, куда клонилось дело. Ведь раньше также стереотипно говорили: „Австрия не Германия".

Радикализация и образование оппозиционных групп в недрах социал-демократии приняли угрожающие для режима формы со времени дольфусовского государственного переворота 7 марта. Отдельные группы уже начали смыкаться, устраивать конференции, выпускать свои платформы и газеты. Сильнее всего эти оппозиционные группы пустили корни в социал-демократическом фронте молодежи, в шуцбунде и в пролетарских спортивных организациях, а также порайонно в отдельных профессиях и предприятиях. Если это оппозиционное движение не всегда вступало на революционные позиции, то все же оно находилось идеологически и политически в сфере влияния ленинизма и КПА. Во всяком случае оно отражало необычайное озлобление и разложение широких рабочих слоев внутри социал-демократии и сдерживаемое лишь немногими оговорками устремление их к КПА, которая вполне была реабилитирована в их глазах после всякой клеветы, злонамеренных искажений и предрассудков, преподносимых австрийскому рабочему в течение полутора десятка лет.

Состоявшаяся 1 октября 1933 г. государственная конференция левых у Каленберга под Веной; то обстоятельство, что на партийном съезде 14 окт. впервые за послевоенное время выступила организованно оппозиция против всемогущего партийного руководства; демагогия этого руководства, выразившаяся в его „ом ложении" и создании т. наз. государственного партийного совета с целью перехватить и парализовать бунтарские голоса; постановка 4 пунктов, в зависимость от которых соц.-демократические руководители ставили вооруженную оборонительную борьбу и всеобщую забастовку, столь бурно требуемые рабочими;

одновременно с этим затыкание рта оппозиции лишением слова, угрозами аншлюса и всякими бюрократическими придирками; открытое подлаживание правого крыла СП и руководящих делегатов провинции к Дольфусу; глубоко пристыдившая всех честных социал-демократов дискуссия о сословном государстве, открытая изворотливым Отто Бауэром в ряде статей „Рабочей газеты", где он уже теоретически пытался показать, „что рабочему классу вовсе не следует безусловно отклонять развитие организаций, построенных на началах предпринимательских объединений"; наконец, постоянное выдвигание на первый план своих типографий, партийных домов и большого инвентаря собственности, принадлежащей СП, чем особенно дорожила многочисленная партийная и профсоюзная бюрократия, доходя до полного политического ослепления, — во всех этих фактах проявлялся глубокий кризис и далеко зашедший процесс упадка „австро-марксизма".

Клерикал-фашистская реакция готовилась к дальнейшим ударам. Для того, чтобы сделать невозможным прославленное жилищное строительство и социальное попечение социал-демократической общины Вены и лишить „красную Вену" всякой притягательной силы, на общину Вены в виде, так сказать, контрибуции стали налагать одну повинность за другой, опираясь на „исключительное положение". Равным образом систематически проводились обыски по домам и аресты, а также конфискация оружия. В декабре 1933 г. была „унифицирована" рабочая камера, находившаяся почти все цело в руках рабочих. В это время последовал и полный отход католических священников от общественной жизни, потому что церковь не хотела брать на себя предстоящее кровопролитие.

Последние свои надежды социал-демократия возлагала на за-границу, прежде всего на Францию и Чехословакию, которые должны были удержать Дольфуса от роспуска соц.-демократии и свободных профессиональных союзов. В то время, когда французским министром иностранных дел был Поль Бонкур, вмешательство с этой стороны обычно приносило свою пользу. Но тяготение Дольфуса к Италии и Венгрии, наступившее с приходом Гитлера, изменение в группировке европейских держав, мандат, полученный Италией от Франции насчет А. против Гитлера, — все это с самого начала сделало эти надежды тщетными. Что же касается наци, состоявших в оппозиции к Дольфусу-Фею-Штарембергу, то эта троица могла рассчитывать на их пассивное отношение, раз удар будет направлен против рабочих, тем более, что одновременно с этими же самыми наци велись многообещающие переговоры. Затруднительное положение левого блока во Франции ускорило длительно подготовлявшееся наступление австрийской реакции.

В январе 1934 г. при поддержке итальянского министра иностранных дел Сувича сделаны были последние приготовления. Муссолини предложил Дольфусу военную поддержку на случай осложнений, которые все же могли бы произойти как-нибудь. Руководство СП было до такой степени напугано и унижено, что на все издевательские провокации правительства оно отвечало предложениями соглашения, пренебрегая и чувством самоуважения, и настроением масс. Совершенно не считаясь с создавшимся положением, Отто Бауэр обратился за помощью даже к церкви, которую он заверял, „что классовая борьба может принять и уже приняла характер спора об истолковании энциклик" (папские послания „Quadragesimo anno" и „Rerum novarum", содержащие духовные основы христианского сословного государства, „Kampf", янв. 1934 г.) Больше того, в своем самоунижении и смятении президиум партии послал депутацию „религиозных социалистов" искать защиты к тому самому кардиналу Инницеру, который был в союзе с Дольфусом, Феем и Штарембергом.

Но в конце января 1934 г. хеймвер начал действовать сначала в Тироле, затем подряд во всех провинциях А. Реакционная пресса с сильней-

шим сочувствием приветствовала это „движение самозащиты". Одновременно и правительство снова приступило к конфискации оружия у шуцбунда и арестам первого состава его руководителей, в то время как в провинции хеймвер проводил уже занятие социал-демократических типографий и производил аресты. Дольфус тоже готов был нанести удар. На англо-французское вмешательство по поводу вызывающего опасение внутреннего политического положения Дольфус ответил удовлетворительным разъяснением. В руках Фея уже находилось полномочие на предстоящую кровавую расправу. А благочестивый католик Дольфус отправился на это время в Будапешт к Хорти и Гембешу.

Последние дни перед 12 февраля отмечены усилением натисков реакции. Полиция и армия лихорадочно производили поиски оружия и аресты известных шуцбундовцев с целью материально и морально ослабить рабочих к моменту решительного боя. Еще накануне нападения, 11 февраля, Фей в одном своем обращении к хеймверу сказал знаменательные слова: „Завтра мы примемся за работу и доведем работу до конца".

Кровопийца и вождь наемников Фей сдержал слово. Но лишь после применения пушек, гаубиц и танков, после многодневного обстрела рабочих жилых домов, лишь поставив на ноги все боевые силы, клерикал-фашизму удалось одолеть шуцбундовцев, боровшихся с неслыханным героизмом, несмотря на моральное ослабление, безнадежность и подавленность значительной части австрийского рабочего класса.

Наравне с Парижской коммуной принадлежат к славнейшим главам пролетарской освободительной борьбы февральские бои австрийского пролетариата. Имена героев Вейсселя и Мюнихрейтера, Валлиша, Свободы, Станека и многих других, повешенных клерикал-фашизмом, стали достоянием всего международного пролетариата, равным образом и славные воинские подвиги австрийского шуцбунда, а также жертвы и страдания австрийского рабочего класса, которые выпали на его долю при христианском виселичном режиме.

Не социал-демократические вожди, а рабочие спасли честь австрийского рабочего класса. Буквально до самых последних часов эти вожди, сдавая все укрепленные позиции, искали соглашения с Дольфусом, только бы сохранить безусловно ложные позиции. Правильный путь австрийским рабочим указывала только КПА, совершенно отчетливо сознававшая положение. В экстренном выпуске „Rote Fahne" от 10 февраля говорилось: „Разбейте фашизм, пока он не разобьет вас! Немедленно бросайте работу! Бастуйте! Снимайте соседние предприятия! Выбирайте комитеты действия в каждом предприятии для ведения борьбы! Выходите на улицу! Разоружайте фашистов! Оружие в руки рабочих! Всеобщая забастовка!"

Не случайно февральские бои начались в Линце. Здесь в месяцы накануне февраля сделала очень большие успехи КПА и находившаяся под ее руководством профсоюзная оппозиция. Не дожидаясь пароля партийного руководства и вопреки всем его попыткам затормозить выступление, не взирая на боевое утомление широких рабочих слоев вследствие многомесячной разлагающей тактики правительства и позорной тактики отступления социал-демократии, революционные рабочие взялись за оружие.

6. *Австро-фашистская внутренняя и внешняя политика.* За правительство Дольфуса стояла вся буржуазия: 1) промышленники, ожидавшие снижения заработной платы и разгрома социалистов и надеявшиеся на военные заказы; 2) банки и за одно с ними могущественное страховое учреждение „Феникс" (перекрестно связанное с рядом других предприятий), с целью избежать угрожавшего ему — вследствие растрат и халатного ведения дела—натиска вкладчиков и застрахованных, а также с целью уклониться от контроля; 3) крупное дворянское землевладение—из-за восстановления прежних привилегий и из-за барышей от принятого Дольфусом аграрного курса; 4) церковь—по тем же причинам,

а также вследствие намерений Ватикана создать из А. твердыню католицизма; 5) зажиточные середняки и кулаки, политически плетущиеся в хвосте у церкви и феодальной знати; 6) прежнее офицерство—частью из надежды на восстановление блестящего положения и разнообразного своего применения, частью из надежды на реставрацию; 7) домовладельцы, ожидавшие полной отмены защиты квартиронанимателей; 8) наконец, еврейская буржуазия—они боялись чистых „наци". Эти слои, в руках которых находятся ведущие хозяйственные и политические позиции, в союзе с оплаченными наемными солдатами, а также администрацией и бюрократией, несмотря на разложение все же функционировавшими, — таков чрезвычайно узкий социальный базис, на котором предстояло построить свое господство австро-фашистскому режиму.

В фашистской правительственной политике можно до настоящего момента (конец 1936 г.) различить четыре фазы: от 12 февраля до путча национал-социалистов 25 июля 1934 г.; дальше, — до начала итало-абиссинской войны в октябре 1935 г.; затем следующий промежуток, до падения Штаремберга, весной 1936 г., и, наконец, новейшая фаза—до соглашения с Гитлером 11 июля 1936 г.

В то время как в первой фазе А. играла роль моста между третьей империей и Италией и отношения клерикал-фашистов к наци оставались, следовательно, еще вполне благоприятными, они стали уже разлаживаться вследствие волны террора, поднявшейся накануне национал-фашистского путча, с тем, чтобы после путча и убийства Дольфуса превратиться в резкое расхождение. 25 июля 1934 г. несколько сот вооруженных национал-социалистов захватили в Вене радиостанцию, ворвались в помещение совета министров, взломали дверь, ведущую в кабинет Дольфуса, и нанесли ему две тяжелые раны, от которых он через несколько часов умер. Однако, правительство при помощи войск и хеймвера овладело положением. Арестом заговорщиков путч был в основном ликвидирован, а начавшиеся одновременно с венскими событиями вооруженные выступления наци во всей стране также через несколько дней были подавлены. С несомненностью установлена была связь путчистов с германскими национал-социалистами. Дальнейшая установка клерикал-фашизма в его отношениях к наци оставалась до самого последнего времени неодинаковой и отражала в каждый данный момент как внешнее и внутреннее политическое положение, так и, в особенности, противоречие в самом правительственном лагере. Во всяком случае между клерикал-фашизмом и национал-социалистами со времени путча неоднократно происходили открытые и тайные переговоры.

Третья империя после неудавшегося путча изменила свою тактику по отношению к А. Того, чего нельзя было сделать внутренней подрывной работой в администрации и бюрократии, в хеймверах и на отечественном фронте, должна была добиться дипломатия „католического" чрезвычайного посла Гитлера в А., пресловутого Папена. Соглашение с Гитлером—дело его рук.

В то время как в послефевральский период национал-социалисты не без некоторого успеха умели использовать чувство мести рабочих, — ибо путчистская идеология отдельных рабочих групп шла им навстречу,—во время и после путча обнаружилось, что фактически наци были совершенно оторваны от рабочих. После длительного периода бездействия нелегальное движение национал-социалистов снова зашевелилось зимой 1935 г. и стремилось с помощью антигабсбургских, антиклерикальных и антиитальянских лозунгов, а также с помощью демагогического требования всенародного голосования снова примазаться к нелегальному рабочему движению. Против опасных заблуждений относительно наци, сказавшихся у Отто Бауэра, а также у революционных социалистов, которые находились под сильным его влиянием, решительно высказался на VII мировом конгрессе Коммунистического Интернационала вождь КПА тов. Коплениг в след. словах: „Фронт мира никогда и ни в какой момент не может быть осущест-

влен путем какого бы то ни было сотрудничества, какой бы то ни было уступки по адресу обманывающего народ „народного фронта" национал-социалистов. Фронт мира и свободы со всею остротою должен быть обращен против наци".

Политика клерикал-фашизма по отношению к австрийскому пролетариату руководилась после февральских дней тем соображением, чтобы либо привлечь „обманутых" рабочих на свою сторону социальной демагогией, фиктивными уступками, поощрением перебежчиков, либо парализовать их силу как массовым кровавым террором, так и втискиванием в различные фашистские принудительные организации.

Социальная демагогия австро-фашизма выступала в самых разнообразных масках. К боевым лозунгам, заимствованным в порядке идеологического субабонемента у итальянского и немецкого фашизма — как, напр., „трудовая битва", „запуск промышленности военными заказами", „автаркия" и „добровольная трудовая служба" — присоединены были „боевики" отечественного происхождения: „распролетаризация пролетариата", „заселение городских окраин", „спасение альпийских крестьян", „кампания за снижение цен" и „борьба против картелей". Но ни один из этих маневров, так же как и отдельные „амнистии примирения" не могли смягчить глубокую и неугасимую вражду основной массы австрийских рабочих.

В области внешней политики австро-фашизм почти целиком поддался влиянию итальянского фашизма и был верным участником авантюристской итальянской политики. Кульминационным пунктом австро-фашистской подготовки к войне явился „бесшумный" государственный переворот Штаремберга 17 октября 1935 г., совершенный не без поддержки Муссолини; этим переворотом Штаремберг отделался как от своего соперника Фея, скомпрометированного путчем национал-социалистов и грязными делами, так и от „демократических" министров Бареша и Рейтера. К тому же этот переворот привел к подчинению всех военных организаций командованию Штаремберга. С точки зрения внутренне-политической этим, казалось, обеспечивалась победа хеймверовского движения в сторону „тотализации", в то время как с внешне-политической точки зрения все сводилось к тому, что Муссолини поддержал Штаремберга с целью удержать А. за собой.

Если итальянский курс австро-фашизма издавна не пользовался популярностью даже среди приверженцев последнего, то это, можно сказать, традиционное нерасположение к Италии усилилось к началу абиссинской войны, дойдя до форменных анти-итальянских демонстраций. К этому присоединились рискованные экспортные дела с Италией, а также неулаженные и отражавшиеся в правительственной политике противоречия австрийской буржуазии (хеймверовское и клерикальное крылья), растущая вражда рабочего класса, мелкого крестьянства и мелкой буржуазии вплоть до некоторых средних слоев,—все это вместе взятое принуждало австро-фашизм к изменению курса его внешней политики.

По мере того как положение Италии в связи с абиссинской войной стало ухудшаться, австро-фашизм (клерикальное крыло) начал понимать не только уменьшение ценности итальянской дружбы, но и свою неспособность держаться собственными силами. А поэтому он начал постепенно ориентироваться на Францию и Англию, обходным путем, через Малую Антанту. Этот краткий эпизод, отмеченный поездкой Шушнига в Прагу (быстро исправленную такими же поездками в Будапешт и Рим), пришел к быстрому концу, когда, после завоевания Абиссинии, муссолиниевский „костер беспокойства" стал разгораться все сильнее. И Гитлер, со своей стороны, делал все, чтобы помешать возможному повороту австрийского курса в сторону Франции и Малой Антанты.

При всей своей рискованности и двусмысленности, внешняя политика австро-фашизма в вопросе о защите австрийской независимости в общем была такова, что он и в этой фазе получал от Лиги наций обычную ма-

териальную поддержку (займы, конверсия займа, соглашение и моратории). Кроме того, ловкая иезуитская политика австро-фашизма умела так поставить вопрос о реставрации, чтобы он разрешен был не вопреки западным державам и Малой Антанте, а с их поддержкой или при их попустительстве. Габсбург оказывался как бы единственным крепким оплотом против завоевательных планов Гитлера, а вместе с тем внутри-политически единственной силой, способной консолидировать неустойчивое политическое положение.

Австро-фашизм неизменно ухитрялся извлекать выгоду из особенностей территориального положения и из неопределенности общего состояния Европы. Под этим углом зрения следует рассматривать и соглашение с Гитлером от 11 июля 1936 г. Истинно гитлеровская формулировка этого соглашения гласит: 1) в духе своей речи от 21 мая 1935 г. Гитлер признает полную независимость А.; 2) каждое из обоих правительств рассматривает господствующий в другой стране порядок как чисто внутреннее дело этой другой страны; 3) А. считает себя немецким государством и координирует свою внешнюю политику с внешней политикой Германии, что, однако, не затрагивает отношений с Италией и Венгрией. К этому надо сказать: в то время как соблюдение первых двух пунктов находится совершенно под вопросом, координирование австрийской внешней политики определенно указывает, каков должен быть курс внешней политики А.

7. *Социальные, политические и идеологические основы австро-фашизма.* Особенностями австро-фашизма являются: недостаток массового базиса, противоречия в недрах буржуазии и в правительственном лагере, скрытая, в большинстве случаев, вражда рабочего класса, политические противники в лице наци, отсутствие концентрации мелкой буржуазии, разложение бюрократии и исполнительного аппарата, а также недостаток идеологии, способной привлекать сторонников. По социально-экономической своей структуре австро-фашизм является своеобразным сплетением феодальной аристократии и поповства с разнообразнейшими представителями и формациями финансового капитала: торгового, промышленного и банковского. По политическому своему составу австро-фашизм распадается на следующие группы.

а) *Хеймверская группа* раньше была главным ударным отрядом австрийского фашизма. Под руководством князя Штаремберга и пресловутого кровопийцы майора Фея хеймверы совершили бесчисленные убийства и преступления при подавлении героически боровшегося в феврале 1934 г. австрийского пролетариата. Они в качестве сильнейшего представителя муссолиниевского курса до националистического путча 25/VII 1934 г. господствовали почти безгранично; с этого момента их влияние непрестанно умалялось по причинам внутреннего, а также и политического разложения всего руководящего их аппарата. Так, вскоре совершенно сведен был на-нет майор Фей, скомпрометированный темными своими махинациями во время националистического путча, а также всяческими коррупционными аферами. Подобная же судьба недавно постигла также многократно скомпрометированного Штаремберга. Позиции хеймверов подрывались в той самой степени, в какой росли влияние и мощь клерикальных групп, представителем которых является нынешний союзный канцлер Шушниг. Процесс этот ускорился постоянными угрозами путча со стороны хорошо вооруженных хеймверов, которых клерикальная группа опережала усиленным вооружением армии, являющейся ее опорой. Тот факт, что в октябре 1936 г. хеймверы, как вооруженная формация, могли быть бесшумно и бесславно распущены и введены в ряды т. наз. „фронтовой милиции", обнаруживает не только полную победу клерикального крыла, но и происшедшую в последнее время перемену во внутриполитическом соотношении сил вообще. Ныне австрийская армия является „единственным носителем оружия"; ей подчинена фронтовая милиция (амальгама из различных оборонных союзов отдель-

*

ных фашистских реакционных групп), и Шушниг является ее верховным командиром. По социальному своему составу хеймвер в деревне вербуется из сыновей кулаков и середняков, а также из зависимых сел.-хоз. рабочих, в промышленных районах—преимущественно из элементов люмпенпролетариата. Среднее руководство состоит из мелкобуржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции, сельской и городской, из австрийских офицеров и высших служащих в имениях, в то время как верхушка носит определенный феодально-аристократический характер. Идеологически хеймвер настроен крайне реакционно, фашистски—на итальянский образец. В то время как верхушка ориентируется исключительно на монархию, в низших пролетарских ответвлениях хеймвера замечаются антиклерикальные и национал-социалистические течения.

б) *Клерикальная группа.* Политическим исполнителем ее является союзный канцлер Шушниг, который, подобно Дольфусу, считает себя облеченным особой миссией и честно работает по заданиям „Katholische Aktion" („Католическое действие"). „Katholische Aktion" находится по руководством кардинала Инницера, прелата Фрида и пресловутого патера иезуита Бихльмайера. Военными формациями этой группы являются „штурмовые отряды Восточной марки". Социальную свою опору группа имеет главным образом в приверженцах прежней христианско-социальной партии, в крестьянах-середняках и отчасти в мелких крестьянах, в средних промышленных слоях, а также в разрозненных приверженцах различных социальных лагерей, которых католическая церковь приводит к общему политическому знаменателю. Эта клерикальная группа в лице своих верхов и высшей бюрократии „цефаучев" (Cevauer — по инициалам C. V.— „Cartell - Verband der Katholischen Studenten und Akademiker", „Картельный союз католических студентов и лиц с высшим образованием"), занимающих господствующие хозяйственные и социальные позиции, составляет подлинный центр воли и сознания австро-фашизма. Она сознательно исповедует католицизм, придерживается Габсбургов, реакционна и настроена против Пруссии. Клерикальная группа в последнее время заметно усилила свою руководящую роль. Она опирается прежде всего на монархический офицерский корпус. Так как „историческая" роль хеймвера ныне сыграна, эта группа стремится свалить вину за февральские ужасы на хеймвер, чтобы этим демагогическим маневром завоевать симпатии рабочих.

в) *Христианско - демократическая группа* политически и идеологически близка к клерикальной группе и представлена христианскими профессиональными союзами во главе с Куншаком, а также созданным властями профсоюзным объединением. Их вооруженная сила—так наз. Союз „свободы". Вожди этой группы являются противниками как хеймверовской тотализации, так и противниками наци; они стоят за примирение господствующего режима с рабочими. Но вместе с тем—они сторонники идей католической социальной монархии. Нелегательные „Свободные профессиональные союзы" (Freie Gewerkschaften) поддерживают теснейшую связь с насильственно—после 12 февр. 1934 г. — загнанными в „Объединение профсоюзов" (Gewerkschaftsbund) бывш. социал-демократическими рабочими, которые оказывают сильнейшее влияние на профсоюзный и политический курс „Единого профсоюза" (Einheitsgewerkschaft). Опыт последних боев в борьбе за труд показал, что нелегальные профсоюзы все больше и больше становятся их руководителями и выразителями. К этой группе можно причислить и известные слои „Крестьянского союза", группировавшиеся около бывшего министра земледелия Рейтера.

г) *Национальная группа* складывается из бывших великогерманцев и приверженцев „Земельного союза". Социальной ее опорой является академически образованная высшая и средняя бюрократия, а также сельская и провинциальная городская интеллигенция. Политически и идеологически она очень близка к наци. Хотя активные нелегальные наци—главным обра-

зом студенты, гимназисты и сыновья мелкого мещанства, не очень высоко ценят их из-за их политического оппортунизма, однако, естественно, не брезгуют использовать их под знаменем „определенно национальных людей" в качестве постоянного связующего звена с клерикально-фашистским правительством. Легальными политическими заправилами этой группы являются влиятельные областные начальники Глейснер и Рерль, которые в свою очередь находятся в теснейшей связи со свояком Геринга, бывшим австрийским министром Гуэбером (Hueber). Группа эта определенно враждебна Италии и католицизму. Бюрократический образ мыслей ее идейных руководителей делает ее противницей насилия, ибо она думает достигнуть гораздо большего путем переговоров и систематического разложения. Массовых единомышленников у этой группы ни в малейшей степени нет, как не имела их и великогерманская партия в пору своего расцвета.

д) *Группа католических идеологов* не имеет сколько-нибудь значительного круга приверженцев и состоит из отдельных писателей и интеллигентов, которые, однако, играют известную политическую роль в качестве доморощенных идеологов австро-фашизма. Сюда относятся: политически совершенно скомпрометированный и выведенный на чистую воду Э. К. Винтер, которому пришлось было непосредственно вслед за 12 февраля начать фашистскую примирительную кампанию; он—противник хеймвера и наци, консерватор и монархист. Далее — Иоганнес Месснер, Карл Лугмайер и проф. Гильдебранд и Кнолль, истинные идеологи христианско-фашистского сословного государства; они—архиклерикальны и противники наци. Наконец — Виктор Матейка, левый католик либерально-демократического направления и во всяком случае единственный из всей этой группы имеющий известный контакт с прежними социал-демократическими рабочими.

Социальные, политические и идеологические границы между этими группами, разумеется, не могут быть устойчивыми. К перечисленным группам должны быть отнесены на ряду с некоторым количеством крупных предпринимателей прежде всего монархисты, которые из тактических соображений избегают выступать самостоятельной политической группой. Так, доктор Визнер, уполномоченный на то Отто Габсбургом, ведет искусную политику „перекрестных связей", неизменно следуя принципу „стоящей над партиями социальной монархии". Теснейшим образом связанные со всеми политическими группами и течениями, за исключением, быть может, национальной группы, монархисты мало изменили свои позиции и после соглашения с Гитлером.

Новейшая эволюция в лагере буржуазии, роспуск и преобразование всех и в первую очередь вооруженных отрядов хеймверов, а также временное разрешение борьбы за господство в пользу клерикальной группы, — в известном смысле представляют упрощение политических группировок правительственного лагеря. Но в той же мере, в какой совершается этот процесс упрощения столь характерных для австро-фашизма сложных группообразований, происходит, так сказать диалектически, процесс постепенного выкристаллизовывания антифашистского народного фронта, который от промышленных и сельскохозяйственных рабочих тянется как к малоземельным, так и к мелким крестьянам и середнякам, но захватывает вместе с тем и мелких ремесленников, кустарей и мелких торговцев, служащих, интеллигентов и средние слои. Пока это только слои, которые сильнее всего ощущают хозяйственный и политический гнет австро-фашизма и которых все больше пугают внешне-политический авантюризм режима об руку с Муссолини, Гитлером и Хорти.

На первый взгляд эти группы, составляющие австро-фашизм, могут показаться противоречивыми и расходящимися в своих стремлениях, но в действительности у всех них один классовый знаменатель. Их сплачивает общий страх перед австрийским рабочим классом, а также общие интересы барыша и власти. Именно потому такое создание и приобрело известную

устойчивость и растяжимость, которая дает режиму внутреннюю политическую возможность по мере потребности и необходимости извлекать из богатого репертуара тот или другой валик.

Идеология австро-фашизма — точное отражение ее социально-экономического и политического базиса. За недостатком объединяющей все эти группы идеологии дело свелось к эклектической компиляции фашистских, консервативно-реакционных, клерикальных, монархических и консервативно-демократических идей. В то время как церковь пропагандирует христианское сословное государство во главе с Габсбургом и ревностно старается создать „канцлеру-мученику" Дольфусу легенду святости, в идеологический инвентарь Э.К. Винтера, Куншака, а также бывших министров Гросауэра и Добрецбергера входят идеи „общения народа" и „социальной справедливости". В то время как Штаремберг, который любит разыгрывать роль сурового рубаки, распинается за муссолиниевское корпоративное государство с окраской домородности, Шушниг пытается до известной степени олицетворять собой духовное начало. Именно он умеет прикрывать империалистически-монархические планы австро-фашизма громкими фразами об особой „австрийской культуре в духе барокко" и „католической имперской идее", о „культурной миссии Восточной марки в придунайских землях". Шушниг же сумел покрыть кровавую гримасу австрофашизма лаком ложной гуманности, паневропеизма и благородного мечтательства о культуре.

Таким образом, если искать объяснения для австрийского феномена, для того, как мог удержаться у власти до сегодняшнего дня этот австро-фашистский режим, отмеченный таким множеством противоречий, то оно заключается: во-первых, в ловком использовании особого положения А. во внешней политике, во-вторых, в ее экономической, социальной, политической и идеологической структуре, которые до сих пор делали возможным беспринципное политическое маневрирование. В конце концов и военные победы 12 февраля и 25 июля 1934 г. придали этому режиму известный престиж, в глазах буржуазии. Несмотря на значительное разложение, исполнительный аппарат оказался в руках правительства орудием, функционирующим относительно хорошо, и это сообщило правительству, и внутри страны и за границей, репутацию власти, хотя и сомнительной, но все же, при данных обстоятельствах, способной поддерживать „порядок".

Если, пожалуй, и правда, что более двух третей австрийского населения настроено враждебно правительству,— все же одними голосованиями свергнуть это правительство оказалось невозможно. Глубокий раскол среди австрийского пролетариата после февраля; трудный и часто прерываемый процесс собирания и прояснения; конечная кристаллизация двух главных направлений подпольно борющегося пролетариата: КПА и революционных социалистов (РС); длительная борьба КПА за объединение действий и за единый фронт; колебания, отступления и успехи в этой борьбе,—все это сильно замедляло развертывание единственной и сильнейшей силы против австрофашистской диктатуры. (См. об этом речь т. Копленига на VII мировом конгрессе КИ).

8. *Политический опыт боев и задачи австрийского рабочего класса.* Революционное событие огромной важности, пережитое рабочими 12 февраля 1934 г., было для десятков тысяч австрийских пролетариев связано с новым поразительным открытием, что только маленькая КПА вела последовательную революционную борьбу во все фазисы послевоенного времени. Десятки тысяч австрийских пролетариев только в феврале осознали как следует все значение гигантского дела создания Советского Союза и значение этого дела для мирового пролетариата. Февраль впервые открыл перед их сознанием великую историческую перспективу созревающего революционного кризиса и глубокие истины, содержащиеся в учении Ленина и Сталина. Это убеждение, порожденное горчайшим опытом, заставило их перейти от социал-демократии к КПА'

расставшись с иллюзиями и разочаровавшись, они теперь решительно и бесповоротно готовы были выступить борцами в великой освободительной борьбе жестоко угнетенного пролетариата. И в почти трехгодичной борьбе против австро-фашистского режима они вместе со старыми кадрами КПА срастаются в единое целое, сплоченное и готовое к борьбе.

КПА вырвала массы из столбняка малодушия и отчаяния после февральского поражения. Предпринятое КПА восстановление разгромленных рабочих организаций непосредственно после февральского восстания было решающей предпосылкой для организации борьбы масс против фашизма. И вопреки фаталистическому скептицизму бывших социал-демократических и профсоюзных чиновников, вопреки путчистским настроениям среди революционных рабочих, опять-таки КПА в упорной борьбе сумела доказать, что и в условиях фашизма и подполья возможно массовое революционное движение, о чем отчетливо свидетельствуют и недавние бои за рабочее дело. Положительным результатом этой работы является то, что австро-фашизму, несмотря на разнообразные социально-демагогические маневры, до сих пор не удалось вторгнуться в ряды пролетариата, расширить этим узкий свой базис и укрепить неустойчивое свое положение.

Февраль обнаружил не только полное крушение австро-фашизма, но и глубокий раскол в недрах социал-демократии между революционным пролетариатом и реформистской мелкой буржуазией: только железная скоба партийной организации объединяла их. Эта скоба, до той поры связывавшая в организационное, но не в политическое и идеологическое единство сотни тысяч революционно настроенных рабочих с мелкобуржуазными реформистами, теперь лопнула. Значительная часть этих революционных рабочих ушла в КПА, другая, которая не могла окончательно оторваться от социал-демократической идеологии и в то же время искала новой революционной ориентировки, положила начало организации революционных социалистов. „В Австрии, в феврале 1934 года среди элементов, взявшихся за оружие, было еще очень сильно влияние социал-демократической идеологии. Это помешало им поставить и развернуть борьбу, как действительную борьбу за власть“ (Эрколи, „Проблемы единого фронта“, КИ от 20 авг. 1935 г., стр. 1347).

Не из стремления к новшеству, а несомненно из революционной потребности политически и идеологически отгородиться от скомпрометированного реформистского прошлого, избрали эти революционные рабочие свое наименование „революционные социалисты“. Естественно было и то, что они—если не говорить о некоторых колебаниях и неясностях—настолько приблизились к позициям ленинизма и КПА, что к первой годовщине 12 февраля не только осуществились единство действия и единый фронт, но уже можно было серьезно обсуждать вопрос об организационной смычке обеих партий. Но с тех пор под влиянием Отто Бауэра, 2-го Интернационала, троцкизма и сектантских уклонов среди РС проявились такие тенденции, которые политически наносят огромный вред единому и народному фронту.

КПА завоевала руководящее политическое положение в австрийском пролетариате, несмотря на тягчайшие преследования, несмотря на то, что почти по всем вопросам революционного строительства, по всем вопросам стратегии и тактики ей приходилось бороться и с реформизмом, и с Отто Бауэром, и с недоверчивыми и сектантствующими элементами РС. С 12 февраля 1934 г. КПА приняла на себя высокое историческое обязательство и ответственность, во-первых, потому, что она в сознании масс сделалась центром революционной энергии в борьбе против фашистской диктатуры; во-вторых, потому, что австрийский рабочий класс стоит на самом передовом фронте международной классовой борьбы и может победоносно выдержать эту борьбу только последовательной революционной политикой.

Центральные лозунги теперешней борьбы, уже вступившей в полосу успешного наступления и образования антифашистского фронта, таковы: борь-

ба за мир, за свободу и независимость А., борьба за восстановление демократической республики и всех отнятых свобод.

Борьба на предприятиях за материальные требования есть в то же время и исходный пункт для борьбы за требования политические. Угрожающая унификация или реставрация Габсбургов предъявляют к партии очень высокие требования в смысле политической стратегии и тактики. Ибо, как в области профсоюзной и внутренней политики, так и перед партией стоит задача воспитать массы для реалистического мышления и во внешней политике. Особое внешнеполитическое положение А. в свое время служило социал-демократии желанным устрашающим средством для того, чтобы удерживать рабочих от всякого революционного действия указанием на возможность вступления чужих войск. Нет реформистского лозунга популярнее этого; уже в революционные дни 1918 г. и во все послевоенное время его усердно вколачивали в массы. Устранить парализующее влияние этой идеологии, растолковать массам, что именно это особое внешнеполитическое положение А. дает возможность революционному пролетариату, как вождю складывающегося в борьбе за политическую свободу народного фронта, вести борьбу против австро-фашизма, — такова важнейшая задача Коммунистической партии А.

Источники. Для статистических данных: „Statistisches Handbuch d. Österreichischen Republik", „Statist. Nachrichten d. Bundesamtes für Statistik", „Monatshefte d. Öster. Konjunkturforschungsinstituts", „Statist. Jahrbuch d. Arbeiterkammer" и „Kompass" за различные годы. Далее журналы: „Der öst. Volkswirt", „Das Archiv für Banken und Bankiers", „Die Börse", „Industrie", „Wiener Wirtschafts Woche". Для политической части: за различные годы „Der Kampf", „Kommunistische Internationale", а также австромарксистская литература. Важнейшие работы: „Österreich — Brandherd Europas" (Universumbücher, Zürich, 1934); *Pertinax*, „Österreich 1934"; подпольная литература австр. коммунистич. партии и революционных социалистов (с февраля 1934 г.).

Декабрь 1936 г.

VII. Венгрия (*ср.* XLVII, 310 сл.). 1. *Общая картина кризиса.* Относительная стабилизация капитализма совпадает в В. с оздоровлением финансов страны при помощи Лиги наций (1924—1926). Валюта стабилизуется, цены начинают подниматься. Государственный банк снижает процент до 6, иностранный капитал начинает опять вливаться в страну. Продукция индустрии поднимается, количество безработных падает. Урожай 1926 г. меньше, чем в предыдущем году, но повышение цен на сельскохозяйственные продукты, сужение ножниц, дешевизна краткосрочного кредита влияют благоприятно на доходность сельского хозяйства. Значительно повышается сумма сбережений в банках. Оживляется внешняя торговля, хотя и ее баланс остается пассивным (64,3 млн. пенге). Восстанавливается равновесие государственных финансов. В конце 1926 г. экономисты с удовлетворением констатируют, что „Венгрия вступила в первый период конъюнктурного подъема". Следующий 1927 г. оправдывает эти ожидания. Увеличение продукции сопровождается бурным подъемом потребления. Стоимость промышленной продукции поднимается по отношению к предыдущему году на 20%. Оборот внешней торговли достигает рекордных цифр: 2 млрд. Потребление искусственных удобрений повышается на 94%. Сумма национального дохода достигает 4,3 млрд. пенге. Все же этот подъем сопровождается некоторыми тревожными явлениями. Во второй половине года ножницы снова расширяются. Увеличивается пассивность баланса внешней торговли. Растет размер задолженности. В 1928 г. хотя и продолжается подъем продукции, но оборот промышленных товаров уже далеко отстает от их продукции, и экономисты констатируют, что этот год является менее благоприятным, чем предыдущий. Во многих областях констатируется уже стагнация и, по словам одного видного экономиста, Поповича: „не совершилась консолидация наиболее важных предпосылок восходящей конъюнктуры". Другие явления, наоборот, уже указывают на нисходящую линию конъюнктуры, которая, однако, „все-таки не угрожает превратиться в кризис" (*Варго*, „Экономический 1928 г.," „Пестер-Ллойд" от 25 дек. 1928 г.). Больше всего тревожит падение хлебных цен на 7—8%, которое совпадает с неурожаем вследствие засухи.

В 1929 г. увеличивается количество тревожных симптомов в экономической жизни, и, несмотря на дальнейший подъем в отдельных отраслях, ощущается неуверенность экономического положения. Урожай в этом году—средний, но цены все больше и больше падают. Импорт капитала прекращается почти целиком, но промышленная продукция еще не падает, а потребление угля и продукция железа поднимаются. Равновесие государственного хозяйства вследствие уменьшения доходов нарушается. Отсутствие денег всесторонне ощущается, и этот год уже характеризуется как год депрессии, „которая для неимущих слоев населения носит в себе симптомы кризиса“ [1]). Все эти симптомы углубляются и расширяются в 1930 г., который уже является годом ярко выраженного кризиса всей экономической жизни страны. Урожай уменьшается как количественно, так и качественно. Сильное падение сельскохозяйственной продукции влияет на потребление промышленных продуктов. Уровень жизни широких слоев понижается до угрожающих размеров. При падении потребления пищевых продуктов единственно, что повышается,—это оборот ломбардов. „Только от одного сельского хозяйства отпадает 20% национального дохода. Безработица повышается, количество безработных в промышленности достигает 224 тыс. чел., что составляет больше 35% всей численности рабочих. Совершенно подорвана вера в жизнеспособность и возрождение страны, общественное настроение охватывает паника. Национальный доход, который в 1928 г. равнялся 4,3 млрд. пенге, в 1931 г. уже не перевышает 2,5 млрд., из которых почти 50% поглощают налоги и другие государственные и т. п. обложения“ (д-р *Вольфганг Геллер*, „Die Zukunft der Eingliederung Ungarns in die Weltwirtschaft“, „Weltwirtschaftlicher Archiv“, т. 37, 1933, 1_2). В следующие 1931 и 1932 гг. продолжается то же движение. Шлагбаумы внешней торговли закрываются, в течение пяти кварталов капиталисты теряют 700 миллионов своих сбережений. Падает продукция как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Потребление сильно сокращается. Увеличивается безработица. Народный доход падает все ниже. Во второй половине 1932 г. появляются признаки перехода к депрессии; однако, те надежды, которые возлагала на этот год венгерская буржуазия, не оправдались. „Надо откровенно констатировать, что в Венгрии пока ни одного симптома экономической жизни нельзя расшифровать как выход из кризиса“[1]). Надежды венгерской буржуазии начинают оправдываться только в 1933 г. и то частично. Во втором квартале появляется некоторое улучшение, а два последних квартала показывают подъем. Несмотря на это, общая сумма народного дохода понижается и дальше на 200 млн. Констатируется и некоторый рост безработицы. Вследствие этого этот год, который вместо ожидаемой пышной конъюнктуры не выходил из рамок депрессии, называется годом „неоправдавшихся надежд“. Разница между отдельными кварталами, дальнейшая стагнация некоторых отраслей продукции недвусмысленно доказали, что эта депрессия является депрессией особого рода. Экономическая кривая больше напоминает кривую температуры больного лихорадкой, чем кривую выздоравливающего. В 1934 г. продолжается медленное улучшение, но колебания остаются характерными. „В этом году не было почти ни одного месяца, в котором не нужно было бы опасаться за судьбу этих тенденций к улучшению“. Достигнутые в отдельных отраслях результаты были построены на усиленной эксплоатации рабочих и крестьянских масс. Колебания конъюнктуры были вызваны классовыми противоречиями и с своей стороны содействовали их обострению, а также потере чувства уверенности в себе у буржуазии. В оценке положения господствовал и до сих пор пессимизм. „Думали, что конец упадка и начало подъема — одно и то же. Это оказалось опять ошибкой, потому что уже в течение двух лет приостано-

[1]) *Вago*, „Экономический 1930 год“ („Пестер Ллойд“, 25 дек. 1930 г.).

[1]) *Вago*, „Экономический 1933 год“(„Пестер Ллойд“, 25 декабря 1933 г.).

вился процесс падения продукции, цен и доходов, также и давление неизбежной судьбы не висит над душою, но мы не имеем подъема. Период упадка кончился, кризис продолжается с неизменной силой" („Пестер Ллойд", 25 дек. 1934 г.). Закончившийся 1935 г. представляет такую же картину. Медленное улучшение чревато противоречиями. Тревожно положение в отдельных отраслях продукции: повышение роста продукции за счет роста эксплоатации, колебания условий реализации товаров, стагнация доходности. Венгерская буржуазия встречала 1936 г. не с меньшими опасениями и в то же время не с меньшими надеждами, чем она встречала годы кризиса. Ее пугает, что депрессия при нормальных условиях не превращается в благоприятную конъюнктуру. Она надеется, что война может вызвать ненормальные условия и что тогда давно ожидаемая конъюнктура будет налицо. И опасения и надежды гонят венгерскую буржуазию на путь военных авантюр.

2. *Аграрный кризис.* Воздействия кризиса на сельское хозяйство в отношении объема продукции, а также ее реализации не получают яркого выражения. Если мы проанализируем площадь главных продуктов полеводства (см. табл. I), то увидим, что площадь под пшеницей по сравнению с 1928 г. падает в 1929, 1932 и 1933 гг., но это падение незначительно и не превышает колебаний в другие годы. Также не показывает существенного изменения площадь под рожью. Площадь же под ячменем растет постоянно (на 15%), а также площадь под картофелем (на 12%); растет также и площадь под кукурузой. Наблюдается существенное падение площади под сахарной свеклой (приблизительно 40%).

I. Динамика посевных площадей (в 1.000 йохов).

Название \ Годы	1927/28	1931	1932	1933	1934	1935
Пшеница	2.414	2.820	2.667	2.767	2.758	2.816
Рожь	1.130	1.044	1.092	1.177	1.139	1.088
Ячмень	458	819	815	845	853	880
Овес	1.844	419	406	402	899	889
Кукуруза	1.858	1.913	2.043	1.980	1.975	9.025
Картофель	463	493	518	520	506	527
Сахарная свекла	117	94	73	76	78	76
Свекла кормовая	188	215	228	224	227	—

II. Валовая продукция важнейших видов полеводства (урожай в 1.000 центн.).

Названиве \ Годы	1928	1931	1932	1933	1934	1935
Пшеница	27.001	19.745	17.544	26.224	17.642	20.140
Рожь	8.277	5.504	7.695	9.654	6.193	6.760
Ячмень	6.677	4.761	7.191	8.414	5.439	5.780
Овес	3.995	1.940	3.157	3.576	2.594	2.240
Кукуруза	12.596	15.177	24.320	18.090	20.981	14.870
Картофель	14.705	14.475	15.574	18.556	21.187	14.230
Свекла сахарная	14.377	9.662	9.442	9.440	9.222	7.250
Свекла кормовая	22.384	20.628	26.883	29.839	29.744	—

III. Средний урожай с йоха.

Названиве \ Годы	1928	1931	1932	1933	1934	1935
Пшеница	9,3	7,0	6,58	8,86	6,6	7,15
Рожь	7,3	5,3	7,04	7,86	5,55	6,21
Ячмень	9,5	5,8	8,81	8,94	6,55	6,92
Овес	8,7	4,6	7,76	7,85	6,68	5,71
Кукуруза	6,8	7,9	11,90	8,78	10,75	7,09
Картофель	81,9	29,4	30,90	36.3	42,01	27,12
Сахарная свекла	123,7	102,5	115,46	123,75	119,19	96,94

Иную картину дают сборы урожая. К урожаю пшеницы в 1928 г. приближается только урожай 1933 г. Урожай же 1934 г. ниже урожая 1928 г. на 33%, а урожай 1935 г.—на 25%. Урожай остальных зерновых культур, за исключением овса, после наибольшего падения в 1931 г., в 1933 г. достигает и даже превышает урожай 1928 г., но в 1934 — 1935 гг. он опять уменьшается на 20 — 30%. Урожай корнеплодов, за исключением сахарной свеклы, сильно превышает урожай 1928 г. до последнего 1935 г., когда вследствие засухи урожай картофеля понизился на 33%. Понизился и урожай кукурузы на 25%.

Эту картину дополняют индексы цен продуктов полеводства:

1928 г.	100	1932 г.	42
1929 г.	70	1933 г.	32
1930 г.	54	1935 г.	45
1931 г.	51		

Если проанализировать не результаты продукции, а стоимость продукции полеводства в денежном выражении, то последствия кризиса, если и не со всей полнотой, то во всяком случае достаточно выразительно развертываются перед нашими глазами. Стоимость продукции полеводства равнялась (в млн. пенге) [1]):

1928 г.	2.783,0	1932 г.	1.279,4
1929 г.	2.623,0	1933 г.	1.025,0
1930 г.	1.572,7	1934 г.	1.052,7
1931 г.	1.340,1	1935 г.	1.240,0

Стоимость продукции полеводства в 1933 г. сравнительно с 1928 г. понизилась на 66%, и в 1935 г. номинальные потери составляют 55%.

Если результаты продукции полеводства дают картину кризиса лишь при учете цен, то статистика животноводства во время кризиса сама по себе показывает картину последовательного падения поголовья, вплоть до 1935 г., когда кривая поголовья хоть и медленно, но начинает повышаться (см. табл. IV). Динамика стоимости продукции животноводства выражается в следующих абсолютных цифрах (в млн. пенге) и в индексе:

1928 г.	776,2 = 100	по данным Конкой-Тэгэ
1929 г.	864,2 = 111	
1930 г.	791,9 = 102	
1931 г.	617,3 = 80	
1932 г.	548,8 = 71	
1933 г.	505,0 = 65	
1934 г.	578,2 = 76	по данным Ваго
1935 г.	593,2 = 78	

Экспорт сел.-хоз. продуктов ярко выражает уменьшение доходов сельского хозяйства. Стоимость экспорта выражается в следующих цифрах:

~~1928 г.~~	~~586,8~~	~~млн. пенге~~	~~= 100~~
1929 г.	770,2	„ „	= 131
1930 г.	643,2	„ „	= 110
1931 г.	372,9	„ „	= 64
1932 г.	211,1	„ „	= 36
1933 г.	273,0	„ „	= 47

[1]) 1928/33 гг. по данным д-ра *Конкой-Тэгэ*, „Положение сельского хозяйства", „Сел.-хоз. обзор", 1934, № 23; 1934 и 1935 г. — из цитированного труда Ваго.

IV. Численность скота (в тысячах).

Годы	Крупный рогатый скот	Свиньи	Лошади	Овцы	Козы
1928	1.811,6	2.661,5	917,9	1.566,3	198,3
1929	1.819,3	2.582,2	892,1	1.573,1	237,9
1930	1.784,6	2.361,5	860,3	1.463,8	221,8
1931	1.813,8	2.714,6	864,5	1.444,4	240,2
1932	1.818,8	2.361,1	845,5	1.210,4	227,4
1933	1.696,6	1.899,4	819,8	1.056,2	228,4
1934	1.677,7	2.502,1	803,0	1.087,4	258,7
1935	1.755,5	3.175,8	806,5	1.227,5	298,5

V. Стоимость вывоза животных.

Годы	Крупный рогатый скот		Свиньи		Лошади		Овцы	
	штук в 1.000	стоим. в млн. пенге	штук в 1.000	стоим. в млн. пенге	штук в 1.000	стоим. в млн. пенге	штук в 1.000	стоим. в млн. пенге
1926	91	58,3	158	29,7	80	16,0	89	1,6
1929	89	61,4	273	74,8	30	13,4	42	1,9
1931	101	56,5	105	19,5	16	8,5	65	2,3
1932	52	18,3	117	18,4	19	5,0	74	1,8
1933	72	21,8	160	24,0	28	6,9	55	1,5

Что касается обложения сельского хозяйства, то по данным журнала „Кэтэлэк" обложение налогом одного йоха выражается (в пшенице) в 1927 г. 45 *кг*, в 1928 г.—58 *кг*, в 1929 г. — 63 *кг*, в 1930 г. — 80 *кг*, в 1933 г. — 123 *кг* („Венг. статист. обозр.", 1934, № 6). По данным „Сельско-хозяйственного обзора" (орган „Сельско-хоз. палаты", № 1, 1934) надо оценивать общую стоимость прямых налогов, не считая деревенских и церковных, в 319,3 пенге на каждого налогоплательщика. Деревенские и коммунальные налоги по некоторым источникам равнялись в 1928 г. 43%, а в 1932 г.—55% государственных налогов.

В 1926-1927 бюджетном году налоговое обложение на каждую душу равнялось 73 пенге, а в 1929-1930 бюджетном году — уже 141 пенге. Эти же сведения министерства финансов показывают, что налоговое обложение одного налогоплательщика в среднем превышает 300 пенге. Из этого видно, что налоговое обложение в сельском хозяйстве, несмотря на колоссальное уменьшение его доходов, не только не уменьшилось, а значительно возросло. Государство собирает налоги под 25 названиями, комитаты и коммуны — под 95 и другие юридические общества—под 6, так что вполне возможно, что какой-нибудь налогоплательщик должен платить налоги по 126 разным названиям (см. *Диосеги*, „Сельское хозяйство и его обложение").

Во время инфляции сельское хозяйство избавилось от задолженности. Но уже в 1932 г. его задолженность приблизилась к 2 млрд. пенге. В 1933 г. задолженность сельского хозяйства превышает 2,3 млрд. пенге. Процесс роста задолженности был остановлен в 1933 г. правительственным распоряжением о моратории, вследствие чего кредитоспособность сельских хозяев утерялась почти целиком. Предприятия должников составляют 49% всех предприятий, а ежегодные проценты, которые они должны платить, — 132 миллиона.

Принимая все это во внимание, последствия аграрного кризиса можно подытожить следующим образом:

Общая стоимость валовой продукции сельского хозяйства[1]):

1928 г.	3.559.210 пенге	1932 г.	1.828.322 пенге
1929 г.	2.893.712 „	1933 г.	1.530.083 „
1930 г.	2.384.754 „	1934 г.	1.842.471 „
1931 г.	1.957.468 „	1935 г.	2.018.800 „

Чистый доход сельского хозяйства[2]):

1928 г.	2.147.646 пенге	1932 г.	1.091.308 пенге
1929 г.	1.809.296 „	1933 г.	996.006 „
1930 г.	1.115.209 „	1934 г.	990.792 „
1931 г.	1.134.849 „	1935 г.	1.039.900 „

То же самое выражаем в индексе:

1928 г.	100	1932 г.	51
1929 г.	81	1933 г.	43
1930 г.	66	1934 г.	43
1931 г.	55	1935 г.	50

Эти данные говорят за то, что уменьшение общей доходности сельского хозяйства равняется 10,5 млрд., уменьшение же чистого дохода — 6,75 млрд. пенге (за период кризиса и депрессии).

3. *Положение крестьян и сел.-хоз. рабочих.* Действие аграрного кризиса, о чем свидетельствуют вышеприведенные цифры, представляется еще более катастрофическим, если проанализировать их с точки зрения классовой дифференциации деревни. Официальная статистика не дает сведений по этому вопросу, но мы имеем некоторые характерные цифры.

Общий средний урожай пшеницы в 1931 г.—7 центн., в 1932 г.—6,6, в 1934 г.—6,6 центн. (с одного йоха). Разница же урожайности крупных имений (свыше 100 йохов) и крестьянских хозяйств за эти же годы (выражая в процентах) равняется 30, 35 и 37% за счет мелких и в пользу крупных предприятий. В 1934/35 гг. распределение урожая пшеницы таково: в крупных имениях—6.396.643 центн., средний урожай с йоха—8,67 центн.; в крестьянских хозяйствах — 13.728.798 центн., средний урожай — 6,61 центн. Таким образом, разница в среднем урожае (2.075.339 йохов крестьянских земель под пшеницей, средний урожай которых на 2,06 центнеров ниже урожая помещичьих земель) равняется 4.281.378 центн., стоимость которых, исходя из цен 14 пенге за центнер, составляет 60 млн. пенге. Мы видим, следовательно, что мелкое хозяйство гораздо больше, чем крупное, затронуто кризисом.

[1]) Д-р *Конкой-Тэгэ*, „Положение сел. хозяйства" („Сел.-хоз. обзор", 1934, № 8).

[2]) *Варга*, „Экономич. положение Венгрии" („Пештер Ллойд", 25 декабря 1935 г.).

Мелкое хозяйство при продаже в розницу пшеницы теряет 8% в цене, молока—40 - 50%, коровы—19%, быка—7%, телят — 19%, выкормленных свиней—11%, невыкормленных—30%, продуктов птицеводства—36 - 56%, а при закупке промышленных продуктов—14 — 40% [1].

Исследование доходности, проведенное проф. сельско-хоз. академии Югошом в 126 крестьянских хозяйствах, показывает, что значительная часть крестьянских хозяйств перестала быть доходной и что крестьянам приходится терпеть убытки. По этим сведениям чистый доход одного йоха в 1929 г. составлял 23 пенге, в 1930 г. — 33,37, а в 1931 г. — убыток составлял 23,80, в 1932 г.—15,38 пенге.

Задолженность крестьян сильно превышает задолженность помещиков, и задолженность мелкого крестьянина превышает задолженность кулака. Выше мы указали, что 49% всех предприятий имеют задолженность банкам. Размер задолженности различных категорий землевладельцев на 1 йох следующий:

1 до	10	йохов	676,07
10 „	50	„	433,49
50 „	100	„	327,62
100 „	500	„	315,28
500 „	1.000	„	305,14
свыше	1.000	„	243,56

В результате этого процесса было продано с молотка в 1931 г. 16 тыс., а в 1932 г. — 18 тыс. крестьянских хозяйств, не считая принудительных продаж, совершенных во избежание продажи с молотка и число которых, наверное, превышает вышеуказанные цифры.

Если положение крестьян как в области продукции, так и в области ее реализации хуже положения помещиков, то прямо катастрофическим является положение тех мелких крестьян, которые не могли существовать на доходы от собственного хозяйства даже при нормальных условиях и были вынуждены итти наниматься. Найти работу в промышленности во время кризиса было невозможно. В сельском хозяйстве даже при нормальных условиях была хроническая безработица. В годы кризиса безработица увеличилась еще больше, вследствие чего заработная плата неслыханно понизилась. Это тяжело затронуло сельский пролетариат и крестьян-полупролетариев. Занятость этих категорий составляла раньше 200 дней в году, т.-е. лишь 60% возможной занятости. Количество рабочих дней в году уменьшилось в 1930/31 гг. до 150, а в 1932 г.—до 130. Таким образом, сельский пролетариат и мелкое крестьянство потеряли в 1931 г. 64 млн. трудодней[1]). Уменьшение заработной платы за период с 1926 по 1933 г. составляет 50% (там же). Заработная плата мужчины в 1926 г. составляла 4,29 пенге в день, в 1931 г. — 2,27 пенге по официальным данным министерства земледелия. По другим источникам, заработная плата не превышает 1 — 1,5 пенге. Заработная плата наличными часто отменяется, и рабочий получает лишь питание. По официальным данным годовой заработок постоянных сельскохозяйственных рабочих в 1929 г. составлял 750, а в 1932 г. — лишь 450 пенге, т.-е. убыток 225 тыс. постоянных рабочих составляет 75 млн. пенге (40% их заработка по сравнению с 1929 г.). Считая, что члены их семей соетавляют 378 тыс. душ, на одну душу, таким образом, в 1932 г. падает 170 пенге в год, т.-е., приблизительно, 0,50 пенге в день. Лидер партии мелких сельских хозяев Экхардт в своем парламентском выступлении оценивает заработок постоянных сел.-хоз. рабочих в 1934 г. по 37,5 геллеров на день („Пестер Ллойд" 18 марта 1936 г.). Но есть источники, по которым и эти цифры являются преувеличенными: согласно им годовой доход 3-х миллионов не превышает 120 пенге, из них годовой доход $1^1/_2$ миллионов не превышает 50 пенге. Таким образом, ежедневная сумма, на которую 1 человек должен обеспечить все свои расходы на жизнь, не превышает 14 геллеров, а в отдельных районах—7 геллеров (см. там же, а также ниже). Еще меньше заработок поденщиков, не являющийся постоянным. Они работают при таких усло-

[1]) Д-р *Халач*, „Уроки отчетов сел.-хоз. продукции" („Сел.-хоз. обзор", 1935, № 11/12, стр. 407, 503)

[1]) *М. Матолчи*, „Безработица в сельском хозяйстве Венгрии", Будапешт, 1933.

виях, которые даже фашисты оценивают, хоть и не без демагогии, как восстановление крепостничества, но в худшей форме, чем раньше, потому что „функции прежних дворян выполняют зажиточные крестьяне“ [1]).

Председатель секции Союза венгерских врачей, исследуя санитарные условия деревни, констатирует: „Сельскохозяйственные рабочие, карликовый крестьянин и большинство мелких крестьян не могут заработать минимум существования. Отсюда понятно, почему они плохо питаются, ходят в лохмотьях; почему их косит туберкулез; почему они не вызывают врача; почему так велика смертность детей в возрасте до 1 года“ (д-р *Кербольт*, „Больная деревня“, Будапешт, 1934). Положение венгерской деревни в начале кризиса описывает один писатель в своей книге „Три миллиона нищих“. Эти три миллиона нищих в статистике фигурируют как сельскохозяйственные рабочие и мелкие крестьяне. „В некоторых краях количество неграмотных достигает 32%, но можно ли удивляться этому при наличии таких сапог и таких рубашек, в которые одета беднота, когда в маленьких глиняных избушках печи холодные“. Потребление хлеба сельскохозяйственным населением в 1934 г. на 10 млн. центн. ниже нормального [2]). Дети крестьян питаются в общем ненормально. Из них только 2% получают более или менее нормальное питание. Этот процент в некоторых краях достигает 8, но больше — нигде. В 1934 г. по сравнению с 1927 г. доход деревенской бедноты уменьшился на 62%, количество потребления хлеба — на 22% и расходы на хлеб — на 78% (там же). Ту же картину мы видим из обследования питания школьников, проведенного Социографическим трудовым обществом во всех деревнях. Из них одна деревня, Тард, с населением в 2.317 душ: здесь из 100 рационов 64 состоят исключительно из мучного, включая сюда же и хлеб. Чаще всего обед, ужин или завтрак состоят лишь из хлеба. Крупнейший лавочник этого села продает в год всего 60 *кг* сахара. Только незначительная часть детей получает ежедневно горячую пищу. „Питание, очевидно, не дает необходимых калорий, потому что, по нашим данным, калорийность пищи не превышает 700 — 800 калорий, хотя норма для детей — 1.800 калорий“ („Венгерский обзор“, 1935, № 2, т. 25, стр. 141).

Как одеты крестьяне венгерской деревни во время кризиса, показывают результаты обследования, опубликованные в „Венгерском обзоре“ (1936 г., № 2): „Дошкольники зимой в течение ряда месяцев не выходят из дома вследствие отсутствия теплой одежды..., обувь носят только зимою и в праздничные дни, если она вообще есть. Дети бедноты часто из-за отсутствия обуви не посещают школы. Таким образом, нищета влияет на жизнь детей уже с самого начала их существования и препятствует им приобретать необходимые для жизни знания... Отсутствие обуви влечет за собою, кроме того, ряд заболеваний, которым ослабленный организм не может сопротивляться“. Было обследовано 500 детей в январе 1935 г., в очень суровую зиму. Результаты показали:

Не явилось в школу из-за отсутствия обуви	38 дет.	7,6%
Обутые в лапти	122 „	24,5%
В порваной обуви	196 „	38,2%
Итого без соответствующей обуви	356 дет.	70,3%
Без верхней одежды	293 „	58,6%
В летней одежде	341 „	68,2%
Без головного убора	224 „	44,8%

Ужасные санитарные условия венгерской деревни, сложившиеся в результате недостаточного питания, отсутствия одежды и ужасных жилищных условий, ярко иллюстрирует обследование состояния здоровья 4.536 школьников в районе Мезекевшд. Из них здоровых — 675, остальные 3.861 носят в себе каждый одновременно 2 — 3 заболевания, как описывает д-р Кербольт.

Жилищные условия один врач характеризует следующим образом: „Даже семья богатого крестьянина, к тому же многочисленная, живет в одной комнате, где готовится пища, где они размножаются и умирают. Там же лежит заразный больной, ребенок с воспалением легких, совершенно неспособный уже передвигаться старик,

[1]) *Г. Оло*, „Три миллиона нищих“, Будапешт, 1929.
[2]) *Шэпвальд Кабош*, „Кэтэлэк“, 5 янв. 1936 г.

умирающий и новобрачные. Затхлость воздуха в помещении перевышает всякое представление. Это скопление газов не дает возможности ребенку нормально развиваться. Оно превращает здорового человека в больного" (д-р *Варади*, „Санитарное описание одной венгерской деревни"). Жилищные условия постоянных рабочих характеризуются следующим образом: „Общие комнаты, где четыре, пять и даже шесть семейств жили в одном большом помещении, похожем на сарай,— по крайней мере у нас,—были только что отменены. В каждом углу такой комнаты жило по одному семейству. Нельзя вообразить и представить себе ужасающую грязь и вонь в этих помещениях, где жило по 25-30 человек. Меня однажды вызвали к больной, ей предстояли роды; у другого семейства лежал труп умершего ребенка, у третьего приготовлялось мясо и жир только что заколотой свиньи. Закон определил тот срок, в течение которого неподходящие помещения должны быть ликвидированы; к сожалению, из этих десяти лет последние три были военными, и проведение в жизнь этого закона было отложено. К сожалению, в силу экономического кризиса проведение в жизнь этого закона сегодня, как и во время войны, опять отложено" (д-р *Кербольт*, там же).

С одной стороны — три милиона нищих, с другой стороны—12 тыс. помещиков. В 1925 г. их насчитывалось только 10 тысяч. Во время кризиса количество их возросло уже на 20% за счет бедноты. Площадь помещиков стала больше на 500 тыс. йохов за счет обезземеления, за счет тех, которые напрасно ожидают земель или потеряли свои земли принудительным для бедноты порядком.

Венгерская деревня со своими напряженными классовыми противоречиями между избой и дворцом, между кулаком и сельской беднотой, окутана тишиной. Но это — тишина перед бурей.

Во время кризиса были проиграны некоторые схватки, эпизоды неизбежно предстоящей борьбы. То на венгерской равнине, то за Дунаем взрывается вдруг кипящее недовольство крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В 1930 г. безработные землекопы устроили массовую демонстрацию в городе Сентыш. Вслед затем массовые демонстрации были в Чонграде, в Минтсенте, в Сегваре, в Дорожме. То собирается беднота края в Сентыше, где повторяются демонстрации. Эти демонстрации вызывают всеобщее беспокойство. Вводится осадное положение. В следующем году возникает крестьянское восстание вследствие массовой продажи его имущества с молотка за Дунаем. В 1932 г. происходит столкновенние в г. Пача между крестьянами и жандармерией из-за отнятия у крестьян коров по налоговой задолженности. Убито двое и ранено много крестьян. Судебное следствие устанавливает, что жандармы были вправе применять оружие. В этом же году в Бальмазуиварош и в Нирбакте происходит кровавое столкновение между крестьянами и жандармерией. В 1935 г. убиты в Годмезевашаргелье пулями жандармов 9 крестьян, в том числе и женщины. Таковы отдельные моменты борьбы из тех многих, которые ежедневно сопровождаются жертвами с обеих сторон. То найдут в лесу лесного сторожа с простреленной головой, то загорится помещичий сарай или дом кулака, то через окно выстрелят в сельского писаря. Сел.-хоз. рабочий, бедняк, землекоп, а также и середняк не надежен, подозрителен для властей: его подозревают в коммунизме. Деревня находится под постоянным наблюдением широкой сети жандармерии и штыков. Обыски, массовые аресты, избиения — ежедневные явления. В 1933 г. в Междуречьи (между Дунаем и Тиссой) больше тысячи крестьян и сельскохозяйственных рабочих было арестовано за коммунистическую организацию. На очередных процессах против коммунистов в числе обвиняемых всегда фигурирует несколько крестьян и сел.-хоз. рабочих. В движении крестьян и сел.-хоз. рабочих проходит красной нитью их борьба за землю. Долгий затяжной кризис обострил и углубил эту борьбу. Она в большинстве случаев пока еще стихийна, не организована

и раздроблена, политически несознательна, ее методы порой нецелесообразны, но все-таки буржуазия по вполне обоснованным причинам и нервничает и боится ее, потому что чувствует и знает, как назревает в деревне реализация союза рабочих и крестьян, представляющая для нее смертельный удар.

4. *Аграрная политика.* Аграрная политика фашизма, имеющая ярко выраженный классовый характер, сильно содействовала обострению аграрного кризиса и переложению всей его тяготы на трудовое крестьянство. Самый слабый слой крестьянства, созданный земельной реформой контрреволюции — новые „хозяйства", которые и до кризиса еле-еле могли существовать, сотнями и тысячами разрушались под первым ударом кризиса. Окончательный итог аграрной реформы, по сведениям Всевенгерского суда по урегулированию землевладения, ярко иллюстрирует его характер. По этим сведениям до 31 дек. 1929 г. 405.103 лица получили 609.706 кадастровых йохов земель, т.-е. в общем и целом каждый получил 1 кад. йох 1.128 квадратных клафтеров. Но общие цифры включают в себя и новосозданные кулацкие и середняцкие хозяйства. Безземельное крестьянство получило фактически лишь 185.237 йохов (годовой отчет Всевенгерской сел.-хоз. палаты за 1930 г., стр. 153). В виду того, что количество имеющихся земель, по сведениям стат-секретаря Шандль, повысилось с 620.000 до 840.000, надо предполагать, что получемые безземельными 185 тысяч йохов распределились на 220.000 безземельных. Таким образом общий размер новосозданного „хозяйства" не превышает $^3/_4$ кад. йоха. Цитируемый отчет Сел.-хоз. палаты констатирует, что „вследствие упадка цен на сел.-хоз. продукты, установленные земельной реформой цены на землю стали невыносимо тяжелыми; с другой стороны, цены были установлены во многих случаях и без этого чересчур высокими и не соответствуют фактической стоимости земли" (там же, стр. 155,156). Цитируемый выше публицист Ола полагает в своей книге (стр. 115), что в 1929 г. распределенные аграрной реформой земли остались лишь у 60% тех, которые их получили, 40% же бросили свои участки, потеряв целиком вложенный в земли скромный капитал. Этот процесс был усилен кризисом, и можно предполагать, что сегодня лишь незначительный процент новых хозяев владеет еще своими участками; преобладающее большинство распределяемой земли перешло в руки кулаков или было возвращено предыдущему владельцу — помещику. По сведениям официальной статистики результаты аграрной реформы выражаются в том, что доля крупного землевладения, которая равнялась в 1916 г. 54,5% всей земли, уменьшилась до 49,8% в 1925 г. („Адресная книга сельских хозяев", издание венгерского королевского центрального управления по статистике в 1925 г.).

Премьер Гембеш в свою программу „национальной работы" включил политику переселения для поощрения создания здоровой системы землевладения, реформу фидеикомиссов и т. п. Его программа является, с одной стороны, демагогической попыткой успокоить недовольные крестьянские массы, с другой стороны—путем награждения благонадежных крестьян создать в деревне кадр верных своих застрельщиков. Одновременно земельные магнаты-легитимисты (сторонники реставрации Габсбургов) должны попасть в положение зависимости от правительства, которое должно иметь право их владения экспроприировать для целей переселения и отменять фидеикомиссы. Исходя из этих соображений, после трехлетней „подготовки" Гембеш в конце 1935 г. внес в парламент проект закона о переселении и о „реформе" фидеикомиссов. Эти предложения являются ярким выражением боязни правительства затронуть существующие земельные отношения. Жалкая „реформа" о переселении проектирует в течение ближайших 25 лет выделять ежегодно два миллиона пенге и таким путем перевести из территории крупных имений 270.000 йохов в мелкую собственность и 150.000 йохов в мелкую аренду. Таким путем долж-

ны быть созданы 35.000 новых мелких крестьянских поместий. В том случае, если закон будет проведен на 100%, через 25 лет размер крупных имений уменьшится всего на 2% (с 4.770.580 йохов на 4.500.580 йохов). Количество безземельных крестьян, по сравнению с теперешним положением, тоже должно уменьшиться на 2—3%, если естественный их прирост не перекроет это незначительное уменьшение. Такие более чем жалкие перспективы заставляют даже правительственную печать признать закон о переселении лишь „символическим". „Пестер Ллойд" в передовице от 22 марта 1936 г. пишет: „Венгерская пашня не нема. Она стонет и кряхтит, и кто хорошенько к этому прислушается, должен внять ее жалобным вздохам. Крестьянские массы, которые все с большим нетерпением стремятся выбраться из своей нужды, не должны чувствовать, что государство и законодательство их навсегда хотят оставить на голодном пайке. Им нужно показать—и именно в этом цель законопроекта о переселении,—что их нужды известны и имеется честное намерение освободить их от нищеты; правительству, которое осознало свою ответственность за условия жизни широких народных масс и за сохранение социального спокойствия и порядка в стране, не останется ничего более, как привести этим символическим жестом доказательство, что оно готово и имеет добрую волю помочь и что оно теперь же решилось приступить к неотложной помощи. Законопроект о переселении является, таким образом, началом. Мы к этому добавим: это очень скромное, если угодно, даже робкое начало".

Проект закона о переселении вызвал в парламенте большую дискуссию и со стороны оппозиционных партий был подвергнут резкой критике. Лидер партии мелких хозяев Экхардт сказал, между прочим, в своем выступлении: „Предложенный проект, который дает правительству для разрешения проблемы переселения срок в четверть века, не только не годится, чтобы улучшить положение, но более того, он это положение еще более ухудшит... он даже препятствует раздроблению больших земельных комплексов, он увеличивает сверх-крупную недвижимость, он подвергает опасности сельскохозяйственную кредитоспособность и намечает ложное направление дальнейшего развития. Собственно проект способствует лишь превращению некоторых карликовых хозяйств в мелкие, но и это только в тех случаях, когда карликовый владелец находится в относительно очень хороших условиях. В то время как правительство, с одной стороны, намеревается создать новые сельскохозяйственные единицы, с другой стороны, самым жестоким образом проводится экспроприация, и при этом во всех частях страны жертвами являются лица, которые десять лет тому назад были признаны мелкими владельцами; теперь они вследствие публичных долгов должны быть изгнаны с насиженных мест. На каждое лицо, которое правительство Гембеша хочет переселить, приходится десять человек, которые должны лишиться своего владения" („Пестер Ллойд", 18 марта 1836 г.). Несмотря на вызванное законопроектом общее возмущение, проект был принят большинством парламента.

Такой же дух, как закон о переселении, имеет законопроект о реформе фидеикомиссов. По этому проекту характер фидеикомиссов отменяется лишь на тех территориях, чистый доход которых с подлежащим обложению налогом превышает 30.000 зол. крон (налогообязанный чистый доход, т. наз. кадастровый чистый доход, значительно меньше фактического чистого дохода). До пределов этого дохода латифундии сохраняют характер фидеикомиссов. Но и сверх этого предела сохраняется как фидеикомиссы не менее одной трети пахотной земли, а также леса, как и намеченные под лес территории. Но все изменения, которые предусмотрены законопроектом, могут быть проведены в жизнь лишь спустя 12 лет после смерти теперешних владельцев фидеикомиссов. Практическое действие законопроекта начинается лишь через 20 лет, когда 230.000 йохов из 820.000

могут перестать быть фидеикомиссами. С другой стороны, законопроектом предусматривается создание новых фидеикомиссов из средних имений (до 1.000 йохов), а также превращение кулацких хозяйств в фидеикомиссы вроде германских наследственных хозяйств. Таким образом, закон может лишь переменить структуру фидеикомиссов, но вовсе не отменить их удельный вес, значение и ту тяготу, которую они означают для крестьян.

Вызванные кризисом специальные мероприятия аграрной политики — как введение хлебных бон, закон о задолженности — также имеют ярко выраженный классовый характер и преследуют те же цели, как и закон о переселении.

Закон об урегулировании задолженности сельских хозяев имеет цель обеспечить из общественных средств банкам те кредиты, которые разоренные кризисом крестьяне возвратить не в состоянии, а продажа их имущества с молотка, вследствие аграрного кризиса (обесценение и отсутствие покупателей), не обеспечила бы их задолженность. Дальнейшая цель закона — оказать помощь помещикам и укрепить зависимость крестьян от правительства. Практически законом об урегулировании задолженности охвачены 77.852 предприятия, из них 55.000 площадью до 10 йохов. Ввиду того, что закон имеет в виду урегулирование задолженности банкам, которая в задолженности вышеуказанной категории равняется лишь 20%, а у крупных землевладельцев 80—100% задолженности составляют банковские кредиты, процентное отношение защищаемых категорий не совпадает пропорционально с теми выгодами, которыми они фактически пользуются. Это видно из следующих цифр:

Размеры владений	Защищаемые законом		Сумма задолженности на 1 йох
	хозяйства	площадь	
до 100 йохов	97 %	39 %	948,99 пенге
выше 100 йохов	3 %	61 %	299 пенге

Обложение, которое после урегулирования задолженности ложится на 1 йох в течение 50 лет:

у	5 йохов	. . . . .	32,40 пенг
„	10 „	. . . . .	27 „
„	20 „	. . . . .	24 „
„	1.000 „	. . . . .	21,96 „

Из этих цифр видно, что урегулирование задолженности, кроме банков, принесло пользу прежде всего крупным землевладельцам и кулакам. Удельный вес крупного землевладения, которое аграрной реформой было затронуто очень незначительно, с того времени можно считать опять восстановленным, не только в связи со сведением на-нет жалких результатов аграрной реформы, но и с усилением обезземеления мелких крестьян в связи с преобладающим в сельском хозяйстве во время кризиса господством финансового капитала, который при целеустремленной поддержке правительственной политики укрепил свои позиции при помощи монополизации рынка и в сельском хозяйстве.

Правительство премьера Гембеша демагогически объявляло неоднократно „поход против трестов и картелей". Несмотря на это, количество официально зарегистрированных трестов и картелей в первые два года режима Гембеша повысилось с 256 до 300 слишком, и их рост составляет примерно 35%. Но действительное положение этими цифрами отражается лишь очень слабо потому, что в связи с обложением зарегистрированных картелей картели создаются обходным путем. Валютная политика и политика внешней торговли прямо вызывают возникновение новых картелей, которые одновременно становятся средствами государственного контроля и планирования сел.-хоз. промышленности. Картели и монополии в сельском хозяйстве являются средством эксплоатации мелких производителей в пользу крупного капитала и крупных помещиков, а также гнездами коррупции, злоупотреблений всякого рода и скандалов.

Вследствие деятельности крупных сел.-хоз. предприятий в 1934/35 гг. цены их экспортных товаров повысились на 33%, цены же на продукты интенсивного крестьянского хо-

зяйства повысились лишь на 0,5% („Мадьяршаг", 29 марта 1935 г.). Продукты крестьянского хозяйства даже при равных условиях качества продаются по гораздо более низким ценам, чем продукты помещичьих имений потому, что государственные льготы и премии на экспорт остаются в карманах картелей, а помещик получает их непосредственно. Так, например, в то время как помещик получал за центнер экспортированной в Австрию пшеницы 23 пенге, крестьянам платили за такую пшеницу 15—16 пенге („Мадьяршаг", 20 янв. 1935 г.). Венгерское правительство заключило в 1935 г. компенсационный договор с германским правительством на вывоз 120.000 свиней. Проведение в жизнь этого договора было правительством перепоручено на правах монополии четырем т. наз. „кооперативным организациям", которые созданы лишь после предоставления им монополии на вывоз. Соглашение в Риме на счет вывоза пшеницы в Италию и Австрию также служило поводом, чтобы дать барыши привилегированным помещикам.

5. *Кризис в промышленности.* Последствия кризиса в промышленности в общем и целом характеризуются следующими цифрами. Количество фабрично-заводских предприятий в 1927 г.—3.631, в 1933 г.—3.366 (о последующих годах сведений нет), из них не работало в 1927 г.—152, в 1933 г.—210; таким образом, количество их снизилось на 7,5%, а если принять во внимание рост числа неработающих предприятий, то на 9,5%. Число занятых в фабрично-заводской промышленности рабочих было в 1927 г. 414.000, в 1932 г. — 178.000 (низшая точка), в 1934 г.—202.000. Количество занятых рабочих уменьшается приблизительно на 60% во время кризиса и больше чем на 50% во время депрессии. Сумма выплаченной заработной платы рабочим и служащим в 1927 г.—414,5 млн. пенге, в 1928 г.—448,9 млн., в 1932 г.—291,9 млн., 1933 г.—288,6 млн., в 1934 г.—227,5 млн., в 1935 (по предварительным данным)—233,4 млн. пенге. Падение зарплаты в 1935 г. в сравнении с 1928 г. составляет около 45%. Эти цифры показывают, что безработица меньше распространилась на служащих и рабочих высших категорий, чем на рабочих низших категорий, а это в свою очередь вытекает из рационализации промышленности.

Индексы фабрично-заводской промышленности, принимая 1927 г. за 100, таковы: в 1928 г. — 100,5, в 1929 г. — 103,1, в 1930 г. — 96,9, в 1931 г. — 90,1, в 1932 г. — 79,3, в 1933 г. — 86,2, в 1934 г. — 101; в 1935 г. 1 квартал — 110,7, 2-й квартал—105,8, 3-й квартал—138,1. Для этих цифр характерно, что, несмотря на уменьшение количества фабрично-заводских предприятий, индекс промышленной продукции во время депрессии достигает и даже превышает индекс докризисных годов. Повышение количества занятых рабочих резко отстает от повышения индекса продукции, что свидетельствует о рационализации промышленности.

Общая стоимость фабрично-заводской продукции в 1927 г. составляла 2.748,4 млн. пенге, в 1933 г.—1.763,4 млн., в 1934 г.—1.935,2 млн. По предварительным данным за 1935 г. общая стоимость повысилась на 8%, т.-е. составляет около 1.950 млн. При анализе этих данных бросается в глаза, что общая стоимость продукции далеко отстает от общего объема продукции; далее мы видим, что повышение продукции и стоимость ее не влияют соответствующим образом на общую сумму выплаченной зар. платы. Все это вместе доказывает необычайно высокую степень эксплоатации промышленного пролетариата. Вследствие увеличения продукции фабрично-заводской промышленности, современная В. преобладающую часть своего промышленного потребления производит сама, при чем 80% этой продукции она производит из собственного сырья, и ее промышленный экспорт превышает промышленный ввоз.

Ввоз и вывоз готовых промышленных изделий (в тыс. пенге)

	Ввоз	Вывоз
1933 г.	91.188	109.028
1934 „	92.284	119 508
1934 „ (с I по IX)	68.861	82 667

Процесс развития фабрично-заводской промышленности в отдельных отраслях весьма неодинаков.

Цифры свидетельствуют прежде всего о неизменном росте *электрической* промышленности, который даже во время кризиса не приостановился. Количество занятых рабочих тоже повышается, но эта тенденция (в очень своеобразном виде) меняется как раз во время депрессии. Сумма же выплачиваемой зарплаты начинает уменьшаться уже с 1932 г. Тенденция зарплаты падать сохраняется и дальше: очевидно, что это происходит под влиянием рационализации.

Количество занятых рабочих в *металлургической* промышленности уменьшается и достигает своей наименьшей цифры в 1932 г., которая, оставаясь неизменной в 1933 г., в 1934 г. повышается, хотя уровень 1931 г. достигается лишь в 1935 г. Уменьшение по сравнению с докризисными годами составляет 25% и в 1935 г. Стоимость продукции упала в 1932 г. на 50%, 1934 г. еще отстает от докризисных годов на 30%. Тем не менее, сумма выплаченной зарплаты достигает минимума в 1932 г., когда уменьшение ее равняется 60%. Начиная с 1933 г., при медленном повышении, в 1935 г. она еле-еле достигает 50—55% докризисных годов.

В *машиностроительной* промышленности стоимость продукции падает; в 1933 г. ее падение составляет 55% и достигает наибольших размеров. В 1934 г. повышение по сравнению с предыдущим 1933 г. составляет 40%, но, несмотря на это, стоимость продукции 1935 г. не достигает даже стоимости продукции 1931 г., хотя этот год был уже явно кризисным. Количество занятых рабочих в 1933 г. уменьшилось на 50% и в 1935 г. приближается к количеству занятых в 1932 г., которое равнялось 60% докризисных лет. Сумма выплаченной зарплаты достигает своего минимума в 1933 г. (падение равняется 65%), в 1934 г. повышается на 10% сравнительно с предыдущим годом, но зарплата немного превышает лишь уровень 1932 г., который составляет всего около 55% докризисных лет.

Падение общей стоимости продукции в *текстильной* промышленности составляет 25% в 1932 г., в 1934 г. стоимость продукции повышается до уровня 1928 г., в 1935 г. — дальнейшее, хоть и незначительное, повышение. Количество занятых рабочих падает лишь на 10% и уже в 1933 г. превышает наибольшее количество докризисных лет. Оно превышает в 1934 г. количество занятых в 1928 г. на 20%. *Общая* сумма зарплаты в сравнении с 1928 г. уменьшается в 1932 г. на 20%. В следующие 1933 и 1934 гг. она ежедневно повышается на 10%, но не достигает уровня 1931 г. и отстает от суммы 1928 г. на 16%.

Общая стоимость продукции в *химической промышленности падает* до 1935 г. на 16%. В 1934 г. приближается к стоимости 1928 г. и превышает ее немного в 1935 г. Количество занятых рабочих уменьшается лишь на 10% в 1932 г., а вслед за тем медленно повышается и немного превышает уровень 1928 г. Падение *выплаченной* зарплаты достигает в 1932 г. лишь 6% и остается на этом уровне с небольшими колебаниями.

Пищевая промышленность производит в 1933 г. меньше (по стоимости) на 48% по сравнению с 1927 г. В 1934 г. она начинает подниматься, повышение продолжается и в 1935 г., но все-таки не достигает уровня 1932 г. Количество занятых рабочих падает на 28% (1933 г.). Повышение числа занятых рабочих в 1934 г. не превышает 4%. Постоянно падает сумма выплаченной зарплаты, и в 1934 г. ее падение равняется 33%.

Падение стоимости фабрично-заводской продукции в годы кризиса и депрессии (1928 — 1935) равняется 5.152,2 млн. пенге. Падение же чистого дохода фабрично-заводской промышленности равняется 2.260,8 млн. в течение 1931—1935 гг. Если принять во внимание, что уменьшение доходности в 1929—1930 гг. можно оценивать в 240—250 млн., то уменьшение доходности равняется *половине* уменьшения общей стоимости фабрично-заводской продукции. Цифры явно характеризуют грабеж монополизированными картелями и синдикатами рабочих и потребителей, на которых была пере-

ложена половина потери стоимости продукции. Из этого вытекает, что динамика кризиса в промышленности далеко не так резка, как в сельском хозяйстве. Коэффициент дохода в фабрично-заводской промышленности (считая 1925/27 гг. за 100), выражается в следующих цифрах: в 1928 г.—119,7, в 1929 г.—113,5, в 1930 г.—93,5, в 1931 г.—77,4, в 1932 г.—69,2, в 1933 г.—62,9, в 1934 г.—74,9, в 1935 г., судя по предварительным данным, доходность осталась на уровне предыдущего года.

Для большей полноты мы должны дополнить эту картину цифрами о доходности мелкой промышленности, доход которой выражается в следующих цифрах:

1928/28 г.г. в среднем	1.038 млн.		
1931 „	720 „	уменьшение на	318 млн.
1932 „	369 „	„ „	669 „
1933 „	362 „	„ „	676 „
1934 „	391 „	„ „	647 „
1935 „	410 „	„ „	628 „
Всего уменьшение			2.938 млн.

Эти цифры доказывают, что кризис затронул мелкую промышленность гораздо тяжелее, чем крупную. Если потери крупной промышленности с 1931 по 1935 г. равняются 2.260,8 млн., то потери мелкой промышленности—несмотря на то, что доходы крупной промышленности до кризиса были на 30% выше доходов мелкой промышленности—составляют 2.938 млн. Если уменьшение доходности в фабрично-заводской промышленности по сравнению с 1928 г. даже во время наибольшего упадка не достигает 50%, то уменьшение доходности мелкой промышленности, начиная с 1932 г., составляет 66, 67, 64 и 62% за соответствующие годы. Эти цифры дают нам тот же вывод, который дали нам цифры, относящиеся к аграрному кризису, т. е. чем меньше предприятие, тем сильнее страдает оно от последствий кризиса, и наоборот, чем больше предприятие, тем меньше для него тягота кризиса.

6. *Торговля и финансы.* Катастрофический упадок покупательной способности широких масс повлиял на торговлю. Рабочий, крестьянин, мелкий буржуа не в состоянии обеспечить свои нужды из-за отсутствия денег. И тонкий слой зажиточных потребителей не в состоянии возместить их убыль. Сельско-хозяйственное население, покупательная способность которого в 1928 г. равнялась, примерно, 1,2 млрд., в 1933 г. еле-еле могло израсходовать 400 млн. (*Конкой-Тэгэ*, „Положение сельского хозяйства", „Сел.-хоз. обзор", 1934, № 3). Уменьшение оборота железнодорожного и водного транспорта в столице дает представление об уменьшении торговли. Было ввезено в столицу: в 1930 г.—65,5, в 1931 г.—59, в 1932 г.—54,5, в 1933 г.—54,75 млн. центн. Количество товаров, вывезенных из Будапешта за те же годы,—17, 14, 11, $10^1/_2$ млн. центн. Другими словами, товарооборот одной столицы уменьшился от 1930 до 1933 г. на 22 млн. центн. Упадок товорооборота в провинции еще больше, потому что большинство деревенского населения—как мы уже выше видели—совершенно не в состоянии покупать что-либо. Реальная покупательная способность сел.-хоз. населения по сравнению с 1928 г. (=100) в 1934 г. составляла 52—54, а в 1935 г. не превышает 60. Параллельно с этим снижается и оборот внешней торговли в связи с финансовыми затруднениями и политикой автаркии других стран. Упадок внешней торговли выражается в следующих цифрах:

	Ввоз (в миллионах пенге)	Вывоз
1928 г.	1.211,4	826,0
1929 „	1.063,7	1.036,5
1930 „	823,3	911,6
1931 „	539,4	570,4
1932 „	328,5	334,5
1933 „	313,7	393,3
1934 „	344,7	405,3
1935 „	350,9	406,5

Уменьшение ввоза последних четырех лет составляет 70%, а уменьшение вывоза—около 50%. В течение последних четырех лет суммы ввоза и вывоза не показывают никакого существенного улучшения, а оборот внешней торговли в 1935 г., несмотря на депрессию, далеко отстоит от уровня 1931 г. Тем не менее, можно констатировать некоторые изменения во внутренней структуре внешней торговли: рост (в процентном отношении) ввоза сырья и уменьшение ввоза готовых промышленных товаров, рост вывоза промышленных товаров в процентном отношении ко всей внешней торговле,

возрастающее значение Италии и Германии в экспорте В. (их участие в 1930 г. составляло 23,2%, в 1934 г.—30,4%, за первые 3 квартала 1935 г.—33,9%). Большим препятствием для внешней торговли является ограничение в обращении иностранной валюты, а также недостаток ее. Свобода торговли постепенно отменяется, усиливается монополия трестов, картелей—финансового капитала, создаются новые монополии, которые, однако, являются источниками всяких злоупотреблений и вымогательств.

Роль иностранного капитала в В. очень значительна. Некоторые цифры, которые мы ниже приводим, довольно ярко свидетельствуют об этом, хотя и они не охватывают все формы и пути внедрения иностранного капитала в венгерскую экономику. По данным 1934 г. из общей стоимости акций банков в сумме 227 млн. пенге доля заграничного капитала равняется 103 млн. пенге. Из общей стоимости акций промышленных и торговых предприятий, сумма которых составляет 1.149,6 млн. пенге, 240,1 млн. пенге находится в руках заграничных капиталистов. Из этой суммы акции промышленных предприятий равняются 170, рудничные акции—50, и акции торговых предприятий—23 млн. пенге. Из общей стоимости ипотечных кредитов в сельском и коммунальном хозяйстве в 629 млн. пенге, доля заграничного капитала составляет 454 млн. Распределение этих капиталов среди разных стран таково:

	Банковские	Промышленные	Ипотечные
	акции		
Англия	33,1	15,0	68,8
Италия	17,8	2,5	11,9
Швейцария	14,2	45,1	86,0
Франция	9,1	—	13,1
США	8,5	31,3	240,0
Чехословакия	5,0	7,6	2,0
Австрия	2,8	50,3	6,8
Германия	—	26,8	—
Голландия	—	19,0	—
Бельгия	—	15,3	—
Югославия	—	2,2	—
Швеция[1])	—	—	67,9
Разные	12,5	20,5	8,0
Итого	103,0	240,1	454,0

[1]) Большая доля Швеции объясняется предоставлением Крейгеру спичечной монополии и получением от него займа.

Фонд Национального банка в золоте и иностранной валюте постоянно уменьшается. Он составлял в конце 1928 г. 243,5 млн. пенге, в 1932 г.—только 120,6, а в 1935 г.—111 млн. пенге. По данным Института конъюнктуры индекс курса 18 акций (1927 г. принят за 100) в конце 1932 г. составлял 32,8. Таково же движение и государственных облигаций (долгосрочные кредитные обязательства).

Сумма баланса имущества всех банковско-финансовых учреждений в 1930 г. равнялась 5.979 млн. пенге, которая в 1934 г. уменьшилась до 5.424 млн., т.-е. на 9,3%. Фактический состав имущества этих же учреждений (выделяя те графы, которые фигурируют в балансе два раза) в 1930 г.—4.970 млн., в 1934 г.—4.052 млн., т.-е. состав имущества уменьшился в течение 4-х лет на 18,5%. Из фактического состава собственный капитал банковско-финансовых учреждений равняется лишь 738 млн. пенге („Венгерский статистический обзор", янв. 1936 г.).

Государственный бюджет показывает во время кризиса следующее изменение:

	1930/31 г.	1934/35 г.
Доходы:	1.579.815 тыс. пенге	1.084.589 тыс. пенге
Расходы:	1.628.653 „ „	1.150.709 „ „

Несмотря на то, что сумма бюджета количественно не повысилась, а, наоборот, сократилась, все-таки обложение отнимает гораздо большую часть национального дохода, чем раньше. Если в 1930 г. общественные обложения отнимали приблизительно 22%, то сейчас они отнимают больше 50% национального дохода. Особенно тягостно бремя множества тяжелых и антисоциальных косвенных налогов, которые являются одним из главных источников дороговизны и нищеты. Чтобы иметь представление об их значении, достаточно указать, что в Будапеште в цене белого хлеба они составляют 72%, свинины—69%, шерсти—64%, электрических лампочек—77%, кирпича—69%, керосина—62%, в строительных расходах—61%, парового котла—64%, в расходах дорожного строительства—65%. У рабочего, который зарабатывает ежемесячно 140 пенге, сумма прямых налогов соста-

вляет 2% дохода. а косвенных налогов - 62%. В провинции из дохода рабочего косвенные налоги поглощают 55% („Свобода", 2 февр. 1936 г.).

Охватывающую картину кризиса дает динамика национального дохода. Сумма национального дохода за 1926/28 гг. в среднем составляла 4,3 млрд. пенге, в 1931 г.—3,2, в 1932 г.—2,5, в 1933 г.—2,3, в 1934 г.—2,6, в 1935 г.—2,8 млрд. пенге, т.-е. уменьшение национального дохода в течение 5-ти лет равняется 8,2 млрд. пенге. Подушный доход, исходя из 9 миллионов населения, упал с 478 в 1926/28 гг. до 255 в 1933 г. и в 1935 г. не превышает 310 пенге, т.-е. далеко не достигает 1 пенге в день. Действительное представление об этом неслыханно низком доходе можно получить только тогда, если принять во внимание крайности в распределении национального дохода. Согласно налоговой статистике министерства финансов, из 8.743.000 жителей подоходный налог платят 311.156, т.-е. 3,6%, из них:

294.090	имеют доход	до	10.000 пенге
16.619	„ „	от	10.000 до 100.000 пенге
447	„ „	выше	100.000 пенге

Если мы очень скромно подсчитаем, что средний доход тех, которые имеют не больше 10.000 пенге дохода, равняется в среднем 2.000 пенге, категория же от 10.000 до 100.000 имеет в среднем 20.000 пенге, а доходы свыше 100.000 примем лишь в 100.000, то сумма доходов этих категорий лиц составит 965,26 млн. пенге. Другими словами, 3,6% населения имеет 33% национального дохода в 1935 г. С другой стороны, доход полутора миллионов не превышает в год 50 пенге, т.-е. 14 геллеров на день, и годовой доход других полутора миллионов не превышает 120 пенге в год (речь депутата парламента Эмериха Немет, „Мадьяршаг", 22 мая 1935 г.). А по данным пастора Паша доход широких масс Затисского края не превышает 7 геллеров в день (там же, 23 марта 1935 г.). Эти цифры показывают беспредельную нищету трудящихся масс и громадные классовые противоречия, которые настолько обострены кризисом, что даже один реакционный политический деятель характеризует положение таким образом: „Венгерская общественная жизнь заморожена. Апатия охватила людей, но под этим кипит отчаяние и горе. Невозможно, чтобы люди долго терпели эту нищету".

7. *Условия работы и безработица.* Точное количество промышленных рабочих трудно установить потому, что нет систематических данных, а поскольку они есть, они часто противоречивы. Государственной статистики безработицы вообще нет. Статистические данные профсоюзов распространяются лишь на организованных рабочих. Более широкие массы охватывает статистика госстрахования, в которой цифры количества рабочих и служащих не разделены и которая тоже не охватывает всех категорий. По данным переписи населения в 1930 г., промышленное население страны составляет 1.884 тыс., из них работающих 887 тыс. В эту цифру включены самостоятельные хозяева промышленных предприятий (с 20 или больше рабочих), а также самостоятельные мелкие ремесленники, число которых составляло 204.564, и служащие, число которых составляло 43.356. Количество промышленных рабочих, согласно этим сведениям, должно равняться 640.000. С этими данными совпадает более или менее статистика застрахованных рабочих, по которой наибольшее количество застрахованных рабочих в 1928 г. равнялось 654 тыс. Эта цифра падает в 1933 г. до 456 тыс., т.-е. до $^2/_3$ количества 1928 г. В 1934 г.—524.900, в 1935 г.—559.400. Судя по этим сведениям, количество застрахованных уменьшилось вследствие безработицы в 1933 г. на 200 тыс., и в 1935 г. уменьшение составляет еще 100 тыс. по сравнению с 1928 г. Если мы посмотрим количество занятых в фабрично-заводской промышленности рабочих, то мы уже имеем довольно точные цифры. Здесь падение составляет от 1931 к 1935 г.—20, 26, 24 и 12%. Если исходить из этих цифр на основании всеобщей переписи, то количество безработных фабрично-заводских рабочих можно установить, на 1931 г. в 181 тыс., в 1932 г.—230 тыс., в 1933 г.—214 тыс., в 1934 г.—120 тыс.

Если мы к этим цифрам добавим количество безработных в торговле, в связи, а также безработных в мелкой промышленности (число которых относится к числу безработных в фабрично-заводской промышленности как 4:7), то наибольшее количество безработных, не считая безработных в сельском хозяйстве, можно считать около 350 тыс. Правильность этих цифр подтверждается сведениями Международного бюро труда, которое исчислило количество безработных в 300 тыс. Количество тех безработных, которые не работали больше года, уже в 1930 г. достигло 36.534. Эта масса безработных, не пользующихся никакой государственной поддержкой, нищенствует или живет случайной работой, или за счет родственников и друзей, имеющих пока работу, и ложится на уровень зарплаты работающих громадным грузом. Это является одним из объяснений того явления, что зарплата рабочих, как мы уже видели выше при обзоре отдельных отраслей промышленности, обычно быстрее падает и медленнее поднимается, чем объем и стоимость продукции. Это увеличение эксплоатации рабочего класса вызвано рационализацией промышленности, которая во время кризиса значительно повышает безработицу. „В В. про рационализацию говорят мало, но делают весьма много. Процентное повышение количества промышленных рабочих по сравнению с моментом наибольшей глубины кризиса составляет лишь $^1/_3$ процентного повышения продукции. Несмотря на то, что количество рабочих часов увеличилось больше, чем количество рабочих, нельзя нисколько сомневаться, что и эффективность рабочих часов в промышленности резко повысилась. Это повышение в течение последних семи лет оценивается авторитетными кругами примерно в 25%" (д-р *Митвицкий*, „Картина конъюнктуры в Венгрии", „Пестер-Ллойд", 25 дек. 1935 г.).

Если мы сравним сумму выплаченной во время кризиса зарплаты с 1928 г., то потери в зарплате фабрично-заводских рабочих во время кризиса и депрессии можно оценивать от 1.200 до 1.300 млн. пенге. Как мы видели, уменьшение стоимости фабрично-заводской продукции равняется 5.152 млн. пенге, уменьшение в ее доходности составляло 2.260,8 млн.; больше половины этой разницы падает на долю рабочих, потому что путем увеличения эксплоатации последних (это частично выражается в уменьшении зарплаты) капиталисты переложили значительную часть уменьшения стоимости продукции на рабочих (это выражается в непропорциональном падении их доходов). Если мы убытки в мелкой промышленности, в связи и в горной промышленности оценим как половину убытков фабрично-промышленных рабочих, то убытки всего пролетариата в зарплате за время кризиса и депрессии можно оценивать не менее, как в 2 млрд. пенге. Эти громадные потери вызвали необычайный упадок уровня жизни рабочего класса и стали источником такой нищеты, которую нельзя себе представить. Это положение мы проиллюстрируем некоторыми примерами, не являющимися исключением и взятыми непосредственно из венгерских источников.

Статистический отдел столицы подготовил в 1930 г. исследование об условиях жизни и заработка 102.566 будапештских рабочих. Итоги этого исследования опубликованы директором статистического отдела. По этим материалам средний еженедельный заработок рабочего в мелкой промышленности равняется 36,12 пенге. В крупных фабрично-заводских предприятиях — 39,4 пенге; средний заработок работницы — 25 пенге, но есть отрасли, где средний заработок не превышает 18,33 и даже 12 пенге. В этом году кризис только еще начался, и падение заработной платы вслед за тем стало более резким. Все-таки уже в 1930 г. из всех обследованных рабочих (речь идет не о безработных):

8.082	(2.482	мужч.	и 600 женщин)	не завтракают
1.003	(808	„	и 195 „	) не обедают
1.178	(845	„	и 333 „	) не ужинают

Из незавтракающих 24% вынуждены выходить на работу настолько рано, что не успевают завтракать. Из обедающих лишь 28% успевают обедать дома, у остальных нет времени. Перерыв в рабочий день на 34-х крупных

предприятиях составляет только 15 мин., на 471 предприятии (т.-е. 40%) разрешается перерыв в $^1/_2$ часа в течение всего рабочего дня. Рабочий день продолжается от 12 до 14-ти часов. 29.697 рабочих на обед не имеют горячей пищи; 3.495 рабочих едят и на ужин лишь холодное. Половина всех предприятий не имеет помещения для мытья и еды. Из обследованных рабочих работают свыше 48 часов 39.437, свыше 60 часов—19.850, свыше 73 часов—5.830. Продолжительность рабочего дня не урегулирована законом.

Из обследованных 102.566 рабочих 79.287 абсолютно не пользуются отпусками (75,7% мужчин и 83, 6% женщин). Из ста рабочих получают отпуск лишь 22, $^1/_3$ которых получает меньше недели. Двухнедельный отпуск имеют лишь 4,4% всех рабочих.

Из обследованных рабочих 3.607—инвалиды, которые все же вынуждены работать. Количество несчастных случаев со смертельным исходом ежегодно превышает 200, хотя, согласно статистике, только те случаи считаются смертельными, в которых смерть наступает на месте. Также растет количество умерших от туберкулеза. Каждый пятый случай смерти вообще (у меховщиков—каждый второй, у парикмахеров — каждый третий) падает на туберкулез. Число самоубийств среди других классов увеличивается на 15%, а среди рабочих—на 39% (д-р *Зентаи, Д.*, „Условия жизни будапештских рабочих", „Непсава", 1 марта 1931 г.). „Мебельщики работают 70–80 часов в неделю с заработной платой 20–25 геллеров, но часто они вместо зарплаты получают лишь питание и разрешение спать на станке в мастерской" („Непсава", 13 апр. 1933 г.). „В текстильной промышленности за разговор рабочих между собой производится вычет из зарплаты в размере 30 — 40 геллеров. Так же производят вычеты за брак, который получается вследствие плохого качества материала" („Непсава", 21 сент. 1933 г.). Чернорабочие живут как настоящие рабы. „Рабочие с пяти часов утра до половины восьмого вечера заняты жестокой нечеловеческой работой как в будничные, так и в праздничные дни. Свободные дни имеют только на 12-е воскресенье. Их ежедневная работа такова: утром они кормят свиней, затем набивают 140 мешков обмолоченной кукурузы, лишь только после этого могут завтракать. Они завтракают наспех, как животные, иначе на них сыпется ругань надсмотрщика. Вечером набивают опять 148 мешков кукурузы. В среднем один рабочий должен вывезти 200 телег навоза. Чистый вес одной телеги — 95 *кг*, вес нагруженной телеги—300 *кг*. Этот груз они должны везти по плохой неровной дороге, надрываясь. Если же кто-либо из них остановится с полным грузом хотя бы на одно мгновенье, надсмотрщик уже угрожает лишением работы. После тяжелой работы один из них должен нести дежурство, наблюдая за 400—500 свиньями. Дежурный после своего дежурства должен итти работать, как и все остальные, не получая, однако, доплаты за проведенное дежурство. Их заработная плата составляет в неделю 28,11 пенге и не повышается даже в том случае, если некоторые рабочие увольняются и вместо 13 работает только 8. Но если кто-нибудь утром опоздает хотя бы на несколько минут, с него вычитают 50 геллеров. В комнате размером в 2—3 *кв. м* живут 4,6 и 8 чел. рабочих. Спять все они на нарах, которые устроены в несколько этажей. Вместо матрацов они имеют лишь небольшое количество лохмотьев, окон вообще нет, вентиляция возможна только через двери. У входной двери находится заброшенный колодезь, откуда, особенно летом, идет невыносимая вонь. Чердак этого помещения набит навозом. В дождливое время с потолка течет навозная жижа. Обращение с рабочими не выдерживает никакой критики: надсмотрщики настолько грубы, словно перед ними не такие же люди, а животные".

Нищета имеет разные степени, и положение занятых рабочих в сравнении с положением безработных—хоть это и кажется невероятным все-таки представляет сравнительное благополучие. Вот несколько примеров, взятых нами из множества материалов. В рабочих предместьях Будапешта „улицы забиты голодающими взрослыми и деть-

ми, которые молят о куске хлеба" (интерпелляция на заседании комитета Пешт, „Непсава", 3 мая 1933 г.). „В Будапеште в 1932 г.—37 тыс., в начале 1933 г.—67.474, в конце того же года—75.211 семейств находились в нужде, и каждый пятый человек из населения нуждался в помощи" („Neue Zürcher Zeitung", 9 марта 1933 г.), а в рабочих предместьях „каждый третий человек нуждается в помощи" („Непсава", 26 февр. 1933 г.). „На заседании городской думы Теодор Гомонаи обращает внимание городского головы на господствующую в столице нищету. Все более учащаются случаи, говорит он, когда взрослые и дети берут отбросы с подвод, вывозящих мусор, забираются также в места общей свалки этого мусора и роются там в надежде найти что-либо для еды („Мадьяршаг", 7 окт. 1932 г.). „Перед городскими столовыми стоят одетые в рубища люди в бесконечных очередях. Один стоит совершенно босой, другой без рубашки. Единственное имущество их состоит из той сломанной кастрюли, которую они держат подмышками. Это—самые бедные из всех нищих, которые ждут не обедов, а остатков от обедов. Количество ожидающих все время растет, а остатков уже нет" („Непсава", 25 марта 1933 г.). Настоящим ужасом безработных является отсутствие приюта. Те несчастные, которые не могут уплатить за койку, выселяются, и они тем самым лишаются самого последнего—достоинства человека. Они влачат свою жизнь, являясь бременем для себя и для других, и, как живой упрек капиталистическому порядку, кочуют, пока их не застигнет их неизбежная судьба. „Во вторник вечером на одну скамью площади Матиас переселилась одна пролетарская семья. На скамью положили лохмотья изношенных одеял; две подушки, и там легли два школьника, один из 5-го класса, другой из 2-го класса начальной школы. Они легли валетом, чтобы было больше места на узкой скамье, где еще сидела их 19-тилетняя сестра, держа на руках их самого младшего брата, 8-мимесячного малютку. Это—выселенные. До сих пор они жили в доме № 17 на площади Матиас в маленьком помещении за кухней, за которое платили 5 пенге еженедельно, пока могли платить. В субботу плата не была внесена, а во вторник они были уже выброшены на улицу" („Непсава", 3 мая 1933 г.). „Франц Варга был рабочим сахарного завода, а потом работал на стройке, но недолго. Условия жизни все ухудшались, и осенью прошлого года его выселили вместе с семьей из квартиры. С этого времени они живут в хлеву. И живут из милости. Они уже продали все, что имели: одежда, постельное белье—все уже продано или находится в ломбарде. В хлеву—мороз, вся семья имеет всего только одно одеяло. Как они спят? Жена вместе с тремя детьми покрывается одеялом, а отец — изношенной солдатской шинелью. Нет топлива, нет работы. В течение всей зимы семья заработала 8 пенге". „Старшие дети понимают; мать плачет: если я утром скажу — пищи нет, дети, идите в школу, — они поцелуют руку и уйдут. Но четырехлетний еще не понимает, он плачет, требует пищи, объяснить ему, что пищи нет, нельзя". „Младший носит совершенно изношенную обувь, из которой вылезают ножки. Эта обувь найдена отцом в мусоре. Вокруг их жилища — помещения скотного двора. Везде голодающие, голые, замерзшие существа, находящиеся на самом дне человеческой нищеты" („Мадьяршаг", 12 марта 1933 г.). „Выселение происходит постоянно, и оно приобретает иногда массовый характер. Государство не только не помогает, но даже из государственных поселков (которые были организованы с целью смягчить тяжести квартплаты и побороть эксплоатацию мелкого люда со стороны домовладельцев) выселяются те, которые не могут платить. В течение суток суд в Будапеште вынес 70 приговоров о выселении" („Непсава", 18 марта 1933 г.). „Лишенные крова переселяются в окрестности города и живут там в ямах, стогах, покинутых подвалах или зарываются в мусор, чтобы защититься от мороза. Условия жизни в этих поселениях не поддаются описанию. Те, которые были раньше выброшены с фабрик, а после того и из города, живут теперь под отрепьями в жилищах, сделанных из обреза-

ков досок, дыры между которыми заткнуты бумажным хламом, и в землянках. В мусоре лежат больные старухи, и заметны они лишь тогда, когда слышны их стоны. Дети ходят в школы из этих землянок. 20 семейств, около 120 чел., живут здесь рядом. В каждой семье до шести детей. Дети и их матери больны туберкулезом. „Можно есть не каждый день", говорит одна из матерей; „никогда не бывает, чтобы мы с мужем и тремя детьми имели пищу на всех сразу". В одном из самых крупных поселков, под названием Шашгалом, живут 3.700 человек (из них 1.500 детей) в самой ужасной нищете. Кто из них не может нищенствовать, вынужден или превратиться в преступника, или покончить самоубийством. Однажды была выделена комиссия во главе с начальником округа для посещения этого поселка. Господа убедились собственными глазами, что в некоторых так наз. квартирах, т.-е. в этих ужасающих дырах, живут по 3 семейства в 16—18 чел. Главный врач заявил, что они охвачены самым опасным заражением не только в смысле гигиены, но и морали. Комиссия установила, что 80% из них в течение ряда дней не имеют никакой пищи. Громадное большинство из них больны и не имеют никакой одежды. Начальник после осмотра некоторых подобных помещений заявил, что он видел здесь столько ужасов, что дальше он не в силах смотреть и что членам комиссии стало неудобно за свое собственное благополучие" („Непсава", 11 июля 1933 г.). Но все это не препятствует властям гонять этих людей на принудительные работы вместо того, чтобы оказывать им помощь. Таким образом, за пищу ничтожной стоимости безработные становятся конкурентами рабочих и тем самым содействуют увеличению безработицы. Некоторые города при помощи принудительного труда безработных, за гроши сумели возвести значительные коммунальные постройки. Безработные квалифицированные рабочие, служащие и интеллигенция вынуждены за два-три килограмма картофеля выполнять работу землекопов. Тот, кто не согласен с условиями труда, объявляется общеопасным бездельником. Он берется на учет полицией как преступник и тем самым совершенно теряет надежду выкарабкаться когда-либо, для него спасения больше нет.

8. *Рабочее движение.* Те тяжелые экономические условия, которые мы обрисовали выше, отражаются и на рабочем движении. Революционные традиции венгерского пролетариата, упорная с большими жертвами борьба компартии В. сводятся к тому, что влияние кризиса нашло свое соответствующее выражение в движении рабочего класса, несмотря на преследования и террор со стороны государства. В первые годы кризиса в рабочем движении преобладающую роль играет движение безработных. Вначале это движение находит свое выражение лишь в небольших раздробленных демонстрациях, но скоро выходят на улицу все более и более значительные массы безработных, которые постепенно связывают свои экономические требования с политическими лозунгами. Общеизвестный лозунг хора безработных — „работы и хлеба",—звучит все громче и громче и пугает буржуазию, потому что к демонстрациям, которые начинаются под этим лозунгом, скоро присоединяются другие лозунги: „долой диктатуру Хорти-Бетлена", „долой фашизм", „да здравствует диктатура пролетариата", „да здравствует СССР". Параллельно с движением безработных развертывается боевое движение рабочих на предприятиях, которое в первые годы кризиса достигает своей наивысшей точки в движении углекопов. Уже в конце 1929 г. углекопы в районе Шалго-Тариан выбирают забастовочные комитеты и требуют повышения зарплаты на 15%. Профсоюзная бюрократия запрещает им начинать забастовку; несмотря на это, 5.000 рабочих бастуют в течение 4 недель. Под влиянием этой забастовки бастуют и углекопы района Пилишверешвар в течение 7-ми недель и всей массой, с женами и детьми, собираются итти в столицу, чтобы там устроить демонстрацию голодных. На заводах борьба ведется прежде всего

против увеличения эксплоатации рабочих путем рационализации. Рационализация осуществляется в В. применением так наз. системы Бедо. По этой системе рабочий должен работать в час в среднем со скоростью в 4,5 километров. Но инженер определяет время, потребное для одного определенного процеса работы, из наилучшей продуктивности наилучшего рабочего. Кто не выполняет установленной нормы — увольняется. В первый раз применили эту систему на заводе Ганц, и там заработок упал на 50%. При этой системе рабочий, как констатировали сами инженеры, через несколько лет неизбежно становится инвалидом и теряет свою работоспособность навсегда.

Рабочие судостроительного завода Ганц (одного из 3-х крупных заводов „Концерна Ганц") в ответ на эту систему сейчас же объявили забастовку, которая продолжалась в течение 8-ми недель. Когда дирекция попыталась передать заказы другому заводу,— Лакош и Секей,—рабочие последнего также отказались. Рабочие других заводов „Концерна Ганц" на своих собраниях требовали объявления забастовки солидарности. На всех крупных предприятиях рабочие собирали средства для помощи бастующим. Несмотря на это, забастовка кончилась безрезультатно, главным образом из-за предательства профсоюзной бюрократии, а также вследствие слабости КПВ. „КПВ — пишет центральный орган партии — не только не смогла возглавить борьбу, но даже не оказала серьезного влияния на забастовку" („Уимарциуш", 1930 г., № 5). В следующем, 1930 г. забастовка возобновляется уже на всех предприятиях концерна. После двухнедельной забастовки, под влиянием профсоюзной бюрократии, руководство забастовки согласилось с дирекцией на том, чтобы приступить к работе без всяких условий, а дирекция будет обсуждать требования рабочих после возобновления работы. Само собой разумеется, обещания не были выполнены, и здесь очевидна предательская роль профсоюзной бюрократии. Таким же соглашением кончилась забастовка текстильщиков в Пештэржебет, что является лишним доказательством того, что КПВ не смогла противодействовать демагогии профбюрократов, влиявшей на рабочие массы. Больших результатов достигли текстильщики в Кишпешт, которым удалось дать отпор попытке дирекции понизить заработную плату на 20%. Забастовка рабочих хлебопекарной промышленности продолжалось 29 недель; им удалось воспрепятствовать понижению зар. платы. В других отраслях промышленности также происходили забастовки, но в менее значительных размерах. На кирпичных заводах, у стекольщиков, среди рабочих-кожевников и т. п. забастовки в большинстве случаев ограничиваются отдельными предприятиями и, таким образом, не могут достичь крупных результатов. В 1930 же году пролетариат столицы устраивает значительные политические демонстрации. Социал-демократическая партия, уступая давлению масс, объявляет 1 сентября „глухую, мирную демонстрацию", чтобы обратить внимание на все более плохое положение рабочих. „Мирная" демонстрация оказывается против желания социал-демократической партии массовой забастовкой и днем бурной демонстрации. 1 сентября становится кровавым днем вследствие массовых столкновений рабочих с полицией.

В следующем году кожевники сумели организовать забастовку, которая уже не являлась забастовкой отдельных предприятий, и они добились значительного повышения своей зар. платы. В этом же году бастуют углекопы в районе Печ. Забастовка текстильщиков распространяется и на некоторые провинциальные города. С успехом бастуют деревообделочники и рабочие водопроводчики. Отмечаются отдельные забастовки строительных рабочих. Удачные результаты забастовочного движения свидетельствуют о перевороте в работе компартии, которая все больше и больше внимания уделяет развертыванию борьбы совместно с оппозиционным движением внутри профсоюзов и начинает преодолевать сектантскую профсоюзную политику, которая вела к образованию

немногочисленных красных профсоюзов. Экономическая борьба, переплетаясь с политической, приобретает характер массовой борьбы, в которой все более и более ощущается влияние КП. Наивысшей степени достигает политическая борьба 7 апреля 1932 г., когда социал-демократическая партия, так же как и в предыдущем году, под давлением масс вызывает на получасовую забастовку-демонстрацию. Результатом этого, особенно в провинции, явились массовые политические демонстрации, кровавые столкновения с полицией и жандармерией, окончившиеся многочисленными жертвами (Балмазуйварош, Нирбакта). В одном Будапеште было арестовано 485 рабочих. Этот день является верным признаком того, что рабочие массы все более освобождаются от влияния социал-демократических руководителей, а также и профсоюзной бюрократии. Движение рабочих развертывается все более и более, объявление осадного положения в стране не может приостановить рост этого движения и, несмотря на то, что руководители нелегальной компартии, товарищи Шаллаи и Фюрст, были казнены, движение это продолжает углубляться. Политическая, а также и экономическая борьба проходит все более под знаком единства рабочего класса. Оппозиция разных профсоюзов организует общее руководство — Объединенную профсоюзную оппозицию, роль которой все более и более увеличивается.

Движение 1933 г. характеризуется увеличением размера забастовок, превращением их в забастовки целых профессий и присоединением к забастовке рабочих других отраслей производства. Забастовка текстильщиков в городе Дер в феврале еще не выходит из рамок предыдущих забастовок. Рабочие же всех трех заводов „Концерна Ганц“ объявляют общую забастовку, и ее поддерживают все металлисты, а также рабочие других профессий; несмотря на попытки профбюрократов удушить это движение, оно достигает, некоторых результатов: исключенные рабочие восстанавливаются на работе, и отдельные ставки рабочих повышаются. Но повышение отдельных ставок определенным категориям рабочих, а также индивидуальные ставки в отдельных категориях содействуют укреплению влияния дирекции и профбюрократии и разлагают создающееся единство. Это доказывает недостаточность руководства Объединенной профсоюзной оппозиции.

Забастовка строительных рабочих в октябре 1933 г. имела более широкий характер и более высокий уровень, чем все предыдущие забастовки. Она постепенно распространилась на все отрасли, связанные со строительством: каменщики, маляры, плотники, бетонщики, столяры, слесари, землекопы — все присоединяются к забастовке. Забастовка охватывает не только столицу, но почти все провинциальные города. Забастовка проходила под влиянием, а частично и под руководством Объединенной профсоюзной оппозиции. Во время забастовки рабочие показали большую организованность и боеспособность. Забастовка часто выходила за рамки экономических требований и приобретала явно политический характер. Поддержка арестованных рабочих при активном участии и руководстве МОПР'а вела к укреплению рабочей солидарности в борьбе за единый фронт. В течение трех недель почти ежедневно происходили кровавые столкновения рабочих с штрейкбрехерами и полицией, в результате которых было много убитых и раненых с обеих сторон. Забастовка закончилась значительной победой рабочих.

Картину забастовочного движения этих лет официальная статистика рисует следующими цифрами:

	Колич. забастовок и локаутов	Количество участв. рабочих	Колич. потерян. рабочих дней
1930 г.	35	5.770	60.969
1931 „	38	11.195	177.314
1932 „	20	4.925	80.195
1933 „	31	10.867	108.419

Эти цифры далеко не полны, и из них трудно сделать выводы о размере забастовок, они лишь в некоторой степени показывают динамику забастовочного движения.

Переход к депрессии не приостановил дальнейшего развития рабочего движения. Об этом свидетельствуют материалы и оценка Статистического управления. „Если мы кратко охарактеризуем 1934 г. с точки зрения разногласий рабочих с работодателями, то мы должны сказать: меньше интенсивности, но больше споров. Количество забастовок в 1934 г. повысилось так, как в течение последних 5 лет оно никогда не повышалось. Но их интенсивность слабее прошлогодней" („Венгерский статистический обзор", март 1935 г.). Но факты говорят другое. Первенство в этом году заняли опять углекопы в районе Печ. Согласно статистическим данным, число забастовок превышает прошлогоднее в 3 раза, а их внутренняя интенсивность в 10 раз.

Углекопы этого района в первый раз применили тактику голодной забастовки. Больше тысячи углекопов осталось под землей и отказывалось от всякой пищи до тех пор, пока дирекция не выполнит их требований. Эта забастовка, вызванная ничтожной заработной платой и ужасными условиями жизни, привлекла к себе внимание всей мировой общественности. Движение углекопов кончилось успехом, но достигнутые результаты не оказались прочными и кончились локаутом

Кроме забастовки углекопов, происходили довольно значительные забастовки у деревообделочников в Уйпешт, превратившиеся в этом предместьи столицы в общую забастовку деревообделочников, после трех недель закончившуюся победой бастующих. Забастовка текстильщиков охватила в значительной мере не только столицу, а и провинцию, но по времени отдельные забастовки не совпадали и во многих отношениях носили стихийный характер. Забастовка кожевников была очень значительна и по организованности стояла на высоком уровне. В Будапеште она вылилась в общую забастовку и распространилась на провинции. Она закончилась победой бастующих, которая означала для кожевников повышение зарплаты в общем на $2^1/_2$ миллиона пенге. Забастовка возглавлялась Объединенной профсоюзной оппозицией.

Надо особо отметить многочисленную и очень активную демонстрацию рабочих в 1934 г., которая проходила под знаком защиты профсоюзов, борьбы против фашизма и за единый фронт. Рабочее движение развертывается с неуклонной силой и в 1935 г. В нем КПВ все более и более выдвигается на первый план и о ее деятельности в отчете Исполкома Коминтерна VII конгрессу говорится, между прочим, следующее: „Накануне VII-го конгресса Коминтерна компартия Венгрии находится в положении, которое свидетельствует о значительных ее успехах со времени VI-го Всемирного конгресса. Эти успехи заключаются во внутренней консолидации партии, в перестройке парторганизации, концентрации работы в профсоюзах, в росте массового влияния и в руководстве боями на основе тактики широкого единого фронта. Партии удалось достигнуть этих успехов после преодоления нездоровых внутрипартийных течений, после чистки партии, после реорганизации конспиративной работы, после выправления господствовавших в части партийного руководства неправильных политических взглядов по важнейшим вопросам революционного рабочего движения. Партия, несмотря на имеющиеся еще слабости и недостатки, добилась в этом направлении значительных успехов... и стоит на правильном пути, чтобы возглавить предстоящие бои пролетариата и успешно провести борьбу за завоевание большинства рабочего класса..." [1])

9. *Средние классы во время кризиса.* По терминологии венгерской статистики под средними классами понимаются служащие государственных и частных предприятий, а также интеллигенция свободных профессий. Государственные служащие, принадлежащие к этой категории, составляли в 1921/22 г. в круглых цифрах 70 тыс., в 1927/28 г.—48 тыс., в 1934/35 г.—46 тыс. (*Зентаи*, „Говорящие цифры", Буда-

[1]) „Коммунистический интернационал перед VII Всемирным конгрессом" (М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 149, 155).

пешт, 1934). Их жалованье во время кризиса неоднократно урезывалось. Об этом свидетельствует динамика соответствующей части государственного бюджета, сумма которого в 1930/31 г. составляла 434,7, а в 1934/35 г.— 361,2 млн. пенге; уменьшение равняется 73,5 млн. пенге, которое неравномерно распределяется между разными отделами управления. Отделы, включающие аппарат насилия, не уменьшали расходов на личный состав, наоборот, иногда увеличивали их. В других же отделах эти расходы резко уменьшились. Газета „Мадьяршаг" в 1934 г. провела анкету для обследования положения государственных служащих. В результате анкетного обследования уменьшение в жаловании государственных служащих оценивается в 25%. Средний заработок гос. служащего в возрасте от 25 до 30 лет —150 - 200 пенге в месяц. Минимум же существования для семьи из двух человек равняется 315 пенге. Хуже всего обстоит дело с учителями, зар. плата которых в большинстве случаев составляет лишь от 50 до 100 пенге. Условия жизни служащих комитатов, городов и т. д. гораздо хуже, чем государственных служащих. И среди них в наихудшем положении находятся учителя. В связи с тем, что один деревенский учитель во время школьных занятий потерял сознание от голода, „Мадьяршаг" пишет: „В последнее время увеличивается количество тех учителей, жалованье которым не выплачивается или выплачивается частично. Эти учителя живут в ужасающих условиях. В деревне кредит для них закрыт. Они влачат свою жизнь при поддержке родителей или родственников, а тот, кто не имеет таковых, живет только из милости других. Нельзя терпеть такого унизительного положения" (6 февр. 1932 г.).

Положение служащих частных предприятий еще хуже. Количество их упало в Будапеште с 1929 по 1932 г. на 12%. Из них 13% зарабатывает в среднем в месяц 50 пенге, 24,8%— 100, 22%—150, 17%—200 и 12%— 250 пенге. Иными словами, 91% зарабатывает гораздо меньше минимума существования. Самостоятельные квартиры имеют 43% этих служащих остальные являются съемщиками у жильцов. Третья часть из них работает больше 8-ми часов, 14%—больше 10-ти часов в сутки, и только третья часть имеет 8-мичасовой рабочий день. Судьба безработного служащего такова же, как и безработных рабочих. После краткой, но безрезультатной борьбы они вынуждены отказаться от тех внешних форм барской жизни, которые старались иметь раньше, и живут так же, как и другие нищие. Особо необходимо подчеркнуть тяжелое положение женщин-служащих. зар. плата которых гораздо меньше зар. платы мужчин. Женщины составляют $^2/_3$ той категории служащих. жалованье которых не превышает 50 пенге в месяц.

Положение людей, имеющих высшее образование, характеризуется тем, что инженер по постройке мостов зарабатывает в неделю 16 пенге, а инженеры, принятые на службу в министерство торговли для постройки моста через р. Дунай, получают в месяц от 70 до 112 пенге („Мадьяршаг", 23 ноября 1932 г.). Комиссия, образованная для помощи безработным с высшим образованием, ведет свой учет. На учете числится 4.000 чел. Из них получили помощь разного рода 2.000 чел. Цель, которую ставит перед собой комиссия, — найти такой выход, при котором безработный с высшим образованием мог бы заработать 80 пенге в месяц, — характеризует бедственное положение этой категории („Пестер Ллойд", 26 авг. 1934 г.). Впрочем, эта комиссия „временно" приостановила свою работу, „потому что в данный момент все же не может найти занятия для нуждающихся" („Мадьяршаг", 26 авг. 1934 г.). Те из них, которые получили работу, деквалифицируются. Инженер с дипломом чувствует себя счастливым, если получает место вагоновожатого трамвая или тормозника на железной дороге. Имеющие диплом юридического факультета часто служат в качестве рядового полицейского или жандарма. Должность дворника или швейцара стараются получить учителя средней школы. Люди с высшим образованием живут в поселках

вместе с нищетой и вместе с нею вынуждены принимать участие в принудительных работах.

10. *Политическая жизнь во время кризиса.* Кризис нашел свое выражение и в политической жизни страны. Развитие и углубление кризиса, переход в депрессию выразились в смене правительств. Углубление кризиса уничтожило правительство графа Бетлена, который в течение 10 лет, как неограниченный хозяин партии национального единства, опираясь на нее, возглавлял правительство. Общественное мнение, которое вследствие кризиса, особенно во время банкротства „Кредитанштальт" в Вене, было охвачено паникой, возлагало на правительство Бетлена ответственность за безнадежное экономическое положение. В 1931 г. вся валютная система страны была под угрозой разрухи. Каждый старался избавиться от пенге, что вызывалось отсутствием доверия и напоминало времена инфляции. Роль французского финансового капитала в банкротстве „Кредитанштальта" в Вене вызвала опасения у венгерского финансового капитала и заставила его лихорадочно искать французские симпатии. Личность графа Бетлена, роль которого в подделке франка была общеизвестна, политика которого была направлена против союзников Франции—стран Малой Антанты, была препятствием к сближению с Францией. Бетлен подал в отставку, но он остался хозяином партии национального единства и, как таковой, он сохранил свое прежнее влияние. Новый премьер, граф Каролн Юлиус, был назначен из круга его ближайших друзей. Каролн после своего назначения немедленно заявил, что он будет продолжать систему Бетлена как во внутренней, так и во внешней политике, а Бетлен со своей стороны заявил своей партии, что все останется по-старому. Все это доказывает, что венгерская буржуазия считала возможным преодолеть трудности путем замены одного лица. Но последствия скоро показали, что это предположение ошибочно. Правительством Каролн (с октября 1931 г. по ноябрь 1932 г.) ознаменовано наибольшее углубление кризиса. В течение этого времени широкие слои мелкой буржуазии не только потеряли доверие к правительству и к партии национального единства, но и крайне обострились внутренние противоречия буржуазии. Крайнее обострение аграрного кризиса поощряло крупных аграриев ставить все новые и новые требования, с удовлетворением которых финансовый и промышленный капитал согласиться не мог. Отказ от удовлетворения этих требований укрепил аграрную оппозицию, так наз. партию мелких хозяев. Финансовый капитал сознавал, что сужение массового базиса чревато последствиями. Правительство, возглавляемое земельными магнатами, вроде графа Бетлена и Каролн, не могло представить достаточной гарантии для него и не являлось подходящим для расширения массового базиса. Поэтому граф Каролн был вынужден подать в отставку, и во главе нового правительства был назначен военный министр правительства Каролн Юлиус Гембеш. Гембеш, сам мелко-буржуазного происхождения, кадровый офицер генерального штаба, неоднократно показывавший свои способности к демагогии, имел задачу восстановить потерянный массовый базис венгерского финансового капитала. Он старался выполнить эту задачу путем применения методов безграничной демагогии, путем построения широкой организации партии национального единства, путем последовательного продвижения в направлении системы одной партии, путем систематического перехода к методам диктатуры. Краеугольным камнем его программы является ревизия Трианонского договора, т.-е. восстановление довоенной территории В., и в интересах этой цели — создание национального единства, которое, будто бы, является безусловной предпосылкой ревизии Трианонского договора. Его первая цель—ревизия—означает подготовку к войне; вторая же его цель — служит идейной основой беспощадного подавления классовой борьбы пролетариата и крестьянской бедноты.

В этой программе, с одной стороны, очень много демагогии, с дру-

гой стороны — она содержит ряд определенных мероприятий для систематического утверждения фашизма. Она содержит элементы сословной конституции, государственого регулирования экономической жизни, уничтожение автономии профсоюзов и их огосударствление, трудовую повинность и т. д. Отсутствие выпуклой системы единой партии и открытого антисемитизма объясняется тем, что фашизму не удалось настолько внедриться в ряды крестьянства и в особенности в ряды рабочих, чтобы он мог отказаться от помощи социал-демократической партии и партии хозяев, которые то как союзники, то как оппозиция непосредственно илипосредственно его поддерживают. Премьер Гембеш тем более нуждался в их помощи, что партия национального единства находилась в руках Бетлена, влияние которого Гембешу удалось лишь постепенно вытеснить путем систематического построения провинциальных партийных организаций, раньше не существовавших, во главе которых он поставил своих доверенных лиц. Только в 1935 г. удалось ему вытеснить Бетлена с его позиций, и реорганизованная партия национального единства давала ему — до поры до времени — более надежный базис. В реорганизованной партии влияние крупных аграриев оттеснено немного на задний план, они парализованы вовлечением представителей мелкой буржуазии, в результате чего руководящая роль финансового капитала стала более определенной, чем раньше. Гембеш, бывший вождь венгерских „рассеншутцлеров", в поместьи которого убийцы Эрцбергера нашли убежище, отказался от открытой пропаганды антисемитизма вследствие большого удельного веса евреев в области финансового капитала.

Правительство Гембеша на третью годовщину своего существования опубликовало так наз. „Синюю книгу", которая суммирует результаты его деятельности. Переход кризиса в депрессию за счет усиленной эксплоатации трудящихся — вот реальное содержание этой книги. Это означает, что правительство Гембеша достигло некоторых успехов при решении тех задач, которые были поставлены ему буржуазией. Но результаты этих успехов привели к разоблачению демагогии „плана национальной работы", угрожающему сужением массового базиса и дальнейшим обострением классовых противоречий.

В области внешней политики правительство Гембеша стремилось выполнить роль связующего звена между итальянским и германским фашизмом. Не отказываясь от итальянской ориентации, В. приспособляется к германо-польскому антисоветскому блоку и старается принять участие в вовлечении Италии и Австрии в этот же блок, выполняя роль дипломатического агента Гитлера. „Синяя книга" суммирует результаты внешней политики следующим образом: 1. Идея ревизии распространяется в международной политике. 2. Старая дружба укрепилась и приобретена новая дружба, тем самым преодолена внешне-политическая изоляция. 3. Не подлежит уже сомнению право полного вооружения односторонне разоруженных держав, и тем самым равноправие В. тоже стало актуальным. 4. Признается безусловная необходимость сотрудничества В. в решении Дунайского вопроса. 5. Римское соглашение не только разрешило проблему реализации пшеницы, но и повысило международный удельный вес В.

Для характеристики тех средств, которыми пользуется венгерская буржуазия для достижения своих целей, мы приведем некоторые примеры. В 1931 г. бывший белогвардейский офицер и полицейский служащий Матушка положил адскую машину на рельсы скорого поезда Будапешт—Вена, поезд был взорван с большим количеством жертв. Эта провокация была необходима, чтобы таким путем напугать общественное мнение коммунистической опасностью и направить недовольство масс против коммунистов, которым была приписана эта провокация. Провокация дала повод объявить осадное положение и казнить двух коммунистов, выдающихся деятелей, Шалаи и Фьюрст.

Особенно ярко иллюстрирует ме-

тоды венгерского фашизма „своевременно разоблаченная" полицией группа путчистов во главе со старшим лейтенантом Ваннаи. В 1932 г. группа авантюристов, близких к Гембешу и Хорти, пытается провести „националистски-советский" путч. Было арестовано 140 участников, некоторые из которых были убиты в тюрьмах, а остальные освобождены без наказания. Это было необходимо, чтобы продемонстрировать стране „крепкую руку" и бдительность правительства и иметь основание для дальнейшего развития диктатуры. Группа состояла из бывших террористов, которые после свержения советской власти в В. безнаказанно грабили и убивали рабочих и крестьян, устраивая в то же время еврейские погромы. Вслед за консолидацией контрреволюции их значение миновало, и их дальнейшее существование стало для буржуазии ненужным; поэтому они были недовольны режимом и мечтали о восстановлении „романтической" эпохи контрреволюции. Эту группу использовал Гембеш (тогда министр военных дел) для того, чтобы взять власть в свои руки и укрепиться. Путчисты, учитывая, с одной стороны, недовольство широких мелкобуржуазных кругов, а с другой — поддержку Гембеша, собирались захватить власть. Их планы были „разоблачены" до того, как они могли от разговоров перейти к делу и к более или менее серьезной подготовке к проведению путча. Несмотря на то, что их дело носило „дутый" характер, полиция „спасла" опять отечество, и Гембеш достиг своей цели.

Общеизвестно, что убийцы югославского короля и министра Барту в Марселе были подготовлены к убийству в В. и что расследованием роли венгерских фашистов в Янка-Пусте занималась и Лига наций. В Лиге наций В. играла роль „enfant terrible" как агент антисоветских фашистских держав. Как таковой, она является тормозом и противником политики мира, она является главным очагом военной опасности в бассейне Дуная.

Июль 1936 г.

VIII. Германия (*см.* XLVII, 183 и сл.). Поражение Г. в войне 1914—1918 гг. дорого обошлось германскому империализму. Версальский договор отнял у Г. значительные территории в Европе, все ее колонии и наложил на Г. тяжелые репарационные платежи. Попытки саботировать выполнение Версальского договора не слишком удавались: не сопротивление Г., а отсутствие единства в лагере бывших союзников в 1923 г. явилось причиной краха рурской авантюры Франции. В то же время, однако, германская буржуазия методами небывалой в истории инфляции ликвидировала свои внутренние долги и отняла у трудящихся их сбережения. Ей удалось нанести поражение германскому пролетариату в октябре 1923 г. Таков был исторический фон относительной стабилизации. При активной поддержке социал-демократии германская буржуазия заложила в то же время и основы внешней политики формального „выполнения" Версальского договора. Это открыло Г. международные кредиты. С 1924 г., года введения плана Дауэса (*см.* XLVII, 250 сл.), до кредитного кризиса 1931 г. германская буржуазия получила около 25 млрд. марок иностранных кредитов, т.-е. примерно столько же, сколько до войны составляли ее капиталы за границей. Иностранные кредиты вслед за грабительской инфляционной добычей составили финансовый базис инвестиций, с помощью которых германская буржуазия реорганизовала свой производственный аппарат.

1. *Кризис.* В 1928—1929 г. впервые был снова достигнут уровень продукции и оборота последних предвоенных лет. Уже в эти годы ярко обнаружились слабые места относительной стабилизации. Общий кризис капитализма давал себя знать, несмотря на рост продукции, развитие торговли, образование гигантских трестов и возникновение новых отраслей промышленности. Производственное оборудование в момент высшей точки послевоенного цикла использовалось лишь на 67%. Безработица охватывала в 1928 г. 1,5 и в 1929 г. 2 млн. человек. Аграрный кризис в 1927/28 г. с силой проложил

себе дорогу в Г., опрокинув все таможенные и иные рогатки. Давал себя знать недостаток собственных капиталов, и отсюда следовала неизбежно дороговизна иностранных денег (*ср.* LI, 541/43).

Само собой разумеется, сухие колонки цифр производства не говорят о невероятном обострении нужды, об ограблении и закрепощении капитализмом миллионов трудящихся, ничего не говорят о беспредельном расточении и уничтожении продуктов их труда. Но эти цифры говорят о том, что историческая миссия капитализма окончена. Со времени вступления в стадию империализма он является носителем реакции экономической, технической и политической; капитализм все более очевидно становится синонимом паразитизма, загнивания, застоя и варварства. Это движение является исключительно убедительным подтверждением учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, учения об исторической необходимости социализма и его осуществления путем пролетарской революции, путем диктатуры пролетариата.

Финансовая олигархия воспользовалась своим могущественным положением в хозяйстве и государстве, чтобы переложить на плечи трудящихся все последствия кризиса, удерживая свои монопольные цены на высоком уровне. Даже официальный, отнюдь не полно отражающий действительность (и обнимающий при том лишь группу индустриального сырья и полуфабрикатов) индекс „монопольных" и „свободных" цен показывает, как эта политика удавалась монополистическому капиталу:

Базис 1926 г.=100	Индекс		Следовательно, монопольные цены были выше свободных цен
	монопольных цен	свободных цен	
1929	105,0	97,4	+ 7,6
1930	103,1	79,7	+23,4
1931	93,8	60,8	+33,0
1932	83,9	47,5	+36,4

Источник: Institut für Konjunkturforschung, Vierteljahreshefte.

Другим рычагом, с помощью которого финансовая олигархия перекладывала на других последствия кризиса, была кредитная монополия. Крупные банки (а также зависящие от них средние и мелкие банки) резервировали все свои поддающиеся мобилизации средства для поддержания крупных предприятий, с которыми они тесно срослись. Это касается не только частных, но в равной мере также и „публично-правовых" и государственных банков. Для мелких и средних предприятий получение банковских кредитов было до крайности затруднено условиями кредитования и многократной перестраховкой, которой требовали еще до кризиса.

Третьим рычагом, который финансовая олигархия максимально использовала в своих интересах в годы кризиса, была государственная касса. Финансовый капитал черпал из нее по-хозяйски, то добиваясь государственной гарантии и беспроцентного кредита, то пособия наличными—снижения, отсрочки и частичного сложения налогов и т. д.

Результаты этой политики не прошли даром и для монополистического капитала; рост налогов и одновременное катастрофическое падение цен в немонополизированных отраслях производства, а также снижение зарплаты и уменьшение числа занятых неизбежно повели к падению производства и резкому сокращению покупательной способности масс. Монополии также оказались не в состоянии удержать и без того низкий коэффициент использования производственной мощности предприятий. В приведенной ниже таблице дано число фактически отработанных рабочих часов в процентном отношении к выраженной в рабочих часах полной возможной загрузке рабочей силы:

	июль 1929 г.	июль 1930 г.	июль 1931 г.	июль 1932 г.
Вся промышленность	69,5	55,8	46,7	34,5
Производство средств производства	72,8	54,7	43,1	30,7
В том числе:				
железоделательная промышленность	91,1	64,3	48,9	34,6
машиностроение	69,2	56,4	41,2	27.0
электротехника	79,7	57,9	46,8	30,1
производство средств транспорта	58,6	40,2	36,5	26,5
строительн. промышленность	70,6	45,5	33,5	21,4

	июль 1929 г.	июль 1930 г.	июль 1931 г.	июль 1932 г.
Производство средств потребления	65,0	57,3	51,4	39,5
В том числе:				
текстильн. промышленность	63,9	57,3	57,1	46,0
домашн. утварь и мебель	65,6	49,6	44,8	34,4
промышленность, обслуживающая культурные нужды	54,4	47,1	38,7	26,3
пищевая промышленность	67,8	56,6	54,8	50,8
вкусовая промышленность	76,1	69,5	70,0	58,0

Источник: Institut für Konjunkturforschung, Vierteljahreshefte.

Кризис охватывал во все большей и большей степени монополистические крупные предприятия, и они высасывали все резервы из банка. Кредитоспособности германских банков был нанесен жестокий удар. Уже с середины 1930 г. свободные деньги массами начали уплывать из Г. за границу. Это бегство капиталов приняло такие размеры, что швейцарские и голландские банки не только не платили никаких процентов за германские деньги, но и вклады в германских рейхсмарках допускали „лишь на риск клиента и без какой бы то ни было ответственности" (циркуляр швейцарских банков), и даже принимали „в депозит большие партии германских государственных банкнот только за проценты" (голландские банки). Понятно, что иностранные капиталисты реагировали на это бегство германских капиталов усиленным изъятием своих активов из Г. Крупные банки пришли в такое расстройство, что часто не могли уже больше оказывать поддержки промышленности. „Дармштадтский и Национальный банк" должен был допустить крах „Северного шерстяного концерна" (с примерно 210 млн непокрытого пассива). Они не находили уже средств для помощи самим себе. Все крупные банки объявили, что они не в состоянии оплачивать кассовый кредит, обещанный ими правительству. Это заявление грозило лишить правительство возможности выплачивать жалованье чиновникам и пособие безработным. Правительство потребовало от президента Гинденбурга, чтобы тот послал Гуверу телеграмму с просьбой о помощи. Последовала отсрочка платежей по плану Юнга на один год. Рейхсбанк получил от крупных государственных банков в Нью-Йорке, Лондоне и Париже и от „репарационного банка" редисконтовый кредит в 400 млн. (24 июня 1931 г.). 1.080 крупнейших германских „вождей хозяйства" приняли на себя пятисотмиллионную гарантию за „Гольддисконтобанк", пользуясь кредитным весом своих концернов и трестов. Но и это уже больше не помогало. 13 июня прекратил платежи „Данатбанк", 14 июля банковский мораторий был легализирован специальным распоряжением (Notverordnung) правительства Брюнинга.

Крупнейшие предприятия германской финансовой олигархии потерпели крах: за „Данатбанком" последовали „Лагузонконцерн" и др. Тяжелая индустрия была спасена от краха тем, что ей официально было предоставлено ок. 1,6 млрд. государственных денег, предназначенных для поддержания германских банков. Таким образом крахи ограничивались больше сферой производства средств потребления и особенно тесно связанным с нею „Дармштадтским и Национальным банком". „Дрезденский банк" перешел к государству. Отдельные крахи были и в машиностроительной промышленности (напр., Борзиг и др.).

С момента наступления кредитного кризиса обострилось падение производства и усилился рост безработицы. В водоворот кризиса были увлечены горная промышленность, производство строительных материалов, верфи и крупное пароходство. Государственная касса была последним прибежищем государственной олигархии, которой нужно было для полного ограбления государственных средств авторитарное правительство. Стремление крупной буржуазии к бесконтрольному распоряжению казною и новому беспрепятственному ограблению трудящихся выразилось в попытках фашизации верховной власти. В 1932 г. многие крупные предприятия не могли уже свести баланса законным образом (при потере больше половины акционерного капитала такие предприятия по закону подлежали ликвидации). Эти ликвидации крупных предприятий грозили, однако, новым всеобщим банкротством.

Крупное землевладение сумело уберечь свою собственность от продажи с молотка только благодаря государственной субсидии наличными (Osthilfe и др.) и благодаря запрету насильственно взыскивать с него долги. Оно не платило ни процентов, ни налогов. Юнкера аграрии были еще с вильгельмовских времен самым тесным образом связаны с офицерством и с верхушкой бюрократии. Юнкера подарили Гинденбургу имение в Восточной Пруссии, чтобы он на собственном опыте убедился в необходимости государственной поддержки.

Правительство Брюнинга было недостаточно авторитарным для того, чтобы воспрепятствовать скандальной огласке сведений о субвенциях. Особенно сильно затронутые кризисом и жестоким налоговым бременем крестьяне глубоко возмущались „восточной помощью" (Osthilfe) за счет уплачиваемых ими налогов и тем, что они со своей стороны ничего не получили. При Брюнинге приобрело также огласку и скандальное дело концерна Фликка. Фликк, который через „Charlottenhütte" контролировал акционерное общество „Gelsenkirchner Bergwerk", а через него „Stahlverein" (Стальной трест), не мог свести баланса. Банки не в силах были оказать ему помощь, и крах был неизбежен.

Вся серьезность положения крупных концернов особенно подчеркивалась бурным распадом картелей. Большинство картелей существовало лишь на бумаге. Некоторые из них поддерживали еще фикцию монопольной организации, публикуя „картельные цены"; но фактически крушение этих картельных цен стало общим явлением. Многие картели распались и официально.

Нужны были гигантские государственные средства, чтобы спасти ядро германской финансовой олигархии от краха; для этого прежде всего необходимо было устранить последние остатки парламентского контроля. 30 мая 1932 г. буржуазия сместила правительство Брюнинга и создала новое авторитарное правительство с особыми полномочиями, основанное „на доверии президента", правительство фон Папена. На следующий же день после этого кризис концерна Фликка был разрешен следующим образом: „государство" приняло от Фликка акции „Gelsenkirchner Bergwerksgesellschaft" (номинально 110 млн.) по курсу 90% (как раз тогда биржевой курс их упал до 35%!). Фликк мог теперь свести баланс и спокойно остался хозяином своего средне-германского железного концерна. „Государство", таким образом, вступило во владение большинством акций Стального треста. При правительстве Гитлера Стальной трест воспользовался этим, чтобы провести свою финансовую санацию за счет государства. В конце 1933 г. была произведена „перегруппировка", при чем „государство, владевшее до сих пор ведущим акционерным обществом (Gelsenkirchen), потеряло свое влияние обладателя „контрольного большинства". Больше того: правительство издало 27.II 1934 г. закон, который уполномочивал министра государственного хозяйства паушалировать при реорганизации Стального треста причитающиеся с него налоги и сборы. И это еще не все: в результате новой организации государство, даже вместе с Дрезденским банком, очутилось в меньшинстве, не достигающем и 25%. Поэтому хотели использовать налоги и пошлины, чтобы сохранить хотя бы лишь „запретительное меньшинство", для которого требуется 26% акционерного капитала: оно дает право заносить в протокол протесты против постановлений общего собрания, запрещающие проведение этих постановлений до решений суда. Так как пошлины и налоги составили больше 18 млн. марок, то запретительное меньшинство стоило германским налогоплательщикам около 120 млн. марок (вместе с первоначальной покупной суммой).

Эта фаза кризиса (1931—1933) характеризуется почти полным предоставлением государственной кассы к услугам финансовой олигархии и крупного землевладения. Примерно на 60—70% промышленное оборудование оставалось неиспользованным. Примерно 60—70% индустриальных рабочих было выброшено на улицу.

Правительство Папена пользовалось первоначально методами Брюнинга. Оно увеличило налоговое обложение масс примерно до 1,8 млрд., повысив налоги и урезав социальные мероприятия, в частности—проведя массовое снятие безработных со всякого рода пособий. В то же время оно устанавливало премии за общее снижение заработной платы. В конце концов оно изобрело систему налоговых бон. Каждое предприятие, уплатившее налог, получало от государства за некоторые виды налога известный процент (от 40 до 100% в зависимости от вида налога) даровых бон, которые государство обязывалось принимать в течение 1934–1938 гг. в уплату налогов. Эти боны имели хождение на бирже и могли быть тотчас реализованы. В балансах они фигурировали на стороне актива. Чем больше был налог, т.-е. чем крупнее было предприятие, тем больше была государственная субвенция. Однако, налоговые боны не выдавались за внесение налогов на заработную плату, так что рабочие и служащие совершенно были лишены той субвенции, которая в сущности представляла уплату буржуазии почти одного годового взноса репарационных платежей. Трудящимся из средних слоев эта субвенция ничего не дала, т. к. из-за незначительных оборотов она была совершенно ничтожна. На ряду с этим правительство рассыпало индивидуальные субвенции крупным предприятиям в индустрии, транспорту, торговле, банкам и крупным аграриям. Эти факты и до сего дня не полностью освещены.

К середине 1932 г. была достигнута низшая точка продукции в капиталистическом мире. Начиная с этого времени она стала снова постепенно повышаться в США, Англии, Франции, Г. и в некоторых других капиталистических странах: в Г. с 58,5% в августе до 62,4% в ноябре (1928 г. равен 100). Курсы акций, оживленные легким повышением поступлений заказов, на несколько месяцев опередивших самое повышение продукции, начали повышаться уже с июля—с 49,9 до 61,8 —в декабре (индекс Государственного статистического управления, 1294/26=100). Правительство Папена стало „накручивать" конъюнктуру всякого рода государственными заказами. Если налоговые боны первоначально были только гигантской субвенцией, то теперь они интерпретировались как средство вызвать путем восстановления рентабельности предприятий частную инвестицию, а вместе с нею и оживление.

2. *Аграрный кризис.* Германское сельское хозяйство было истощено войной и ее последствиями. Его производственный инвентарь устарел, поголовье скота сократилось. С другой стороны, инфляция почти совершенно освободила его от всяких долгов. Когда германская буржуазия в январе 1925 г. снова получила таможенный суверенитет, она попыталась реорганизовать сельское хозяйство. В реорганизации принимали участие все ведущие союзы германской финансовой олигархии: имперский союз германской промышленности, имперский союз сельского хозяйства, главное объединение оптовой и заокеанской торговли, равно как и центральный союз германских банков.

Особенно большое участие в этом деле принимали крупные банки, которые рассматривали реорганизацию сельского хозяйства как один из путей к укреплению своего могущества. Крупные банки создавали особые комиссии, которые в США, Дании и Голландии изучали условия реконструкции сельского хозяйства и его включения в финансово-капиталистическую систему. Результаты работ этих комиссий были сведены, под руководством тогдашнего владельца „Дисконтогезелльшафт", Сольмсена, в своего рода генеральный план, который был сформулирован самим Сольмсеном на кельнском съезде банкиров в 1927 г. В первую очередь решено было сделать возможной инвестицию многих миллиардов марок в сельско-хозяйственные машины, постройки и предприятия и тем самым расширить сбыт на рынках средств производства. План имел целью обеспечить продовольственную базу Г. на случай новой войны и потому в первую очередь удовлетворял стремлениям германского

империализма. Проникновение мирового аграрного и экономического кризиса в Г. воспрепятствовало, однако, германской финансовой олигархии провести полностью план картелирования сельского хозяйства. Только при фашистской диктатуре этот план был снова принят в другой форме—в форме создания рыночных союзов.

Сельское хозяйство в Г. в большей степени, чем во многих других странах, разбилось по историческим причинам на два производственных направления.

Крупное сельское хозяйство является решающим рыночным производителем хлеба, корнеплодов (свекла, репа, картофель и т. п.) и кормов. Крестьянские хозяйства не играют здесь почти никакой роли вследствие незначительности их земельных участков. Их рыночную продукцию составляют гл. обр. продукты скотоводства, плодоводства и огородничества. Среднее и часть мелкого крестьянства могут продавать хлеб только при условии, что они в состоянии будут купить дешевые корма. Зажиточное хозяйство представляет переходный тип между крупным и мелким сельским хозяйством.

В 1927/28 гг. (по вычислению Института по исследованию сел.-хоз. рынка) различные группы участвовали след. обр. в рыночной продукции:

	Скот и продукты животноводства	Хлеб, корнеплоды и корма
Крупные хозяйства	30%	70%
Крестьянские хозяйства (от карликовых хозяйств до крупного крестьянства включительно) . .	70%	30%

Из крестьянской рыночной продукции хлеба, корнеплодов и кормов на долю крупного крестьянства приходится преобладающая часть. Из продукции крупных животноводческих хозяйств значительная часть падала на долю племенных и пр. хозяйств с небольшими земельными участками, но с крупным капиталом.

Аграрная политика Г. в течение десятилетий строилась в расчете на поддержание высоких цен во имя интересов юнкерского хозяйства. Буржуазная революция не сломила юнкерства в Пруссии (Ленин дал блестящий анализ прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве). Политика высоких заградительных пошлин и многочисленных субвенций юнкерскому хозяйству мотивировалась также необходимостью, в интересах бесперебойного продовольственного снабжения в случае войны, как можно больше расширить обработку почвы, используя даже самые плохие и неудобные земли (путем повышения земельной ренты). Такая исключительная заботливость по отношению к крупному сельскому хозяйству в высокой мере поощряла крупных землевладельцев в их занятии земледелием. Как мало они, под влиянием этой политики, склонны были заниматься, напр., животноводческим хозяйством, показывает следующая таблица:

Распределение поголовья скота по классам землевладения в %% к общему поголовью скота в 1933 г.

Размер хозяйства в *га*	Крупный рог. скот	Свиньи	Куры	
0,5—2	3,6	18,6[1])	13,2	Мелкие хозяйства
2—5	12,4	11,8	18,6	Мелкие крестьянские хозяйства
5—10	18,3	16,6	20,8	Средние крестьянские хозяйства
10—20	22,4	19,9	21,2	Средние крестьянские хозяйства
20—50	24,6	19,2	18,0	Крупные крестьянские хозяйства
50—100	8,3	6,1	5,0	Крупные крестьянские хозяйства
свыше 100	10,4	7,8	3,2	Крупные хозяйства
Итого . .	100,0	100,0	100,0	

Хозяйства в 20 и больше *га* владеют свыше 65% всей площади, но всего лишь 43% крупного рогатого скота, 33% свиней и 25% кур.

После проигранной войны Г. стала на тот же путь, ничего не забыв и ничему не научившись. Снова были установлены старые пошлины, сохранились старые субвенции, сохранена была монополия на спирт для крупных картофельных имений, сахарные пошлины и налоги; снова были восста-

[1]) Мелкие хозяйства от 0,0 до 2 *га*. Источник Institut für Konjunkturforschung, 1935, Heft I, S. 30.

новлены боны на ввоз (премия за экспорт, в особенности для юнкерского крупного сельского хозяйства востока: каждый экспортер зерна получал боны на право беспошлинного ввоза с.-хоз. продуктов). Животноводческое сельское хозяйство выписывало много кормов из-за границы, в особенности маис, ячмень, концентрированные корма, и импорт их давил на хлебные цены, так как соответственно сужал возможности скармливать хлеб отечественного производства. Под давлением мирового аграрного и экономического кризиса буржуазия все больше и больше повышала таможенные ставки в интересах крупного сельского хозяйства, дополняла их другими ограничениями импорта (напр. контингентированием), принудительным применением пшеницы отечественного производства, требованием подмешивания подкрашенной отечественной ржи к заграничному кормовому ячменю[1]); в особенности был ограничен ввоз маиса путем введения государственной маисовой монополии (1929—1931). Таможенные ставки во много раз превышали довоенные. Они достигали (в марках за доппельцентнер):

Годы	Рожь	Пшеница	Кормовой ячмень	Овес
1913	5,00	5,50	1,30	5,00
1925	3,90	3,50	1,00	3,00
1932	20,00	25,00	18,00	16,00

Тем самым влияние быстрого падения цен на мировом рынке было для крупного сельского хозяйства значительно смягчено, хотя, конечно, и не исключено совсем. Цены его продукции в 2—4 раза превышали цены мирового рынка, в то время как цены крестьянского животноводческого хозяйства почти целиком следовали за колебаниями мирового рынка и упали до половины довоенного уровня.

[1]) В целях поддержания высокого уровня хлебных цен закупленная рожь была сделана с помощью красителя эозина непригодной для пищи и продавалась как корм.

Субвенционирование полеводческого сельского хозяйства должно было вести к все растущему повышению продукции. Массы излишков угрожали ценам внутреннего рынка. Выбросить их на внешний рынок путем демпинга, организованного в государственном масштабе, было бы при гигантской разнице в ценах слишком дорогим удовольствием и привело бы к дальнейшему росту перепроизводства. Юнкера в лице Государственного сельскохозяйственного союза (граф Калькрейт) агитировали за пошлины на продукцию мелкого животноводческого сельского хозяйства, чтобы тем самым сделать возможным использование излишков в виде кормов, как единственно действительный на долгий срок выход. Однако, при высоких ценах на хлеба (цены держались примерно на довоенном уровне) и при глубоком падении цен на скот и на продукты скотоводства (20—50% ниже довоенного уровня) скормить так хлеб было невозможно. Для этого нужно было провести ограничение ввоза иностранных кормовых продуктов, в первую очередь—концентрированных кормов (маслянные жмыхи, соевая мука и пр.). Подобное ограничение ввоза, однако, совершенно разрушило бы и так уже сильно затронутое кризисом животноводческое сельское хозяйство. Поэтому крупное сельское хозяйство уже при правительстве Папена предложило повысить цены на продукты животноводства в качестве условия для повышения цен на корма. Ниже мы увидим, как фашистская диктатура осуществила эти проекты финансовой олигархии и крупного сельского хозяйства в своем „жировом и фуражном плане" и принудительном картелировании.

Итак, аграрный кризис в Г. начался с земледелия юнкерского востока, а затем поразил с еще большей силой крестьянское хозяйство путем небывалого снижения покупательной способности масс. В 1933/34 гг. фашистская диктатура ликвидировала кризис крупного сельского хозяйства тем, что переложила всю тяжесть его на крестьянское животноводческое хозяйство, о чем будет еще сказано ниже.

В период относительной стабилизации задолженность германского сельского хозяйства снова быстро возросла. Основной тяжестью на сельское хозяйство ложилось бремя процентов по новой задолженности. Эта новая задолженность состояла в значительной части в трансформированной земельной ренте. Инвестиции оставались относительно небольшими; из современных средств производства только трактор был введен в сравнительно значительных размерах, комбайнов почти совершенно не было. Аграрный кризис застиг германское сельское хозяйство в относительно отсталом состоянии его производственного аппарата. Многие не без оснований обвиняли, кроме того, крупных землевладельцев в том, что они попросту растратили значительную часть того, что получили взаймы.

В то время как для крупного землевладения выбрасывались гигантские государственные субвенции (помощь Восточной Пруссии, „восточная помощь", ссуды по задолженности и т. д.), широкие массы крестьян были вынуждены для покрытия бремени процентов и налогов распродавать свой хозяйственный инвентарь, свой скот и еще больше увеличивать свою задолженность. Анкета „Христианского союза крестьян" (опубликованная в Регенсбурге в 1933 г.) указывает, например, что в 1932 г. в Баварской горной области уплачивалось в среднем 78% всей выручки в виде платежей по процентам и 110% выручки шли на налоги, сборы и страхование.

Принудительная продажа с торгов невероятно возрастала. С 1928 по 1932 г. проданная с принудительных торгов земля превысила 560.000 *га*; и это — несмотря на ограничение законодательным порядком принудительной продажи с торгов! Вырученные от такой продажи суммы не покрывали уже долгов. Это значило, что выручки от принудительной продажи с торгов не хватало даже на покрытие первоочередного долга по закладной; таким обр. другие кредиторы не могли надеяться получить что бы то ни было. Под давлением падения земельной ренты и массовых возмущений принудительная продажа с торгов в конце концов была ограничена государством. В результате государственного субвенционирования крупного хозяйства продажа с торгов хозяйств больше 200 *га* упала с 1931 г. почти на треть, в то время как продажа мелких и средних крестьянских хозяйств возросла на 38%. При фашистской диктатуре продажа мелких хозяйств с торгов возросла еще больше, как мы это увидим ниже.

Бремя налогов на сельское хозяйство ложилось главным образом на крестьянские хозяйства, прежде всего вследствие самой системы взимания налогов, а главным образом потому, что крупные хозяйства по большей части избавлялись от налогов, вернее, что налоги возмещались им субвенциями, в то время как они взыскивались тем более жестоко, чем меньше было хозяйство.

По имперскому закону о налоговой оценке земли, чем больше владение, тем относительно меньше налог с *га*. Обложение налогом крупного землевладения превратилось в гигантский скандал. Из парламентских отчетов того времени стали известны, наприм., следующие факты: один землевладелец, граф, владевший больше 2.000 моргенов земли, имевший 18 человек домашней прислуги в замке и 6 человек домашней прислуги в своем городском дворце и 3 личных автомобиля, платил подоходного налога меньше, чем его конюх, так как его бухгалтерия исчислила ему огромные убытки; другой землевладелец, генерал на пенсии, вообще не платил подоходного налога, так как финансовое управление разрешило ему подавать налоговую декларацию для всех его доходов вместе, и таким путем его генеральская пенсия в 18.000 марок в год была соответственно бухгалтерским путем скомпенсирована убытками его огромного имения. Но по отношению к мелкому крестьянину финансовые чиновники применяли самые жестокие средства и часто уводили последнюю корову из хлева.

Уже в 1927 г. возмущение крестьян этой системой доходило до открытого взрыва. Мозельские виноградари взяли штурмом финансовое управление Бер-

кастеля и сожгли налоговые акты. Так как эти крестьяне, ранее почти сплошь поддерживавшие католическую партию центра, стали прислушиваться к коммунистической агитации, партия центра выхлопотала им государственный кредит в 50 млн. марок с обещанием позднее скостить его вовсе. Но 1 июня 1935 г. фашистское правительство объявило, что оно еще раз рассмотрело вопрос об обратной выплате этих кредитов виноградарями и нашло, что это необходимо в „интересах государства" и для „поддержания народной морали". Оно требовало, „чтобы все виноградари безотлагательно выполнили свои обязательства по платежам".

Мелкое сельское хозяйство испытывало уже накануне кризиса ужасающий земельный голод. Официальная перепись хозяйств в 1933 г. дала следующие цифры:

Размеры хозяйств в *га*	Число хозяйств	%	Количество земли в *га*	%
0 — 0.5	5.278.972	63,4	545.502	1,3
0,51 — 2	834.014	10,0	934 087	2,2
2 — 5	787.707	9,5	2.581.358	6,3
5 — 10	619.209	7,4	4.359.286	10,4
10 — 20	450.517	5,4	6.270.451	14,9
20 — 50	267.094	3,2	7.948.618	18,9
50 — 100	54 491	0,7	3.618.708	8,6
100 — 200	16.542	0,2	2.255.984	5,4
200 — 500	10.593	0,1	3.306.264	7,9
500 —1 000	3.911	0,1	2.691.079	6,4
свыше 1.000	2.787		7.455.849	17,8
Итого . . .	8.825.887	100,0	41.970.136	100,0

В группе хозяйств размером 0—0,5 *га* насчитывается свыше 3 миллионов, не занимающихся сельским хозяйством. Это—земельные участки сел.-хоз. рабочих, железнодорожных служащих и т. д., из которых почти 2,5 млн. имеют менее 500 *кв. м* и около 1 млн.—1.000 *кв. м*. Но в эту группу включена также часть крестьян, имеющих земли до 5.000 *кв. м*; количество этих хозяйств оценивается приблизительно в 2 млн.

Этот земельный голод под гнетом кризиса, который делал все более и более затруднительными всякие приработки, поднял невероятно высоко цены на маленькие парцеллы. По сравнению с довоенным временем произошли следующие изменения в ценах: владения от 2 до 5 *га*—плюс 20—30%; хозяйства в 100 *га* и больше—минус 30—60%. Ничто не может яснее обрисовать земельный голод, который еще больше обострялся государственной охраной товарных цен и совершенно недостаточным землеустройством.

Кризис все больше лишал возможности крестьян владельцев карликовых и мелких участков и их семьи смягчать свою нужду работой по найму. Таким образом, безработица была ощутительна и для крестьянства. Во-вторых, расстройство потребления невероятно понизило цены на рыночные продукты крестьянского хозяйства. Цены на важнейшие рыночные продукты крестьянства падали так: масло с 359,17 марок за центнер в 1928 г. упало до 217,78 в 1933 г., свиньи с 79,10 марок за центнер в 1929 г.—до 37,80 в 1933 г., телята с 71—до 33 марок.

Падение доходов, высокие расходы на средства производства, аренда, проценты, налоги, сборы и высокая стоимость жизни сделали нужду всеобщей. Переработка и недопотребление стали ужасным бичем; тысячи трудящихся крестьян были изгнаны из своих домов и дворов притом без всякой перспективы найти работу на фабриках или получить пособие в городах.

3. *Положение рабочего класса в годы кризиса.* Кризис начался, когда число безработных уже равнялось 1,4 млн. Реальная заработная плата не достигала даже скудного уровня довоенных лет вследствие огромного по-

вышения стоимости жизни, налогов и сборов на социальное страхование. Уровень реальной заработной платы на самой вершине высокой конъюнктуры был, примерно, на 4% ниже, чем в 1913 г. (см. *Рабочий класс*, XXXIV, 709 сл.). Во время кризиса безработица достигла таких „рекордов", о которых не дают понятия официальные цифры, так как с 1929 г. круг получающих пособие непрерывно сужался. Уменьшение шансов на получение работы или пособия путем явки в бюро труда все больше и больше приводило к тому, что безработные вообще переставали регистрироваться. Возникла „невидимая" безработица, объем которой не поддается определению. К тому же безработица росла за счет естественного прироста населения средних слоев, и этот процесс пролетаризации статистически вообще не учитывался.

К громадной массе безработных следовало бы присоединить еще почти 4 млн. работающих неполную неделю; их участь в некоторых отношениях была даже еще хуже, чем безработных, так как они зарабатывали меньше получающих пособия. Вот официальные данные о безработице (средн. месячн. в млн. человек):

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935 I полуг.
1. Страхование от безработицы	1,8	1,8	1,7	1,1	0,5	0,3	0,5
2. Кризисное пособие	0,2	0,4	1,0	1,5	1,3	0,5	0,8
3. Благотворительность	—	0,3	1,1	1,9	1,8	0,8	0,5
а) графы 1, 2, 3 все, получающие пособие	1,5	2,5	3,8	4,5	3,6	2,0	1,8
4. Официально зарегестрован. безработные, не получающие пособия	0,4	0,6	0,7	1,1	1,1	0,7	0,6
5. Минимальное число „невидимых" безработн.	0,3	0,8	1,5	2,4	2,5	2,5	2,5
в) графы 4 и 5 все не получающие пособия	0,7	1,4	2,2	3,5	3,6	3,2	3,1
а плюс *в*—минимальное число безработных	2,2	3,9	6,0	8,0	7,2	5,2	4,9
Занятые на принудительных работах *)	—	—	—	—	0,4	0,8	0,6

*) С июня 1933 г. занятые на принудительных работах указывались в числе занятых, тогда как раньше их причисляли к безработным.

Принудительные работы разрослись пышным цветом в фашистской Г. Это, во-первых,—трудовая повинность (Arbeitsdienst); уже при Папене официальное бюро по предоставлению работы и распределению благотворительных пособий стало отказывать в пособиях бывшим рабочим, если они отказывались от тогда еще добровольной работы в лагерях. При Гитлере принуждение все больше и больше усиливалось, и, в конце концов, отработка повинности в „трудовых лагерях" стала условием получения места рабочего или служащего. В большей части академических профессий отработка определенного срока (как правило $^1/_2$ года) в порядке трудовой повинности является ныне условием допущения к экзаменам. Трудовая повинность была в то же время подготовкой – предварительной и дополнительной—к военной службе. Занятые на трудовой повинности получали жилье в бараках или палатках, одежду, продовольствие и немного карманных денег, по большей части ок. 3 марок в неделю. Рабочие были заняты на строительстве военных сооружений и отчасти на подготовке пустошей для обработки, а также на мелиоративных работах для крупного сельского хозяйства.

Дальнейшие формы принудительной работы были созданы „законами о предоставлении работы" в июле 1933 г. Для проведения „общественных" работ (öffentliche Arbeiten), переданных предпринимателям, предусматривались следующие виды обеспечения для вновь получающих работу:

1. Продолжение прежнего пособия по безработице или благотворительного пособия (среднее в неделю)	9.00 марок
2. „Боны на предметы потребления", вычисленные из расчета расходов на одежду в 25 марок ежемесячно, в неделю	6.25 марок
3. 6 горячих обедов, ок. 0,20 марок каждый	1.20 марок
	16.45 марок

Между тем, официальная тарифная заработная плата была в то время около 36 марок.

Кроме того, молодые рабочие посылались в деревню в качестве батраков. Здесь они не получали уже никаких пособий. Последние выплачивались крупным крестьянам и помещикам из расчета 30—40 марок в месяц. Из этой суммы батрак должен был получать карманные деньги и все содержание. Рабочая сила батраков была, таким образом, для хозяина совершенно бесплатной.

На чрезвычайных работах в целях общественной помощи, проводившихся, главным образом, коммунальными управлениями, заработная плата по большей части была несколько ниже среднего уровня заработной платы неквалифицированных рабочих. Принуждение и здесь осуществлялось путем снятия с пособий.

Распределение безработных по важнейшим профессиям дано в следующей таблице, составленной по заведомо неполным официальным данным:

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935 I полуг.
Все зарегистрированные безработные	1.892	3.076	4.520	5.575	4.404	2.718	2.861
Из них:							
металлисты	278	513	777	935	732	374	265
строит. рабочие	223	323	447	498	390	185	214
текстильщики	81	147	188	224	150	77	64
транспортн. рабочие	91	140	222	308	302	198	168
пищевики	65	88	150	161	134	81	74

Не поддающаяся описанию нужда, скрывающаяся за скупыми цифрами этих таблиц, обострялась еще больше из-за длительности. Кроме того, самые пособия по безработице непрерывно снижались. По данным „Форвертс" от 12.X 1932 г. среднемесячные цифры пособий в городах таковы (в марках):

1927	1928	1929	1930	1932
81,00	78,00	76,00	60,00	58,00

С этого времени, вследствие изменения видов пособий, снятия с пособий растущей массы безработных, отжомандирования на принудительные работы и „своеобразия" фашистских статистических методов, являющихся, конечно, средством извращения действительности, средние цифры стали несопоставимы. При фашистской диктатуре падение пособий и одновременное повышение цен стали бичом безработных.

Длительность пособия по страхованию составляла 20 недель, по „кризисному пособию"—38 недель (для лиц старше 40 лет срок мог быть увеличен до 51 недели). После этого во всех случаях либо вступало в силу общинное благотворительное пособие, которое предоставлялось лишь в качестве ссуды, либо рабочий окончательно терял всякое пособие.

К безработице присоединялось еще небывалое снижение заработной платы, которая становилась все меньше и меньше в результате роста налогов и взносов на социальное страхование. В следующей таблице даны исчисления государственного статистического управления относительно движения всего фонда заработной платы во время кризиса.

„Трудовые доходы" (в 1.000 мк.)

По данным взносов на социальное страхование	1929	1930	1931	1932	1933
1. Рабочие (застрах.)	23.339	20.609	16.077	11.403	12.101
2. Служащие (застрах.)	7 649	7 743	6.920	5.766	5.722
3. Доходы не вносящих на социальн. страхование служащих	3.395	2.950	2.110	1.613	1 666
4. Жалованье имперских, областных и коммунальных чиновников	4.173	4.190	3.867	3.255	3.204
5. Гос. жел. дор., почта и т. д.	2.729	2.727	2.492	2 687	2.002
6. Прочие трудовые доходы	1.760	1.632	1.912	1.587	1.285
7. Вместе	43.045	39.851	33.378	25.711	25.980

Источник: „Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reiches", 1934, H. 3, S. 111, 71.

Относительно графы 1 следует заметить, что с июня 1933 г. занятые на принудительных работах и на трудовой повинности причислялись к занятым (прежде к безработным), следовательно здесь пособия частично исчислены как оплата труда, так что существует противоречие (вероятно, сознательное) между растущими доходами этой графы и служащими и чиновниками. Графа 3 содержит жалование высших служащих, графы 4 и 5—низших, средних и высших чиновников. Понижение достигло:

Рабочие (графа 1)	с 1929 по 1932 г.	51%
Служащие (графа 2)	с 1930 по 1933 г.	26%
Высш. служащие (графа 3)	с 1929 по 1932 г.	52%
Имперские, областные и т. д. чиновники (графа 4)	с 1930 по 1933 г.	23%
Чиновники госуд. предпр. (графа 5)	с 1929 по 1933 г.	27%
Прочие трудовые доходы (графа 6)	с 1931 по 1933 г.	33%

За то же время средняя выработка на одного рабочего сильно возросла. Опубликование статистических данных по большинству отраслей производства было запрещено, так как эти данные могли послужить рабочей прессе для агитации.

Производительность труда в Рурском угольном бассейне составляла:

Год	средняя добыча угля в 1 смену на 1 человека в Рурск. угольной промышленности в *кг*	(1913=100)	машинная добыча в Рурск. горной промышленности в % к годовой производительности (1913=ок. 22,0)
1925	946	100	48,0
1926	1.114	118	65,7
1927	1.132	120	80,5
1928	1.191	126	85.4
1929	1.271	135	91,2
1930	1.352	148	93.8
1931	1.490	158	95,7
1932	1.628	173	96,0
1933	1.677	177	96,0
1934	1.678	177	97,0
1935	1.692	179	97,0
	1:711	181	97,0

Источники: „Glückauf", Zeitschrift für Bergbau; Zeitschrift fur d. Berg-, Hütter- u. Salinenwesen Juli 1935, Bd. 88.

Как вычисленный конъюнктурным институтом общий индекс, так и индекс рурской угольной промышленности показывают, что прирост выработки рабочего во время кризиса был больше, чем за предшествующее время, хотя основная волна рационализации приходилась на 1925—1928 гг. Рост механизации в рурской горной промышленности при этом до кризиса был во много раз сильнее, чем во время кризиса.

К снижению жизненного уровня присоединялось таким образом усиленное выжимание рабочей силы в небывалых до сих пор размерах. Следствия возросшей производительности труда совершенно ясно обрисовываются даже официальной статистикой несчастных случаев:

Несчастные случаи на производстве в Германии

Год	Число занятых на производстве в тыс.	Число зарегистр. несчастн. случаев на производстве в тысячах	Число зарегистр. несчастн. случаев на производстве в % к числу работающих	Несчастные случаи в произв., по котор. выдано вознагр. (% к числу зарегистр.
1913	13.000	789	6,1	17,5
1925	14.800	864	5,9	12,2
1929	18.870	1.480	8,2	11,2
1932	12 690	808	6,4	10,6
1933	13 310	920	6,9	7,8
1934	15.330	1.166	7,8	7,0
1935	16.030	1.366	8,5	6,5

Небывалое снижение расходов на социальные нужды отчетливо отражается в снижении выданных сумм вознаграждений.

Взносы на социальное страхование, являющиеся составной частью заработной платы, рассматривались государством как своего рода налог на зарплату. Фашистская диктатура эти суммы и излишки все больше и больше заставляла служить целям вооружения.

Итак: сокращение заработной платы, работа неполную неделю, безработица, снижение выплат по социальному страхованию при растущем бремени налогов и сборов и высокой стоимости жизненного минимума — вот те средства, при помощи которых германский капитализм пытался ослабить для себя действие кризиса за счет рабочего класса. Этот небывалый гнет, конечно, неравномерно распределялся между отдельными слоями рабочего класса. Для занятых полностью падение заработной платы несколько смягчалось падением цен. Но в результате политики цен наступило новое вздорожание жизни.

4. *Положение средних слоев во время кризиса.* Средние слои в Г. состоят примерно из 2,6 млн. крестьян, 1,4 млн. ремесленников и мелких предпринимателей, 0,8 млн. торговцев и 0,2 млн. лиц „свободных профессий", которые в общем и целом представляют собою не-чиновную и не-служилую „интеллигенцию"; затем, примерно из 3,5 млн. служащих и чиновников (если мы выделим из общего указываемого статистикой числа в 5,5 млн. круглым счетом 2 млн. низших чиновников и служащих крупных предприятий—гос. железных дорог, почты, городских средств сообщения и т. д.) как принадлежащих к пролетариату. Наконец, к ним принадлежат еще около 5 млн. членов семей, основная масса которых занята в крестьянских хозяйствах, а также около 1,7 млн. пенсионеров, рантье, получивших обеспечение стариков, и т. п.

Кризис ударил по крестьянской и ремесленной группе средних слоев прежде всего падением цен и острым сокращением торговых оборотов, в свою очередь явившимся следствием безработицы и сокращения заработной платы.

Обороты розничной торговли

Год	В млрд. марок	В ценах 1925 г.[1])	На единицу народонаселения, в марках
1925	30,2	30,2	484
1928	36,3	33,8	531
1929	36,6	38,5	524
1932	22,7	26,1	402
1933	21,8	25,5	391
1934	24,2	27,8	424 (407)
1935	25,2	28,6	428 (402)
1936	27,8	31,2	464 (418)

Обороты ремесла, по, конечно, очень ненадежной оценке, упали с 20 млрд. марок в 1928 г. до 11 млрд. марок в 1932 г. и в 1935 г. составляли 14 млрд. марок.

При падении индекса стоимости жизни с самой высокой до самой низкой точки на 23%, оборот сократился на 42%. С 1933 г. цены снова начали подниматься. Крестьяне пытались повышением количества продукции выравнять падение цен, вследствие чего оно еще больше усиливалось в результате сокращения трудовых доходов. В торговле, ремесле и мелких предприятиях те же причины вместе с резким сокращением оборота вызвали крутое падение доходов и невероятное обострение конкуренции. К этому присоединилось косвенное влияние массовой безработицы, которая скоро наглухо закрыла всякую возможность для средних слоев смягчить работой по найму падение собственных доходов. Большинство семей среднего класса должно было содержать безработных членов своей семьи, которые не получали никаких пособий. Наконец, жестокое снижение пособий и массовое снятие со всех видов пособия вызвали в области ремесла конкуренцию профессиональных рабочих, которые, не имея ремесленного свидетельства, брались за случайную работу, чтобы как либо подработать и тем подтянуть свое совершенно не-

[1]) Исчислено по официальному индексу стоимости жизни в ценах 1925 г. Вследствие этого, начиная с 1933 г., действительное падение оборота недостаточно отражено, т.к. повышение цен было значительно бо́льшим, чем это указывает фальсифицированный при фашистской диктатуре официальный индекс. Действительные обороты были ниже официальных в 1934 г. примерно на 4%, в 1935 г.—на 6% и в 1936 г. — на 10% (даны в скобках).

достаточное пособие. По тем же причинам разбухало число бродячих торговцев, уличных разносчиков и доставщиков на дом, при чем эта торговля частично срасталась с нищенством. Для 1931 г. конъюнктурный институт (особый выпуск 32) дает в анализе оборотов следующие цифры:

Общий оборот розничной торговли	28.486 млн.	100%
В том числе универсальные магаз.	1.150 „	4%
„ „ „ потребительские союзы и заводские кооперативы . . .	1.424 „	5%
В том числе торговля в разнос .	2.115 „	7,4%

Таким образом оборот торговли в разнос уже в 1931 г. превысил как обороты потребительских союзов, так и обороты универсальных магазинов!

Для крестьянских и ремесленных масс средних слоев бремя налогов и сборов, которые становились все тяжелее и тяжелее при исчезающей доходности, не смягчалось никакими субвенциями, гарантиями, „восточной помощью", снятием налогов; финансов. инспектора взимали их самым жестоким образом. Бремя падавших на них налогов средние слои представляли себе как дань финансовой олигархии, о которой они не имели никакого конкретного представления и которую отождествляли скорее с мелкими биржевыми спекулянтами, „джоббераии" и „еврейскими шиберами", чем с Круппом и Тиссеном, „Гапаг-Ллойд" и „ИГ Фарбениндустри". Антикапиталистические настроения продолжали оставаться весьма неконкретными и были направлены главным образом против носителей непосредственно очевидной конкуренции крупного капитала, против универсальных магазинов, магазинов с единой ценой, многолавочных предприятий крупных концернов. Подлинное влияние монополий на издержки производства и на себестоимость было для средних слоев неясно, и вся нужда, казалось им, объясняется главным образом падением рыночных цен. Число конкурсов (см. *конкурсный процесс*, XXV, 22), прежде—один из важнейших показателей процесса пролетаризации, хотя и разбухло, но не отражало уже больше истинного положения вещей. В большинстве случаев кредиторы должны были воздержаться от всякого принудительного взыскания, так как расходы по конкурсу, как правило, превышали всякую возможную выручку от аукциона и приводили лишь к новым убыткам. Поэтому сильно возросло число „молчаливых соглашений", в особенности с 1931 г., когда сдать в наем освобождающиеся ремесленные помещения стало почти невозможным.

Статистических данных о доходах ремесленников не существует. В общем можно сказать, что доходность их находилась по отдельным мелким предприятиям (около 84% ремесленных и мелких предприятий и 78% мелкой торговли) в массе примерно между пособием по безработице и заработной платой квалифицированного рабочего. Обнищавшие средние слои очень быстро переполнили армию служащих. Уже в 1925 г. число служащих по сравнению с последней переписью з 1907 г. возросло на 111%, в то время как число индустриальных рабочих повысилось лишь на 12%. Эта общая для капиталистических стран тенденция известна. Потери, вызванные инфляцией, и отсутствие новых доходов решительно препятствовали средним слоям не допускать своих дочерей к работе и воспитывать из них домашних хозяек. Во время кризиса стремление подработать что-нибудь к доходам семьи, хотя бы лишь только карманные деньги, стало поистине всеобщим. Неудивительно, что при такой конкуренции на рынке труда оклады служащих (по данным анкеты профессионального союза служащих) уже в 1930 г. упали ниже 200 марок в месяц у 34% мужчин и у 81% женщин, т.-е., следовательно, ниже заработной платы квалифицированных рабочих. Безработица свирепствовала среди служащих совершенно так же, как и среди рабочих.

Основная масса служащих — около 75% — была организована в профессиональные союзы под руководством буржуазных партий. Так, сильнейшей организацией служащих в Г. был „Германский национальный союз торговых служащих", который находился под политическим руководством Германской национальной и Герман-

ской народной партий. Так наз. свободные профсоюзы служащих, находившиеся под руководством социал-демократии, исключили из организации всех активных коммунистов и охватывали лишь четвертую часть служащих. Организации служащих боролись за то, чтобы снова завоевать „серединное положение" служащих между предпринимателем и рабочими, положение, которое они потеряли в условиях общего кризиса. Отчаянная, бесперспективная борьба средних слоев против пролетаризации — как мы увидим ниже—была одним из важнейших элементов, содействовавших фашистской идеологии.

Чиновники были относительно меньше затронуты кризисом.

Зато интеллигенция испытала на себе всю тяжесть кризиса. Все научные и полунаучные профессии были в условиях капитализма совершенно переполнены. Чем меньше мелкая собственность в условиях всеобщего кризиса капитализма оказывалась подходящим средством к достижению „буржуазного благополучия", тем больше старались мелкобуржуазные семьи выкроить деньги на образование своих детей, чтобы тем самым дать им лучшее оружие в борьбе за буржуазное благополучие.

Капиталистическое государство не в состоянии было использовать обученные кадры интеллигенции.

„Наплыв" в университеты, высшие технические училища, технические и торговые учебные заведения, по существу отнюдь не означавший распространение высшего образования даже на всех детей мелких и средних буржуа, не говоря о рабочих, означал „переизбыток" интеллигентного труда. Обусловленное кризисом закрытие предприятий, обнищание масс и сокращение расходов на культурные и социальные нужды обострили безработицу среди служащих этих профессий (инженеры, техники, химики, архитекторы, служащие врачи, учителя и т. д.) и одновременно привели к падению доходов в „свободных профессиях. Образование, которое перед мировой войной было одним из самых надежных средств к достижению буржуазного благополучия, вело к тому же необеспеченному существованию, как и все другие профессии, и не могло уже больше предохранить от массового обнищания. Процесс пауперизации охватил интеллигенцию, которая пополняла массовую армию безработных.

В 1933 г. фашистский „министр по делам культуры" Рюст объявил, что в Г. существует 370.000 „лишних" лиц с высшим образованием, из которых „200.000 безусловно не имеют работы". Фашизированная „Франкфуртер Цейтунг" от 29. V. 1934 г. сообщает, что прирост врачей по предварительным исчислениям на годы 1934—1936 достигнет примерно 4.000, в то время как „потребность в свободной практике составляет около 1.500 в год". Таким образом, число врачей, якобы, „на много превышает потребности государства и хозяйства, а с 1935 г. превысит их даже больше чем в три раза". И это в то время, когда огромное большинство населения не имеет средств на получение платной медицинской помощи. Статья в „Кельнише Цейтунг" от 28. I. 1934 г. о „безработице среди лиц с высшим образованием" говорит: „Это — трагедия, когда молодежь с высшим образованием в возрасте от 26 до 27 лет после двадцатилетнего обучения (13 лет школы, 5 лет университета и 2 года практики), тщетно пытается найти хотя бы место учителя или практиканта, которое требует лишь среднего образования". В этой статье говорится, что из 25.000 человек, которые ежегодно кончают высшую школу, примерно 13—14 тысяч не находят никакого применения. Из общего числа молодых немецких учителей больше 40.000 должны много лет дожидаться места, а до тех пор жить за счет своих семей.

Таким образом, вся масса средних слоев обнищала под влиянием кризиса в невиданной до того степени: трудовое крестьянство так же, как и ремесленники, торговцы и мелкие предприниматели, служащие так же, как и „интеллигенция". Процесс пролетаризации натолкнулся на массовую без-

работицу, которая запирала доступ к работе по найму.

5. *Внутреннее политическое развитие.* Как протекало на основе изменившихся соотношений классовых сил развитие внутренней политической жизни? Отметим сначала самый общий барометр этого движения — выборы. Всего было подано (в тысячах голосов):

	1919	Май 1924	Декаб. 1924	1928	1930	Июль 1932	Ноябрь 1932
Коммунистическая партия	—	3.693	2.709	3.263	4.590	5.370	5.980
Социалистическая партия	13.826	6.270	7.980	9.32)	8.583	7.960	7.293
Мелкобуржуазные партии	6.126	3.169	3.522	4.315	3.583	798	890
Фашисты	—	2.328	1.069	1.122	6.407	13.746	11.737
Прочие буржуазные партии	10.447	13.827	15.019	12.731	11.794	9.008	9.571
Всего признано действительными голосов	30.399	29.282	30.290	30.751	34.962	36.882	35.471
Не участвовало в выборах и признано недействительными	6.367	9.095	8.697	10.474	7.996	7.345	8.902
Общее число голосов	36.766	38.377	38.987	41.225	42.958	44.227	44.373
	То же в %% к общему количеству голосов *)						
Коммунистическая партия	—	9,7	6,9	7.9	10,7	12,1	13,5
Социалистическая партия	37,8	16,3	20,5	22,6	20,0	18,0	16,4
Мелкобуржуазные партии	16,7	8,3	9,0	10,5	8,4	1,8	2,0
Фашисты	—	6.0	2,8	2,7	14.9	31,1	26,4
Прочие буржуазные партии	28 3	36,0	38,5	30.9	27,4	20,4	21,6
Не участвовало в выборах и признано недействительными	17,2	23,7	22,3	25,4	18,6	16,6	20,1
	100	100	100	100	100	100	100

Пояснения к таблицам. 1. К социалистической партии отнесены „независимые социал-демократы" и отколовшиеся позднее фракции „старых социал-демократов" (правых) и (левых) „социалистическая рабочая партия", за исключением июля 1932 г., когда 87.000 голосов „социалистической рабочей партии" отошло к коммунистам (в результате объединения избирательных списков).

2. Под рубрикой „мелкобуржуазных" условно объединены следующие партии: демократы („Государственная партия"), „Хозяйственная партия", „Германская крестьянская партия", „Баварский крестьянский союз", левые фракции центра, как „Христианская социалистическая имперская партия", различные партии, отстаивавшие валоризацию после инфляции, национальные меньшинства и различные мелкие партии средних слоев.

3 Под рубрикой „прочие буржуазные" партии условно объединены: „Германская национальная народная партия" с различными избирательными списками „Сельского союза" и „Landvolk", а, начиная с 1928 г., также с фракциями вроде „Народной консервативной", партией „христианской службы народу" и т. д. Далее: „Германская народная партия", центр с „Баварской народной партией" и некоторые мелкие буржуазные группировки.

4. К „фашистам" отнесены: „Национал-социалисты", „Народный блок", „Народная национальная партия свободы" и „Германская социальная партия" (Кнюппель-Кунце).

Уже в начале относительной стабилизации партии Веймарской коалиции начали терять свое влияние в

*) Такое исчисление целесообразно сделать, т. к. политически необходимо регистрировать и то участие в выборах, которое не находит себе выражения, если брать процент по отношению лишь к поданным и признанным действительными голосам.

пользу „старых“ (довеймарских) буржуазных партий. Выборы в декабре 1924 г. отражают влияние плана Дауэса на избирателей. Партии, выступавшие за принятие плана, выиграли тогда не мало голосов, т. к. от этого плана массы ждали „новой эры“. Агитация в пользу плана Дауэса основана была на том, что иностранные займы позволят укрепить валюту и восстановить хозяйство. Буржуазия воспользовалась падением влияния социал-демократии в массах, которое в свою очередь было вызвано контрреволюционной ролью социал-демократии в подавлении революционного пролетариата для того, чтобы поставить у власти чисто буржуазное правительство. В то же время буржуазия использовала предварительно социал-демократическую партию для принятия плана Дауэса. Но вернувшись к власти в 1924 г. старые буржуазные партии были тем самым изрядно скомпрометированы как проводники „дауэсизации“. „Германскую национальную народную партию“, центр и „Германскую народную партию“ расшатывали кризисы; к концу периода относительной стабилизации социал-демократия, а вместе с ней и мелкобуржуазные партии еще раз пережили подъем, во время которого они могли использовать иллюзии, вызванные относительной стабилизацией. За то же время фашисты находились в состоянии застоя. Огромный абсентеизм на выборах 1928 г. отражал иллюзии стабилизации, веру в никчемность политики. И в то же время росло число голосов Коммунистической партии,— это был признак стабилизации, массовой длительной безработицы и дороговизны. Мелкобуржуазные массы распылились во время стабилизации на бесчисленное множество „самостоятельных“ партий. В годы кризиса эти неустойчивые политические группы под влиянием фашистской демагогии голосовали за фашистов, которым удалось также мобилизовать известное число уклонявшихся ранее от участия в выборах голосов. Число голосов старых буржуазных партий упало с 38,5% в декабре 1924 г. до 20,4% в июле 1932 г., и эти потери объяснялись ростом фашистов с 2,8 до 31,1%, в то время как с 1930 г. Коммунистическая партия, хотя и могла ослабить парализующее и разлагающее влияние социал-демократии, но не в решающей степени.

„Веймарская эра“, которая длилась согласно обычным представлениям до прихода Гитлера к власти, названа так по городу Веймару, городу Гете, куда в 1919 г. Национальное собрание бежало от натиска революционного пролетариата. „Дух Веймара“ в память „космополитического“ Гете противопоставлялся „духу Потсдама“, представлявшему собой прусский милитаризм и монархизм. Действительным политическим содержанием „веймарской эры“ была изменническая политика союза социал-демократии с буржуазией. С помощью социал-демократии буржуазия снова восстановила и укрепила свое классовое господство и пользовалась социал-демократией до тех пор, пока надобность в ней не миновала.

Однако, социал-демократия за этот период никоим образом не принимала длительного участия в имперском правительстве. К явной и формальной ответственности привлекалась она тогда, когда нужно было противостоять натиску революционного пролетариата (1919—1921, 1923) или провести те внешне-политические сделки германской буржуазии, полную ответственность за которые крупная буржуазия не хотела перекладывать на свои партии (заключение Версальского мира, подписание плана Дауэса, политика Локарно, план Юнга).

Опираясь в начале рассматриваемого экономического цикла на диктатуру Эберта-Секта и пользуясь выборами в рейхстаг в декабре 1924 г., буржуазия поставила у власти правительство без участия социал-демократии. Только в Пруссии в течение всего периода социал-демократия стояла во главе правительства, пока правительство Папена не выбросило ее путем государственного переворота (июль 1932 г.) с помощью одного лейтенанта и трех рядовых.

За весь период с 1924 по 1933 г. социал-демократия лишь один раз вошла в имперское правительство (с 29 июня 1928 г. до начала 1930 г.; правительство Германа Мюллера). Оба первых правительства к началу цикла, когда канцлером был вождь партии центра Маркс (30 ноября 1923 г.—начало 1925 г.), были заняты главным образом ликвидацией режима инфляции с тем, чтобы обеспечить за крупным капиталом результаты инфляционного грабежа. Буржуазное правительство отклоняло всякие требования валоризации. Первоочередной задачей считалось, конечно, принятие плана Дауэса. Социал-демократическая партия и профсоюзная бюрократия помогали при этом страстной агитацией в рабочих массах за политику выполнения версальских предписаний. Когда же в январе 1925 г. германская буржуазия снова получила таможенный суверенитет, до того практически отмененный версальским договором, она начала ставить у власти „правительства буржуазного блока" под рейхсканцлерством Лютера. В имперское правительство, созданное 15 января 1925 г., были вместо социал-демократов введены представители Германской национальной партии (министры Шиле и фон-Шлибен), которые особенно активно участвовали в проведении новых таможенных законов. Таможенное законодательство осуществило старый довоенный компромисс между монополистической промышленностью и крупными аграриями. Оппозиция социал-демократии была настолько лойяльна, что образование монопольных организаций при помощи таможенной и торговой политики не представило для буржуазии больших трудностей. Заключение франко-германского торгового договора было завершено созданием континентальных железоделательных картелей, и железообрабатывающей промышленности было обещано в особом договоре, что те части монопольной дани, которые она должна была доплачивать к ценам на железо за свои экспортные товары, в будущем должны быть ей возвращены. С социально-политической стороны основная работа этих правительств заключалась в том, чтобы обеспечить отмену декретированного в конце 1923 г. восьмичасового рабочего дня и беспрепятственное проведение рационализации при помощи социал-демократической партии и профсоюзной верхушки.

Правительства буржуазного блока создали на почве Веймарской конституции хозяйственные и торгово-политические условия для восстановления старых картелей и образования новых гигантских трестов после кризиса стабилизации в 1925/26 гг. (И. Г. Фарбениндустри, Стальной трест, позднее — Объединение Германского банка с Дисконтогезелльшафт). Хозяйственную и внутреннюю политику буржуазия проводила в правительственных коалициях, опираясь на Германскую национальную партию.

В 1926 г. Коммунистической партии удалось мобилизовать массы в широком движении единого фронта в пользу референдума по вопросу о выплате возмещений изгнанным государям. Однако, ей не удалось набрать требуемого конституцией количества голосов, и за буржуазией осталась возможность провести эти выплаты при помощи парламентов. В этом буржуазии помогала социал-демократия, которая позднее в парламентах голосовала за возвращение этих огромных имуществ и за выплату огромных сумм князьям за счет бюджета. Но все же кампания вокруг этого вопроса нанесла монархической контр-революции серьезный удар. Вместе с тем эта кампания и ее успех в массах дали буржуазии грозный пример использования парламентской демократии в пролетарских интересах, для мобилизации масс.

Буржуазия боялась консолидации парламентской демократической системы, которая могла причинить ей серьезные затруднения требованием „усиления гласности в ведении дел", ростом „влияния улицы". В ее организационных центрах — Имперском союзе германской промышленности (Reichsverband der deutschen Industrie), Центральном союзе германского банкового и банкирского дела (Zentralverband des

deutschen Bank und Bankiergewerbe), Имперском сельском союзе (Reichslandbund), Главном объединении германской оптовой и заокеанской торговли (Hauptgemeinschaft des deutschen Gross- und Ueberseehandels),—велись долгие совещания о способах преодоления этих трудностей. Карл Дуисберг, генеральный директор И. Г. Фарбениндустри и председатель Имперского союза германской промышленности, на конфиденциальном заседании представителей ведущих союзов дал следующий совет: „Как нам нужно поступать, показывает пример Америки. Там вся политика делается в объединениях хозяйственников. Они собираются, если возникают более важные вопросы, обсуждают их и устанавливают основные линии. Соответственно последним и ведется работа. А как обстоит дело в Германии? Все такие вопросы поступают в рейхстаг. Поэтому мы можем и должны оказывать влияние на политические партии. Однако, все решительно отказались от того, чтобы воздействовать на партии доводами разума. Только планомерным влиянием можно преодолеть все препятствия. И если желательно основать такого рода объединение, то нужно собрать людей со всей страны. Нужно, чтобы были представлены все германские государства. При этом необходимо вполне ясно осознать, что множественности государств должен быть положен конец. Но для проведения замыслов и планов государственно-политического объединения требуются деньги. В Америке необходимые суммы были собраны. Поэтому все присутствующие должны ясно понять, что они обязаны дать и собрать нужные средства" („Форвертс", Берлин, 20 декабря 1926 г.). Внутренняя политика за этот период характеризовалась стремлением правых партий усилить исполнительную власть ограничением избирательного права и прав власти законодательной. Проектировалось создание второй палаты, которая могла бы парализовать неудобные решения рейхстага, или (после избрания Гинденбурга в президенты) предоставление президенту такой полноты власти, которая могла бы заменить собою вторую палату.

В ведущих союзах буржуазии очень много говорилось о необходимости ограничения демократических прав, в особенности, когда, несмотря на иллюзии относительной стабилизации, начало расти влияние Коммунистической партии и когда результаты выборов в мае 1928 г. показали сильное падение влияния старых буржуазных партий среди избирателей.

„Государственно-политическое объединение", о котором говорил Дуисберг, было не организацией в обычном смысле этого слова, а не вполне оформленным сговором головки финансовой олигархии — верхушки из пятисот человек и их „бюрократии". Оно финансировало все буржуазные партии и организации, в особенности вышедшие из Freikorps вооруженные союзы, как Стальной шлем, Младогерманский орден, Wehrwolf, штурмовые отряды наци, союз Oberland и все оставшиеся от Freikorps нелегальные террористические организации, как, например, организация „Консул" и т. д. Из всех этих организаций сохранились лишь Стальной шлем и штурмовые отряды национал-социалистов, остальные были постепенно поглощены ими. „Младогерманский орден", который во времена своего расцвета охватывал 160.000 членов, субсидировался калийным капиталом. Орден распался в 1930—1932 гг. Стальной шлем, охватывавший больше миллиона членов, был массовой организацией „Германских националистов", их „Сельского союза" и „Германской народной партии", в которую вербовались, главным образом, сельскохозяйственные рабочие и отдельные особо отсталые представители рабочего класса, преимущественно в средней Германии. Также и „Союз имперского знамени" (Reichsbanner) принадлежал к числу этих организаций. Он был созданием Веймарской коалиции, а не только социал-демократии. К нему примыкало в католических областях, а также в округах с католическим меньшинством, много рабочих, входивших обычно в состав партии центра, и особенно много молодых католических рабочих, а также некоторые демократы. В 1927—1932 гг.

между Союзом имперского знамени, Стальным шлемом и Младогерманским орденом поддерживались довольно тесные отношения. Иногда Стальной шлем и Союз имперского знамени совместно выстраивались в шеренги для встречи президента Гинденбурга. Союз имперского знамени устраивал под влиянием центра или из стремления сохранить свои связи с этой партией официальные церковные шествия и т. д. Он принимал также участие в предвыборной агитации при вторичном избрании Гинденбурга президентом (1932), которое было проведено финансовой олигархией. Рост „союзов" был первоначально вызван стремлением германской буржуазии заменить армию добровольческими вооруженными отрядами, которые можно было бы использовать в классовой борьбе. Все реакционные союзы возникли из контрреволюционных боевых организаций. Союз имперского знамени был создан „для охраны собраний и демонстраций" партий Веймарской коалиции „против террора справа и слева".

Созданный Эрнстом Тельманом „Союз красных фронтовиков" в эти годы стал подлинной массовой организацией рабочего класса, положившей предел террору фашистских организаций на улицах и закрывшей доступ фашистским организациям в рабочие кварталы. Однако, в период относительной стабилизации, в особенности в то время, когда отчетливо обозначились ее слабые места (около 1928 г.), буржуазные союзы служили главным образом выражением разочарования масс в старых партиях вообще. Буржуазия использовала эти союзы, чтобы подхватить это настроение и направить его по контрреволюционному руслу. Буржуазные союзы служили для развертывания империалистического духа вооружений и были проводниками шовинистической горячки. Однако, и в них проник „парламентский демократический" дух, совершенно так же, как он охватил реакционные массовые партии, в том числе и Германскую национальную народную партию, которую Гугенберг расколол именно на этом основании в 1927 г. Финансовая олигархия, сама представлявшая единство противоположностей, вела борьбу против влияния масс, не только „покупая" политические партии в смысле приведенного выше высказывания Дуисберга, не только систематически укрепляя исполнительную власть за счет власти законодательной, находившейся под более непосредственным давлением масс, но и направляя свои усилия против демократической парламентской системы вообще. Расстановка классовых сил не позволяла ей тогда провести комбинацию этой системы с контр-революционным терроризмом в том стиле, в каком это позднее было осуществлено национал-социалистами. После выборов 1928 г. буржуазия была обеспокоена сильными потерями правых буржуазных партий. Положение фашистов не улучшилось; между тем коммунисты и социал-демократы, а также мелко-буржуазные партии умножили число своих голосов. Не только результаты выборов но и быстрый рост Союза красных фронтовиков, успехи выборов в фабричнозаводские комитеты и в отдельные профсоюзные организации и в общины вызывали у буржуазии тоску по диктатуре. Особенно ненавистно буржуазии было „косвенное влияние" коммунистов, которое проявлялось в профсоюзах при требованиях увеличения заработной платы. Когда Дуисберг говорил, что политика делается в рейхстаге, это было лишь половиной истины. Она делалась в ведущих организациях финансовой олигархии, в рейхстаге же была лишь возможность разоблачения; настроение масс сказывалось здесь на поведении партий и иногда заставляло их менять линию.

Еще в 1927 г. Шахт начал централизовать в руках финансовой олигархии притекающие иностранные деньги. Он хотел созданием контрольной инстанции при рейхсбанке запретить этот импорт капитала общинам, которые под давлением масс вынуждены были финансировать большие строительные программы посредством заграничных займов; Шахт намеревался помешать в этом отношении и другим „публично-правовым" учреждениям. Лишь после того, как социал-демократия помогла обеспечить прове-

дение плана Юнга, т.-е., следовательно, уже после того, как разразился кризис, представляемая Шахтом группировка финансовой олигархии провела исключение социал-демократов из правительства, свержение правительства Мюллер-Гильфердинга. Социал-демократия исполнила пожелания буржуазии. Она отменила общинное самоуправление, нарушила коммунальное налоговое право и не препятствовала проведению „определения нуждаемости". Она голосовала за гигантские военные бюджеты и за постройку броненосцев, пойдя ради этого даже на отпадение собственного левого крыла. Она прикрывала политику выполнения версальского договора, жестокую налоговую политику за счет трудящихся масс, гигантские субвенции крупной промышленности и крупному сельскому хозяйству. Коротко говоря, она сделала все, чтобы самой ослабить свое влияние на трудящиеся массы.

После падения правительства Германа Мюллера началась эра правительства Брюнинга (30 марта 1930 г.). Это правительство нуждалось в поддержке социал-демократии. Оно расширило начатую уже при правительстве Мюллера-Гильфердинга „кампанию за образование капиталов" новой кампанией „за снижение цен", в качестве предпосылки для снижения заработной платы, и в этом его покрывали как все буржуазные партии, так и социал-демократическая партия.

Сентябрьские выборы 1930 г. показали буржуазии, что ее политика дискредитирования социал-демократии ведет не к усилению старых буржуазных партий, а к росту национал-социалистов. Однако, лишь отдельные группировки финансовой олигархии уже тогда ориентировались для завершения контрреволюции на поддержку фашистского массового движения. Большая же часть правящих классов, в том числе крупное землевладение и тесно связанные с ним высшая бюрократия и генералитет, в то время еще полагала, что при расколе пролетариата социал-демократией достаточно будет фашизации одного государственного аппарата для достижения основной цели — подавления рабочего класса.

Правительство Брюнинга с согласия социал-демократии провело систему „чрезвычайных мер", которые сыграли значительную роль в процессе фашизации государства. Правительство декретировало снижение заработной платы и окладов для всех рабочих, служащих и чиновников общественных предприятий по меньшей мере на 10% и перераспределило налоговое бремя, уменьшив обложение имущих примерно на 1.400 млн. марок и одновременно увеличив обложение трудящихся масс примерно на 2.000 млн., частью — введением новых налогов и повышением их, частью — сокращением ассигнований на социальные и культурные нужды. Правительство Брюнинга посредством „чрезвычайных мер" бросило все средства на спасение основного ядра германской буржуазии от кризиса.

Правительство Брюнинга было переходным к фашизму: оно обрекло трудящиеся массы на нищету, а все имеющиеся в распоряжении средства направило на спасение крупного капитала от последствий кризиса. Оно издавало лишь формальные запрещения против штурмовых отрядов, оставшиеся без всякого влияния на их развитие. Под тем предлогом, что общественная безопасность есть дело государственной власти, правительство Брюнинга вместе с социал-демократическим прусским правительством Брауна-Зеверинга преследовало всякие попытки пролетариата обороняться против фашизма. Социал-демократия прикрывала эту политику под тем предлогом, что правительство Брюнинга — меньшее зло по сравнению с правительством Гитлера. Когда истек срок первого президентства Гинденбурга, социалистическая партия выступила совместно с Веймарской коалицией и правыми буржуазными партиями за переизбрание Гинденбурга, руководствуясь тем же самым аргументом. Кандидатами на выборах были: Эрнст Тельман, Гинденбург и Гитлер. После того как Гинденбург был выбран с помощью соци-

ал-демократической партии, он сместил в мае 1932 г. правительство Брюнинга и образовал, не запрашивая мнения рейхстага, правительство Папена, „основанное на доверии президента". Теперь, во взаимной борьбе начали сливаться оба процесса фашизации—фашизация государственного аппарата и фашистское массовое движение, которому правительство Папена полностью предоставило улицы.

6. *Победа фашизма.* Мы видели, что германский пролетариат вместе со всей массой трудящихся, вместе со всеми средними слоями был ввергнут кризисом в невероятную нужду, какой до сих пор никогда еще не вызывал экономический кризис.

Социал-демократия, опираясь на сильную рабочую аристократию и рабочую бюрократию, на укоренившийся в течение многих десятилетий реформизм в рабочих организациях, своей политикой классового сотрудничества с буржуазией направила большинство германского рабочего класса против его собственных классовых интересов, против революционного пролетариата, руководимого КПГ. Незадолго до того, как разразился мировой экономический кризис, она, по заданию буржуазии, кровавой баней в мае 1929 г. в Берлине, устроенной социал-демократическим полицей-президентом Цергибелем, создала предлог для запрещения Союза красных фронтовиков, что и было осуществлено социал-демократом прусским министром внутренних дел Зеверингом. Тем самым она ослабила важное оружие рабочего класса в его борьбе против развития фашистских террористических банд. Она разбила пролетарскую демократию в рабочих организациях, профессиональных союзах, спортивных и культурных организациях и потребительских союзах и своей стратегией поражения направила профессиональные союзы против развития пролетарских классовых сил. Своей бюджетной политикой в интересах капиталистического хозяйства и разрушением коммунального самоуправления она дала в руки буржуазии важнейшие средства для того, чтобы обречь на голод безработных, а сельскохозяйственных рабочих почти полностью предоставила произволу крупных землевладельцев. Она парализовала и срывала борьбу революционного пролетариата за заработную плату и хлеб. Бастующие и выступающие с демонстрациями рабочие и безработные наталкивались на буржуазные законы, которые были созданы при помощи социал-демократии и которые противоречили насущным интересам пролетариата. Они наталкивались на социал-демократических проф. бюрократов, социал-демократических полицей-президентов, полицейских и штрейкбрехеров. С безработными, выброшенными на улицу и боровшимися за свое право на хлеб и труд, вели жестокую борьбу законодательные, судебные и исполнительные органы; за все это социал-демократия несет частичную или полную ответственность. Социал-демократическая политика парализовала развертывание классовых сил пролетариата, ослабила тем самым притягательную силу рабочего класса для средних слоев и крестьянства—его потенциальных союзников в городе и деревне.

Социал-демократия не только помогала фашизации государственного аппарата, ведя мнимую борьбу с фашистской опасностью, но и всей своей политикой толкала потенциальных союзников из части средних слоев прямо к фашистскому массовому движению.

Она выступала, якобы, от имени рабочего класса и во имя марксизма за политику дауэсизации страны. Она помогала рационализации, источнику массовой длительной безработицы, за счет рабочего класса. Она поддерживала финансово-капиталистическую таможенную и налоговую политику буржуазии и активно помогала проведению процесса финансово-капиталистической концентрации и централизации посредством политики субвенций крупному капиталу (промышленность, пароходство, банки, крупное землевладение). Она выступала за эту политику субвенций не только в центральных правительственных органах (имперских и прусских), но и в провинциях и городах, и даже в профсоюзах.

Социал-демократическое руководство становилось не только на позиции капитализма вообще, но на позицию капитализма монополистического. Гильфердинг интерпретировал его как „организованный капитализм" и пытался убедить массы в том, что этот путь капиталистического развития совпадает с направлением развития социализма. Практическая политика социал-демократических вождей в государственном аппарате, в партии и профессиональных союзах также служила монополистическому финансовому капиталу. Даже после того, как социал-демократию в марте 1930 г. выбросили из правительства ее буржуазные товарищи по коалиции, она все же продолжала активно поддерживать эту финансово-капиталистическую политику. Из всего изобилия характерных случаев приведем следующий. Правительство Брюнинга, под давлением массового возмущения монополистическим ростовщичеством трестов и картелей, принуждено было в 1930 г. создать себе своего рода теоретическое прикрытие. Так как социл-демократическая партия Г. не была представлена в правительстве, оно предложило Имперскому хозяйственному совету создать комитет, во главе которого были поставлены представитель социал-демократической партии в Имперском хозяйственном совете (Коген) и представитель Всегерманского объединения профессиональных союзов (Эггерт); к ним присоединили еще в качестве секретаря „теоретика" Всегерманского объединения профсоюзов Нафтали. Комитету предложено было решить, должно ли имперское правительство путем законодательного воздействия на конвенционные цены монопольных организаций поставить границы ростовщичеству монополистов. Комитет опубликовал в общей и профсоюзной прессе свое решение, которое гласило: „По единодушному мнению комитета, в настоящее время нельзя рекомендовать запрещение всякого рода конвенционных цен и допущение лишь необязательных основных линий". Таким образом, под предлогом борьбы с кризисными потрясениями хозяйства, социал-демократия по всей линии защищала интересы финансовой олигархии. Это означало переложение последствий кризиса на рабочий класс и на всю массу трудящихся крестьян, ремесленников, мелких промышленников, владельцев мелких предприятий, торговцев, служащих, чиновников и интеллигенции.

В проведении аграрной политики, основанной на субвенционировании крупного помещичьего хозяйства, социал-демократия принимала участие активно и, так сказать, „творчески". Ее представитель (д-р Бааде) был инициатором поднятия цен на зерно и на продукты питания и переработки зерновых хлебов на корм путем окраски эозином за счет государства. Он был „правой рукой" крупного землевладельца, имперского министра народного питания Шиле в качестве государственного секретаря и остался в этой должности также и при правительстве Папена. Общая ответственность социал-демократии за невероятный гнет налогового бремени на мелкий люд и за расточение государственных средств ради поддержки финансовой олигархии была очевидна. Между тем, социал-демократия смела называть себя марксистской и рабочей партией и казалась таковой неразвитому политическому сознанию средних слоев Социал-демократии, благодаря преобладанию в профсоюзах и через них в большинстве коллективов заводских рабочих, удалось утвердить себя в общественном мнении в качестве традиционной представительницы рабочего класса, социализма и марксизма, хотя ее политика была антипролетарской, антисоциалистической и антимарксистской и потому компрометировала в глазах масс истинный марксизм и дискредитировала этим пролетариат. Причастность социал-демократии к нечистоплотным скандалам и коррупциям (Бармат, Склярек) усилила ее дискредитацию, хотя вследствие укоренившихся традиций реформизма социал-демократия и сохраняла свое влияние на массы промышленных рабочих.

Коммунистическая партия Г. слиш-

ком поздно оказалась в состоянии настолько разрушить это влияние, чтобы германский пролетариат мог показать свою классовую силу и вызвать поворот в массах своих потенциальных союзников. Это удалось лишь в организации антифашистского выступления 1932 г. и распространении его под руководством Эрнста Тельмана на предприятия.

Обстановка, при которой германский пролетариат должен был создавать свою большевистскую партию, была весьма затруднена не только укоренившимся в пролетарских классовых организациях в течение десятилетий реформизмом, но также и укоренившимися ошибками „революционной левой", люксембургианства. КПГ была основана лишь после ноябрьской революции 1918 г. (*см.* XLVII, 260 сл.). Реформистские и сектантские влияния долго давали себя знать и в Центральном комитете партии. Лишь в 1926-1927 г. под руководством Эрнста Тельмана и Коминтерна начало укрепляться большевистское ядро, которое воспрепятствовало антибольшевистским уклонам. Эрнст Тельман в 1928-1929 г. ударил по примиренцам и правым, сломил в 1929-1930 г. новый сектантский уклон (теорию „маленьких Цергибелей", относившую к разряду врагов всю массу социал-демократической партии) и должен был до 1934 г. в тяжелых внутри-партийных боях ликвидировать сектантскую оппортунистическую политику группы Неймана, которая препятствовала развертыванию политики единого фронта.

Эта борьба на два фронта, в которой развертывался процесс большевизации партии, делала партию способной собрать большинство рабочего класса на почве революционной политики единого фронта и развить классовую силу пролетариата, когда буржуазия уже перетянула к себе резервы пролетарской революции в фашистском массовом движении. В 1932 г., при правительстве Папена, широкое выступление за единый фронт КПГ, ставшее известным под именем антифашистского выступления, впервые вызвало приостановку роста фашизма. Распространением этого движения на предприятия во время большой волны забастовок осенью 1932 г. удалось мобилизовать широкие массы индустриальных рабочих против социал-демократического влияния. Социал-демократия потеряла в июле и в ноябре 1932 г. около 700 тысяч голосов. Она не могла уже больше удерживать массу своих членов и частично даже своих низших партийных функционеров от выступлений за единый фронт. Штрейкбрехерское влияние социал-демократической профсоюзной бюрократии все больше сужалось. Вызванные коммунистической политикой мощные выступления рабочего класса начинали воздействовать на возможного союзника—массы средних слоев. Движение крестьянских комитетов, находившееся под руководством КПГ, переживало подъем. и избирательные цифры КПГ в деревне в процентном отношении были иногда выше, чем в отдельных городах и индустриальных областях. При забастовках росли выступления солидарности сельских и городских средних слоев. Безработные более активно участвовали в забастовках и в районных антифашистских выступлениях. Фашистские массовые организации переживали довольно тяжелый кризис. Переходы из штурмовых отрядов в КПГ начинали все учащаться, несмотря на легализацию штурмовиков при Папене. „Национал - социалистская рабочая партия Г." сама переживала тяжелый кризис (связанный с именем Грегора Штрассера) и на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. впервые потеряла 2 млн. голосоов.

Буржуазия должна была считаться с ростом сил КПГ и умалением влияния социал-демократии на рабочие массы. Одновременно давали себя знать первые признаки раздробления массового фашистского движения.

После свержения правительства Папена в конце 1932 г. буржуазия колебалась, какой из этих процессов она должна попытаться приостановить применением средств государственного насилия, т.-е. помешать ликвидации влияния социал-демократии или оказать сопротивление распаду фашиз-

ма. Промышленность, производящая средства потребления, часть экспортной индустрии, отчасти торговля и рейхсвер были за союз с социал-демократией, вернее—с профессиональными союзами. Тяжелая индустрия, крупное землевладение и крупные банки высказывались за то, чтобы передать средства государственной власти национал-социалистам, поручив им уничтожить КПГ и все классовые организации пролетариата, и путем усиленной централизации всех средств государственного принуждения обеспечить против притязаний трудящихся масс начатое Папеном „накручивание хозяйственной конъюнктуры". Передача государственной власти национал-социалистам чрезвычайно укрепила их силы и вызвала новый приток сторонников.

Политика соц.-демократии расколола и парализовала классовые силы германского пролетариата. Оппортунистическое и сектантское наследие прошлого продолжало действовать и замедляло, тормозило и ослабляло процесс большевизации КПГ, вследствие чего она оказалась не в состоянии своевременно и в достаточной мере парализовать влияние соц.-демократической политики на классовые силы пролетариата и развернуть достаточно действенную политику единого фронта.

Поэтому у пролетариата не хватило силы привлечь на свою сторону те массы средних слоев, которые подходили для такого союза. Поэтому буржуазии и удалось создать в средних слоях массовое фашистское движение и этим частично и временно внести замешательство даже в периферийные слои пролетариата (длительно безработные, сел.-хоз. рабочие). Поэтому буржуазии удалось изолировать разрозненный пролетариат. Когда эта изоляция осенью 1932 г. грозила крушением, буржуазия объединила главные свои силы — уже фашизированный государственный аппарат и массовое фашистское движение—и таким образом, создав фашистскую диктатуру, сумела нанести германскому пролетариату крупнейшее в его истории поражение.

Финансовый капитал, этот наиболее алчный, разбойничий, паразитический продукт загнивающего капитализма, пытался продлить на некоторое время паразитическое свое существование, надев железные оковы на пролетариат, это самое прогрессивное, самое великое и самое благородное произведение антагонистического капитализма. Эту временную победу фашизма т. Сталин след. образом охарактеризовал в своем докладе на XVII партийном съезде ВКП(б):

„В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны.

Таково положение.

Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения.

Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистской войны. И если, несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть" (Сталин, „Вопросы ленинизма", изд. 10-е, стр. 545).

Тов. Г. Димитров показал на 7-м всемирном конгрессе Коминтерна, что „фашистская диктатура — это власть свирепая, но непрочная". Он перечис

лил основные силы, которые должны разрушить самое основание этой диктатуры:

1. „Наличие капиталистической системы, существование разных классов и обострение классовых противоречий ведут неизбежно к расшатыванию и взрыву политической монополии фашизма".

2. „Контраст между антикапиталистической демагогией фашизма и политикой самого грабительского обогащения монополистической буржуазии облегчает разоблачение монополистической буржуазии, облегчает разоблачение классовой сущности фашизма и ведет к расшатыванию и сужению его массовой базы".

3. „Победа фашизма вызывает глубокую ненависть и возмущение масс, способствует их революционизированию и дает могучий толчок единому фронту пролетариата против фашизма".

4. „Ведя политику экономического национализма (автаркии) и захватывая большую часть народного дохода для подготовки войны, фашизм подрывает всю экономику страны и обостряет экономическую войну между капиталистическими государствами".

5. „Ликвидируя остатки буржуазной демократии, возводя открытое насилие в систему управления, фашизм подрывает демократические иллюзии и авторитет законности в глазах трудящихся масс".

6. „Социал-демократические рабочие могут все более наглядно убеждаться в том, что фашистская Германия со всеми ее ужасами и варварством — это в конечном счете последствие социал-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией. Идет дифференциация внутри всех социал-демократических партий... Начинает формироваться лагерь революционных элементов,.. стоящих за создание единого фронта с коммунистами и начинающих все в большей степени переходить на позиции революционной классовой борьбы".

„Так фашизм, появившись в результате упадка капиталистической системы, действует в конечном итоге как фактор ее дальнейшего разложения. Так фашизм, беря на себя обязанности похоронить марксизм, революционное движение рабочего класса, сам в результате диалектики жизни и классовой борьбы ведет к дальнейшему развитию тех сил, которые должны быть его могильщиками, могильщиками капитализма" (Г. Димитров. „Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала", стр. 25—28, 1935).

Средним слоям пролетариат представлялся как класс, разорванный на две яростно борющиеся между собой части, бессильный защитить свои собственные материальные интересы и политические права. Одна часть—руководимая социал-демократией, была причастна к политическому руководству Веймарской системы и несла за него ответственность. Чем менее опасным казался этот социал-демократический социализм собственникам-буржуа, тем меньше мог он удовлетворить массы, изнывающие под бременем налогов и податей.

КПГ удалось привлечь на свою сторону лишь незначительную часть этих сбитых социал-демократией с толку масс, в особенности тех, которые были подавлены безработицей. Но в то же время, м. б. именно поэтому, в ходе кризиса она все больше и больше становилась в глазах мелких буржуа партией безработных. Этим не преминула воспользоваться контрреволюционная агитация. Все силы были мобилизованы против революционного пролетариата: социал-демократия, фашисты, партии средних слоев, Германская национальная партия, католики и протестанты, профессиональные союзы и рейхсвер, „культурные организации" и полиция. В каждой забастовке, на каждой демонстрации, на всех собраниях, во всякой предвыборной борьбе ряды пролетариата не были едины, разыгрывалась борьба, которая казалась массам мелкой буржуазии не источником будущей мощи, а доказательством длительного бессилия рабочего класса. Мог ли он избавить своих безработных от нищенства? мог ли он удалить с улиц фашистские террористические банды? кого запирали

суды в тюрьмы и исправительные дома? где была сила?

Вот в каких условиях буржуазия представила массам мелкой буржуазии новый, третий „социализм", „национал-социализм", социализм с собственностью. Этот демагогический „национал-социализм" обещал им свержение процентного и налогового рабства. уничтожение нетрудовых доходов, борьбу с трестами и крупными концернами, раздел универсальных магазинов между мелкими дельцами, устранение „еврейской конкуренции", уничтожение безработицы и „справедливую" заработную плату, обеспечение крестьянской собственности, повышение цен и заработков и заботу о немецких крестьянах и рабочих. Фашисты говорили об уничтожении гражданской войны, многочисленных партий, скомпрометированных практикой послевоенного парламентаризма, об уничтожении дорогих парламентских говорилен, о восстановлении старопрусского „покоя и порядка". Фашисты спекулировали на ненависти „маленького человека" к бюрократии, обещая ему чистку и упрощение дорого стоящей государственной машины, охрану маленького человека, его работы и его чести. Одновременно фашисты спекулировали на национальных чувствах, обещая свержение ига „интернациональных финансов", упразднение платежей по долгам за границу, избавление от версальского рабства, толковали о восстановлении мощи Г.

К тому времени, когда разразился кризис, этот фашистский „социализм" насчитывал уже почти десятилетнюю давность. Но до кризиса он не мог охватить широкие массы; влияние его распространялось лишь на белогвардейские шайки и другие деклассированные элементы, хотя он и унаследовал с самого начала от старых партий некоторые слои шовинистов-мелких буржуа.

Запрещение Союза красных фронтовиков социал-демократом Зеверингом открыло улицы городов и деревень фашистским бандам. Мелкий буржуа уважает силу и власть. За отсутствием действительной силы он удовлетворялся сначала видимой, которая была следствием попустительства и поддержки буржуазного государства. Демократическая республика сама начала фашизироваться; чтобы удовлетворять непрерывно растущие под давлением кризиса притязания финансовой олигархии на государственную кассу, она должна была становиться все более и более авторитарной, скрывая от масс темные государственные дела и лишая массы возможности оказывать влияние на них, прибегая все более к грубой силе для подавления возраставшего напряжения трудящихся масс, изнемогавших под бременем „сборов" и „экономии" в расходах. Процесс фашизации государственной власти, прикрываемый „марксистами" (социал-демократами) и „партиями (Веймарской) системы", усилил массовый приток к фашистскому движению и скоро начал сам с ним сливаться, пока не совпал полностью 30 января 1933 г.

7. *Экономическая политика фашистской диктатуры.* Экономический кризис заморозил капиталы сырьевых и инвестиционных*)отраслей промышленности, т.-е. как раз тех отраслей, которые более всех других организованы монополистически, составляя основное ядро германского финансового капитала. Крах грозил многим крупным концернам в этих отраслях производства.

Безнадежное положение внутренних и внешних рынков не открывало никаких перспектив скорого подъема инвестиционной волны, волны обновления и расширения основного капитала. А между тем эта инвестиционная волна является тем двигателем, который в экономических циклах обусловливает переход от депрессий к новым

*) „Инвестиционные средства" (Investionsmittel); под этим термином буржуазная статистика понимает ту часть средств производства в целом, которая способствует воспроизводству или увеличению основной части постоянного капитала, напр. железо, металлы, машины и т. д. Остальные средства производства, как, напр., уголь, электроэнергия, газ и т. п., относящиеся к оборотной части постоянного капитала, обнимаются рубрикой „прочие средства производства". Общая же категория „средства производства" обнимает как „инвестиционные средства", так и „прочие средства производства". Основная масса военных вооружений согласно этому делению относится к „инвестиционным средствам"

подъемам и вместе с тем приводит именно сырьевые и инвестиционные отрасли к повышенному использованию их производственных мощностей. Повышение же производственной мощности именно этих монополистических отраслей промышленности, которые тесно срослись с банками, торговлей и крупным землевладением в единый финансовый капитал, являлось наиболее острой задачей, которую финансовая олигархия пыталась разрешить с помощью фашистской диктатуры, чтобы избежать краха больших концернов и связанных с ними крупных банков и достигнуть быстрого и сильного роста своих прибылей. Главным средством поддержания замороженных масс капитала явился кредит. Поэтому монополистическая индустрия, сросшаяся с банками в финансовый капитал, использовала свою кредитную монополию до конца, а там, где этой частной кредитной монополии было уже недостаточно, она более или менее открыто расширяла ее путем государственного кредита, в частности путем заимствования денежных средств из „общественных" касс под формой „ручательств", государственных кредитов или субвенций наличными деньгами, которые формально в известной мере состояли в фиктивных закупках со стороны государства.

Так как все монопольные отрасли промышленности базируются на массовом производстве, то вследствие замораживания капитала издержки производства в каждой производственной единице значительно повышаются. Огромное снижение использования производственной мощности свело на-нет в производственных издержках снижение заработной платы и цен импортного сырья. Кредиты, необходимые монопольным отраслям промышленности для того, чтобы продержаться (т.-е., в сущности для сохранения существующих отношений собственности финансовой олигархии), постепенно возрастали до колоссальных размеров; эти кредиты делали совершенно неликвидными банки, а иногда даже государственные кассы (отсюда приостановка платежей крупными муниципальными учреждениями, невыплата жалованья чиновникам, кассовые затруднения в государственном и областном масштабах).

Финансовая олигархия подняла крик о необходимости повысить использование производственных мощностей. В силу безнадежного положения внутренних и внешних рынков она не могла рассчитывать на нормальный новый подъем хозяйственной деятельности, т. к. последняя не открывала никаких перспектив для скорой и мощной волны инвестиций, для сколько-нибудь значительного обновления и расширения доли основного капитала, несмотря на то, что низшая точка производства как в национальном, так и в международном масштабе к середине 1933 года была уже преодолена. Финансовая олигархия хотела пустить в ход свой замороженный капитал, использовать замороженную рабочую силу, но для созданных этим путем товарных масс не находилось рынка. Попытка создать такой рынок средствами государственной власти и за счет государства составляет существенное содержание экономической политики фашистской диктатуры. Государство стало главным покупателем товаров монопольных отраслей промышленности, являющихся в то же время и главными отраслями военной промышленности. С помощью фашистской государственной власти германская финансовая олигархия „возместила" отсутствующую полосу инвестиций заказами военной промышленности, с помощью фашистской диктатуры выкачала она необходимые для этого средства из пролетариата и всего трудящегося населения Г.

Так как нормальная обстановка необеспечивала заинтересованные в барыше реакционнейшие, наиболее шовинистические и империалистические элементы финансового капитала, то они с помощью фашистской диктатуры перешли к грандиозному повышению непродуктивного производства, к грандиозному развитию военной промышленности. Монопольные отрасли промышленности, сильнее всего пострадавшие от замораживания капитала, как раз яв-

ляются вместе с тем и важнейшими отраслями военной промышленности (железо, уголь, крупное машиностроение, средства передвижения, двигатели, судостроение, автомобили и танки, самолеты, цемент, химическая промышленность и т. д.). К общим агрессивным устремлениям, неизменно свойственным империалистическому капитализму, у этих отраслей промышленности присоединяются, таким образом, их специфические интересы, вытекающие из их непосредственной заинтересованности в военной промышленности. Все средства потребления и средства производства, используемые для целей вооружения, выключаются из капиталистического производственного процесса. Пушки, крепостные сооружения, стратегические дороги, танки, бомбовозы, средства военного транспорта, военные суда и т. д. и т. д. отчасти по самому своему существу, отчасти по характеру своего применения не могут войти в производство в качестве орудий воспроизводства. Они возвращаются сюда лишь как лом и притом лишь в виде самой незначительной части своей первоначальной стоимости. Все средства потребления, поглощаемые солдатами, полицейскими, чиновниками и т. д., не создают рабочей силы, входящей в процесс воспроизводства с тем, чтобы воспроизвести свою стоимость и еще прибавлять к нему стоимость прибавочную. Все это — непроизводительные „издержки", так сказать faux frais империализма, которые помогают финансовой олигархии получать свои колоссальные барыши от вооружения.

Согласно самым разным оценкам, на государственные заказы в 1933 г. пришлось около 25%, в 1934 г. — ок. 35%, в 1935 г. — ок. 50% и в 1936 г. — ок. 60% промышленного производства. В общей стоимости промышленного производства этих лет (около 102 миллиардов) это составит круглым счетом 46 миллиардов, т.-е. почти половину. Все эти данные весьма неточны, т. к. фашистская статистика фальсифицирует все сведения, которые могли бы сделать возможными какие бы то ни было расчеты. По данным докладной записки германских промышленников, получившей известность в связи с парижскими переговорами Шахта в мае 1937 г., основные государственные расходы германского фашизма складываются примерно из следующих статей (в кругл. цифрах):

Чрезвычайные государств. финансовые расходы	25 млрд.
„Нормальные" государств. расходы из приблизительно 35% податных и повышенных поступлений государства, областей и общин	18 млрд.
Ок. 20% частных инвестиций	3 млрд.
	46 млрд.

Для проведения гигантского военно-хозяйственного плана фашизм все больше и больше изымал из гражданского производства сырье, производственный аппарат и рабочие руки. Повышение военного производства повело к резкому удушению производства предметов потребления и к еще более резкому удушению снабжения предметами потребления, так как одновременно последовало и значительное стеснение импорта предметов потребления и сырья для их изготовления за счет расширения ввоза на нужды военной промышленности. Быстрый рост военной промышленности, таким образом, сопровождался гнетущим стеснением жизненно необходимых средств потребления (питание, одежда, жилище).

Фашистская диктатура выжимала из пролетариата огромные количества производительного труда, снижая одновременно жизненный уровень рабочих. Огромные количества производительного труда выжимала она и из простых производителей товара и из мелких капиталистов, особенно из трудового крестьянства, из городских ремесленников. Но условия реализации, диктуемые финансовым капиталом, не допускали продуктивного использования этого труда. Вместо средств производства производились и производятся средства уничтожения.

Германский капитализм нуждается в импорте сырья и вспомогательных материалах для своей промышленности и сельского хозяйства. Всякого рода руды он лишь в незначительной части может добывать у себя, да и то эта добыча, в силу малоцен-

ности залежей, осуществима лишь при затратах, значительно превышающих затраты главных конкурирующих с Г. стран. Для промышленного производства ввоз должен достигать круглым счетом 60%, для сел.-хоз. производства и достаточного (т.-е. не приводящего, в силу недостатка пищевых средств, к болезням) питания населения — круглым счетом 40% (кормы, питательные белки, жиры). Для оплаты этого импорта необходим экспорт примерно 25% промышленной продукции. Между тем, сужение мирового рынка вследствие общего кризиса капитализма и специально результаты германского военного хозяйства привели к снижению германского экспорта круглым счетом до 8% промышленной продукции. Да и этот экспорт удавалось поддерживать лишь с помощью грандиозного демпинга, организованного фашистской диктатурой и отражающего вздорожание издержек производства, вызванного все тою же фашистской диктатурой. В 1935 г. путем раскладки выкачено было из производства 860 млн., в 1936 г. — круглым счетом 1.180 млн. марок. и, кроме того, истрачены были налоговые средства в невиданных размерах, чтобы с помощью такого демпинга еще более удешевить экспортные цены.

Т. к. германская буржуазия отказывается платить свои долги, то ей не удалось добыть достаточных кредитов для закупки сырья. Поэтому с введением „нового плана" Шахта она перешла к системе импорта лишь такого количества сырья, которое может быть оплачено экспортом товаров.

В то время как доля Г. в мировом импорте еще в 1927 г. составляла 16,1% и даже в момент наибольшего кризиса не падала ниже 4,7%, она во все годы фашистского военного хозяйствования стояла ниже кризисного уровня, равняясь в 1933 г. 4,2%, в 1934 г. — 4,5%, в 1935 г. — 4,2%, в 1936 г. — 4,1%. В самом же импорте доля пищевых продуктов снизилась с 32% в 1932 г. до 23% в 1936 г., в то время как доля сырья с 52% возросла до 62%. В области сырья всякий импорт на нужды гражданского производства в свою очередь был урезан в пользу сырья, ввозимого на военные нужды.

В результате—колоссальная нехватка жизненно необходимых средств потребления, которая привела к росту болезней, несчастных случаев и смертности. В 1936 г. недостаток сырья грозил вызвать серьезные затруднения во всем народном хозяйстве.

Некоторые слои буржуазии, особенно стоявшие во главе отраслей производства, ориентировавшихся на экспорт и связанных с производством средств потребления для „гражданского рынка", усиленно стремились „связаться" с мировой конъюнктурой путем усиления экспорта и известного „переключения" военной конъюктуры на конъюнктуру гражданскую, на привлечение частных средств в те области промышленности, которые поставлены были в явно невыгодное положение. Но такой переход оказался невозможным, ибо выяснилось что „военная конъюнктура" поглотила условия „гражданской конъюнктуры", „государственная конъюнктура" — условия „частной конъюнктуры". Она повлекла за собой возрастание государственной задолженности на более чем двухгодичное общее поступление налогов и подорвала денежное обращение. Она довела производственную мощность военных отраслей промышленности до такого уровня, который без значительных военных заказов никоим образом не может быть использован. Нормальная внутренняя конъюнктура предполагает значительное повышение заработной платы и окладов, а также повышение доходов трудящихся масс крестьянства и средних промышленных слоев, отмену грубого давления фашистской диктатуры на ставки заработной платы и на рыночные цены для мелких потребителей.

Для ведущих отраслей монопольной промышленности, т.-е. для господствующей финансовой олигархии, такой „переход" оказался нерентабельным. В процессе фашистского „накручивания" конъюнктуры она нахватала огромные массы капитала, которые она не в состоянии будет использовать, если ослабнет диктатура в области цен и установления зара-

ботной платы. Издержки производства возросли бы для нее гораздо значительнее, чем барыши при „гражданском" сбыте. Освобождение рынков (рынков капитала, импорта, рынков труда, товарных рынков) сразу обнаружило бы непомерный подрыв и эксплоатацию хозяйственных сил страны, и те самые затруднения, из которых финансовая олигархия стремилась вывернуться с помощью фашистского военного хозяйства, выявились бы еще сильнее. Сразу обнаружилась бы и подлинная стоимость германской марки, что было бы большим ударом для „престижа" государственной власти средн средних слоев Г.

Поэтому фашистская диктатура с осени 1936 г. перешла к усиленному производству сырья, вспомогательных материалов и суррогатов в дополнение к своему военному хозяйству. Под лозунгом „второй четырехлетки" она выдвинула программу автаркии в области сырья, после того как продовольственная автаркия совершенно провалилась. Государство собирается затратить на оборудование соответствующих производственных предприятий 6—8 млрд. из налоговых средств, выжатых у трудящихся масс, и сверх того призывает частные предприятия к вложению нажитых ими барышей в эти отрасли производства, гарантируя им новые барыши.

Все средства производства, все сырье и рабочая сила резервируются не только для вооружений в узком смысле, но в значительной мере и для построения сырьевого хозяйства. Приложение капитала „регулируется" не только частными монопольными организациями финансовой олигархии, но сверх того еще „законным" применением (ее же) государственного принуждения. Это „регулирование" производится государственным тормозом в области эмиссии, государственной политикой займов и векселей, принудительным валютным хозяйством и контролем над импортом сырья, запретом заводить в отдельных отраслях производства новые предприятия и расширять существующие, принудительным применением отечественных суррогатов и в связи с этим — повышенными пошлинами на сырье или полным запретом ввоза такого сырья, которое подлежит замене данными суррогатами.

Квалифицированным рабочим в важнейших отраслях производства (металлопромышленность, строительное дело) воспрещено было менять место работы; принудительный труд в промышленности, непосредственно работающей на оборону, распространен был и на отрасли, производящие необходимое для нее сырье. Гражданское жилищное строительство в видах сбережения материалов было почти совершенно задушено законодательными распоряжениями.

Эти огромные средства, пущенные в ход в целях поддержания государственной военной политики, по большинству видов сырья не могут количественно покрыть даже средних необходимых потребностей мирного времени. Согласно различным, недостаточно точным, данным потребность в железной руде может покрываться в самой Г. самое большее в размере 30—40%, в меди — на 10%, в свинце — на 30%, в цинке — на 60%. Материал для проводов может производиться в размере лишь 40—50%, текстильное сырье — в размере 30%, а потребность в каучуке удовлетворяется на 10—15%. Почти все эти виды синтетического сырья или заменителей значительно хуже импортных. Все они к тому же дороже на 100—400%, что значительно влияет на экспортную мощь германской промышленности, на ее способность конкуренции на мировых рынках. Кроме того, ограничение импорта сырья в результате соответственных политических контрмер со стороны экспортеров сырья тяжело отражается на германском экспорте. „Второй план" показывает, до какой степени германская финансовая олигархия находится в плену собственных своих мероприятий, с помощью которых она рассчитывала вывернуться из последствий кризиса и которые, однако, выявляют все противоречия, но только в гораздо более широком масштабе. Невозможность разрешения этих противоречий еще больше по

буждает и без того склонные к военным авантюрам самые реакционные, самые шовинистические и империалистические элементы финансовой олигархии вести авантюристическую агрессивную внешнюю политику. Иллюзия, будто с помощью агрессивной хищнической войны можно на некоторое время защитить хозяйственную политику финансового капитала, дополняет другую иллюзию, будто капитализм в состоянии стабилизировать свое господство на основе подавления и грубейшего угнетения пролетариата и всех трудящихся масс, — иллюзию, будто политическое насилие в состоянии унять все противоречия и общественные взрывы, выявляющиеся все шире и шире при капиталистическом хозяйстве.

Для подавления пролетариата и для проведения своей паразитической, угрожающей миру всего мира военной политики германская финансовая олигархия использовала фашизм, этот страшный, лживый и продажный гнойник разлагающегося капитализма. В лице фашистской диктатуры она выдвинула колоссальный аппарат, снабженный неограниченными полномочиями, аппарат, который в виде жадного паразита сосет народный организм. Даже в фазы подъема экономического цикла, при подымающемся производстве и спросе на труд, обнищание масс доведено было до уровня, до которого оно не доходило и в моменты глубочайшего хозяйственного кризиса, навлеченного капитализмом на трудящихся.

Теперь бросим взгляд на характерные экономические мероприятия фашистской диктатуры. Первым большим законодательным актом было проведение „жирового и фуражного плана" Имперского сельско-хозяйственного союза, возникновение которого было описано выше. Чтобы удержать на высоком уровне рыночные цены крупного сельского хозяйства, были подняты рыночные цены плодоводческого и животноводческого сельского хозяйства посредством пошлин и таможенных рогаток; тем самым стало возможным повышение цен на фураж. С той же целью производство маргарина, находящееся в собственности иностранных капиталистов, было ограничено 40%, и цены на его продукцию были повышены установлением пошлин на сырье для производства маргарина. В результате цены на маргарин были подняты с 24—36 до 63—110 пфеннигов, чтобы цены на маргарин не давили на цены сливочного масла и других жиров.

Фуражными законами были подняты цены на ввозные корма посредством таможенных, девизных и других рогаток, в результате чего поднялись в цене также и отечественные корма, рыночным поставщиком которых является крупное сельское хозяйство.

Жировая и фуражная политика показывала, что фашистская диктатура в интересах крупного сельского хозяйства отняла у трудящихся крестьян гораздо больше путем увеличения их издержек производства (в данном случае—цен на фураж), чем она дала им повышением рыночных цен на жиры за счет трудящихся масс. До осени 1933 г. цены на жиры поднимались приблизительно параллельно основным крестьянским рыночным ценам, но в декабре они их превысили, и в 1934 г. образовались новые ножницы в ущерб трудящимся крестьянам; в период засухи 1934 г. эти ножницы дошли до гигантских размеров. Несмотря на затруднения с девизами, даже фашистская диктатура должна была несколько повысить импорт кормов, но уровень цен на корма, который в первом полугодии 1933 г. находился, примерно, на 26% ниже довоенного уровня, оставался приблизительно на 12% выше его, тогда как рыночные цены 1934 г. почти не поднялись по сравнению с предыдущим годом и оставались ниже довоенного уровня. Поэтому в 1935 г. фашисты должны были допустить некоторое повышение рыночных цен, что, конечно, затронуло интересы потребителей. С середины 1935 г. фашистская диктатура снова начинает снижать рыночные цены крестьян (на свинину, масло, сыр, овощи, плоды), и в то же время снова подымать цены на импортные корма путем повышения монопольных доплат. Характерно, что с движением кривой стоимости кормов и крестьянских рыноч-

ных цен почти совпадает по времени оппозиционное движение церквей, в „Стальном шлеме", оппозиция „нытиков" и соответственно растут фашистские кампании против этих оппозиций. Эта реальная часть аграрной политики фашистской диктатуры не оставляет никаких сомнений в том, что здесь речь идет о политике в интересах крупного сельского хозяйства за счет трудящихся крестьян и вообще трудящихся масс, так как высокие цены на корма идут на пользу лишь крупному сельскому хозяйству. Вздорожание фуража при одновременном ограничении импорта полноценного заграничного фуража принуждало крестьянские животноводческие хозяйства: во 1-х — на своей земле возделывать корма, а хлеб и недостающий фураж покупать у крупных аграриев; во 2-х—ограничить поголовье скота; в 3-х—ограничить кормленье скота, вследствие чего понизился удой и упало как содержание жиров в молоке, так и убойный вес скота. Фашистская диктатура поэтому все более и более начинала принудительно забирать у крестьян все их продукты через государственные рыночные организации. А так как с уменьшением предложения и запрещением импорта стали расти цены, то правительство, кроме того, под страхом самых суровых наказаний установило государственные твердые цены. Таким образом, крестьянским хозяйствам остается один „выход" — увеличение количества продаваемых продуктов.

Ядром всей фашистской экономической политики были закон от 15 июня 1933 г. о „предоставлении работы" и закон о картелях. Миллиарды были брошены, чтобы путем государственного предоставления работы снизить расходы на безработицу. Работы заключались в строительстве дорог, каналов и укреплений, в мелиорации, строительстве плотин, осушении болот, а позднее и в строительстве автострад. Рабочие, как мы уже сказали выше, получали заработную плату, которая была много меньше докризисных пособий и лишь немного превышала фашистские пособия по безработице; капиталисты получали весьма прибыльные заказы всякого рода на поставку инструментов, машин, аппаратуры и строительных материалов. Предоставление работ сливалось с вооружением так же, как вооружение сливалось с субвенционированием крупного капитала. Финансирование осуществлялось путем краткосрочного кредитования, о чем речь будет ниже.

Одновременно с этим появился закон о картелях, который уполномачивал имперского министра по делам хозяйства принудительно объединять отрасли промышленности в монополистические организации, принуждать отдельных предпринимателей вступать в организации, запрещать возникновение новых предприятий, а также расширение и даже полное использование существующих предприятий.

Множество картелей в течение кризиса распалось, если не формально, то фактически. Это касается почти всех текстильных, керамических, стекольных, кирпичных и некоторых цементных картелей; даже многие железоделательные картели делали скрытые скидки для крупных заказов. Картельные договоры еще существовали, равно как и картельный аппарат, но тайно или явно допускалась целая система скидок, при помощи которых члены картелей снижали монопольные („конвенционные") цены и прибегали к „разнузданной" конкуренции. Все эти организации, опираясь на фашистскую диктатуру, запрещали такие скидки и предпочтительные условия. Простое восстановление монопольных цен означало сильное их повышение. В отдельных случаях это означало повышение цен, несмотря на то, что официально картельные цены даже снизились, так как скидки на много превосходили снижение. Но в очень многих случаях картельные цены были подняты. Официальный индекс, исчисленный конъюнктурным институтом, вообще не отражает этого повышения, так как он регистрировал лишь официальные, а не фактические картельные цены. Короче говоря: фашистская диктатура доказала, что она является сильнейшей опорой монополистического капитала. В конце 1938 г.

Институт конъюнктурных исследований оценивал число монополизированных товаров в 50% всех промышленных товаров. В конце 1936 г. тот же Институт считал, что монополизировано „самое меньшее" 66,7% всех промышленных товаров. В 1930 г. Вагеман, руководитель этого института, указывал, что число монополизированных товаров в сырьевых отраслях промышленности (сюда относятся промышленное сырье, полуфабрикаты и вспомогательные материалы) составляет 50%. В конце 1936 г. Институт отметил (в еженедельнике от 9/XII 1936 г.), что продукция основной химической промышленности монополизирована на 100%!

Значительную часть гигантских прибылей, которые финансовая олигархия пожинает в связи с военной конъюнктурой, она обращает на скупку существующих уже предприятий, расширяя таким образом свои концерны. „Франкфуртер Цейтунг" в № от 21 июня 1936 г. описывала огромную централизацию капитала, вызванную прибылями от фашистских вооружений. Она отмечает, что скупка предприятий крупными концернами достигает таких размеров, „которые известны были только во время инфляции", и перечисляет в длинном списке 83 случая гигантских покупок, благодаря которым „частная промышленная собственность попала в руки больших концернов".

Однако, существовала еще масса организаций средних и мелких капиталистов, ремесленников, мелких предпринимателей, торговцев и строительных подрядчиков, которые по большей части были объединены в „национал-социалистический боевой союз за ремесленное среднее сословие", разбухший при фашистской диктатуре в массовую организацию. В нем сидели мелкие буржуа, которые считали, что они завоевали Гитлеру власть. Из них многие были должностными лицами или депутатами в общинных, окружных и провинциальных управлениях и, естественно, стремились к тому, чтобы реализовать „свою победу". Они объявили—на основе закона о картелях—минимальные цены во всевозможных мелких созданных ими организациях. Они хотели принимать участие в повышении цен. Они распределяли коммунальные, окружные и провинциальные заказы между собой. Фашистская диктатура должна была тотчас же показать свое настоящее лицо. И вот большие газеты финансовой олигархии повели кампанию против этого повышения цен. Так, „Берлинер Берзенцейтунг" требовала, чтобы законами о картелях не злоупотребляли для смешения „картельного принципа" с „профессионально-сословным построением". Страсть картелировать у маленьких людей скоро привела бы к тому, что „картель снова станет детским пугалом, как в эпоху либерализма". Нужно различать, кто годен для картеля, кто нет.

С конца августа 1933 г. фашистская диктатура стала даже применять средства полицейской власти против игры средних сословий в картели. Она запретила всем цехам и союзам присваивать себе функции картелей. Правительство Гитлера издало во имя интересов монополистического капитала недвусмысленной закон, который запрещал собственным национал-социалистическим организациям вмешиваться в раздачу общественных работ и поставок (закон от 15 июля 1933 г.). Так под демократическим флагом борьбы с коррупцией принимались меры против средних слоев, к которым еще недавно обращались с не менее демагогическими призывами против „господства банков".

Боевой союз не хотел и не мог этому верить и продолжал свое дело. Но в августе 1933 г. он был запрещен и распущен своим собственным правительством. Гитлер отложил свое „созидание сословий" вследствие его „смешения с картельным принципом". Но не прекратились полицейские предписания против повышения цен мелким людом, и сотни мелких торговцев, мясников, булочников были за соответствующие „преступления" посажены в концентрационные лагери. Соглашения об образовании картелей допускались только с разрешения имперского министра по делам хозяйства,

В торговле фашистами была организована антисемитская погромная травля с целью сохранить оборот за национал-социалистскими торговцами; кроме того, началась кампания против универсальных магазинов. Однако, выяснилось, что универсальные магазины настолько срослись с крупными банками, что борьба с ними нанесет урон промышленности. Кампания была свернута. Представители правительства разъяснили, что осуществление обещания национал-социалистов закрыть универсальные магазины зависит от выполнения следующих условий: чтобы, во-первых, торговля приняла на себя долги банкам; во-вторых, чтобы промышленности, работающей на универсальные магазины, был гарантирован тот же самый сбыт; и, в-третьих, чтобы были приняты все служащие. Фашистская диктатура даже выплачивала универсальным магазинам возмещение за нанесенный их обороту фашистской массовой кампанией ущерб и охраняла их от продажи с аукциона.

Фашистское хозяйничанье привело к недостатку всех важнейших товаров и сильно повысило налоговое бремя, так что цены стали повышаться. Но вместе с тем повышение их мелким торговцам и промышленникам было запрещено путем установления твердых цен, и в результате заработки их значительно упали. Положение трудящихся мелких торговцев и ремесленников, преобладающее число которых не пользуется наемным трудом, сильно ухудшилось.

Законодательство середины 1933 г. предусматривало также государственное субвенционирование домовладельцев. Осенью 1933 г. эти субвенции были еще увеличены, и в общей сложности домовладельцам было дано около 800 млн. марок государственных денег. В результате субвенций промышленность, производящая строительные материалы (известь, цемент, кирпич, железо, краски), а также строительная промышленность довольно сильно оживились, так как домовладельцы получали эти субвенции лишь при условии выполнения соответствующих строительных работ. Благодаря этим субвенциям домовладельцы на льготных условиях повышали стоимость своих владений за „общественный счет", т.-е. за счет все тех же трудящихся налогоплательщиков. Основная масса домовладельцев, сдающих помещения внаймы, — поскольку речь идет не о крупно-капиталистических обществах,—представляет собою более богатую часть средних слоев. Это — кустари, ремесленные предприниматели, средние и высшие чиновники и служащие, лица свободных профессий и рантье „с хорошим положением"— следовательно, в переносном смысле, так сказать, „кулацкая" часть городских средних слоев. Однако, не только в силу их социальной значимости фашистская диктатура предоставила им такие гигантские субвенции, но прежде всего потому, что оживление строительной деятельности могло широко распространиться на различные отрасли промышленности и ремесла, а также потому, что частично оно должно было итти в русле политики вооружений.

Осенью 1933 г. фашистская диктатура пополнила свое „аграрное законодательство". Во-первых, она издала закон о наследовании дворов. Прежнее наследственное право обязывало наследника, получающего отцовский двор, выплатить своим сонаследникам их часть наследства, или, так как денег для этого по большей части не было, прибегнуть к ипотеке и таким образом выплачивать сонаследникам их часть в форме ипотечных процентов. Часто происходил также и раздел дворов. Закон о наследовании дворов устанавливал: 1) что собственность является семейной собственностью и должна наследоваться неразделенной; 2) что сонаследники не имеют никакого права на наследство; 3) что двор не подлежит продаже или закладу. Закон этот распространялся лишь на германские хозяйства размером от 7,5 до 125 *га*. Следовательно, из действия его исключалось как мелкое крестьянское хозяйство и нижние слои середняцких хозяйств, так и крупное землевладение. Закон оказывал предпочтение наследнику за

счет сонаследников и тем самым вызывал ускорение процесса пролетаризации в деревне. Целью закона было укрепление кулчества.

В некоторых областях Г. в течение веков существовала, в форме обычного права, передача крестьянского двора одному наследнику (так наз. единонаследие — Anerbenrecht). Между тем, имперское право выговаривало для всех наследников право на определенную долю наследства (обязательная доля). Поэтому „единонаследие" покоилось на мирном семейном соглашении и добровольном отказе сонаследников от права на двор. Этот отказ от наследования в большинстве случаев возмещался выплатами в той или иной форме (наличными, приданым для дочерей, расходами на образование, получаемое младшими сыновьями, и т. д.). Поэтому указанное обычное право ограничивалось кругом более богатого крестьянства и в сущности устраняло только дробление земельного участка, но не задолженность и иные виды дробления имущества. В противоположность этому фашистский указ о родовом дворе почти совершенно лишает младших детей наследства, так как предоставляет главному наследнику, без всякого вознаграждения сонаследников, также и средства, необходимые для дальнейшего ведения хозяйства двора. Так как в среднем по Г. на крестьянскую семью приходится почти четыре ребенка, то закон о родовом дворе затрагивает 75% наследников. До июля 1935 г. 586.000 дворов объявлены были родовыми. Несмотря на допускаемые изъятия, закон парализует рост задолженности, возникавшей до сих пор вследствие дробления наследства, так как новая задолженность допускается судами по родовым имуществам обычно лишь на предмет инвестиций, а не для иных целей. Личный кредит ограничивается до крайности. Долги на закупку удобрений и некоторые другие обязательства получаются под залог полевых плодов и других рыночных продуктов. Изъятия из этого закона уже образовали в нем брешь до того, как сказалось все его действие.

В сентябре фашизм начал проводить государственное принудительное картелирование, запланированное финансовой олигархией еще до кризиса. Был издан закон „о состоянии государственного продовольствия". Он уполномачивал министра продовольствия объединять все организации: сельскохозяйственные, промышленные — перерабатывающие аграрную продукцию и торгующие ею, и создавать рыночные союзы для всех продуктов и для их дальнейшей переработки. Это принудительное картелирование создало предпосылку для осуществления двойной монополии: государственной монополии на закупки—против крестьян, которым все больше и больше запрещался самостоятельный сбыт на рынках, и государственной монополии на продажу—против потребителей. Иными словами, закон наносил ущерб и крестьянам и потребителям. Такая организация должна была дать фашистской диктатуре возможность сообразовать всю аграрную продукцию с потребностями империалистической политики подготовки к войне и навязать крестьянам определенную производственную политику. В то же время она является действенным средством для ограбления трудящихся крестьянских масс при помощи государственного механизма цен, в интересах финансовой олигархии.

Рыночные союзы, согласно поставленной цели, при полном их осуществлении могут регулировать обработку, устанавливать определенные сорта и породы, добываемое количество, качество и обработку продукции, места поставок, короче говоря—все. Они могут регулировать производственные цены, ножницы в переработке и торговле, потребительские цены, вполне сообразуясь с потребностями организованного в фашистскую диктатуру финансового капитала.

Сдача всех продуктов на сборные пункты имперских рыночных объединений продовольственного дела достигалась насильственным путем с помощью необычайно строгих мер принудительного характера. Денежные штрафы, отказ в снабжении кормами,

тюрьма, концентрационный лагерь с пытками, отчуждение крестьянских дворов — таковы применяемые меры принуждения. Когда в 1935 г. нехватка высококачественных кормов в скотоводческом хозяйстве приняла угрожающие размеры, подвергнуто было государственной регламентации и личное потребление крестьянских семей. Убой скота ограничен был 40 — 60% предыдущих лет.

Влияние фашистской аграрной политики на крестьянские животноводческие хозяйства видно из следующих фактов:

Цены на важнейшие корма (1933 г. принят за 100)

	Апрель 1933 г.	Июль—авг. 1934 г.
Земляные орехи (привозной корм)	76	131
Жмыхи (привозной корм)	78	126
Сушеная свекловичная сечка (отечественный корм)	97	169
Ржаные отруби	81	107
Сено	50	193

С сентября 1934 г. государственная кормовая монополия прекратила опубликование реальных цен и давала лишь казенные ставки, по которым шла продажа лишь совершенно незначительного количества продуктов.

Поголовье скота и птицы стало сокращаться.

	1933 г.	1935 г.	Убыль
	(в тысячах)		
Дойных коров	10.099	9.893	206
Свиней	23.896	22.782	1.108
Кур	87.364	85.445	1.919

Удой коровы, согласно индексу (1913 г. = 100), со 118 литров в 1932 г. снизился до 102 в 1934 г. и до 98 в 1935 г. О снижении содержания жиров в молоке вследствие ухудшения кормов, вызванного отчасти вздорожанием, отчасти принудительной заменой высококачественных импортных кормов низкокачественными местными кормами, никаких цифровых данных нет, однако и фашистские учреждения признают, что это снижение было очень значительно.

Нехватка кормов колоссально повысила земельный голод у мелких хозяйств. Между тем, стоимость аренды земли сильно выросла вследствие того, что огромная масса земель (30—40%) в силу закона о наследовании дворов совсем изъята была из оборота, а земельная рента крупных владельцев значительно повысилась вследствие роста барышей, вызванного тем, что фашистская диктатура высоко подняла средние цены на зерно и корма.

Рост издержек производства, сниженные продажные цены, большие налоги, проценты, арендные платежи—таковы были для крестьян последствия фашистского аграрного хозяйствования.

О диаметрально противоположном влиянии фашистского аграрного хозяйствования на мелкое и на крупное сельское хозяйство свидетельствует официальная статистика принудительных продаж сельскохозяйственных участков с торгов. В 4-м квартале принудительной продаже с торгов подверглись (число хозяйств):

	В провинциях с сильно выраженным крупным землевладением (Вост. Пруссия и Мекленбург)	В провинциях с сильно выраженным мелким землевладением (Рейнская провинция и Вестфалия)
В 1933 году	3.490	193
„ 1934 „	888	703
„ 1935 „	971	2.581

(см. „Wirtschaft u. Statistik", 1935, № 9; 1936, № 8).

Истощение населения вследствие недостатка высококачественных продуктов питания (мяса, жиров, масла, сала, яиц) приняло весьма опасные размеры; поэтому фашистская диктатура в 1936 г. стала применять драконовские меры против уменьшения поголовья скота. Убой скота был запрещен, установлен был минимальный вес, усилена принудительная сдача мяса; крестьянам открыто угрожали кровавым террором. В официальном воззвании, обнародованном 22 дек. 1935 г. во всей фашистской печати, вина за последствия фашистских мероприятий целиком взваливалась на крестьян, и высказывались угрозы открытой борьбы против „саботажа продовольственного дела". Официальный комментарий печати к этому воззванию заявлял: „Тайная государственная полиция, следуя указаниям своего верховного началь-

ника, министра-президента (Геринга), будет самым беспощадным образом действовать против тех, кто не подчиняется велению момента и предписаниям установленных правительством учреждений". Давление террора вынудило крестьян перейти к увеличению поголовья и к закупке непомерно вздорожавших отечественных кормов у крупных аграриев. Так в 1936 г. на ряду с нехваткой животноводческих продуктов создавалась все более острая нехватка зерновых хлебов.

Отводя плодородные земли под военные полигоны, аэродромы и стратегические автострады, фашистское военное хозяйство значительно уменьшило общую площадь обрабатываемых земель в Г., исчисляемую в след. цифрах:

	Всего *га*	Убыль в *га*
В 1931/33 гг. (среднее за 3 года)	29.368.000	
„ 1934 „	29.348.000	20 000
„ 1935 „	28.753.000	595.000
„ 1936 „	28.447.000	306.000
Общая убыль		921.000

Кроме того, площадь под продовольственными и кормовыми культурами уменьшилась за счет земель, отведенных под посевы волокнистых, масляных, прядильных растений для удовлетворения потребностей военного хозяйства в сырье. Снабжение зерновыми хлебами от этого значительно пострадало, и фашистские диктаторы снова стали ломиться в крестьянские закрома, изымая из них все до последнего фунта ржи.

Фашистская аграрная политика, стоящая под знаменем военной подготовки, ставит себе целью „обеспечить железный паек для человека и скота, равно и промышленное сырье в тылу военной обороны". Но она не в состоянии достигнуть этого, потому что хозяйство, капиталистическое аграрное, т.-е. эксплоататорское хозяйство, и потому присваивает себе такую огромную долю продуктов крестьянского труда, что на улучшение продукции не остается ничего. На этом военном хозяйстве наживаются германские крупные аграрии, монополистические акулы финансового капитала и колоссальная армия фашистских паразитов, с помощью которых фашистская диктатура держит под постоянной угрозой трудящиеся массы.

Фашизм обещал массам средних слоев избавление от „процентного рабства". Это была полезная для фашизма агитационная фраза. Некоторые чиновники фашистских массовых организаций продолжали кампанию за уничтожение „процентного рабства после победы фашизма. Их нужно было вразумить. Для этого Гитлер особенно выдвигал Шахта. Последний разъяснил в январе 1934 г. в своей кильской речи: „Ссудный капитал полезен, и, если хотят пользоваться ссудным капиталом, необходимо платить проценты". Он требовал даже особенно „бережного отношения" к ссудному капиталу, так как он нужен для предоставления работы и для вооружений. Сам Федер, изобретатель „уничтожения процентного рабства", был принужден разъяснить в „Фелькишер Беобахтер" от 28.I 1934 г., что это „всего лишь революционный лозунг": „Дело самого хозяйства и науки—воздвигнуть с этим лозунгом новый хозяйственный порядок"(!).

Так как некоторые фашистские агитаторы, и в особенности те, которые были убиты впоследствии 30 июня 1934 г., продолжали титуловать банкиров и директоров банков „паразитами" и „лихоимцами",—Гитлер поручил Шахту дать этому твердый отпор, распорядился, что только Шахту „подведомственны" денежная и банковская политика фашистской диктатуры, и запретил всем партийным организациям какие бы то ни было самостоятельные выступления „в хозяйственной и финансово-политической области". На съезде германских банковских деятелей в феврале 1934 г. Шахт объявил: „Если все еще продолжаются нападки на германские банковские учреждения и на их руководителей, то эти нападки следует считать безответственными и общественно-вредными". С этих пор подобная агитация не мешала уже банкам и сросшимся с ними трестам, концернам и крупным предприятиям наживаться на „предоставлении работы" и на вооружениях; не мешала

она и крупным аферам фашистского финансирования. С этих пор демагоги фашистских массовых организаций должны были рекомендовать следующие рецепты: „Платите свои долги!— не берите никаких кредитов", „Долг приносит заботы и вредит работе" („Национальцейтунг", Эссен, орган Геринга, 6.IX 1934 г.). Право на кредит фашистская диктатура резервировала для себя.

О величине прибылей капиталистов нет даже приблизительно согласующихся между собою цифр. Институт конъюнктурных исследований указал (в еженедельнике от 18. XI 1936 г.) следующие размеры прибылей германской промышленности:

1933 г. . . . . 200 млн. марок
1934 г. . . . . 1500 „ „
1935 г. . . . . 1900 „ „

Но эти цифры характеризуют не высоту прибыли, а лишь ее рост при фашистском военном хозяйничаньи. Прибыль в эти годы составляет десятки млрд. марок, которые большей частью помещались непосредственно в предприятия или новостройки вернее—в расширение существующих предприятий.

8. *Положение рабочего класса.* Положение пролетариата и трудящихся масс при фашистской диктатуре не может быть изображено хотя сколько-нибудь удовлетворительно на основе официальных статистических данных, приведенных выше, потому что фашистская диктатура частью фальсифицировала эти данные при их обнародовании, частью скрывала их, а частью сделала невозможными их сопоставление и проверку, изменив самые приемы статистики.

По данным Института для конъюнктурных исследований имеем след. годичные средние (в тысячах):

Годы	Число постоянно занятых	Абсолютное изменение	
		Сравнительно с высшим уровнем	Сравнительно с низшим уровнем
1929	17.820	—	—
1932	12.770	— 5 350	—
1933	12.770	— 5.050	+ 300
1934	14.530	— 3.290	+ 2.080
1935	15.640	— 2.180	+ 3.170
1936	16.960	— 860	+ 4.490

Таким образом, если судить по этим данным, фашистская диктатура с помощью военного хозяйства снова вовлекла в процесс капиталистической эксплоатации ок. 5 млн. безработных. Число занятых в 1936 г. было, однако, на 5% ниже числа занятых в 1929 г., а промышленная продукция была на 7—8% выше. Разница в значительной степени объясняется повышением интенсификации труда (потогонная система), как это доказывает приведенная выше таблица возрастания числа несчастных случаев в производствах.

С 1932 г. до середины 1936 г. фашистской диктатуре, по подсчетам фашистского Института конъюнктурных исследований, удалось повысить производительность труда на 46%, а именно:

За счет роста занятости в работе . . . . . на 29%
За счет увеличения рабочего времени . . . на 8%
и, следовательно, за счет интенсификации труда . . . . . на 9%

Итого . . на 46%

Из вышеприведенных подробных подсчетов Е. Варга выводит следующее заключение: „Пред нами отчетливо раскрывается тайна „хозяйственного успеха" фашистского режима. Германский рабочий класс в настоящее время вынужден за ту же общую реальную заработную плату давать на 46% больше рабочих часов, и при том рабочих часов повышенной интенсивности; иначе говоря, степень эксплоатации германского рабочего класса, массы выжимаемой из него прибавочной стоимости повысилась по меньшей мере на 50%. Это и есть тот добавочный фонд, за счет которого совершается грандиозное вооружение и из которого проистекают повышенные барыши крупного капитала, несмотря на грандиозные военные затраты. Гитлеровское „хозяйственное чудо" создано было на эти 50% добавочного труда, бесплатно выжатого из германского рабочего класса" („Хозяйство и хозяйственная политика в 3 и 4 кварталах 1936 года", особый номер „Rundschau", Базель, 5-й год изд., № 50, стр. 2033).

Колоссальное снижение жизненного уровня одновременно с ростом напряжения труда нанесло тяжелый вред здоровью рабочих масс.

Разрушение народных сил достигло такой степени, что и военное министерство не могло пройти мимо этого явления. Оно опубликовало книгу д-ра Цигльмайера под заглавием „Вопрос сырья для германского народного питания" (Дрезден и Лейпциг, 1936). По данным этой книги, „одна четверть или одна треть" народа (т.-е. 18—28 миллионов) „ежедневно" недоедает „20—30 грамм" белков вследствие „несостоятельности" (стр. 43) и увеличение цифр заболеваний и смертности доказывает, что количество недоедающих все еще находится в состоянии значительного прироста" (стр. 49). Нехватает преимущественно полноценного белкового питания, а именно: мяса, яиц, рыбы, молока, молочных продуктов. Это недоедание особенно злостно потому, что оно подрывает здоровье на многие годы вперед, ослабляет силу сопротивления против всех инфекционных болезней, снижает работоспособность людей и повышает утомляемость нервной системы.

9. *Дальнейшее развитие внутренней политики.* Установление фашистской диктатуры было результатом фашизации государственного аппарата с помощью фашистского массового движения. После передачи государственной власти в руки национал-социалистской партии фашизм фактически распоряжался относительно небольшой частью государственного аппарата. Поэтому национал-социалисты организовали удар против рабочего класса и начали этим централизацию всех средств насилия в руках фашистской диктатуры, поставив себе задачу осуществления монополии всех средств насилия и воздействия. Для этой цели они подожгли рейхстаг и изображали пожар рейхстага как сигнал к революционному восстанию пролетариата. Под этим предлогом была проведена волна кровавого террора, закончившаяся разгромом легальных классовых организаций пролетариата и вынужденным уходом его партии и всех организаций в подполье. В этих террористических действиях принимали участие все „массовые" фашистские организации. Лживая фашистская демагогия стремилась заразить мелкую буржуазию фанатическим неистовством своей травли против рабочего класса.

Непосредственно вслед за ударом против пролетариата фашистская диктатура принялась за роспуск и „унификацию" или разгром всех нефашистских организаций, опять таки с помощью массового фашистского движения. Все буржуазные партии „самораспустились" или были распущены, почти все мелкобуржуазные организации и объединения были поглощены массовыми национал-социалистскими организациями или же на руководящие посты были посажены национал-социалистские чиновники.

После волны „унификации" фашистская диктатура начала прибирать к рукам массовые фашистские организации. В этих массовых организациях, рекрутировавшихся, главным образом, из мелкой буржуазии, не прекращались попытки реализовать национал-социалистские „программные требования". Эти массы не желали понять, что фашистская демагогия служила только реализации фашистской диктатуры финансовой олигархии. Выше уже было описано, как одна из крупнейших фашистских массовых организаций — „национал-социалистский боевой союз за ремесленное среднее сословие", — была по этим причинам разгромлена фашистской диктатурой уже в июле 1933 г. Поздней осенью и зимой 1933 г. также и в деревне начало обостряться недовольство фашистской аграрной политикой, проводившейся в интересах крупного землевладения. Перелом в настроениях масс и попытки фашистской диктатуры вовлечь в процесс унификации также и церковные организации привели в зиму 1933—1934 г. к возникновению так наз. церковной оппозиции, оказавшей сопротивление этим попыткам унификации. Разочарование охватило также террористическую национал-социалистскую организацию штурмовых отрядов и даже самую партийную организацию.

Их члены ожидали от „победы национал-социалистского движения"

непосредственного улучшения своего положения, каких-то мероприятий против „процентного рабства", т.-е. против банков, универсальных магазинов, синдикатов и т. д., но больше всего они надеялись на улучшение продажных цен, на работу, повышение заработной платы и должностных окладов.

Вместо этого рост издержек производства и покупных цен оказался выше роста их выручки, процентные и арендные ставки давили на них сильнее, чем прежде, падали их обороты, „их" правительство увеличило налоги, а оклады и заработная плата еще более понизились; массовая безработица. отнюдь не исчезала. „Их" правительство запретило борьбу против универсальных магазинов, запретило агитацию против крупных банков, помогло крупным аграриям взвинтить цены и поддержало картели, синдикаты и тресты. В массах поднялась широкая волна оппозиционных настроений. Фашистская диктатура открыла весною бурную кампанию против „нытиков и паникеров", и тогда на смену демагогическим обещаниям пришли обвинения против тех, кто требовал реализации данных обещаний.

В рядах национал - социалистской партии и штурмовых отрядов мелкие буржуа особенно возмущались тем, что на многочисленных ответственных и хорошо оплачиваемых постах вдруг оказались дети или прислужники крупной буржуазии, тогда как они, „старые бойцы", были оттерты на задний план. Участники фашистского массового движения начинали чувствовать, что фашистская диктатура — не их диктатура, а диктатура крупного капитала, для которой они послужили только орудием. Но широкие массы национал-социалистов все еще верили в искренность и чистосердечность „программы", т.-е. обещаний национал-социалистской партии. Эта „вера" цеплялась за то обстоятельство, что, кроме главных вождей национал-социалистской партии, в состав правительства входили еще и другие лица, известные как представители финансового капитала и „старых" партий крупной буржуазии, как, например, Шахт, имперский министр хозяйства Шмидт и др., и на них можно было возлагать ответственность за „отказ" или за „отсрочку" в проведении партийной „программы". Но сам Гитлер во многих официальных декларациях был принужден заявлять о единстве и единодушии правительства. Фашистская диктатура не могла, конечно, предоставить власть тем людям, которые могли бы использовать эту власть для того, чтобы добиться для „орудия" более или менее самостоятельной роли по отношению к истинному хозяину, финансовой олигархии. Поэтому рейхсвер не был подчинен старым руководителям штурмовых отрядов, поэтому Геринг построил специальные организации, именно поэтому в охранных отрядах организовалась особая гвардия телохранителей, состоящая из слепо послушных людей, а руководящие посты ее были замещены детьми и прислужниками крупной буржуазии, а также членами прежних партий крупного капитала.

Некоторые фашистские бандиты-гангстеры, чувствовавшие себя постоянно изолированными в правительстве от своих коллег, использовали настроение масс для осуществления своих планов. Они агитировали в пользу „второй революции", которая должна „освободить вождя" из рук его „дурных советников", чтобы реализовать требования „программы". Таким образом они, пользуясь настроениями мелкой буржуазии, стремились добиться лично для себя лучших должностей и окладов. Главным очагом этой оппозиции были штурмовые отряды партии национал-социалистов, однако, ею были охвачены и все прочие массовые организации как городских, так и крестьянских средних слоев.

Финансовая олигархия не могла этого допустить. 30 июня 1934 г. Гитлер, Геринг и Геббельс ликвидировали оппозицию фашистских массовых организаций, внезапно расстреляв, перерезав или другими способами убив почти 1.500 человек. Заодно они убили и ряд буржуазных оппозиционеров, как, например, генерала Шлейхера, не-

скольких руководителей католиков, а также нескольких личных врагов или лиц, осведомленных об их прежних преступлениях. Например, были убиты несколько соучастников инсценированного Гитлером, Герингом и Геббельсом поджога рейхстага. Своего близкого друга, руководителя штурмовых отрядов Рема, Гитлер лично приказал убить выстрелом в спину.

Леденящий ужас, вызванный этой гигантской массовой бойней, был снова использован для завершения централизации всех инструментов насилия в руках фашистской диктатуры и для чистки фашистских массовых организаций от ненадежных элементов. Для „обоснования" бойни 30 июня фашисты снова пользовались демагогическими „аргументами". Так, например, приводились в объяснение половой разврат, о котором высшие вожди знали уже в течение многих лет, разбазаривание средств, равно как и „заговорщические сношения с одной иностранной державой". Вся бойня была представлена в виде „очистительной операции", которая, таким образом, была предпринята одной частью фашистских гангстеров и бандитов над другой.

Геринг в речи к прокурорам о событиях 30 июня разъяснил „правовую сторону" этого массового убийства таким образом, что в Г., дескать, есть и может быть только один вид правосознания, а именно „правосознание вождя", и что не должны иметь место такие положения, когда какая-либо отдельная личность „стала бы вследствие занимаемой должности или положения источником мучений для населения!".

В период с осени 1934 г. по осень 1936 г. снова и снова нарастало оппозиционное движение среди фашистских массовых организаций, все более перестраивавшихся в государственные организации принуждения фашистской диктатуры. Бюрократический аппарат этих организаций колоссально разбух. Появилась иерархия вождей, находящихся в полной зависимости от фашистской диктатуры. Чиновники этих организаций, подпадавшие под влияние членской массы, изгонялись с помощью системы террористических и контрольных аппаратов; они были брошены в тюрьмы и концентрационные лагери и во многих случаях — даже убиты. Подготовка к войне, а также спекуляция на внешнеполитических лозунгах этих лет временно *усилили влияние социальной и национальной демагогии.* Однако, ухудшившееся положение широких масс пролетариата и всех трудящихся, а также недостаток одежды, продовольственных товаров и жилищ, как результат фашистской политики, при одновременном гигантском росте прибылей финансовой олигархии разоблачали все больше финансово-капиталистический характер всей диктатуры. Все „кампании" фашизма против „Стального шлема и реакции", против католической церкви, против евреев уже не в силах были превратить массы в воодушевленные орудия фашистской диктатуры.

Организованное вместо распущенного „боевого союза за ремесленное среднее сословие" *национал-социалистское объединение* торговцев и промышленников в свою очередь пришлось ликвидировать. Штурмовые отряды все более оттеснялись охранными отрядами. Организация имперских производителей продовольственных товаров превратилась в принудительную государственную организацию, не став массовой организацией крестьянства. В среде пролетариата фашизму не удавалось найти себе опору. *Германский рабочий фронт,* „этот суррогат" разгромленных профсоюзов, оказался политическим банкротом. „Рабочий фронт" так и остался инструментом чиновников фашистской диктатуры, с помощью которого проводились демагогические маневры против рабочего класса, но не дал возможности вовлечь рабочих в орбиту фашистской диктатуры.

Вместо системы „фабрично-заводских советов", которые уже Веймарская республика „реформировала" в стиле, вполне безвредном для предпринимателей, фашистская диктатура ввела систему „советов доверия". Хотя национал-социалисты совместно с предпринимателями выставляли кандида-

туры в советы доверия, все же рабочим было предоставлено право голосования. В 1935 г. фашизм убедился в своей неудаче проникнуть в среду пролетариата путем этого голосования — несмотря на то, что предприниматели ввели в качестве рабочих многочисленных „старых борцов" и бывших штурмовиков. В 1936 и 1937 гг. новые выборы были поэтому „отсрочены".

Нелегально борющаяся Германская коммунистическая партия пыталась в это время восстановить свободные профессиональные союзы и использовать их как нелегальный инструмент классовой борьбы.

Накопившееся разочарование, недовольство и ненависть были причиной роста оппозиционных настроений в среде национал-социалистских организаций. Особенно сильны они были в массовых организациях принуждения. Однако, нелегальная борьба антифашистских организаций шла в стороне от этих оппозиционных течений.

Борьба Германской коммунистической партии за антифашистское единство действий пролетариата и за собирание всех антифашистских сил в рядах народного фронта была парализована сектантскими ошибками. С помощью Коминтерна Германской коммунистической партии удалось исправить эти ошибки и отбросить сектантов. В соответствии с развитой Г. Димитровым на VII конгрессе основной стратегической и тактической линией, коммунистическая партия Г. взяла на своей Брюссельской конференции 1935 г. правильный курс. Ее серьезная и правильно ведущаяся борьба за единый фронт подорвала силы правых руководителей социал-демократии и их саботаж единства действий. Борьба за народный фронт на почве демократической республики для сокрушения фашистской диктатуры все более и более сплачивала антифашистские силы мелкой буржуазии, интеллигенции и заинтересованных в сохранении мира буржуазных кругов.

Несмотря на то, что антифашистская борьба должна была преодолеть колоссальные трудности под ужасным террором самого централизованного и организованного государственного аппарата, каким еще никогда не располагала никакая буржуазия, осенью 1936 г. уже сказались первые успехи. Они обнаружились в первую очередь в следующих фактах.

Предпринятый антифашистскими организациями большей частью под лозунгами единого фронта сбор средств в пользу народного фронта Испании и агитация против преступной политики правительства, нападающего на испанский народ, нашли широкий резонанс в массах и даже в рядах самой национал-социалистской партии. Среди арестованных за эту деятельность оказалось много национал-социалистов и среди них даже и некоторые чиновники. Точно также учащаются случаи, когда в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий для рабочих на предприятиях отдельные члены национал-социалистских организаций оказываются на стороне борющихся рабочих. В Гинденбурге (Верхняя Силезия) был даже расформирован целый штурмовой отряд, взбунтовавшийся в связи с мероприятиями национал-социалистского руководства, направленными „против радикализма рабочего фронта". Объединения ремесленников под некоторыми лозунгами народного фронта начали зимой 1937 г. борьбу против „унификации" и за свои демократические права и свободы. Оппозиция церкви значительно обострилась и приобрела политический характер. Во время представления классических пьес публика демонстративно выражала свое одобрение во всех тех местах, где произносились свободолюбивые речи.

В этих, как и в других фактах обнаруживается нарастание сил единого и народного фронта против войны и фашизма. Далее выясняется, что эти силы уже более изолированы от массовых национал-социалистских организаций, почему террор может пользоваться только услугами государственных органов насилия. Еще далее выясняется, что антифашистская борьба за целый ряд требований начинает пользоваться не только сочувствием, но и помощью членов и низовых чинов

ников национал-социалистических организаций. Оппозиционные части массовых организаций все более входят в контакт с антифашистской борьбой, включающейся в эти оппозиции и начинающей собирать и организовывать их силы.

Таким образом, уже в самом начале осуществления лозунгов VII конгресса Коминтерна началось по меньшей мере расширение противоречий между фашистской диктатурой и ее массовой базой.

Фашистская диктатура ответила новым усилением террора. Весною 1937 г. тюрьмы и концентрационные лагери снова заполнились, и многие безымянные герои германского рабочего класса поплатились жизнью.

10. *Внешняя политика германской буржуазии.* В начале цикла совершенно провалился авантюристический курс на борьбу против версальской дани, взятый буржуазией при правительстве Куно, курс на агрессивную приостановку платежей (*см.* XLVII, 248/49). Борьба за завоевание империалистической самостоятельности была поставлена на новую основу. Первая трещина в системе версальского блока проявилась в двусмысленном поведении Англии перед Рурской авантюрой. Германская буржуазия перешла к „политике выполнения" версальского договора и использовала социал-демократию и партии Веймарской коалиции для того, чтобы по мере возможности сложить с себя ответственность перед массами. Цель состояла в том, чтобы, создавая экономические предпосылки для реконструкции всех империалистических сил, доказать внутреннюю невозможность бремени версальской дани путем ее выполнения и вместе с тем выйти из внешнеполитической изоляции и преодолеть акти-шовинистическую установку масс. В военном отношении буржуазия перешла от нелегального черного рейхсвера к полулегальному построению рейхсвера как в совершенстве вооруженной кадровой армии. Нелегальные и полулегальные боевые союзы были реорганизованы в массовые организации военных союзов. Демагогическая борьба против версальских предписаний была использована для подъема шовинистической волны. После Локарнской конференции Г. вступила в Лигу наций, получила постоянное место в Совете и все растущую поддержку Англии. После вступления в Лигу наций (10/IX 1926 г.) прекратила свою деятельность интернациональная контрольная комиссия, которая следила за выполнением условий разоружения Г. по версальскому миру. Теперь контроль ограничивался наблюдением за выполнением платежных обязательств Г. по плану Дауэса, находившихся в ведении центрального агента по репарациям и его уполномоченных. Согласно плану Дауэса, уплате подлежало около 2 млрд. золотых марок наличными и поставками натурой. После подписания пакта Келлога (август 1928 г.) начались переговоры о пересмотре плана Дауэса, приведшие к заключению плана Юнга, который был подписан экспертами 7/VI 1929 г. Он предусматривал 59-годичных платежей, возраставших с 1.700 млн. в 1930—1931 г. до 2.400 млн. в 1965—1966 г. и затем снова понижавшихся до 1.600 млн. к 1988 г. В политической области принятие его привело к очищению войсками Антанты оккупированных областей в Рейнской области (30/VI 1930 г.). План Юнга содержал также условие, согласно которому поставки натурой в течение 10 лет должны быть ликвидированы. План Юнга принес лишь несущественное облегчение по сравнению с планом Дауэса. Это позволило фашистам сильнее использовать националистические настроения в массах.

Обострение экономического кризиса ускорило распад системы версальского блока, и одновременно с этим началось расстройство международных кредитных отношений. Начал иссякать приток иностранных займов, делавший возможным трансфер репарационных платежей. В конце 1930 г. и начале 1931 г. под влиянием неопределенности внутренней политической жизни усилилось бегство германского капитала и изъятие иностранных денег из Г. Во время кредитного

кризиса в 1931 г. кредиторы предоставили мораторий по платежу долгов (гуверовский год) и дали Рейхсбанку редисконтный кредит в 400 млн. золотом. Позднее, в 1932 г., отчасти вследствие распадения версальского блока и начавшейся перегруппировки империалистических сил, мораторий был продлен на неопределенное время, так что с возобновлением платежей уже не приходилось более считаться.

С 1924 по 1930 гг. германская буржуазия получила около 25 млрд. иностранных кредитов, из которых она выиграла от 7 до 9 млрд. путем валютных обесценений и около 10 млрд. удержала в стране путем обусловленных или просто декретированных запрещений переводов валюты за границу.

Величину сумм, фактически возвращенных буржуазии конкурирующих стран, невозможно точно установить. Она, наверное, была велика, но не воспрепятствовала германской буржуазии на основе усиленного ограбления рабочих масс конкурировать в отношении централизации своего промышленного аппарата, усиления интенсификации труда, финансово-капиталистической организации и т. д. и т. п.

В начале цикла, т.-е. в 1923—1924 гг., началась временная международная стабилизация послевоенного капитализма. Конкретные внешнеполитические основы этой колеблющейся, относительной и быстро распадающейся стабилизации тов. Сталин охарактеризовал сл. образом („К итогам работ XIV конференции РКП(б)“):

1) „В чем выразилась конкретно стабилизация капитализма? Во-первых, в том, что Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии“.

2) „Во-вторых, стабилизация капитализма выразилась в том, что английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капитала, насчет способов его ограбления“.

3) „В-третьих, стабилизация капитализма выразилась в том, что империалистическим группам передовых стран удалось временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения „своих“ колоний“ (И. Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. 4-е, стр. 145—146).

Вместе с тем тов. Сталин предсказал, что неравномерность капиталистического развития должна очень быстро расшатать все эти соглашения. Историческое развитие давно уже подтвердило правильность этого предсказания.

Внутриполитической основой относительной стабилизации германского капитала было поражение пролетариата, разъединение классовых сил пролетариата благодаря социал-демократической политике союза с буржуазией. Внешнеполитической основой была политика временного и мнимолояльного выполнения версальского договора. Происходивший на основе этой политики приток в Германию иностранных капиталов из Америки, Англии и Голландии, а также льготы во внешней торговле облегчили германскому капитализму быструю и далеко идущую рационализацию его индустриального производственного аппарата, восстановление и упрочение его хозяйственных позиций. Противоречие между экономическою силою германского послевоенного капитализма и его внешнеполитическою мощностью усилилось, и вместе с тем усилился распад временных международных соглашений. Чем больше шел распад версальской системы блоков, тем решительнее германская внешняя политика переходила от политики соглашений к политике вымогательств.

Достигнув при правительстве Брюнинга (1931) частичной, а при правительстве Папена (1932) окончательной отмены репарационных платежей, германская внешняя политика довольно быстро развязала себе руки. Г. при фашистской диктатуре вышла из Лиги наций (осень 1933 г.); после саарского плебисцита и возвращения Саара Г. взорвала (1935) постановления версальского договора о разоружении (возобновление всеобщей воинской повинности). В 1936 г. Г. ввела

войска в Рейнскую область, нарушив Локарнское соглашение. Одновременно она сбросила маску, бешено принялась за открытое вооружение и перешла к политике открытой агрессии и открытого союза с наиболее опасными империалистическими аггрессорами — Японией и Италией. Уже через несколько месяцев после возобновления всеобщей воинской повинности, введенной вопреки версальскому договору, главный гарант версальской системы—Англия—выразила свое попустительство срыву этой системы, заключив англо-германское военно-морское соглашение (июнь 1935 г.).

Из трех основных столпов версальской системы (репарационные платежи, разоружение, обеспечение территориальных установлений) два первых разрушены. Япония приступила к разбойничьему переделу мира в Китае, Италия—в Абиссинии, Г. и Италия совместно набросились на испанский народ, героически борющийся против фашистских мятежников и итало-германской интервенции. Япония и Италия стали активными союзниками германского фашизма, помогая последнему развязывать силы войны.

Вследствие отчаянного положения, до которого германская финансовая олигархия довела германский народ, германский послевоенный империализм в условиях фашистской своей диктатуры сделался самой безграничной, опасной, кровожадной и коварной угрозой миру всего мира. Временное преодоление внутренних своих затруднений он мечтает обрести в авантюристической хищнической политике и пытается опереться при этом на противоречия интересов крупных империалистических держав-конкурентов.

Для осуществления своей агрессивной политики фашистская диктатура использует в других государствах их самые реакционные силы. С их более или менее активной помощью она создает себе опорные пункты для проведения своего влияния на политику этих государств. Она стремится в своих внешне-политических целях заострять внутренне-политический страх перед пролетарской революцией. Поэтому ее внешняя политика проводится под знаменем „крестового похода против большевизма". Отчасти этот лозунг соответствует чаяниям фашизма, поскольку последний является самым неистовым врагом рабочего класса и вообще трудящихся масс. С другой стороны, это знамя—прямой обман, которым фашизм маскирует свои агрессивные грабительские намерения в отношении других капиталистических государств.

Фашизм именно для того все более идентифицирует демократию с большевизмом, чтобы ослабить и побороть мировое движение народного фронта, мобилизующее во всех странах все демократические силы на борьбу с фашизмом. На заседании партейтага национал-социалистов в 1936 г., посвященном вопросам „культуры", Гитлер утверждал, что демократия является духовной предпосылкой для создания анархии, более того—она есть основа всякой анархии, т. к. она с силой неизбежности ведет в своих последних эксцессах к приходу анархии.

Германский фашизм уже организовал восстание бандита Франко против испанского народа. Смысл приравнения народного фронта к большевизму, смысл борьбы против всякой демократии, т.-е. за подчинение всех народов фашистской диктатуре финансовой олигархии, расшифровал Г. Димитров („Правда", 7/XI 1936): „Нельзя создавать себе иллюзию, что предпринятая фашизмом война против испанского народа будет последней".

Фашизм готовит удар против демократии Франции, Бельгии, Чехословакии, против демократии Англии, Скандинавских и других стран. Везде фашистские реакционеры лихорадочно работают изнутри и извне над тем, чтобы подготовить, организовать и в удобный момент провести фашистские мятежи и перевороты. Фашизм ищет сторонников в Польше, Румынии, Югославии, Венгрии и других странах. Польша стала подголоском внешней политики германского фашизма. Для того, чтобы подготовить новую империалистическую войну, чтобы захватить чужие территории, подчинить себе чужие народы и организовать „крестовый поход" против Советского Союза,

фашизм настойчиво стремится разгромить рабочее движение, уничтожить европейскую демократию.

Классовые интересы понуждают фашистских эксплоататоров, как представителей крупного капитала, крупной промышленности, крупных банков, крупных земельных собственников, вести провокационную борьбу против Советского Союза, страны пролетарской диктатуры, страны, преодолевшей всякую эксплоатацию. Как представительница наиболее реакционных, наиболее шовинистических и империалистических элементов финансового капитала, фашистская диктатура является злейшим врагом мирной политики Советского Союза, сильнейшего оплота всех подавленных и слабых народов. Фашистская диктатура опутывает весь мир сетью шпионов и диверсантов, и эту коварную борьбу она особенно обращает против Советского Союза, где она опирается на последние остатки разбитого классового врага, на презренных троцкистско-зиновьевско-бухаринских сообщников фашизма. Германский фашизм в своих военных посягательствах угрожает всем малым и слабым народам Европы, ограбив которые он рассчитывает набраться сил, и с их помощью ему хочется открыть себе двери на запад и на восток с целью покорения мира. Борьба за мир всего мира сливается с борьбой против фашизма.

11. *Фашистская идеология.* „Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов,—вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма" (И. Сталин, „Вопросы Ленинизма", 1934, 10-ое изд., стр. 545).

Национал-социалисты с самого начала прибегли к самой беззастенчивой, до последних глубин изолгавшейся демагогии, чтобы с ее помощью прикрыть господство политики финансового капитала. Поэтому националистическая и социальная демагогия, а также жестокий террор становятся основными опорами фашистской идеологии. Она—не что иное как система обмана, лжи и развращения масс. Так, фашистская идеология с самого начала прикрывала политический характер фашизма антикапиталистическими лозунгами против трестов и синдикатов, против „процентного рабства", против больших универсальных магазинов, против крупного землевладения, против „международного финансового капитала" и т. д. И в то же время эта идеология была вынуждена выхолостить из этих лозунгов все проблески здравого смысла и превратить их в пустопорожние, ничего не говорящие фразы. Террор является существенным дополнением к этой систематизации обмана и развращения, поскольку он насильственным способом препятствует их разоблачению. Эта демагогия применяется к самым жгучим потребностям и нуждам всех классов и прослоек, ко всем предрассудкам, созданным капиталистической системой воспитания масс, созданным всеми капиталистическими традициями и даже реформистскими извращениями марксизма. И в то же время эта демагогия спекулирует на лучших чувствах масс, на их представлениях о справедливости и даже на их революционных традициях. Поэтому фашисты рядились в тогу мнимых социалистов и мнимых революционеров. Они выступали с прокламированием своих намерений поднять „национальную революцию" как против буржуазии, так и против пролетариата, для того, чтобы склонить средние слои к помощи в разгроме рабочего класса в интересах финансовой олигархии и ее фашистской диктатуры.

Занять показную антибуржуазную позицию национал-социалистам было тем легче, что борьба за осуществление неограниченной политической монополии финансовой олигархии про-

являлась также в форме борьбы между различными фракциями и группировками самой буржуазии и ее партий и организаций, оказывавших отчасти мнимое, отчасти и действительное, но безрезультатное, сопротивление концентрации всех орудий господства в руках фашистской диктатуры.

Обман средних слоев и особенно трудящихся масс среди них облегчался также дискредитированием марксизма со стороны социал-демократии, выдававшей свою антимарксистскую политику за марксистскую и предававшей интересы пролетариата и трудящихся масс под марксистским флагом. Под лозунгом „долой Версальскую диктовку" фашизм приспособлялся к оскорбленному национальному чувству масс и на этой основе развил свою шовинистическую травлю, которая должна была превратить массы в послушное орудие хищнических финансово-политических агрессоров.

В качестве фундамента для своей демагогической идеологии фашизм развил свою шовинистическую псевдо-„научную" расовую теорию. Обманным способом она превращает *„неоднородность"* рас в их *„неравноценность"* и использует насквозь лживый антисемитизм для отравления психологии масс, особенно молодежи. Согласно этому „учению", наиболее ценным человеческим типом являются „арийцы", а среди них—„германо-нордическая" раса, имеющая призвание и обязательство господствовать над всеми прочими расами, подавлять и грабить их; все это относится также и к живущим среди германского народа не „нордическим-арийским расовым элементам". Шовинистическая расовая травля самым тесным образом связана с лживой травлей против пролетарского интернационализма и против революционного рабочего класса.

Люмпенпролетарии и бандиты-гангстеры, обломки буржуазных и мелкобуржуазных формаций, заполнившие фашистские террористические организации и занявшие средние и низшие „руководящие посты", были объявлены самой ценной расовой составной частью германского народа. В итоге сутенеры и преступники по делам против нравственности, шпики, воры и хулиганы в массовом масштабе заняли, если и не руководящие, то во всяком случае хорошо оплачиваемые должности в аппаратах принуждения, пропаганды и шпионажа фашистской диктатуры. Эксплоатируемый пролетариат принадлежит к „восточным людям низшей категории", когда он сопротивляется против эксплоатации, в то время как эксплоататоров, разумеется, относят к арийским „людям-господам". „Предводитель" имперских крестьян Дарре „аргументирует" в своей книге „Новое дворянство из крови и земли" с помощью „расового учения" даже против такого социального законодательства, которое „обеспечивает человеку низшей категории возможность существования за счет более ценных элементов".

Попытка растворить реальную практику классовых противоречий в надуманных расовых противоречиях увенчивается фикцией „народной общины", в которой должны быть, якобы, упразднены все классы. В предприятиях „народная община" превращается в „производительную общину", в которой предприниматель является „вождем", а эксплоатируемые им рабочие должны изображать „дружину", как гласит закон. О сохранении „верности", которую обязана соблюдать эксплоатируемая „дружина" по отношению к своему вождю-эксплоататору, заботится террор фашистской диктатуры.

Во внешней политике „расовое учение" развилось в чистейшей воды разбойничью империалистическую мораль. „Наиболее ценные элементы германской расы" должны, оказывается, подчинять и эксплоатировать не только свои собственные трудовые массы, „людей низшей категории", но и те же слои из других наций. Они не должны считаться с правом на существование других наций. Они обязаны подчинить себе более слабых. Почему? Потому что „человеческая культура и цивилизация на земном шаре неразрывно связаны с существованием арийца"— гласит это учение одержимых манией величия преступников. Расовая тео-

рия „логически" отвергает германизацию завоеванных стран. Люди, на ней живущие, должны быть истреблены или по крайней мере изгнаны из своей страны. На их местах должны быть организованы „расово-чистые" поселения, для чего Гитлер предусматривает особые переселенческие комиссии, разрешающие организацию поселения на основании специально аттестованного фашистского образа мысли. Здесь совершенно очевиден весь смысл „отвлечения" от действительно классового врага. А вместе с этим очевидно и основное ядро фашистской идеологии.

Поскольку демагогия и конструирование многочисленных фикций определяют основное содержание этой идеологии, постольку она не терпит ничего рационального, никакого разумного мышления. Она отвергает разум как „еврейский рационализм" и стремится поставить на его место вызванные чувством восприятия.

В противовес интеллекту, который (поскольку он разоблачает демагогию) изображается буквально как разлагающая и вредная функция человеческого духа, фашистская идеология проповедует все преимущества „веры", которая из „чувства" или „воззрения" возводится на высоту идеала. Слепая „вера", враг всякого знания и познания, становится идеалом, и она должна быть вознесена вместе с старым, традиционным слепым послушанием прусской армии до степени безоговорочной дисциплины по отношению к вышепоставленному вождю. На Нюрнбергском съезде национал-социалистской партии Гитлер гневно и угрожающе возглашал: „Горе тому, кто не верит! Он ни на что не пригоден!" Борьба против критически анализирующей силы интеллекта, против стремления к знанию проводится неуклонно во всей фашистской системе воспитания: в школе, прессе, радио, науке и искусстве. Презрительное отношение и „обесценение" интеллекта популяризируется в тысячах различных форм.

Вера, как основа слепого послушания, становится средством для „милитаризации духа". Теоретически борьба против разума является фундаментом для организации повиновения вышестоящему вождю, но практически это повиновение достигается грубым насилием, т.-е. террором. „Идеология" в целом служит для завуалирования смысла и цели террористического насилия. На место заинтересованности финансового капитала она подставляет „миссию" расы и нации, причем на место национальных интересов путем фальсификации подставляются националистические, шовинистические, реакционные и империалистические интересы финансовой олигархии.

С неслыханной жестокостью фашистская диктатура вымогала у научных работников, учителей, художников и всей прочей интеллигенции признания фашистских учений. Всякое сопротивление подавлялось смертью, пытками, тюрьмою и изгнанием за пределы страны. До 1936 г. из германских университетов и исследовательских институтов изгнано 1.600 ученых, при чем в это число входят только те, которых удалось установить английскому обществу защиты науки.

В области физики официальные представители гитлеровского правительства ведут неистовую кампанию против теоретической физики, которую они называют „еврейской физикой" и целью которой объявляют „свести науку на степень чистого эмпиризма".

В области медицины была проведена ужасающая кампания против современной серотерапии. Утверждая, что чужеродный белок отравляет расу, фашисты обвиняли всемирно известных серотерапевтов в том, что их метод лечения преследует цель зачумления германской расы по указаниям всемирного „еврейского руководства". Один из областных руководителей Штрейхер, провел борьбу вообще против всякой серотерапии. При наличии такой травли врачи уже не могли решиться на применение серотерапии, ибо им угрожало заключение в концентрационном лагере и пытки за „зачумление" народа. Количество дифтеритных заболеваний возросло с 64.000 в 1932 г. до 150.000 в 1936 г. Расовое безумие привело к огромным жертвам человеческими жизнями.

Школа, университеты, пресса, радио, кино, коротко говоря — все орудия влияния на массы монополизированы фашистской диктатурой для отравления масс шовинистическими науськиваниями. Отравление детей фашистским школьным преподаванием достигает чудовищных размеров. Родителей, оказывающих противодействие такого рода воспитанию, ждет заключение в концентрационный лагерь и лишение родительских прав.

Единственное легальное средство воздействия, еще не полностью монополизированное фашистской диктатурой—это церковные кафедры. Отчаянное озлобление и глубокая ненависть к фашистским угнетателям, охватившая и трудящихся, еще связанных с церковью, поставила церковные организации перед дилеммой полной изоляции от масс в случае подчинения диктатуре или же борьбы за свою относительную самостоятельность. До настоящего времени фашистскому террору, бросившему в тюрьмы и концентрационные лагери тысячи священников и убившему многих из них, не удалось сломить сопротивления церковных организаций, ибо это сопротивление поддерживается антифашистскими силами. Трудящиеся массы, в том числе и принадлежащие к церковным организациям, в больших количествах включаются либо в единый фронт (рабочие из христианских профессиональных союзов), либо в народный фронт, поскольку они принадлежат к средним слоям. Противоречия в среде самой буржуазии все более обостряются, так как и среди капиталистов все растут прослойки, пугающиеся авантюристской политики фашистов, которая ведет страну и народ к катастрофе. Все это приводит к тому, что борьба церкви находит поддержку и среди отдельных буржуазных элементов.

Решающей силой, борющейся против идеологического разложения, против фашистского варварства и против военной горячки, является нелегальная коммунистическая партия, собирающая вокруг себя все более широкие массы своей героической и жертвенной борьбой за политику единого фронта и народного фронта, против политики войны и фашизма.

12. *Затруднения народного хозяйства Г.* Влияние политики вооружения на производство внешне выразилось в росте промышленной продукции. Он составил по официальным индексам:

Продукция промышленности (1928 г. = 100)

Годы	Промышленность	Средства производства		Средства потребления
		Все средства производства	в т. ч. инвестиционные средства	
(Высшее состояние) 1928/29	100	102	103	100
(Низшее состояние) 1932	58	47	38	74
„ 1933	66	56	49	80
„ 1934	83	76	74	93
„ 1935	96	99	102	91
„ 1936	108	113	117	96
Изменение 1936 г. составляло:				
а) по отношению к 1928/29 г.	+ 8%	+ 13%	+ 17%	4%
б) „ „ „ 1932 г.	+ 87%	+ 140%	+ 208%	+ 30%
Использование производственной мощности составляло в % часовой рабочей производительности:				
1929	67%	68%	70%	67%
1932	36%	30%	26%	43%
1934	65%	72%	77%	57%

Превышение производственного уровня на 8% по сравнению с прошлым циклом произошло, следовательно, благодаря повышению производства средств производства на 13% при одновременном падении производства средств потребления на 4%.

По отношению к производству средств потребления, кроме того, надо принять во внимание следующее:

1. Со времени фашистской диктатуры и из этого производства очень значительная часть пошла на снабжение армии и полиции, численность которых увеличилась по сравнению с прошлым циклом больше чем в десять раз и для которых были заготовлены грандиозные запасы обмундирования, обуви и продовольствия.

2. Вследствие запрещения заграничного ввоза, местное производство средств потребления во время фашистской диктатуры должно было в большей мере обеспечивать население снабжением, чем прежде.

3. Все цифры до 1935 г. относятся к территории Г. без Саара, с 1935 г.— с Сааром. Численность народонаселения составляла в 1929 г. около 63,9 млн., в 1932 г. около 64,9 млн., в 1936 г. около 67,3 млн. Таким образом, 1936 г. превышает на 3,4 млн., или приблизительно на 5% народонаселение в 1929 г. Повышение производства средств потребления на 5% по отношению к 1929 г. соответствовало бы, таким образом, только естественному приросту.

В группе средств производства фашистское военное хозяйничание привело к решительным изменениям. Значительная часть его состоит из товаров, которые исключены из потребления как средства производства в силу самого их характера, как, напр., оружие, крепостные сооружения и т. п.

Военное хозяйничание фашистской диктатуры привело к использованию „сверхмощностей" монополистической промышленности. Этим привлекались к переработке огромные массы сырья, которые при этом перерабатывались так, что они не могли быть обменены на новое сырье, так как шли на непроизводительные цели.

Но германский капитализм должен импортировать от 60 до 70% важнейшего сырья. Этот импорт он может оплатить только при помощи экспорта готовых изделий. При этом он натолкнулся на барьеры, которые всеобщий кризис капитализма ставит международной торговле, и одновременно столкнулся с противодействием своих международных конкурентов, противодействием вызванным политикой вооружений. Для экспорта военного вооружения существуют определенные границы. Экспорт же „гражданских" промышленных готовых изделий означает экспорт импортированного сырья в переработанном виде. Но расходы производства значительно повысились во время военного хозяйничания, несмотря на небывалое снижение заработной платы вследствие повышения цен на сырье. Принудительный курс валюты и подрыв иностранного кредита в результате ограничения ввоза и расчетов препятствовали вместе с тем германским капиталистам покупать сырье там, где оно было самым дешевым. Они должны были покупать сырье тогда и там, где вследствие экспорта или по договору у них было достаточное количество иностранной валюты.

Кроме того, повысились внутренние издержки. С 1936 г. повысились также издержки производства из-за уменьшения скорости обращения капитала, испытывающего недостаток в сырье. Все это способствовало снижению доли германского экспорта в производстве.

Годы	Весь экспорт	Экспорт готовых изделий	Участие экспорта в германском промышленном производстве
	в млн. марок		
1929	13.483	9.833	23,7%
1930	12.036	9 038	26,0%
1931	9 599	7.380	29,4%
1932	5.740	4.489	24,9%
1933	4.871	3.787	19,5%
1934	4.167	3.256	12,8%
1935	4.270	3.312	11,5%
1936	4.768	3.802	11,2%

Чтобы обеспечить потребности военного хозяйства, все более и более значительная часть ввозимого сырья резервировалась за военною промышленностью. Особенно сильно ограничивался ввоз продовольствия, далее — ввоз промышленных готовых изделий,

поскольку они не служат вооружению, и ввоз сырья и полуфабрикатов для производства средств потребления. Приблизительную картину дает следующая таблица:

Годы	Весь ввоз в млн. марок	В том числе: Скот, продовольствие и напитки	В том числе: Сырье и полуфабрикаты
1927	14.228	4.326	7.192
1929	13.447	3.823	7.205
1932	4.659	1.485	2.412
1933	4.204	1.104	2.421
1934	4.451	1.067	2.600
1935	4.164	1.044	2.553
1936	4.212	1.092	2.604
Изменение в 1936 г.			
а) по отношению к 1927 г.	— 70%	— 75%	— 64%
б) по отношению к 1932 г.	— 10%	— 25%	+ 8%

Цифры указывают на непосредственную связь между падением экспорта и затруднениями в снабжении сырьем. Фашистское военное хозяйничание удерживало в стране несоразмерно большую часть импортного сырья, больше, чем когда бы то ни было ранее, за исключением, может быть, лишь периода мировой войны. Но для экспорта не открывается никаких перспектив, которые могли бы решительно изменить положение германского капитализма. Хотя международная торговля опять увеличивается с улучшением международной конъюнктуры, но нет оснований „полагать, что она опять достигнет уровня предшествовавшего цикла. Мировая торговля составляла в % к 1929 г. в первом квартале каждого года:

	1932	1933	1934	1935	1936	1937
В денежном выражении	41,4	84,2	33,4	32,2	84,1	(36,6)
В количественном выражении*)	78,2	73,3	74,9	74,6	75,8	(76,4)

Участие Г. в мировой торговле в эти годы беспрерывно падало. С улучшением конъюнктуры германский капитализм теряет даже известные выгоды, которые он мог бы извлечь из повышенного предложения со стороны заокеанских и европейских аграрных стран.

Вздорожание внутренних издержек производства в Г. между тем идет вперед, цены безостановочно растут, несмотря на все запрещения; кроме того, замедляется оборот капитала из-за затруднений в доставке сырья и из-за недостатка в квалифицированных рабочих; т. обр. увеличиваются общие издержки. Строительство предприятий для добычи отечественного сырья имеет целью усилить снабжение сырьем до тех пор, пока кризис приведет международные цены к падению.

Эти предприятия, в которые должно быть вложено от 6 до 8 млрд. налоговых средств, ведут к дальнейшему снижению жизненного уровня масс. „Deutsche Volkswir“,—журнал близкий к Шахту, говорит совершенно открыто о том, что „второй четырехлетний план“—(так гласит официальное название этого плана строительства сырьевой промышленности)—требует, после того, как большая часть запасов сырья истрачена, „принесения себе в жертву жизненного уровня“ (в № от 24.XII 1936 г.). Чтобы дать картину положения масс, к которому привело фашистское военное хозяйничание, приводим доклад английского (буржуазного) экономиста, который посетил Г. в конце 1936 г. Он писал в газете „Financial News“ (22.XII 1936 г.): „Страна находится в состоянии такой материальной нужды, какой она никогда не испытывала после самых тяжелых лет 1917—1919 гг. Военное положение господствует в мирное время... Знаменитое заверение генерала Геринга, что народ не может иметь одновременно пушки и масло, очень быстро превратилось в истину для гораздо большего числа продовольственных продуктов. К недостатку в масле, сале, мясе, свинине прибавился еще недостаток в самом главном продукте питания—хлебе. Шесть месяцев тому назад потребителя ободряли тем, что уменьшение потребления мяса, жиров и масла будет происходить за счет повышенного потре-

*) Количественное выражение вычислено по состоянию цен в 1929 г.

бления хлеба. Теперь же от него требуют перейти с хлеба на капусту и репу. Воспоминания о военном времени, таким образом, опять легко пробуждаются, и, чтобы сделать параллель еще более реальной, после 13-летнего перерыва, с начала нового года введены опять продовольственные пайки. Но ухудшается не только продовольственное положение. Предложение средств потребления вообще быстро уменьшается. Официальный список товаров, которых нельзя было производить из определенных видов сырья, как медь, олово, свинец, каучук, хлопок, шерсть и т. д., делается все длинней и длинней. Соответственно этому тем больше ухудшается качество многих промышленных товаров, прежде всего текстильных и каучуковых, чем больше естественное сырье заменяется суррогатами".

Неимоверное расстройство хозяйства всей страны, произведенное военной политикой фашистской диктатуры в предкризисной фазе цикла, предвещает катастрофу его в предстоящем кризисе. Фашистская диктатура ищет „выхода" в развязывании войны, и собирающиеся в стране силы единого антифашистского и народного фронта ведут героическую борьбу против фашистской диктатуры, а вместе с тем — и борьбу против войны, потому что „сохранение мира — смертельная опасность для фашизма" (Г. Димитров).

Июль 1937 г.

IX. Италия (*ср.* XLVII, 580/97). I. 1. *Международное положение и внешняя политика до войны с Абиссинией.* Внешняя политика И. в течение ряда лет характеризовалась следующими основными моментами: безоговорочной поддержкой ревизионизма; резким антагонизмом с Францией и странами французского блока, в особенности с Югославией; стремлением разложить Малую Антанту, в частности путем отрыва Румынии и путем содействия хорватским сепаратистам в Югославии; флиртом с германским фашизмом, в особенности усилившимся после прихода к власти Гитлера, главным образом в целях использования в интересах И. франко-германских противоречий; стремлением усилить итальянское влияние в юговосточной Европе и противопоставить союзникам Франции блок стран итальянской ориентации.

Следует при этом отметить, что, сохраняя значительную самостоятельность в частных вопросах, относящихся к взаимоотношениям И. с отдельными странами, в общих вопросах международной политики И. стремилась действовать в полном согласии с политикой Великобритании. Это неизбежно вытекало из ее особого положения в Средиземноморском бассейне, над которым в военно-стратегическом отношении доминирует Великобритания. Политика И., в частности поддержка ею идеи ревизии мирных договоров, в первую очередь была обусловлена неудовлетворенностью итальянского империализма исходом войны 1914—1918 гг. Дело не только в том, что И. обделили при разделе военной добычи и что она, в частности, была совершенно обойдена при распределении колониальных мандатов. Для И. основной задачей, обусловившей ее участие в войне на стороне Антанты, являлось сокрушение Австро-Венгерской империи, преграждавшей ей путь на Балканы и в дунайскую Европу, представлявшую, по мнению руководящих деятелей И., естественную зону экспансии итальянского империализма. Возникновение, в результате мировой войны, нового государства — Югославии, привело к тому, что антиитальянские функции, выполнявшиеся в свое время Австро-Венгрией, перешли к этому новому государству. Положение И. еще более ухудшилось в связи с образованием Малой Антанты.

Этот курс внешней политики принес И. серьезные разочарования. Политика разложения Малой Антанты ни к чему не привела, как не оправдались и расчеты на внутренний распад Югославии. В Албании, которая после итало-албанских соглашений (27 ноября 1926 г. между И. и Албанией был заключен пакт „о дружбе и безопасности" и 22 ноября 1927 г.—договор „об оборонительном союзе") фактически является итальянской колонией, вновь

усилилось влияние Югославии. Вместе с тем не увенчались успехом и стремления противопоставить французскому блоку — блок стран итальянской ориентации. Греция и Болгария от участия в подобном блоке уклонились, а Турция решительно пошла по пути сближения с Францией и Малой Антантой. Ошибочность итальянской политики стала особенно очевидной после возникновения в 1934 г. Балканской Антанты, в состав которой вошли Югославия, Румыния, Турция и Греция. И. сохраняла преимущественное влияние только в Венгрии и в Австрии, что явно недостаточно. Кроме того, влияние И. в этих странах находилось под постоянной угрозой.

Приведенные обстоятельства и одновременно изменившееся соотношение борющихся в Европе империалистических сил и, в частности, возрождение германского империализма не могли не отразиться на внешней политике И. И. еще не отказалась от поддержки ревизионизма, в особенности венгерского, однако, в постановке официальными деятелями И. этого вопроса появились новые моменты, свидетельствовавшие о существенном изменении итальянской политики. И. продолжала с особой настойчивостью подчеркивать, что она готова поддерживать не всякие ревизионистские устремления в Европе, но лишь те, которые имеют в виду восстановить попранную „справедливость“ и которые, к тому же, предполагается осуществить исключительно мирным путем. И. декларировала свое отрицательное отношение к односторонней отмене Германией 5-го раздела Версальского договора, но одновременно предлагала пересмотреть постановления мирных договоров в пользу Венгрии, Болгарии и Австрии. Это мотивировалось необходимостью показать правительствам перечисленных стран, что они не нарушили своих интересов, не последовав примеру Германии.

Для того, чтобы оценить характер и значение происшедших сдвигов в итальянской политике, необходимо учесть следующее.

а) Итальянское правительство, поддерживая в течение ряда лет Германию в весьма существенных международных вопросах, рассчитывало на то, что Германия воздержится от направления своей политической и экономической экспансии в юго-восточную Европу. Предполагалось, что Германия откажется от политики захвата Австрии. Развитие германской политики, в частности венский путч 25 июля 1934 г. и убийство Дольфуса, показало, однако, что эти расчеты были лишены всякого основания. Резко противоречит интересам И. также усиление германского влияния в Югославии, Румынии и, в первую очередь, в Венгрии.

б) Параллельно с ослаблением базы итало-германских отношений возникли условия для итало-французского соглашения. Ухудшение перспектив сотрудничества с Германией активизировало в И. тенденции к соглашению с Францией. Французское правительство, которое в течение ряда лет недооценивало значения сотрудничества с И., также вынуждено было признать, что поддержка, оказываемая И. Германии, способствует усилению германской агрессивности. В связи с этим и во Франции значительно усилились настроения в пользу соглашения с И., которое и состоялось во время пребывания в Риме французского министра иностранных дел Лаваля.

Итало-французское соглашение от 7 января 1935 г. представляло собой серьезный шаг в направлении смягчения основных противоречий между И. и Францией. Это соглашение в той части, в какой оно было опубликовано, включает следующие документы:

1. Обращение Франции и И. к державам, соседям Австрии и наследникам Австро-Венгерской империи, с советом заключить соглашение, предусматривающее, что каждая из сторон будет соблюдать существующие границы и воздержится от вмешательства во внутренние дела другой стороны.

2. Консультативный пакт, на основе которого Франция и И. обязуются согласовывать свои действия, если

возникнет угроза независимости Австрии.

3. Заявление, согласно которому итальянское и французское правительства признают, что ни одна страна (имеется в виду Германия) не может изменить односторонним актом своих обязательств в области вооружений.

4. Конвенцию, предусматривающую колониальные компенсации, получаемые И. в погашение ее претензий по тайному лондонскому соглашению 1915 г. Эта конвенция имеет раздел, относящийся к округлению итальянских колоний, Ливии и Эритреи, за счет французских колоний и к режиму, который будет действовать в Тунисе по отношению к итальянским гражданам и школам. К этой группе вопросов относится также франко-итальянское соглашение относительно предоставления И. доли участия в железной дороге Джибути — Аддис-Абеба.

Официальные сообщения о римских переговорах не отражали всей совокупности проблем, которые подверглись обсуждению. Серьезное внимание было уделено также проблеме взаимоотношений И. с Малой Антантой, в частности с Югославией. В целях обеспечения себе сотрудничества И. в дунайской и балканской Европе и для побуждения итальянского империализма отказаться от колониальных притязаний в Северной Африке, Лаваль в секретном соглашении предоставил И. полную свободу действий в Восточной Африке (против Абиссинии). В Риме были намечены некоторые основные положения, на базе которых должны были начаться переговоры о сближении между И. и Югославией. Наглядным подтверждением этого явился имевший место 15 марта 1935 г. обмен декларациями между итальянским посланником в Белграде и регентом Югославии; в декларациях впервые со времени мировой войны со стороны И. и Югославии прозвучали заявления об отсутствии враждебных намерений в отношении друг к другу, а также предложения о взаимном сотрудничестве. Серьезное значение должно быть придано также следующему заявлению, сделанному 8 апреля 1935 г. итальянским посланником в Белграде представителям печати: „Италия рассчитывает на длительное сотрудничество с Югославией, что представляет новую политическую ориентацию Италии. Муссолини желает, чтобы было заключено с Югославией соглашение на продолжительный срок; чтобы были урегулированы существующие спорные вопросы между обеими странами; введено в действие ранее заключенное, но до сих пор не применявшееся соглашение; заключен итало-югославский торговый договор и возобновлен договор о дружбе. Италия расценивает Малую Антанту как счастливое международное объединение, жизнеспособность которого доказана. Что касается вопроса о ревизии договоров, то Италия сопротивляется всякой насильственной ревизии". Это заявление служит логическим развитием декларации от 15 марта 1935 г, ибо оно уже не ограничивается итало-югославскими отношениями, а отражает изменение политики И. по отношению к Малой Антанте. На пути действительного сближения между И. и Францией и странами Малой Антанты еще имеется много трудностей, и полное устранение противоречий невозможно.

Основной задачей внешней политики И. с тех пор являлось предотвращение угрозы присоединения Австрии к Германии или прихода к власти национал-социалистов в Австрии. Последнее было бы равносильно аншлюссу и полной потере И. влияния в Австрии. Осуществление аншлюсса представляет для И. серьезную угрозу, ибо в этом случае на итальянской границе вместо маленького буферного государства появилась бы воинственная фашистская Германия. Общая граница между И. и Германией создала бы непосредственную угрозу для итальянского Тироля, населенного немцами. Вместе с тем, овладев Австрией, Германия устремилась бы к Средиземному морю, чтобы усилить свои позиции в борьбе за господство в восточной Европе. Тяготение Германии к Средиземному морю создало бы непосредственную угрозу для Триеста и Фиуме. Поэтому И. с

такой настойчивостью добивается заключения дунайского пакта, долженствующего гарантировать независимость и целостность Австрии и предотвратить вмешательство Германии в ее внутренние дела. Наличие в Австрии местных национал-социалистов дает, однако, германскому фашизму возможность продолжать политику завоевания Австрии изнутри, формально не вступая при этом в противоречие с постановлениями дунайского пакта. Итальянское правительство не намерено мириться с перспективой потери влияния в Австрии и серьезно усиливает свои вооружения. Одновременно И. укрепляла свои экономические отношения с Австрией путем предоставления последней довольно серьезных льгот. В целях затруднения германской экспансии в Дунайской и Балканской Европе, И. способствовала также экономическому и политическому сближению Австрии и Венгрии. Некоторые политические круги И. проповедовали идею реставрации Габсбургов в Австрии и Венгрии, в расчете на то, что этим будут созданы серьезные препятствия германской политике завоевания Австрии.

Значение итало-французского соглашения было, однако, сведено на нет активизацией захватнической политики И., явившейся результатом этого же соглашения. Воспользовавшись пограничным инцидентом, имевшим место 5 декабря 1934 г. вблизи оазиса Уал-Уал на границе Абиссинии и итальянской колонии Сомали, итальянское правительство направило в прилегающие к Абиссинии итальянские колонии огромную армию и стало открыто подготавливать войну за превращение Абиссинии в итальянскую колонию. И. рассчитывала, повидимому, что при наличии предусмотренного соглашением от 7 января 1935 г. доброжелательного отношения Франции к укреплению итальянского влияния в Восточной Африке, итальянская экспансия не встретит сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны остальных империалистических государств. И. обманулась, однако, в своих расчетах. Итало-абиссинский конфликт привел к резкому обострению мировых империалистических противоречий и, в частности, сильнообострил англо-итальянские отношения. Англия усмотрела в итальянской экспансии в Восточной Африке возможную угрозу своим колониям и своему владычеству на морском пути, ведущем в Индию. Несмотря на отрицательную позицию, занятую по отношению к захватническим планам итальянского империализма Лигой наций, И. 3 октября 1935 г. начала войну против Абиссинии. В результате этого Лига наций признала И. нападающей стороной и приняла решение о применении к ней экономических и финансовых санкций, предусмотренных ст. 16 устава Лиги. Итало-абиссинская война, потребовавшая значительного финансового напряжения, а также вызвавшая применение санкций, в еще большей степени ухудшивших состояние итальянской экономики и финансов, сильно ослабила положение фашистского режима в И. Итало-абиссинская война отразилась и на положение И. в Европе, в частности в дунайских и балканских странах, ибо итальянский империализм, разумеется, не в состоянии вести войну в Абиссинии и успешно защищать свои позиции в юго-восточной Европе. (О ходе итало-абиссинской войны и ее результатах см. *Абиссиния*, т. LVI).

2. *Экономическое положение.* Кризис затронул все решительно отрасли сельского хозяйства и промышленности И. Индекс общей активности итальянской промышленности с 109,2 в 1929 г. (за 100 принят 1928 г.) упал до 80,5 в 1933 г. Заслуживают внимания следующие цифры, характеризующие состояние итальянской тяжелой промышленности (за 100 принят 1926 г.):

Не менее показательны следующие цифры, относящиеся к состоянию различных отраслей итальянской легкой промышленности (см. стр. 435/36).

Индекс занятости рабочей силы по сравнению с 1926 г. и, главным образом, исключительно высокий процент рабочих, занятых неполную неделю наглядно иллюстрируют то крайне неудовлетворительное состояние, в котором находятся перечисленные отрасли промышленности. В отношении

Отрасль промышленности	Индекс промышленной активности (минимум и максимум за месяц)			Процент работающих неполную рабочую неделю		
	1929 г.	1932 г.	1933 г.	1929 г.	1932 г.	1933 г.
Спец. машиностроение	94— 97	77—84	76—82	3—13	26—36	16—30
Механическая индустрия	99—101	65—71	67—75	5—9	28—32	14—25
Электротехническ. индустрия	98—108	93	82—85	3—5	19—31	19—24
Железнодорожные материалы	81— 98	60—65	54—62	3—8	12—18	7—15
Автомобили	86— 95	61—69	68—71	32	8—37	5—27
Верфи	81— 89	76—52	48—56	2—6	4—12	6—10

Отрасль промышленности	Общее колич. занятых рабочих	Индекс занятости рабочей силы (1926 = 100)	Работает		
			Нормальную раб. неделю	Сверхурочно	Неполную рабочую неделю
Шелковая	61.302	49,9	24.472	444	36.386
Искусственного шелка	20.607	77,5	5.692	537	14.378
Хлопчато-бумажная	150.091	61,3	20.241	956	128.894
Шерстяных тканей	77.527	100,1	14.262	1.453	61.812
Джутовая	12.331	86,4	4.307	382	7.642
Производство шляп	9.927	67,3	266	35	9.626
Бумажная промышленность	22.915	94,2	5.003	280	17.632
Пищевая промышленность	15.691	101,9	3.018	628	12 045
Производство цемента	9.148	72,6	950	49	8.149

текстильной промышленности (включая производство шелковых тканей и тканей из искусственного шелка) это подтверждается также следующей таблицей индексов использования общей производственной мощности наличного оборудования:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Хлопчато-бум. промышленность	93	74,6	66,4	64,6	79,8	68,9
Лен и конопля	78,4	69,8	63,1	72,0	63,4	61
Джутовая промышленность	96,3	83,6	70,7	59,8	67,0	77,0
Шелк	79,7	75,5	67,9	44.5	50,1	42,7
Искусственный шелк	81,0	82,9	82,9	67,0	72,8	66,9
Шерсть	83,8	76,1	68,8	63,9	70,8	70,9

В 1934 г. индекс активности итальянской промышленности повысился до 88,3. Однако, экономическое положение И. продолжает оставаться чрезвычайно тяжелым, ибо повышение индекса в значительной мере должно быть отнесено за счет предприятий, имеющих военное значение. Следует вообще отметить серьезные усилия И. для подготовки промышленности к войне, в частности—по линии замены недостающего сырья соответствующими суррогатами. В начале 1935 г. состоялось под председательством Муссолини заседание Верховной комиссии обороны, которая торжественно декларировала, что И. уже сейчас добилась почти полной независимости от иностранного продовольствия и промышленного сырья. Этот официальный оптимизм, конечно, еще очень далек от действительности. Заявление комиссии обороны, повидимому, имело основной целью несколько поднять политико-моральное состояние итальянского населения в связи с серьезно обострившейся угрозой войны.

О степени серьезности усилий в деле подготовки итальянского хозяйства к войне свидетельствует огосударствление в сентябре 1934 г. общества „Ансальдо-Конье", возникшего в результате слияния концерна „Ансальдо" с „Сочиета Националe Конье". Концерн „Ансальдо" охватывает сталелитейные, электро-механические, паровозострои-

тельные, автомобильные и орудийные заводы, а также судостроительные верфи. Во время мировой войны концерн „Ансальдо" являлся основным поставщиком военного снаряжения и боеприпасов для итальянской армии. Огосударствление предприятий „Ансальдо-Конье" и назначение главою их бывшего морского министра, адмирала Сирианни, не могут быть обоснованы какими-либо экономическими соображениями и являются лишь следствием желания итальянского правительства привести тяжелую промышленность страны в состояние полной мобилизационной готовности.

В особо тяжелом положении находились судостроительные верфи, автомобильная и текстильная отрасли промышленности (включая индустрию искусственного шелка), которые работали не столько на внутренний, сколько на внешний рынок и встречались в течение последних лет с серьезными трудностями в деле размещения за границей своей продукции. Оптовые цены продолжали падать: с 97,8 в 1929 г. (за 100 принят 1928 г.) индекс оптовых цен в 1934 г. упал до 56,1. Показательно для характеристики положения в И. по сравнению с положением в других основных капиталистических странах, что оптовые цены в И. упали ниже, чем в США, Англии, Франции и Германии (по данным Статистического бюллетеня Лиги наций). Официальная статистика, которая отнюдь не отличается особой точностью и обнимает только лиц, состоящих на учете страхкасс, зарегистрировала на 31 января 1935 г. 1.011.711 безработных (сюда не включены лица, работающие неполную рабочую неделю). Между тем, в 1929 г. в И. насчитывалось только 300.787 безработных.

Параллельно с увеличением безработицы все эти годы систематически снижалась заработная плата рабочим и служащим (в том числе и государственным служащим). Согласно данным фашистской конфедерации промышленности, далеко не отражающим действительного положения вещей, индекс зарплаты упал в 1934 г. до 81,5 (за 100 принят 1930 г.). В конце 1934 г. специальным правительственным декретом была введена 40-часовая рабочая неделя, вместо 48-часовой недели, при сохранении прежнего размера почасовой оплаты труда. Это мероприятие было мотивировано желанием создать условия для вовлечения в производство части безработных. В действительности, это введение 40-часовой рабочей недели ни в какой мере не отразилось на состоянии безработицы и свелось только к новому массовому снижению зарплаты на 16%.

Серьезное значение имело уменьшение капитала акционерных обществ с 52 млрд. лир в 1930 г. до 44 млрд. лир в 1934 г. Особенно пострадали электродобывающая, строительная, химическая, хлопчатобумажная отрасли промышленности и индустрия искусственного шелка.

Кризис сильно отразился на положении крупнейших итальянских банков. В 1934 г. „Банка Коммерчале Итальяна" (основной капитал 700 млн. лир), „Кредито Итальяно" (основной капитал 500 млн. лир) и „Банко ди Рома" (основной капитал 200 млн. лир) не были в состоянии выплатить дивиденды акционерам. „Банка Коммерчале Итальяна" сохранил свое существование только благодаря интервенции правительства, выкупившего у банка через специально созданный „Иституто Мобилиаре Итальяно" весь портфель неликвидных промышленных бумаг на сумму, примерно, в 3 млрд. лир. Отказ от выплаты дивидендов официально был мотивирован необходимостью усилить собственные капиталы банков, чтобы расширить кредиты торговле и промышленности. В действительности же это было вызвано катастрофическим падением банковских прибылей. Так, прибыль упомянутых выше трех банков, которая еще в 1933 г. составляла 88,5 млн. лир, в 1934 г. составила всего только 17,4 млн. лир.

„Банка Коммерчале Итальяна", до того как он подвергся санированию, обладал наиболее широкими хозяйственными связями. В металлургии и механической индустрии „Банка Коммерчале Итальяна" контролировал: общества „Ильва" (капи-

тал в 150 млн. лир), „Терни" (капитал в 114 млн. лир), заводы „Эрнесто Брэда" (капитал 100 млн. лир), верфи „Сан Джорджо" (капитал 18 млн. лир) и ряд других предприятий. В электротехнической промышленности „Банка Коммерчале Итальяна" контролировал общество „Эдиссон" (капитал 600 млн. лир) и „Адриатическое общество электричества" (капитал 100 млн. лир). Банк был связан также с крупнейшим химическим концерном „Монтекатини" (капитал 200 млн. лир). Заслуживали внимания также связи „Банка Коммерчале Итальяна" с текстильной промышленностью и пароходными компаниями. Сейчас, как уже отмечалось, весь портфель промышленных бумаг „Банка Коммерчале Итальяна" перенят государственной организацией „Иституто Мобилиаре Итальяно". „Кредито Итальяно" продолжает оставаться наиболее мощным итальянским банком. „Кредито Итальяно" связан с автомобильным концерном „Фиат" (капитал 500 млн. лир), с триестинскими верфями (капитал 15 млн. лир), с заводами кабелей, автошин и т. п., „Пирелли и К°" (120 млн. лир), с крупнейшим в Европе производителем искусственного шелка „Сниа Вискоза" (капитал 600 млн. лир) и с целым рядом других предприятий, в том числе мореходных компаний и железных дорог. „Банко ди Рома" имеет значительно меньше индустриальных связей и контролирует, главным образом, торговые предприятия. „Банко ди Рома" специализировался на земельном кредитовании и на колониальных предприятиях.

Почти полное отсутствие в И. рессурсов угля и нефти побудило правительство уделить исключительное внимание проблеме использования многочисленных быстротекущих рек для добычи электрической энергии. Проблема „белого угля", помимо экономического значения, имеет также политическое значение для итальянского империализма, ибо развитие электродобывающей промышленности должно ослабить зависимость И. от иностранного топлива. В виду общегосударственного значения этой проблемы, правительство ассигновало крупные средства на строительство гидростанций и водных резервуаров. С 1922 г. по 1932 г. на это было ассигновано из бюджета министерства общественных работ 346 млн. лир и одновременно были созданы специальные льготы для поощрения притока в строительство электростанций частных капиталов. Согласно декрета от 17 декабря 1925 г., предприниматели, строящие гидростанции в северной и центральной И., получают в качестве премии 40 лир за единицу мощности станции. Для южной и островной И. эта премия составляет 60 лир. Указанные мероприятия и непосредственные вложения государства привели к положительным для итальянского империализма результатам. Согласно данным, опубликованным итальянской гидрографической службой, общая мощность действующих гидростанций составляет: в северной И.—3.104.192 квт., в центральной И.—711.736 квт., в южной И.—203.130 квт. и на островах—74.620 квт. Мощность станций, находящихся в настоящее время в постройке, составляет 140 тыс. квт. (90% строится на севере). Общее количество производимой электроэнергии достигает, примерно, 10 млрд. квт.-час. в год. В И. имеется 168 водных резервуаров общей емкостью в 1.294 *куб. м.* Заканчивается постройка еще 18 резервуаров емкостью в 250 млн. *куб. м.* Наличие этих резервуаров позволяет сохранить воды, имеющиеся в избытке зимой и осенью, и планомерно распределить их в течение всего года. Развитие электродобывающей промышленности создало благоприятные условия для электрификации железных дорог. Некоторые довольно важные железнодорожные линии, гл. обр. на севере, в настоящее время полностью электрифицированы. За годы кризиса процесс электрификации итальянских железных дорог, правда, несколько замедлился, однако правительство продолжало уделять этому серьезнейшее внимание. В результате на 31 декабря 1934 г. было электрифицировано 16,5% всей железнодорожной сети И. против 13,4% в 1929 г.

Экономический кризис, вызвавший обострение конкурентной борьбы на внешних рынках, с особой силой отра-

зился на состоянии итальянского внешне-торгового оборота. Экспорт в 1934 г. по сравнению с 1929 г. снизился на 65,8%. Импорт за этот же период снизился на 64,7%. Параллельно с ухудшением торгового баланса все эти годы наблюдалось также серьезное ухудшение платежного баланса И. Доходы от туризма, в 1925 г. составлявшие, примерно, 3½ млрд. лир, в 1933 г. составили всего 1,3 млрд. лир. Денежные переводы итальянских эмигрантов, составлявшие в 1929 г. 2.100 млн. лир, в 1933 г. составили 404 млн. лир. Понизились также доходы от итальянского торгового флота. В результате этого угрожающе уменьшаются запасы золота и иностранной валюты, имеющейся в распоряжении „Банка д'Италиа" и служащие обеспечением итальянской денежной системы. В 1929 г. запасы „Банка д'Италиа" составляли 7 003 млн. лир золотом и 5 151 млн. лир иностранной валютой, а всего 12.154 млн. лир. К концу 1934 г. золотой и валютный запасы „Банка д'Италиа" составляли всего только 7.656 млн. лир. К этому следует добавить, что из этой суммы 1.773 млн. лир находятся за границей в распоряжении английского банка, где они были депонированы в обеспечение расчетов по военным поставкам. Английское правительство отказывается вернуть И. депонированные суммы, поскольку между И. и Англией не произведено по этим поставкам полного расчета. „Банка д'Италиа", таким образом, не в состоянии распоряжаться этой суммой, которую банк показывает в своем балансе. Если учесть запасы золота и иностранной валюты, которыми итальянский государственный банк мог практически распоряжаться, то золотое покрытие денежного обращения составляло только 31% при установленном законом минимальном покрытии в 40%.

В результате итало-абиссинской войны и применения к И. санкций уменьшение золотого и валютного запаса приняло совершенно катастрофические размеры. Правительство прекратило публикование сведений о состоянии запасов „Банка д'Италиа", но по сведениям иностранной печати эти запасы на февраль 1936 г. не превышали 2½ миллиардов лир.

За последние годы значительно возрос дефицит государственного бюджета. В 1930/31 бюджетном году дефицит составил 504 млн. лир, а в 1933/34 г.—3.842 млн. лир. Для покрытия дефицита правительству систематически приходится прибегать к выпуску новых займов — отсюда рост внутренней задолженности государства. На 1 января 1935 г. внутренняя задолженность И. превысила 105 млрд. лир.

За годы кризиса в И. приобрела особую остроту проблема эмиграции. Еще в прошлом, в связи с невозможностью найти в стране применение труду, эмиграция трудящегося населения города и деревни стала массовым явлением. Большая часть итальянских эмигрантов направлялась в заокеанские страны и во Францию. В некоторых странах стали чинить препятствия итальянской эмиграции еще задолго до развития мирового кризиса. С развитием же кризиса все страны стали не только ограничивать допуск новых эмигрантов, но в ряде случаев даже высылать эмигрантов, уже находящихся в стране. Это не могло не привести к значительному сокращению эмиграции. В 1934 г. из И. эмигрировало всего 50.255 человек, в то время как в 1929 г. эмигрировало 193 тыс. человек (в 1925—1927 гг. эмигрировало в среднем 257 тыс. человек в год). Большая часть итальянских эмигрантов сейчас направляется во Францию, Швейцарию, США, Аргентину и Бразилию. По последним подсчетам общее количество итальянцев, эмигрировавших за границу, но сохранивших итальянское гражданство, исчисляется в 9½ млн. человек. И. стремится сейчас использовать этот факт для оправдания своей колониальной политики, подчеркивая, что расширение колониальных владений даст возможность избыточному итальянскому населению найти применение своему труду в пределах итальянской „колониальной империи" и тем самым избавить его от эмиграции.

3. *Валютная политика.* После стабилизации курса итальянской лиры в 1926 г. итальянское правительство

систематически подчеркивало, что сохранение твердого курса лиры является одной из важнейших основ финансового хозяйства И. Это заявление, в отличие от многих заявлений фашистского правительства, имеющих исключительно демагогическое значение, действительно отражает существующее положение вещей. И. является маломощной в финансовом отношении страной, крайне бедной капиталами. В. силу этого, в кредитной системе страны приобрели совершенно исключительное значение мелкие сбережения, концентрируемые в весьма многочисленной и разветвленной сети сберкасс, почтовых отделений и в локальных банках. Инфляция, равносильная полной экспроприации мелких сбережений, систематически вовлекаемых и во внутренние долгосрочные займы, неизбежно пошатнула бы основания кредитной системы и могла бы иметь трагические последствия для всего итальянского капиталистического хозяйства. Отсюда — те решительные меры, путем которых итальянское правительство боролось за сохранение стабильности лиры, несмотря на то, что эта борьба шла вразрез с интересами целого ряда отраслей промышленности, главным образом отраслей, работающих на экспорт. В И. были введены очень жесткие правила, ограничивающие возможность трансфера валюты. Декрет от 8 декабря 1934 г. обязывал все итальянские фирмы и частных лиц сдавать государственному банку всю выручаемую ими от внешней торговли или иным путем иностранную валюту. Тем не менее, как это видно из приведенных выше цифр, золотой запас И. систематически уменьшался.

В свое время финансовому положению И. был нанесен серьезный удар крахом фунта стерлингов, ибо итальянская лира была в известной мере обеспечена запасами английской валюты. Дальнейший удар был нанесен И. отходом американского доллара от золотого стандарта. Ущерб, понесенный в связи с этим „Банка д'Италиа", был настолько ощутителен, что понадобилось образование специального аммортизационного фонда для погашения этих убытков в срок до 1940 года.

Положение итальянской валюты — крайне напряженное и, повидимому, не сможет не ухудшиться. Сокращение оборотов внешней торговли приводит к уменьшению поступлений по таможенным сборам, несмотря на резкое увеличение пошлин. Падение промышленной и торговой активности страны влечет за собой все большее сокращение налоговых поступлений. Агрессивность внешней политики делает невозможным уменьшение расходов на вооружения. Внутреннее положение совершенно исключает возможность сколько-нибудь существенного уменьшения административно-полицейских расходов государства. В связи с этим, несмотря на драконовские валютные ограничения и на некоторое сокращение денежного обращения (с 16.774 млн. лир в 1929 г. до 13.145 млн. лир в 1934 г.), курс лиры стал колебаться уже в 1934 и 1935 гг.

Ухудшение финансового положения И в результате абиссинской авантюры вызвало дальнейшее падение курса лиры (к 1 февраля 1936 г. лира обесценилась примерно на 50%). Итальянское правительство, конечно, понимает огромное политическое значение этого факта, однако оно находится в тупике и фактически оказывается не в состоянии влиять на курс лиры. Вопрос о стабильности лиры имеет огромное политическое значение для фашистского правительства. Переход И. к политике открытой инфляции, что не исключено в виду крайне напряженного экономического и финансового положения страны, нанес бы фашистскому режиму в целом жесточайший удар и сильно расшатал бы социальную базу итальянского фашизма.

4. *Торговая политика.* Торговая политика И. в течение ряда последних лет. была направлена к улучшению торгового баланса путем стимулирования итальянского экспорта и регулирования импорта в направлении его снижения. Официально И. выступала за снижение таможенных пошлин. „Большой фашистский совет" в своих постановлениях и Муссолини в своих речах неоднократно отмечали, что таможенные барьеры должны быть снижены, ибо они могут привести к пол-

ному замиранию товарооборота и ухудшению мирового экономического положения. На практике, однако, И. сама делала то, против чего она официально возражала. За последние годы пошлины почти на все товары, ввозимые в И., повышены в несколько раз; кроме того, декретом от 5 ноября 1931 г. установлена ценностная сверх-пошлина (повышение не коснулось лишь тех товаров, тарифные ставки на которые консолидированы в действующих торговых договорах И. с некоторыми странами, хотя в этом отношении нужно отметить, что И. удалось добиться отказа ряда стран от консолидированных ставок).

Не отказываясь официально от принципа свободы внешнего товарооборота, И. стремилась заключать с отдельными странами, в торговых отношениях с которыми имела пассивный баланс, соглашения о клиринге, основной целью которых было устранение этого пассива (имеется в виду, главным образом, пассив платежного баланса). В целях обеспечения возможности воздействия на те страны, которые усиливали таможенные или валютные рогатки для итальянской торговли, правительством был издан ряд декретов. 21 декабря 1931 г. был издан декрет № 1574 „О праве министра финансов вводить запрещения импорта" и декрет за № 1680 „О праве правительства устанавливать порядок иммпорта из некоторых стран". Последний декрет устанавливал, что „товарооборот между И. и странами, установившими контроль над девизами и девизными платежами, сможет быть подчинен выполнению условий, направленных к защите интересов итальянских экспортеров во взаимоотношениях с этими государствами". Декрет № 1574 носил еще более широкий характер и предоставлял министру финансов право „ограничения или запрещения ввоза товаров в связи с мероприятиями какого бы то ни было характера, принятыми иностранными государствами и затрудняющими внешнюю торговлю".

В виду того, что политика повышения таможенных пошлин и заключение клиринговых соглашений не дали ожидавшихся результатов (улучшения торговли и расчетного баланса), итальянское правительство официально отказалось от принципа свободы внешнего товарооборота и пошло дальше по пути регулирования внешней торговли. 16 февраля 1935 г. была введена лицензионная система для ввоза в И. товаров из-за границы. При этом инструкция по последнему декрету прямо устанавливает, что лицензии на ввоз товаров будут выдаваться на количества товаров, значительно меньшие, нежели те, которые были ввезены в И. в прошлые годы. В своей декларативной части декрет о введении лицензионной системы исходит из „необходимости установить правильное соотношение между импортом и средствами для платежей за границу".

В настоящее время итальянское правительство добивается заключения с иностранными государствами соглашений, построенных на базе итальянского декрета от 16 февраля 1935 г., т.-е. на базе установления определенного соотношения в торговом или расчетном балансе И. с соответствующей страной.

5. *Внешняя торговля.* В 1934 г. экспорт И. составил 5.412 млн. лир, против 15.245 млн. лир в 1929 г., а импорт—7.734 млн. лир, против 21.907 млн. лир в 1929 г. Основное место в итальянском экспорте занимают следующие страны: 1) Германия (15,3%), 2) Англия (9,8%), 3) Швейцария (8,1%), 4) США (7,1%), 5) Франция (6,5%), 6) Аргентина (3,9%), 7) Югославия (2,5%), 8) Голландия (2,4%), 9) Венгрия (2,4%), 10) СССР (2,3%), 11) Австрия (2,2%), 12) Индия (2,1%), 13) Испания (1,5%), 14) Румыния (1,3%), 15) Бразилия (1,2%). Удельный вес перечисленных выше стран в импорте И. определяется следующими цифрами: 1) Германия (15,6%), 2) США (12,3%), 3) Англия (9%), 4) Франция (5,5%), 5) Индия (4,5%), 6) Швейцария (3,7%), 7) Аргентина (3,5%), 8) СССР (2,8%), 9) Югославия (2,5%), 10) Австрия (2,3%), 11) Голландия (1,7%), 12) Бразилия (1,6%), 13) Румыния (1,6%), 14) Испания (1,4%), 15) Венгрия (1,3%).

Торговый баланс И. активен только с Венгрией и Швейцарией и сбалансирован с Голландией. Со всеми остальными странами И. имеет пассивный баланс.

ными перечисленными странами И. имеет пассивный баланс. Что касается СССР, то итальянский пассив по торговому балансу компенсируется активным для И. платежным балансом (фрахтование советскими организациями итальянского тоннажа, платежи за тех. помощь и т. д.) Как видно из приведенных цифр, основными рынками размещения итальянского экспорта являются европейские страны (свыше 56%), в итальянском же импорте удельный вес этих стран ниже (48%). И. в течение последних лет стремится завоевать рынки центральной и юго-восточной Европы, что отвечает не только экономическим, но и политическим целям. Используя заинтересованность стран, расположенных в этой части европейского континента, в итальянском рынке, И. обусловливает предоставление этим странам таможенных и прочих предпочтительных льгот согласием соответствующих правительств на создание специальных условий для итальянского экспорта. На этой базе И. заключила соглашения с Австрией, Венгрией, Румынией и Югославией. Договор с польским правительством на закупку угля для нужд итальянских железных дорог был заключен лишь после того, как Польша согласилась разместить в И. крупный заказ на постройку кораблей. В отношении СССР И. стремилась способствовать расширению своего экспорта путем долгосрочного кредитования советских заказов.

6. *Аграрная политика.* Аграрная политика итальянского фашизма заслуживает особого внимания. Эта политика, тщательно маскируемая социально-политической демагогией и, якобы, направленная к насаждению мелкой собственности, к оседанию батраков на „собственной" земле или на земле арендованной, либо полученной на условиях издольщины, в действительности имела следствием резкое усиление процесса концентрации земельной собственности. В И. отсутствуют официальные данные о распределении земельной собственности. Однако, в изданной в 1934 г. М. А. И. книжке „Фашизм в итальянской деревне" А. Марабини указывает, что, согласно исследованиям, относящимся к 1933 г., в И. было 3.275 тыс. собственников, владеющих участками до 1 *га*, 644 тыс.— владеющих участками от 2 до 4 *га*, 348 тыс. — владеющих участками от 4 до 8 *га*, и только 250 тыс. составляют собственники, владеющие участками свыше 8 *га*. Согласно этим же данным, 10% земельных собственников принадлежит 95% всей полезной земельной площади.

Одной из весьма распространенных и насаждаемых форм землепользования в И. является, наряду с арендой земли, издольщина („медзадриа", „терцерия" и т. д.). За иллюзию самостоятельности итальянские бедняки и средняки, составляющие основной контингент арендаторов и издольщиков, подвергаются ужасающей эксплоатации. Арендная плата непомерно высока, в результате чего арендатор, не извлекая из своего хозяйства достаточного дохода, погрязает в долгах. Договоры об издольщине в результате ряда ухищрений, проводимых земельными собственниками при помощи фашистских профсоюзов, оставляют крестьянину лишь ничтожную долю продукции, которую он к тому же вынужден продавать на рынке в условиях острого кризиса, переживаемого итальянским сельским хозяйством. Таким образом, положение итальянских арендаторов и издольщиков далеко не лучше, нежели положение батраков и сельско-хозяйственных рабочих, которое даже фашистские газеты характеризуют как трагическое. За годы кризиса зарплата батраков была снижена больше, чем вдвое. Одним из видов понижения зарплаты явилось широкое применение в последнее время системы выплаты части зарплаты натурой (рисом, кукурузой и т. д.) по ценам, значительно превышающим нормальные рыночные цены.

Итальянский фашизм, заинтересованный в том, чтобы максимально расширить свою социальную базу среди сельского населения, стремится представить свою аграрную политику как политику, направленную в первую очередь к ограждению интересов арендаторов, издольщиков и батраков и к насаждению мелкой собственности.

Правительство предоставляет особые льготы отдельным группам арендаторов и издольщиков (бывш. фронтовикам, членам фашистской партии и т. д.) для насаждения иллюзий, будто бы аграрная политика фашизма руководствуется не интересами финансового капитала и крупных земельных собственников, а интересами широких слоев деревни. Демагогия фашистского режима доходит иногда до того, что в отдельных конфликтных вопросах третьестепенного характера фашистские профсоюзы демонстративно поддерживают арендаторов или издольщиков, что широко раздувается фашистской прессой и изображается как политика, направленная к защите интересов указанных выше категорий против земельных собственников. В серьезных же конфликтах фашистские профессиональные организации, само собою разумеется, всегда оказываются на стороне аграриев. Итальянское сельское хозяйство не может обеспечить всему работоспособному сельскому населению даже нищенских условий существования батраков. Резко увеличилась сельскохозяйственная безработица, достигшая к концу 1934 г. 252 653 чел. В связи с этим наблюдается бегство из деревни. Согласно данным последней переписи, количество мужского населения итальянской деревни, считая с 10-летнего возраста, уменьшилось с 7.085.124 чел. в 1921 г. до 6.488.648 чел. в 1931 г. Не подлежит сомнению, что этот процесс особо обострился за последние годы, несмотря на то, что итальянская промышленность, транспорт и торговля не только не в состоянии поглотить избыточное рабочее население деревни, но со своей стороны пополняют армию безработных.

Для общей характеристики положения итальянского сельского хозяйства следует отметить, что, согласно статистическим данным, опубликованным Лигой наций, количество продаж с молотка имущества крестьян за неуплату задолженности и за невзнос налогов увеличилось за время с 1922 г. в восемь с лишним раз. По заявлению фашистского журнала „Ла Терра" задолженность крестьянства превышает 10 миллиардов лир. В одном из своих выступлений министр земледелия был вынужден заявить следующее: „Развертывание аграрного кризиса застало крестьян в тот момент, когда они успели погасить только незначительную часть своих долговых обязательств. Таким образом, создалось положение, при котором крестьянам приходится делать чрезвычайно обременительные взносы на уплату процентов и на амортизацию части долгов. В виду падения сельскохозяйственных цен крестьяне влезают в новые долги". К этой далеко не полной характеристике положения, в котором находятся сейчас широкие слои итальянского крестьянства, мы добавим лишь, что бремя задолженности, лежащее на крестьянстве, было в значительной степени отягощено финансовой политикой фашизма, а именно — стабилизацией лиры. В результате этой стабилизации крестьянство вынуждено было расплачиваться за долги, возникшие в период инфляции, лирами, ценность которых возросла примерно на 25%. От этой политики, приведшей к обнищанию многочисленных крестьянских хозяйств, а также хозяйств арендаторов и издольщиков, выиграли только крупные земельные собственники и банки.

Следует упомянуть также о мерах, предпринимаемых итальянским правительством в целях защиты внутреннего рынка от конкуренции сельскохозяйственной продукции иностранных государств и для повышения цен на с.-х. продукты. Несмотря на то, что зерновая отрасль сельского хозяйства И., в частности пшеничная, не в состоянии полностью обеспечить внутреннее потребление, она все же, как оказывалось, не находила сбыта своим зерновым излишкам из-за плохого качества итальянской пшеницы и из-за конкуренции иностранного зерна, поспевавшего в более ранние сроки и продававшегося в И. по более дешевым ценам. Между тем обеспечение хотя бы относительной независимости И. от ввоза иностранной пшеницы чрезвычайно важно, в особенности в связи с возможными военными конфликтами. Кроме того, повышение

внутренних цен на сельскохозяйственные продукты имеет серьезное значение для укрепления социальной базы итальянского фашизма, привлекая на его сторону кулацкую верхушку итальянской деревни. Исходя из этого, в И. была начата кампания, известная под наименованием „борьбы за хлеб", имевшая целью максимально повысить зерновую продукцию итальянского хозяйства. Однако, упомянутые выше обстоятельства, препятствовавшие полному размещению на внутреннем рынке итальянского зерна, тормозили успешное осуществление кампании за повышение продукции пшеницы, в чем была также заинтересована итальянская химическая промышленность, поставлявшая сельскому хозяйству искусственные удобрения.

Итальянское правительство начало осуществление мероприятий, направленных к защите внутреннего рынка, с издания 10 июня 1931 г. закона, устанавливающего норму обязательного помола зерна национального происхождения. Применение этого закона вначале было довольно гибким. В течение первых месяцев после сбора урожая норма помола национального зерна была настолько высока, что это фактически приводило к полному запрещению ввоза иностранной пшеницы. По мере того, как основные запасы зерна внутреннего происхождения были использованы, норма помола иностранного зерна постепенно повышалась. Аналогичное регулирование было применено и в отношении скотоводства, поскольку скот, ввозимый в И. из-за границы, как по своему качеству, так и по дешевизне значительно легче находил сбыт, нежели скот внутреннего происхождения. Впоследствии, однако, регулирование помола зерна внутреннего происхождения стало значительно более жестким.

17 января 1935 г. был издан декрет относительно создания специального „зернового комитета", в ведение которого входит регулирование ввоза в И. всех решительно зерновых продуктов и без разрешения которого ввоз зерновых продуктов не допускается. Председателем комитета является министр земледелия. В состав комитета, помимо представителей непосредственно заинтересованных организаций, входит также представитель министерства иностранных дел, и это свидетельствует о том, что И. при регулировании ввоза зерновых продуктов вынуждена считаться и с соображениями внешне-политического характера.

Эти мероприятия далеко не дали тех результатов, на которые рассчитывал итальянский фашизм. Отягощенное налогами и частной задолженностью по всевозможного рода ссудам, итальянское крестьянство, за исключением крепких кулацких слоев, вынужденно немедленно после сбора урожая выбрасывать на рынок всю свою продукцию, что приводит к резкому падению цен. Введенная в итальянском сельском хозяйстве система „коллективных ссыпок" способствует лишь наживе перекупщиков из наиболее богатой деревенской буржуазии, имеющей возможность выждать тот момент, когда известное исчерпание внутренних запасов, при отсутствии ввоза из-за границы или недостаточности этого ввоза, влечет за собой временное повышение цен. Не выиграло и национальное животноводство, ибо эти мероприятия оказались не в состоянии в сколько-нибудь серьезной степени задержать падение цен на продукты животноводства, а также приостановить уменьшение и без того незначительного поголовья крупного скота.

Итальянский фашизм не может также похвастать особыми успехами в области борьбы за повышение зерновой продукции. Несмотря на внедрение в сельское хозяйство искусственных удобрений, средняя урожайность в 1934 г. по сравнению с 1909 г. повысилась всего лишь с 10,5 квинталов с *га* до 12,8 квинталов. В центральной и южной, а также в ряде областей северной И. урожайность не превышает 12 квинталов с *га* (в Лигурии, Венеции Джулии, Лацио, Абруцци, Кампании, Апулии, Лукании, Калабрии); на острове Сардиния урожайность и сейчас составляет 7,8 квинталов с *га*. Наиболее высокую урожайность дают Пьемонт, Ломбардия и Тоскана, т.-е. те области, где роль крупных хозяйств

особенно высока. Эти цифры подтверждают то обстоятельство, что в условиях современной И. только капиталистическим хозяйствам оказывается под силу применение машин и сельскохозяйственных удобрений, без чего повышение урожайности невозможно.

Общий сбор пшеницы в И. крайне неравномерен. Продукция пшеницы в 1925 г. составила 63 млн. квинталов, в 1929 г. — 70 млн. кв., а в 1930 г. сбор пшеницы понизился до 57 млн. квинталов. Рекордным явился 1933 год, когда сбор составил 81 млн. квинталов, что соответствует нормальной потребности итальянского внутреннего рынка. Однако, в 1934 г. продукция пшеницы в И. вновь резко упала до 63 млн. квинталов, т.-е. до уровня 1925 г. Это явилось следствием не только неблагоприятных метеорологических условий, но, главным образом, падения урожайности в связи с отсутствием у значительной массы крестьянства средств на покупку удобрений, а также в результате сокращения посевных площадей (с 5.085.934 *га* в 1933 г. до 4.917 040 *га* в 1934 г.). В основном это сокращение следует объяснить тем, что в то время, как крупные землевладельцы, располагая средствами, сумели возместить потери от падения цен повышением урожайности, достигнутой путем применения усовершенствованной сельскохозяйственной техники и использованием выгод, предоставляемых им фашистским правительством (покровительственные пошлины, сельскохозяйственный кредит, коллективные ссыпки и т. д.), бедняки и середняки, не располагающие никакими средствами, вынуждены были забрасывать земли. И если итальянское правительство, несмотря на фактический провал кампании „борьбы за хлеб", все же свело почти к нулю допуск в страну иностранной пшеницы, то это свидетельствует о резком понижении общего уровня жизни итальянского населения (пшеница заменяется сейчас малопитательными суррогатами).

7. *„Корпоративное" государство.* Одним из наиболее серьезных и заслуживающих внимания орудий идеологического обмана масс фашизмом, представляющим интересы монополистического капитала, является доктрина так называемого „корпоративного" государства. Идея корпоративного государства зародилась еще в первые годы возникновения фашизма и отразила стремление фашизма найти лозунг для лансирования в массы, дезориентированные войной и послевоенным кризисом и изверившиеся в способность буржуазного парламентаризма вывести страну из состояния экономической разрухи. Лозунг корпоративного государства имел целью создать в массах искусственное представление о том, что фашистское государство не есть обычное капиталистическое государство, а потому оно не должно нести ответственность за пороки капиталистической системы. Фашизм старался породить иллюзию о возможности создания общества, враждебного коммунизму, но в то же время отличающегося от капиталистического общества; общества, в котором, якобы, не будет анархии, кризисов и социальной несправедливости, хотя частная собственность останется неприкосновенной. Идея корпоративного государства имела, таким образом, агитационное значение, являясь орудием социально-политической демагогии фашизма.

Выступления и литературные труды фашистских идеологов в вопросе о корпоративном государстве могут послужить образцом пустой, лишенной конкретного содержания, фразеологии. В то же время эта фразеология не без ловкости направлена к тому, чтобы вызвать представление о, якобы, созданном фашизмом новом социальном строе. Демагогически отмечается, что корпорации будут служить выражением национальной солидарности и средством развития производства.

Фашизм провозгласил, что в основе корпоративного государства лежит отрицание классовой борьбы и сотрудничество классов, якобы, в равной мере пользующихся защитой и поддержкой государства как верховного арбитра. В действительности, исходя из этого положения, фашизм ликвидировал право трудящихся на само-

*

стоятельную защиту своих экономических и политических интересов (декрет от 3 апреля 1926 г. и „Хартия труда" от 21 апреля 1927 г. объявляют забастовку уголовно наказуемым преступлением; ср. *Рабочий класс в Италии*, XXXIV, 672). Фашизм, далее, монополизировал не только государственную власть, но сделал попытку монополизировать рабочее движение, втиснув его в рамки фашистских синдикатов (право на представительство интересов лиц наемного труда, согласно декрета от 3 апреля 1926 г., предоставлено только синдикатам, получившим признание государства; таковыми, конечно, являются только фашистские профсоюзы; для получения признания достаточно обнимать 10% рабочих соответствующих отраслей производства). Одновременно с этим фашистское государство сохранило неприкосновенными объединения крупной промышленности, наклеив лишь на эти объединения фашистскую этикетку. Таким образом, фашистское корпоративное государство служит лишь декоративным прикрытием диктатуры наиболее реакционных групп итальянского монополистического капитала.

Под прикрытием корпоративной фразеологии и при помощи фашистских синдикатов итальянский капитал систематически снижает жизненный уровень трудящихся И. Одновременно с этим экономические мероприятия итальянского фашизма, в частности — принудительное картелирование промышленности и установление декретом от 12 января 1933 г. разрешительного порядка создания новых промышленных предприятий, направлены к тому, чтобы ускорить процесс поглощения крупным капиталом мелкого и среднего капитала.

Фашистская корпоративная организация различает 2 системы: синдикальную и непосредственно корпоративную. Первая является вертикальной системой федераций, построенных в иерархическом порядке, и включает организации работодателей и лиц наемного труда. Вторая система — горизонтальная, и она связывает высшие синдикальные организации, как работодателей, так и лиц наемного труда, относящиеся к однородным отраслям производства. В центре этой системы находятся национальный совет корпораций и министерство корпораций (прежнее министерство торговли и промышленности; в отличие от министерства торговли и промышленности министерство корпораций руководит также синдикатами, осуществляя тем самым пресловутое единство интересов труда и капитала). Эта корпоративная организация итальянского государства получила дальнейшее развитие в направлении создания так называемых отраслевых корпораций. Законом от 5 февраля 1934 г. созданы 22 отраслевых корпорации по отдельным сельскохозяйственным продуктам (зерновая, лесная, животноводческая и т. д.), по отдельным отраслям промышленности (металлургия и механическая промышленность, химическая индустрия и т. д.) и, наконец, корпорация свободных профессий и зрелищ. Председателем всех корпораций является лично глава итальянского фашизма — Муссолини. В состав корпораций входят представители соответственных организаций промышленников или аграриев, представители соответственных фашистских синдикатов, представители фашистской партии, фашистских кооперативов и, наконец, представители государства в лице чиновников министерства земледелия и лесов, министерства финансов и министерства внутренних дел. Создание отраслевых корпораций потребовало также реорганизации фашистских синдикатов. Законом от 16 августа 1934 г. были утверждены следующие фашистские синдикаты: I. *Предпринимателей:* а) конфедерация промышленников; б) конфедерация торговцев; в) конфедерация сельских хозяев; г) конфедерация кредитных и страховых учреждений; II. *Лиц наемного труда:* а) конфедерация работников промышленности; б) конфедерация работников торговли; в) конфедерация работников сельского хозяйства; г) конфедерация работников финансовых и страховых учреждений; III. *Конфедерация лиц свободных профессий и артистов.* (До издания упомянутых выше законов существовало 13 фашистских синди-

катов: 6 предпринимательских, 6 синдикатов лиц наемного труда и 1 синдикат лиц свободных профессий; *ср.* XXXIV, 673).

Следующим шагом к построению корпоративного государства явится, согласно заявлению Муссолини, замена нынешней палаты депутатов корпоративной палатой, т.-е. палатой, в состав которой войдут представители упомянутых выше корпораций. Вряд ли подобная реформа внесет сколько-нибудь существенное новшество в организацию итальянских представительных учреждений. В течение последних лет выборы в палату депутатов происходили по единому для всей страны списку, утвержденному „большим фашистским советом", при чем населению предоставлялась лишь возможность (чисто теоретическая к тому же) голосовать за или против. Представление других кандидатских списков, помимо списка, утвержденного фашистским декретом, не допускалось. Таким образом, уже сейчас палата депутатов фактически является собранием фашистских чиновников. Проникновение в палату депутатов лиц, оппозиционно настроеных по отношению к фашистскому режиму, не представляется возможным. Проектируемая реформа лишь устранит последнюю иллюзию выборности и подчеркнет чиновнический характер итальянских законодательных учреждений.

В связи с ухудшением экономического положения И. и усилением наступления фашизма на жизненный уровень трудящихся, открытые выступления против фашистской диктатуры становятся все более частым явлением. Публикуемые итальянской печатью сведения о деятельности „специального трибунала по охране государства", правда, косвенно, но все-же отражают серьезный рост революционного антифашистского движения. Об этом свидетельствуют также изредка прорывающиеся через рогатки цензуры сведения о крестьянских волнениях в ряде сельских местностей, население которых кризисом и политикой фашистского правительства доведено до полного обнищания. Ухудшившееся внутреннее положение страны отражается и на состоянии фашистских синдикатов и фашистской партии, активизируя борьбу всевозможных течений и групп в итальянском фашизме (достаточно упомянуть об исключении из партии Аугусто Турати, бывшего в течение ряда лет политическим секретарем партии, об аресте и ссылке на 5 лет Леандро Арпинати, бывшего товарища министра внутренних дел).

Для сохранения господства буржуазии итальянскому фашизму приходится маневрировать, обновляя кадры, меняя политические лозунги и формы своей массовой работы. Фашизм в демагогических целях выбросил лозунг „лицом к народу" (verso il popolo). Фашизм стремится возглавить всевозможные кампании благотворительного характера, не меняющие социального содержания фашистской диктатуры и позволяющие вместе с тем широко рекламировать проявляемую, якобы, фашизмом заботу о нуждах народных масс. Серьезное значение имеет соответственное освещение деятельности фашистской партии и правительства печатью, полностью монополизированной фашизмом. Нелегальные газеты и листовки, распространение которых в условиях фашистского террора наталкивается на серьезные трудности, не могут, конечно, парализовать полностью разлагающее и дезориентирующее влияние тенденциозной повторяющейся изо дня в день информации фашистской печати. Следует учесть также то, что фашизм значительно усилил политическую организацию итальянской буржуазии, по сравнению с той организацией, которой буржуазия обладала до „похода на Рим". Вопреки демагогическим заявлениям о, якобы, „надклассовом" характере фашистского государства, фашизм, разумеется, не устранил ни классовых противоречий, ни классовой борьбы. Этим определяется неизбежность дальнейшего углубления процесса расшатывания итальянского фашизма. Особо сильный толчок был дан этому итало-абиссинской войной.

Литература: „Annuario Statistico Italiano. (Roma, 1934); *Giorgio Mortara*, „Prospettive Economiche" (Milano, 1934); *А. Марабини*, „Фашизм

в итальянской деревне" (Москва, 1934); журнал „Gerarchia"; журнал „Коммунистический Интернационал" (№ 26—27 от 20.IX 1934); газеты: „Gazzetta Uficiale", „Lavoro Fascista", „Popolo d'Italia"; „L'organisation syndicale et corporative italienne" (Rome, 1930); *Paul Ucker*, „Die italienische Agrarpolitik seit 1925 unter besonderer Berücksichtigung des Kampfes um das Getreide"; „Les travaux publics du régime fasciste" (издание министерства общественных работ Италии); Сборники таможенной статистики министерства финансов Италии".

Март 1936 г.

II. Политическое и экономическое положение Италии с момента объявления войны с Абиссинией по июль 1937 г. Вопреки всеобщему ожиданию, хищническая война с Абиссинией окончилась сравнительно быстро и в пользу итальянского империализма (о ходе военных действий см. ниже *Абиссиния*, т. LV1). Причину этого нужно искать в целом ряде самых разнообразных предпосылок, которые в конечном счете сводятся к следующему. а) Несомненное превосходство итальянского вооружения. Абиссинский народ мог противопоставить итальянским танкам, мощной авиации, современным пушкам, удушливым газам — иприту — только самое примитивное оружие и устаревшей конструкции винтовки. Итальянский империализм постарался использовать превосходство своего положения для того, чтобы самым циничным образом обрушиться на безоружное население, бомбардируя города, избивая женщин и детей, предавая огню и мечу целые селенья, не щадя никого и ничего на своем пути. В войне с Абиссинией были заблаговременно использованы все те варварские средства, которые затем нашли себе достойное и характерное применение при уничтожении Герники, направленные против геройских защитников славной Испанской республики. б) Слабость и бессилие Лиги наций в применении санкций против агрессора и пагубная политика французского министра иностранных дел Лаваля, защищавшая интересы Муссолини. Хотя Лига наций и применяла по отношению к И. экономические санкции, но вместо того, чтобы сделать это со всей необходимой полнотой, что единственно могло оказать определенное давление на итальянский империализм, она предоставила всем странам возможность извлечь из самих же санкций наибольшую для себя экономическую выгоду. Только Советский Союз придал вопросу о санкциях его настоящее значение и выказал полную готовность применить их на деле, вопреки тем экономическим убыткам и политическим последствиям, которые могло повлечь за собой подобное решение. в) Отсутствие как в И., так и в интернациональном масштабе общей договоренности о массовом противодействии разбойничьей политике итальянского фашизма. Ответственность за эту недопустимую ошибку ложится полностью на бюрократов II Интернационала, которые систематически отклоняли неоднократные предложения Коминтерна выступить единым фронтом солидарности на защиту прав абиссинского народа.

Последствия победы итальянского империализма в Абиссинии. Слабость Лиги наций, задача которой состояла в том, чтобы свести на-нет вызов, брошенный фашизмом всей мировой цивилизации, позволила ему стать еще более требовательным и наглым и противопоставить свой захватнический аппетит общим усилиям наций, борющихся за мир.

Товарищ Димитров так характеризовал злополучные последствия слабости Лиги наций: „И если германский фашизм сегодня бросает вызов народам всего мира, то это именно потому, что он рассчитывает на безнаказанность, потому, что санкции не были применены к Японии, потому, что санкции против Италии были сорваны капиталистическими государствами, потому, наконец, что, направляя свои войска к границам Франции и Бельгии, Гитлер был заранее убежден, что санкции против него будут сорваны буржуазией Англии" (Г. Димитров, „В борьбе за единый фронт против фашизма и войны", Партиздат, 1937, с. 109).

Это позволило Гитлеру коализироваться с Муссолини, образовав пресловутую „ось Рим—Берлин", стремящуюся к уничтожению международных договоров, к порабощению республиканской Испании, к агрессии на

всех фронтах Балкан и центральной Европы и дающую японскому милитаризму более широкие возможности наступления на Китай. Под предлогом борьбы с коммунизмом делаются попытки объединения всех фашистских сил с целью нападения на Советский Союз, единственную страну, действительно отстаивающую интересы всеобщего мира.

Война с Абиссинией очень сильно обострила взаимоотношения между империалистическими нациями, в особенности между И. и Англией, которая больше всего пострадала от итальянской экспансии в сторону зон ее влияния. Особенно остро стоит вопрос о господстве на Средиземном море. Захват Эфиопии до тех пор не станет для итальянского империализма чем-то незыблемым, пока Англия будет держать в своих руках пути сообщения через Гибралтар и Суэцкий канал, т.-е. ключи к Средиземному морю. Отсюда понятна мечта Муссолини утвердить свое господство на Средиземном море или по крайней мере заставить Англию признать в этом вопросе права И. равными своим и не мешать ей осуществлять свои планы.

С этой целью Муссолини подготовил при содействии Примо де Ривера (сына диктатора) восстание мятежных генералов против Испанской республики, решил обосноваться на Балеарских островах и вызвал, совместно с Гитлером, гражданскую войну в Испании, где пытается насадить покорную себе фашистскую власть. Такое развитие противоречий сопровождается целым рядом маневров и более или менее завуалированных вымогательств Муссолини. После того как им была провозглашена „империя", он заявил, что теперь И. удовлетворена. Этим лживым заявлением он надеялся ускорить признание нового империалистического завоевания и получить иностранные займы, необходимые в виду отчаянного положения итальянских финансов. Испробовав по отношению к Англии все способы политического шантажа и провокаций, Муссолини подписал с ней „джентельменское соглашение" о Средиземном море. Если в результате этого соглашения Муссолини не получил ни ожидаемого признания Эфиопской империи, окончательно закрепляющего за И. эти новые владения, ни необходимых ему займов, то оно все-таки облегчило итальянскому фашизму дальнейшие дипломатические происки. В первую очередь это выразилось в том, что непосредственно после подписания итальянские военные силы высадились в Испании и взяли Малагу. Это соглашение сыграло также роль ширмы в политической деятельности фашизма в вопросе приоритета на Средиземном море и в балканских странах, которые вынуждены считаться с влиянием и удельным весом Англии. В силу этого заключение данного соглашения предоставило итальянской дипломатии новые средства шантажа и вымогательств. Наилучшим подтверждением усиления итальянских интриг на Балканах, в особенности по отношению к Югославии, может служить трактат от марта 1937 г. И. сделала Югославии несколько небольших уступок, между которыми фигурировало устное обещание отказаться от дальнейшей поддержки усташей и предоставление ей некоторых коммерческих выгод. Таким образом, Югославия пользуется временным, очень сомнительным, покоем, который И., несомненно, постарается нарушить в самом недалеком будущем. С другой стороны, фашистской дипломатии удалось добиться ослабления взаимоотношений между Францией и Югославией.

Заключение джентельменского соглашения не способствовало смягчению итало-английского антагонизма. Это подтверждается следующими обстоятельствами: путешествием Муссолини в Триполитанию, угрозами захвата английских владений, военными итальянскими маневрами, проведёнными с большой помпой в Сицилии при участии всех морских сил государства, высылкой за пределы И. английских журналистов и отзывом из Англии итальянских журналистов, отсутствием итальянских представителей на коронационных торжествах, мотивированным присутствием на корона-

ции абиссинского принца, и проч. и проч.

Несомненно, что игра И. с Англией на ухудшение отношений между этими странами не принесет ей никакой выгоды. Наоборот, этим обострением взаимоотношений они доставляют огромное удовольствие Гитлеру, который с большим удовлетворением отмечает, что его неистовый союзник, в своем безудержном стремлении к обладанию химерической империей на Средиземном море, сдает ему свои позиции в Австрии и способствует укреплению германских позиций в странах центральной Европы и на Балканском полуострове. Германия косвенно заинтересована в том, чтобы возможно более запутать взаимоотношения между И. и Англией, а также всеми теми странами, которые стремятся к сохранению всеобщего мира и коллективной безопасности. И. с каждым днем все более и более становится в зависимость от Берлина, все сильнее нуждается в его помощи и поддержке.

„Ось Берлин — Рим" грозит превратиться в скверную для И. игру. Не приходится сомневаться в том, что Муссолини поддерживал игру Германии. Благодаря плану фон Папена от 11 июля 1936 г. Берлин одержал верх над Веной. Таким образом, самое значительное завоевание И., полученное ею в результате мировой войны — устранение германской гегемонии в придунайских и балканских странах, начинает постепенно сходить на-нет. Недалеко уже то время, когда сфера влияния Гитлера распространится вплоть до Бреннера. Тогда Муссолини будет очень трудно повернуть вспять, и И. придется окончательно распроститься с теми преимуществами, которые она приобрела после окончания мировой войны. Вместо того, чтобы граничить на востоке, как в 1919 г., с странами-наследниками габсбургской империи, И. придется выдерживать давление 90-миллионного германского блока, направленного против Адриатического моря и Триеста, которого добивается и всегда добивался германский империализм.

Итальянская экономика с момента объявления войны Абиссинии по первый семестр 1937 года. Несмотря на отсутствие фашистских статистических данных, можно сказать с полной уверенностью, что итальянская экономика за период от начала войны с Абиссинией по сегодняшний день принимает все более и более явно военный характер. В одном из своих выступлений на заседании Большого совета фашистских корпораций, непосредственно после взятия Аддис-Абебы, Муссолини заявил: „В данный период уже сам факт наличия войны, так же как и сущность фашистского учения достаточно ясно определяют позицию государства в вопросе национальной экономики". Проникшись этими воинственными взглядами, Муссолини начал реализовать постепенно с вынужденными остановками свою военную программу, подчинив всю экономику и все финансовые рессурсы страны военным нуждам. Уже в середине 1936 г. 1.200 заводов, иначе говоря — почти все важнейшие промышленные предприятия И., работали исключительно на удовлетворение военных потребностей, и готовилась милитаризация еще 900 фабрик. Согласно другому постановлению, все граждане мужского пола в возрасте от 8 до 33 лет должны были в обязательном порядке проходить военное обучение, а все мужчины от 18 до 55 лет были милитаризованы

Одновременно прогрессивно увеличивались военные бюджеты; так, например: предварительная военная смета на 1937-1938 г. была увеличена по сравнению с 1927-1928 г. на 93,5 проц. Только на одну авиацию было ассигновано на 1936-1937 г. (по сообщению генерала Армего, опубликованному во французской газете „La Dépêche de Paris") 1.600 млн. лир, в то время как авиационный бюджет 1926—1930 гг. не превышал 700 млн. лир. Количество эскадрилий увеличилось с 120 до 170, а авиационное производство растет с необыкновенной быстротой. Чтобы показать, насколько увеличилась продукция итальянской промышленности в связи с удовлетворением нужд по подготовке к войне, достаточно привести несколько цифр.

Металлургическая промышленность (в тоннах)

Годы	1933	1934	1935	1936	1936 (в теч. 5 мес.)	1937
Чугун (необработан.)	517.078	521.414	625.711	747.351	318.803	286.779
Сталь (необработан.)	1.783.650	1.849.821	2.209.174	2.024.547	864.490	882.773
Листовые металлы	1.511.604	1.623.373	1.945.305	1.717.909	589.267	600.882
Алюминий	12.872	12.846	13.776	15.874	6.115	5.326
Свинец	24.240	41.534	75.971	36.761	17.185	15.115
Медь	120	303	359	463	—	580

Продукция целлюлозы поднялась с 81.996 квинталов в 1934 г. до 235.704 кв. в 1936 г., серной кислоты — с 12,3 до 15,3 млн. квинталов. Количество добываемого угля и минералов указывает также на усиленное приготовление к войне:

Годы	1933	1934	1935	1936
	(в тоннах)			
Уголь (лигнит, антрацит, каменный уголь)	717.120	782.209	987.990	1.620.899
Железо	525.595	502.083	568.764	824.688
Боксит	94.918	131.206	170.064	272.480

Значительный рост угольной и химической промышленности обуславливается главным образом автаркической политикой фашизма, стремящегося использовать до крайних пределов естественные сырьевые возможности И. Однако, несмотря на все усилия, количество добываемого итальянской промышленностью сырья очень невелико и ни в коей мере не может удовлетворить ее потребности. Например, добыча каменного угля составляет лишь восьмую часть всего потребления этого горючего. Что же касается количества добываемых горючих жидкостей, то они могут удовлетворить лишь пятую часть спроса. Таким образом, итальянская металлургическая промышленность пользуется на 50% импортным сырьем. Несомненно, автаркическая политика фашизма приведет к очень быстрому истощению источников итальянского сырья.

Для того чтобы оградить себя от ввоза иностранного железа, И. проводит усиленную эксплоатацию своих почти единственных железных копей на острове Эльбе, которые дают в настоящее время $^4/_5$ всей добычи итальянского железа, что приведет через 8 лет такой эксплоатации к полному их истощению. Главными поставщиками угля на сегодняшний день являются Англия и Германия. В 1934 г. часть, падавшая на долю импортируемого Германией в И. угля, равнялась 35%. Но после окончания войны с Абиссинией и постепенного сближения Муссолини с Гитлером, а также с введением экономических санкций против И., произошли в этом отношении значительные сдвиги. В течение первых месяцев 1936 г. из 6 млн. тонн ввезенного в И. угля на долю Германии пришлось $3^1/_2$ млн., Польши-Данцига — 800 тыс. и Англии — 660 тыс. тонн. Нефть и бензин поставляются в И. Ираном, Румынией, США и СССР. В 1934 г. железный и стальной лом вывозился И. из Франции, Швейцарии, Бельгии и Люксембурга. В первых же месяцах 1936 г. основными поставщиками И. вышеназванных металлов являются США, доставившие ей 1.732.719 квинталов железного и стального лома, в то время как на долю остальных поставщиков пришлось в общей сложности 2.783.325 квинталов (на первом месте стоят Швейцария и Франция). Что же касается импорта меди, свинца и цинка, то основным поставщиком И. являются США, затем идет Чили (медь) и, наконец, Германия (свинец). Антимоний вывозится из Мексики, марганец — из Индии,

молибден — из США, шеелит (тунгстен) — из Китая и магнезия — из центральной Европы. С 1936 г. основными поставщиками И. по ввозу меди и медного лома являются: южная Африка, Португалия, Чили и США. До войны с Абиссинией И. вывозила фосфаты из США и из северо-американских французских колоний, целлюлозу — из Австрии и Швеции, а шерсть главным обр. из Аргентины и Австралии. В 1935 г. основным поставщиком И. по ввозу хлопка были США, поставлявшие 57% всего импортируемого ею хлопка; второе место занимала Индия — 20%, и третье Египет — 18%. Это соотношение остается без изменения и в данное время. За первые 6 мес. 1936 г. 50% ввозимого И. зерна падает на Аргентину, а остающееся количество распределяется между Австралией, Румынией и Венгрией. Из 391 тыс. тонн дерева, ввезенного в И. за первую половину 1936 г., 263 тыс. тонн было доставлено Австрией, а 82 тыс. тонн — Югославией.

Если мы рассмотрим состояние итальянской легкой индустрии, то окажется, что она подверглась значительному сокращению. Например, одна из важнейших отраслей итальянской экономики, как по количеству занятых в ней рабочих, так и по вывозу продукции, текстильная промышленность, показывает следующий ход развития:

Текстильная продукция (пряжа) (в тысячах)

Годы	Бумажная	Льняная и конопляная	Джутовая	Натурально-шелковая
1935	284.380	5.669	3.641	3.641
1936	249.333	5.158	3.286	3.239

Что же касается трикотажной продукции, то деятельность станков, которая в 1934 г. достигла 47% всей производственной мощности, в конце 1936 г. упала до 38%. Производство шерстяных тканей снизилось с 70% в 1934 г. до 64,8% в 1936 г. Упало также производство бумаги и картона, которое в 1935 г. составляло 49 млн., а в 1936 г. — 42 млн. квинталов. Производство цемента и строительные работы подверглись тоже сильному сокращению.

Ухудшение экономического положения в сельском хозяйстве. Тяжелое состояние итальянской экономики значительно ухудшилось вследствие плохого урожая в 1936 г., что подтверждается данными следующей таблицы:

	1935	1936	Пассив
	(тысячи квинталов)		
Зерно	118.376	106.445	11.931
Вино	46.658	33.650	13.008
Оливковое масло	2.337	1.679	6.8

Уменьшение количества зерновой продукции указывает на то обстоятельство, что, несмотря на все усилия и громадные денежные средства, вложенные правительством в проведение так называемой „борьбы за хлеб", фашизму не удалось разрешить зерновую проблему и оградить себя и в этом отношении от иностранной зависимости, в силу чего И. пришлось в течение 1936-1937 г. ввезти свыше 12 млн. квинталов пшеницы.

Падение сельскохозяйственной продукции повлекло за собой уменьшение поголовья скота. Кадастровая перепись 1936 г. показала, что по сравнению с данными переписи 1926 г. количество голов скота уменьшилось на 5 млн. (с 28 до 23 млн. голов).

Несомненно, падение сельскохозяйственной продукции было вызвано отчасти неблагоприятными климатическими условиями. Однако, главная причина заключается в том, что в И. около 65% сельских хозяйств занимают площадь размером не более 3 гектаров каждое; иначе говоря, основное ядро итальянского сельского населения состоит из беднейшего крестьянства. Естественно, что эти миллионы бедняцких хозяйств, которые под влиянием аграрной и военной политики фашизма приходят с каждым годом все в больший упадок, не располагают свободными средствами для того, чтобы поднять свое техническое оснащение на более высокую ступень и тем самым увеличить свою продукцию. Это положение усугубляется еще тем обстоятельством, что

в то время как цены на минеральные удобрения и сельскохозяйственные машины достигли небывалых размеров, цены на сельскохозяйственную продукцию не только не подверглись пропорциональному увеличению, но, наоборот, они катастрофически падают, иногда, хотя бы в отношении цен на вино, до 50%. Сопоставив индексы промышленной и сельскохозяйственной продукции, получим следующую картину (1928 г. принят за 100):

	1934	1935	Рост
Металлургия и машиностроение	67,7	87,9	20,2
Ткани и кожевенная продукция	45,8	61.9	16,1
Горючее и масла	81,4	118,4	37,0
Минеральные удобрения и химическая продукция	67	83	16
Продукты питания	68,5	75,5	7

Военная политика фашизма привела к еще большей зависимости сельского хозяйства от промышленности и полному контролю финансово-монополистического капитала. Нет больше такой области сельского хозяйства, продукция которой не подверглась бы концентрации, как, напр., сахарная свекла, конопля, рис, шелковые коконы, молоко, шерсть и проч. Согласно постановлению от 1936 г. свободный сбыт пшеницы запрещен. Все зерно должно сдаваться в обязательном порядке в специальные ссыпные пункты, а помол его производиться под непосредственным контролем соответствующих, утвержденных государством организаций, которые регулируют и сбыт зерна. Государство устанавливает заранее как для пшеницы, так и для почти всей сел.-хоз. продукции не только цены, но и количество предназначающейся под данную культуру площади. Сданные в обязательном порядке продукты оплачиваются лишь частично. Окончательный расчет затягивается иногда на долгие месяцы, что ставит в безвыходное положение не располагающих свободными средствами крестьян, которые нуждаются в немедленной реализации своей продукции для того, чтобы расплатиться с налоговой и прочей задолженностью, в результате чего они вынуждены итти в окончательную кабалу к ростовщикам. Одним из наиболее пострадавших от этой системы продуктов является вино. Для того, чтобы обеспечить себя горючим, которым И. почти не располагает, правительство издало закон, запрещающий продажу вина, крепость которого ниже установленной государством нормы — 10° для белого и 9° для красного вина. Оно не может быть сдобрено ни спиртом, ни сконцентрированным винным экстрактом. Таким образом, все слабые низкосортные вина предназначаются исключительно для дестилляционных целей, — иначе говоря, полученный из них спирт должен заменить недостающий И. бензин. Все эти мероприятия отразились самым пагубным образом на экономическом положении сотен тысяч трудящихся крестьян.

Фашисты рассматривают итальянское сельское хозяйство как своего поставщика иностранной валюты, которой они оплачивают необходимые для военной промышленности материалы. Поэтому они довели экспорт своих сельскохозяйственных продуктов до крайнего предела. Лозунгом дня является: вывозить во что бы то ни стало, какою бы то ни было ценою. Эта политика „демпинга" характеризуется следующим сдвигом индексов экспорта пищевой продукции (1925 год принят за 100):

	1936	1937	Разница
Индекс количества	60,1	97,3	37,2
Индекс стоимости	42,5	60,3	17,8

Другими словами, для того чтобы реализовать пропорционально меньший ввоз, И. вынуждена всячески усилить свой экспорт.

Финансовое положение. По словам парижской газеты „Temps" от 25 февраля 1936 г., война с Абиссинией до взятия Аддис-Абебы включительно обошлась И. в 14,4 млрд. лир. Газета добавляет, что для того, чтобы начать работы по эксплоатации новой колонии и оплатить содержание экспедиционных корпусов, ей необходимо будет затратить столько же.

Внутренняя государственная задолженность которая в 1930 г. достигала

уже такой огромной цифры, как 80 млрд. лир, увеличилась в 1936 г., согласно данным, опубликованным в парижской газете „Джустиция е либерта", до 150 миллиардов. Главная причина, обуславливающая создавшееся положение, кроется в стремительном уменьшении золотых резервов. Принимая даже во внимание девальвацию лиры (41%), итальянский золотой фонд, который в 1933 г. был равен 7 млрд. лир, упал в конце 1936 г. до 2 млрд. лир, что подтверждается движением коммерческого обмена с заграницей, дающего следующую картину (в млн. лир):

Годы	1934	1935	19.6	1936 1 полугодие	1 37
Импорт	7.582	7.646	5.838	2 302	5.503
Экспорт	4.965	4.393	3.764	1.603	1.603
Пассив	2.617	3.253	2.074	609	3.900

Если за 1936 г. наблюдается некоторое улучшение баланса, то это объясняется тем, что И. удалось, в связи с попыткой справиться с экономическими санкциями, почти полностью ликвидировать свое товаронакопление, предназначавшееся для покрытия нужд, связанных с африканской авантюрой. И действительно, как мы видим из приведенных данных, дефицит баланса за первое полугодие 1937 г. превышает не только дефицит за весь 1936 г., но также и за 1935 г. Эта последняя цифра говорит нам о том, что, несмотря на проводимую И. политику автаркии, ей не только не удалось освободиться от иностранной зависимости в области военной промышленности, но эта зависимость продолжает систематически расти, что приведет, несомненно, к еще большему уменьшению и без того уже до отказа истощенных золотых резервов страны. Для того, чтобы остановить непрекращающееся ухудшение государственного бюджета, правительство приняло срочные меры, из которых самой важной является обесценение лиры. Если это мероприятие способствовало улучшению положения промышленного капитала за счет пролетариата и мелкой буржуазии, то оно произвело весьма незначительные и кратковременные изменения в общем состоянии итальянской экономики, обусловленной ростом расходов на военные нужды.

Одновременно с девальвацией лиры фашисты ввели новое 5% налоговое обложение недвижимого имущества, которое должно было дать государству около 8 миллиардов лир. Оплата процентов этого насильственного займа должна производиться за счет 3,5% стоимости данного недвижимого имущества. Одновременно был введен прогрессивный подоходный налог с дивидендов анонимных обществ, достигающий 5% с 6—7% дивидендов и поднимающийся до 60% с дивидендов, превышающих 12%. Мы имеем в данном случае дело с чисто демагогическим приемом, при помощи которого фашизм старается доказать итальянским гражданам, что он их всех облагает в одинаковой мере. Однако, капиталисты всегда ухищряются находить такие пути, которые им позволяют сохранить значительную часть получаемых ими доходов. Местные налоги также подверглись значительному увеличению. Если сумма добавочного поземельного налога была равна в 1934 г. 155,7 млн. лир, то в 1936 г. она достигла 422 млн. лир, на постройки —298 млн. лир, вместо 252 млн. лир в 1934 г. Добавочный коммунальный поземельный налог поднялся с 606 до 613 млн. лир, а на постройки — с 348 до 352 млн. лир.

Военная политика фашизма чрезвычайно пагубно отозвалась на экономическом положении трудящихся масс, о чем свидетельствует движение индексов по заработной плате за период 1934—1936 гг. (1930 г. принят за 100):

	1934	1935	1936
Промышленных раб.	84	81,0	84,50
Сел.-хоз. рабочих	76,51	74,50	75,84

В то время как индекс заработной платы промышленных рабочих оставался в течение 1934—35—36 гг. без изменения, а заработная плата сельскохозяйственных рабочих падает, стоимость жизни увеличивается. По сло-

вам газеты „Ривиста дель коммерчио" от мая 1937 г., начиная с сентября 1935 г., иначе говоря — с кануна войны с Абиссинией, по апрель 1937 г. цены на пищевые продукты поднялись на 13,35%, на платье и обувь — на 43,50% и на отопление и освещение — на 21,77%. Однако, не нужно забывать, что эти данные заимствованы нами из фашистских источников. Действительность, несомненно, еще хуже. Уже на одну муку, стоимость которой по фашистским официальным сведениям от конца июля увеличилась на 22%, цены поднялись с момента объявления войны с Абиссинией до сегодняшнего дня на 52%. Что же касается положения трудящихся масс, то вот что пишет по этому поводу газета „Джустиция е либерта" в номере от 3 июля 1937 г.: „Многие пищевые продукты стали исчезать, и прежде всего такие продукты, как молоко, масло, сыр. На хлеб установлена норма — по килограмму на семью. Нередко можно встретить в деревне людей в поисках трав для приготовления варева, которым они питаются". Даже фашистской печати не удается скрыть того отчаянного положения, в котором находятся широкие трудящиеся массы И. Вот что пишет по этому поводу фашистский орган „Лаворо фашиста": „Нам приходится наблюдать большие скопища людей, разбивших свои бивуаки на площадях деревень и городов. Они ждут по целым дням возможности устроиться на работу и уходят ни с чем, как и пришли, в напрасных поисках работы, в другие города и села. Эти массы заставляют нас думать о переселении народов, бегущих от угрожающей им опасности быть окончательно раздавленными".

Совершенно очевидно, что Муссолини даже и в этом отношении следует директиве Гитлера: „пушки вместо масла". Это всецело подтверждается снижением потребительской способности итальянских широких масс. Согласно последним данным, опубликованным в 1936 г. в „Аннуарио статистико италиано", количество потребляемой итальянским населением муки уменьшилось за последние годы на 41%, кофе — на 46%, соли — на 12%, мяса — на 34%, сахара — на 30%, табака — на 22%, пива — на 78% и проч. и проч. Это снижение станет особенно разительным, если мы сравним жизненный уровень итальянского рабочего с уровнем рабочих других капиталистических стран. Женевское интернациональное бюро труда (L'année sociale. 1936) установило, взяв за основу „стандартный набор", в состав которого входило 25 разновидностей пищевых продуктов первой необходимости, потребление газа, электрического освещения и мыла, что стоимость такого „набора" была равна в швейцарских марках 7,16 и что, исходя из расчета среднего недельного заработка рабочего, каждый рабочий в И. мог приобрести 2,05 набора, во Франции — 5,44, в Англии — 6,76, в Швеции — 9,69, в Дании — 10,49. Как мы видим на основании приведенных цифр, потребительская способность итальянского рабочего значительно ниже потребительской способности рабочих других стран. На сегодняшний день, в результате неравномерного соотношения между заработной платой рабочего и стоимостью предметов первой необходимости, эта способность еще более сузилась.

Муссолини широко использует нищенское положение итальянских масс, вербуя десятки тысяч безработных в ряды „добровольцев" и, под предлогом отсылки на работу в Абиссинию, отправляет их в Испанию для подкрепления армии мятежников.

Сдвиги в массовой базе фашизма. Фашизм — это вооруженный кулак самой реакционной и необузданной части итальянской буржуазии. Его представителями являются крупные землевладельцы, промышленники, капиталисты и крупные банкиры. Эта группа паразитов старается при помощи империалистической войны прибрать к рукам все естественные богатства страны и, централизовав их, увеличить таким образом свои доходы.

Абиссинская война способствовала почти полной централизации экономических рессурсов И. в руках немногих

крупных промышленников и аграриев, тесно связанных с финансово-монополистическим капиталом. Так, например, железная промышленность сконцентрирована в руках 4 больших обществ: „Ильва", „Итальянское железо-промышленное общество", „Общество Терни", „Металлургическое общество Конье". Эти четыре могущественные общества объединяются приравненным к государственным организациям финансовым институтом (Финзидер). Он располагает капиталом в 900 млн. лир, образовавшимся из гарантированных государством облигаций. Этот институт стал фактически полным владельцем итальянской железной промышленности, т. к. ему принадлежит свыше 50% выпущенных им акций.

Большинство химических заводов И. и ее горная промышленность сконцентрированы в руках мощнейшего треста „Монтекатини", который объединяет фосфатную, серную, ртутную, алюминиевую, свинцовую и мраморную промышленность и в состав которого входят заводы, вырабатывающие красители, взрывчатые вещества и аптекарские товары, иначе говоря — вся химическая промышленность. В первых числах августа 1937 г. „Монтекатини" увеличил свой акционерный капитал с 800 млн. до 1 млрд. лир. Это увеличение объясняется стремлением концерна обеспечить себе ведущую роль в области национального производства горючих веществ, общество „АНИС", которое было недавно организовано по инициативе и при непосредственном содействии государства. И действительно, 50% всего капитала „АНИС" принадлежит „Монтекатини».

Производство искусственного шелка находится всецело в руках о-ва „Сниа Вискоза", автомобильное производство сконцентрировано в о-ве Фиат, которое поставляет также авиамашины, танки и тракторы. Цементная промышленность находится под полным контролем о-ва „Итал-Цемент", резиновая — в ведении миланского о-ва Пирелли.

Судоходство также подверглось полной концентрации. В начале 1937 г. было издано постановление, в силу которого ликвидировались 9 самых крупных судоходных обществ, и взамен были организованы 4 отдельных группы: „о-во Италия", „о-во Триестский Ллойд", „Тирренское о-во", „Адриатическое о-во", в руках которых сосредоточился почти весь итальянский торговый флот. Каждой из этих групп была отведена определенная судоходная зона. Этот мощнейший концерн находится под непосредственным наблюдением крупного государственного института („Иримар"), который снабдил его средствами для скупки акций предыдущих обществ, вынужденных уступить их в обязательном порядке новому концерну. Таким образом, в руках этого последнего оказалось, согласно устава, свыше 50% всех акций.

Типичными представителями этой тесной группы капиталистов, руководящих экономической и политической жизнью И., являются следующие лица: граф Вольпи, входящий в состав 14 о-в с капиталом в $2^1/_2$ млрд. лир; сенатор Мотта, акционер 32-х обществ с капиталом в $4^1/_2$ млрд. лир; сенатор Аньялли, состоящий членом 32-х о-в с капиталом в 2 млрд. лир; депутат Донегани, руководящий делами концерна Монтекатини, член 33-х о-в с капиталом в 3 $^1/_2$ млрд. лир; братья Пирелли, акционеры 32 о-в с капиталом в 9 млрд. лир; Эдгардо Морпурго, акционер 26 о-в с капиталом в 1 $^1/_2$ млрд. лир; сенатор Чини, акционер „Анонимного о-ва Ильва" и 16 других о-в с капиталом в 2 $^1/_2$ млрд. лир; сенатор Этторе Конти, представитель Итальянского коммерческого банка, акционер 18 о-в с капиталом в 3 $^1/_2$ млрд. лир; Карл Орси, представитель банка „Кредито Италиано", акционер 18 о-в с капиталом в $2^1/_2$ млрд. лир; Акилле и Луиджи Гаджна, акционеры 42 о-в с капиталом около 4 млрд. лир; сенатор Борлетти, представитель о-ва искусственного шелка „Сниа Вискоза", акционер 29 анонимных о-в с капиталом в $2^1/_2$ млрд. лир; граф Павончелли, которому принадлежат в разных частях И. свыше 50.000 гектаров земли и который является одновременно акционером 11 крупных о-в с капита-

лом в 1 1/2 млрд. лир; граф Рабауденго, один из диктаторов автомобильного о-ва Фиат и о-ва „Сниа Вискоза", акционер 17 анонимных о-в с капиталом в 1 1/2 млрд. лир, и он же — один из самых крупных аграриев Пьемонта; граф Адриан Тоарнон, крупный аграрий, председатель итальянской федерации аграрных консорциумов, акционер 11 о-в с капиталом в 1/2 млрд. лир. К этой группе эксплоататоров необходимо добавить: Фирньяни, Бролья, князя Торлония, Мазетти, Брукки, Барбон дель Монте и других. Именно эта кучка трутней закрепостила итальянский народ, связала по рукам и ногам рабочих, техников и интеллигенцию для того, чтобы их было удобнее эксплоатировать и подчинить своему произволу. Эта разбойничья шайка навязала итальянскому народу войну с Абиссинией, свободной и независимой страной, и предала огню и мечу свободную республиканскую Испанию. Это они бросили итальянский народ в руки Гитлеру, раздувающему мировую бойню, преддверием к которой является проводимая им совместно с Муссолини интервенция в Испании. Ясно, что для того, чтобы эта небольшая кучка людей смогла захватить в свои руки управление судьбой всей итальянской нации, ей было необходимо создать для себя некоторую массовую базу. В этом помогли фашизму ошибки, допущенные итальянской социалистической партией непосредственно после окончания мировой войны. В виду того, что возникновение итальянской коммунистической партии относится только к 1921 г., социалистическая партия была в тот период представительницей интересов итальянского рабочего класса. Как итальянская социалистическая партия, так и находившиеся в сфере ее влияния профсоюзные и кооперативные организации находились под влиянием реформистов, которые вместо того, чтобы направить революционное движение итальянских рабочих масс, имевшее место в 1920—1921 г. (захват фабрик и земель), в должное русло и подвести его к логическому завершению — захвату власти, старались при помощи компромиссов с „либеральным" правительством удержать революционный пыл масс. Основная ошибка руководства социалистической партии заключалась в полном непонимании необходимости союза промышленного пролетариата с беднейшим крестьянством через посредство сельскохозяйственных *рабочих и батрачества. Это непонимание* привело к борьбе и даже кровавым стычкам между крестьянами и тем же батрачеством. Этим воспользовался фашизм и появился на политической арене И., обнародовав лживую демагогическую программу (провозглашение республики, всеобщее избирательное право, снятие с крестьян налоговых обложений, снабжение их землей и проч.), благодаря которой ему удалось создать себе опору среди мелкой и средней (как городской, так и сельской) буржуазии, а также среди некоторых слоев беднейшего крестьянства. Ему удалось также привлечь на свою сторону некоторую часть пролетариата, гл. обр. из среды молодого поколения. Единственная разрешенная литература в И. в данное время — это литература фашистская или же произведения союзников фашизма, среди которых первое место отведено троцкистским бандитам. Фашистская молодежь растет и развивается под идеологическим влиянием фашизма, проповедующего шовинистический патриотизм, доведенный до крайних пределов. Несомненно, что демагогические приемы фашизма давят в какой-то мере и на сознание *некоторой части пролетарских масс.* Однако, ныне, после 15-летнего фашистского господства и неслыханной еще эксплоатации, итальянские рабочие массы начали решительно ориентироваться в сторону от фашизма, все более и более настраиваясь против него.

Еще задолго до начала разбойничьей вылазки империализма в Абиссинии, по всей И. началось некоторое движение против фашизма. *Оно достигло особой остроты* накануне войны с Абиссинией и в первые ее месяцы. Победа, одержанная фашистами в Абиссинии, задержала на не-

которое время дальнейшее развитие рабочего движения против фашизма. Благодаря своим демагогическим уверениям, насквозь проникнутым шовинистическим духом, доведенным до крайних пределов, но очень ловко использованным фашизмом, вначале удалось создать у полуголодных рабочих масс иллюзию, что недалеко то время, когда изменится к лучшему их беспросветное экономическое положение, безработица будет полностью ликвидирована и настанет, наконец, эра безмятежного благополучия. Фашизм обещал крестьянам, что с завоеванием Абиссинии будет разрешен земельный вопрос в самом благоприятном для них смысле. Однако, не прошло и нескольких месяцев, как итальянский народ убедился в несостоятельности демагогических обещаний фашизма. Обманутые фашизмом рабочие и крестьянские массы, окончательно потерявшие какие бы то ни было иллюзии, возобновили борьбу с фашизмом, категорически протестуя против его захватнической политики.

Волна недовольства прокатилась по всей И., вызывая обострение классовой борьбы, которая иногда принимает характер вооруженных выступлений, забастовок и саботажа. Вступление И. в сферу влияния гитлеровской политики еще более усилило антифашистское движение среди широких итальянских народных масс, в особенности среди крестьянства, экономическое положение которого особенно тяжело. Оно начинает осознавать, что земельный вопрос не может быть разрешен путем демагогических обещаний фашизма или путем буржуазной аграрной реформы. Оно уже прекрасно понимает, что этот вопрос может быть действительно разрешен только путем революционной борьбы.

Военная политика фашизма разорила не только беднейшее население, но и широкие слои мелкой и средней буржуазии. Концентрация капитала способствовала уменьшению доходов, следовательно и ухудшению жизненного уровня как средних классов, так и более зажиточной части итальянского населения, вызвав сильное недовольство даже в некоторых фашистских кругах.

Недовольство политикой фашизма проникло, далее, в ряды армии и захватило некоторые круги командного состава. Как иностранная, так и итальянская пресса приводят множество примеров недисциплинированного поведения солдат и офицеров, отказавшихся ехать на фронт в Испанию. Самым лучшим и характерным подтверждением такого настроения итальянских народных масс может служить поражение Муссолини при Гвадалахаре. Кроме того, как известно, итальянские войска протестуют против их объединения на театре военных действий с немецкой армией. Это явление объясняется историческими традициями итальянского народа, который всегда ненавидел немецкий империализм. Такое положение вещей заставило Муссолини подойти чрезвычайно осторожно к отбору отправляемых в Испанию представителей фашистской милиции и прибегнуть к услугам секретной полиции. Тысячи „карабинеров" (жандармский корпус) были отправлены в Испанию для того, чтобы предотвратить бегство с фронта новоиспеченных „добровольцев". Только таким образом и благодаря мощнейшему вооружению удалось Муссолини сломить геройскую защиту Бильбао и Астурии.

Огромную роль в деле ориентации итальянских народных масс в сторону от фашизма и войны сыграла мужественная итальянская коммунистическая партия, которая через посредство своих нелегально работающих в И. членов смогла раскрыть им глаза на настоящее положение вещей на международной арене и познакомить их, хотя и в далеко еще несовершенной степени, с гигантскими достижениями строящегося в СССР социализма, приводящими в восторг итальянские рабочие массы. Она способствовала осуществлению идеи единого французского народного фронта, сдвигу в международной политике Франции (хотя и недостаточному), всецело присоединялась к Советскому Союзу в деле оказания поддержки испанско-

му народу, в возможности сближения между двумя интернационалами.

Концентрация антифашистских сил в целях создания широкого народного фронта для борьбы с фашизмом и военной опасностью находится в стадии реализации. В июне 1937 г. возник во Франции „Итальянский народный союз", объединяющий 100.000 итальянцев самых различных политических направлений. Этот итальянский антифашистский союз, выпускающий ежедневно орган „Воче дельи италиани" (Голос итальянцев), чрезвычайно популярен среди широких народных масс И., вдохновляя их на борьбу с фашистским произволом. Катастрофическое экономическое и политическое положение И. заставляет Муссолини провоцировать всеми возможными средствами новую мировую бойню в надежде несколько оттянуть неминуемую гибель фашистского режима.

Использованные источники: „Annuario Statistico Italiano" (1936); „Barometro Economico"; „Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia"; „Stato operaio".

Август 1937 г.

X. Испания (*ср.* XLVII, 676 сл.). В И. 56,2% самодеятельного населения до последнего времени было занято в сельском хозяйстве (4,2 млн. из 7 млн. по данным переписи 1910 г.) и только 14,6% (1 млн.)—в промышленности. Отсюда ясно, что в дореволюционной И. (как, впрочем, и теперь) определяющую роль в экономических и социальных отношениях страны играют сельское хозяйство и аграрные отношения, основную характеристику которых мы находим в подавляющем господстве латифундного землевладения. Существующих официальных статистических данных вполне достаточно, чтобы составить себе ясное представление об этой основе экономической и политической действительности дореволюционной И. Но следует иметь в виду, что эти статистические данные получены при организованном могущественном противодействии экономически и политически господствующего класса, стремящегося не только укрыть свои владения от учета и обложения (известны факты сокрытия от учета латифундий, равных по пространству второстепенным европейским государствам), но и скрыть, как это ни кажется невероятным, самый факт преобладания в стране латифундного землевладения, в целях чисто политических. В этом отношении в особенно благоприятном положении находились церковь и монастыри, которые на перепись их земель в конце XVIII века ответили яростной борьбой против правительства, ликвидацией эпохи испанского „просвящения", возвратом страны к тягчайшим временам инквизиционного изуверства и террора. Отсюда печальная необходимость оперировать в XX веке цифрами конца XVIII столетия, с единственным „утешением", что в отношении распределения земельного фонда И. до последнего времени „почти не сдвинулась с места в сравнении с XVII и XVIII веками" [1].

По переписи 1787 г. церкви принадлежало 9.093.400 арпанов (арпан=40 ар) земли, дворянам — 28.306.700 и „третьему сословию" — 17.559.000 арпанов, т.-е. 45% того, что имели духовные и светские феодалы. В Новой Кастилии на 1.541.688 арпанов сеньориальных земель приходилось лишь 657.660 крестьянской; в Эстремадуре на 2.149.898 арпанов сеньориальной земли — 741.610 крестьянской; в Ла-Манче на 1.914.132 арпана дворянской и 852.276 церковной — всего лишь 17.060 арпанов крестьянской.

Понадобилось больше 100 лет, две длительные революции, многолетние гражданские войны, не говоря о военных переворотах, чтобы появилась возможность приступить к кадастровой переписи к концу XIX века. Опубликованные результаты, учтенные к концу 1924 г., охватывают 36% всей земельной площади. По этим данным [2] 0,49% всех хозяйств, владеющих каждое 200 *га* и выше, владели 38% общей площади, тогда как 86,44% хозяйств (с площадью до 10 *га* каждое) владели всего 32,5% общей площади. Если разбить хозяйства на 4 группы: I (с участками свыше 100 *га* — „крупные"), II (с участком от 20 до 100 *га* — „сред-

[1] *Трайнин* „Современная Испания", стр. 97.

[2] *Минлос*, „Аграрный вопрос в Испании", Трайнин, ук. соч.

ние"). III (с участками от 5 до 20 *га*—„мелкие") и IV (с участками до 5 *га*—„карликовые"), то получится такая таблица.

I. 10%	хоз. . .	26 тыс. хоз.	67%	общей площади
II. 5,5%	„ . .	59 „ „	13%	„ „
III. 16%	„ . .	216 „ „	12%	„ „
IV. 76,5%	„ . .	1 млн. „	7,4%	„ „

В испанской „республике трудящихся всех классов (т.-е. до победы народного фронта) герцоги Медина Сели владеют 95.000 *га*, герцог Альба имеет поместья во всех 49 провинциях И., граф Романонес считается хозяином чуть-что не целой провинции (Гвадалахара). В провинциях Кастилии и Леона 53,68% общей площади принадлежит латифундистам (свыше 1.000 *га* у каждого). Провинция Хаен (134.800 *га*) принадлежит 12 помещикам. В провинции Саламанка 248 помещиков владеют каждый от 2.500 до 5.000 *га*. В Андалузии не редкость поместья в 25 — 30 тыс. *га*. В округе Эль-Педросо из 31 тысячи *га* один помещик владеет 15.000 *га*. В провинции Херес 19 помещикам принадлежит 44.757 *га*, из которых 30.699 не обрабатывается,—явление в латифундных поместьях обычное. В провинции Бадахос, где шире всего развернулась аграрная революция, только 38% помещичьей земли обрабатывалось к началу захвата крестьянами этих земель.

О распределении хозяйств по степени их доходности дают представление следующие цифры той-же (частичной) кадастровой переписи:

С доходом	до	1 песеты в день . .	847.548	хоз.
„	от 1 до	5 пес. „ . .	147.710	„
„	„ 5 до	8 „ „ . .	12.368	„
„	„ 8 до	20 „ „ . .	9.782	„

В провинции Авила из 13.530 налогоплательщиков 11.452, т.-е. 85%, имели доход до 1 песеты в день, 1.758 (13,5%)—до 5 песет и лишь 155 (1,5%)—от 5 до 8 песет.

Лишь одна треть кадастрированной площади обследована с точки зрения ведения хозяйства; полученные цифры показывают, что 32% этой площади находится в арендном пользовании и около 6% у издольщиков. Предположение, что по всей стране около половины обрабатываемой площади составляют арендные участки, вряд ли преувеличено. Арендные отношения в И. имеют резко выраженный кабальный характер феодальных пережитков, осложняемый широко распространенной земельной спекуляцией: спекулянты пересдают крупные арендуемые участки мелкими участками в субаренду. Крестьянин-арендатор оплачивает так. обр. доли и собственника и посредников. Так, монастырь Сан-Сальвадор получал по первой аренде за свою землю 3.715 реалов (реал—9 коп.), крестьяне же, получившие эту землю в аренду, платили за нее арендаторам-посредникам 923.116 реалов. Крестьяне провинции Бадахос заявили министру труда, что хозяйство, имеющее ежегодный доход в 450 песет, платит арендатору-посреднику 225 песет, из которых этот посредник платит помещику только 50 песет. (Мы характеризуем здесь, разумеется, положение, существовавшее накануне победы народного фронта, фашистского мятежа, гражданской войны и интервенции). Даже в Каталонии, где крупные землевладения почти отсутствуют, арендные отношения сохраняют характер феодальной эксплоатации и, как известно, создали почву для революционного движения арендаторов („рабассеров"), определившего левизну крестьянской мелкобуржуазной партии („эскерры") вплоть до участия ее в октябрьской революции 1934 года и в антифашистском блоке народного фронта в 1936—1937 гг. В Галисии арендуемые участки представляют собой парцеллы в 30,20 и даже 10 кв. метров; столь же раздроблена здесь и земельная собственность. Классический пример, приводимый всеми авторами: участок в 32 метра в округе Вэра (пров. Корунья), собственник которого за 6 яиц в год сдает землю одному арендатору, а каштановое дерево, растущее на этом участке—другому арендатору. В чисто латифундистских провинциях Эстремадуры и Андалузии арендная плата кормит барина-помещика, обычно не показывающегося в своих поместьях, проживающего в Париже, на дорогих курортах и небольшую часть года в Мадриде, управляющего (фактического хозяина целого округа)—местного „касика", и посредника-лабрадора. Арендная плата составляет

не менее трети урожая и делится примерно поровну между этими тремя лицами. В провинциях Эстремадуры условием получения работы в поместьях часто ставится обладание рабочим собственной упряжкой мулов (так наз. „юнтерос"), перелагающее на рабочих и риск и расходы по заведению рабочего скота. В кастильских провинциях арендная плата составляет около половины урожая. Повсеместно существуют натуральные налоги и повинности, сохранившиеся по сегодняшний день от ранних столетий средневековья. К числу их относится и церковная барщина, от которой крестьяне освобождались иногда лишь на второй год революции. Что касается условий жизни сельскохозяйственных батраков, то, как писалось в правобуржуазной мадридской газете „Эль Соль" в 1931 г., „их жилища представляют собой грязные погреба, а многие живут в конюшнях вместе с лошадьми".

Общее количество лиц обоего пола, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось за 10 лет (1910—1920) на 270.296 чел., т.-е. на 6,4%; в 1920 г. их было 4.481.234 чел. В промышленности произошло увеличение за этот же период на 778.160 чел. (65,7%); число лиц, занятых в индустрии, в 1920 г. равнялось по одним данным 1.698.700, по другим — 2.052.300, по третьим — 1.964.151 и т. д. [1]). Важнейшие промышленные районы И.: 1. Астурийско-бискайский (уголь, железо, судостроение, машиностроение); 2. Каталония (текстильн. промышленность — „испанский Ланкашир"; деревообделочная, машиностроительная, маслобойная, парфюмерная, кружевная); 3. Валенсия (шелковая, керамическая, бумажная, переработка фруктов); 4. Андалузия, (сахарная, винно-ликерная, химическая, керамическая, шерстяная, бумажная, кораблестроение).

Почти все иностранные капиталы, вложенные в испанскую промышленность, приходятся на эти районы с добавлением Новой Кастилии (с Мадридом). В 1915 г. на первом месте стоял английский капитал (54%), на втором — французский (34,5%), на третьем — бельгийский (4%); с тех пор США с 4-го места перешли на первое, завладев, гл. обр., электропромышленностью. Англичане продолжают господствовать в горной промышленности, медные руды („Рио-Тинто") в их руках целиком. С 1913 по 1928 г. потребление электроэнергии увеличилось в 5 раз; число работающих электростанций поднялось до 2.920. По добыче свинца И. занимает 5-ое место в мире; почти 90% добычи свинца находится в руках французской компании, разрабатывающей также и уголь, цинк, серебро и т. д. 95% телеграфной сети — в руках американской Компании телефонов и телеграфов.

Общее число промышленных и транспортных рабочих в И. — около 1.500.000 чел., служащих — 285.000 чел., сельскохозяйственных рабочих — 2½ миллиона, — всего около 4.285.000 рабочих и служащих. Наиболее развитые в индустриальном отношении провинции: Барселона (393 тыс. лиц, занятых в индустрии), Мадрид (146.000), Валенсия (88.000), Бискайя (82.000), Севилья (78.000). 25% общего количества испанского пролетариата сосредоточено в мелкой индустрии (гл. обр. текстиль) Барселонского района, 5% — в железнодорожной промышленности Бискайи, 3% — в угольных шахтах Овиедо, 8% — в легкой индустрии (швейной, пищевой и др.) Мадрида.

Внешняя торговля И. развивалась следующим образом, начиная с войны, создавшей эру небывалого процветания испанского экспортного хозяйства:

Годы	Ввоз	Вывоз	Разница в пользу вывоза
	(в тысяч. песет)		
1915	967.739	1.242.447	+ 274.708
1916	912.973	1.361.548	+ 448.575
1917	733.823	1.311.314	+ 577.491
1918	589.795	999.650	+ 409.855
1919	896.231	1.304.317	+ 408.086

Соответственно этому подъему сокращалась эмиграция: 1914 г. — 66.596 чел.; 1915 г. — 50.359 чел.; 1916 г. — 62.247 чел.; 1917 г. — 43.051 чел.; 1918 г. — 20.168 чел.

[1]) „Что делать с такими цифрами?" — горестно восклицает тов. Варга в „Ком. Интерн.".

С 1919 г. по 1920 г. начинается послевоенный кризис, характерный для нейтральных стран, „процветавших" за счет войны, и переходящий в общий кризис капиталистического мира:

Годы	Ввоз	Вывоз	Разница в пользу вывоза
	(в тысяч. песет)		
1920	1.396.538	1.010.721	— 385.837
1921	1.260.753	798.345	— 462.408
1925	2.244.300	1.584.700	— 659.600
1926	2.153.522	1.605.589	— 547.933
1927	2.585.521	1.895.282	— 690.239
1928	3.004.991	2.183.478	— 821.513
1929	2.737.048	2.112.948	— 624.100
1930	2.447.300	2.299.700	— 157.600
1931	1.175.500	961.000	— 214.500
1932	976.400	788.400	— 287.400
1933	835.400	668.600	— 167.800
1934	860.600	611.900	— 249.600

Главным орудием распространения и упрочения своего владычества феодально-плутократическая олигархия И. сделала церковь, вследствие чего церковно-феодальная часть этой олигархии получила преобладающее, исключительное значение. Открытая борьба за власть различных „касикистских" клик, политических „партий" или „клиентэл," возглавляемых олигархами областного и национального масштаба, разоблачала и ослабляла их позиции и государственную власть. Эта же самая борьба маскировала клерикальный, якобы аполитичный, „беспартийный" сектор испанской общественной жизни. Все политические „партии" искали поддержки духовенства и конкурировали в щедрости по отношению к нему, ничем не отличаясь в этом отношении от набожных андалузских разбойников середины XIX века, от королей, министров, контрабандистов, биржевиков, точно так же покупавших содействие, помощь и защиту духовенства. В результате, „во Франции до отделения церкви от государства на каждого француза приходилось 1,18 франка ежегодных расходов по госбюджету, в Бельгии — 1,9 франка,... а в нищей Испании — 3,5 франка". В 1928 г. в И. насчитывалось епархиальных церквей—30.814, приходских—20.614, часовен—13 557, монастырей — 4.568, итого — 71.353 на 27.217 „школьных зданий" (под этим пышным названием часто фигурировали жалкие лачуги). Стоимость насчитанных 23.940 церковных земельных участков показана в 76 млн. песет, тогда как в одном Мадриде стоимость этих участков равна, по данным городского кадастра, 112 млн. песет.

В И., как и везде, католическая церковь спекулировала на национальных чувствах и движениях, искусно опираясь на них в борьбе против либеральных поползновений центрального правительства, как это было в эпоху „карлистских" войн. „Карлизм" кончился, но блок духовенства и националистических реакционных группировок частично остался,—особенно в Наварре, тогда как в баскских провинциях национальное движение, в силу давления на мелкую и среднюю буржуазию многочисленного и активного пролетариата промышленности и (в Галисии) деревни организовано на радикальной основе. В Памплоне (Наварра) одна приходская церковь приходится на 348 жителей, 1 монастырь на 2.143 жителя, в самой Барселоне 1 приходская церковь на 4.737 ж., а один монастырь на 3.924 жит. Об экономической мощи церкви дает представление предпринимательская деятельность иезуитов, владевших столичным банком „Уркихо" (126 млн. песет капитала) с 4 подчиненными провинциальными банками (85 млн. песет), крупнейшей пароходной компанией „Трансатлантика", железными дорогами и т. п.

Буржуазная пресса в И. отражала преобладающую силу влияния церкви и культурную отсталость и слабость испанской буржуазии. Крупнейшие, старейшие и богатейшие мадридские газеты находились в руках католической („Эль Дэбатэ") и монархической („АВС") реакции. Эти органы воинствующей контр-революции и в литературном и в техническом отношении располагали широчайшими средствами для распространения всякой клеветы по адресу СССР, коммунизма, рабочего движения и даже буржуазного республиканизма. Республиканские литературные силы обслуживали биржевую, право-республиканскую, точнее—приноравливавшуюся по принципу „правого центризма" обсто-

ятельствам, большую газету „Эль Соль", отводившую больше места отделам биржи, финансов и искусства, чем политике. „Эль Дэбатэ" был официальным органом Ватикана; „АВС"— низложенной династии, с ярко-выраженной германофильской ориентацией, горячо проповедывавший образование „IV Интернационала", т.-е. блока фашистских государств для борьбы с демократией. Из лево-буржуазных столичных газет более широкое распространение имел „Эль Либераль", близкий к столпу центризма в соц. партии И. Прието. Центральный орган социалистической партии, „Эль Сосиалиста", колебался между правым крылом, центризмом и обезличенной внефракционностью, велся по буржуазным образцам, старался зачастую перещеголять их литературными ухищрениями фельетонного вербализма в статьях „руководящего" характера, рассчитанных, главным образом, на завсегдатаев политических „тертуллий" и менее всего на рабочего читателя. Гораздо большее значение в социалистической партии и соц. профсоюзах приобрел в 1935—1936 г. орган социалистического союза молодежи „Кларидад", близкий к лидеру левого крыла соц. партии, Ларго Кабальеро. Центральный орган испанской компартии „Эль Мундо Обрэро" всецело ориентировался на массового рабочего читателя и вел за собою даже и социалистических рабочих-массовиков. Распространение „Мундо Обрэро", выходившей в формате больших столичных газет, достигло в начале 1936 г. уровня распространения „Эль Сосиалиста". Что касается ежемесячников, то в И. они пользовались ничтожным распространением и значение их было ничтожно.

Церковь была до революции хозяином народного образования. Соответственно этому народная школа в И. была тем же, чем была церковно-приходская школа в царской России. По официальной статистике 60% населения (12 млн. из 20) оставалось неграмотным, несмотря на то, что в 1875 г. на бумаге введено всеобщее обязательное обучение в начальной школе. В 1928 г. числилось 27.217 начальных школ (15 учителей на 10 тыс. жителей), т. е. официально удостоверялось, что школы могут пропустить не более 50% детей школьного возраста. Характерно, что закон об обязательном обучении превратился в орудие устрашения населения местными „касиками," которые при случае штрафовали опальных обывателей за непосещение их детьми несуществующей в данной местности школы. Средняя школа была средством иезуитской дрессировки молодежи, дрессировки жестокой, бесчеловечной, описанной в известной книге „А. М. Д. Г." („Ад Майорэм Деи Глориам") Перес де Айала. В „аристократических" колледжах дрессировка эта принимала, конечно, несколько иной характер. Когда в начале XX века пионер светской педагогики, профессор мадридского университета Фр. Хинер де лос Риос, основал „Институт свободного образования"—рациональную европейского типа среднюю школу, то школа эта считалась „передовыми людьми" в И. рассадником „новых людей", призванных дать „новую жизнь" всей стране. Когда же Фр. Феррер (*см.*) основал атеистические школы в Барселоне, реакция ответила на это, воспользовавшись событиями так наз. „кровавой недели" в Барселоне, расстрелом Феррера. Высшая школа в И. отличалась во всех своих видах невежеством профессуры и средневеково-схоластическими методами преподавания не только „гуманитарных", но даже и прикладных, технических дисциплин: агрономы, медики, инженеры изучали свою будущую профессию исключительно в аудиториях, даже без подсобных лабораторий. Подавляющее большинство дипломов выдавалось юридическими факультетами, так как прочие дипломы либо не представляли никакой цены для предприятий и учреждений, выписывавших специалистов обычно из-за границы, либо открывали доступ лишь к скудно-оплачиваемому, но нелегкому труду. Бесчисленное количество адвокатов, а с ними вместе часто и обладатели других дипломов устремлялись толпами на синекуры или на убогие канцелярские должности, глядя по связям, протекции и т. д.

Первые делали карьеру, вторые — прозябали. Те и другие увеличивали армию паразитов, облепивших все отрасли государственного и муниципального бюджетов. Из этой армии рекрутировались крупные и мелкие политиканы, профессионалы политического кондотьерства, спекулировавшие на всевозможных политических лозунгах и программах, зачастую совмещавшие анархизм с той или другой „временной" ориентацией на ближайшую, общую или местную победу реакции.

Преобладавшие в интеллигенции настроения уныло-безнадежной разочарованности, бессилия, апатии, „пессимизма" густо окрасили литературу конца XIX века. Хорошо знакомые русской литературе темы — одиночество, загубленные таланты, „заедающая среда", столкновение „благородного", но оскудевшего дворянства с хищными Колупаевыми и т. п. — излюбленные темы испанского романа, повести, театра. Столь разные писатели, как А. Чехов и П. Гальдос, одновременно и независимо друг от друга написали тождественные по идее пьесы: „Вишневый Сад" и „Эль Абуэло". Сантьяго Русиньоль написал свою книгу о „серых людях" („Эль Пуэбло Грис"), где повторяются в точности мотивы, настроения и краски чеховских картин русской провинциальной жизни. Все это относится в большей мере к Кастилии, чем к промышленной, деятельной Каталонии или баскам, которые так же, как каталонцы, противопоставляют свое трудолюбие, энергию и крепкую культуру феодальной „кастильской" или „андалузской" лени, апатии, квиэтизму. Если литература поэтизировала вырождение, то испано-кастильские буржуазные политики и публицисты клеветнически объясняли ничтожество испанской буржуазии характером „нации", „народа". После катастрофы испано-американской войны лидер консерваторов, министр-президент Фр. Сальвела, бросил пресловутое словечко, подхваченное всей печатью: „страна без пульса". Нередко можно было услышать формулу лицемерного самобичевания — „нация евнухов", в то время как на ряду с моральным разложением буржуазии испанский рабочий и крестьянин поражали иностранцев высоко развитым чувством достоинства и самоуважения.

То, что деклассированные элементы буржуазной интеллигенции внедрялись в анархистские организации, освобождало от них испанскую социал-демократию. Основатель ее, П. Иглесиас, считал задачей испанской рабочей партии оберегать пролетарское движение от разлагающего влияния беспринципной, авантюристической и корыстной буржуазной интеллигенции. Однако, с ростом значения социалистической партии в нее стали проникать либеральные профессора, писатели и адвокаты, покинувшие скомпрометировавшие себя окончательно буржуазные партии. Громадный авторитет (прежде всего „политической честности", затем — „влияния на массы"), приобретавшийся ими таким путем, создавал исключительно выгодное положение этим пришельцам; рабочая масса, поднимавшая их на недостижимую на иных путях высоту, поддавалась иллюзорной оценке их личных талантов и заслуг; партийные и профсоюзные консервативные чиновники ухватывались за высокоученых ораторов, хоронивших революционный марксизм под грудами реформистской, либерально-бернштейнианской плесени, выдававшейся за „научную разработку" марксизма. Со вступлением испанского рабочего движения в современную революционную эпоху влияние великой пролетарской революции через головы кафедральных лидеров сказалось в непрерывном росте симпатий испанского пролетариата, даже и в рядах соц. партии и соц. профсоюзов, к стране пролетарской диктатуры, а после уроков Германии, Италии и Австрии — в непреодолимом порыве к штурму буржуазно-феодальной диктатуры. Разительное совпадение представляла в последнее время кампания фашистско-монархической прессы и выступления правых социалистов, профессоров Х. Бестейро и Фернандо де лос Риос, проповедовавших воздержание пролетариата от взятия государственной власти на том основании, что испанский пролетариат

недостаточно культурен, недостаточно образован, недостаточно подготовлен к управлению государством (эта проповедь была вознаграждена принятием Х. Бестейро в Академию наук, при чем приветственную речь при его приеме произнес никто иной, как Алкала Замора, президент республики). Альфонсистская газета „АВС" в основу своей публицистической пропаганды взяла этот тезис социалистических профессоров, иллюстрируя его цифрами неграмотности населения, слабым распространением прессы (три миллиона тиража всей прессы в стране) и книг и даже незнакомством с классической литературой аспирантов на полицейские должности. Когда социалистические рабочие на опыте убедились, что испанская буржуазия и при участии социалистов в правительстве и без этого участия „способна" только на фашистско-клерикальный террор, то понадобилось еще два года преследования левых республиканцев со стороны фашистского блока, чтобы стал возможным блок народного фронта; понадобилось бессмысленно-яростное преследование Асаньи правительством и прессой Хиль Роблеса и Леруса (вплоть до того, что пресса эта условилась писать не „господин Асанья", а попросту „Асанья", так как Асанья, дескать, преступник, а потому недопустимо величать его „господином"), чтобы восстановить республиканскую репутацию нынешнего президента республики.

В 1927—1928 гг. диктатура Примо де Ривера (*см.* XXXVI, ч. 2, 157 сл.) достигла последней фазы своего развития. Ликвидация, совместно с Францией, в 1926 г. марокканской войны на время увеличила престиж директории в руководящих буржуазных кругах И., Англии и Франции. Дипломатия Примо де Ривера немедленно (в 1926 г.) предъявила к учету французско-испанские победы в Африке двумя требованиями: постоянного места для И. в Совете Лиги наций и пересмотра в пользу И. танжерского статута. Неуспех обоих этих требований показал, что военная диктатура переоценила свои внешнеполитические возможности. Эффект бумажного триумфа Примо де Ривера, в пользу которого плебисцит, устроенный „Патриотическим союзом" (Union Patriotica), набрал около 6 миллионов голосов, был много слабее, чем влияние противоправительственного движения в артиллерийских частях, вызванного декретом, отменявшим повышение в чинах за выслугу лет и заменявшим его награждением чинами „за заслуги". В Сеговии при подавлении этого движения были убитые. Во всей И. было введено военное положение. Понадобилось личное вмешательство короля в переговоры с непокорными артиллеристами для того, чтобы конфликт был ликвидирован. В крупнейшем заговоре конца 1926 года замешаны были, кроме стяжавшего впоследствии славу героя-революционера капитана Фермина Галана, генералы В. Вейлер и Фр. Агилера. Вейлер был, как „свой человек", прощен, Агилера получил выговор, Галан же, как убежденный республиканец-демократ, был осужден на шестилетнее заключение и был освобожден лишь через $3^1/_2$ года по амнистии, последовавшей за падением диктатуры.

Непомерно высокие пошлины уже в 1926 г. сократили на 100 млн. импорт; обслуживая интересы ограниченного круга промышленников, они возбуждали общее недовольство внутри страны и в заграничных торгово-промышленных кругах. Еще резче действовало увеличение налогов. Падение курса песеты отмечало собою финансовое и хозяйственное банкротство всей системы буржуазно-помещичьей диктатуры. Начатые по гидро-электрификации и постройке новых железных и шоссейных дорог работы не выходили из первой стадии, требовавшей крупных капиталовложений, оставаясь в большей части мало-производительными затратами, как, напр., 4.000 миль автомобильных шоссе или целая сеть люкс-отелей, предназначенных для развития туризма. Сужение социальной базы диктатуры до тесного круга верхушки спекулятивного финансового капитала было настолько очевидно, что в 1927 г. было объявлено о предстоящем созыве совещательного „Национального Собрания" на основе

представительства „корпоративных интересов"; функции этого собрания были ограничены обсуждением предложений правительства, без права голосования их. С другой стороны, диктатура еще теснее сомкнулась с церковью, расширив ее привилегии в школьном деле, в особенности в отношении высших учебных заведений иезуитов и августинцев. Наконец, во внешней политике диктатура попыталась реваншироваться опубликованием ноты, подтверждавшей претензию на расширение прав И. в танжерской зоне; в то же время (янв. 1928 г.) состоялось отплытие крейсера „Блас де Лесо" в китайские воды, — первая демонстрация испанских военно-морских сил на Дальнем Востоке после потери Филиппин. Завязавшиеся в Париже переговоры по танжерскому вопросу не дали результата, что вызвало демонстративную отставку испанского министра иностранных дел Янгуаса (портфель министра иностранных дел взял сам Примо де Ривера) и подчеркнутую англофильскую ориентацию, скрепленную заключением англо-испанского дополнительного торгового соглашения (5 апр. 1928 г.), визитом в И. английского наследного принца (май 1928 г.) и ответным посещением Англии Альфонсом XIII (на первом пароходе новой англо-испанской прямой линии Испания—Соутгэмптон). Обесценению песеты Примо де Ривера попытался противопоставить учреждение нефтяной монополии (декрет 28. VI 1928 г.). 12. IX 1928 г. был опубликован королевский декрет о созыве „Национального Собрания", а 21. IX 1928 г. — регламент для обеспечения послушания этого собрания правительству. Либеральные политические дельцы сговорились бойкотировать это собрание, консервативные — частью поступили так же (один из виднейших консерваторов, Санчес Герра, объявил, что покидает И. в виду невозможности поддерживать монархию, вступившую на путь гибели), частью выступали в самом Национальном Собрании против диктатуры (как Маура, председатель комиссии по выработке проекта новой конституции). Национальное Собрание было открыто 12. X 1928 г. королем после возвращения его из „триумфальной" поездки в Марокко. „Героическим" усилием военной диктатуры удержать за собою симпатии металлургической промышленности было предоставление Аргентине 100-миллионного займа с получением от нее заказа на два крупных минных истребителя, выпуск двух внутренних займов (6%) приблизительно на ту же сумму и распределение заказов на постройку тысячи километров новых железных дорог. Новая мера по пути установления контроля за международно-валютными операциями И. — учреждение правительственного „Внешнего банка" — была встречена промышленниками в штыки. После 4 лет отказа от политической деятельности, влиятельнейший из магнатов каталонской буржуазии, Камбо, — агент которого, его бывший „политический секретарь" Аунос, входил в правительство с 1925 г. в качестве министра труда, — теперь выступил против Примо де Ривера.

В новогодней декларации (1. I 1929 г.) Примо де Ривера заявил, что диктатура, „опираясь на волю большинства народа", просуществует еще минимально 10 лет, оздоравливая политическую жизнь И. и содействуя „материальному и духовному расцвету страны; в этих целях правительство сохранит в дальнейшем цензуру печати, а также свой контроль за производством, ценами и качеством экспортных товаров".

Военное восстание в Сиудад-Реаль (28 января 1929 г.) оказалось частью обширного плана военного переворота. 30 января в Валенсии был арестован Санчес Герра, нелегально вернувшийся в И., в связи с заговором. Ген. Оргас с тремя батальонами надежных войск был послан в Сиудад-Реаль для подавления восстания и ареста артиллерийских офицеров. В Валенсию, где также восстал гарнизон, послан был для водворения порядка „знаменитый" впоследствии генерал Санхурхо, получивший особые отличия за марокканскую кампанию 1926 г. 20 февраля 1929 г. королевским декретом были расформированы артиллерийские ча-

сти; в их брожении признан был республиканский характер. Превращение диктатуры из чисто-военной власти в агентуру финансового капитала, выразительно подчеркнутое вхождением лидера фашистских монархистских партий Кальво Сотело в правительство Примо де Ривера на посту министра финансов, вызвало резкую оппозицию в значительной части офицерства, считавшего „ликвидацию старых партий" и режима плутократического „парламентаризма" своим делом; стремление к новому перевороту форсировалось действием мирового кризиса, ударившего по экономическим основам государственной организации И.

Рабочий класс, в течение 6 лет деморализовавшийся фактическим сотрудничеством соц. партии и соц. профсоюзов с правительством Примо де Ривера, вступал, при непрерывном вздорожании жизни и падении реальной заработной платы, в полосу обострения экономической и политической борьбы.

Каталонский вопрос, непосредственный исходный пункт переворота 1923 г. (*см.* XLVII, 682), достиг крайнего обострения в результате полицейского террора в Каталонии и перехода в оппозицию крупной каталонской буржуазии. Сельско-хозяйственный кризис повысил требования помещиков к правительству до крайних пределов. Нефтяная монополия вызвала наступление английского и американского нефтяных трестов, выразившееся в катастрофическом снижении курса песеты (до 50% нормальной стоимости).

Проведение декрета 20 февраля (см. выше) вызвало волнения в артиллерийской школе в Сеговии; королевским декретом 27 февраля 1929 г. эта школа была расформирована. Демонстрация офицерства против короля (в его присутствии) на банкете в Мадриде (в ответ на тост в честь короля офицеры бросили на пол свои бокалы) показала королю его непопулярность в армии. С этого времени он начал принимать меры к тому, чтобы отделить свою судьбу от судьбы диктатора Примо де Ривера. 7-го марта 1929 г. последний заявил в интервью с сотрудником парижского „Матэн" что в марте 1931 г. он „сдаст свою должность", т. к. к тому времени „его трудами страна будет успокоена, и благонамеренные граждане будут обеспечены против опасности, угрожающей им со стороны политиканов"...

Волна студенческих выступлений против диктатуры привела в марте к закрытию мадридского университета, увольнению всего учебно-административного персонала и назначению вместо ректора королевского комиссара. В июле 1929 г. Национальному Собранию был сообщен проект новой конституции. Проект оставлял за монархией и католической церковью господствующее в государстве положение. Однако, в начале ноября 1929 г. последовала новая декларация, оповещавшая страну, что, в виду событий последних дней, правительство считает преждевременным свое намерение передать власть „нормальному" „конституционному" правительству; что „события эти" показали, как перспектива ликвидации диктатуры ободрила тех, от кого „директория спасла И. в 1923 г." (имелись в виду оправдательный приговор суда по делу Санчес Герра, а также сведения о переходе в лагерь конституционалистов новых генералов, как кадикского командующего войсками Годе). Вместо новой конституции И. получила новый Уголовный кодекс, первая статья которого запрещала критику действий „короны". Выход боевого представителя финансового капитала, Кальво Сотело, из состава директории свидетельствовал о решении финансовой олигархии предоставить диктатора ясно обозначившейся близкой гибели. В то время как король спешил завязать связи с противниками диктатора, последний решил отказаться от уродливого проекта фашистской конституции, изъявлял готовность отказаться от власти и, в виду двойственности поведения Альфонса XIII, обратился 26 янв. 1930 г. к начальникам военных округов (а не к королю) с запросом, считают ли они желательным сохранение за ним диктаторской власти. 28 янв. король вызвал его и положил перед ним прошение об отставке.

Примо де Ривера немедленно выехал в Париж, где умер 16 марта. Во главе директории король поставил ген. Беренгера; против этого чисто дворцового правительства были не только противники диктатуры, но и немногие верные сторонники Примо де Ривера.

Это было предпоследнее правительство монархии: правительство Беренгера оставалось у власти до 15 февр. 1931 г. Значение его понятно в свете того факта, что правительство Примо де Ривера рухнуло под обломками системы „экономического национализма", проводившейся диктатурой в последние годы ее существования (в 1927 и 1928 гг.), когда директория Примо де Ривера пыталась сохранить свою власть, демагогически опираясь на „национальные" интересы испанского капитализма, и этим восстановила против себя иностранные банки и тресты. Подняла голову и помещичья реакция, мобилизованная в рамках общего кризиса кризисом сельскохозяйственным. В этом отношении показательны след. цифровые данные. Принимая за 100 сбор пшеницы в 1901 г., сбор ее в 1928 г. определился в 90; население страны увеличилось за это время с 21 до 23 млн.; нехватка хлеба в 1928 г. (до урожая 1929 г.) определялась минимально в 10 млн. квинталов; правительство вынуждено было разрешить ввоз иностранной пшеницы. В 1929 г. урожай был очень высоким (38 млн. квинталов против 26,4 млн. квинталов в 1928 г.); по прежней практике ввоз пшеницы должен бы быть немедленно воспрещен, но диктатура допустила дальнейший ввоз ее, в полном противоречии с интересами производителей и со своей программой экономического национализма, но к вящему удовлетворению аппетитов импортерских фирм и мукомолов средиземноморского побережья. Невозможность сбыть кастильский урожай 1929 г. подорвала позицию директории в Кастилии. Андалузия всегда была очагом революционных движений; тем сильнее были монархические чувства андалузских помещиков — производителей по преимуществу оливкового масла. Но и с этим продуктом создалось, под влиянием кризиса, катастрофическое положение: в 1929 г. экспорт его не превысил 460.000 квинталов, тогда как средний годичный вывоз его равнялся в предшествующие годы миллиону квинталов, и уже в эти годы (с 1925 г.) накопился избыточный запас его в 4 млн. квинталов. Январское восстание 1928 г., во главе которого стал Санчес Герра, было инспирировано, главным образом, андалузскими латифундистами, политическим представителем которых и был этот родовитый помещик-„революционер". Вывоз вин сократился в 1929 г. по сравнению с 1928 г. (с 1925 г. он непрерывно увеличивался) на 50%. 29 декабря 1929 г. во Франции (главном рынке испанских вин, получавшем свыше 70% испанского экспорта) был издан закон, ограничивавший ввоз испанских вин (на 1930 г. 16,5 млн. гктл., вместо средней нормы 23 млн.); естественно, испанские виноделы усмотрели в этом вину директории, и среди виноделов Кастилии и Каталонии поднялись оппозиционные настроения; в Каталонии резко усилилось влияние национальной каталонской республиканской оппозиции. Гектолитр вина в среднем стоил в 1927 г. 58 песет, в 1928 г.—51, в 1929 г.—51, в 1930 г.—46 песет. 9/10 сбора апельсинов в И. (Валенсия) вывозится за границу, главным образом в Англию; в ноябре 1929 г. за ящик там платили еще 16 шилл., в январе 1930 г.—9 шилл. Средняя месячная выработка металла начала падать с середины 1930 г.: в начале года она составляла 450.000 *m*, во второй половине года — 365.000 *m*, в январе 1931 г.—350.000 *m*. Продукция свинца в 1926 г. составляла 147.392 *m*, в 1929 г.—133.261 *m*, в 1930 г.—122.308 *m*; цены за тонну: в 1926 г.—28,9 фунт стерл. (100%), в 1929 г.—21,4 фунт. стерл. (73%), в 1930 г.—192 фунт. стерл. (52%). Продукция цинка в 1926 г. составляла 16.064 *m*, в 1929 г.—11.825 *m*, в 1930 г.—10.696 *m*; цены за тонну: в 1926 г.—32,9 фунт. стерл., в 1929 г.—20 фунт стерл. (60%), в 1930 г.—15,2 фунт. стерл. (41%). Уже в начале кризиса в И. насчитывалось 45% безработных к общему числу рабочих в текстильной промышленности, 40% — в

строительной, 40%—в горной, 30% — в металлургической.

Рабочий класс за годы диктатуры и сотрудничества с нею соц.-демократ. лидеров потерял от 10 до 20% заработной платы, при удлинении зачастую рабочего дня и при интенсификации труда (капиталистическая потогонная „рационализация"). Последние заговоры против Примо де Ривера организовались с исключением участия в них в какой бы то ни было степени рабочих. Между тем, уже с конца 1929 г. экономические стачки множатся; к лету 1930 г. экономические забастовки перерастают в политические стачки: такова всеобщая стачка в Севилье в июне 1930 г. В сентябре 1930 г. рабочее движение в Галисии вовлекает в совместное выступление против директории Беренгера крестьянство в провинциях Луго, Оренсе и Корунья. Непосредственно вслед за этим разразилась стачка 36.000 строительных рабочих в Барселоне. В начале октября 1930 г.— всеобщая революционная стачка со штурмом оружейных лавок в Бильбао и с успешной борьбой против полиции. Далее — Малага, Витория, в ноябре 1930 г. всеобщие стачки в Мадриде и Барселоне, Валенсии и Кадиксе. Наконец, в декабре 1930 г. забастовочное движение одновременно охватывает весь промышленный пролетариат И.

В 1929 г. было 100 слишком забастовок с 150—200 тыс. участников; в 1930 г.—527 забастовок и около миллиона участников, всеобщие стачки в 60 городах, в некоторых из них по 3 и 4 раза (Барселона, Севилья, Бильбао, Малага); в декабре 1930 г., в течение 4-х дней, всеобщая забастовка не менее, чем в 35 городах.

Беренгер смягчил, но не отменил цензуру; сократил расходы на общественные работы, увеличив безработицу; в государственном аппарате, под давлением короля, продолжавшего искать сближения с „касиками" (главами) старых политических клик, допустил увольнение сторонников диктатуры, „риверистов", и замену их агентурой прежних касиков. Т. о. восстанавливалось господство старой олигархии, в то время, как она выступала оппозицией правительству. Республиканские организации начали контингентироваться лишь в последние дни директории; между республиканцами и монархистами — противниками директории — граница была неощутима. Только социалистическая партия располагала легальным партийным аппаратом, 200 местными организациями, 17 газетами и 250.000 членами в своих профсоюзах („Унион Хенераль"). Этим объясняется то, что политические деятели, поставившие себе задачей овладеть властью для спасенья буржуазного строя ценой республиканского переворота, привлекли к соглашению и подготовке коалиционного временного правительства не только левую каталонскую республиканскую партию (мелкая буржуазия, лидер Масия), но и социалистическую партию. Соглашение было заключено в Сен-Себастиане, в августе 1930 г. Как раз в это время на смотру королем морских сил в Сантандере у 7.000 моряков было отобрано оружие из опасения вооруженного их выступления. В Сан-Себастианском пакте приняли участие: социалисты, левая каталонская партия, б. монархические деятели, решившиеся возглавить республику для сохранения за ней „консервативного" значения, как-то—б. министр Алкала Замора (андалузский помещик, ревностный католик) и сын вождя консервативной партии Мавра, „прославившегося" инквизиционным убийством Феррера в 1909 г.; наконец, А. Лерус— глава „радикальной" или „исторически-республиканской" партии. Эта „радикальная" партия представляла сколок с либеральной и консервативной клик и отличалась от них только республиканской демагогией и принципиальной беззастенчивостью своего вождя и его последователей. Прочие участники пакта настолько не доверяли ни политической, ни личной добросовестности Леруса в этой сделке, что сговаривались за его спиной и долго колебались раньше, чем включить его в блок. Пакт представлял соглашение о ликвидации монархии, составе временного правительства, учредительном собрании, автономии Каталонии,

отделении церкви от государства, законодательстве об охране труда и аграрной реформе.

В молодой испанской компартии руководящая роль принадлежала группе (Адаме, Трилья, Вега и Бульехос), исключенной в 1932 г. из партии. Эта группа действовала анархо-сектантски, дезорганизовала партию и дезориентировала ее, будучи помесью анархо-синдикализма, троцкизма и других видов политического авантюризма и провокаторства. В 1928 г. и в 1929 г. она заявляла, что диктатура Примо де Ривера „усилилась и укрепилась на долгий период", и потому компартия должна уйти как можно глубже „в подполье и заняться исключительно сохранением своих кадров" и выжиданием „более благоприятных условий", тогда как Коминтерн дал противоположную оценку положения и противоположные выводы, полностью оправдавшиеся последующими событиями. Эта троцкистско-фашистская агентура добилась того, что к моменту республиканского переворота испанская компартия насчитывала менее тысячи членов. Тем, что соц. партия была скомпрометирована в среде революционных рабочих сотрудничеством с директорией, воспользовались анархо-синдикалисты, организация которых (Вс. конф. тр.) была под запрещением в годы диктатуры.

Первыми мерами Беренгера была ликвидация „Национального Собрания", смена губернаторов и восстановление упраздненного Прима де Риверой министерства иностранных дел. Беренгер проектировал назначение выборов в кортесы, но в королевской камарилье старые политиканы и генералы директории не могли притти к соглашению о возможности и способе возвращения к „нормальному порядку". Сен-Себастианский „комитет" — в то время как в стране подымалась революционная буря,—подыскивал для возглавления временного правительства „авторитетного" деятеля. Санчес Герра отклонил сделанное ему предложение. Обратились к финансисту-биржевику Альбе, отсиживавшемуся в Париже. Но одновременно к нему же лично обратился и Альфонс XIII, приехавший для этого в Париж; составился проект правительства с Альбой во главе при участии каталонцев Карнера и Ольвера, баска Эчеварриета (промышленник, близкий к социалистическому лидеру Индалесио Прието), Леруса и правого социалиста Фернандо де лос Риос. Повидимому, выражавшееся рабочими недоверие к блоку социалистов с буржуазией (всеобщие стачки в Бильбао и Севилье) заставило социалистических лидеров и республиканцев воздержаться от вхождения в правительство монархии. Отказ Альбы (ныне лерусист, участник „единого" фашистского фронта) от возглавления временного правительства заставил „комитет" удовлетвориться кандидатурой Алкала Заморы, который на 20-тысячном митинге в Валенсии 14 апреля 1931 г. впервые объявил себя республиканцем. В начале ноября 1930 г. расстрел рабочих в Альгоданалесе (Андалузия) вызвал негодование рабочих всей страны. 12 ноября 1930 г. произошел обвал новостройки в Мадриде; на 14.XI 1930 г. назначены были похороны жертв обвала. 13.XI 1930 г. был распубликован декрет о назначении на март выборов в кортесы. На следующий день траурная демонстрация была порублена и обстреляна жандармами (за нарушение маршрута) — 5 убитых на месте и свыше 100 раненых. 15.XI 1930 г. рабочие Мадрида начали 48-часовую стачку протеста; большинство газет было конфисковано; произведены массовые аресты; на улицах патрулировала жандармерия; войска были частью заперты, частью наготове в казармах. В Барселоне и Севилье стачки солидарности сопровождались баррикадными боями. По словам участника событий, офицера, „рабочие не доверяли сен-себастианскому комитету... Его считали слишком нереволюционным. В уверенность переходило подозрение, что он не даст сигнал к революции до тех пор, пока революция не заставит его сделать это". Рабочие требовали оружия (свидетельство того же офицера), но ниоткуда его не получали. Либеральные публицисты уже писали в газетах: „Delenda est monarquia!" Салонный философ Ортега-

и-Гассет наделал шуму статьей, заключавшейся словами: „Испанцы, испанцы, ваше государство больше не существует!" 12 декабря 1930 г. два подлинные революционера, офицеры Галан и Эрнандес, подняли восстание гарнизона в Хака (Сев. Арагон, близ Пиренеев).

С „революционным" (сен-себастианским) комитетом была установлена эта дата для начала восстания, но комитет решил отсрочить выступление. Восстание небольшого хакского гарнизона, выступившего в боевом порядке в поход к ближайшему месту расположения более значительных военных сил, не было ниоткуда поддержано. Революционный отряд был окружен и разбит превосходными правительственными силами; 14.XII 1930 г. Галан и Эрнандес были расстреляны. Весть об этом подняла авиационную часть на аэродроме Куатро Виентос, расположенном близ Мадрида; аэропланы засыпали столицу прокламациями, призывавшими население к восстанию. Позиция псевдо-революционного комитета (он стал называться „революционным" после переворота) определялась позицией соц. партии. Руководство этой партии проявило свое участие в революции в этой фазе „сдерживанием нетерпеливых масс", „благоразумием и осторожностью"... Центральный орган партии заявил через 10 дней (25.XII 1930 г.): „Если консерваторы хотят ликвидировать угрозу революции, то они должны уничтожить быстро и радикально причины, порождающие зло, т.-е. вернуть стране ее суверенитет, ее политическое право и ее свободу". Аэродром Куатро Виентос был занят войсками и полицией, авиационные части разоружены и распущены (с запрещением авиационной формы одежды), жандармы получили пулеметы. Социалистам удалось тем временем через свои профсоюзы удержать мадридских рабочих от забастовки, тогда как в 35 городах, где рабочие вырвались из-под подчинения социалистам, генеральные стачки были ответом на расстрел Галана и Эрнандеса.

Беренгер назначил выборы в кортесы на 1 марта 1931 г., но столпы монархии (Романонес. Алхусемас и Камбо) решили, что им придется действовать по рецепту „Эль Сосиалиста", т.-е. участвовать в выборах, выкинуть лозунг „учредительного собрания" для того, чтобы блокироваться этим путем для спасения монархии с социалистами и республиканцами. 15 февр. Беренгер подал в отставку, т. к. король одобрил тактику Романонеса—Алхусемаса—Камбо, стоявших за отсрочку выборов. Адм. Аснар стал во главе нового и последнего правительства монархии и вступил через Санчес Герра и др. в переговоры с посаженным в декабрьские дни в тюрьму Алкала Замора об условиях вступления в правительство республиканских лидеров псевдо-„революционного комитета". Лидеры эти отвечали, что они должны оставаться резервом для спасения „порядка", т.-е. для борьбы с революцией, на более чем вероятный случай крушения монархии, а потому должны сохранить ореол „мучеников революции" и непримиримых республиканцев, который поможет им взять власть в свои руки и предотвратить с самого начала „эксцессы революции", в частности — обеспечить безопасность королю и его семье. В правительство вошли граф Романонес, маркиз Алхусемас, ла Сиерва, Бугальял,—либералы и консерваторы; консерватор Санчес Герра, реформист М. Альварес и др. „популярные" деятели были также оставлены в резерве для учредительного собрания. В течение декабря 1930 г. Альфонс XIII закончил уже перевод „своих" капиталов за границу, методически вынувши все денежные вложения в испанскую монархию—свои и частично своих друзей. К пасхе (в апреле 1931 г.) он вернулся из последней поездки в Англию, где договаривался о своем пребывании в этой стране во время революции. Несмотря на благополучно прошедшие пасхальные торжества, папская курия, основываясь на своей информации, считала в это время переворот неизбежным. 12 апреля состоялись муниципальные выборы, назначенные для предварительной проверки настроения в стране до выборов в

кортесы. Выборы эти по окончательным результатам дали монархистам 22.150 мест в муниципальных советах, республиканцам—только 5.875. Но во всех крупных и средних городах И. (за исключением только двух: Кадикса и Бургоса) монархические партии потерпели полное поражение. Впоследствии монархисты утверждали, что король принял решение покинуть И., узнав лишь о результатах выборов в крупных городах. Глава правительства, адм. Аснар, заявил через прессу, что „страна стала республиканской".

Военный министр разослал командующим войсками военных округов циркуляр следующего содержания: „Муниципальные выборы дали результат, о котором ваше пр-ство может судить по тому, что произошло в подчиненном вам округе. Баллотировка обнаружила провал монархических кандидатур в Мадриде, Барселоне, Валенсии и остальных главных городских центрах. Выборы проиграны. Это создает в высшей степени рискованное положение... В этот критический момент ваше пр-ство признáет абсолютную необходимость величайшего благоразумия, устремления всех мыслей к обеспечению высших интересов нации, защита которых всегда составляет задачу армии. Ваше пр-ство должны оставаться в тесном контакте с подчиненными вам гарнизонами, внушая всем полное доверие к высшему командованию, охранять какой бы то ни было ценой дисциплину, быть наготове оказать помощь, необходимую для поддержания закона и порядка. Это будет гарантией того, что Испания пройдет без глубоких потрясений по пути, предуказанному верховной волей нации". Комментируя этот циркуляр (официозное объяснение которому дано было в заявлении, что военный министр будто бы разослал его без ведома остальных министров), „Таймс" заметил, что „республиканский комитет не мог бы средактировать иначе свое собственное обращение к командующим войсками"! Этот результат муниципальных выборов был предлогом для составления от имени короля обращения „к народу" с извещением, что король, в виду обнаруженного „временного" настроения страны, покидает ее, во избежание угрожащих в этот момент резких столкновений между сторонниками и противниками монархии. Правительство и „республиканский комитет" избрали маршрут и время отъезда короля и его семьи. Сам Альфонс XIII выехал с королевскими почестями на надежном военном корабле из Картахены в Марсель. Народные демонстрации в Мадриде, опередившие отъезд королевской семьи, были отвлечены „республиканским комитетом" таким образом, что он имел возможность оповестить население об отъезде короля как о совершившемся факте. Единственной политической партией, в парламентском смысле этого слова, являлась в республиканском блоке соц. партия. Как говорил центральный ее орган (18. II 1931 г.), „масса населения была против сохранения монархии, но не имела доверия к республиканским партиям. И за помощью обратились к нам именно для того, чтобы завоевать доверие колеблющихся элементов". „14 апреля (поáснял „Эль Социалиста" 23. IV 1931 г.) власть валялась на уличной мостовой: кто угодно мог подобрать ее. Непревзойденным мастерством было со стороны республиканцев и социалистов то, что они создали орган, способный канализировать революцию и быстро организовать правительство, представлявшее гарантию для всех интересов страны. Без наличности этого органа, созданного республиканцами и социалистами, — чем стало бы правительство? В чьи руки попало бы оно в этот момент? В каком положении оказалась бы Испания? Одна мысль об этом заставляет глубоко содрогнуться, потому что, без сомнения, мы подпали бы под власть экстремистской тирании. Но так как нам удалось спасти Испанию тогда от этой грозной опасности, то сосредоточимся на предотвращении ее и в будущем". Таким образом, отъезд короля без отречения и „организованная" передача власти Романонесом временному правительству были тщательно подготовлены с таким расчетом, чтобы они совершились заблагов-

ременно, до революционного взрыва, с полным обеспечением интересов Бурбонов, сохранением дисциплины военно-полицейских сил и порядка в „опасный" момент смены власти.

„Республиканский комитет" превратился во временное правительство следующего состава: премьер—Н. Алкала Замора (группа прогрессистов), мин. вн. дел — Мигуэль Маура (объявивший себя „консерватором-республиканцем", составивший в дальнейшем „партию" правых республиканцев и вошедший вместе с нею в фашистский фронт на выборах в кортесы в феврале 1936 года), воен. мин. — М. Асанья (группа „республиканского действия"), морск. мин. — Касарес Кирога (республиканск. группа галисийских автономистов), мин. ин. дел—А. Лерус (в 1936 г. вошедший в фашистский избирательный блок вместе со своей „радикальной", или „исторической республиканской" партией), мин. труда—Ларго Кабальеро (соц. партия, позднее лидер левого течения в соц. партии), мин. почт—Мартинес Барриос (лерусист, образовавший самостоятельную партию после перехода Леруса в антиреспубликанский лагерь), мин. юст.—Ф. де лос Риос (соц. партия, один из лидеров правого течения, открыто выступавший в дальнейшем против допущения к власти „недостаточно культурного" рабочего класса), мин. фин. — Индалесио Прието (соц. партия, в эмиграции после астурийского восстания), мин. экономии — Н. д'Ольвер (каталонский автономист-республиканец). Главная задача временного правительства заключалась в том, чтобы на основе сен-себастианского пакта о „сохранении порядка" „закончить" революцию, при содействии соц. партии, посредством оставшегося в полной неприкосновенности военно-полицейского аппарата монархии. Во главе гражданской гвардии (жандармерии) оставлен был ген. Санхурхо, марокканский „герой", которому была сделана реклама путем оглашения его заявления 12 апреля 1931 г. о ненадежности монархических чувств жандармерии! Укрепляя правительственный аппарат контрреволюции, социалистическое руководство через своих министров увеличивало штаты полиции и жандармерии, подавляло революционное движение рабочих солдат и крестьян контрреволюционной реформистской агитацией и военно-полицейскими репрессиями. Центральный орган партии противопоставлял организованный „сознательный" рабочий класс, сознающий свою политическую и культурную незрелость, берущий поэтому на себя миссию защищать против „анархии" буржуазно-республиканскую власть, — „массам, образующим чернь" („Эль Социалиста", 25.V 1932 г.) и поддающимся призывам коммунистов и анархо-синдикалистов („Эль Социалиста", 12.VI 1932 г.).

К моменту падения монархии 14 апр. 1931 г. соц. партия пользовалась доверием значительного большинства пролетариата, крестьянских масс, ремесленников, служащих и учащихся. Перед трудящимися И. стал вопрос о власти. Они стремились к полному уничтожению всех тех элементов, которые служили опорой монархии и диктатуры Примо де Ривера, к разрушению полу-феодального и реакционного гос. аппарата, к уничтожению экономических и политических позиций церкви. В частности, крестьянство и сельско-хоз. рабочие надеялись, что им помогут овладеть землей крупных помещиков и церкви. Разрешить эти революционные задачи можно было путем создания революционного блока рабочего класса и крестьянства с целью завоевания власти. Но соц. партия избрала путь реформистский, путь сотрудничества и блока с буржуазными партиями. В сотрудничестве с этими буржуазными партиями соц. партия преградила путь революционному подъему и революционной борьбе масс вместо того, чтобы направить ее на завоевание власти (письмо центр. комитетов компартий И., Франции и Италии к рабочим И., май 1935 г.). Что касается вождей анархо-синдикалистов, то они „спекулировали на реформизме правых социалистических вождей" только для того, чтобы „отвлечь трудящихся от политической борьбы и тем самым разоружить их в

бою с реакционными классами" (там же). К этому следует добавить, что социалисты, в виду „недостаточной политической организованности республиканской буржуазии", объявили во-всеуслышание, что задача рабочего класса—содействовать консолидации буржуазных партий; и действительно, они выпестовали фашистские партии, которые и освободились затем от сотрудничества с социалистической партией. Анархисты же, отрезывая рабочих от политической классовой борьбы, заключали темные сделки с худшими из буржуазных политиканов,— в частности, со специалистом по этой части—Лерусом.

В Каталонии влияние соц. партии было сравнительно ничтожно. Анархосиндикалистские вожди служили недостаточной гарантией против революции, так как мелкая буржуазия городов и крестьянства была крепко организована „Эскеррой" (т.-е. „левой", автономистской республиканской партией). Поэтому сен-себастианский блок, учитывая невозможность сохранить кастильскую администрацию в Каталонии, решил предотвратить дальнейшее развитие революции в Каталонии путем немедленной организации в ней нового автономного государственного аппарата при помощи „Эскерры", сохраняя, однако же, возможность введения в Каталонию военных сил центрального правительства. Такой же смысл имело привлечение к участию в правительстве галисийских автономистов. В Бискайе социалистическая партия считалась достаточно сильной для того, чтобы можно было обойтись без содействия бискайских националистов. Поэтому коалиционное правительство вопрос об автономии басков просто обходило молчанием до конца своего существования.

1931 год в И. был годом максимального обострения кризиса. Песета, котировавшаяся накануне установления республики по 9 за 1 доллар, упала до $^1/_{13}$ доллара. Биржевые ценности потеряли в цене 5—6 миллиардов песет. Дефицит государственного бюджета равнялся 600 миллионам. Пассивное сальдо внешней торговли—204 миллиона зол. песет. Статистика банкротств отметила для одной Барселоны 41.028 опротестованных векселей с 1-го апреля до 31 декабря 1931 г. (за те же месяцы в 1930 г.—26.307). Вывоз железной руды в 1931 г. равнялся 800.000 *m* вместо 1.300.000 *m* в 1930 г. В горно-промышленной Бискайе предприятия увольняли рабочих тысячами; в Альтос Орнос из 5 домен 3 были потушены, 2.300 рабочих уволено.

Тем не менее, с 14 апреля до 15 мая 1931 г. в И. наблюдалась полная остановка политической и экономической борьбы рабочих; в этот месяц имела место одна экономическая забастовка рыбаков. Но уже во второй половине мая (после майского разгрома монастырей и церквей) было 17 забастовок, в июне—37, в первой половине июля—68. В этом месяце было 6 всеобщих стачек в отдельных городах и 1—во всеиспанском масштабе; политические требования бастующих были: требование отставки министра внутренних дел М. Маура, роспуска гражданской гвардии (жандармерии), протесты против политического террора. Севильская революционная стачка 20 июля 1931 г. вызвала применение артиллерийских сил правительства; крупнейшей в этом году была всеобщая стачка (300.000 участников) в Барселоне 4 сентября. Оба эти выступления были обречены на разгром, так как руководство ими было в руках анархосиндикалистов. За октябрь и ноябрь—100 забастовок, из них 8 генеральных политических. 40% их падает уже на сельско-хоз. рабочих, главным образом Андалузии и Валенсии. В декабре—60 забастовок (из них 10 политических), в том числе забастовка 80.000 сельско-хоз. рабочих в провинции Бадахос, вызвавшая массовую командировку на место борьбы соц. профсоюзных чиновников и социал. депутатов (для борьбы с этим движением).

Между тем, 28 июня 1931 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, давшие социалистам 114 депутатских мест, блоку буржуазно-республиканских партий—173 места, „правым" (монархистам)—39 мест, „ради-

кал-социалистам" (глава—мин. народного образования М. Доминго)—56 мест (партия эта впоследствии растаяла). Изнутри буржуазно-республиканский блок взрывался единственно организованной партией Леруса, впитывавшей в себя все карьеристские, авантюристические и старокасикистские элементы монархической партии. Насколько быстро организовалась реакция видно из того, что осенью на дополнительных выборах в Мадриде избран был фашист Примо де Ривера—сын. В октябре, при обсуждении §§ 24 и 26 конституции (отделение церкви от государства и изгнание иезуитов) из правительства вышли Алкала Замора и М. Маура. Этот протест против „утеснения" церкви сделал Замору бесспорным кандидатом в президенты республики. Во главе правительства 15 дек. 1931 г. стал М. Асанья, против которого немедленно начал борьбу за власть Лерус. В декабре конституция была готова—вместе с драконовским законом о защите республики, дававшим право министру внутренних дел и губернаторам закрывать газеты, политические и профсоюзные центры и клубы; бессрочно арестовывать, высылать и ссылать; запрещать всякие публичные собрания; налагать штрафы до 10 тысяч песет и т. д. Закон этот составил часть конституции, которой он вопиющим образом противоречил, т. к. сводил на-нет все обеспеченные ею гражданские свободы. По общему характеру своему, конституция Испанской республики—буржуазно-демократическая, парламентарная конституция, на базе однопалатной системы, с „социалистическим" ярлыком: „Республика трудящихся всех классов". При голосовании конституции в целом воздержалось около 100 депутатов-монархистов и „республиканских" защитников церкви и духовенства. Страна получила, таким образом, бумажную конституцию, правительство с „чрезвычайными", отменяющими конституцию, полномочиями, неприкосновенный военно-полицейский аппарат полуфеодальной монархии („реформа" армии свелась к тому, что положение подлинно-республиканских офицеров оказалось в ней труднее, чем офицеров-монархистов, солдаты же и сержанты остались в прежнем бесправном положении), значительно усиленную вооруженную охрану помещичьих владений, буржуазной собственности и „порядка", расширенную до крайности саботажем помещиков и буржуазии безработицу, голод, прочно-укрепившуюся и сорганизовавшуюся контр-революцию, при полном сохранении в стране старого касикистского режима, т.-е. господства на местах старорежимных кулаков всех степеней и рангов, перекрасившихся в республиканские цвета и угнетавших население с особенной энергией под флагом „охраны республики" и борьбы против „экстремистов".

1932 год начался кровопролитным подавлением движения в провинции Бадахос. Командующий жандармерией Санхурхо пригрозил правительству Асаньи, что если оно не „восстановит порядка" в стране, то он, Санхурхо, займется этим делом сам, и в ответ на это получил расширение полномочий для жандармского корпуса. 21 января провинция Барселона была охвачена революционной стачкой. Правительство объявило, что восстание в Барселоне—часть плана анти-республиканской кампании, поддерживаемой монархистами и субсидиями из-за границы. Парламент 289 голосами против 4 выразил Асанье доверие и предоставил ему пустить в ход все средства „защиты республики". В январе бастовало свыше миллиона рабочих; стачки протеста против расстрелов невооруженных рабочих в Арнедо, Кастиль-Бланко и др. местах охватывали почти всю страну (25—26 янв.) при руководящем участии компартии; в районе Льобрегат (Каталония) рабочие восстали с оружием в руках; перед подавляющими силами правительства они отступили с боями в горы. В феврале было 1.200 тысяч бастующих; в середине месяца компартия и синдикалисты призвали рабочих И. ко всеобщей стачке, против которой выступила социалистическая партия со своими профсоюзными центрами. В этой стачке приняли уча-

стие рабочие всех крупных городов (кроме Мадрида).

С 14 апреля 1931 г. по 14 апреля 1932 г. лево-буржуазная газета „Геральдо де Мадрид" насчитала 3.693 стачки, из них 30 — генеральных, 20—политических, принимавших характер вооруженных восстаний; 166 убитых республиканской вооруженной силой рабочих и крестьян, тысяча раненых и тысячи заключенных и сосланных; по заведомо неполным данным, в апреле было 85 крупных стачек (13 всеобщих, 21 сельскохозяйственная), в мае—77 (10 всеобщих, 22 сельскохоз.), в июне—75 (5 всеобщих, 35 сельскохоз.), в августе 48 (6 всеобщих), в последней четверти 1932 г. ежедневно 10—15 новых стачек, больше 500 за ноябрь—декабрь, из них около 100 массовых политических стачек, в том числе стачка 30 тысяч горняков Астурии, объединенные всеобщие стачки городских и сельских рабочих провинций Саламанка, Севилья. Брожение среди жел.-дор. рабочих составило предмет самых острых забот по ликвидации его со стороны руководства соц. партии и ее профсоюзов. Широкий размах крестьянского движения (отказ платить аренду, самочинный сбор урожая на помещичьих землях, захват помещичьих земель и т. д., часто при участии органов сельского самоуправления) с осени 1932 г. совпал с принятием „закона об аграрной реформе". Принятый 15 сентября 1932 г., он имел целью облегчить борьбу с революционным аграрным движением двумя способами: 1) создать видимость удовлетворения законными путями земельного голода испанского безземельного и малоземельного сельского пролетариата и 2) способствовать образованию кулацкого слоя „крепких" крестьянских хозяйств. Вместе с тем имелось в виду создать для помещиков „легальный" выход из того положения, в которое их ставил рост аграрного революционного движения, т.-е. обеспечить их интересы настолько, чтобы примирить с республиканско-реформистским законодательством. В соответствии с этими целями в основу аграрной реформы положен был принцип выкупных платежей; район действия ее ограничен был латифундистской южной и частью западной И. (т.-е., главным образом, Андалузией, а всего—14 провинциями), составляющей $^1/_3$ страны по пространству и по населению, охваченной огнем крестьянских восстаний и разгромов помещичьих имений. В остальных $^2/_3$ страны отчуждению (за выкуп) подлежали лишь наследственные сеньериальные земли и крупные участки (свыше 400 *га*), сдававшиеся в аренду более 12 лет кряду. Установлена следующая очередность отчуждения земель: 1) добровольно отчуждаемые земли, 2) „земли, обремененные повинностями", 3) земли, принадлежащие государству и составляющие муниципальную собственность, 4) земли, принадлежащие корпорациям и учреждениям, сдаваемые ими в аренду, 5) земли, приобретенные с явно спекулятивными целями, и, лишь на шестом месте,—наследственные сеньериальные земли. Далее, на седьмом месте следуют удобные для обработки, но необрабатываемые земли, 8) земли не орошенные, несмотря на явную возможность и выгоду их орошения... На 11-м месте—земли, принадлежащие одному лицу и превышающие площадью $^1/_6$ часть муниципального округа, а по доходу—20% доходов округа; на 12-м месте—земли, находящиеся свыше 12 лет в аренде, и т. д. Максимальные размеры имений, не подлежащих отчуждению, высоки и не находятся ни в какой связи с их доходностью: для плодосеменных хозяйств—до 600 *га*, для оливковых рощ—до 300 *га*, виноградников—150 *га*, фруктовых садов—до 200 *га*, пастбищных земель—до 750 *га*, и т. д. К тому же максимумы эти повышаются до 33% для имений, эксплоатируемых непосредственно самими владельцами. Наконец, максимум определяется в пределах одного муниципального округа, так что помещик может владеть любой площадью, если она разбросана по нескольким округам (исключение сделано только для грандов, т.-е. титулованных феодалов, уличенных в соучастии в монархическом мятеже генерала Санхурхо). Размер выкупа за

землю определяется капитализацией дохода (определяемого по налоговой декларации) из расчета от 5 до 20%. Выкупные платежи уплачиваются наличными деньгами (до 1/5 всей суммы) и 5%-ными ценными бумагами, с правом реализации в течение года не свыше десятой доли всего полученного количества их.

Темпы проведения реформы были определены 50-миллионной дотацией осуществляющему ее Институту аграрной реформы (смешанного состава, с представительством помещиков, других земельных собственников, арендаторов и сел.-хоз. рабочих, при руководящем положении чиновников-„юристов" и „экспертов") с его 500 человек штата. Имелось в виду ежегодно „землеустраивать" от 8 до 10 тысяч хозяйств, при 2 миллионах безземельных сел.-хоз. батраков и $1^1/_2$—2 миллионах малоземельных крестьян.

Крестьянское движение вынудило правительство не только к карательным экспедициям во всей стране, но и к демагогической „экспроприации" титулованного поместного дворянства после того, как оно оказало поддержку попытке Санхурхо произвести военный переворот. В течение одного дня 20 января 1933 г. в провинции Касерес рабочие и крестьяне захватили 32 помещичьих имения с усадьбами. С другой стороны, в Андалузии начались поджоги помещиков-латифундистов, так что экспроприация для них представила такой же выход из положения, как отъезд короля для монархии; после падения коалиционного правительства эта конфискация (принята палатой 18 августа 1932 г.) была немедленно отменена. С конца мая 1932 г. в связи с обсуждением каталонского статута (утвержден, так же как и аграрная „реформа", в начале сентября, после ликвидации путча Санхурхо; каталонский парламент—на $^3/_4$ из левых каталонистов—открылся 6.XII 1932 г.) началась мобилизация „патриотического" движения против коалиционного правительства, „подготовка санхурхиады" при закулисном, но ставшим широко известным участии в ней Леруса. 10-го августа 1932 г. Санхурхо начал восстание во главе с жандармами и монархическим офицерством в Мадриде и в Севилье в Мадриде переворот не удался в Севилье же власть перешла в руки Санхурхо. Однако, выступления рабочих и крестьян по всей Андалузии против военной диктатуры заставили „диктатора" бежать в автомобиле к границе; в пути он и его адъютанты сдались дорожному сторожу. 25 августа суд приговорил Санхурхо к смерти (президент помиловал его); после падения коалиционного правительства он с триумфом, как „национальный герой", был освобожден правительством Леруса и являлся кандидатом фашистско-клерикальной реакции на место Алкала Замора. 140 дворян были сосланы за участие в путче в Африку, оттуда частью бежали тотчас в Португалию, а остальные через 6 месяцев вернулись в И.

Во внешней политике коалиционное правительство (в котором портфель министра иностр. дел с переходом Леруса в оппозицию отдан был Л. Зулуета) стремилось к сближению с Францией. 31 октября—2 ноября 1932 г французский министр-президент Эррио посетил Мадрид. Английская официальная пресса недвусмысленно выступала против коалиционного правительства, солидаризируясь с „умеренной" реакцией. В отношении СССР социалисты держались единым фронтом с клерикальной реакцией, несмотря на громкие требования со стороны социалистических рабочих установления дипломатических отношений с СССР. Только тогда, когда дни коалиционного правительства были сочтены, т.-е. когда социалистов „выгоняли" (по их собственному определению) вместе с Асаньей из правительства,—испанский министр иностр. дел обменялся с НКИД СССР письмами о взаимном признании и установлении нормальных дипломатических отношений. После падения коалиционного правительства в 1933 г. осуществление этого акта—обмен дипломатическими представителями—отпало и состоялось лишь осенью 1936 г.

1933 год начался анархическим и по происхождению, и по своей неорганизованности восстанием 8—12 января рабочих во многих городах; лишь в

Сарагоссе заметна была предварительная подготовка, в результате чего уличные бои в этом городе приняли чрезвычайно упорный и затяжной характер. Как и всегда, анархисты своими призывами к восстанию дали временный выход революционной энергии и возмущению рабочих; однако, начатая ими борьба была беспредметной, бесплановой и бесцельной; официальная цифра павших в этом движении рабочих „около сотни". Исключительное значение приобрел зверский бессмысленно-разбойничий расстрел невооруженных арестованных рабочих в Касас Вьехас (провинция Кадикс), которым воспользовались лерусисты и монархисты для того, чтобы открыть демагогическую кампанию против коалиционного правительства. Черносотенная демагогия лицемерно спекулировала на этом преступлении. Таким образом, когда фашистская реакция, опираясь на предопределенную перебежку в ее лагерь лерусистов, начала генеральное наступление против полусоциалистического правительства (считая его полезную роль оплота против революции исчерпанной), то правительство, „боровшееся направо и налево", оказалось висящим в воздухе, без всякой опоры: рабочие, даже и на низах социалистической партии и профсоюзов, с полным равнодушием отнеслись к его судьбе. 23 апреля 1933 г. состоялись муниципальные выборы, в которых впервые приняли участие, в силу новой конституции, женщины (55% избирателей), на которых особенно жадно обрушилась клерикальная пропаганда. Правительственный блок, получивший всего 28% голосов, провел 4.586 кандидатов, фашистский блок (включивший радикалов лерусистов)—11.742,—результаты, гораздо более плачевные, чем апрельские выборы 1931 г. для монархии. В сентябре косвенные выборы в верховную „палату конституционных гарантий" дали первому блоку 5 мест, второму 10 мест, в том числе 6 мест получили монархисты. Верхом издевательства над асаньевским правительством было избрание в эту верховную инстанцию законности исключенного из учредительного собрания и посаженного в тюрьму (откуда он бежал, подкупив администрацию) Хуана Марча—главы испанских контрабандистов, взявшего на содержание нескольких лерусистских членов учредительного собрания, газеты, прокуратуру, судей, целые отрасли государственной администрации, о котором министр-каталонец Карнер сказал: „Либо республика победит Марча, либо Марч сожрет республику". Торжествующая реакция увлекла за собой верхи чиновничества, буржуазную интеллигенцию: мадридская адвокатура выбрала в свой руководящий орган лидера фашистского монархизма, б. министра финансов монархии и диктатуры Кальво Сотело, бежавшего с падением монархии за границу от ответственности перед судом. Финансовый капитал, опираясь на триумф реакции нажал на президента, учредительное собрание было распущено, и Асанья передал власть Лерусу. Новые выборы (19 ноября 1933 г.) проведены были фашистским блоком при помощи мобилизации всех сил полиции, церкви, правительственных чиновников—в пользу фашистско-клерикальных партий,—террора и небывалой организации подкупов избирателей. Достаточно напомнить, что министр юстиции лерусистского правительства подал в отставку, обратившись к стране с заявлением, что выборы в первые республиканские кортесы целиком фальсифицированы посредством подкупов, насилий и мошеннических проделок при подаче и подсчете голосов.

Во главе фашистских партий в стране встала партия „Народного действия", подчиненная как неограниченному (в силу полномочий Ватикана и договоренности с бывшим королем) главе Хиль Роблесу, сыну крупного помещика-карлиста, выступавшему на муниципальных выборах 1931 г. в качестве монархиста, а затем снявшему с себя вывеску монархиста, но уклонившемуся от признания республики. Такой рецепт был дан папской курией, предоставившей в распоряжение Хиль Роблеса аппарат церкви и в особенности иезуитского ордена. Партия Роблеса объединила в себе, а затем—в более широкой „конфедерации" испанских автономных партий" (CEDA), по-

мещичью и иезуитскую реакцию, стремящуюся организовать и повести за собой кулацкий слой деревни, и католическую мелкую буржуазию. Эта партия фашистского типа была маневренной армией фашистского наступления феодально-финансово-капиталистической реакции, имевшая задачей разлагать и уничтожать изнутри республиканский режим, внедряясь в парламент, в правительство, в командование армии, в государственный аппарат, в муниципальные органы и т. д. Эта роблесовская „конфедерация" (CEDA) получила 98 парламентских мандатов—больше, чем все республиканские партии, вместе взятые: соц. — 53; левая каталонская („Эскерра") — 23; галисийские автономисты („Орга") — 6, „республиканское действие" (Асанья)—только 5, радикал-социалисты (две фракции)—4, федералисты—1, всего—92. Компартия провела одного депутата.

Тесно сотрудничала с CEDA кулацкая „аграрная" партия, не принявшая жесткой дисциплины CEDA; она получила 51 мандат (лидер М. Веласко). Ударные силы фашистской реакции собирались в погромных „юношеских" организациях роблесовской партии, в чисто фашистских организациях, возглавляемых сыном Примо де Ривера, д-ром Албиньяна и графом Родесна (карлисты), в погромных дружинах,— тоже „юношества", — монархистской альфонсистской партии „Испанского обновления" (37 мандатов, лидер—бывш. королевский министр Гойкоэча). Вместе с CEDA и аграриями блок фашистско-клерикально-монархистских партий получил 217 мандатов.

Лерусистская агентура биржи, банков, спекулятивного капитала, в соединении с политическим авантюризмом и бандитизмом новых алчущих власти, каспков из „нуворишей", получила 100 мандатов; каталонская правая („Региональная лига", лидер Камбо)—26 мест, „консерваторы" (лидер М. Маура)—16, либерал-демократы, т.-е. монархисты-реформисты (лидер М. Альварес, крупный делец-адвокат)—6, прогрессисты (Алкала Замора)—3. Всего эти партии, снекулировавшие своим „центральным" положением, но в действительности составлявшие заболоченную авантюризмом окраину фашистского лагеря, имели 162 мандата (общее число депутатов—472). Таким образом, правительство формально принадлежало „центру при поддержке правых", а на деле—Х. Роблесу через посредство Леруса.

До и после ноябрьских выборов Хиль Роблес отказывался от прямого участия в республиканском правительстве; накапливая силы, используя зигзаги этого правительства, Роблес поставил в порядок дня борьбу за власть лишь летом 1934 года—„для того, чтобы раз навсегда покончить с революцией". „Лерусистские" грехи республиканского правительства—это прикрытие фашистской контрреволюции республиканской вывеской, величайший даже в испанской истории и соединенный со всеми разновидностями обмана цинизм, как система государственного управления, господство взяток, подкупов, фаворитизма, небывалое по темпам и масштабам разграбление при помощи аппарата правительственной власти государственных и общественных средств.

В ноябре 1933 г. заканчивается период нахождения у власти социалистическо-республиканского блока и начинается период господства фашистского блока под вывеской лерусистско-роблесовской коалиции, период развала республиканского режима и правительственного аппарата, ликвидации всего республиканского законодательства, восстановления всех сколько-нибудь ущемленных привилегий помещиков, дворянства, духовенства, банкиров. Ничего не осталось ни от прав рабочих, ни от жалкой „аграрной реформы" („внутренняя колонизация" необработанных земель была начисто ликвидирована); попытки Роблеса склонить фашистский блок к сохранению аграрно-реформистской демагогии для привлечения крестьянских симпатий к блоку разбились о непреклонное, твердолобое сопротивление помещичьей реакции.

К этому времени компартия, избавившись от прежнего авантюристического руководства, насчитывала уже

21.000 членов; влияние ее настолько выросло, что внутри социалистической партии и ее профсоюзов началась борьба против правого руководства; о диктатуре пролетариата громко заговорили левые социалисты (Ларго Кабальеро), идя навстречу созревшей воле низовых организаций и рабочих масс, отвернувшихся от реформистского руководства партией и профсоюзов; группы мауринистов (которые превратились в темную фракцию буржуазно-каталонистского республиканизма) и троцкистов (которые все свои силы направили на борьбу против компартии под фашистскими лозунгами „За дешевое правительство", „Против правительства рабочих и крестьян" и против единого пролетарского фронта) отступили на задворки политического авантюризма. Однако, рост компартии и ее влияния стал особенно заметен лишь „с лета 1934 года", в особенности когда в „рабочий альянс", организованный социалистической партией, компартия вошла с лозунгом преобразования его в рабоче-крестьянский альянс и превращения его в процессе борьбы в советы рабочих и крестьянских депутатов. Поддерживая лозунг „вся власть альянсам", компартия обусловила эту поддержку следующей программой-минимум: конфискация земли помещиков и церкви и бесплатное распределение ее между крестьянами; разоружение всех сил контрреволюции и вооружение рабочих и крестьян; контроль над производством и банками; сорокачасовая рабочая неделя с сохранением зарплаты за 48 часов; социальное страхование, включая страхование от безработицы; борьба против крупных спекулянтов и ростовщиков, конфискация их имущества с обращением его в пособие для безработных; аннулирование долгов крестьян и мелких лавочников банкам; освобождение угнетенных национальностей Каталонии, Вискайи, Галисии и признание независимости Марокко. Влиятельным врагом единого пролетарского фронта оставались анархисты, сохранявшие свои закулисные связи с Лерусом. Основной силой оставались количественно социалисты, имея 50.000 членов партии, 25.000 членов союза соц. молодежи, а главное—от 700 до 900 тысяч членов реформистских профсоюзов.

Тем временем, Каталония, конституировавшаяся в автономную политическую единицу с собственной правительственной организацией, сохраняла буржуазно-демократический республиканский режим, фактически ликвидированный в остальной И. (и, разумеется, в испанской Африке). Уничтожение каталонской автономии составляло тем более настоятельную задачу для фашистской реакции, что при подготовлявшемся ею фашистском перевороте автономная Каталония неизбежно должна была представить чрезвычайную опасность для него в момент гражданской войны. По плану фашистской реакции, который проводился Х. Роблесом в разрез с нетерпеливыми партизанами монархической реставрации, на долю лерусистского правительства должен был выпасть труд разгрома каталонской автономии. Однако, правительство это, даже при резком столкновении между Мадридом и Барселоной по вопросу о проведенной каталонским правительством аграрной реформе (в пользу весьма активных и хорошо организованных арендаторов), упорно уклонялось от навязывавшейся ему задачи. В то же время сотрудничество лерусистской партии с роблесовским блоком монархистов, иезуитов и фашистов всех мастей вызвало брожение и раскол в самой партии Леруса, из которой вышел заместитель Леруса по партийной линии и министр вн. дел в его кабинете, Мартинес Барриос, уведя с собою нескольких министров и всех тех членов партии (и целые организации), которые желали отделить свою судьбу от судьбы Роблеса-Леруса и сохранить республиканскую репутацию. Политическая ситуация осложнялась внешне-политическими проблемами: лерусисты (банки в первую очередь) стремились сохранить французские связи, фашистско-клерикальные симпатии были на стороне итальянской диктатуры, монархисты тяготели к гитлеровской Германии; вокруг торгового договора с Францией и до, и после

его заключения (7.III 1934 г.) шла острая борьба аграрных и промышленных интересов. В острый политический вопрос превратился и торговый договор с Уругваем, где также столкнулись аграрные и промышленные интересы.

Между тем, в стране нарастала новая волна революционного движения вокруг „рабочих альянсов". В Астурии за первые девять месяцев 1934 г. (т.-е. до октября) было 5 всеобщих политических стачек, в Бискайе – 4 всеобщие политические стачки, в Мадриде (с апреля по сентябрь)—4 всеобщие политические стачки. Экономические стачки в связи с наступлением предпринимателей на рабочий класс приняли небывало упорный и затяжной характер: всеобщая стачка в Сарагоссе длилась 40 дней, мадридская стачка металлистов – 3 месяца. В феврале стачка солидарности с австрийским пролетариатом, вступившим в вооруженную борьбу с клерикальным фашизмом, охватила 125 тысяч рабочих, по призыву одной компартии, вопреки социалистам и анархистам. В апреле компартия всеобщей стачкой в Мадриде сорвала фашистский слет в Эскориале, на который прибыло, по призыву Роблеса, 4–5 тысяч человек, вместо ожидавшихся 100.000. Второй фашистский слет 8 сентября 1934 г. вследствие всеобщей (включая жел.-дор.) стачки собрал 500 человек вместо 10.000. Одновременно 200.000 рабочих в Мадриде забастовало в виде протеста против слета каталонских помещиков в Мадриде для организации борьбы против каталонской автономии. В июне 1934 г. всеобщая забастовка сельско-хоз. рабочих охватила $^1/_2$ миллиона участников, приняв во многих местностях характер вооруженного восстания. Анархисты штрейкбрехерствовали; социалисты отказались от предложения компартии поддержать это движение стачкой солидарности в городах.

Обострение политической борьбы в стране и внутрипартийной борьбы делало лерусистское правительство неустойчивой верхушечной комбинацией, державшейся только боязнью командующих кругов бросить вызов революции передачей власти Роблесу; длинный ряд частичных кризисов кабинета, с выходом из него самого Леруса, закончился образованием правительства с лерусистом Сампером во главе; после отказа его ликвидировать автономию Каталонии (см. выше) Роблес сверг его 1 октября 1934 г. вотумом недоверия с тем, чтобы, наконец, войти в состав нового правительства на правах его хозяина.

Вхождение роблесистов в правительство означало решимость Х. Роблеса взять власть целиком в свои руки; для начала им были взяты министерства юстиции (не только для расправы с революционерами, но и с социалистами и с самим Асаньей), земледелия (ликвидация аграрной реформы) и труда (уничтожение республиканских законов о защите труда). 4 октября 1934 г. было образовано это правительство. В тот же день по призыву рабочего альянса началась всеобщая забастовка во всей стране; в Мадриде рабочие пытались прорваться в казармы, в разных частях города произошли столкновения с перестрелками. В Астурии остановились железные дороги; сразу же было объявлено осадное положение. В Бискайе—в Эйбаре—рабочие пытались овладеть складом оружия, в Луганесе рабочие заняли казармы гражданской гвардии (жандармерия). В некоторых местах (напр. Сен-Себастиан) анархо-синдикалисты выступили против всеобщей стачки.

5 октября в Мадриде атакован полицейский участок. В Астурии ряд промышленных городов переходит под власть рабочих альянсов и советов: Мирес, Карбетория, Сама де Лангрео. В Родеста рабочие овладевают пороховыми складами. Главный город, Овиедо, окружают колонны восставших горняков. Правительство отправляет в Астурию две армии: генерала Очоа и генерала Бага с шестью самолетами. Ближайшая к Астурии авиационная база в Леоне парализована брожением в авиационной части. В Бискайе 300 вооруженных железнодорожников пошли на помощь в Овиедо. В Португалете компартия организовала ревком рабочего альянса; жандармы

разоружены; власть в руках рабочих. Каталония: революционные рабочие комитеты берут власть в промышленных центрах — Сабаделе, Рипалоте, Сарданоле, Манресе, Бадалоне, Матаро и др. В Барселоне рабочая демонстрация перед домом каталонского правительства требует оружия и провозглашения Каталонской республики; в Лериде рабочие овладевают радиостанцией. В Сарагоссе и Севилье анархо-синдикалисты (Нац. конфедерация труда) призвали рабочих не участвовать в движении.

6 октября. Почти вся Астурия в руках рабочих; крестьяне поддерживают рабочих. Железнодорожная связь с Астурией прервана. Издан декрет об образовании Красной армии. Каталонское правительство провозгласило каталонскую республику, отпустило находившегося в его руках командующего войсками ген. Батета, дало ему время для решения вопроса, какую позицию ему занять; этим временем он воспользовался для того, чтобы окружить здание правительства и взять его под артиллерийский обстрел. Лишенные оружия рабочие вступают в баррикадную борьбу с войсками (позднее склады оружия были открыты полицией, и оружие было спущено в море). Правительство направляет в Барселону 2 батальона иностранного легиона. Буржуазная милиция каталонского правительства бездействует. В Хероне пехотный полк, высланный против рабочих, переходит на их сторону. В Сен-Себастиане—баррикады. Коммунисты образуют ревком в Рейносе (Сантандер). В Малаге—ревком, с участием коммунистов, социалистов и анархистов.

7 октября. В Мадриде атаки на правительственные здания; продовольственный кризис; улицы заняты войсками; атаки вокзалов; 8 тысяч уволенных монархистов-офицеров мобилизовано правительством; распущен муниципалитет. В Астурии: боевые действия в центре Овиедо, занятом войсками; 8 тысяч рабочих соседней провинции Леон идут на помощь рабочим Астурии, чем пользуется правительство для действий в Леоне, в частности для подчинения авиационной базы. Правительственный крейсер бомбардирует Хихон. В Бискайе 600 горняков Арболедо, выступивших по призыву коммунистов в Бильбао, за 7 верст от города возвращаются обратно социалистами. В Каталонии правительство без сопротивления капитулирует: рабочие атакуют авиационную базу; анархисты выступают против стачки и восстания. В Севилье коммунисты организуют рабочие дружины; железнодорожники возобновляют работу.

8 октября. Железнодорожники от 20 до 38 лет объявлены военнослужащими. Из Марокко в Астурию и Каталонию перебрасывается 24 тысячи солдат. В Мадриде вооруженные столкновения. В Астурии: рабочие овладевают оружейным заводом близ Овиедо. В Хихоне десант морской пехоты, в 700 человек со вновь прибывшего линкора. В Каталонии крестьяне пытаются прорваться в Барселону; восстание пехотного полка в Хероне подавлено. В Мурсии стачка срывается. В Лериде—бунт двух пехотных полков. В Вилла-Робледо—советская власть.

В Эстремадуре — переход войск на сторону рабочих и крестьян. В Леоне бои между войсками и рабочими; то же в провинции Сарагосса. В Альхесирасе начинается всеобщая стачка. В Севилье прекращается подача воды, газа и электричества.

9 октября. В Мадриде набор 4½ тысяч новых полицейских. В Астурии рабочие овладевают артиллерийским заводом в Трубии. В Барселоне сосредоточено 25 тысяч войска; в руках революционеров тайная радио-станция; большинство каталонских городов в руках рабочих; анархо-синдикалистская конфедерация борется за прекращение восстания и стачки. В Линаресе — бой между горняками и войсками; в г. Соберо (провинц. Леон) — рабочая власть. В Гренаде к стачке присоединяются транспортники, строители, металлисты. Город Гранодер, занятый рабочими, окружен войсками. В Севилью направлен по реке контр-миноносец. В провинции Кордоба—бои. Анархисты в Сарагоссе активно срывают движение. В пров. Вальядолид—крестьянские восстания. В пров.

Корунья (Галисия) объявляется всеобщая забастовка.

10. октября. В Мадриде мобилизация членов фашистских организаций; компартия распространяет листовки, призывающие к борьбе. В Астурии рабочие овладевают портом Авилес. Войска ген. Боша с боями продвигаются вперед. Крейсер, прибывший из Барселоны, высаживает десант в 500 человек для наступления на Овиедо. Войска генерала Очоа занимают Градо. Военные эскадрильи бомбардируют Трубию и Овиедо. В Бискайе одни города занимаются рабочими, другие—войсками. В Барселоне центральный орган анархо-синдикалистской конфедерации выходит с злорадным объявлением: „Враги наши разбиты"; забастовка идет на убыль; компартия переходит на нелегальное положение, продолжая революционную борьбу. В Севилью прибывают колониальные войска и эсминец. В пров. Кадикс начинается крестьянское движение. В пров. Кордоба стачка замирает. Железная дорога Мадрид-Сарагосса еще в руках рабочих. Исполком Коминтерна предлагает II Интернационалу единство действий в помощь испанским рабочим.

11 октября. В Мадриде в двух пехотных полках расстреляны члены солдатских комитетов. В Астурии — продвижение войск четырьмя колоннами; 5 воздушных эскадрилий бомбардируют горняцкий район. В Барселоне при помощи штрейкбрехеров военные власти пустили некоторые предприятия. В Кампо пехотная часть переходит на сторону рабочих. В военном порту Ферроль—полная остановка работ. В Саламанке—столкновения рабочих с жандармерией.

12 октября. Сформировано 52 военных трибунала в Мадриде. Войска Очоа подошли на 3 километра к Овиедо. В Севилье и Сарагоссе забастовка убывает. В Каталонии аресты членов муниципалитетов, признавших независимую республику Каталонии.

13 октября. В Мадриде забастовка продолжается. Двухдневная борьба за Овиедо. Горняцкий район весь в руках рабочих. В Бискайе продолжается всеобщая забастовка. В Аликанте захват рабочими казарм жандармерии и оружия. В Малаге забастовка кончилась. Овиедо взят.

14 октября. Районы Мьерес и Трубия еще в руках рабочих.

15 октября. Конец забастовки в Кордобе и в Сантандере.

16 октября. II Интернационал отклоняет предложение Коминтерна о помощи рабочим в И. В Валенсии только еще начинается всеобщая забастовка.

17 октября. Правительственные войска занимают Трубию.

19 октября. Войска оттесняют рабочих из городов Миерес и Сама де Лонгрео в горы, где начинается долгая борьба экспедиционными средствами против упорно не сдающихся повстанцев. 17 селений угольного района Бискайи подвергаются бомбардировке.

Неописуемые зверства усмирителей, расстрелы без суда и „по суду" арестованных, закрытие почти всех промышленных предприятий в Астурии, т.-е. осуждение всего рабочего населения оккупированной войсками провинции на голодную смерть, террор правительственный и террор фашистских банд, — ничто не сломило революционной энергии пролетариата Астурии, как показали всеобщие стачки протеста против террора на действующих предприятиях. Демонстрации (17 тысяч участников) в Мадриде и др. городах, несмотря на военное положение, настойчивые протесты во всей стране против смертных приговоров участникам восстания заставили президента и правительство отказаться от казни Пенья, Менендеса и др. Не хватило решимости у послеоктябрьского правительства Леруса временную отмену каталонской автономии сделать окончательной, несмотря на категорические требования фашистов „раз навсегда положить конец автономистским упражнениям". Уже в ноябре этот единственный „государственный ум" испайского фашизма и монархизма, Кальво Сотело, заявил в кортесах это требование вместе с выдвинутой им программой фашистской диктатуры; революция, заявил он, не сломлена и „коренится в

широких массах населения", а за последнее время даже „морально укрепилась"; что-же касается соц. партии, то она, по определению того-же Кальво Сотело, — уже „не руководитель ее, а массы", и массы эти не позволят руководителям вести легальную парламентскую политику. В марте 1935 г. фашистские министры вышли из кабинета Леруса (четвертый кризис кабинета за 6 месяцев), демонстрируя своим уходом осуждение неспособности правительства Леруса „покончить с революцией"; но вместе с тем они демонстрировали и против президента республики, тормозившего усиление террора и выполнение фашистской программы борьбы с „сепаратистской" Каталонией. Вновь войти в правительство Роблес соглашался при условии, что ему будет отдано вместо трех—восемь портфелей, в том числе министерства военное и внутренних дел. 3 мая сделка состоялась: роблесовский блок получил 7 министерств. Программная декларация нового правительства включала реформу конституции, новый избирательный закон, закон о прессе, „организацию" военных сил; демагогическая часть ее говорила о „поисках средств выхода из кризиса и безработицы" и о законодательном урегулировании аренды земли мелкими собственниками. „Организация" национальной обороны означала, во-первых, как показала уже деятельность Роблеса на посту военного министра, фашизацию армии, начиная с высшего командования; во-вторых—увеличение испанских военных сил с целью либо дорого продать испанский нейтралитет в ближайшей европейской войне (об этом говорится открыто), либо принять в ней участие на той стороне, у которой будет больше шансов на победу. Лидеры чисто-фашистских организаций, в том числе бывш. министр монархии Гойкочеа, не стеснялись громко говорить на собраниях и в прессе, что ближайшей целью патриотической дипломатии должен быть Гибралтар. Танжер признается достижимым при энергичной великодержавной политике и безвойны. Это, конечно, не значит, что республиканской буржуазии чужды империалистические замыслы; в вопросе о Марокко социалисты высказывались в том смысле, что „Испания должна оставаться в Марокко для того, чтобы ее место не было занято другой державой"; некоторые республиканцы лелеяли неясный план сотрудничества с Португалией,—разумеется, после свержения фашистской диктатуры в этой стране. Была выслежена роблесовской агентурой организация помощи в И. португальским революционерам и оглашена с целью скомпрометировать республиканский блок, в особенности самого Асанью, в Англии и в Лиссабоне.

Между тем революция переходила через единый пролетарский фронт к народному антифашистскому фронту. С начала 1935 г. шли стачки в Астурии, Мадриде, Барселоне, Сарагоссе, Заморе (здесь—против слета фашистов риверовского толка); первомайская стачка прошла дружно с демонстрациями во всей стране; в Барселоне 10 мая состоялась уличная демонстрация под лозунгами „долой фашизм, да здравствует свободная Каталония", при чем на площади сожжено было чучело Роблеса. Левобуржуазные газеты требовали удаления правых из правительства и роспуска кортесов. Даже весьма умеренная „деловая" газета „Эль Соль" заявляла, что „создание нового правительства с большинством CEDA несправедливо и опасно".

Парижский „Тан" предостерегал, что нетерпение сторонников Роблеса „погубит его дело, если он не сможет приспособиться к обстоятельствам"; наоборот, монархисты резко критиковали оппортунизм Роблеса и требовали радикального изменения его тактики под угрозой разрыва с ним, т.-е. полного развала не только правого блока, но и самой роблесовской партии, в тот самый момент, когда антифашистский фронт развернулся беспримерно грандиозными митингами-манифестациями с тремя и четырьмя стами тысяч участников в Валенсии и Мадриде. Перед этим бурным ростом антифашистского движения президент республики оказался в трудном положении, при потере правительством

всякого авторитета. Кортесы не собирались в кворуме, позволявшем инсценировать законодательную работу, ставшую невозможной вследствие внутренних разногласий в правительственном лагере: оппозиция роблесовским попыткам приукрасить фашистскую реакцию уступками крестьянству или налогом на доходы оставалась непреклонной. Президент республики был уже объявлен в правой прессе „изменником родине", нарушителем законности, покровителем революции за помилование 20 революционеров, за несогласие поручить образование правительства Роблесу, за освобождение из тюрьмы оправданного судом Ларго Кабальеро, которого реакция держала в тюрьме за „подстрекательство" к октябрьскому восстанию; выпустить его из тюрьмы правые министры не соглашались и после оправдательного приговора. Лерус склонялся то „направо", то „налево", то соглашаясь образовать правительство с исключением CEDA (3 апреля 1935 г.), то изъявляя готовность итти напролом по пути фашистской реакции, заодно с роблесовским блоком (5 мая). В этот промежуток времени президентский декрет возвратил каталонскому правительству временно изъятые из подчинения ему местные административные учреждения—новый повод для величайшего негодования правых. Однако, антифашистские настроения воздействовали даже на часть лерусистских депутатов, что вызвало озлобление у правых: они не явились в кортесы в день обсуждения предложения монархистов о предании суду Асаньи за его правительственную деятельность; этим было провалено предложение монархистов. В начале октября 1935 г. образовалось правительство с „беспартийным" правым Чапаприета во главе вместо Леруса, получившего портфель министра иностр. дел. 9 октября правый блок чествовал банкетом Леруса как жертву президентского произвола; Лерус и Роблес скрепили на этом банкете свой союз объятиями. Через 10 дней опубликован был правительством обвинительный материал против Леруса, членов его семьи и виднейших членов его партии по делу о систематических вымогательствах и взятках, начиная с лета 1934 года, в связи с рулеточной концессией Штрауса. Парламентская комиссия признала виновными и подлежащими судебной ответственности 8 человек, занимавших государственные посты, членов партии Леруса, в том числе племянника Леруса, действовавшего от имени последнего. 9 декабря правительство Чапаприета было свергнуто парламентским голосованием по директиве Роблеса. Новый кабинет президент поручил составить, без участия CEDA, центристскому республиканцу Портела Вальдарес, предоставив ему распустить кортесы и назначить новые выборы на 16 февраля 1936 года. В ответ на это правые внесли в президиум кортесов два предложения: о привлечении к судебной ответственности за нарушение конституции президента и премьер-министра и о признании роспуска кортесов недействительным. Избирательную кампанию они начали речами Роблеса и Кальво Сотело против президента республики, наметив, по газетным сообщениям, преемника ему в лице пресловутого героя жандармского путча генерала Санхурхо. С некоторым опозданием, вследствие внутренних трений, был организован единый „антимарксистский" фронт с участием Леруса и формальным объявлением гражданской войны в правой прессе и в речах правых ораторов. Анти-фашистский избирательный блок сорганизовался быстрее; в комитет блока от соц. партии вошел Ларго Кабальеро, призывавший на митингах рабочих к борьбе с фашизмом с оружием в руках, если фашизм одержит победу на выборах.

Состояние государственной организации И. может быть охарактеризовано для конца 1935 г. следующими данными: с 1931 г. государственный долг И. вырос с 20 млрд. песет до $22^1/_2$ млрд. в июне 1935 г., а с добавлением задолженности муниципальной—до 25 млрд., что составляет на 1 душу населения 1.000 песет. В 1930 г. проценты по гос. долгу составляли 899 млн., а в 1935 г.,—1.093 млн. песет. Дефицит

по гос. бюджету: в 1931 г. — 373 млн. песет, а в 1935 г. — 780 млн. песет. В то время как с бюджета министерства общественных работ снято в 1935 г. сравнительно с бюджетом 1934 г. 90 млн. песет, министерство внутр. дел увеличило свои расходы со 181 млн. в 1934 г. до 232 млн. в 1935 г. (добавка 51 млн. на штурмовые полицейские отряды, жандармерию и охранку). Рост безработицы: июль 1933 г. — 544.800 безработных, декабрь того же года—618.900, март 1934 г. - 666.600, октябрь 1935 г. — 780.242, в феврале 1936 г. — по заявлению Л. Кабальеро на избирательном митинге — 1.000.000.

Клерикально-фашистско-монархический блок был глубоко уверен в своей победе на предстоящих выборах; газеты его откровенно возвещали программу новой палаты и нового правительства. Объявление „марксистов" вне закона фигурировало на первом месте, казни для ускользнувших от палачей „виновников" октябрьского восстания — на втором, беспощадная расправа с „пособниками революции," т.-е. с Асаньей, каталонскими республиканцами — на третьем. Рядом с этим — зажим в железные тиски пролетариата и крестьянства, под видом „обеспечения личной и имущественной безопасности" и „нормального развития промышленности, торговли и сельского хозяйства". Доверенный агент бывшего короля Альфонса XIII уже прибыл в Мадрид договариваться с лидерами фашистского блока о времени и порядке возвращения Альфонса в Мадрид. Действительность опровергла все эти надежды.

Как мы видели, революционная ситуация не только не устранялась „черным двухлетием" правительств Леруса-Роблеса, но, напротив, углублялась и обострялась. Подтверждением этого явился полнейший разгром на февральских выборах промежуточных партий, партии Леруса и партии „республиканского центра", под каковым наименованием выступала на выборах партия правительства Вальядареса, проводившего выборы и служившего прикрытием созидателю и вдохновителю этого „центра", президенту республики. О степени обострения классовой борьбы, пожалуй, ярче всего свидетельствует тот факт, что программой, объединившей черный блок, был один единственный лозунг: „борьба с марксизмом", — и ничего больше.

Между тем, снизу, в массах, в огне астурийского восстания, возникло стихийное стремление к единству, к сплочению всех революционных сил для штурма фашистской реакции. Боевой клич астурийских горняков, с которым шли сражаться их колонны: „Объединяйтесь, братья-пролетарии!" (Unios, hermanos proletarios!), превратился в перекличку всех антифашистских уличных демонстраций, митингов и собраний. Сопровождающий его жест поднятия кулака стал обязательным не только для рабочих, но усваивался охваченной верой в спасение от фашизма мелкой буржуазией. Навстречу этой стихийной силе пришло решение о едином фронте VII Всемирного конгресса Коминтерна, проводником которого была компартия, теперь уже прошедшая через горнило массовой революционной борьбы, признанная и оцененная испанским пролетариатом. Саботаж единства со стороны правых и центровиков социалистической партии и со стороны „левых" анархистских лидеров преодолевался энергией масс и компартии. В этом смысле весьма характерны выступления на митингах единого фронта астурийских „центровиков" и „анархистов", рассказывавших о том, как бок-о-бок дрались до последней капли крови рабочие коммунисты, социалисты и анархисты и как оставшиеся в живых бойцы заключили братский союз на будущее перед расставанием. Из тюрем, в которых ожидали освобождения 30.000 революционеров, раздавался немолчный призыв к пролетарскому единству; союз соц. молодежи и левое крыло соц. партии, с Л. Кабальеро во главе, осуществляли это единство на деле.

Первый решающий шаг к профсоюзному единству сделан был, конечно, в Астурии тотчас же после октябрьского восстания. С другой стороны, антифашистские республиканцы с Асаньей во главе слишком хорошо знали, что только в союзе с рабочими

партиями и профсоюзами они могут иметь успех на выборах против сплоченных сил церкви, плутократии, военно-феодальной реакции, владеющих испытанным аппаратом насилия и подкупа и фальсифицирования этих выборов. В „народный фронт" вошли: компартия, союз соц. молодежи, социалистическая партия, синдикалистская партия А. Пестаньи, отколовшаяся от анархосиндикалистов, объединение профсоюзов (во главе с Л. Кабальеро), левые республиканцы (Асанья), республиканская лига (М. Барриос), т.-е. отколовшаяся левая часть лерусистской партии (остальная часть ее вошла в черный блок, как и на прежних выборах). Программа народного фронта включала: амнистию; обратный прием на работу рабочих и служащих, уволенных за участие в октябрьской революции; наказание виновников и организаторов этих репрессий; снижение крестьянских налогов и арендной платы; организацию общественных работ для ликвидации безработицы; каталонскую автономию; восстановление закона о социальном страховании, смешанных судов и др. законов, отмененных реакционным правительством и т. д. Основой выборной кампании для народного фронта, в сущности, была организация движения за амнистию, представлявшего одновременно мобилизацию против фашистских организаторов контрреволюционного террора. Кампания эта открылась двумя митингами (в Мадриде и Валенсии), на каждом из которых присутствовало от 400 до 500 тысяч человек, внимательно выслушавших реабилитированного преследованиями Асанью и отвечавших ему пением Интернационала, астурийским лозунгом и подняли дулаков. Из этих митингов выросли мощные демонстрации с портретами Ленина и Сталина, со знаменами с серпом и молотом, наводившие панику на реакционную буржуазию в такой степени, что Х. Роблес накануне выборов объявил, что и его партия проведет амнистию „обманутым рабочим", если получит власть.

Выборы дали полную победу народному фронту, фашисты были разгромлены.

Об изменении состава испанского парламента в результате выборов 16 февраля 1936 г. и перебаллотировок дает представление следующая таблица:

	Теперь	Прежде	+ или —
Народный фронт			
Левореспубликанские партии	158	62	+ 96
Рабочие партии	110	59	+ 51
Итого	268	121	+147
Правые и Центр.			
Центр	48	139	— 91
Правые партии	157	213	— 56
Итого	205	352	—147
Всего депутатов	473	473	—
По отдельным партиям:			
Народный фронт			
Республиканская левая (партия Асаньи)	81	7	+ 74
Республиканский союз (партия М. Барриоса)	36	23	+ 13
Эскерра (левая республиканская Каталония)	29	23	+ 6
Социалистическая партия	98	58	+ 40
Коммунистическая партия	16	1	+ 15
Другие левые партии	18	9	+ 9
Правые и Центр.			
Радикалы (партия Лерруса	8	80	— 72
CEDA („конфед. прав. партий", возглавл. Х. Роблесом)	94	113	— 19
Аграрная партия	13	39	— 26
Либерально-демократич. партия М. Альвареса	1	9	— 8
Областническая лига (каталонская правая)	11	23	— 12
Консервативная партия М. Мауры	3	18	— 15
Монархисты	24	32	— 8
Другие партии правого блока	51	38	+ 13

При оценке значения этих цифр следует учесть, что: 1) обе рабочие партии пошли на большие жертвы в пользу республиканцев при распределении кандидатур между партиями народного фронта, 2) что правые партии и „центр" широко пользовались жандармским аппаратом насилия в *отношении избирателей и избирательных комиссий* (аресты, закрытие доступа и т. п.), 3) что ими были пущены в ход, в особенности в деревнях, подкуп и угрозы, всегда обеспечивавшие им прохождение их кандидатур, 4) что кандидатура Х. Роблеса прова-

лилась в двух округах, Лерус провалился везде и не попал в депутаты, вожди аграрной партии, правой каталонской, фашистской „фаланги“ (Примо де Ривера) провалились везде, где была выставлена их кандидатура, — так же, как и члены правительства Вальядареса, проводившего с помощью губернаторов выборы, 5) что „касики“ всех местностей, составляющие „избирательный механизм“ И., составляли агентуру правых и „центра“. Характеризуя положение, создавшееся после победы народного фронта, секретарь испанской компартии Х. Диас, пишет: „Реакция и фашизм потерпели поражение, но они еще не побеждены. Для того, чтобы одержать над ними победу, мы должны ликвидировать их материальную основу: конфисковать крупные помещичьи имения, экспроприировать землю и имущество церкви и религиозных орденов, распустить реакционные фашистские организации и разоружить их банды, очистить армию от реакционных и фашистских командиров и т. д... Соглашение, послужившее избирательной платформой для народного фронта, недостаточно. Если не считать амнистии и восстановления уволенных, — требований, уже большею частью осуществленных, — соглашение не предусматривает подлинного и окончательного разрешения главных вопросов демократической революции. Но проведение в жизнь всех пунктов соглашения может несколько улучшить тяжелое положение рабочего класса и крестьян и облегчить дальнейшую борьбу трудящихся масс Испании. Поэтому задача революционных рабочих заключается в том, чтобы поддержать настоящее правительство постольку, поскольку оно соблюдает соглашение, и всеми возможными средствами заставить его со всей быстротой это соглашение проводить соответственно требованиям момента и потребностям масс“.

Правительство Асаньи, уступая требованию масс, заявленному грандиозными демонстрациями, декретировало амнистию, не ожидая открытия парламента нового состава, хотя сделать это при посредстве парламента было намерением правительства. Разоружение фашистских организаций всех родов проведено было на местах, повидимому, не довольно основательно. „Либерально-клерикальный“ Алкала Заморра был лишен президентских полномочий парламентом, признавшим незаконным его декрет о роспуске предшествующей палаты депутатов, — основание формальное, за которым стояла вся деятельность президента, произвольно распустившего учредительное собрание, передавшего власть реакции и сотрудничавшего с нею в течение двух лет и, наконец, пытавшегося составить новый парламент по своему вкусу при помощи созданного им в несогласии с парламентом правительства Вальядареса. Президентом республики был избран (парламентом, с присоединением к нему специально избранных выборщиков), по соглашению партий народного фронта, М. Асанья. Председательство в совете министров перешло к лидеру левой республиканской галисийской партии, Касарес Кирога, бывшему в кабинете Асаньи министром вн. дел. Декларативная речь Кироги заключала решительные заявления: правительство намерено вести не оборонительную, а наступательную борьбу против реакции, и оно нуждается не в пассивности масс, а в энергичной внепарламентской поддержке трудящихся и их партий.

Министр иностранных дел Барсия со своей стороны объявил, что „правительство Испании, во исполнение пакта народного фронта, готово решительно встать на сторону Лиги наций“ и „быстро установить и урегулировать дипломатические и торговые отношения с СССР“.

„Ясно, что все эти заявления, говорит Х. Диас, будут иметь действительное значение и фактическую ценность лишь... постольку, поскольку массовое внепарламентское движение, поддержанное коммунистическими и социалистическими депутатами в парламенте, нажимая на правительство, будет добиваться выполнения данных обещаний. Вместе с тем коммунисты решительно борются против всякого намерения, от кого бы оно не исходило, ликвидировать народный фронт. Народный фронт должен существовать и впредь. Нужно не распускать на-

родный фронт, а, напротив, укреплять его и превращать в подлинный фронт антифашистской борьбы, расширить рабоче-крестьянские альянсы во всей стране, оживить их, добиться полного профсоюзного единства и организационного и политического единства пролетариата — таковы предпосылки и задачи, разрешение которых может обеспечить осуществление чаяний трудящихся масс Испании, доведение до конца народной революции". Ручательство успеха — в стремительнейшем росте компартии, в которую за 6 недель, после 16 февраля, вступило 30.000 новых членов (согласно „Мундо Обреро" от 30. IV 1936 г. число членов компартии И. уже превышает 80.000 человек), и в несомненной победе в борьбе с правой фракцией социалистической партии левого революционного крыла. „Укрепление народного фронта, организация пролетарского единого фронта в рабоче-крестьянских альянсах, профсоюзное единство, объединение комсомола и соцмола в единую широкую организацию трудящейся молодежи, организационное и политическое единство пролетариата — таков путь, который приведет Испанию к неизбежному Октябрю" (Х. Диас).

Фашистская реакция — пока ее материальная основа не ликвидирована, — конечно, не сдается. Она обнаруживала не только живучесть, но и подлинно иезуитскую гибкость и умение лавировать. Она пыталась „обволакивать" асаньистский республиканский блок, сообща с которым ей удалось один раз оставить в меньшинстве коммунистов и социалистов при голосовании в палате по вопросу об исключении из составленного прежним парламентом бюджета субсидий духовенству. Она спекулировала на принципиальных противоречиях между партиями народного фронта и на внутрипартийной борьбе в социалистической партии, стремясь всеми способами дезорганизовать и развалить народный фронт, — в этом была ее ближайшая задача. В то же время она, устами помощника и заместителя Х. Роблеса, торжественно призывала в парламенте левых республиканцев и правительство к „дружной, сплоченной работе на пользу республике", — той самой республике, против которой велась провокационная, беспощадная борьба в прессе и в подполье. Замечателен маневр ее по плану черносотенного вождя „национального блока", ярого монархиста и непримиримого врага каталонской автономии Кальво Сотело: те самые партии, которые свергали послушные им „радикальные" правительства за нерешительность последних в вопросе об организации военно-полицейского погрома каталонского национального движения, теперь выступали с требованием такой же автономии, какую получила Каталония, для всех областей И. и, в первую очередь, для Кастилии и Леона, рассчитывая, очевидно, мобилизовать в свою пользу все великодержавно-шовинистические испано-кастильские элементы, с одной стороны, и всю „деревенскую" кулацкую реакцию против Мадрида и др. крупных городов — с другой. Наконец, контрреволюция справа находила, как всегда, пособников в контр-революции „слева" в провокационнофашистском испанском троцкизме.

„Но хотя испанской революции угрожают большие опасности, налицо огромные благоприятные для революции возможности, которые при правильном, смелом применении тактики единого и народного фронта приведут и победе народной революции..." (Е. Варга).

Литература: „Проблемы испанской революции, пути ее развития и условия ее победы" (сборник статей авторского коллектива под руководством ЦК Компартии Испании, Москва, 1933); „Коммунистический Интернационал" от 10/V 1935 г., № 13—14, посвященный целиком испанской революции; также за 1934 г., № 32—33; за 1935 г. — № 1, 10, 18, 35—36; за 1936 г. — № 9 от 10/V (статьи *Х. Диаса* и *Е. Варга*) и № 10 (ст. *Сильвия*, „Вожаки испанского пролетариата"); „Большевик" за 1931 г. (№ 19—20), за 1935 г. (№ 19 — ст. *Д. Мануильского*), за 1936 г. (№ 6 — ст. *М. Эрколи*); „Мировое хозяйство и мировая политика" за 1936 г., № 4 (ст. „Испания после победы народного фронта"); „Историк-марксист" за 1931 г., № 22 (доклад *Дельваля*); *И. Трайнин*, „Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы" (М., 1933); *Б. Миклос*, „Аграрный вопрос в Испании" (М. 1934); prof. *J. Kom*, „La Revolucion espanola, su perspectiva historica y las conditiones de su triunfo" (Барселона, без даты); *Ch. Petrie*. „Spain" (London, 1934); *W. Br. Wells*, „The Last King, Don Alfonso XIII" (London. 1934); „Annuaire statistique de la Société des Nations" (1934/35, Genève, 1935); *L. Fischer*, „L' Espagne évitera-t-elle la révolution?" („L'Europe Nouvelle", 1936, № от 2 мая); *A. Marvaud*, „Question sociale en Espagne" (Paris, 1910).

Май 1936 г.

Гражданская война и интервенция в Испании. В ночь с 17 на 18 июля 1936 г. в И. вспыхнул военно-фашистский мятеж, начавшийся одновременно в Марокко и на Канарских островах.

Мятеж реакционной испанской военщины против республики подготовлялся давно. Реакция, потерпевшая тяжелое поражение на февральских выборах в кортесы, не была, однако, окончательно разгромлена. В руках реакционеров оставались важные экономические позиции. Фашистские организации существовали легально; они полностью сохранили свои кадры и возможность вести агитацию и пропаганду. Они сохранили также все свои связи в армии, жандармерии, полиции и государственном аппарате. Республиканское правительство проявило исключительное благодушие по отношению к своим врагам. После победы народного фронта на выборах в кортесы даже виднейшие представители реакции остались на свободе. В частности, генерал Франко, бывший начальником генерального штаба в то время, как Хиль Роблес был военным министром, и руководивший в феврале-марте 1936 г. заговором, целью которого было захватить власть, аннулировать выборы в кортесы и установить военно-фашистскую диктатуру (этот заговор был своевременно раскрыт и не удался), не был даже арестован. Достаточно было его заявления о „раскаянии" и намерении „честно служить республике", чтобы все было забыто и он был назначен генерал-губернатором Канарских островов. Там Франко изменнически подготовил новый заговор против законного правительства И.

После поражения на выборах в кортесы испанские реакционеры организовали экономический саботаж, целью которого было, любыми способами, добиться того, чтобы парализовать хозяйственную жизнь страны. Началась организованная утечка капиталов за границу, чтобы ударить по курсу испанской валюты, вызвать повышение цен и таким путем затруднить положение республиканского правительства. Не ограничиваясь экономическим саботажем, реакция организовала ряд террористических актов против республиканских деятелей. С 16 февраля до начала мятежа происходили почти ежедневно убийства, взрывы и поджоги. Основной и центральной задачей реакции была подготовка вооруженного мятежа и свержения правительства народного фронта.

План мятежа был тщательно разработан. Реакционные генералы, лицемерно клявшиеся в верности республике, развернули широкую сеть контрреволюционного заговора, в котором приняли также участие помещики и капиталисты и часть католического духовенства.

В подготовке мятежа приняли непосредственное участие гитлеровская Германия и фашистская Италия. Между реакционными испанскими организациями, объединенными в конфедерацию автономных правых организаций (CEDA), и фашистскими организациями Германии и Италии издавна существовал тесный контакт. Прямой контакт существовал также у помещичье-клерикальной организации „Аксион Популар", во главе которой стоял Хиль Роблес, с мировым центром международной реакции—Ватиканом. Задолго до мятежа в И. имелась густая сеть тайных германских агентов.

Один из крупнейших лидеров испанского фашизма—генерал Хосе Санхурхо, бывший начальник жандармерии, после поражения правых на выборах в кортесы поехал в Берлин, где виделся с Гитлером и вел переговоры относительно германской помощи. Одновременно с поездкой генерала Санхурхо в Берлин, в Рим отправился другой руководитель испанского фашизма, лидер фашистской боевой организации „Испанская фаланга", Хосе Антонио Примо де Ривера, сын покойного диктатора, впоследствии расстрелянный по приговору трибунала. Тогда же Рим посетил и мультимиллионер, биржевой делец с богатым уголовным прошлым, Хуан Марч. Несколько позднее в Италию тайно поехал для переговоров о помощи генерал Франко. План военно-фашистского мятежа в И. во всех деталях был разработан и согласован с итальянским и германским генеральными штабами.

В международной печати был опу-

бликован ряд сообщений, согласно которым военная помощь, оказанная мятежникам гитлеровской Германией и фашистской Италией, была обусловлена обязательством испанских фашистов в случае их победы уступить Германии и Италии некоторые территории, принадлежащие И. Германия должна была бы получить Канарские острова и возможность создания базы в Испанском Марокко. Италия также должна была получить базу в Испанском Марокко и, прежде всего, Балеарские острова.

Военные действия в И. с начала мятежа до мая 1937 г. принято делить на четыре периода. Во время первого периода (июль—август 1936 г.) народные массы под руководством коммунистической партии, организовавшей отпор мятежникам, подавили восстание во всех решающих политических и экономических центрах страны. Во время второго периода (август—октябрь 1936 г.) регулярные и прекрасно снабженные Германией и Италией войска мятежников вели успешное наступление на правительственные территории и вплотную подошли к Мадриду. Во время третьего периода (ноябрь—март 1937 г.) войска мятежников остановились перед Мадридом, и вокруг него шла напряженная борьба, при чем, несмотря на то, что мятежники были поддержаны войсками итальянских и германских интервентов, республиканская армия выдержала их натиск, и на фронтах установилось некоторое равновесие. Во время четвертого периода (март — май 1937 г.) республиканцы нанесли войскам мятежников и интервентов жестокое поражение в боях под Гвадалахарой и начали переходить от обороны к наступлению.

Такова общая схема событий. Развились они следующим образом.

План военно-фашистского мятежа предусматривал быстрый захват основных стратегических пунктов, основных коммуникационных линий и городов, в которых сосредоточена военная промышленность. Предполагалось вначале выступить только в Марокко с тем, чтобы ввести правительство в заблуждение относительно размеров мятежа, отвлечь его внимание и силы, а затем выступить одновременно во всей стране. К участию в заговоре было привлечено офицерство крупнейших гарнизонов. Основными очагами мятежа были Испанское Марокко, где были сосредоточены 20.000 туземных марокканских войск и 7.000 авантюристов и уголовных преступников из „иностранного легиона" (в том числе много русских белогвардейцев), и северные провинции И., гнездо карлистов — Наварра и Старая Кастилия. В Марокко и на Канарских островах орудовали генералы Франко и Годед, на севере—генерал Мола. Во главе всех сил мятежников должен был стоять генерал Санхурхо, но он разбился в Португалии во время катастрофы с самолетом в первый день мятежа.

Первоначальный стратегический план мятежников заключался в том, чтобы при помощи флота, на присоединение которого к мятежу они расчитывали, высадить на юге большой десант из Марокко; далее предполагалось, что к „национальным войскам". состоящим из марокканских солдат и иностранного легиона, присоединяются регулярные войска южных провинций и начинается наступление на север одновременно по двум линиям: на Мадрид и на продовольственную базу Мадрида—Валенсию и Мурсию. Одновременно северная группа мятежников под руководством генерала Мола начинает наступление на Мадрид с севера. Предполагалось в течение нескольких дней соединить южную и северную группы мятежных войск, взять столицу и установить во всей стране военно-фашистскую диктатуру.

Когда в ночь с 17 на 18 июля началось восстание в Марокко и на Канарских островах, правительство, направив в Марокко флот и арестовав группу фашистов, надеялось благодаря этим мерам быстро ликвидировать мятеж. Но 18 и 19 июля реакционное офицерство поднялось одновременно во всех военных округах. Из офицерского состава в заговоре принимало участие 80 проц. Под влиянием реакционного офицерства к мятежникам примкнула часть солдат.

Иное положение создалось в военном флоте. Весь он, за исключением одного линейного корабля и двух крейсеров, остался верен республике. Когда реакционные офицеры пробовали спровоцировать восстание во флоте, матросы переарестовали их и предоставили флот в распоряжение правительства. Матросы линкора „Хаиме I" расстреляли из пулемета пытавшихся вовлечь их в восстание офицеров, выбросили трупы в море и передали по радио: „Всем. Всем. Хаиме I верен народу". Большая часть воздушного флота также осталась верна республиканскому правительству.

19 июля в Мадриде вспыхнуло восстание в казармах „Ла Монтанья", представляющих собою настоящую крепость. Одновременно с мятежом в казармах „Ла Монтанья", мятежники попытались поднять бунт в военных лагерях, расположенных около Мадрида. Однако, вооруженные отряды мадридских рабочих во главе с коммунистами восточного района мадридской организации компартии в несколько часов подавили мятеж в „Ла Монтанья" и в военных лагерях.

18 июля, после первых известий о военно-фашистском мятеже в Марокко, была сделана попытка сформировать республиканское правительство весьма „умеренного" типа во главе с Мартинесом Баррио, председателем кортесов. Предполагалось, что благодаря созданию такого правительства часть армии удастся оторвать от мятежников. Кабинет Баррио просуществовал один день и был заменен кабинетом, возглавленным видным левобуржуазным деятелем, представителем „республиканской левой", Хосе Хиралем. Министерство Хираля состояло из представителей левореспубликанских партий народного фронта. В него входили: пред. совета министров и морской министр — Хосе Хираль („республиканская левая"); мин. иностр. дел — Аугусто Барсиа („республ. левая"), мин. внутр. дел — ген. Посас (вне партий); воен. мин. — Эрнандес Савари; мин. юстиции — Бласко Гарсон („республ. союз"); мин. общ. работ — Велао („республ. левая"); мин. фин. — Энрико Ромас („республ. левая"); мин. земледелия — Рюис Фунес („республ. левая"); мин. торг. и промышл. — Альварес Буилья („республ. союз"); мин. нар. просв. — Франсиско Барнес („республ. левая"); мин. труда — Льюи („каталонская левая"); мин. путей сообщ. — Хинер де лос Риос („республ. союз").

Первым актом кабинета Хираля было вооружение рабочих. Правительство согласилось с требованием коммунистической партии о вооружении рабочих организаций и выдало населению оружие. Одновременно правительство обратилось по радио к солдатам с призывом не повиноваться матежным офицерам.

Мятеж, вспыхнувший во всех городах И., в которых находились военные гарнизоны, был подавлен в течение двух-трех дней во всех основных политических и экономических центрах страны, главным образом благодаря смелому и мужественному поведению рабочего населения и решимости народных масс не дать фашистам возможности захватить власть.

18 июля начался мятеж в северных провинциях — Наварре и Старой Кастилии, где находился второй очаг заговорщиков. В этих провинциях, единственных, где мятежники имели массовую базу в лице реакционного кулацкого крестьянства, им удалось сразу захватить власть. Одновременно произошли выступления в разных концах И. — в Барселоне, Севилье, Сарагоссе и т. д. В столице Каталонии, Барселоне, крупнейшем промышленном центре страны, захват которого имел для мятежников колоссальное значение, они были разгромлены так же быстро, как и в Мадриде. В Барселону мятежники направили много войск; для руководства восстанием туда лично явился один из вожаков фашистов, генерал Годед, участвовавший вместе с Франко в организации контрреволюционного заговора весной 1936 г. и, как и Франко, оставленный на свободе республиканским правительством после того, как он поклялся в верности республике. Барселона достойно ответила мятежникам. По требованию рабочих орга-

низаций в ночь с 18 на 19 июля каталонское правительство роздало населению оружие. Утром 19 июля все важнейшие пункты города были заняты отрядами рабочей милиции. 14 часов продолжались ожесточенные и кровавые бои каталонского пролетариата с мятежниками, и мятежники били разбиты. В подавлении мятежа вместе с рабочими участвовало 4.000 крестьян. Генерал Годед был взят в плен и расстрелян по решению трибунала.

В Валенсии и Альбасете мятеж был подавлен в самом начале. В Астурии мятежникам удалось благодаря измене и предательству полковника Аранда, командира 3-го пехотного полка, захватить Овиедо и Хихон. Полковник Аранда, выдав себя за республиканца, предложил рабочим организациям собрать их членов для выдачи им оружия, и, когда рабочие собрались, он расстрелял их из пулеметов. На юге страны генерал Льяно при помощи десанта из Марокко захватил Кадикс и Севилью.

Соотношение сил между республиканцами и мятежниками в это время было таково: во всех основных пунктах, где они рассчитывали на победу, мятежники встретили героический отпор и были разбиты, в руках правительства осталось около двух третей территории страны. Правительство опиралось на абсолютную поддержку самых широких народных масс. Только благодаря тому, что массы были активно антифашистски настроены и полны решимости с оружием в руках защищать республиканские свободы, мятежникам, несмотря на то, что около трех четвертей армии было на их стороне, не удалось захватить власть в стране. Что касается мятежников, они были — за исключением Наварры и Старой Кастилии — совершенно лишены массовой базы. С самого начала мятежа эти изменники родине, называющие себя „националистами", не имея на это никакого права, опирались не на нацию, не на испанский народ, а на наемные войска продажных авантюристов из иностранного легиона и туземные марокканские войска и на помощь германских, итальянских и португальских фашистов.

Военное соотношение сил было неблагоприятным для правительства. Технически мятежники были хорошо вооружены благодаря заблаговременному обеспечению их оружием из-за границы. У правительства почти не было регулярных военных сил, командного состава, мало оружия и боеприпасов. Наконец, республиканцам нехватало продуманного плана военных действий.

В первые же дни после мятежа народная милиция насчитывала около 60.000 человек. Массы испанского народа, выступившие против мятежников, возглавила коммунистическая партия. Подавляющее большинство испанского народа объединилось в борьбе против фашизма. На защиту свободы и демократической республики встали рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая городская буржуазия и даже отдельные группы буржуазии. „В стране, где не были разрешены еще задачи буржуазно-демократической революции, он (фашизм) не сумел создать партии с широким массовым мелкобуржуазным базисом" (Эрколи).

Испанский фашизм был в глазах всего народа носителем не только капиталистической реакции, но и дворянских привилегий, церковно-инквизиционного застоя, монархии, средневекового феодализма. Изменнически выступив против конституционного правительства, фашисты восстановили против себя не только мелкую буржуазию, решительно повернувшую в сторону пролетариата, но даже часть тех буржуазных групп, которые искали бы компромисса с фашизмом в иных условиях. Внутри рабочего движения умеренные реформистские элементы, поставленные перед необходимостью выбирать, были вынуждены стать на сторону народа. Военно-фашистский мятеж сплотил все организации народного фронта, от весьма умеренных левобуржуазных партий до коммунистов, включая националистов отдельных провинций, анархистов, левых республиканцев, социалистов и т. д.

Испанская революция — это подлинно народная, национальная, антифашистская революция, революция с самым широким социальным базисом. Борьба испанского народа — это героическая национально-революционная война за независимость И., за разгром испанского фашизма и его материальных основ, за освобождение испанских национальных меньшинств — каталонцев, басков, галисийцев, задыхавшихся под гнетом старокастильской аристократии, — война против германского и итальянского фашизма, осуществлявшего интервенцию в И.

В условиях ожесточенной войны с мятежниками и интервентами испанскому народу пришлось осуществлять задачи буржуазно-демократической революции. Ведущая роль в революции испанского пролетариата имела исключительно большое значение в смысле определения характера и масштаба мероприятий республиканских правительств. Положение внутри рабочего класса в И. характеризовалось тем, что к моменту свержения монархии в 1931 г. в И. не существовала еще подлинно-массовая коммунистическая партия. Испанский рабочий класс находился под сильнейшим влиянием, с одной стороны, социалистической партии, и с другой — анархистской федерации, имевшей массовую пролетарскую базу в лице анархо-синдикалистских профсоюзов.

Коммунистическая партия И., настоящее идейное и организационное развитие и укрепление которой началось в 1932 г., приняла активнейшее участие в революционном восстании астурийских горняков в 1934 г., а ко времени победы народного фронта на выборах в кортесы она уже насчитывала 85.000 членов. Коммунистическая партия И. вела непрерывную борьбу за преодоление раскола в рабочем движении и за широкий антифашистский фронт, за создание максимальных предпосылок для обеспечения гегемонии пролетариата, необходимой для победы буржуазно-демократической революции. После мятежа коммунистическая партия оказалась той силой, которая сумела стать вождем и организатором народных масс в борьбе за республику; она превратилась в большую, массовую партию, пользующуюся огромным и все возрастающим влиянием и авторитетом не только в среде пролетариата, но и в среде крестьянства и интеллигенции.

Еще до того, как вспыхнул мятеж, испанская компартия разоблачала подготовку восстания. В печати и на заседаниях кортесов коммунисты предупреждали правительство о том, что фашисты не сложили оружия, и требовали, чтобы были приняты решительные меры для того, чтобы обезоружить врагов республики и обеспечить спокойствие в стране. К голосу коммунистов в то время не прислушались. После мятежа компартия приняла на себя первые удары восставших. Все ее лучшие силы были брошены на фронт. В первые дни после мятежа компартия создала прославившийся героизмом своих бойцов пятый полк народной милиции, ставший настоящей школой командиров народной армии и положивший позднее основу созданию регулярной республиканской армии.

Бойцы народной милиции, не обладая ни военными познаниями, ни опытом, плохо вооруженные, героически боролись с мятежниками рядом с немногими воинскими частями, оставшимися верными республике.

Присяга бойцов народной милиции гласила следующее: „Перед лицом всего испанского народа и правительства республики я обязуюсь защищать до самой смерти демократические свободы, дело прогресса и мира, окончательно истребить фашизм и носить с честью звание бойца милиции".

Мечтавшие о легкой победе мятежники просчитались. Несмотря на их военное и техническое превосходство над неорганизованными, недостаточно обученными и снабженными отрядами народной милиции, им не удалось овладеть решающими центрами страны и установить военно-фашистскую диктатуру.

К концу первого этапа действий мятежники потерпели крах в важней-

ших районах страны: в Астурии, Бискайе, Мадриде, Валенсии, Барселоне и др., но они закрепились в испанском Марокко и в нескольких северо-восточных и центральных провинциях: в Наварре, Старой Кастилии, Леоне и в части Галисии. На юге они занимали только западные провинции Андалузии: Кадикс, Уэльву, Севилью.

Когда попытка мятежников одним решительным ударом захватить власть провалилась в основных районах страны, Франко, главной целью которого было занять Мадрид, двинулся на столицу с юга, через Андалузию. Однако, население южных провинций оказало мятежникам упорное сопротивление, и эта попытка сорвалась. Тогда началось наступление на Мадрид с севера войсками мятежников под командой Мола, впоследствии, в июне 1937 г., погибшего во время авиационной катастрофы. Войска ген. Мола двинулись на столицу через горный хребет Сиерра де Гвадаррама. Однако, и здесь пять полков только что сформировавшейся рабочей милиции вместе с оставшимися верными республике частями мадридского гарнизона задержали наступление мятежников.

На юге мятежникам удалось в это время захватить только Кордову и Гренаду. Горняки из провинции Хаен захватили перевал Деспенарес и тем самым преградили путь на Мадрид южной группе мятежников, предполагавшей двинуться на столицу из Кордовы через Сиерра де Морену. Таким образом, мятежникам не удалось захватить Мадрид с севера путем комбинированного удара северной и южной группы. На юге в руках правительства оставалась Малага. Сосредоточенный в ней правительственный флот мешал мятежникам осуществлять переброску войск из Марокко. Народная милиция к концу первого периода войны достигала уже 100.000 человек. В результате первого этапа военных действий мятежникам не удалось осуществить свой план быстрого разгрома республиканцев и установления военно-фашистской диктатуры. Однако, и республиканцам не удалось нанести мятежникам решительного удара и покончить с мятежом.

Во втором периоде военных действий, начавшемся в августе, планы мятежников значительно изменились. Они отказались от намерения осуществить поход на Мадрид через Андалузию. Новый стратегический план сводился к тому, чтобы окружить Мадрид полукольцом с севера, запада и юга. 14 авг. мятежники заняли провинцию и город Бадахос. Южная группа мятежников наступала вдоль португальской границы на север, а с севера группа Мола шла им навстречу на юг, обходя горные хребты, прикрывающие Мадрид с северо-запада. Целью этой операции было соединение обеих групп мятежников в долине реки Тахо для дальнейшего наступления на столицу с запада. Благодаря занятию Бадахоса путь на Мадрид через долину реки Тахо оказался открытым. Продвижение войск мятежников вдоль португальской границы было для них чрезвычайно выгодным, так как Португалия была главным каналом, через который шло для войск Франко военное снаряжение из-за границы. С юга в направлении Талаверы и Толедо двигалась группа отборных марокканских войск в количестве 20.000 чел. под командой Франко; другие 20.000 человек наступали на столицу с северо-запада, со стороны Авилы. Мятежники хотели соединить обе группы своих войск и захватить Мадрид прежде, чем республика будет в состоянии организовать силы для его защиты. Задачей республиканского правительства было задержать наступление мятежников с тем, чтобы выиграть время и успеть организовать регулярные вооруженные силы и приспособить тыл для обслуживания нужд фронта. Важнее всего для республики было сохранить ее основные базы: Мадрид и Валенсию. На севере в этот период мятежникам удалось захватить после упорной борьбы Ирун и Сан-Себастьян. Таким образом, астурийско-бискайский республиканский район оказался отделенным от французской границы. Однако, республиканцы заняли Хихон и благодаря этому несколько уравновесили силы на этом участке. После захвата мятежниками

Ируна и Сан-Себастьяна мятежники не вели на севере активных операций в течение продолжительного времени.

Чрезвычайно важным фактором борьбы была Каталония, крупнейший людской резервуар, промышленная база страны. Однако, участие Каталонии в общей борьбе и операции на арагонском фронте чрезвычайно затруднялись предательской деятельностью троцкистской контрреволюционной организации „ПОУМ", свившей себе гнездо в Барселоне, и дезорганизаторской деятельностью каталонских анархистов.

В последних числах августа обе группы мятежников — южная и северная — соединились. В конце августа мятежники захватили Навальморал, 4 сент. они заняли Талаверу и после длительных боев 27 сент. взяли Толедо. Путь на Мадрид оказался таким образом открытым. В течение августа и сентября итальянские и германские интервенты отправили мятежникам большие партии самолетов, артиллерии и военных материалов. К концу августа в испанских водах стояли итальянские и германские военные суда, стеснявшие операции правительственных кораблей и обеспечивавшие операции мятежников.

В областях, занятых мятежниками, царил неописуемый террор. Мятежники залили страну потоками крови. Фашистский террор был направлен не только на активных антифашистов и левых, но и на людей, никогда не принимавших участия в политической борьбе и не состоявших в политических организациях. В беседе с корреспондентом „Дейче Альгемейне Цейтунг" представитель бургосского „правительства" заявил, что „для полного очищения страны потребуется свыше полумиллиона жертв". Кровавая практика фашистов, превосходящая ужасы испанского средневековья, показала, что эта цифра не преувеличена. Города, занимаемые мятежниками, подвергались систематическому, хладнокровному, массовому террору. Начиналось, как правило, с того, что расстреливали всех левых или заподозренных в том, что они республикански настроены, общественных деятелей; затем расстреливали всех, значащихся в списках профсоюзных организаций, их семьи, включая детей. В Кадиксе мятежники расстреляли много беременных женщин, мотивируя это с невероятным цинизмом тем, что они таким путем „предупреждают появление на свет новых революционеров". В Карвера дель Рио (Кастилия) фашисты устроили бой быков. До начала боя на арене цирка было расстреляно 60 рабочих. В Састаго (Арагония) местных профсоюзных деятелей связали и бросили на улицу, а потом раздавили грузовиками. В Кордове фашисты обливали свои жертвы керосином и сжигали их заживо. В Ируне поголовно и методически вырезывались жители рабочих кварталов, при чем в живых не оставлялись ни старики, ни дети. В Севилье было расстреляно свыше 9.000 человек; расстреливались все, у кого были найдены профсоюзные билеты. В Малаге фашисты связывали по 25 человек колючей проволокой, у них на глазах уродовали и избивали их жен и потом расстреливали их. В Бадахосе было расстреляно свыше 3.000 человек в течение первых двух дней после захвата города. На арену цирка было согнано 1.500 человек; их расстреляли из пулеметов в присутствии высокопоставленного общества. Во многих деревнях фашисты вырезывали поголовно все население, а затем поджигали дома, и на месте деревень оставались груды развалин.

Зверства мятежников не ограничивались насилиями и расстрелами мирного населения в занятых ими областях. Мятежники совершали пиратские, разбойничьи нападения на иностранные торговые суда в испанских водах. Вопреки всем нормам международного права, действуя в качестве откровенных пиратов, мятежники задерживали, обыскивали и арестовывали иностранные суда разных национальностей, в том числе ряд советских торговых пароходов.

14 декабря 1936 г. пиратский крейсер мятежников совершил акт, вызвавший негодование и возмущение всего передового общественного мнения: у Орана был подожжен и потоп-

лен советский теплоход „Комсомол", шедший с торговым грузом из Поти в Гент. „Комсомол" был одним из советских судов, привозивших в И. подарки женщинам и детям от трудящихся СССР. Команда „Комсомола" была захвачена в плен мятежниками. Потопление „Комсомола" показало, что варварство мятежников беспредельно.

Поражение в долине реки Тахо — потеря Талаверы и Толедо — было первым серьезным поражением республиканской армии, которая в первом периоде гражданской войны сумела отразить нападение превосходящих ее сил противника. После падения Талаверы и Толедо обстановка на фронтах сложилась весьма неблагоприятно для республиканцев. Они потерпели тяжелое поражение, и потерпели его не только благодаря техническому превосходству армии мятежников, прекрасно снабженной оружием и руководимой инструкторами германского генерального штаба, но и благодаря отсутствию регулярной, организованной, дисциплинированной республиканской армии с единым командованием и единым стратегическим планом.

С самого начала гражданской войны компартия начала борьбу за создание регулярной армии и единое командование. Компартия заявила, что она борется за создание „армии нового типа, целью которой является защита демократической республики, народных свобод и социальных завоеваний трудящихся масс". Компартия знала, что вопрос о создании регулярной армии был центральным, решающим вопросом гражданской войны в И. Правительство Хираля издало декрет о создании регулярной армии еще 19 августа. Но осуществление декрета встречало большие трудности вследствие сопротивления со стороны внутренних врагов — т. н. „пятой колонны" — и некоторых элементов анархистов. Представителями „пятой колонны", агентурой мятежников в республиканском тылу, являлись троцкисты, игравшие на всем протяжении гражданской войны в И. предательскую и контрреволюционную роль. Троцкистские агенты Франко встретили в штыки приказ о всеобщей мобилизации, декрет об образовании регулярной армии. Против создания регулярной армии в течение длительного времени выступали также анархисты, отражавшие влияние мелкобуржуазной стихии. Ошибочная тактика анархистов в этом вопросе принесла большой вред общему делу и непосредственно отразилась на положении на фронтах, в частности на арагонском фронте.

Положение в республиканском тылу также не было блестящим. Не была создана обстановка, необходимая для успешного ведения войны. На ряду с исключительным героизмом народа, сражавшегося и умиравшего за республику, на ряду с замечательной работой коммунистической партии, влияние которой продолжало расти и обеспечивать успешное проведение основных намечаемых компартией мероприятий на фронтах и в тылу, существовало много вредных перегибов, в тылу орудовали враги, пытавшиеся скомпрометировать республиканский режим в глазах населения.

Правительство Хираля состояло только из представителей левобуржуазных партий, и ни одна пролетарская партия и организация не была в нем представлена. Политика кабинета Хираля, честно выполнившего свой республиканский долг во время начальной стадии мятежа, отличалась известной непоследовательностью и нерешительностью. Правительство Хираля не сумело встать на путь настоящего, радикального разрешения основных вопросов буржуазно-демократической революции: аграрного и национального.

В области аграрной кабинет Хираля провел некоторые мероприятия, направленные к частичному разрешению проблемы. Кабинет Хираля объявил о конфискации земель помещиков, принимающих участие в мятеже. Это распространялось, однако, лишь на поместья, превышающие 250 акров и только в Новокастильских провинциях. Это явно половинчатое мероприятие не могло удовлетворить крестьянство.

В отношении национальной пробле-

мы кабинет Хираля также не предпринял решительных шагов, которые могли бы сплотить вокруг центрального республиканского правительства все национальные меньшинства. Для басков вопрос об их автономии, за которую они боролись при монархии и при „апрельской республике", был решающим: если бы республиканское правительство в первые же дни после мятежа объявило об автономии области басков, это определило бы собою не только позицию баскских трудящихся, входивших в народный фронт, но и позицию всех слоев баскского населения. Правительство Хираля не приняло решения о баскской автономии. Тогда крупная баскская буржуазия вступила в переговоры с генералом Мола, предложив ему свои услуги для борьбы против республики с тем, чтобы он гарантировал автономию области басков. После отказа Мола позиция баскских буржуазных националистов и католиков определилась: они присоединились к борьбе республиканцев против фашистов. Однако, это присоединение носило недостаточно полный характер: баски сражались за свои баскские земли, не подчиняясь единому командованию и единому республиканскому стратегическому плану.

В борьбе каталонцев с мятежниками также сильно сказались сепаратистские тенденции, которые привели к тому, что каталонские отряды сражались первое время только у границ Каталонии, игнорируя положение на остальных фронтах. Примером сепаратистской военной политики каталонского правительства является вооруженная экспедиция на Балеарские острова, предпринятая в то время, как на решающих республиканских фронтах не хватало сил и вооружения.

Правительство Хираля провело несколько довольно радикальных мер в области промышленности, однако и в этом отношении оно остановилось на полпути. Правительство объявило о национализации основных отраслей военной промышленности и тех предприятий, владельцы которых эмигрировали или принимали участие в мятеже. Для управления этими предприятиями были созданы специальные „хунты" из представителей правительства, народного фронта и рабочих данного предприятия. Однако, правительственный контроль над важнейшими отраслями промышленности, имеющими военное значение, не был проведен.

Из социальных мероприятий кабинета Хираля следует отметить изданный 1 авг. декрет о снижении на 50% квартирной платы и о моратории по задолженности квартирной платы.

Только 13 авг. был издан декрет правительства о чистке государственного аппарата и армии и об увольнении всех лиц, связанных с антиреспубликанскими элементами. Однако, эта чистка производилась недостаточно решительно, и в государственных учреждениях и в армии осело много врагов, сумевших впоследствии неоднократно вредить республике.

Правительство Хираля, состоявшее из представителей левобуржуазных партий, хорошо справилось с задачами, стоявшими перед ним в первые месяцы после военно-фашистского мятежа: оно вооружило народ, приступило к созданию народной милиции и регулярной армии и отразило первый натиск мятежников. Но с углублением борьбы и ростом трудностей, стоящих перед республикой, понадобилось создание правительства, тесно связанного со всеми слоями населения, между тем как в кабинете Хираля были непосредственно представлены только левобуржуазные партии народного фронта.

4 сентября был сформирован кабинет Ларго Кабальеро, одного из лидеров социалистической партии, пользовавшегося влиянием в УХТ — Всеобщем рабочем союзе, крупнейшем объединении профсоюзов страны. В кабинете Кабальеро было 13 министров. Из них — трое левых социалистов группы Кабальеро, трое социалистов группы Прието, двое коммунистов, три представителя левореспубликанских партий, один баскский националист и один представитель „каталонской левой". Портфели распределялись следующим образом:

пред. совета министров и военный министр—Франсиско Ларго Кабальеро (лев. социалист); мин. иностр. дел — Хулио Альварес дель Вайо (социалист группы Кабальеро); морской мин. — Индалесио Прието (социалист); мин. внутр. дел — Анхель Галарса (социалист группы Кабальеро); мин. финанс. — Хуан Негрин (социалист группы Прието); мин. просв. — Хесус Эрнандес (коммунист); мин. промышл. и торговли — Анастасио де Грасиа (социалист группы Прието); мин. обществ. работ — Агирре (баскский националист); мин. юстиции — Мариано Рупо Фунес („республ. левая"); мин. земледелия — Висенте Рохо (коммунист); мин. путей сообщ. — Хинер де лос Риос („республ. союз"); мин. труда — Хуан Томас Ипиера („каталонская левая"); мин. без портфеля — Хосе Хираль („республ. левая").

Правительство Кабальеро было создано под лозунгом интенсивной борьбы с мятежниками и окончательного их разгрома. Чрезвычайно важным фактом было вхождение в состав правительства коммунистов. Компартия поддерживала кабинет Хираля, так как он стал на путь организации борьбы с фашизмом. Компартия считала главной задачей всех антифашистов скорейшую ликвидацию мятежа. Поэтому коммунисты вошли в кабинет Ларго Кабальеро, поставив только одно условие: „Сделать все, чтобы организовать военный разгром фашизма".

Первая декларация правительства Кабальеро, опубликованная в день его создания — 4 сентября — говорила о том, что правительство считает себя представителем всех политических сил, борющихся за сохранение демократической республики, и что оно посвятит все силы разгрому мятежников, отложив все идеологические разногласия.

Уроки отступления в районе реки Тахо, падение Талаверы и Толедо стали поворотным пунктом в развитии гражданской войны в И. По инициативе коммунистической партии, не переставшей бороться за отчетливую и крепкую организацию ведения войны, правительство приняло ряд постановлений, направленных к образованию регулярной армии с единым командованием. 16 октября был издан декрет о милитаризации народной милиции. Затем состоялось решение о призыве в армию нескольких контингентов запаса и об установлении принципов единого командования. Были созданы центры для подготовки командиров. В ноябре отряды народной милиции были переведены на положение регулярных частей. Генеральная инспекция народной милиции была упразднена, и вместо нее была создана комендатура народной милиции, целиком подчиненная военному командованию.

Огромную роль в деле организации республиканской армии сыграло создание института комиссаров. Компартия еще до постановления правительства практически начала внедрение этого института. Он был декретирован, по инициативе компартии, в октябре. Был создан генеральный военный комиссариат во главе с Альваресом дель Вайо, мин. иностр. дел, и Антонио Михе, членом политбюро ЦК компартии. В приказе о комиссарах сказано, что „главная задача генерального военного комиссариата будет состоять в осуществлении политико-социального руководства солдатами, дружинниками и другими вооруженными силами на службе республики".

Не подлежит сомнению, что мятеж реакционной испанской военщины был бы раздавлен буквально в несколько дней, если бы за спиной мятежников с самого начала не стояли фашистские державы — Германия, Италия и Португалия. В первые же дни мятежа генерал Франко перебрасывал марокканцев на территорию республики благодаря помощи германского военно-морского флота. В течение августа и сентября мятежники получили большие партии боеприпасов, в том числе танков и самолетов, из Германии и Италии. Главным каналом, по которому шло снабжение, была Португалия. Германские самолеты и танки систематически участвовали в боях под Мадридом.

Начиная с ноября, когда выяснилось, что у Франко не хватает сил, чтобы взять Мадрид силами его войск, Германия и Италия, не ограничиваясь более военно-технической помощью, отправили в И. десятки тысяч т. н. „волонтеров", то-есть по существу регулярные воинские части. С самого начала мятежа итальянцы фактически оккупировали Балеарские острова, а в январе немцы приступили к настоящей оккупации Испанского Марокко. Порт Мелилья фактически превращен в германскую военно-морскую базу. Малага была взята преимущественно силами итальянцев. В боях на реке Хараме активно участвовали германские части, а наступление на Гвадалахару велось итало-германским экспедиционным корпусом под командой итальянских генералов, и позорный провал под Гвадалахарой вся мировая печать расценила как поражение итальянской армии. Наступление на Бильбао велось преимущественно силами немцев и частично итальянцев. Германские самолеты разрушили до основания город Гернику. Наконец, германский военный флот бомбардировал портовый город Альмерию. К концу февраля по данным иностранной печати общая численность всех итальянских и германских войск в И. достигала 70—80 тысяч человек, и даже до 100.000. Германские войска участвовали в несении внутренней службы на территории мятежников. В Севилье официально работала германская полиция. Успех мятежников в И. и установление в ней фашистского режима сулили Италии и Германии большие выгоды. Их заинтересованность в интервенции определялась следующими расчетами. Италия, в случае победы Франко, должна была бы получить Балеарские острова и базу в Испанском Марокко. Владение Балеарскими островами и превращение их в итальянскую военно-морскую базу дало бы Италии исключительно выгодное стратегическое положение в западной части Средиземного моря и поставило бы под угрозу основные военно-морские базы Франции в Средиземном море. Германия могла бы использовать Канарские острова в качестве первоклассной морской и воздушной базы, угрожающей английским коммуникационным путям. Получив в свое владение Сеуту, Германия превратила бы ее в крепость, способную противостоять Гибралтару. Победа мятежников превратила бы И. в плацдарм фашистской агрессии, нужный фашистским державам для развертывания „большой войны". Однако, демократические державы Европы, в первую очередь Англия и Франция, жизненным интересам которых угрожала перспектива победы мятежников и превращения И. в германо-итальянскую колонию, не реагировали на мятеж и на иностранную фашистскую интервенцию так, как подсказывали соображения международного права и справедливости и их собственные реальные интересы. Вместо того, чтобы противопоставить итало-германской агрессии решительный отпор, Англия и Франция выступили с идеей так называемого „невмешательства" в испанские дела, которые по существу свелось к блокаде законного испанского правительства и предоставлению мятежникам возможности продолжать пользоваться неограниченной поддержкой их заграничных союзников. Политика Англии и Франции в испанском вопросе была несомненным следствием страха перед агрессором и, с другой стороны, результатом классовой ослепленности правящих кругов этих стран, предубежденно относившихся к республиканскому правительству, пришедшему к власти в результате победы партий народного фронта на выборах в кортесы. Политика невмешательства, с самого начала основанная на неправильном и несправедливом принципе нейтралитета, применяемом к борьбе мятежников и изменников против законного правительства, привела к дальнейшему развязыванию агрессии. На всем протяжении войны в И. демократические державы перед лицом открытой фашистской интервенции удовлетворялись фикцией „невмешательства", под прикрытием которого они умывали руки, наблюдая за кровавой войной гитлеровской Гер-

мании и фашистской Италии против испанского народа. Лондонский комитет, который должен был следить за соблюдением соглашения о невмешательстве, превратился в прикрытие для интервентов.

Советский Союз присоединился к соглашению о невмешательстве, хотя с самого начала считал его несправедливым по отношению к законному правительству. И., учтя официальные мотивы, которыми было обосновано англо-французское предложение о соглашении, а также исходя из предпосылки, что соглашение будет лойяльно выполняться всеми его участниками. Если бы это действительно оказалось так, правительству удалось бы в кратчайший срок подавить мятеж. Когда же оказалось, что фашистские державы цинично нарушили обязательства соглашения и испанское правительство 15 сентября обратилось ко всем державам, участникам соглашения, и к Лиге наций с сообщением, что военные поставки генералу Франко продолжаются, советский представитель поставил вопрос об этом в Лондонском комитете. Однако, комитет бездействовал, и невмешательство начало превращаться в зловещий фарс. Тогда советское правительство предупредило, что оно не желает больше „нести ответственности за создавшееся положение, явно несправедливое в отношении законного испанского правительства и испанского народа", и заявило, что оно не может считать себя морально более связанным, чем любой из остальных участников соглашения.

Энергичное выступление СССР в защиту испанской демократии встретило единодушное одобрение общественного мнения. Но Лондонский комитет продолжал вести политику, которую М. М. Литвинов определил следующим образом: „Лондонский комитет понял слово невмешательство в том смысле, что он сам не должен вмешиваться в дело вмешательства в испанские дела".

После взятия Толедо мятежники продолжали свое наступление на Мадрид. 3 ноября фронт вплотную придвинулся к стенам столицы, а 4 ноября марокканские войска под командой генерала Варела вступили в Хетафе и Леганес, бывшие исходными пунктами для непосредственного наступления на Мадрид. Правительственные войска не оказали наступавшим мятежникам серьезного сопротивления. 6 ноября мятежники начали атаку на западные предместья Мадрида, 6 вечером они заняли Вильяверде, Карабанчель Альто и часть парка Каса дель Кампо. 7 ноября утром Мадрид был отделен от мятежников только речкой Мансанарес, протекающей в западных и юго-западных районах города. 7 ноября утром марокканские войска бросились к мостам через реку Мансанарес. Вечерние выпуски германских и польских газет говорили о том, что Мадрид пал. Сами мятежники не сомневались в успехе: они заранее назначили городские власти столицы и разработали процедуру торжеств по поводу победы. Все их расчеты оказались неправильными: Мадрид не был взят.

В день 7 ноября героическая коммунистическая партия И. выбросила лозунг: „Коммунисты! Идемте все умирать на фронт". День 7 ноября был переломным. Столица отразила мятежников благодаря непоколебимой воле народа не сдавать город, благодаря мужеству бойцов, благодаря участию в боях интернациональных бригад и вмешательству правительственных танков. Из 25.000 членов мадридской организации компартии 21.000 боролась на передовых линиях фронта, защищая Мадрид. Лозунги компартии: „Мадрид станет могилой фашизма" и „Они не пройдут" (No passaran)—встретили живой отклик в массах населения. Защита Мадрида является одной из самых героических и славных страниц в истории испанской республики.

8 ноября и в последующие дни мятежники продолжали лобовые атаки на город. Но неудачная попытка 7 ноября была началом перелома в развитии военных действий, началом третьего периода гражданской войны в И. Деятельность компартии была важнейшим фактором этого перелома. В тяжелые дни, когда мятежники бы-

ли у стен города, компартия возглавила оборону столицы, она разработала план создания оборонительных линий вокруг города, план защиты отдельных подступов к городу. План компартии был принят, и она возглавила практическое осуществление этого плана. Атаки мятежников и интервентов на Мадрид продолжали оставаться безуспешными. Тем временем на помощь осажденному Мадриду подошли отряды республиканцев из провинции, и около Мадрида установился позиционный фронт.

Мятежники и интервенты подвергли Мадрид варварски-жестокой бомбардировке, продолжавшейся много недель и на четверть разрушившей столицу И. Были уничтожены всемирно известные памятники искусства и здания, разрушен музей Прадо, дворец герцога Альба. Убиты тысячи мирных жителей, в том числе масса женщин и детей. Садистский характер зверств фашистов ярко выразился в случае, вызвавшем возмущение всего цивилизованного мира: 15 ноября над Мадридом пролетел бомбардировочный самолет мятежников, сбросивший деревянный ящик. В этом ящике оказалось разрубленное на куски тело республиканского летчика Хосе Антонио Галарса.

5 ноября, в момент яростного наступления мятежников на Мадрид, состоялась реорганизация правительства Кабальеро. Оно было расширено на пять человек, и в него впервые в истории анархизма в И. вошли анархисты. Это обстоятельство отразило глубокие процессы, происходившие внутри анархо-синдикалистской конфедерации труда — НКТ. Анархо-синдикалисты первоначально отказывались войти в правительство, не желая принимать участие в централизованной организации борьбы против мятежников. На вступлении анархистов в правительство настаивали коммунисты, считавшие это необходимым условием для установления тесного сотрудничества между всеми секторами антифашистов, для поднятия дисциплины и усиления авторитета республиканского правительства. В массах анархо-синдикалистских рабочих под влиянием событий начала развиваться и все более усиливаться тяга к единству со всем испанским пролетариатом. Показателем настроений анархо-синдикалистских масс является заключенное 23 октября 1936 г. в Барселоне соглашение об укреплении единого фронта пролетарских организаций. Это соглашение было заключено между Объединенной социалистической партией Каталонии, Всеобщим рабочим союзом, Национальной конфедерацией труда и федерацией анархистов Иберии. В этом соглашении анархисты признали, что главной задачей является „максимальная концентрация сил для борьбы до победного конца, единое командование, создание большой народной армии и усиление дисциплины". Это было огромным шагом вперед, так как в начале военно-фашистского мятежа анархисты восставали против дисциплины, считая, что она „убивает революционную активность", выступали против создания регулярной армии и пр. Под нажимом масс анархо-синдикалистских рабочих НКТ решила войти в правительство.

Расширенный кабинет Кабальеро включал 18 человек. По партийной принадлежности он состоял из: 6 социалистов, 2 коммунистов, 4 анархистов, 4 левых республиканцев и 2 представителей национальных меньшинств. Портфели были распределены следующим образом: пред. совета министров и военный министр — Франсиско Ларго Кабальеро (социалист); мин. иностр. дел—Хулио Альварес дель Вайо (социалист группы Кабальеро); морской мин. и мин. авиации — Индалесио Прието (социалист); мин. внутр. дел—Анхель Галарса (социалист группы Кабальеро); мин. финансов—Хуан Негрин (социалист группы Прието); мин. просв.—Хесус Эрнандес (коммунист); мин. юстиции — Гарсиа Оливер (анархист); мин. промышленности—Пейро (анархо-синдикалист); мин. земледелия—Висенте Урибе (коммунист); мин. торговли—Хуан Лопес (анархо-синдикалист); мин. обществ. работ — Хуст („республ. левая"); мин. путей сообщ.—Хинер де лос Риос („республ. союз"); мин. труда—Анастасио де Гра-

сиа (социалист группы Прието); мин. здравоохранения—Федерика Монтсени (анархо-синдикалистка); мин. пропаганды и печати—Эспла („республ. левая"); мин. без портфеля—Хосе Хираль („республ. левая"); мин. без портфеля—Ирухо (баскский националист); мин. без портфеля—Айгуаде („каталонская левая").

В начале ноября, когда мятежники были у стен Мадрида, правительство перенесло свою резиденцию в Валенсию с тем, чтобы не нарушать нормального течения работы министерств. 7 ноября в Мадриде была создана „хунта"—комитет обороны Мадрида, во главе с генералом Миаха, одним из немногих представителей военного командования, оставшихся верными республике. Мадридская хунта и генерал Миаха персонально проделали огромную работу по обороне столицы. Во главе военного управления хунты стоял коммунист, член ЦК КПИ Висенте Рохо.

1 декабря в Валенсии состоялась очередная сесия кортесов, выразивших полное доверие правительству и одобривших его практическую политику.

Когда правительство Кабальеро пришло к власти, мятежники и фашистская и реакционная заграничная печать начали распространять слухи о происшедшем в Мадриде „коммунистическом перевороте" и об установлении на территории республики советской власти. 24 ноября Кабальеро сделал по этому поводу корреспонденту „Юнайтед Пресс" заявление, в котором дал отчетливый ответ на эти утверждения: „Вопреки некоторым утверждениям, распространяемым за границей, правительство республики не стремится к установлению в И. советского строя. Основная цель правительства — сохранить режим парламентарной демократической республики, созданной на основе конституции, свободно установленной самим испанским народом... Программа моего правительства — программа объединения всех демократических сил, готовых защищать парламентские свободы против фашистской диктатуры".

Программа республиканского правительства заключалась в сохранении республики и обеспечении населению И. демократических свобод. Программа мятежников сводилась к установлению в стране режима военно-фашистской диктатуры. В октябре 1936 г. в Бургосе мятежники создали свое „правительство" во главе с генералом Франко. Программа, провозглашенная Франко, сводилась к установлению в И. корпоративного строя (по итальянскому образцу), роспуску парламента, запрещению стачек, отмене аграрной реформы и восстановлению привилегий духовенства. Вопрос о реставрации монархии оставался открытым. Власть осуществлялась военной диктатурой. Эту откровенно фашистскую программу мятежники преподносили массам под соусом „установления социального мира и социальной справедливости", „уничтожения классовой борьбы", „всеобщего благоденствия" и пр. Этой социальной демагогией мятежникам не удалось, однако, завуалировать сущность их программы.

По мере того как, начиная с 7 ноября, войска мятежников терпели все новые неудачи под Мадридом, помощь, которую им оказывали германские и итальянские фашисты, становилась все более открытой и циничной. Не ограничиваясь более снабжением мятежников самолетами, артиллерией, танками и военными инструкторами, Германия и Италия послали на помощь Франко десятки тысяч т. н. „добровольцев", на самом деле являвшихся регулярными воинскими частями. Гражданская война в И. переросла внутренние рамки, она превратилась в открытую интервенционистскую войну фашистской Италии и гитлеровской Германии против испанского народа. В конце ноября началась высадка германских и итальянских войск в районах Кадикса, Севильи и Алхесираса. К середине декабря в И. уже насчитывалось 25.000 германских и 8.500 итальянских солдат, не считая 15.000 солдат итальянского оккупационного корпуса на Балеарских островах. Мятежникам не удалось взять Мадрид собственными силами при помощи военно-тех-

нической и финансовой поддержки итало-германских интервентов. Понадобилось непосредственное участие в войне регулярных итальянских и германских войск. Появление итальянских и германских войск на территории И. стало началом ее фактической оккупации итало-германскими интервентами. 19 ноября Германия и Италия официально признали „правительство" Франко в качестве законного правительства И. и обменялись с ним послами.

22 ноября республиканское правительство опубликовало декларацию, в которой заявляло, что только помощь, оказываемая мятежникам с начала восстания, давала им возможность продолжать войну и что после признания Франко Германией и Италией эти страны еще более цинично и открыто помогают мятежникам, издеваясь над соглашением о невмешательстве.

Начиная с сентября 1936 г. республиканское правительство неоднократно обращалось в Лигу наций и к державам, участвующим в соглашении о невмешательстве, с протестами против германской, итальянской и португальской интервенции в И. Республиканское правительство оперировало не поддающимися сомнению фактами и документальными данными. Совет Лиги наций несколько раз обсуждал испанскую проблему, однако практических последствий дебаты в Лиге наций не имели.

В течение первых месяцев пребывания у власти нового кабинета было проведено несколько чрезвычайно важных мероприятий социального характера. В первую очередь это относится к вопросу о земле. Фактически аграрной политикой кабинета руководила компартия. Министром земледелия был коммунист — Висенте Урибе.

Испанское крестьянство насчитывает около 3 миллионов крестьян, в большинстве бедняков, и 2 миллиона сельскохозяйственных рабочих. Эти крестьянские массы, беспощадно угнетаемые и эксплоатируемые, лишенные своей земли, стонущие под игом феодально-средневековых отношений, несомненно в подавляющем большинстве сочувствуют республике. Однако, несмотря на активное участие в подавлении военно-фашистского мятежа крестьянства некоторых провинций (Барселона, Галисия), основные массы крестьянства в первое время после мятежа не выступили против фашистов. Тот факт, что контрреволюционному офицерству удалось вовлечь в участие в мятеже большие группы солдат, в большинстве из крестьянских семей, объяснялся тем, что социалисты, анархисты и левореспубликанские партии в течение десятилетий игнорировали крестьянскую проблему и крестьянские требования. Единственной партией, включившей в свою программу самые насущные требования испанского крестьянства, в первую очередь требование безвозмездной конфискации помещичьих и церковных земель и передачи их крестьянам, была коммунистическая партия, которая, однако, к моменту мятежа была еще недостаточно сильной, чтобы увлечь за собой основные крестьянские массы.

Основное требование буржуазно-демократической революции—о безвозмездной конфискации помещичьих и церковных земель—не было осуществлено республикой за пять лет ее существования. После победы народного фронта на выборах в кортесы аграрная революция вспыхнула с новой силой. Крестьяне стихийно захватывали латифундии и помещичьи имения. Правительство постфактум легализовывало эти захваты. В период от прихода к власти кабинета Асанья до военно-фашистского мятежа было землеустроено свыше 60.000 крестьянских семейств, то-есть столько же, сколько за пять лет существования республики. Правительство Хираля объявило о конфискации поместий, превышающих 250 акров, у помещиков - фашистов и эмигрантов. Это практически распространилось, однако, не на все области и не разрешало проблемы. Декретом правительства Кабальеро от 7 октября 1936 г., по предложению министра земледелия, коммуниста Висенте Урибе, была объявлена конфискация всех земель помещиков и церковни-

ков-фашистов или связанных с фашистами. Конфискованные земли согласно декрета переданы в вечное пользование крестьян и организаций сельскохозяйственных рабочих. По неполным данным испанского министерства земледелия, к февралю 1937 г. по 17 провинциям было конфисковано 3 миллиона гектар бывших помещичьих и церковных земель. Аграрная революция в И. была в основном завершена. Крестьяне получили землю и были освобождены от арендной платы. Значительная часть национализированных земель была передана в индивидуальное владение крестьян, а некоторая часть ее не была поделена между крестьянами, а осталась в коллективном пользовании союзов сельскохозяйственных рабочих. Вопрос о том, делить ли землю или оставлять ее коллективам бывших батраков, решался демократическим путем на общих собраниях населения.

17 сентября вышел декрет о создании во всех муниципальных округах аграрных комитетов народного фронта. Эти комитеты избирались местными муниципалитетами и всеми местными организациями народного фронта. Задачей комитетов было выявлять пустующие помещичьи земли и организовывать обработку их крестьянами. Вслед за этим декретом 8 октября был опубликован новый, предписывавший конфискацию всех земель помещиков, эмигрировавших или участвовавших в мятеже. Декрет предусматривал конфискацию всех помещичьих земель, независимо от их размеров и расположенных во всех республиканских провинциях. Для выявления помещичьих земель, подлежащих конфискации, согласно декрету, должны были быть созданы специальные квалификационные хунты, избираемые местными муниципалитетами, аграрными комитетами народного фронта и местными крестьянскими и батрацкими организациями. Списки, составленные квалификационными хунтами, должны были утверждаться провинциальными аграрными хунтами и Центральным институтом аграрной реформы в качестве последней инстанции. После утверждения конфискованные земли передавались малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим, прежде всего тем из них, кто участвовал в вооруженной борьбе против мятежников.

Правительство народного фронта предоставило крестьянам и сел.-хоз. рабочим, получившим землю, кредит в размере около 70 миллионов песет.

В провинциях Гвадалахары, Арагона, Альбасете, Куэнки, Суидад-Реаль главная масса конфискованных помещичьих земель была передана крестьянам для индивидуального пользования. В районах, где прежде преобладала мелкая аренда, крестьяне, арендовавшие землю у помещиков, стали владельцами своих участков. В Андалузии и других районах страны, где преобладали латифундии, широко распространились сельскохозяйственные коллективы. Это—кооперативная форма владения землей. Коллективы создавались обычно там, где характер хозяйства делал нецелесообразным дробление его на мелкие участки. Так, в провинции Хаен к апрелю 1937 г. существовало около 260 коллективов, объединяющих 38.000 семейств бывших батраков. Финансирование коллективных хозяйств производит государство, оно же скупает их продукцию.

Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на войну и связанные с ней трудности и осложнения, сельскохозяйственное производство в республиканской И. не сократилось, а увеличилось. Объясняется это тем, что аграрная революция, разбившая остатки феодальных форм и отношений, сковывавших испанское сельское хозяйство, открыла перед ним до тех пор невиданные возможности. Кроме того, массы крестьян и бывших батраков, работая на своей земле, свободно и без принуждения, работают с исключительной энергией и подъемом.

При проведении аграрной политики правительству Кабальеро пришлось столкнуться с большими трудностями. В Каталонии ему пришлось бороться с бессмысленными и авантюристическими экспериментами, которые проводили в деревнях анархисты, устра-

вавшие вопреки желаниям крестьян принудительную коллективизацию. Явно провокационные лозунги контрреволюционной троцкистской организации ПОУМ, поддержанные частью анархистов, наносили большой вред. Троцкисты и многие анархисты в Каталонии взяли под обстрел декрет правительства от 7 октября о национализации земель и передаче их в пользование сельскохозяйственным рабочим и мелким крестьянам. Со всеми этими провокациями пришлось вести упорную борьбу.

В течение января и февраля 1937 г. происходили ожесточенные бои северо-западнее и юго-западнее Мадрида. В этих боях германские интервенционистские отряды и остатки марокканских сил Франко пытались прорвать оборонные линии республиканцев и овладеть Мадридом. Особенно ожесточенные бои происходили с 3 по 12 янв., когда мятежники хотели захватить дорогу на Эскориал, отрезать от Мадрида гвадаррамскую группу республиканских войск и атаковать город с сев.-запада. Однако, 11 янв. республиканцы перешли на этом участке в наступление и отбили мятежников.

В конце января мятежники начали действовать по новому плану. Он заключался в том, что основные военные действия на мадридском фронте были перенесены на ю.-в. от Мадрида. Мятежники поставили себе целью захватить дорогу, соединяющую Мадрид с Валенсией, отрезать таким образом столицу от ее продовольственной базы и сделать невозможным подвоз к Мадриду боеприпасов и подкрепление республиканских бойцов новыми резервами. Мятежники рассчитывали, что на этом новом участке фронта им удастся легко преодолеть сопротивление республиканцев и изолировать Мадрид.

Одновременно с наступлением мятежников на валенсийскую дорогу в конце января началась подготовка наступления на Малагу. В Сеуту ежедневно прибывали новые отряды германских солдат; через порт Кадикс прибывали итальянцы. Отряды интервентов и мятежников с разных сторон окружали Малагу. В первых числах февраля все они перешли в концентрическое наступление. Общая численность войск интервентов и мятежников, наступавших на Малагу, доходила до 30—35 тысяч человек, вдвое больше, чем у республиканцев на этом участке фронта. С моря наступление поддерживали флот мятежников и прикрывавший его германский корабль „Адмирал граф Шпее". Республиканцы оказали наступавшим сильное сопротивление, но оно было сломлено превосходством сил и военной техники интервентов и мятежников, наступавших одновременно с суши, воздуха и моря. 7 февр. с разных сторон к предместьям Малаги подошли наступавшие колонны. 8 февр. город был взят, и в нем начались неслыханные зверства. Помимо значительного превосходства сил противника, были и иные обстоятельства, способствовавшие падению Малаги. Часть командного состава республиканцев оказалась связанной с фашистами и изменила республике в самый ответственный момент.

Падение Малаги еще раз подтвердило, что без создания боеспособной регулярной армии с единым командованием нельзя рассчитывать на победу над интервентами и мятежниками. Падение Малаги вызвало сильное движение в стране. Это поражение республиканцев сделало очевидным для всех, что надо резко покончить с кустарными методами ведения войны, с сепаратистскими тенденциями, наносившими огромный вред защите республики.

Только 10 февраля, после падения Малаги, каталонское правительство решило осуществить декрет о мобилизации рекрутов 1934 и 1935 годов и о включении народной милиции в регулярную армию. Но даже и тогда это решение было осуществлено лишь частично.

На следующий день после падения Малаги генеральный военный комиссар Альварес дель Вайо обратился с воззванием ко всем военным комиссарам. В воззвании дель Вайо подчеркивал всю серьезность удара и призывал к поднятию дисциплины в

армии и к сосредоточению всех сил. Коммунистическая партия требовала немедленной перестройки добровольческих дружин в регулярные части, выяснения обстоятельств падения Малаги, чистки командного состава армии и выдвижения на командные посты проверенных республиканцев. Через несколько дней после падения Малаги правительство Кабальеро приняло решение о мобилизации нескольких призывных возрастов, о проверке командного состава армии и об организации военной промышленности. Однако, это решение было осуществлено недостаточно энергично и полно.

Наступление войск мятежников и интервентов на реке Хараме, начавшееся почти одновременно с наступлением на Малагу, не дало ожидаемых мятежниками результатов. На Хараме мятежники столкнулись с активнейшей обороной, с серией сокрушительных контр-атак со стороны республиканцев. Бои между мятежниками и республиканцами на реке Хараме превратились в длительное и затяжное сражение, продолжавшееся около месяца. Мятежники и интервенты, рассчитывавшие на легкий успех, потерпели поражение, им не удалось разбить республиканские войска и сломить линию обороны.

Гвадаррамо-мадридский фронт был в течение долгого времени главным фронтом гражданской войны в И. На нем действовали отборные части мятежников, впоследствии и сильнейшие отряды интервентов. Со стороны республиканцев здесь также сосредоточены были лучшие силы. Хотя наступление мятежников на реке Хараме и не дало им желаемых результатов, но взятие Малаги и прибытие в И. значительных подкреплений из итальянских и германских войск создали вновь чрезвычайно напряженное положение на гвадаррамо-мадридском фронте. Очередной крупной операцией войск мятежников и интервентов было наступление на важный стратегический пункт, расположенный к северу от Мадрида,—Гвадалахару. Мятежники тщательно подготовили наступление на Гвадалахару. Они не сомневались в успехе, рассчитывая, что силы республиканцев отвлечены на участке Харамы и не успеют во время перегруппироваться. Кроме того, они предполагали, что войска республиканцев, уставшие во время длительных сражений на Хараме, не в состоянии будут оказать серьезного сопротивления свежим войскам мятежников и интервентов. В середине февраля мятежники начали группировать в районах Сигуэнсы и Бурго де Осме ударные группы, подготовлявшиеся для наступления на Гвадалахару. Здесь были сосредоточены ударные части мятежников с других фронтов. Здесь были собраны все итальянские солдаты, прибывавшие в течение февраля через Кадикс и Малагу. Здесь была сосредоточена большая часть итальянских войск, действовавших против Малаги. К концу февраля общая численность всех итальянских и германских войск в И. достигала 70—80 тысяч человек, а по данным части английских газет—100.000 человек, то-есть около 50% всех сил мятежников и интервентов. По данным германской и английской прессы, общая численность всех частей мятежников и интервентов, принимавших участие в наступлении на Гвадалахару, достигала 35—40 тысяч человек, у которых было 300 орудий, до 100 танков, 80 бронеавтомобилей и не менее 50—60 самолетов. В основном наступление на Гвадалахару вел итало-германский экспедиционный корпус во главе с итальянскими генералами Бергонцоли, Манчини и др. План операции предусматривал быстрое продвижение ударной группы войск из района Сигуэнсы на Гвадалахару и потом на Мадрид и в тыл харамской группе правительственных отрядов. Одновременно харамская группа войск мятежников должна была пополниться новыми резервами и активизировать операции, чтобы выйти на валенсийскую дорогу. Наконец, из района Сомосьерры должна была наступать на Гвадалахару еще одна группа войск мятежников из северной армии Мола. Мятежники и интервенты рассчитывали на осуществление этого комбинированного плана,

целью которого был разгром всего гвадалахарско-мадридского фронта республиканцев и занятие Мадрида.

Утром 8 марта началось одновременно в трех направлениях наступление войск мятежников и интервентов на Гвадалахару. Республиканцы оказали упорное сопротивление, но силы мятежников численно и технически были настолько превосходными, что они заняли ряд пунктов и приблизились к Гвадалахаре, откуда им должна была открыться дорога на Мадрид. Однако, 10 марта навстречу мятежникам вышли под командой генерала Миаха правительственные резервы. Начался четвертый период военных действий. Республиканское командование отбило атаки врага на других участках мадридского фронта и отправило значительные отряды на гвадалахарский фронт. 11 марта начались первые контратаки правительственных войск. 12 марта мятежные войска начали отступать в одном из трех направлений, в районе юго-восточнее Бриуэги. 13 марта начались сильнейшие контратаки правительственных войск, главным образом на направлении Гвадалахара-Сигуэнса; республиканская авиация атаковала растянувшиеся на горных дорогах отряды мятежников и интервентов. Выступила правительственная пехота и танки, поддержанные сильной артиллерией. Мятежники и интервенты не выдержали удара правительственных сил и начали беспорядочное отступление на северо-восток. В последующие дни мятежники и интервенты предпринимали безуспешные попытки вновь перейти в наступление. Республиканцы продолжали одерживать победы. Бои продолжались до 22 марта. В результате их войска мятежников и интервентов вынуждены были под ударами республиканцев вернуться на те позиции, с которых началось наступление 8 марта. Потери их под Гвадалахарой были исключительно велики — около 10.000 человек убитыми, ранеными и пленными; 50 орудий, около 250 пулеметов, около 50 танков и несколько сотен грузовиков были захвачены в плен республиканцами.

Значение блестящей победы республиканских войск под Гвадалахарой заключалось как в том, что им удалось сорвать стратегический план мятежников, задуманный теми как решающая операция на мадридском фронте, так и в том, что республиканская армия убедилась, что она умеет не только обороняться, но и наступать и побеждать. Успехи республиканцев на реке Хараме и под Гвадалахарой объясняются главным образом тем, что республиканские части, принимавшие участие в боях, были настоящими боевыми единицами регулярной и дисциплинированной республиканской армии. В это время на мадридском фронте благодаря усилиям коммунистической партии постепенно начало осуществляться единое командование. Все республиканские силы, действовавшие на этом фронте, находились под командой ген. Миаха, что оказало исключительно большое влияние на исход операций. Тяжелые уроки поражений в районе р. Тахо были учтены. В мадридском секторе республиканцам удалось создать регулярную народную армию, которая не только стойко выдержала удары интервентов и мятежников, но и сумела перейти в контратаку и разгромить итальянский экспедиционный корпус.

Двойной опыт поражения республиканцев под Малагой и их победы под Гвадалахарой показал со всей наглядностью, что там, где в распоряжении республиканцев находится регулярная, дисциплинированная армия, — они побеждают; там-же, где действуют разрозненные отряды и отдельные партизанские группы, не объединенные общим руководством, республиканцы терпят поражения.

Бои под Гвадалахарой положили конец попыткам мятежников решительным ударом захватить Мадрид. После неудачных попыток овладеть столицей путем одного стремительного удара, мятежники изменили свою стратегию. Они решили перейти к наступлению на второстепенном фронте, под Бильбао, чтобы восстановить свой политический престиж, основательно подорванный в результате поражений

под Гвадалахарой, и освободить силы для будущего удара на столицу.

В то время, как мятежники и интервенты готовили наступление на Гвадалахару, после падения Малаги, в тяжелые для республики дни состоялся расширенный пленум ЦК испанской компартии (с 5 по 7 марта 1937 г.). Решения этого пленума представляют исключительный интерес, так как в них ярко сформулированы все установки компартии в вопросах ведения войны и организации тыла, взаимоотношения между компартией и другими участниками народного фронта, характер борьбы и программа компартии.

На пленуме было точно и просто указано, за что борется испанская коммунистическая партия: „Мы боремся за демократическую республику, за демократическую парламентскую республику нового типа. Борьба в Испании не имеет целью установление демократической республики наподобие французской или наподобие республик других капиталистических стран. Нет, демократическая республика, за которую мы боремся, — это другая республика. Мы боремся за то, чтобы уничтожить ту материальную основу, на которой базировались реакция и фашизм, ибо без уничтожения этой основы невозможна подлинная демократия. В нашей борьбе мы добиваемся уничтожения материальной базы полуфеодальной Испании, чтобы окончательно вырвать корни фашизма".

За этим следовало перечисление необходимых для установления демократической и парламентской республики нового типа мероприятий:

1. Ликвидация класса крупных помещиков, поголовно участвующих в мятеже, национализация их земель и безвозмездная передача их крестьянам, которые должны владеть ими индивидуально или коллективно по своему желанию.

2. Уничтожение политической и экономической мощи церкви, которая была одним из центров заговора против интересов народа и одним из оплотов полуфеодальной И. Это отнюдь не означает борьбы против религии, напротив, только прогрессивная, республиканская, демократическая И. обеспечит полную свободу религии.

3. Ликвидация остатков кастового духа в старой армии, являвшейся орудием подавления прогрессивных стремлений.

4. Ликвидация финансовой олигархии, банкиров и фабрикантов, тесно связанных с помещиками и церковью. Национализация Испанского банка и основных отраслей промышленности.

5. Введение действительно всеобщего избирательного права, осуществление участия всего народа в политической и экономической жизни страны.

Весь пленум прошел под знаком борьбы за создание подлинной, популярной народной армии, с железной дисциплиной и единым командованием, за установление ответственности командования и за коренное укрепление республиканского тыла. Пленум выдвинул в качестве важнейшей задачи создание мощной военной промышленности. Он подтвердил, реако отрицательное отношение компартии к перегибам и экспериментам в крестьянском вопросе.

На пленуме было отчетливо сказано, что врагами испанского народа являются фашисты, троцкисты и т. н. „бесконтрольные" элементы. Бесконтрольными назывались темные, головные и авантюристические элементы, среди которых были и так называемые „крайние" анархисты, дезавуированные анархистским руководством.

Пленум подчеркнул, что коммунистическая партия ставит перед правительством задачи чистки армии, создания резервов, установления единого командования, организации мощной военной промышленности, обеспечения революционного порядка в тылу. При этом было отмечено, что компартия вынуждена часто критиковать правительство Каballero за недостаточную активность, нерешительность и решительность при проведении политики народного фронта и за существенные ошибки, которые допускает правительство.

Положение в стране действительно давало основания для критики поведения правительства в ряде важнейших вопросов. Несмотря на совершен-

*

ную очевидность необходимости осуществить создание регулярной армии не только на мадридском, но на всех республиканских фронтах, несмотря на то, что командный состав армии нуждался в серьезнейшей проверке и чистке, несмотря на острую необходимость координирования операций на фронтах и создания единого командования, — правительство проводило нужные мероприятия вяло, порою принимало формальные решения, которые не осуществлялись на деле. Координирование действий отдельных фронтов проходило медленно и неудовлетворительно, чистка штабов от предателей и неблагонадежных элементов шла туго, хотя после падения Малаги общественное мнение настойчиво требовало расследования и наказания виновных. Организация военной промышленности продвигалась медленно. Серьезным препятствием на пути активизации военной работы было то обстоятельство, что в руках одного человека — Кабальеро — были сосредоточены и обязанности премьера и функции военного министра. Между тем, Кабальеро упорно не соглашался на предложения о разграничении этих функций. Положение в тылу давало основания для серьезных опасений. То и дело раскрывались шпионские организации, иногда крупных масштабов. Пятая колонна—агенты фашизма в республиканском тылу, троцкисты, вели подрывную работу, интригуя против политики народного фронта и подготовляя удар в спину защитникам республики. Троцкисты выступали против лозунга компартии и народного фронта, вокруг которого объединились самые широкие массы испанского народа: „Защита демократической парламентской республики нового типа, в которой будет уничтожена материальная база реакции и фашизма". Троцкисты выступали против народного фронта, они вели неслыханно гнусную клевету против коммунистической партии, стремясь к разрыву народного фронта, к разрыву между пролетариатом и его союзниками в антифашистской борьбе: крестьянством и мелкой буржуазией. Выступая против правительства народного фронта, троцкисты хотели сузить социальный базис революции, обессилить ее, подготовить в тылу почву для военного поражения. В своей наглой и провокационной клевете на компартию троцкисты пытались рядиться в тогу „защитников революции". Руководитель испанской компартии Хосе Диас дал троцкистским агентам Франко достойный ответ. В речи, произнесенной на митинге в Валенсии после барселонского путча, он сказал: „Коммунистическую партию обвиняют в том, что она хочет ослабить революцию, что она хотя и хочет выиграть войну, но революцию отодвигает на второй план. Как будто можно отделять революцию от победы!.. Если говорят, что мы не желаем одновременно с ведением войны совершать революцию, то я спрашиваю: где на нашей земле крупные помещики, крупные капиталисты, крупные банкиры, где те, которые восстали против республики, против народа? Разве крупные фабриканты, восставшие против народа, продолжают оставаться хозяевами фабрик? Нет, они исчезли, и эти фабрики находятся либо в руках государства, либо в руках рабочих. Разве это не есть революция? Разве это не демократические революционные завоевания?.. На территории, находящейся в наших руках, теперь днем с огнем не сыщешь помещика. Разве земли, экспроприированные у восставших против республики, не разделены между крестьянами и сельхозрабочими, которые могут обрабатывать их единолично или коллективно по собственному желанию?.. Революция и война. Достаточно посмотреть на вчерашний и сегодняшний состав армии, чтобы увидеть революцию, которая у нас произведена. Кто командовал старой армией, армией капиталистов и помещиков?.. Кто командует армией теперь?.. Оружие находится в руках рабочих, в руках крестьян, большая часть командиров вышла из народа, и они не обманут народ... Если произошла такая перестановка сил, что вместо армии капиталистов и помещиков мы имеем теперь армию народа, сражающуюся за его интересы, то разве это не есть революция?"

Вся кампания гнуснейшей провокационной клеветы, которую троцкисты вели против компартии, против народного фронта, против СССР, имела прямой целью облегчить германо-итальянскую интервенцию. Троцкисты особенно орудовали в Каталонии; в Мадриде их организация была запрещена комитетом обороны. В результате провокационной деятельности троцкистов и „бесконтрольных" арагонский фронт в течение ряда месяцев оставался бездеятельным. В тылу троцкистские агенты фашизма систематически организовывали террористические акты против деятелей народного фронта, бесчинствовали в деревнях, устанавливали на дорогах свои „патрули", занимавшиеся грабежами и пр. Во время наступления итальянцев на Гвадалахару троцкисты пытались организовать выступления против правительства в Валенсии.

Анархисты проводили в Каталонии вредные эксперименты в отношении народного хозяйства. Они приступили к конфискации всех предприятий, не только крупных, но и мелких и средних. Предприятия передавались синдикатам. Это ударяло по интересам мелкой и средней буржуазии, участвовавшей в борьбе против мятежников, и вело, кроме того, к децентрализации управления промышленностью. Не менее вредная политика проводилась в деревне. Троцкисты, поддержанные некоторыми элементами анархистов, выдвинули требования отчуждения земли даже у середняков, имеющих по пять гектаров. Это был чисто провокационный лозунг, целью которого было восстановить крестьянство против республиканского правительства. ПСУК (объединенная социалистическая партия Каталонии, входящая в Коминтерн) боролась с этими провокациями, но все же они приносили большой вред.

Решения пленума ЦК компартии определили собою ее политическую линию в вопросах войны и гражданского строительства. Коммунистическая партия продолжала борьбу за создание победоносной армии народного фронта. После побед на Гвадалахаре коммунисты выбросили новый лозунг, ставший знаменем всей антифашистской борьбы: к прежнему „но пасаран" (они не пройдут) они прибавили „пасаремос" (пройдем мы). В этом лозунге отразились новые возможности и новые качества республиканских сил.

Сразу после провала под Гвадалахарой мятежники и интервенты начали наступление против Бильбао, столицы автономной области басков, одного из крупнейших металлургических центров страны. Успех операции отдал бы в руки Франко и германо-итальянских интервентов богатый запасами высококачественной железной руды район, в котором до тех пор преобладало влияние английского капитала. Политически взятие Бильбао нужно было мятежникам для того, чтобы восстановить их престиж, основательно подмоченный неудачами на центральном и на южном фронтах.

После первого серьезного наступления мятежников на бискайско-астурийском фронте в августе—сентябре 1936 г., когда они сравнительно легко заняли Ирун и Сан-Себастьян, но встретили серьезное сопротивление при своих попытках продвинуться к Бильбао,—мятежники не возобновляли активных операций на этом фронте в течение шести-семи месяцев. Республиканцы имели достаточно времени, чтобы реорганизовать свои вооруженные силы, однако сделано было в этом случае недостаточно.

Второе наступление армии генерала Мола против Бильбао началось 31 марта 1937 г. с участием 30.000 человек, 150 орудий, около 150 самолетов, 40 танков и пр. Самолеты были почти исключительно германского и итальянского происхождения, среди солдат были и итальянцы, и немцы, и мятежники. В наступлении участвовали итальянские моторизованные части. Наступление продолжалось около месяца без особых результатов, так как мятежники и интервенты встретились с серьезным сопротивлением республиканцев. 28 апреля войска мятежников пошли в усиленное наступление, сосредоточив все внимание на участке между Герникой и дорогой Дуранго—Бильбао, откуда открывался

путь к столице басков. После зверств в Бадахоса, Севилье, Кордове, Малаге, после варварского обстрела Мадрида, испанские фашисты и их заграничные союзники запятнали себя еще одним преступлением: они подвергли бомбардировке исторический город басков, их бывшую столицу—Гернику, не представлявшую стратегического интереса. Для бомбардировки был выбран рыночный день, когда в городок сошлись массы окрестных жителей. Бомбардировка Герники германскими самолетами продолжалась 3½ часа; на городок были сброшены разрывные снаряды весом до 300 кило и свыше 3.000 зажигательных бомб. Бомбардировку произвела германская эскадрилья. Стариннейший город басков, центр их традиционной культуры, был полностью уничтожен. 29 апреля войска генерала Мола вступили в его развалины, усеянные сотнями трупов.

На следующий день республиканцы потопили линейный корабль мятежников „Эспанья" и тем несколько осложнили ход операций. Однако, в первых числах мая мятежники продолжили наступление и подошли к окрестностям Бильбао, поставив город под непосредственную угрозу.

Население Бильбао под руководством компартии и правительства басков, организовало защиту города; часть гражданского населения была эвакуирована; вокруг Бильбао вместо старых укреплений, план которых был выдан фашистам предателями, в радиусе 12—16 километров от города вырос новый железо-бетонный пояс. Создание регулярной армии с единым командованием шло форсированным порядком.

В тяжелые дни, когда мятежники продвигались по направлению к Бильбао, а Мадрид продолжал подвергаться артиллерийскому обстрелу интервентов, троцкисты вызвали кровавый путч в Барселоне. Кровавые события подготовлялись уже давно. Борьба троцкистов и „бесконтрольных" против коммунистической партии и народного фронта все обострялась. 23 апреля произошел инцидент, заставивший каталонское правительство решиться на энергичные меры против троцкистских провокаторов. В одном из пограничных пунктов Каталонии отряды троцкистов, поддержанные „бесконтрольными", отказались допустить республиканских карабиньеров к охране границы. Тогда генеральный секретарь ПСУК, Комарера, внес в правительство ряд конкретных предложений, целью которых было решительно прекратить бесчинства троцкистов. Правительство колебалось, так как некоторые анархисты, входившие в его состав, протестовали против предложений ПСУК. Но за инцидентом 23 апр. последовали другие. 25 апр. группа троцкистов и анархистов остановила автомобиль, в котором ехал секретарь УХТ, Рольдон Кортада, вытащила его из машины и на глазах его жены и детей расстреляла его из ручного пулемета. 28 апр. в городке Пуигсерда крестьяне выступили против троцкистско-анархистских насильников, и руководитель местного троцкистско-анархистского комитета был убит во время столкновения с частями республиканской охраны. Это было использовано в качестве предлога для вооруженных демонстраций троцкистов и „бесконтрольных". 29 апр. троцкистские вооруженные кучки начали занимать стратегические пункты на окраинах Барселоны, в ночь с 29 на 30 апр. они стали строить баррикады, которые были 30 апр. разобраны полицией. 1 и 2 мая троцкисты делали попытки дезорганизовать нормальную жизнь города. Каталонское правительство отдало приказ о немедленном разоружении всех лиц, появляющихся на улицах с оружием без права ношения его. Тогда троцкистско-анархистские элементы предъявили ультиматум правительству, требуя его отставки и роспуска всех правительственных вооруженных сил. Утром третьего мая правительство заявило, что оно намерено немедленно разоружить всех лиц, не обладающих специальными разрешениями на ношение оружия, и что оно решило установить правительственный контроль над общественными зданиями и учреждениями, захваченными „бесконтрольными" под

флагом проведения „рабочего контроля". Когда в этот же день правительственный комиссар явился с отрядом республиканской полиции на телефонную станцию, где засели „бесконтрольные", он и его отряды были встречены пулеметным огнем и ручными гранатами. Троцкистско-фашистские группы выступили одновременно в различных районах города, пытаясь при помощи вооруженной силы свергнуть правительство. Столкновения на улицах происходили 3 и 4 мая, несколько сот человек было убито.

Трицкистско-фашистский путч удалось подавить быстро. На основании каталонской конституции центральное правительство взяло на себя охрану общественного порядка в Каталонии и командование каталонскими вооруженными силами. Командующим арагонским фронтом был назначен генерал Посас.

Подавляющая масса анархистов не только не принимала участия в троцкистско-фашистском путче, но решительно осудила его организаторов. Подготовляя путч, троцкисты связывались с безответственными анархистскими группами, вроде группы „Друзья Дуррути", находящимися в оппозиции по отношению к анархистскому руководству. Руководители НКИ и ФАИ как в разгар путча, так и после него призывали анархистов не поддаваться на провокации, подчиниться приказам правительства и не мешать восстановлению общественного порядка.

Троцкистско-фашистский путч вызвал возмущение во всей республиканской И. Троцкистская организация в И. разоблачила себя как прямая агентура Франко и германского и итальянского фашизма. Не случайно 3 мая, во время уличных столкновений в Барселоне, фашистский генерал Кейпо де Льяно по радио предлагал каталонским троцкистам держаться и обещал им поддержку. Вся республиканская печать объединилась в требовании уничтожить провокаторов и преступников. УХТ принял решение исключить членов контрреволюционной троцкистской организации из профессиональных союзов. Правительство постановило произвести строжайшее расследование происшедшего и провести разоружение гражданского населения. Троцкистско-фашистский путч в Барселоне был выступлением агентов Франко и иностранных генштабов в республиканском тылу. Он произошел по указке из Берлина и Рима. Выступление троцкистов в Барселоне ставило своей целью захват власти в Барселоне для отрыва ее от остальной республиканской И. Это позволило бы германо-итальянским интервентам снять войска с арагонского фронта и бросить их на север против басков и астурийцев, которые в это время героически сопротивлялись войскам мятежников.

15 мая кабинет Ларго Кабальеро подал в отставку. Президент республики Асанья сначала поручил Кабальеро формирование нового кабинета, но после неудачных попыток Кабальеро отказался, и кабинет был сформирован Хуаном Негрином, бывшим министром финансов в кабинете Кабальеро.

Реорганизация правительства была вызвана всей политической и военной обстановкой, сложившейся в стране. Положение на фронтах, наступление мятежников на Бильбао, необходимость активизации арагонского фронта требовали улучшения и усиления военного командования. Троцкистско-фашистский путч в Барселоне заострил проблему установления революционного порядка в тылу. Коммунистическая партия выступила с конкретной программой мероприятий, необходимых для организации победы на фронтах и создания порядка в тылу. Среди этих мероприятий были: реорганизация военного комиссариата, чистка штабов и военных учреждений от сомнительных элементов, создание высшего военного органа, ответственного перед военным министром, но самостоятельного в отношении политического руководства армией, организация мощной военной промышленности и пр. Предложения компартии были поддержаны всеми другими партиями народного фронта, однако Ларго Кабальеро хотел про-

вести реорганизацию правительства на свой манер, игнорируя эти требования, отражавшие волю широких масс. На его сторону встали только руководители профсоюзных объединений—УХТ и НКТ.

17 мая Хуан Негрин сформировал кабинет, явившийся авторитетным представителем всех партий народного фронта. Кабинет состоял из 9 человек, из которых было трое социалистов, двое коммунистов, два представителя лево-республиканских партий и два представителя национальных меньшинств. Персонально в кабинет вошли: пред. совета министров и мин. финансов—Хуан Негрин (социалист); мин. иностр. дел—Хосе Хираль („республ. левая"); мин. обороны—Индалесио Прието (социалист); мин. юстиции—Мануэль де Ирухо (баскский националист); мин. внутр. дел—Хулиан Сугосагаития (социалист); мин. просвещ. и здравоохранения—Хесус Эрнандес (коммунист); мин. земледелия — Висенте Урибе (коммунист); мин. обществ. работ и путей сообщ.—Хинер де лос Риос—(„республик. союз"); мин. социальн. обеспеч. — Хаиме Айгуде („каталонская левая").

Немедленно после своего образования правительство Негрина выпустило декларацию, в которой заявило, что его главная цель—привести массы к скорейшей победе над мятежниками и интервентами. Правительство заявило, что оно намерено поддерживать абсолютный порядок в тылу, что оно уделит особое внимание единому руководству военными операциями и проведению единой экономической политики и что оно намерено поддерживать самый тесный контакт с кортесами. Правительство заявило также, что оно полностью продолжит линию прежнего кабинета в вопросах внешней политики.

29 мая пленум руководства УХТ осудил позицию исполкома и заявил, что профессиональные союзы окажут полнейшую поддержку правительству Негрина. Вся республиканская И. приветствовала правительство народного фронта. Одним из первых постановлений правительства было решение начать расследование причин падения Малаги (общественное мнение давно требовало наказания виновных); правительство приняло ряд решений, направленных к установлению порядка в тылу.

Тем временем усилия интервентов и мятежников захватить Бильбао терпели неудачу. Хотя они захватили некоторые территории и приблизились к Бильбао, контратаки республиканцев заставили их остановиться, причем они понесли значительные потери. Удар на Бильбао был предпринят, когда стало очевидным, что атаки непосредственно на Мадрид оставались бесплодными. Однако, расчеты на быстрый захват Бильбао оказались неверными. После двух месяцев наступления мятежники и интервенты остановились перед столицей басков.

После неудач и поражений на центральном фронте и безуспешных атак на Бильбао интервенты предприняли провокацию в Средиземном море. 31 мая германские броненосцы подвергли бомбардировке портовый город Альмерию. Гитлеровское правительство пыталось утверждать, что бомбардировка мирного населения Альмерии являлась „актом возмездия" за обстрел республиканскими самолетами германского броненосца „Дейчланд", якобы исполнявшего обязанности контроля. Эта версия была насквозь лживой, так как республиканские самолеты обстреляли „Дейчланд" лишь после того, как он первый атаковал их. Кроме того, контроль в этом районе осуществлялся не германскими, а французскими кораблями, и германский броненосец, находившийся в порту мятежников, не выполняя никаких функций контроля, явно был там для оказания помощи мятежникам.

В тот же день 31 мая правительства Германии и Италии заявили, что они выходят из Лондонского комитета, отказываются от контроля и отныне будут действовать в отношении И. „по собственному благоусмотрению". Одновременно они послали в испанские воды новые военные корабли. Совершенно очевидно, что гитлеровцы предприняли наглую провокацию с „Дейчланд" для того, чтобы иметь

повод для перехода к открытым военным действиям. Бомбардировка Альмерии явилась открытым актом войны германского фашизма против Испанской республики.

Провокация германских фашистов и открытое нападение германских военных кораблей на мирное население Альмерии вызвали возмущение международного общественного мнения. Испанское правительство обратилось в Лигу наций с решительным протестом. ЦК компартии И., ЦК социалистической партии и руководство УХТ обратились к Коммунистическому интернационалу, Социалистическому рабочему интернационалу и Международному объединению профсоюзов с просьбой о совместном выступлении по поводу неслыханной фашистской провокации. Т. Димитров, в ответ на это обращение, обратился к председателю Исполкома Социалистического интернационала де Брукеру с предложением немедленно создать международную контактную комиссию для международного единства действий против военной интервенции Германии и Италии в И.

Позиция Советского Союза в отношении испанских событий общеизвестна. Народы Советского Союза отнеслись к героической борьбе испанского народа за его свободу и независимость с величайшей симпатией и сочувствием. Самым ярким выражением чувств народов Советского Союза по отношению к испанскому народу явилась телеграмма, посланная товарищем Сталиным 16 октября 1936 г. ген. секретарю компартии И. Хосе Диасу в ответ на приветствие ЦК компартии И. Телеграмма гласила:

„Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества".

Телеграмма товарища Сталина вызвала величайший энтузиазм в республиканской И. Все слои народа откликнулись на нее, печать различных направлений указывала, что благородные слова товарища Сталина и помощь Советского Союза республиканской И. усилили тягу испанского народа к единству, к сплочению его сил.

Решительные выступления представителя СССР в Лондонском комитете, помощь, оказанная Советским Союзом И. перед мировым общественным мнением, помощь и моральная поддержка, оказанные распубликанской И. трудящимися СССР — все это имело большое значение для борьбы испанского народа за свободу и демократию.

Май 1937 г

XI. Португалия (*ср.* XLVII, 670 сл.). „Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически, в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1700—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения... в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д." (Ленин, „Сочин.",т. XIX, стр. 140). Португалия являет собою пример того, как „Англия, путем помещения огромных капиталов в железные дороги и др. предприятия, управляет формально независимыми государствами" (Ашкрофт, „Очерк современного империализма", М., 1924, стр. 21). В восьмидесятых гг. XIX в. английская территориальная экспансия в Африке широко пользовалась португальским флагом, чем объясняются приобретения П. в Африке в эпоху ее раздела.

Английские инвестиции П. (8,1 млн. фунт. стерл.) в 1914 г. равнялись английским инвестициям в Австро-Венгрии и превышали эти инвестиции во Франции. Французские инвестиции занимали второе место в П.; в 1900 г. они в Испании вместе с П. равнялись 4.500 млн. франков, а в 1914 г. сократились до 3.900 млн. франков, в то время, как английские инвестиции в обеих этих странах вместе составляли

27,1 млн. фунт. стерл., а германские — 1.700 млн. марок. После государственного банкротства в 1892 г., португальские финансы были поставлены под контроль „комиссии государственного кредита", в которую кредиторы П. выбирали двух (из пяти) членов. Эта смягченная форма международного контроля дополняется контролем, осуществляемым при помощи дипломатического давления не только Англией, но и Францией (и Германией до 1914 г.). В отдельных случаях визит английской военной морской эскадры подкрепляет дипломатическое выступление британского посла.

Экономической отсталости и зависимости соответствует культурная отсталость страны. Республика закрыла монашеские ордена и монастыри, обосновавшиеся в обход запретительного закона 28 мая 1834 г. Диктатура (см. ниже) вернула П. к временам иезуитского господства. Республиканский декрет 29 марта 1911 г. декларировал всеобщее обязательное обучение. Диктатура сохраняет по сей день восьмидесятипроцентную неграмотность португальского народа. В 1925 г. было 6.850 народных школ со 170.415 учащимися; средних школ — 33 с 11.304 учащимися; 3 университета. Режимом экономии, введенным О. Салазаром, мотивировалось упразднение в 1928 г. юридического факультета в Лиссабоне, философского факультета в Опорто и Высшей нормальной школы в Коимбре; разумеется, решающую роль в этом сыграло враждебное отношение диктатуры к светскому образованию.

В экономическом отношении П. представляет ту-же картину, что и до-революционная Испания, с тою разницей, что отрицательные стороны испанской народно-хозяйственной системы еще ярче выражены в португальской экономике. П.—страна и по сегодняшний день аграрная: в сельском хозяйстве занято более 60% населения; отсталость составляет основную черту португальского сельского хозяйства. Половина (49,1%) поверхности П. невозделана и находится в диком, неиспользуемом состоянии. По данным 1928 г. пашнями и лугами заняты 26,2% поверхности страны; виноградниками — 3,5%; плодовыми садами — 3,9%; лесами—17,3%. Обработка земли производится первобытными средствами и способами; урожай совершенно не соответствует исключительно благоприятным условиям климата и почвы. С 750.000 *га* ежегодно собиралось около 100.000 *m* зерновых; минимально 100.000 *m* должны были ввозиться, главным образом из США и Аргентины, для удовлетворения потребностей населения. Виноградники занимают свыше 300.000 *га*, принося ежегодно около 5.000.000 гектолитров вина (при 100.000 рабочих). Следующее место занимает культура оливкового дерева с ежегодной продукцией около 150.000 гектолитров оливкового масла. Леса (около 1,6 млн. *га*) состоят из пиний, дуба, пробкового дуба, земляного ореха. Считается, что 330.000 *га* занято пробковым деревом. В рыбных промыслах в 1935 г. было занято 48.636 человек, которые производили на 17,6 млн. эскудо сардинок и др. консервов.

В промышленном отношении П. далеко отстала даже от Испании. Тяжелая индустрия почти отсутствует. В 1926 г. было добыто 200.328 *m* антрацита; 30.699 *m* бурого угля; 210.487 *m* медной руды, 1.640 *m* железной руды; 1.474 *m* олова; 222 *m* вольфрамита. В текстильной промышленности (в 1924 г.) занято было около 45.000 рабочих.

Чрезвычайно характерно для португальской экономики соотношение между ввозом и вывозом:

Годы	Ввоз		Вывоз	
1918 . . .	110.472	конто	56.785	конто
1919 . . .	229.427	„	106.982	„
1920 . . .	590.998	„	222.150	„
1921 . . .	982.729	„	224.478	„
1922 . . .	1.247.752	„	442.811	„
1923 . . .	2.222 782	„	673.868	„
1924 . . .	2.832 270	„	924.974	„
1925 . . .	2.475 522	„	862 175	„
1926 . . .	2.342.219	„	729.408	„
1927 . . .	2.662.100	„	722 600	„
1928 . . .	2.679.100	„	1 029.400	„
1929 . . .	2·528.600	„	1.073.200	„
1930 . . .	2.405 700	„	945.300	„
1931 . . .	1.673.600	„	811.700	„
1932 . . .	1.707.900	„	791.800	„
1933 . . .	1.905.300	„	802.500	„
1934 . . .	1.966.300	„	903 500	„
1935 . . .	2.212.800	„	892.300	„

В ввозе первое место занимали машины и автомобили, затем—пшеница, хлопок-сырец, треска, уголь, бумажная пряжа, сахар, железо и сталь и т. д.; в вывозе — вино, сардины, пробка и т. д. На первом месте, далеко опередив все прочие страны объемом торговли с П., неизменно стоит Англия, затем— США, Франция, Бразилия, Нидерланды, Аргентина, Испания и т. д.

В 1928 г. торговый флот П. не превышал 200.000 *т*. Из них 150.000 *т* приходилось, по германским расчетам, на захваченные во время мировой войны в португальских гаванях немецкие суда.

Колонии П. занимают 2.426.500 *кв. км*, т.-е. поверхность в 22 раза большую, чем метрополия, с населением, в 1928 г., 8.837.183 жит.,— 4 человека на 1 *кв. км*. Важнейшие колонии, как Ангола и Мозамбик, пользовались еще до 1914 г. некоторой автономией, между тем как все крупные предприятия в них, начиная с железных дорог, находились (и находятся) в руках английских компаний. Ангола занимает 1.255.775 *кв. км*, имеет 4 с лишком миллиона жителей, из них не более 10.000 португальцев. Железные дороги и телеграф—собственность англичан. Вывозится кофе, пальмовое масло, сахар, маис и проч. Ввозятся из Англии — предметы комфорта и роскоши и железнодорожные строительные материалы. Ввоз (242.875 конто) превышает вывоз (201.112 конто). Мозамбик — 1.108.800 *кв. км*, с $3^1/_4$ млн. жителей, из которых белых 10.000 чел., в числе их англичан столько же, сколько португальцев. Две английские компании владеют всеми экономическими рессурсами этой колонии. Вывоз в 1924 г.— 181.342 конто, ввоз—323.100 конто. Из азиатских колоний — Гоа в Индии, Макао в Китае и Тимор на Зондских островах (16.248 *кв. км*, 380 тысяч жителей, производят кофе, копру, воск, сандал), — наибольшее международно-политическое значение имеет последний, как объект японских вожделений.

Финансовое положение П. за время мирозой войны и после нее непрерывно ухудшалось. Дефицит по государственному бюджету в 1920—1921 г. поднялся до 265.337 конто (конто = 1.000 эскудо). В последующие четыре года государственный бюджет П. составлялся следующим образом:

Годы	Доходы	Расходы
1923—24	674.076.163 эскудо	813.412 000 эскудо
1924—25	1.257.986.167 „	1.824.188.853 „
1925—26	1.305.193.612 „	1.369.758.741 „
1926—27	1.289 (32.232 „	1.555.304 830 „
1927—28	1.421.993.021 „	1.611.321.560 „

На первом месте среди доходов стояли получения от прямых и косвенных налогов, от почты и от пошлин; среди расходов — войско, флот полиция.

Государственный долг в 1920—1921 г. поднялся до 2.907.950 конто, в 1925 г.— до 7.189.000 конто, при наличии в обращении бумажных денег на сумму 1.698 млн. эскудо. В 1928 г. бумажных денег было 1.902 млн. эксудо, и в это время задолженность государства банку П. выражалась цифрою 1.644 млн. эскудо. Рядом с этим сокращение военного долга, на которое согласилась Англия (7.167.000 вместо 20.153.000 фунт. стерл.), представляло лишь незначительное облегчение. При достигнутом в 1928—1929 г. уравнении доходов с расходами платежи по государственному долгу составляли около $^1/_4$ госуд. расходов.

Ближайшим поводом к военному перевороту в мае 1926 г. (*см.* XLVII, 675) послужили апрельские заседания палаты депутатов, посвященные обсуждению вопроса о табачной монополии; срок аренды ее французской группой капиталистов истекал 30 апреля 1926 г.; были сторонники ее возобновления; общественное мнение требовало уничтожения этой монополии (отмена ее была первым мероприятием первого республиканского правительства П.); в то же время велась деятельная кампания в пользу передачи этой концессии группе английских капиталистов. В парламенте обсуждение этого вопроса завершилось рукопашной схваткой и очищением зала заседаний вооруженной силой. Захват власти был совершен тремя генералами (Кабе

садас, Гомес да Коста, Кармона), заявившими, что „армия" решила прекратить борьбу политических партий, дезорганизующую экономическую и политическую жизнь в стране. Овладев властью без единого выстрела, три генерала вступили в борьбу между собою. Моряк Кабесадас первый был изгнан из правительства своими сухопутными коллегами, после чего генерал Гомес да Коста (командовавший экспедиционным португальским корпусом во Франции в 1918—1919 гг.) отнял министерские портфели у генерала Кармона и двух других министров. Однако, остальные министры, недовольные крутостью Г. да Коста, демонстративно подали в отставку. Это дало Кармоне возможность арестовать оставшегося в одиночестве основоположника генеральской диктатуры и сослать его на Азорские острова.

Между тем вопрос о передаче табачной монополии англичанам осложнился: англичане связали его с вопросом о военных долгах П. английскому правительству (25 млн. фунт. стерл.). Правительство генерала Кармона начало с соглашения о долгах, которым Англия обусловила предоставление займа. Лидеры парламентских партий подписали декларацию, врученную ими иностранным миссиям в Лиссабоне; декларация эта объявляла всякую финансовую сделку правительства, не санкционированную парламентом, незаконной и не имеющей силы для последующих законных правительств. Последовали многочисленные аресты, не помешавшие, однако, оппозиции поднять восстание против генеральской диктатуры в начале февраля 1927 г. В этом движении участвовали, вместе с воинскими частями (артиллеристы, часть флотского состава, пехотных полков, республиканской гвардии), рабочие. Железнодорожные служащие, недовольные правительственным решением передать казенные железные дороги частным компаниям, присоединились ко всеобщей забастовке. Генеральское правительство имело на своей стороне подавляющее большинство офицерства, располагало всем правительственным аппаратом, а также поддержкой монархистов, и, наконец, негласной помощью с испанской территории; прибытие английских военных судов в португальские воды считалось демонстрацией в пользу генеральского правительства. Политическим центром восстания стал второй по значению город в стране—Опорто; против него двинуты были почти все военные силы правительства. Опорто был окружен, блокирован со всех сторон, в течение двух суток подвергался почти непрерывной бомбардировке, затем начался штурм с боями на улицах города. Тем временем восстание вспыхнуло в самом Лиссабоне, где два министра были арестованы и происходили также уличные сражения с участием артиллерии. Общее число жертв, по неполным сведениям, было: в Лиссабоне—300 убитых, 1.000 раненых, в Опорто—150 убитых, 350 раненых. П. впервые пережила столь кровопролитные события, разыгравшиеся на протяжении семи-восьми дней. Правительство закрепило свою победу осадным положением, военными трибуналами, воспрещением стачек, ссылкой тысяч политических заключенных в португальскую Восточную Африку, закрытием политических клубов и союзов. Затем оно заключило заем в Англии, образовало железнодорожную милицию по фашистскому образцу, и занялось объединением деятельности португальской и испанской полиции против „большевистской опасности". Этот полицейский блок должен был, помимо прямого своего назначения, служить выражением „пан-иберийской идеи", которой полуофициально сдабривалось копирование португальской диктатурой Примо-де-Риверовского образца.

Майский (1927) манифест правительства Кармона представлял попытку выступить с программой „положительных мероприятий по возрождению страны"; перечень этих мероприятий включал: реализацию займа, гарантированного табачной монополией, стабилизацию валюты, конверсию внутреннего долга, реформу налоговой системы, расширение и усовершенствование заводов, работающих на оборону, оборудование морских станций

в колониях, сокращение винодельческих плантаций и расширение посевов хлебов и пастбищ и т. д. Во внешней политике на первое место поставлено было заключение договора о согласительной процедуре и арбитраже с Испанией. За этим манифестом последовал арест членов организации МОПР'а с объявлением их заложниками (29 мая 1927 г.) и с предупреждением, что все они будут расстреляны, как только в П. совершен будет какой-либо террористический акт против правительства.

12 августа — после двухнедельных слухов о предстоящем перевороте — три офицера-монархиста, ворвались в зал заседаний Совета министров и потребовали реорганизации правительства со включением в него полковника Ф. Камара, а затем открыли пальбу по министрам. Одновременно начал вооруженное уличное выступление сам Камара. В правительственной типографии заговорщики заставили отпечатать декрет об отставке правительства. Правительство бежало из города в ближайший авиационный лагерь, но заговорщики, не нашедшие поддержки в массах, потерпели неудачу и очень скоро были арестованы.

Европейская пресса в самом начале и во второй половине 1927 г. уделяла особенно много внимания вопросу о судьбе португальских колоний в связи с переговорами о военных долгах (соглашение состоялось 30.XII 1926 г. на основе уплаты полностью в 62 года или в сокращенной сумме $5^1/_2$ млн. фунт. стерл. до 31 декабря 1927 г.), об англо-португальском займе, с передачей португальского порта Бейра на Мозамбикском берегу на 90 лет английской компании (сообщалось о взятках директорам прежней смешанной компании в 50 тыс. ф. ст.), а также о проекте германской колонизации португальской Анголы, выработанном при участии португальской колониальной администрации. В связи с финансовыми сделками П. в 1927 г. заключила соглашение о демаркации Анголы с Южно-Африканским Союзом и с Бельгией. Попытка получить финансовую помощь (заем в 12 млн. ф. ст.) через Лигу наций окончилась неудачей. вследствие предъявленного Женевой, в качестве условия оказания помощи, требования об установлении финансового контроля Лиги наций над португальским бюджетом. Диктатура, естественно, отстаивала под предлогом защиты национального суверенитета своеобразную конструкцию этого бюджета, в основании которого лежало прикармливание офицерства.

1928 год ознаменовался избранием 25 марта „всеобщим голосованием" генерала Кармона президентом Португальской республики. Официально зарегистрировано было 750 тыс. голосов в пользу этой единственной предложенной избирателям кандидатуры. Никогда в президентских выборах П. не участвовало такое большое число избирателей, даже при наличии различных кандидатур; достоверность официальной статистики была подвергнута всеобщему сомнению. Центр буржуазной оппозиции диктатуре оставался в Париже, руководство им принял на себя бывш. президент республики, профессор Бернардино Машадо. В июне понадобились вновь массовые аресты для предотвращения нового движения против диктатуры, а 20 июля вспыхнуло восстание в столице, начатое войсками, расквартированными в лиссабонской цитадели. Правительственные войска окружили цитадель, отрезали центр города от рабочих предместий и с рассвета начали артиллерийский обстрел цитадели, продолжавшийся до 9 часов утра, когда восставшие подняли белый флаг.

Влияние экономического и финансового кризиса сказалось в течение 1928 г. превращением беспрограммной по существу генеральской диктатуры в своеобразную „военно-финансовую" диктатуру. В течение года кабинет Фрейтаса несколько раз частично изменял свой состав. Для разрешения основных задач—ликвидации бюджетного дефицита и спасения португальской валюты—был приглашен на пост министра финансов профессор коимбрского университета Оливейра Салазар. Салазар принял это назначение при условии предоставления ему права вето в отношении бюджетных предположений его коллег. Условие бы-

ло принято, но немедленно нарушено, и Салазар тотчас-же подал в отставку. Государственное банкротство казалось неизбежным, и Кармона вновь обратился к Салазару с обещанием обеспечить полноту его власти в бюджетных вопросах. С 30 июня 1928 г. Салазар начал осуществлять „финансовую диктатуру" в рамках военной диктатуры В основу своей финансовой политики он положил, конечно, „традиционную дружбу" с Англией; это выразилось прежде всего в заключении новой конвенции с Южно-Африканским Союзом о железно-дорожной концессии, давшей Южно-Африканскому Союзу, в качестве конечного пункта железной дороги к Индийскому Океану, важнейший порт побережья—остававшийся под властью Португалии — Лоуренсо-Маркес.

Упорядочение государственных финансов выразилось в первый год в экономии в 28 млн. марок, главным образом по бюджету народного образования. Были повышены прямые налоги и введены косвенные — на сахар, масло, бензин и т. д. — в общей сложности, по информации европейской прессы, более чем на 40 млн. марок. Впервые с 1914 г. бюджет был сбалансирован—по крайней мере официально—с превышением доходов над расходами.

Испано-португальское (фактически—полицейское) сближение объявлено было „исторической миссией" португальской диктатуры. Договор о примирительной процедуре и обязательном арбитраже был заключен не только с Испанией, но и с Францией (6 июля 1928 г.), что не помешало возникновению франко-португальского конфликта из-за стеснений французской торговли в португальской Гвинее.

В течение 1929 г. внешним образом правительству диктатуры удалось организовать небывало многочисленную и разветвленную полицию, которая „своевременным" вскрытием „заговоров" давала возможность правительству предупреждать открытые оппозиционные выступления. Полицейский террор тяготел над рабочим движением и политическими организациями рабочего класса. Внутренняя слабость диктатуры наглядно сказалась в противоречиях, вызвавших полный министерский кризис 9-го июля, продолжавшийся три дня и закончившийся образованием кабинета генерала Ферраса. Частичный министерский кризис в ноябре 1929 г.—отставка министра народного просвящения Коста Ферейра—подчеркнул трудность примирения диктатурой двух враждующих лагерей буржуазии. Как полный кризис, так и частичный вызваны были столкновением клерикальных и „либеральных" тенденций. Отставка кабинета Фрейтаса последовала за отменой Фрейтасом запрещения лиссабонской организации школьных учителей, несмотря на сопротивление этой отмене со стороны „финансового диктатора", О. Салазара. Так-же и отставка Коста Ферейра вызвана была его попытками защищать светское образование против воинствующей клерикальной политики всемогущего финансового диктатора.

Президент Кармона курьезным образом формулировал свое представление о „конституции" Португальской республики под режимом генеральской диктатуры: „Диктатура без диктатора, целью которой не является сосредоточение власти и ответственности в одном лице". Во время июльского министерского кризиса образование кабинета генерала Ферраса решено было на многолюдном совещании наиболее влиятельных генералов под председательством президента.

Личность Салазара, которого усердно рекламировала европейская финансовая пресса, совершенно заслонила собою „скромного", как писала эта пресса, генерала Кармона. Салазар — воинствующий клерикал, стремящийся основать „финансовое благополучие" П. на союзе „креста и сабли". Ряд мер Салазара, осуществлявших экономию государственных расходов, правительства парламентарного происхождения не решались осуществить; к числу их относится декрет 14 мая 1928 г. о прекращении выплаты жалования по должностям, которые не связаны с фактической работой, уничтожение параллельных учреждений, выполняющих одну и ту-же работу (если бы они во-

обще работали), сокращение бюрократического аппарата, мотивированное намерением — неосуществленным — повысить оклады остающихся на службе чиновников. В 1929 г. проведено было, для увеличения средств государственной казны, радикальное сокращение местных бюджетов. В марте 1929 г. издан был декрет о создании „главного интендантства" в составе „главного интенданта" и двух его помощников; всякое сметное предположение государственных учреждений должно было поступать на рассмотрение этого органа. Бюджет 1928-1929 г. составлен был следующим образом: доходы 19.193.883 фунт. стерл., расходы 19.178.116 фунт. стерл., остаток 15.767 фунт. стерл. (фунт. = 100 эскудо); на 1929-1930 г. доходы были исчислены в 20.334.332 фунт. стерл., расходы — в 20.248.549 фунт. стерл., остаток—85.782 фунт. стерл. По официальным сведениям, текущий внешний долг (1.240.000 фунт. ст.) был полностью выплачен. Надо заметить, что правительство принимало при этом все возможные меры для того, чтобы в печать попадали исключительно рекламные сведения о состоянии португальских финансов. В числе этих мер был специальный закон, устанавливавший высокие меры наказания (с конфискацией всего имущества) для лиц, распространяющих сведения, подрывающие кредит португальского государства. Поэтому действительное состояние финансов в П. определить трудно. Известно лишь, что в 1929 г. 40% государственного бюджета составляли расходы по уплате долгов англичанам, что около трети всех государственных доходов шло на армию (60.000 человек), флот и полицию. Сокращение бюрократического аппарата направлено было против старых служащих, интересы же офицерства на военной и гражданской службе тщательно оберегались. Во внешней политике 1929 год протекал под знаком связи с испанской диктатурой, засвидетельствованной обменом визитами Примо де Ривера в П. и Кармона в Мадрид. В июне месяце была с помпою открыта железная дорога через Северную Анголу с выходом в бухту Лобито (порт Бенгуэлла),—английская концессия, английские строительные материалы и т. д.

Оборотная сторона рекламных достижений финансовой диктатуры Салазара сказывалась ростом недовольства во всех классах населения. Беспримерная строгость цензуры не позволяла прессе отражать происходящие в стране волнения. Однако, постоянные заявления правительства о его решимости бороться с революцией крайними мерами, об открытии заговоров, о предупреждении восстаний, о нахождении складов оружия показывали остроту внутреннего положения. Не только рабочее, но и крестьянское движение вырывалось из подполья; так, в августе в Костандейре произошла поголовная демонстрация населения против высоких налогов, во время которой полицией было убито двое демонстрантов и много ранено. Торгово-промышленные круги в значительной степени переходили в оппозицию диктатуре, заявляя, что ни торговля, ни промышленность не могут выдержать требований фиска. Новый таможенный тариф, введенный в январе 1930 г., имел ярко-выраженный протекционистский характер, особенно в отношении мануфактурных изделий, и представлял попытку диктатуры опереться на „развитие отечественной промышленности".

Экономический кризис, а также развал и падение военной диктатуры в Испании способствовали обострению борьбы среди португальской буржуазии. Обострение отражалось в армии дифференциацией правого и левого крыла. 1930 г. открылся министерским кризисом, длившимся с 11 января по 21-ое.

Отставка кабинета Ферраса вызвана была ближайшим образом разногласием между ним и Салазаром вместе с другими министрами клерикалами. Феррас считал, что социальная база диктатуры настолько узка и ненадежна, что представляется необходимым ускоренным образом вернуться к конституционному режиму. Кармона собрал начальников вооруженных сил, генштаба и адмиралтейства, военных комендантов Лиссабона, командующих четырьмя

военными округами страны, начальников полиции, начальника лиссабонской цензуры, губернаторов и т. п. В этом собрании он выяснял политическое настроение в стране, а также структуру нового кабинета. Несмотря на то, что против Салазара выступили виднейшие колониальные администраторы, обвиняя его в разорении колоний, положение Салазара осталось непоколебимым, так как стабилизация португальской валюты признавалась национальными и иностранными советниками Кармоны неразрывно связанной с „финансовой диктатурой" Салазара. Кармона поручил составление нового кабинета полковнику Пассос Соуса, усмирителю восстания против диктатуры, возглавлявшему антиклерикальный или либеральный сектор офицерства. Восемь дней Соуса искал охотников вступить в состав его правительства, но Салазар привел к крушению все эти поиски. 21 января в 24 часа, благодаря содействию Салазара, был образован новый кабинет под председательством генерала Доминго Оливейра.

В марте 1930 г. произошло восстание колониальных войск в Анголе. В апреле (1930) были произведены многочисленные аресты виднейших деятелей прежнего режима, оставшихся в П.: бывшего премьера генерала Кардосо, бывш. военного министра генерала Матоса, многих бывших депутатов и др. лиц. В июле — новая серия арестов (полковник Альмейда, проф. Фигуэредо и др.) в связи с раскрытием заговора в пользу Браганцской династии. Непосредственно вслед за тем арестованы были бывш. военный министр, бывш. командующий республиканской гвардией, всего в течение недели не менее 300 деятелей республиканского режима. По правительственной классификации это был заговор демократической партии. В иностранную прессу проникли слухи, что с ним связан был полковник Пассос Соуса.

Ожидавшийся в апреле ответный визит Альфонса XIII в Лиссабон не состоялся, в нарушение международного обычая. Этого визита уже не хотели в Лиссабоне, где с момента падения Примо де Ривера резко оборвали линию сближения с Испанией. В феврале 1930 г. правительственная пресса вела кампанию против создания португало испанской пробковой монополии, усиленно подчеркивая противоречие интересов обеих стран. 12 марта был подписан контракт, сроком на 30 лет, предоставлявший французской воздухоплавательной компании исключительное право пользования для посадок при трансатлантических полетах островами Зеленого Мыса и Азорскими. Против подписания этого контракта заявили протест, с одной стороны — Испания, с другой—США, но главн. обр. Германия. Кабинет Оливейра, одновременно с массовыми июльскими арестами и усилением репрессий против рабочего движения, принял две меры для укрепления диктатуры: 1) он объявил о созыве совещания для выработки способа „постепенного возвращения к конституционному режиму" и 2) на этом совещании (31 июля 1930 г.) глава правительства торжественно возвестил об образовании лиги (по фашистскому образцу) „Национального союза". Правительственный манифест призывал всех граждан вступать в эту лигу „в интересах родины". Программная часть манифеста указывала основы дальнейшей политики правительства: союз с Англией, осуждение войны в духе пакта Келлога, подготовка новой конституции на основе усиления исполнительной власти, корпоративной организации государства и „децентрализации". „Национальный союз" должен был состоять под контролем правительства, местные комитеты его—назначаться губернаторами, с утверждением (или изменениями) министра внутренних дел. Задачей комитетов этих должна была быть борьба с противниками диктатуры по принципу, сформулированному министром внутренних дел: „Кто не с нами, тот против нас". Салазар подвел идеологическую основу под эту программу: „Борьба с индивидуализмом, социализмом и парламентаризмом". Заграничная пресса отмечала разорение и приближение к банкротству старейших португальских фирм, протесты представителей торговли и промышленно-

сти против увеличения налогов, равно как тревожное политическое положение в связи с бесчисленными заговорами и взрывами недовольства широких масс. В августе забастовка булочников оставила без хлеба Лиссабон, в этом же месяце, в октябре и в декабре были открыты три крупных заговора. В октябре, во время уличной демонстрации в Лиссабоне против диктатуры, 50 демонстрантов было ранено. Под впечатлением роста революционного движения и подготовки к вооруженным выступлениям, 20 декабря правительство издало декрет об учреждении специального трибунала для рассмотрения преступлений против существующего режима с повышением наказаний за участие в них. Были изданы „патриотические" законы, начиная с декрета, запрещавшего употребление на вывесках, в объявлениях и в коммерческих рекламах иностранных слов, „нарушающих чистоту португальского языка". Установлен был режим дискриминации для непортугальских судов, входящих в португальские порты (повышение для них портовых налогов и сборов). В мае был издан „Acto Colonial", обещавший правительственную охрану целости португальских колониальных владений и ограничение „по возможности" иностранного в них влияния, в особенности в отношении концессий.

1930 год не обошелся без одного из тех скандальных процессов, которые диктатура объявляла достоянием прошлого, исключительной принадлежностью парламентского режима: это выпуск фальшивых португальских кредитных билетов на миллион фунтов стерлингов, при участии видных чиновников диктатуры, включая и представителя португальской дипломатии; на скамье подсудимых очутился португальский посланник в Гааге, приговоренный к тюремному заключению.

Если верить европейской право-буржуазной прессе, 1931 г. был годом успешной борьбы португальской диктатуры против разрушительного влияния мирового экономического кризиса на португальское народное хозяйство. В действительности борьба за устойчивость португальской валюты велась не в П., а в Лондоне: эскудо послушно следовало по всем путям фунта стерлингов. Само правительство, и, в частности, „финансовый диктатор" Салазар высказывались в гораздо менее оптимистическом смысле, ссылаясь в объяснение затруднительности своего положения именно на действие мирового кризиса, а также на „коммунистическую" агитацию. 1931 год ознаменовался небывало широким за все время существования диктатуры революционным взрывом, двадцатым по счету с провозглашения республики. Революционное движение этого года имело два отличительных признака: во-первых—чрезвычайную активность и высокую степень организованности, несмотря на тяжесть условий подпольного существования рабочего движения, и, во-вторых— широкое географическое распространение революционной борьбы в метрополии и в колониях.

После декабрьских арестов 1930 г. в П. и за ее пределами со дня на день ожидали революционного взрыва против португальской диктатуры. В январе 1931 г. португальская эмиграция утверждала, что единственным препятствием к свержению диктатуры является присутствие в лиссабонской бухте английской эскадры. Само правительство считало положение свое неустойчивым, и высшее духовенство настойчиво рекомендовало ему, во избежание революции и „эксцессов" антиклерикализма, притти к соглашению с лидерами конституционных партий о компромиссном возвращении к парламентарному режиму (правительство опровергало приписываемое ему согласие на компромисс).

Успехи республиканского движения в Испании способствовали энергичной подготовке революции в П. Подъем стачечного движения в соседней стране сопровождался подъемом рабочего движения в П. Прежде всего внимание привлекла к себе февральская всеобщая стачка на острове Мадейре, вызванная введением нового тарифа на импортную муку. Стачка сопровождалась бурными выступлениями рабочих и крестьян, заставившими власти отказаться от введения нового тарифа. Несмотря на это, в апреле раз-

разилось на Мадейре восстание, в котором приняли участие рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия, политические ссыльные и местный гарнизон. Образовалось временное правительство с генералом Диасом (ссыльным) во главе. Первым актом этого правительства было заявление лойяльности по адресу изгнанного президента республики Бернардино Машадо. Восстание распространилось на Азорские острова, на Португальскую Гвинею, затем на о. святого Фомы, Анголу, Португальскую Восточную Африку и Мозамбик. Это единодушие колоний объясняется варварским административным режимом и системой выжимания налоговым прессом денежных средств из колоний (Мадейра, напр., дала в 1929 г. 7.820.000 марок, из которых на местные нужды оставлено было меньше 200 тыс. марок). Первым ответом диктатуры на весть о восстании на Мадейре и о присоединении к восставшим посланного правительственного комиссара были массовые аресты в столице, не только бывших министров, депутатов и т. д., но и многих ответственных правительственных чиновников. Почта и телеграф были заняты войсками, совет министров перенес свои заседания в казармы пулеметного полка. В Париже образовался комитет республиканской эмиграции под председательством экспрезидента Б. Машадо, с участием бывш. председателя совета министров А. Коста, бывш. министра ин. дел Л. Серкейра и др. 23 апреля уличные демонстрации в Лиссабоне и Опорто рассеивались вооруженной силой. Рабочие вступали в борьбу с полицией и войсками. Правительство объявило дополнительный набор, получило из Англии 30.000 ружей, а 26 апреля состоялся в Лиссабоне торжественный прием наследного английского принца и его брата. 29 апреля студенты в Лиссабоне и Опорто манифестировали с красными флагами под лозунгом „долой диктатуру". Первомайские стачки и демонстрации увеличили тревожность положения, но только в августе движение перешло в вооруженное восстание. Оно продолжалось лишь один день, 26 августа; началось оно в 7 часов утра и к 6 часам вечера было ликвидировано вследствие недостатка в снарядах и патронах у восставших. К восстанию присоединились небольшая часть лиссабонского гарнизона и часть военной авиации; оно было поддержано всеобщей забастовкой. Восставшие обстреливали артиллерийским огнем цитадель (крепость св. Георга) и дворец президента. По официальным данным, убито было 50 человек, 300 ранено. Со стороны правительства одновременно действовали пехота, артиллерия, танки и кавалерия. Выйдя победителем из борьбы, правительство объявило об усилении репрессий, в особенности против коммунистов, о запрещении всех газет и организаций, не поддерживающих активно диктатуры, а вместе с тем снова обещало в ближайшем будущем вернуться к „нормальному конституционному порядку".

Испанские события являлись угрожающим предзнаменованием для подражателей Примо де Ривера. С другой стороны, испанская демократическая конституция представляла с точки зрения португальской диктатуры непосредственную угрозу: параграф 24-й этой конституции предусматривал установление двойного гражданства для граждан иберийского происхождения, по соглашению между испанским и соответствующим (т.-е. португальским или латино-американским) правительством. „A Voz", официальный орган генерала Кармона и Салазара, в январе 1932 г. повел кампанию против этого „пан-иберизма" испанской конституции, особенно встревоженный тем, что парижский „Тан" взял его под особую защиту и связал его со своей идеей испано-португало-французского блока. Газета громила испанский коммунизм и разоблачала „пан-иберизм" Мадарьяга, назначенного испанским послом в Париж. Эта газетная кампания была подкреплена неожиданным, без предупреждения, визитом британской эскадры в Лиссабон. Упомянутая газета поставила по этому поводу вопрос: чего ждет П. от Англии и английской дружбы? И ответила на него: помощи, спасения от коммунизма,

Появившийся в печати в Париже памфлет проф. Б. Машадо говорил о переговорах между Англией, Германией и Италией, основанием которых служил проект раздела португальских колоний.

В мае этого года был опубликован проект многократно возвещавшейся новой „конституции". Основные черты его: плебисцитарные выборы президента и ответственность перед ним правительства; парламент составляется путем делегирования представителей приходов, муниципалитетов, провинциальных депутаций, корпораций и обществ, „представляющих интересы духовные, материальные, экономические или исторические (?)"; в первичных, приходских выборах принимают участие главы семей.

5-го июля было реорганизовано правительство: председателем совета назначен был сам „финансовый диктатор", сохранивший портфель министра финансов. Только три министра из старого состава вошли в новый кабинет. Впервые за время диктатуры в правительстве преобладали штатские министры. В заявлении, сделанном для прессы, Салазар следующим образом охарактеризовал португальскую диктатуру: „Она так же, как фашистская диктатура, авторитарна и отвергает демократические принципы как в национальных, так и в социальных задачах. Но она отличается от фашистской диктатуры своими методами. Г-н Муссолини—великолепный оппортунист действия, и его происхождение от итальянских кондотьеров (!) в соединении с его социалистическим прошлым делают его специфически итальянским явлением. Новая Португалия не может и не считает возможным освободиться от ограничений морального (т.-е. клерикального) порядка..."

В октябре 1931 г. число безработных превысило 40.000. Ни проект фашистской „конституции", ни реорганизация правительства, ни „национальные" похороны бывш. короля (имевшие целью скрепить союз „республиканской диктатуры" с монархистами) не укрепили положения диктатуры генерала Кармона. Пресса, поддерживающая диктатуру, образование кабинета Салазара объявляла переходом от военной диктатуры к диктатуре гражданской. Этой же прессой введение в марте 1933 г. новой конституции истолковывалось как ликвидация диктатуры, как возвращение к нормальному конституционному режиму. Творцы этой „конституции" прокламировали создание при помощи ее „нового государства" (Estado Novo). В действительности и „плебисцитарное" принятие этой конституции, и сама эта конституция представляли грубейшее издевательство в чисто фашистском стиле над демократией. При плебисците голоса учитывались таким образом, что, к удивлению даже лондонских доброжелателей диктатуры, голоса воздержавшихся „глав семейств" считались голосами в пользу конституции. Отметив это, „Таймс" в номере от 22/III 1933 г. сообщал, что в Лиссабонском округе в пользу конституции было подано 43.420 голосов, против — 1.786, воздержалось — 94.922. Официальные данные, опубликованные позже, дали следующие цифры: вместе с воздержавшимися, голосовали за 1.292.864; против 6.190; 666 бюллетеней аннулировано. „Голосование" происходило в обстановке фактического военного положения. Цензура была усилена настолько, что накануне выборов подчинены ей были не только все газеты и журналы, но и книги, и вообще все печатные публикации. Газета единственной дозволенной политической партии (не считая Национального союза), партии „национал-синдикалистов" (португальских фашистов) была закрыта за непочтительный отзыв о чиновниках цензуры. Отзыв Бернардино Машадо о новой конституции кратко и верно характеризовал ее: „Конституция эта возвращает португальский народ к самодержавию, прикрывающему анонимные и хищные олигархии". Основу этой конституции составляют следующие положения: президент республики избирается на 7 лет; он может когда угодно и сколько угодно раз распускать парламент, назначать и увольнять министров, ответственных только перед президентом республики. Выс-

*

ший государственный орган — государственный совет, собираемый президентом республики по своему усмотрению в чрезвычайных обстоятельствах; членами его состоят председатели совета министров, обеих палат и верховного суда, генеральный прокурор и другие пять членов, назначаемые президентом республики. Национальное Собрание избирается на 4 года и заседает не больше 3-х месяцев в году; оно вотирует законы, одобряет декреты, утверждает бюджет, договоры с иностранными правительствами, объявляет войну. Регламент должен ограничить продолжительность речей. Правительство берет на себя задачу „координировать экономическую и социальную жизнь: эквилибрировать (!) народонаселение и профессии, обеспечивать работу, регулировать заработную плату". О том, как диктатура координировала экономическую жизнь можно судить по декрету, изданному в 1929 г., который фактически воспрещал заменять старые машины на фабриках и заводах новыми, увеличивающими производительность труда. Таково было средство „борьбы против перепроизводства", открытое диктатурой и представлявшее единственный открытый ею исход из положения, созданного мировым кризисом.

23 сентября 1933 г. были изданы шесть декретов, долженствовавших „координировать экономическую и общественную жизнь страны":

1) „Статут национального труда". Гарантируется право частной собственности, и государство отказывается от эксплоатации каких бы то ни было предприятий. Стачки и локауты воспрещаются. Все служащие и рабочие должны иметь воскресный отдых, а также минимум зарплаты (этот минимум не был определен ни этим декретом, ни последующим). Допускаются коллективные и индивидуальные договоры о найме.

2) „Статут цехов" (предпринимательские синдикаты). Эти союзы учреждаются либо министерством торговли и промышленности, либо министерством земледелия. Вхождение в них предприятий данной отрасли обязательно. Они имеют права юридического лица и исполняют „политические обязанности", обязаны доставлять правительству нужную ему информацию, сотрудничать с правительственными учреждениями.

3) „Статут национальных синдикатов" (рабочих, ремесленников, свободных профессий). Только „профсоюзы", существующие на основании этого статута и имеющие устав, утвержденный правительством, пользуются признанием и легально существуют. На владение собственным имуществом они, однако, должны иметь специальное разрешение. Они подчинены постоянному правительственному контролю. Вхождение в эти „профсоюзы" не обязательно (но другие могут существовать только нелегально).

4) „Статут народных домов". Каждый сельский приход может (но не обязан) иметь народный дом. Задачи этого учреждения: взаимопомощь, спорт, кино, устройство спектаклей, профессиональное обучение, устройство диспансеров, яслей, приютов и т. д.

5) „Дешевые дома". Правительство вместе с муниципалитетами или корпорациями может организовать постройку „дешевых домов" для членов синдикатов или для чиновников. Дома эти могут продаваться в рассрочку или сдаваться в наем.

6) „Национальный институт труда и взаимопомощи" учреждается для обеспечения исполнения законов об охране труда в каждом округе; в компетенцию его входят „корпоративные вопросы", коллективные договоры, дела об увечьях, взаимопомощь, регламентация труда. Им присвоена факультативно компетенция по индивидуальным договорам о найме. В каждом округе имеется делегат этого учреждения, инспектирующий „корпоративные организации", проверяющий выполнение законов о труде.

Ликвидация нескольких коммунистических профсоюзов вызвала несколько восстаний, как, например, в Маринья Гранде. Бурные волнения с большим количеством жертв имели место также в Сетубале среди рабочих консервных фабрик. В Мари-

нья Гранде рабочее восстание завершилось организацией в этом округе советской власти. При подавлении войска брали в Мариньа Гранде чуть не каждый дом приступом. Открытое презрение и вражда рабочих ко всей системе финансово-генеральской диктатуры привели некоторых сторонников этой диктатуры к убеждению в ее несостоятельности перед лицом растущего в рабочей массе влияния коммунизма. Отсюда родилась идея создания чисто фашистской организации по гитлеровскому образцу, с отступлением, учитывающим синдикалистские традиции португальского рабочего движения. Организация эта получила наименование „национал-синдикалистов". Создатель этой организации, начавшей свою деятельность весной 1933 г.,—Ролао Прето. Форма португальских фашистов —синяя рубашка. Правительство предоставило свободу этой организации, объявившей себя „революционной". По объяснению ее руководства флаг, принятый ею, „красный, как всякое революционное знамя, но на красном фоне он имеет белый крест, что определяет ясно и понятно духовные цели португальского национал-синдикализма". Прето — сын помещика провинции Алемтэхо; до этого этапа своей карьеры он был активистом монархистской партии. Многие из его прежних сотоварищей-монархистов вступили в новую партию и составили ее ядро. По объяснению Прето, целью „национал-синдикализма" является борьба против коммунизма, социализма и всех „мятежных движений".

В течение года правительство открывало „коммунистические заговоры", арестовывало рабочих, солдат, офицеров, захватывало склады оружия, подавляло восстания в метрополии и в колониях (в Анголе, где население отказалось платить налоги и убило нескольких сборщиков податей).

Во внешней политике 1933 г. ознаменовался новым проявлением англо-португальской „дружбы". Правительство, в доказательство защиты им национальных португальских интересов, ссылалось при всяком случае на привилегии, предоставленные португальским судовладельцам понижением для них портовых пошлин; в этом году требование английского правительства об установлении равенства для английских судов было удовлетворено, и привилегии португальского судоходства были уничтожены как в самой П., так и в португальских колониях. В виде компенсации Англия предоставила покровительство маркам вин Опорто и Мадейры до 1941 г. Введение в действие этого соглашения было отсрочено вследствие протестов португальских судовладельцев до осени 1934 г.

1934 год отмечен был такими же финансовыми достижениями Салазара, как и предшествующие годы; остатки, полученные в результате превышения доходов казны над расходами, предназначены были на оплату постройки 20 новых военных судов, заказанных в Англии, и на увеличение армии. В объяснение увеличения сухопутных военных сил, нач. ген. штаба португальской армии ген. Сильва Бастас заявил в прессе, что „опасаться войны между Испанией и П. не приходится, ибо отношения между обеими странами — великолепны"... однако, португальская армия должна быть готова к двум возможностям: 1) на случай войны, в которой Испания и П. участвовали бы на стороне какой-либо из воюющих держав, и 2) *на случай, если бы в Испании вспыхнуло коммунистическое движение,* которое, восторжествовав, пожелало бы осуществить иберийскую федерацию со включением в ее состав П.

Одновременно с январским движением протеста в Испании против правительства черносотенного блока Роблеса-Леруса, крайней остроты достигла напряженность положения и в П. Подготовка антифашистской Испании к решающим событиям не прошла незамеченной португальской полицией, восстановившей полностью совместную работу с полицией контрреволюционного испанского правительства. При тесном их сотрудничестве обнаружены были финансовые связи португальских революционеров с эмигрантами в Испании, пути доставки оружия, транзитные склады, в резуль-

тате чего были произведены массовые аресты военных и гражданских лиц, в Южной Анголе был устроен концентрационный лагерь, куда были посланы наиболее видные из „преступников", правительство издало декрет о наказании для предпринимателей и рабочих, которые *по обоюдному согласию* останавливают работы. Для действительного положения вещей в П. чрезвычайно характерна судьба вышеупомянутой фашистской организации Прето — синих рубашек: в марте месяце был закрыт отдел ее в Опорто и арестованы ее местные лидеры.

В августе Прето и ближайший его сотрудник Монсарас были арестованы и высланы в Испанию. Поводом к этому явилось письмо Прето к генералу Кармона, резко критиковавшее правительство и „национальный союз" в виду того, что положение *средних классов* стало в результате „достижений" Салазара невыносимым; письмо указывало далее, что официальные данные скрывают рост безработицы, создавшей эпидемию самоубийств, о которых цензура не позволяет упоминать газетам. Письмо это, содержание которого изложено было в крупнейших европейских газетах, разумеется, не появилось в португальской прессе, но в ответ на него Прето был арестован, некоторые местные организации фашистов закрыты, правительство спешно организовало вторую фашистскую партию „зеленых рубашек".

Октябрьские события в Испании (Астурийское восстание) отозвались в П. с еще большей силой, чем январское синдикалистское движение. Революционные организации проектировали восстание на 3 — 4 октября. Однако, и на этот раз соединенными усилиями португальской и испанской полиции были выслежены агенты связи между португальскими организациями и группами содействия им в Испании, и дело кончилось новыми массовыми арестами, полицейскими находками оружия и ссылками.

Очередное колониальное восстание произошло в мае 1934 г. в Португальской Гвинее, где около 700 туземцев, доведенных до отчаяния рабовладельческими методами эксплоатации, разгромили и заняли главный порт этой колонии Биссао; при приближении войск из главного города Гвинеи—Болама, повстанцы бежали на территорию соседней французской колонии.

Отражением внутреннего неблагополучия „нового государства" явилась реорганизация правительства Салазара после всех его финансовых и полицейских успехов в конце октября 1934 г. Военное министерство было отдано тому самому полковнику Пассос Соуса, который фигурировал до сих пор в качестве противника политики Салазара. Вместе с ним в состав правительства введены были еще два генерала. Смысл этой реорганизации очевидным образом сводился к возвращению на прежнюю позицию военной диктатуры, к восстановлению связи с оппозиционным сектором офицерства. Новое правительство издало манифест, в котором, кроме обычных фраз, заключалось объяснение позиции, занятой диктатурой в вопросе о вступлении СССР в Лигу наций. Мотивировка была темна: в ней имелось упоминание о „твердой решимости лойяльно сотрудничать с другими народами, но в согласии со своими традициями, своей конституционной доктриной и местом, занимаемым П. в мире. Поэтому, не ставя непреодолимых затруднений державам, непосредственно ответственным за европейский мир, правительство выступило с декларацией и заняло позицию, враждебную вступлению Советского Союза в Лигу наций...". Фашистская пресса Германии и Италии торжествовала по поводу этой позиции португальского правительства, объявив ее „актом независимости" от политики Англии. Повидимому, проявление этой „независимости", довольно безразличное для Англии, но важное для клерикально-генеральской диктатуры, было оплачено согласием П. на пересмотр „мозамбикского договора", состоявшийся в ноябре 1934 г. и освободивший южно-африканские железные дороги от сервитута в пользу П. на выходах в португальские порты Индийского океана.

Ряд демонстраций взаимной симпатии между правительствами Гитлера и Кармона в 1934 г. отметил своеобраз-

ное раздвоение португальской внешней политики: с одной стороны, эта политика основана была на полном внешнеполитическом и финансовом подчинении П. своей традиционной покровительнице, а с другой стороны, в области „сентиментальных" идеологических склонностей, клерикально-генеральская диктатура пользовалась, с дозволения Лондона, свободой участия в фашистском блоке. К числу международно-фашистских демонстраций португальского правительства относится, кроме выступления против СССР в Женеве, обмен речами при приеме ген. Кармоной нового германского посланника в ноябре 1934 г. и в особенности поездка португальского статс-секретаря Антонио Ферро через Рим, где он был принят папой и Муссолини, в Германию. Вторичное выступление португальской диктатуры против СССР в Женеве по поводу предоставления председательствования в Совете Лиги наций нашему представителю португальская пресса мотивировала нежеланием правительства генерала Кармона принять без протеста председательство делегата такого государства, которое стесняет „религиозную свободу".

В конце 1934 г. буржуазная мадридская газета „Эль Либераль" характеризовала внутреннее положение в П. как полнейший „крах корпоративной системы". По утверждению газеты диктатуре за 2 года напряженных усилий не удалось ни в малейшей степени фашизировать профсоюзы; несмотря на то, что члены правлений профсоюзов назначаются правительством (министром труда), „марксистские убеждения членов союзов остаются прежними", а наряду с этими профсоюзами в подполье существуют и энергично работают, не взирая на все репрессии, нелегальные, революционные профсоюзы.

16 декабря 1934 г. состоялись „выборы" в „Национальное собрание". Полагалось „избрать" 90 депутатов. „Национальный союз", т.-е. правительство, выставило единственный список с 90 кандидатами. Никаких иных списков не было. Избиратели могли вычеркивать намеченных в списке кандидатов, но замена хотя-бы одного из них другим кандидатом, лишала бюллетень силы. Сверх того, кандидат считался избранным если он получал не менее 10% голосов. Оппозиция бойкотировала и на этот раз выборы. Постановление о бойкоте было принято и объявлено „республиканским альянсом", объединяющим все буржуазно-республиканские партии. При плебисците 1933 г. избирателей считалось около 1.300.000. На выборах же 1934 г. в „Национальное собрание" избирателей, имеющих право голоса, оказалось всего лишь 478.121, считая и острова („Тан" 19. XII 1934 г.; по сведениям, полученным на месте П. Деканом, избирателей было 506.575, а для количества поданных голосов ему дана была цифра 491.083). Военнослужащие пользовались правом голоса с особого разрешения своего начальства в каждом отдельном случае.

Открытием „парламента" в 1935 г. диктатура завершила строительство „нового государства". „Парламент" составился из двух палат: „Национального собрания" и совещательной „Корпоративной палаты", избранной „корпорациями" земледелия и скотоводства, вин, лесов, рыболовства, текстиля, электричества, транспорта и т. д. Декрет 3 января 1935 г. довел число этих „корпораций" до 24. Члены „Корпоративной палаты" „избираются" правительством. В феврале 1935 г. была проведена процедура переизбрания президента Кармона.

Резкое недовольство среди крестьян вызвали декреты, проводившие в интересах крупных виноделов сокращение виноделия путем прямого уничтожения значительного количества виноградников и принудительной сдачи 18% производимого вина союзу крупных виноделов. На одном из военных кораблей моряки подняли красное знамя. В Барейро (14 км от Лиссабона) 2.000 рабочих организовали демонстрацию с требованием освобождения арестованных; полиция стреляла в демонстрантов. „Национальное собрание" приняло закон, обязывающий государственных служащих, гражданских и военных, давать клятву в том, что они не принадлежат ни к какому тайному обще-

ству. Закон этот вызвал чрезвычайное недовольство в армии, во флоте и среди высших чиновников. Французская пресса указывала, что мера эта опасна для самой диктатуры, так как создает прямой конфликт между нею и португальскими франк-массонами; последние, в подавляющем большинстве своем, занимают высшие должности, общее же количество их „Тан" определил в 8.000 человек. Вскоре после принятия этой меры правительство сообщило, что им открыта широкая подготовка к государственному перевороту. Произведены были массовые аресты в Лиссабоне и провинции среди рабочих, моряков, армейских и флотских офицеров (сентябрь 1935 г.). По установившейся практике, совет министров перенес свои заседания в казармы, стратегические пункты были заняты войсками, прохожие обыскивались и т. д.

Среди официальных рекламных сведений о состоянии государственных финансов появились в этом году признания неблагополучия. Определенно указывалось на растущий дефицит внешне-торгового баланса, на сокращение вследствие политики искусственного сокращения эмиграции притока денег от эмигрантов и увеличение количества безработных. По официальным данным, влияние кризиса сказалось тем, что внешняя торговля П., принимая объем ее в 1929 г. за 100, выразилась в 1930 г. — цифрой 107, в 1931 г. — 88, в 1932г г. — 83. Стоимость жизни (принимая 1914 г. за 100) поднялась к концу 1934 г. до 206.

Европейская печать отмечала одновременно демонстрации идеологической солидарности португальской диктатуры и германского фашистского правительства (при участии самого Гитлера) и тайные переговоры, по инициативе Германии, о разделе португальских колоний. В апреле 1935 г. сообщалось, что Германия претендует на Анголу, Южно-Африканский Союз и Мозамбик, в связи с чем лиссабонская пресса требовала увеличения португальских вооружений и доведения состава армии военного времени до полумиллиона. В мае „Национальное собрание", под видом реализации „пятнадцатилетнего плана", утвердило ассигнования 65 млн. ф. стерл. на постройку 14 новых военных кораблей, на усиление армии и военно-воздушного флота, постройку дорог и т. д.

Другим вопросом, занимавшим печать всех стран, был вопрос о попытках Японии утвердиться в Макао. Английская и американская пресса сообщали о секретных переговорах между Токио и Лиссабоном о приобретении Макао, о получении японцами монополии на торговлю спиртными напитками в Макао, о японских предложениях предоставить заем муниципальным предприятиям Макао за разрешение купить участок земли для постройки на нем аэродрома („Дейли Экспрес" указывала даже сумму, предложенную Японией за Макао с двумя прилегающими островками — 20 млн. фунт. стерл.).

18 января 1936 г. правительство Салазара вновь было реорганизовано на основе укомплектования его руководителями „Национального союза". Эта попытка избавиться от внутренних трений и оживить „Национальный союз" явилась следствием нового обострения классовой борьбы в стране и противоречий внутри правящего лагеря. Против правительства активно выступали ближайшие союзники диктатуры—монархисты и национал-синдикалисты. С другой стороны, экономические затруднения, в частности вследствие отсутствия сбыта вин и пшеницы, увеличивались.

Правительственная организация корпораций столкнула бюрократию диктатуры с промышленными интересами. В „Национальном собрании" множились выступления против правительственной политики: помещики, производители хлебов, требовали сокращения культуры пшеницы. Винодельческие интересы требовали государственной помощи. Так как П. пошла за Англией в итало-абиссинском вопросе и участвовала в санкциях против Италии (главного покупателя консервов, особенно сардинок), то возникло острое положение в консервной промышленности; в центрах ее — Сетубал, Санто-Антонио, Вила-Реаль — предприниматели немедленно уволили значительную часть рабочих. Наконец, 150.000.000

эскудо, которые Салазар предназначил для „перевооружения" армии в 1936 г., оказались непосильным бременем для бюджета.

Победа на апрельских выборах 1936 г. в Испании партий „народного фронта" приобрела определяющее значение для внутренней и внешней политики П. П. широко открыла двери контрреволюционной испанской эмиграции. В течение немногих недель из Испании бежало в П., спешно провозя туда свои денежные капиталы и ценности, около 50.000 испанских буржуа, помещиков, духовных лиц. Лиссабонские газеты запестрели объявлениями, предлагавшими вниманию „испанской колонии" покупку домов, фабрик, имений и т. д.

Правительство усилило полицейскую борьбу с революционным движением до предельного напряжения; несмотря на это, в самом Лиссабоне продолжали печататься нелегальные рабочие газеты, как, напр., „О Мотериста" („Тан", 1.V 1936).

Граница с Испанией (1.000 *км*) была переведена на военное положение. Взамен облегчения сношений, существовавшего до победы народного фронта, введены были строжайшие паспортные правила; пограничные посты были умножены до пределов возможного. Несмотря на это, лиссабонское правительство считало, что революционеры продолжают „инфильтрироваться" в П. и провозить революционную литературу и оружие. Правительство не упускало случая подчеркнуть чрезвычайную опасность, угрожавшую диктатуре со стороны Испании, и недопустимость с точки зрения „государственной безопасности" победы „коммунизма в Испании". Особенный интерес в этих условиях представляет собой отставка военного министра в первой половине мая 1936 г., без всякого объяснения причин. Напомним, что министром этим был полк. Пасос-до-Соуса, один из немногих соперников генерала Кармона по влиянию и популярности в армии, считавшийся политическим противником Салазара и представителем анти-клерикально настроенной части этой армии. Салазар, совмещавший с председательством в совете министров функции министра финансов, взял в свои руки и военное министерство, мотивировав это „чрезвычайно затруднительными обстоятельствами в связи с международным положением". Ближайшей целью, по его словам, он ставит себе „реформу, которая даст армии все то могущество, в каком она нуждается". Генерал Сарменто, начальник главного штаба, выразил доверие главе правительства от лица армии и готовность армии принять проектируемую Салазаром реформу, долженствующую поставить португальскую армию на высоту, „требуемую *остротой* международного положения".

В связи с англо-итальянским конфликтом из-за Абиссинии, гитлеровская пресса очень много говорила об английских требованиях, заявленных в Лиссабоне, о предоставлении морской базы на южном берегу П. (порт Лагос), о предоставлении в южной провинции Альгарва места для аэродрома на 200 военных воздушных единиц, о предоставлении—в случае нападения на Гибралтар—30 португальских воздушных истребителей в помощь англичанам и подготовке посылки 10.000 человек и трех бомбовозных ск др в Мозамбик для переотправки в Кению на случай вооруженного столкновения там с итальянскими войсками. В этом вопросе Салазару приходится считаться не только с англофильской (и франкофильской) буржуазной оппозицией, но и с англофильской („левой") ориентацией в поддерживающих диктатуру кругах, „правая" часть которых стремится к созданию блока фашистских государств, включая и П. При всей осторожности, которую соблюдает гитлеровская пресса в вопросе о португальских колониях, даже в 1936 г. вожделения германских империалистов нашли яркое выражение в статье, напечатанной в январе 1936 г. в „Дейче Фольксвиртшафт", доказывавшей, что колонии малых стран должны перейти в обладание „великих держав". Германскому правительству пришлось заявлять, что статья эта выражает мнение автора статьи, с которым германское правительство, якобы, несогласно.

Отношение всех оппозиционных и

революционных секторов португальской общественности к диктатуре в ее последней маскировке („нового государства") свидетельствует о том, что своим десятилетним существованием диктатура обязана двум обстоятельствам: 1) тому, что ей противостоял анархический хаос борьбы буржуазных партий, представлявших, как и в старой Испании, группировки, руководимые „традиционными" олигархами — *„касиками"*, объединявшиеся только против рабочих и крестьян; и, 2) тому, что военно-полицейская диктатура на втором году своего существования превратилась в террористическую организацию, обслуживающую интересы финансового капитала, преимущественно англо-португальского. Долговечность этого режима в дальнейшем определяется, главным образом, исходом гражданской войны, ведущейся в Испании.

Литература. „The Annual Register" (1926—1935); *Paul Descamps*, „Le Portugal, la vie sociale actuelle" (Paris, 1935); *P. Herre*, „Spanien und Portugal" (Berl., 1929); *Antonio Sardinha*, „La Alianza Peninsular" (Madrid, 1930); *H. Feis*, „Europe, the World's Banker" 1870—1914, New-Haven, 1930); „Annuaire Statistique de la Société des Nations" (1935/36, Genève, 1936).

Август 1936 г.

Скандинавские страны (*ср.* XLVII, 697 сл.). Под С. с., или, как их называют в самой Скандинавии, Норден (Norden), понимают Швецию, Норвегию, Данию и находящуюся с последней в личной унии Исландию. За последнее время к С. с., или Норден, причисляют и Финляндию. Это вызвано наметившейся за последнее время некоторой переменой внешнеполитической ориентации Финляндии на С. с., выражающейся в общей линии всех этих стран в вопросах международной политики, в общей позиции по вопросам Лиги наций, в участии Финляндии в скандинавских конференциях министров иностранных дел, в ее присоединении к Ословской экономической Антанте. За последние годы, особенно за период мирового экономического кризиса и прихода фашизма к власти в Германии и вызванного этим страха перед агрессором Гитлером, внутреннее и внешнее политическое развитие в С. с. приняло много общих черт, наметивших тенденцию к превращению хозяйственного, политического и культурного сотрудничества Швеции, Норвегии и Дании в оборонительный блок против возможной агрессии наци. Период 1934—1937 гг. характерен в С. с. борьбой антифашистских демократических сил этих стран за укрепление мира против внутренней реакции, симпатизирующей германским агрессивным целям в Балтийском бассейне—с одной стороны, и, с другой — против тех кругов, которые в политике так называемого „нейтралитета" и реформы устава Лиги наций (см. ниже) видят иллюзию сохранения нейтралитета против угрозы агрессии.

XII. Швеция (*ср.* XLVII, 702 сл.) является руководящей политически и экономически страной в Скандинавии. Хозяйственное могущество Ш. выросло за последнее время в значительной степени за счет военно-инфляционной конъюнктуры и выполнения военных заказов Германии и Англии. В этой возросшей хозяйственной мощи Ш. последних лет нужно искать причину активной политики Ш., стремление создать под ее эгидой широкий блок нейтральных малых стран Скандинавии и Балтики. Прототипы этой политики блока нейтралов мы видим в совещании „трех королей" (Ш., Норвегии, Дании) в г. Мальмё в августе 1914 г., провозгласившем нейтралитет Скандинавии в борьбе обеих империалистических группировок 1914—1918 гг. Но политика „нейтралитета" в политических условиях 1937—1938 гг. является по существу поощрением безнаказанности агрессии против демократических, антифашистских сил, борющихся за мир.

Визиты шведского министра иностранных дел в феврале и марте 1937 г. в Англию и Францию, почти совпавшие с визитом датского премьера Стаунинга в Лондон, являются отражением беспокойства, охватившего скандинавские страны перед агрессивной политикой Германии. Нерешительность Лиги наций в вопросе об итальянском захвате Абиссинии, отступление Франции и Англии перед агрессивными выступлениями Германии, беспомощность руководящих „демократических"

стран Европы в испанском вопросе усилили позицию тех кругов Ш., которые настаивают на принципе нейтралитета малых стран в Лиге наций. Ответные визиты шведского министра иностранных дел Рикарда Сандлера в балтийских странах — Литве, Латвии, Эстонии — в июне 1937 г. имели целью выяснить их отношение к образованию подобной группы нейтралов в борьбе так называемых двух „идеологических блоков", к реформе устава Лиги наций (ст. ст. 11 и 16), отменяющей автоматическую обязанность для стран-участников Лиги наций дать проход войскам для борьбы с агрессором и применение экономических санкций.

Однако, политика страха перед агрессором не находит отклика в шведских широких массах. Антифашистские демократические организации требуют от шведского правительства более решительной борьбы за мир, усиления авторитета Лиги наций, более эффективной ориентации на те международные силы, которые последовательно проводят политику мира и решительного отпора агрессору. Визит министра иностранных дел Сандлера в Москву 8—10 июля 1937 г., где он сделал заявление о верности Ш. принципам Лиги наций, путешествие по Союзу в июне—июле месяцах 1937 г. делегации крупнейших шведских газет является отражением этих настроений.

Другим выражением настроений сил, противодействующих в Ш. уступкам агрессору, является движение за создание военно-оборонительного скандинавского блока против агрессора с одновременной демократизацией армии и ее чисткой от реакционных элементов. Это движение особенно сильно в Ш. Оно находит большой отклик в Норвегии. Датские официальные круги, склонные примириться с нацисской агрессией и даже с эвентуальной оккупацией страны Германией в период войны (см. ниже), являются противниками военно-оборонительного скандинавского блока. Подобное заявление сделал датский премьер-министр Стаунинг в Лунде в марте 1937 г. и в Осло в апреле 1937 г. Шведская газета „Гетеборгс Ханделс Тиднинг" в сентябре 1937 г. на колебание Дании в вопросе военно-оборонительного соглашения реагировала следующим образом: „Теперь нам понятно, что датская внешняя политика и скандинавская солидарность *являются несовместимыми* понятиями". Вопрос о скандинавской военно-оборонительной солидарности поднимался и на конференции министров иностранных дел скандинавских стран в Гельсингфорсе в апреле и в Стокгольме в сентябре 1937 г. Однако, ввиду отрицательной позиции, занятой в этом вопросе Данией, эта проблема не получила отклика в официальных коммюнике конференции.

Высокая хозяйственная конъюнктура в Ш. во второй половине 1920-х годов создала теорию о новой „эпохе величия" (storhetstid) Ш. *Послевоенная* экспансия шведской индустрии на мировом рынке, связанная в первую очередь с рационализацией и концентрацией механической машиностроительной промышленности, сильным ростом экспорта целлюлозы, железной руды, вывозом капитала и т. п., создала иллюзию об „организованном капитализме", не знающем проблемы циклических кризисов капиталистического способа производства. Консервативная партия, *представляющая* интересы крупной буржуазии, в период расцвета относительной стабилизации капитализма в 1927 — 1928 г. повела широкое наступление на рабочий класс и ловко использовала на выборах 1928 г. охвативший мелкобуржуазные массы и кое-какие верхи рабочего класса оптимизм о „вечном процветании". При выборах в риксдаг она выставила лозунги „мира в промышленности", проведения принудительного арбитража *в классовых* конфликтах труда и капитала, долженствующего сделать фактически рабочие забастовки незаконными, и борьбы с большевизмом. Шведская буржуазия того периода, мечтавшая о руководящей не только промышленной, но и политической роли в Балтике, выставила на выборах 1928 г. и антисоветские лозунги, пытаясь запугать мелкую буржуазию призраком „красного империализма". Выборы 1928 г. дали сильное увеличение *голосов правым* партиям. Консервативная партия получи-

ла в парламенте 73 места, крестьянская — 27, либералы-диссиденты — 4, либералы-народники — 28, соц.-демократы — 90, коммунисты — 8.

Победа консерваторов на выборах привела к образованию правого правительства адмирала Арвида Линдмана (1928), которое стало широко применять антирабочие законы о „мире в промышленности", созывая конференции представителей союза промышленников и верхушки профсоюзной бюрократии для проведения в Ш. принципов мондизма. Однако, разразившийся через год мировой экономический кризис положил конец иллюзиям о вечном процветании. Кризисные явления впервые обнаружились в 1930 г., и правительство Линдмана пало на проекте реакционного закона о таможенных пошлинах на зерно. Правительство Линдмана сменило правительство народно-либеральной партии Экмана. 1931 год богат резким обострением классовой борьбы, усилением безработицы, дальнейшим усилением рационализации производства и походом на зарплату рабочих. Правительство стало применять полицейские и военные силы для подавления рабочих забастовок, для „гарантии мира в промышленности", для „защиты права на труд", т.-е. штрейкбрехеров и т. д. В стране стали образовываться военно-фашистские отряды, как, например, корпус Мунка, ставшие вспомогательной силой для подавления рабочих выступлений. Расстрел полицейскими силами демонстрации бастующих лесных рабочих в Одалене вызвал взрыв возмущения в рабочем классе, и представители профсоюзов вынуждены были уйти из „комитета промышленного мира". Ш. вступила в полосу обостренной классовой борьбы. Через несколько месяцев разразился крах концерна Крейгера (в феврале 1932 г.). Правительство оказалось сильно скомпрометированным аферах Крейгера. Было установлено, что сам премьер-министр Карл Густав Экман получил от Крейгера два раза по 50.000 крон. Экман вынужден был уйти, премьер-министром стал мин. финансов Феликс Хамрин. Правительство Хамрина продержалось до новых выборов осенью 1932 г.

Социал-демократы, подстегиваемые нараставшими революционными настроениями шведских рабочих, шли на выборах под лозунгом борьбы с кризисом, выдвинув программу больших общественных работ, правительственной поддержки промышленным предприятиям, государственных займов на преодоление безработицы, помощи крестьянским хозяйствам и т. п. Социал-демократы и крестьянская партия одержали победу на выборах 18.IX 1932 г. Консерваторы и правительственная народно-либеральная партия потеряли 23 места во второй палате. Распределение сил во второй, нижней, палате стало следующим:

	1932 г.		1928 г.
консерваторы	568.742 голос.	58 мест	73 места
крестьянская партия	351.055 „	36 „	27 „
либералы-диссиденты	40.854 „	4 „	4 „
либералы-народники	247.092 „	20 „	28 „
соц.-демократы	1.013.176 „	104 „	90 „
ренегаты-чильбумцы	130 882 „	6 „	—
коммунисты	78.508 „	2 „	8 „
нац.-социалисты	14.845 „	— „	—

В результате поражения консерваторов и либералов на выборах 1932 г. к власти пришло с.-д. правительство Пер Альбин Ханссона. Буржуазия тем не менее продолжала свою политику наступления на рабочий класс. Число зарегистрированных безработных превысило 170.000. Крупная промышленность снижала зар. плату, устраивала локауты, провоцировала стычки, создавала фашистские организации; младоправые консерваторы, юношеская организация консерваторов, приняли открыто фашистскую программу, в стране создались нацисские партии Фуругора, Линдхольма. Экстрема. Правительство было бессильно перед саботажем банков и крупных промышленников.

Экономический кризис сильно отразился на положении шведского сельского хозяйства. Крестьянская партия,

увеличившая свои голоса на выборах 1932 г., вынуждена была учесть настроения недовольства в деревне и пойти на соглашение с социал-демократией. Она порвала свое сотрудничество с консерваторами, длившееся с 1890 г., согласилась поддерживать „мероприятия по преодолению кризиса", поддержала с.-д. правительство при условии повышения цен на сел.-хоз. продукты, облегчения задолженности сельских хозяев (практически это выразилось в помощи кулацким хозяйствам), государственного регулирования сел.-хоз. цен в пользу крепких крестьянских хозяйств. Правительство, опиравшееся теперь в парламенте на 140 депутатов из 230, могло решительнее перейти к частичному осуществлению своей программы. Соглашение с крестьянской партией в мае 1933 г., получившее название „цыганского торга", знаменует собой поворотный пункт во внутренней политической жизни Ш. Сотрудничество с.-д. с аграриями на почве так наз. борьбы с кризисом на аналогичных (как в Ш.) условиях стало общим явлением в 1933—1938 гг. во всех четырех северных странах,—Ш., Норвегии, Дании и Финляндии.

Соглашение с аграрной партией позволило соц.-демократическому правительству использовать в своих политических целях наметившийся в 1933 г. переход мирового экономического кризиса в депрессию особого рода, выступить с бюджетом, предусмотревшим оказание широкой финансовой государственной помощи промышленности, проведение мероприятий по уменьшению безработицы, пуск законсервированных предприятий и т. д. Рост военной опасности в связи с политикой германского фашизма в Европе пришелся кстати шведской индустрии. Шведская промышленность, крупные концерны, „Свенска Куллбулагет", „Асеа", „Гренгесберг", „Сандвика", „Буфорс", „Болиден" и т. д., стали получать крупные заказы из Англии, Германии и др. европейских стран. Шведская промышленность, заваленная заказами на несколько лет вперед, установила известный мир с социал-демократическим правительством, потребовав от последнего гарантии прекращения стачечной борьбы и „чрезмерных" требований рабочих организаций в период высокой военно-инфляционистской конъюнктуры. С другой стороны, рост германской агрессии в Балтийском бассейне, неоднократные заявления Розенберга и Геббельса в течение 1933—1934 г., что „место Швеции — в лоне великой германской семьи", грубая телеграмма Геринга в редакцию влиятельнейшей газеты „Гетеборгс Хандельс Тиднинг" с требованием прекращения антифашистской пропаганды в Ш., диверсионная работа германских наци в Ш. и т. п. подействовали отрезвляющим образом на некоторые круги, симпатизировавшие в 1932—1933 гг. Гитлеру. Правительство, учитывая рост антифашистских настроений в стране, предприняло ряд мер против фашистских групп (как запрещение носить форму, роспуск полувоенных фашистских отрядов и т. д.).

В 1935 г. шведская промышленность превысила уровень 1929 года. В последующие годы шведская промышленность по уровню своего промышленного производства вышла на одно из первых мест в Европе. Однако, правительство, чувствуя всю эфемерность и нездоровый дух этого роста, выражающийся, между прочим, также и в боязни капиталовложений капиталистами, приняло в начале 1937 г. ряд мер по задержанию роста конъюнктуры, опасаясь катастрофических последствий неизбежно надвигающегося нового кризиса. Так, правительством создан фонд в 100 млн. крон для закупки в 1937 г. иностранных продовольственных и сырьевых товаров на склад, подписано в мае соглашение со странами Ословской Антанты (см. ниже) о тесных хозяйственных взаимоотношениях этой группы стран (Ш., Норвегия, Дания, Финляндия, Бельгия, Люксембург и Голландия), были сделаны попытки поднять курс кроны, натолкнувшиеся на сопротивление Англии. Однако, действие надвигающегося мирового экономического кризиса выявится в Ш. в 1938 г., т. к. шведская промышленность теперь загружена заказами на год вперед.

Выборы во вторую палату 21. IX

1936 г. показали, что соц.-дем. и аграрии сохранили свои позиции. Результаты выборов в последний рикстаг таковы:

	II палата (1936 г.)	I палата (сенат)
консерваторы	44	46
крестьянская партия	36	22
либералы-диссиденты	27	16
„ народники		
социал-демократы	112	65
ренегаты-чильбумцы	6	1
коммунисты	5	—

Кратковременное правительство (летом 1936 г.) аграрной партии, образовавшееся под премьерством Персона в период выборной кампании, уступило власть 26. IX 1936 г. новому правительству соц.-демократа Пера Альбина Ханссона. Последнее правительство П. А. Ханссона является уже коалиционным, так как в него вошли представители аграрной партии (Персон, Вестман, Нильсон). Оно опирается в парламенте на 148 депутатов из 230.

За последнее время сильное беспокойство шведского правительства вызывает диверсионная и шпионская деятельность германских национал-социалистов в Ш. По отзывам газет без различия политического направления, как „Социал Демократен", „Гётеборгс Хандельс Тиднинг", „Дагенс Нюхетер", „Свенска Дагбладет", германский шпионаж пустил корни во все области политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Ш. наводнена так наз. преподавателями немецкого языка, крепко обосновавшимися в крупных центрах, как Стокгольм, Гётеборг, Мальмё, Иевле, и в менее видных, как Кируна, Люлео, Сандвика, имеющих тем не менее крупное промышленное значение. Во главе широкой сети „преподавателей" немецкого языка оказался представитель мюнхенской академии Х. Каппнер, приглашенный шведским министром просвещения в качестве инспектора немецких филологических кафедр в шведских учебных заведениях. В самом Стокгольме открыто действует „Шведско-германское о-во культурного сближения", во главе которого стоит шведский профессор фон-Эйлер, бывший гусар германской армии в период мировой войны, и гофмаршал граф Розен, отец первой жены Геринга. Это общество является центром шведской реакции и военщины, организует „просветительные" доклады заместителя Гитлера Гесса, наместника Баварии генерала фон-Эппа, Шахта и др. В университетском городе Лунде для пропагандистской деятельности среди шведских ученых и академической молодежи организовано „Шведско-германское научное общество" во главе с профессором Готтфрид Карлсоном, писателем Гуннар Бергом, майором Хеннингом, директором Боргом и др. Это общество, равно как и „Шведско-германское общество культурного сближения", связано с пресловутым „Дейтчес Аусландс Институт" в Штуттгарте и „Нордише Гезелльшафт" в Любеке. Последнее в целях более эффективного „германо-скандинавского сближения" ежегодно приглашает на курорты Балтийского моря тщательно подобранных писателей фашистского толка из каждой скандинавской страны. Германские организации „Хаффендинст унд Рюквандерер-Амт" устраивают частые „экскурсии" гитлеровской молодежи в Ш. Очень подозрительно, что „экскурсии" большею частью направляются в далекую Норландию, в г. Кируну, где добывается так нужная Германии шведская железная руда (см. ниже). Также характерен неожиданный интерес немецких „туристов" к району Трольхеттен около Гётеборга, где в 1937 г. началось строительство авиационной промышленности. Все эти „туристские" сведения собираются у доктора Бартельса, „ландсфюрера" германских наци в Стокгольме и руководителя германского шпионажа в Ш. В Стокгольме насчитывается 25 постоянных „корреспондентов" немецких газет. Эта любовь к „взаимной информации" является односторонней, так как, кроме подкупленной немцами бульварной крейгеровской „Афтонбладет", ни одна скандинавская газета не имеет корреспондента в Германии. Эти „корреспонденты" являются по существу агентами Гестапо, и их клуб „Дейтчер Хейм" на Кунгсгатан в Стокгольме

является главным штабом германского шпионажа. Даже официоз „Социал-Демократен" вынужден был выступить против германского шпионажа в Ш. и заявить, что „каждый немец, состоит ли он в шведском подданстве или в германском, является агентом Гестапо. Германская дипломатическая миссия в Стокгольме расходует колоссальные суммы на шпионаж и предпочитает действовать через натурализировавшихся в Ш. немцев". Германская военно-диверсионная активность принимает открытые формы. Летом 1937 г. германские почтовые аэропланы между Берлином и Гельсингфорсом предпочитали летать над шведскими военными укреплениями на юге страны и на острове Готланде, германские канонерки и военные самолеты весьма близко подходили к шведской военно-морской базе в Карлскруне. Мальмеская газета „Арбете" одно время в августе 1937 г. изо дня в день регистрировала нарушение германским морским и военно-воздушным флотами шведского суверенитета. В октябре 1937 г., в период осенних маневров, около берегов Ш. и Дании германские военные суда взрывами оглушали рыбу, которую затем подбирали специально следовавшие за военным флотом германские рыболовные тралеры. В августе 1937 г. в германском военном журнале „Милитеришe виссеншафтлихе Рундшау" появилась статья некоего доктора Манфреда Селя о шведских вооружениях. Манфред Сель советовал шведам отказаться от системы воинской повинности, свести до минимума пехоту, так как шведский солдат, „в силу демократического воспитания в стране", не является „достаточно надежным", но зато сосредоточить все финансовые и технические силы на строительстве кораблей, военной авиации, укреплений против „исконного врага" с Востока. Этот „совет" Селя в деталях совпадает с проектом начальника шведского морского штаба Ш., фашиста адмирала Де-Шан, высланного во время мировой войны из Англии за шпионаж в пользу Германии, несмотря на его дипломатическое звание морского атташе Ш.; он внес в конце 1937 г. предложение в рикстаг об ассигновании 200 млн. крон для усиления флота против „завоевательной экспансии" СССР. Когда шведская пресса стала резко критиковать „проект" адмирала Де-Шана, то в его защиту выступил орган Геринга „Эссенер Националь Цейтунг", открыто демонстрируя связь шведской реакции и высшей военщины с рейхсвером и Гестапо. Сопротивление военщины слабым попыткам правительства освежить командные кадры армии и флота вызвало в стране движение за демократизацию армии, во главе которого стоят б. офицер адвокат Рюдлинг и сын умершего лидера соц.-дем. партии, Ялмара Брантинга, Георг Брантинг.

В Ш. имеются три национал-социалистические партии, то открыто враждующие между собой, то объединяющиеся „в единый блок". Причина этих склок—соперничество вождей. Имеется национал-социалистическая партия ветеринара Биргера Фуругора, нац.-соц. рабочая партия Линдхольма, национал-социалистический блок авантюриста полковника Мартина Экстрема. Неоднократно опубликовывались документы, устанавливающие связь этих партий с Берлином и получение оттуда денежных средств. Влияние этих партий ничтожно. За ними идет часть учащейся буржуазной молодежи и деклассированной интеллигенции. Им не удалось провести ни одного депутата в рикстаг. Орган линдхольмцев—еженедельный „Национал-социалист".

Ш. является аграрно-промышленной страной с тенденцией повышения удельного веса индустрии при одновременном абсолютном росте и сельского хозяйства. Эта тенденция была характерна для 1934—1937 гг., до наступления нового мирового экономического кризиса, когда шведская индустрия и продукты животноводства находили усиленный сбыт в крупных европейских странах, в первую очередь—в Англии и Германии.

Сельское хозяйство Ш. стоит также на высоком техническом уровне. Оно является весьма интенсивным. Ш. вынуждена ввозить некоторое количество зерна, но является экспортером продуктов животноводства. Южная Ш., Сконе, является по преимуществу сельскохозяйственным районом. Уро-

жай 1935 и 1936 гг. составлял соответственно 775.000 и 585.000 тонн пшеницы, 525.000 и 352.000 тонн ржи, 215.000 и 200.000 тонн ячменя, 1.225.000 и 1.238.000 тонн овса, 1.950.000 и 1.826.000 тонн картофеля и 1.860.000 и 1.800.000 тонн сахарной свеклы. Урожай за период 1933—1936 гг. определялся в среднем в 1.050 млн. крон. Скотоводческое стадо страны составляет 660 тыс. лошадей, 3.085 тыс. голов рогатого скота, из них молочных коров 2.000 тыс., 575 тыс. овец, 65 тыс. коз и 1.585 тыс. свиней. Интенсификация скотоводческого хозяйства привела к увеличению свиноводческого стада и рогатого скота, как более трудоемких форм, за счет овцеводства. За 15 лет стадо рогатого скота выросло на 20%, свиное стадо—больше чем вдвое, количество овец уменьшилось втрое, а коз—в $2^1/_2$ раза.

Только 9% территории страны, 38.000 *кв. км* из 448.400, было занято в 1936 г. под пашней. Естественные пастбища составляют 12.700 *кв. км*, или 3%. Лес занимает свыше половины территории страны, внутренние воды, озера и пр.—9%, горы, скалы и пр.—25%.

В противоположность Норвегии, Ш. является страной сравнительно крупного землевладения, особенно в южной Ш. Следующая таблица дает представление о распределении пахотной земли в Ш.:

Колич. мол	Число хозяйств	% собств.	% земли	Классовое подразделение
Меньше 20 мол	121.200	28,3	4,0	мелкие крестьяне
от 20—100 „	212.100	49,6	30,5	сред. крестьян.
от 100—300	76.700	17,9	34,9	кулаки
свыше 300	18.300	4,2	31,2	помещики

Таким образом, класс помещиков и кулаков владеет почти $^2/_3$ пашни. 2.400 помещиков владеют 10% обрабатываемой площади. Это вызывает наличие в Ш. большого количества сельскохозяйственных рабочих и мелких арендаторов. Согласно последней переписи занятость населения в сельском хозяйстве дала следующие цифры (в рубрику „земельных собственников" включены также и владельцы карликовых хозяйств, работающие больше в качестве сезонных рабочих на земле помещика, чем на своем собственном участке):

Земельные собственники . . .	305.000
Арендаторы, управляющие . .	64.000
Дворовая прислуга *)	10.000
Члены семьи старше 15 лет, работающие на участках родителей	322.000
Служащие в имениях	9.000
Сельскохозяйственные рабочие	310.400
Итого	1.020.000

Таким образом, Ш. имеет довольно многочисленный сельскохозяйственный пролетариат, эксплоатируемый помещиками и кулаками. Слабость организационной профессиональной работы на селе ставит шведских сел.-хоз. рабочих в значительно худшее положение, чем промышленных рабочих. В этом сказывается сознательное пренебрежение профсоюзной бюрократии интересами сельских пролетариев. Достаточно сказать, что профсоюз сел.-хоз. рабочих насчитывает всего 17.000 человек при численности шведского профобъединения в 725 тыс. человек. Следующая таблица дает представление о положении шведских сел.-хоз. рабочих (крона с 1931 г.—1 р. 35 к.):

	Мужчин	Женщин
Погодовая оплата рабочих при хозяйской пище и жилье	512 кр.	349 кр.
Поденная зарплата летом при соб. продов. и жилье	3,90 „	2,80 „
Поденная зарплата зимой при соб. продов. и жилье	3,10 „	2,20 „
Поденная оплата рубщиков . . .	5,50 „	—
„ „ при соб. лошади	10,40 „	—

Мировой экономический кризис особенно тяжело отразился на сельском хозяйстве. Начиная с 1931 г., правительство проводит ряд мер, направленных к поддержке помещичьих и кулацких хозяйств. Вводятся пошлины на иностранное зерно, выдаются премии шведским крупным производителям зерна, вводится обязательство приме-

*) Рабочие в личном услужении земельных собственников.

шивания шведского зерна к любому помолу, обязательство примешивания шведского масла к маргарину. Все эти мероприятия тяжелым бременем легли в годы кризиса на городского потребителя и малоземельных крестьян, вынужденных платить высокие цены за продукты первой необходимости. Правительство этими протекционистскими мероприятиями добилось такого положения, что ввоз зерна уменьшился с 75 млн. крон в 1930—1937 гг. до 40 млн. крон в 1933 г. и 25 млн. крон в 1934 г. при увеличении вывоза зерна (овес и рожь) с 6 млн. крон в 1932 г. до 15 млн. крон в 1934 г.

Наряду с этим правительство предоставило мораторий, провело частичное списание и конвертирование долгов с крепких хозяйств, ассигновало бюджетную сумму в помощь помещичьему и кулацкому хозяйству. После соглашения между с.-д. правительством и аграрной партией в 1933 г. помощь крепким сельским хозяевам стала органической частью правительственной программы. В 1937 г. правительство предприняло очередное повышение цен на сельскохозяйственные продукты. Равным образом, торговое соглашение с Англией, заключенное в мае 1933 г., гарантирует сохранение за шведским скотоводческим экспортом в Великобританию известных контингентов при условии обязательства Ш. покупать английские промтовары.

Соотношение между промышленностью и сельским хозяйством отражает закон неравномерного распределения в капиталистическом хозяйстве прибыли между различными отраслями национальной экономики. Сельское хозяйство дает около 20% национального дохода, между тем как в нем занято 40% населения страны.

Сильное индустриальное развитие Ш. за период 1925—1929 гг., выдвижение шведской техники на одно из первых мест в Европе как бы подтверждали обоснованность вышеприведенной теории о „вечном просперити" шведской экономики и о плавном бесперебойном движении вперед. Не только реакционные экономисты типа Густава Касселя или либеральные „политэкономы" вроде Бертила Олина сознательно поддались на эту удочку, но и ренегаты Чилбумы в унисон с американскими Левенгстонами и троцкистами и бухаринцами подхватили эту, с позволения сказать, „теорию", чтобы на ней „теоретически" обосновать свою измену рабочему классу. По заданию шведских промышленных магнатов и финансовых династий, как Крейгеры, Валленберги, Ванергрены и пр., чилбумовцы, произведя предательский раскол в компартии, пытались привить массам шовинистические чувства; продажная пресса от реакционных листков до самой „левой" ренегатской „Фолкетс Дагеблад" сравнивала завоевание Крейгером европейских рынков, подчинение его финансовой диктатуре народного хозяйства прибалтийских стран и Польши с походами Густава II Адольфа в Европу в период Тридцатилетней войны. Только в 1932 г., после разоблачения мирового шарлатанства Крейгера, выяснилось, что славословие ренегатской группы Чилбума-Флюга было далеко не бескорыстным: он получил от „толерантного" ко всем политическим мнениям Крейгера много десятков тысяч крон. Теперь группа Чилбума-Флюга окончательно скатилась в лагерь контрреволюции, растеряла остатки своего влияния среди рабочих масс, которые, убедившись в реакционной сущности этих ренегатов, с отвращением отвернулись от этой „левой социалистической партии". Теперь она находится под руководством Флюга,—даже Чилбум бежал от основанной им „партии", не имеющей за собой никаких рабочих масс, а Флюг оказался шведским изданием ренегата Дорио.

Даже первые раскаты мирового экономического кризиса в 1928 г. не могли поколебать сознательного благодушия шведской буржуазии и ее агентов из лагеря шведской социал-демократии и ренегатов. Попрежнему продолжала работать примирительная комиссия в составе представителей промышленности и профсоюзов в лице будущего премьер-министра Пера Альбина Ханссона о применении принципов мондизма в Ш. Только в середине 1930 г., когда заводы стали останавливаться из-за недостатка новых заграничных

заказов, когда на политическом горизонте стали показываться симптомы массовой безработицы, чтобы через год превратиться в страшнейший хозяйственный кризис, которого долго не знала Ш.,—в стране начали серьезно поговаривать о наступлении кризиса. Еще через год Ш. очутилась в разгаре кризиса. Остановились фабрики, внешняя торговля сильно снизилась, вместо разговоров о мондизме—острые классовые столкновения, приведшие, как, например, в лесосплавном районе Одален, к кровавым столкновениям между бастующими рабочими и военными силами. В марте 1932 г.—самоубийство Крейгера и крах его концерна, показавшие перед всем миром, что новоявленный Густав II Адольф, распоряжавшийся капиталом значительно большим, чем все национальное богатство Ш. в период династии Вазов—почти в 3 млрд. крон,—оказался отъявленным мошенником.

Уже в декабре 1930 г., когда стали выявляться симптомы стагнации мировой торговли, перехода от свободного внешнего товарооборота к системе клирингов, квот, компенсаций и контингентирований, в Осло по инициативе норвежского премьер-министра Мувинкеля создалась т. н. северная экономическая Антанта Ш., Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и Люксембурга—о сохранении в известной степени свободы торговли между этими странами. Северная экономическая Антанта так и осталась мертворожденным организмом, т. к. в кризисные годы ни одна из этих стран не решилась ратифицировать ословское соглашение о невведении новых таможенных налогов и т. п. Только начиная с 1934 г., перехода в период оживления, ословская Антанта зарегистрировала некоторые успехи в экономических взаимоотношениях, объясняемых в значительной степени ростом мировой внешней торговли вообще.

Через 8 месяцев кризиса, в сентябре 1931 г., Ш. вынуждена была последовать примеру Англии и снизить курс кроны до уровня курса английского фунта стерлингов. В июле 1933 г. курс кроны окончательно стабилизировался в отношении фунта стерлингов (в 19,40). Финансовые мероприятия в сентябре 1931 г. вызывались сильной зависимостью шведского экспорта от Англии, желанием сохранить за Ш. английский рынок и конкурентоспособность на мировом рынке, боязнью внезапного отлива краткосрочных иностранных капиталов, которыми тогда изобиловал шведский биржевой рынок, наконец, желанием сохранить уровень внутренних цен, который в этот период особенно содействовал массовому разорению капиталистических сельских хозяйств. Одновременно учетный процент был поднят на небывалую для Ш. высоту—до 8%.

Продолжавшиеся разрушительные действия мирового экономического кризиса в Скандинавии вынудили все три северные страны—Ш., Норвегию и Данию—установить в январе 1932 г. на Копенгагенской конференции представителей министерств иностранных дел общие принципы внешней торговой политики. Было решено приступить к взаимной консультации при решении торгово-экономических вопросов; речь шла в первую очередь о приспособлении скандинавского экспорта и экономики к наметившейся в Оттаве имперской линии Англии, к усилению товарооборота между этими тремя странами и к окончательному прикреплению скандинавской валюты к фунту стерлингов, „как прицепного трамвайного вагона к моторному". Заключение в 1933 г. ряда однотипных соглашений Англии со скандинавскими странами и Финляндией, являющихся по существу предоставлением взаимных преференций, вовлекло эти державы в период кризиса и последующих лет в финансово-хозяйственную зависимость от Англии. Ш. был гарантирован в известной степени английский рынок лесоматериалов, целлюлозы, бумаги и продукции сельского хозяйства. Одновременно эта общескандинавская линия вызвала во всех трех скандинавских странах и Финляндии соглашение между соц.-дем. и аграриями и приход к власти во всех четырех державах коалиции „социалистов" и аграрнев.

Состояние шведской внешней торговли, за годы кризиса снизив-

шейся в 1931—1932 гг. по сравнению с 1929 г. на 40%, а по экспорту за 1932 г.—даже на 50%, дает представление о состоянии национальной экономики за 1929—1934 гг.

Годы	Импорт (в млн. крон)	Экспорт (в млн. крон)	Общий товарооборот	Сальдо	Сумма внешн. торг. на кажд. жителя
1929	1.782,6	1.812,3	3.594,9	— 29,7	583
1930	1.662 2	1.550,3	3.212,5	—111,9	524
1931	1.427,5	1.122,4	2.549,9	—305,1	414
1932	1.154,9	947,4	2.102,3	—207,5	340
1933	1 095,9	1.078,7	2.174,6	— 17,2	351
1934	1 804,5	1.302,9	3.606,4	— 1.6	416
1935	1.467,3	1.297,5	2.764,8	—169,8	420
1936	1.620,0	1.500,4	3.120,4	—119,6	479
1937	2.111,6	1.993,4	4.105,0	—118,2	630

С переходом кризиса в депрессию шведская внешняя торговля показывает рост из года в год, однако она и в 1937 г. не достигла уровня предкризисного 1929 г. В 1935 г. импорт составлял 1.467.316 тыс. кр. и экспорт—1.297.488 тыс. кр. В 1936 г. импорт—1.620,0 млн. кр. и экспорт—1.500,4 млн. кр.; в 1937 г. импорт составлял 2.111,6 млн. кр., экспорт—1.993,4 млн. кр.

Импорт за первый квартал 1938 г. составляет 479 млн. крон, экспорт—412,8 млн. крон, несколько выше, чем за соответствующий период 1937 г., но это объясняется выполнением старых заказов, индекс же производства и цен имеет понижательную тенденцию.

Шведский экспорт специализировался на определенном ограниченном контингенте товаров и сырья. Вывоз продукции лесной промышленности—лесоматериалов, целлюлозы, бумажно-химической массы—дает от 50 до 55%, железная руда и металлические изделия составляют 35%, продукты животноводства—15%. Импорт, наоборот, является самым разнообразным и характеризует сильную зависимость Ш. в отношении ввоза предметов первой необходимости от заграничных рынков. Так, ввоз зерна, колониальных товаров, фруктов и продовольственных товаров составляет 25% импорта, текстиля и хлопка—около 20%, минералов—от 20 до 25% и готовых металлических изделий—свыше 10%.

Торговля Ш. с Англией, Германией, странами Ословской Антанты составляет от 75 до 80% ее импорта и 70% экспорта. 45% ее торговли падает на Англию и Германию, ввоз из Германии составляет 25%, вывоз—20%; в обратном соотношении построен англо-шведский внешний товарооборот.

В 1933 и в 1934 гг. Германия сильно уменьшила свой ввоз из Ш., но лихорадочные вооружения заставили ее вскоре стать главным потребителем шведской железной руды, вывоз которой в Германию в 1937 г. составил свыше 10 млн. тонн. Равным образом Германия является *покупателем продуктов шведской* военной промышленности, целлюлозы и пр. Германские заказы на шведских заводах уже в конце 1936 г. были размещены на весь 1937 и 1938 гг. *Поездка министра иностранных дел* Сандлера в Лондон преследовала цель переключить шведскую железную руду на английский рынок. Переговоры, однако, не привели к большим результатам, так как расторжение германских контрактов было связано с *большими неустойками в пользу немецких* контрагентов.

Англия, начиная с 1933 г., увеличила свой удельный вес в шведском импорте за счет Германии. Равным образом усилился *торговый оборот* и со странами Ословской экономической Антанты. На последнем совещании держав этой Антанты в Гааге в мае 1937 г. страны-участницы взяли на себя взаимные обязательства об интенсификации взаимной торговли по целому ряду товаров. *Торговля Ш. со странами* Ословской Антанты составляет в импорте 20% и несколько больше в экспорте, но гораздо большее значение приобрело согласование торгово-политической линии этих стран в отношении их главных контрагентов—Англии и Германии. *Конференция прошла*

под лозунгом „Оттава или Осло" — „свобода внешней торговли или рогатки клирингов и товарообменных операций".

Однако, в мае 1938 г. на очередной конференции в Осло было денонсировано гаагское соглашение 1937 г., т. к. конкурентные „интересы" ословских стран на мировом рынке вызвали со стороны Дании и Голландии взрыв „Ословской Антанты".

Как выше было указано, лес составляет основное богатство страны. В соединении с дешевой энергией и удобными речными путями лесные массивы страны превращаются в бумагу, целлюлозу, бумажную древесную массу, строевой лес, пиломатериалы и т. д. 20—25% национального дохода страны и 50% экспорта составляют лесные товары. 100 тыс. рабочих занято в лесообрабатывающей промышленности. Ш. стала ведущей европейской страной в области бумажнохимической промышленности. Государство, владея 20% лесных массивов, получает всего 10 млн. крон чистого дохода, в то время как вся стоимость лесообрабатывающей продукции оценивается в 1 миллиард крон. Лесное богатство страны по отдельным группам собственников распределено следующим образом (в тыс. *га*):

гос. лесной фонд	4.370
церковные лесовладения	300
муниципальные лесовладения	880
леса промышленных обществ	6.280
помещичьи леса	770
крестьянские леса	10.600
	23 200

Крестьянские леса нерентабельны; промышленное значение имеют леса помещиков и акционерных обществ.

В отношении бумажно-целлюлозной промышленности Ш. является первой страной в Европе. Это в первую очередь экспортная промышленность, в которой как добыча сырья, так и все процессы промышленной обработки проходят в самой стране. Для иллюстрации быстрого роста этой отрасли промышленности в докризисные годы и падения производства целлюлозы в период кризиса приведем следующие цифры (в тыс. тонн):

Годы	Мех. и хим. бумажн. масса	Картон и бумаге
1901—1910	575	189
1910—1920	1.113	331
1928	1.900	600
1929	2.540	720
1930	2.431	657
1931	2.198	698
1932	1.996	690

Начиная с 1933 г., производство целлюлозы идет вверх. В 1937 г. оно превысило докризисный уровень. Рост цен также стимулировал развитие этой отрасли химической промышленности, имеющей военное значение. В 1937 г. Япония была активным покупателем шведской целлюлозы. Но уже сентябрь 1937 г. обнаружил грозные для этой отрасли симптомы. Рост цен приостановился, поступление новых заказов сильно уменьшилось. К тому же строительство новых целлюлозных комбинатов в Америке, рассчитанных на производство дополнительных 1.300 тыс. тонн, равных европейскому экспорту целлюлозы в эту часть света, является плохим предзнаменованием. В новый мировой кризис шведская и финляндская бумажно-целлюлозная промышленность вступает с перспективой более отрицательных показателей, чем в 1929 г.

В отношении вывоза лесоматериалов между лесоэкспортирующими странами существует соглашение, в силу которого для каждой страны, в целях сохранения уровня цен, установлена квота вывоза стандартов. Для Ш эта квота составила 820 тыс. стандартов. В сентябре 1937 г. имело место совещание по пересмотру квоты вывоза в сторону ее уменьшения, ибо приходилось уже считаться с наличием кризисных экономических явлений в этой области. На 1938 г. квота шведского вывоза лесоматериалов установлена на 10% ниже,—738 тыс. стандартов.

Лесная и бумажная промышленность является самой старой в Ш. Металлургическая „Стура Коппабергс Бергелагс Актиебулагет", являющаяся также Holding company для ряда лесообрабатывающих обществ, существует несколько сот лет. Общества „Шутшэр" и „Кварнведенс Панерсбрук" производят ежегодно сотни тысяч тонн целлюлозы, бумаги, десятки тысяч стандартов леса, располагают гидроэлектрически-

ми аггрегатами в сотни тысяч л. с.; эта сильно концентрированная и централизованная промышленность находится под контролем финансовой династии Валленбергов, владельцев „Эншильда банка".

Железоделательная промышленность Ш. является одной из самых старых в Европе. Победы шведского оружия в XVII в. имели крепкую производственную базу в шведской чугунолитейной промышленности. Английская промышленность и английский флот в период XVII, XVIII и начала XIX веков были построены на скандинавском сырье—железной руде и лесе. Промышленное значение имела руда, расположенная в средней Ш., в Бергслагене у Гренгесберга. Разработка руды в Норландии вследствие большой примеси фосфора не была рентабельна. С изобретением способа Томаса отделения фосфора от руды северная шведская руда приобрела исключительное промышленное значение. Она является самой богатой в мире (65% железа).

В виду бедности Ш. углем, северная руда почти полностью экспортируется через норвежский порт Нарвик на Атлантическом океане и Лулео на Ботническом заливе. Последний несколько месяцев в году покрыт льдом. Главным потребителем шведской руды является в настоящее время Германия. Почти 60% германской чугунолитейной промышленности построены на шведской импортной руде. В годы кризиса добыча шведской железной руды дошла до полного упадка. Начиная с 1934 г. спрос на руду повышается. В 1936 г. она становится политическим экспортным товаром, вокруг которого разыгрывается острая внутренняя и внешняя политическая борьба. Германия до Англии успела в 1935 г. захватить шведский рынок руды, и главный экспонент германского политического влияния в Ш. Торстен Крейгер, брат и наследник Ивара Крейгера, является крупным акционером Гренгесбергских рудных копей; через свою прессу „Стокгольмс Тиднинген" и „Афтонбладет" он ведет активную прогерманскую и антисоветскую кампанию. Эта группа, выдвигая тезис нейтралитета в предстоящей войне, настаивает на создании сильного военного флота для „обеспечения свободы мореплавания в период войны", т.-е. — свободы военной контрабанды.

Картина подъема и падения добычи шведской железной руды в предкризисный период, в кризис и в период оживления и военно-инфляционистской конъюнктуры такова:

Экспорт руды (в тыс. тонн) 1929—1937 гг. (85% всей добычи)

1929 г.	1932 г.	1936 г.	1937 г.
9.600	2.100	10.000	13.000

Стоимость экспортированной руды в 1936 г. составила 168 млн. кр., в 1937 г.—234 млн. кр. За первый квартал 1938 г. вывезено жел. руды 3.063 тыс. тонн против 2.693 тыс. тонн в первый квартал 1937 г.

На долю северной руды падает из всей добычи свыше 80%. Заграничный спрос на руду все увеличивается. На трехлетие 1938—1940 гг. намечено увеличение добычи руды на 3 млн. тонн и увеличение экспорта по сравнению с 1937 г. также на 3 млн. тонн, из которых Англия получит $2^1/_2$ и Германия $^1/_2$ млн. тонн дополнительно.

Самым крупным шведским концерном по разработке руды является „Трафик Гренгесберг Оксэлунд Актие Булагет". Этот крупный концерн, централизованный горизонтально и вертикально, обладает обогатительными заводами, флотом и т. п. Его флот (около 200 тыс. тонн), обслуживающий вывоз руды в Гренгесберге, имеет собственную железную дорогу Людвика—Оксэлунд. Его дочерние предприятия „Лууссавари-Кирунавари Актие Булагет" разрабатывают северную руду. По соглашению между Гренгесбергским концерном и государством—оба владеют равными паями в „Лууссавари-Кирунавари А. Б.",—вывоз северной руды освобождает от всяких налогов и пользуется низким преференциальным тарифом при транспорте по гос. жел. дорогам.

За последние годы известное значение приобрели находящиеся на севере Ш. в Вестерботтене Булиденские месторождения золота, серебра и меди. Построена обогатительная фабрика в Рэннешэре. В свое время они принадлежали концерну Ивара Крейгера и служили объектом биржевой спекуляции.

После оздоровления в 1933 г. финансового положения общества Булиденские месторождения стали приносить ежегодно 8,9 тонн золота, 17—18 тонн серебра, 5.000 тонн меди.

Чугунолитейная и стальная промышленность в Ш. стоит на очень высоком уровне, но страна, в виду отсутствия угля, не может переработать всю свою железную руду. Еще в 1913 г. Ш. выработала 730 тыс. тонн чугуна и 590 тыс. тонн стали. В 1929 г. соответствующие цифры были 492 и 732 тыс. тонн. В годы кризиса в 1933 г. добыча упала до 264 и 540 тыс. тонн. Уже в 1934—1935 г. был превзойден уровень 1929 г., в 1935 г. добыча чугуна составила 528 тыс. тонн и 875 тыс. тонн стали, в 1936 г. соответствующие цифры 520 и 1.028 тыс. тонн. В 1937 г. по предварительным подсчетам выработка чугуна составит 650—700 тыс. тонн и стали 1.100—1.200 тыс. тонн. Годовой баланс о—ва „Лууссавари-Кируна" на 31. X. 1937 г. показывает, что чистый доход концерна за отчетный срок — 47,7 млн. крон. Доход на тонну руды составляет 4,98 кр. против 2,48 кр. за 1936 г. Доход составляет 43% на акционерный капитал о-ва.

Продукция шведской металлической промышленности отличается высоким качеством. Шведские шарикоподшипники, турбины, станки, сепараторы, железнодорожное оборудование, телефоны и, наконец, спички, известны во всем мире. Производство этих предметов является сильно концентрированным. Шведское общество шарикоподшипников, СКФ, имеет свои фабрики и дочерние предприятия в 11 странах Европы и Америки. Оборот за 1937 г. достиг 335 млн. крон при производстве свыше 75 млн. подшипников в год. От 75 до 85% потребности буржуазной Европы в шарикоподшипниках удовлетворяется СКФ. Акционерный капитал общества составляет 130 млн. кр.

Знаменитое телефонное общество „Эриксон" является теперь всемирным обществом. После слияния шведского общества с американскими оно стало мировым монополистом телефонного и телеграфного оборудования. Оно имеет свои фабрики в Англии, Франции, Голландии, Италии, Польше, Испании, Португалии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Эстонии, концессии и конторы в десятках стран Европы, Америки, Азии. В период оживления мировой экономической конъюнктуры оно стало поставщиком на военные нужды многих держав.

Общество „АГА" по преимуществу является мировым поставщиком железнодорожного оборудования, сигнальных фонарей и т. п. Общество „АСЕА" является поставщиком оборудования электростанций, доменных печей, электрических локомотивов, подъемных машин и сооружений, генераторов. В одной Ш. общество за последние годы электрифицировало около 3.500 *км* железных дорог. Теперь оно занято выполнением военных заказов европейских стран.

Общество „Сепаратор" также пустило свои щупальцы по всему миру. Оно имеет свои фабрики в Германии, Австрии, США, Канаде. Общество „Буфорс" выделывает амуницию. Крупп одно время обеспечил себе большинство акций в „Буфорсе". В 1935—1936 гг. шведское правительство выкупило часть акций, но и по сей день Крупп имеет большие интересы в этом важном военном концерне.

Общество „Электролюкс," в котором имеется и американский капитал, является всемирным концерном по выделке холодильников, пылесосов и т. п. Его председатель Венергрен контролирует капитал в 1 млрд. крон. Оборот „Электролюкса" достиг 77 млн. долларов в 1935 г., 107 — в 1936 г. и достигнет по предварительным данным 140 в 1937 г.

Шведская спичечная промышленность пережила тяжелый кризис. После краха концерна Крейгера правительство приняло экстренные меры для ликвидации последствий крейгеровского скандала. „Оздоровление" привело к еще большей концентрации спичечной промышленности. Шведский спичечный концерн „Свенска Тэндстикс Актие Булагет" связан с концерном СКФ. По соглашению 1935 г. с „Интернационэль Мэч Корпорейшн" шведский спичечный концерн сохранил свои позиции в ряде стран. Его продукция, 500 млрд. спичек в год, размещается в 106 странах, имеет 140 заграничных предприятий, в самой Ш. владеет 100 тыс. *га* леса, подсобными индустриями, транспортом и т. п.

Крах Крейгера затронул интересы Ш. на 300—400 млн. крон. В известной степени в крахе сыграла роль финансовая династия Валленбергов, выступившая вместе с Морганом против Крейгера и связанного с ним „Скандинависка Кредитбанкен". Уже в самом начале мирового кризиса была очевидна неизбежность предстоящего краха Крейгера, невозможность получения им ликвидных средств для покрытия очередных платежей и раздутых дивидендов по беспрестанным эмиссиям. Но Крейгер орудовал, главным образом, иностранным капиталом. Этим объясняется, почему Ш. сравнительно скоро преодолела последствия этого краха. Но в первые дни его самоубийство воспринималось как национальное горе. Лауреат нобелевской премии, поэт Вернер фон Гайденстам, воскликнул: „Закатилось яркое солнце второго шведского величия". Прошло только две недели, и это „яркое солнце" оказалось авантюристом. В Ш. теперь стараются не вспоминать о „символе второго величия" страны. Новым кумиром финансовой шведской гениальности стал директор „Электролюкса" Венергрен, создавший в конце 1937 г. фонд в 20 млн. крон для „пропаганды взаимопонимания между скандинавскими народами".

По опубликованным данным состояние шведской промышленности за годы кризиса, депрессии особого рода и оживления рисуется следующим образом:

Годы	Количество предприятий	Служащих (в тыс.)	Рабочих (в тыс.)	Колич. л. с. (в тыс.)	Стоимость (в млн. крон)
1929	14.300	50	455	3.700	5.150
1930	14.600	51	455	4.000	4.250
1931	14.700	53	430	4.200	4.350
1932	14.300	53	400	4.400	3.970
1933	14.200	53,5	390	4.500	4.050
1934	16.000	56	400	4.700	5.0 0
1935	16.700	60	420	4.950	5.480
1936 *)	17.500	63	440	5.200	6.000

Увеличение количества использованных лошадиных сил свидетельствует о беспрерывно продолжающейся рационализации шведской промышленности. Несмотря на сильное оживление в шведской промышленности вплоть до 1937 г., количество занятых рабочих не достигло уровня 1929 г. Безработица среди членов профсоюза в середине 1937 г. составила 50 тыс. чел., или на 20 тыс. больше, чем в 1929 г. Равным образом реальная зарплата стоит ниже уровня 1929 г.:

Годы	Индекс	Индекс зарплаты	Индекс промышленности
1929	100	100	100
1936	85,7	93	129
1937	100,1	95,8	146

С ноября 1937 г. начинается падение производственной конъюнктуры в Ш.: с 124 в октябре (1935 г.=100) индекс показывает 119 в марте 1938 г.; равным образом большое снижение показывает состояние портфеля заказов.

Таким образом, положение рабочего класса значительно ухудшилось по сравнению с 1929 г., несмотря на то, что продукция промышленности в 1937 г. выросла на $^2/_5$. В руках буржуазии скопились колоссальные свободные средства, которые, однако, не находят большого применения в капиталовложениях, ибо буржуазия не уверена в завтрашнем дне. К концу 1937 г. в шведских банках имеются резервы в 2 млрд. крон. Государство издало постановление о повышении неприкосновенных резервов банков, однако это не уменьшило предложения ссудного капитала. Разрыв между фондом зарплаты, национальным доходом и суммой капиталистической прибыли, диспропорция между свободным ссудным капиталом и боязнью новых капиталовложений являются симптомом остроты надвигающегося в 1938 г. экономического кризиса в Ш.

Май 1938 г.

*) Предв. данные.

XIII. Норвегия (*ср.* XLVII, 708 сл.) занимает западную и северную часть Скандинавского полуострова. Она является самой северной капиталистической страной—ей принадлежит Шпицберген и остров Ян Майен, — и самой южной, так как в Антарктике она владеет островом Петра I, о. Буве и Зем-

лей принцессы Рангильды на так называемом Антарктическом материке, как базами для ее китобойной промышленности. По переписи 1936 г. население Н. составляет 2.884.000 чел., плотность 9 ч. на 1 *кв. км*, — самая низкая в Европе.

С 1935 г. у власти в Н. находится норвежская рабочая партия. Впервые она пришла к власти в январе 1928 г. в результате выборов в стуртинг (парламент) в 1927 г., давших Н.Р.П. 59 мест из 150. Реакционная политика консервативного правительства Ивара Люкке (1926—1928), проводившего политику дефляции, снижения зарплаты и принудительного арбитража за счет рабочего класса, привела к резкому обострению классовых противоречий и к победе Н.Р.П. Однако, первое рабочее правительство Кр. Хорнсруда оставалось у власти лишь три недели; организованный крупной буржуазией и норвежским государственным банком саботаж его первых мероприятий, утечка капиталов за границу и искусственная паника на бирже быстро ликвидировали это правительство. Буржуазия не могла простить кабинету Хорнсруда наличие некоторых демагогических фраз в его декларации, напоминавших лишь в отдаленной степени игру в „социализм". К власти пришло правительство либеральной партии „Венстрэ"—Мувинкеля, получившей на выборах лишь 17% голосов. Правление Мувинкеля совпало с расцветом норвежской индустрии в период 1928—1930 гг., так как действия мирового экономического кризиса стали сказываться в Н. лишь в конце 1930 г. Н.Р.П. на выборах 1930 г. получила 31,40% голосов вместо 36,80% в 1927 г. Правительство И. Л. Мувинкеля осталось у власти.

Однако, в начале 1931 г. норвежская экономика вступает в мировой экономический кризис. Буржуазия предпринимает новое наступление на рабочий класс. При пересмотре тарифов колдоговоров весной 1931 г. союз предпринимателей требует снижения зарплаты. Это приводит к забастовке рабочих бумажно-целлюлозной промышленности, химической, строителей, типографов. Буржуазия требует принятия решительных мер против рабочих Либеральное правительство оказалось бессильным. Крупный капитал ставит у власти правительство кулацкой аграрной партии. Новое правительство Колстада, имевшее в своем составе фашистского военного министра Квислинга, жестоко расправляется с рабочими, посылает войска в бастующие районы, арестовывает рабочих руководителей. Кулацкое правительство Колстада не имело ни одного представителя от городов, и на парламентских выборах 1930 г. оно собрало только 16% голосов.

Аграрное правительство не способно было справиться с задачами, вызванными все растущим кризисом в норвежской экономике. К тому же разногласия в самом правительстве между умеренным крылом и фашистом Квислингом, потеря процесса в Дании по гренландскому вопросу *) поколебали доверие буржуазии к аграрной партии. К власти в 1933 г. вновь пришло правительство И. Л. Мувинкеля. Однако, и это правительство не смогло разрешить трудности кризиса. Политика Мувинкеля направляется в первую очередь по пути снижения зарплаты, при недостаточных государственных ассигнованиях на борьбу с безработицей и искусственного роста цен на сел.-хоз. продукты. В 1933 г. выборы вновь дали большую выборную победу Н.Р.П. Соотношение буржуазных политических партий в стуртинге за период 1927—1933 гг. распределяется следующим образом (если не считать нескольких представителей мелких партий; во всем стуртинге — 150 депутатов):

Годы	Консерват. % голосов	Мандаты	Аграрн. партия % голосов	Мандаты	Либерал. % голосов	Мандаты	Н. Р. П. % голосов	Мандаты
1927	24,03	—	14,91	—	14,27	—	36,8?	—
1930	27,43	42	15,92	28	20,20	33	31,38	47
1933	20,22	33	13,91	23	17,07	24	40,00	69

*) В 1931 г. норвежские фашисты, под руководством некоего Девольда, высадились в Гренландии и аннектировали ее в пользу Н. Дания подала жалобу на Н. в Гаагский трибунал, который признал датский суверенитет над всей Гренландией и присудил Н. платить судебные издержки. Авантюру Девольда финансировала фашиствующая газета „Тиденс Тейн" и Квислинг.

Буржуазия, однако, еще не решалась передать власть Н.Р.П. Лишь в начале 1935 г., когда Н.Р.П. вошла в соглашение с аграрной партией об общих мероприятиях по борьбе с кризисом, мероприятиях весьма умеренного порядка и нисколько не затрагивающих основ капиталистического строя, буржуазия решила передать ей власть. Опыт „плодотворной работы" с.-д. с буржуазией в Швеции и Дании также успокоил норвежских капиталистов относительно выветривания революционной фразеологии Н.Р.П. На выборах 1936 г. Н.Р.П. получила 71 мандат и 42% голосов. Это укрепило позицию правительства Н.Р.П.—Ньюгордсвола.

Революционные и демократические традиции норвежского рабочего класса за последний период проявляются в растущих антифашистских настроениях трудящихся масс. Приход к власти наци в Германии и поддержка Берлином фашистской организации „Национальное возрождение" Квислинга, наконец, опыт последней мировой войны, когда немцы потопили 1,3 млн. тонн норвежского флота с командами, и возможность его повторения в будущем вызвали сильное антифашистское движение в стране. Стремление к общей военно-оборонительной солидарности скандинавских держав против эвентуальной фашистской агрессии, собирающейся на принципе так называемого „нейтралитета" заработать во время войны на обслуживании „свободы мореплавания" для агрессоров, и 2) против тех „пацифистов", которые в оказании несопротивления агрессору усматривают цель настоящей „мирной политики". Норвежские трудящиеся массы чувствуют, что в предстоящей тотальной войне, подготовляемой фашизмом, ни одна страна не может быть гарантирована от оккупации агрессором.

За период 1920—1930 гг. Н. продолжала дальнейший хозяйственный процесс превращения в индустриально-аграрную страну, где промышленность, построенная на использовании последних усовершенствований техники, именно химическая и электрохимическая, занимает доминирующее положение в экономике. В период кризиса хозяйственное положение этой страны, зависящее в первую очередь от внешних рынков, резко ухудшилось, но с переходом к депрессии особого рода, а затем к оживлению, оно заметно улучшается, хотя и не в такой степени, как в соседних Швеции и Дании. В 1931 г. индекс производства составлял 78,1 (1929=100), в 1935 г.—107,6 и в 1937 г.—124,7. Процесс индустриализации страны за последние несколько десятков лет характеризуется следующей таблицей:

Отрасль хозяйственной деятельности	1910 год Занятость в ней насел.	в %	1930 год Занятость в ней насел.	в %
1. Земледелие, скотов. и лесное хозяйство	990.117	41,7	838.846	29,9
2. Индустрия, горное дело, ремесленники	684.487	28,7	774.086	27,6
3. Торговля	299.880	12,6	450.721	15,9
4. Мореходство	102 562	4,3	107.639	3,8
5. Рыболовство	134.958	5,9	196.772	7,0
6. Свободные профессии	109.490	4,6	155.257	5,5
7. Рантье, пенсионеры	99.735	4,2	140 130	5,1
8. Безработные, живущие на благотворительные средства	—	—	150.895	5,2
Итого . . .	2 371.179	100	2.814.296	100

Для характеристики диспропорции между удельным весом аграрной и промышленной отраслей национальной экономики укажем, что на каждого производителя в группах 1 и 6 приходится ежегодно 2.000 кр., в группах 3 и 5—по 5.000 кр. В мореходстве занятость населения почти в 10 раз меньше, чем в сельском хозяйстве и рыболовстве, но его доля в национальн-

сии, увеличение ассигнований на оборону в бюджетах 1938—1940 гг. отражают эти настроения. Визит министра иностранных дел Кута в Москву в апреле 1936 г. и его заявление о верности Н. делу мира и принципам Лиги наций также являются отражением этих настроений. Одновременно норвежскому рабочему классу приходится бороться: 1) против своей буржуа-

ном доходе только в три раза меньше.

Норвежская экономика в исключительно сильной степени зависит от мировой экономики. Она специализировалась на некоторых отраслях, имеющих исключительно экспортное значение, как лесоматериалы, бумажно-целлюлозная и химическая промышленность, торговый флот, китовый жир, и, наоборот, сильно зависит от заграницы в отношении ввоза предметов первой необходимости, некоторых видов сырья и т. п. На каждого жителя в среднем внешний товарооборот составляет от 420 до 480 кр. в год.

Сельское хозяйство не в состоянии прокормить страну. Свыше 50% зерновых продуктов приходится ввозить из-за границы. Всего ввозится в год от 400 до 500 тыс. тонн зерна. Благодаря искусственным и дорогостоящим мероприятиям правительству удалось в годы кризиса удержать зерновое хозяйство на предкризисном уровне. Особые внутренние протекционистские мероприятия были приняты в отношении развития производства пшеницы. За каждый центнер сданной зерновой монополии пшеницы земельный собственник получает премию, прогрессивно увеличивающуюся по мере увеличения сдачи. Фонд этих премий образуется путем поддерживания цен на высоком уровне при государственной монополии зернового ввоза. Производство зерна в стране рисуется в следующем виде (в тысячах тонн):

	1907 г.	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.
Пшеница	8,5	20	20,5	51	51
Рожь	25	18	11	12	10,5
Ячмень	62	122	100	123	130
Овес	162	201	100	181	250
Картофель	600	960	1.000	1.005	1.150

Правительственные мероприятия по поддержанию высоких цен на продукты животноводства привели в годы кризиса к известному росту собственной мясной и молочной продукции. Естественно, что потребитель и малоземельный крестьянин оплачивал государственные кризисные мероприятия по помощи кулацким хозяйствам. При наличии стада в 180 тыс. лошадей. 1.350 тыс. голов рогатого скота, 315 тыс. свиней, 1.750 тыс. овец и 340 тыс. коз продукция животноводства рисуется в следующем виде:

	1934 г. (в тыс. тонн)	1928 г.
говядина	42	30
баранина	14	13
жиры	35	30
молоко	1.310	1.190

Животноводство имеет более товарный характер, чем зерновое хозяйство. Из валового дохода полевого хозяйства в 400 млн. крон товарный характер имеют только 120 млн. крон, между тем как из валового дохода животноводства в 420 млн. на товарный рынок попадает продукции на 330 млн. крон. Таким образом, доход в целом составляет 450 млн. крон.

Н. является по преимуществу страной мелкого землевладения, и малоземельный крестьянин не может прокормиться на своем карликовом участке; он обычно имеет побочные заработки, как рыболовство местного значения, кустарничество, мелкая пищевая промышленность, разведение пушных зверей, обслуживание туристов и т. д. Таким образом, главный рыночный доход от товарного обращения сел.-хоз. товаров перепадает капиталистическим хозяйствам, составляющим около 10% сельских хозяйств. Последняя перепись распределения собственности обрабатываемой земли, составляющей около 1.000.000 *га*, рисуется след. образом:

Размер собственности	число хозяйств	% хозяйств	% пашни	% охота
Безлошадные до 2 мол	68.247	22,9	0,8	1,1
„ от 2 до 5 „	21.563	7,2	0,8	1,3
Малоземельные безлош. свыше 5 мол.	95.227	31,9	13,9	19,7
Однолош. хоз.	86.143	28,9	35,9	43,4
Многолош. хоз.	27.180	9,1	48,6	34,5
	298.365	100	100	100

Многолошадные сельские хозяйства являются вполне капиталистическими хозяйствами, эксплоатирующими жи-

вую рабочую силу малоземельных и безлошадных крестьян. Кулацкие помещичьи хозяйства задают тон в норвежской деревне. Они также сильно выиграли от такого кризисного мероприятия, как списание с них части задолженности государству. При последней переписи 1933 г. все сельское хозяйство оценивалось в 3 078 млн. крон, задолженность была 1.391 млн., или 45.2%, причем задолженность мелких крестьян составляла 50%, а кулаков – 44%. Списание долгов касалось хозяйств, которые „временно попали в затруднительное финансовое положение", т.-е. опять таки кулацких элементов.

Исторические условия Н. не способствовали созданию здесь ни крупного землевладения, ни класса феодалов и крепостных. Застрельщиком борьбы за национальную независимость против датского владычества (до 1814 г.) и затем против унии со Швецией (1905) выступало в первую очередь норвежское крестьянство и демократические элементы города. Норвежская конституция и по сию пору носит следы крестьянской демократии, прежде столь характерной для этой страны с ее разрозненными населенными пунктами, хуторским устройством, отсутствием деревень, самой низкой в Европе плотностью населения и редкими путями сообщения. Но ошибочно было бы думать, что и на сей день сохранились в норвежской деревне первобытно-демократические отношения, известные нам по произведениям крестьянских писателей Кристофорсена или Гарборга.

Индустриализация страны внесла расслоение в деревню и неравномерное развитие отдельных частей страны. У подножия сильного водопада, у излучины реки, в диком ущелье, у истока глубоко вдающегося в страну фиорда выростали электрические станции, рудники и фабричные поселки. Одновременно с этим в других частях страны крестьянское хозяйство оставалось нетронутым, как и несколько поколений тому назад. В то время как на западе страны, в прибрежных рыболовных районах, сохранились в общем мелкие крестьяне, в восточной, Эстланде, создалось крепкое крестьянство, кулачество, эксплоатирующее наемную рабочую силу. Остатки старинного германо-скандинавского права о переходе крестьянского двора к одному сыну создавали относительную перенаселенность в норвежской деревне. Неблагоприятные естественные условия наряду с остатками отсталого права наследования мешали дальнейшему расширению обрабатываемой земли. Часть избыточного населения поглощалась развивающейся городской индустрией, часть пополняла ряды сел.-хоз. пролетариата, но значительно большая часть эмигрировала в США и Канаду. В последних двух странах живет свыше двух миллионов норвежцев при наличии в самой Н. 2.800.000 жителей. Главную массу сел.-хоз. пролетариата, как мы ниже указывали, составляют лесные рабочие, известная же часть батраков находится в услужении крепких крестьян. Положение этой группы батраков является наиболее тяжелым. Их насчитывается в норвежской деревне от 45 до 50 тыс. человек, рабочая неделя в среднем 70 часов, заработная плата от 15 до 25 кр. в месяц при хозяйских харчах и жилье. В последние годы, в связи с ограничением эмиграции в Америку, избыточное население норвежской деревни растет, давя на заработок батраческого труда. В годы кризиса даже наблюдалась реэмиграция из Канады: канадские фермеры и лесорубы норвежского происхождения, гонимые безработицей и непосильными налогами, возвращались на родину.

Из этой группы батраков пополняются ряды многочисленной городской домашней прислуги, число которой доходит в Н. до 80.000 человек. Положение домашней прислуги несколько лучше, чем в деревне, заработная плата поднимается до 50 кр.

В лесном хозяйстве, приносящем ежегодно от 100 до 120 млн. кр. дохода, собственность является крупнокапиталистической. В руках нескольких помещичьих семейств, как Левеншольды, Ведел-Ярлсберги, Анкеры, и промышленных обществ, как Борреггор, сосредоточены колоссальные лесные массивы. В период кризиса процесс капиталистической экспроприации лесных площадей у мелких крестьян продол-

жался усиленным темпом. Норвежская бумажно-целлюлозная промышленность создает себе постоянную и крепкую базу в лесном сырье. 150 лесовладельцев на сегодняшний день владеет 11,7 млн. мол леса, или 16% лесных массивов, а 63% крестьян—только 8,7%. Рентабельными по существу являются лесные хозяйства крупных обществ. Капитализм и банки по мере создания дифференциальной ренты в новых лесных районах, связанной с проведением дорог, постройкой электростанций и т. п., присваивают себе крестьянские участки, бывшие в фермерском владении одного семейства в течение нескольких сот лет.

Положение рабочих лесной промышленности, рубщиков, сплавщиков, возчиков, является особенно тяжелым. В годы кризиса зарплата лесных рабочих спустилась ниже голодного минимума. Волнения в 1931—1933 гг. беспрестанно повторялись в Хейдмарке, основном лесном районе страны. Необходимость применения „крепкой руки" против лесных рабочих была одной из причин прихода аграрной партии к власти в 1931 г.

Рыболовный промысел является одной из самых старых отраслей промышленности Н. Целые районы, как север Н., Финмаркен и Нурлан, живут только от ловли трески. В соседней прибрежной Н. ловится зимняя сельдь, стурсиль, и южнее — весенняя сельдь, ворсиль; брислинг ловится в юго-западной Н. и является главным сырьем для рыбоконсервной промышленности Ставангера; жирная, мелкая сельдь ловится круглый год. Рыболовный промысел работает преимущественно на экспорт. Сушеная и вяленая рыба направляется в южные католические страны (главная пища во время постов), свежая—в Англию, соленая сельдь—в Германию, в СССР—треска и одно время соленая сельдь, приготовленная по специально „русскому засолу." Рыболовное население северной и средней Н. находится в кабале у крупных рыботорговцев. В период сезонного лова в Финмаркене, на Луфутенских и Уфутенских островах, в Мере, Согн и Фьюрдане рыбоэкспортеры заранее скупают весь предполагаемый улов по низким ценам у задолжавшихся у них же и их агентов рыбаков. Благоприятный улов, особенно в период кризисов, является не счастьем для рыбаков. Большая часть улова тогда перемалывается на удобрение. Норвежский улов является самым высоким в Европе, но его доход для рыбацкого населения является весьма низким, вследствие зависимости его от экспорта и акул-экспортеров. За годы кризиса улов и его стоимость выражались в следующих цифрах:

Годы	Улов в тыс. тонн	Стоимость в млн. крон
1929	980	89
1930	1.000	90
1931	740	64
1932	910	61

С 1933 г. конъюнктура на рыбном рынке улучшается; доход от рыболовства поднимается до уровня 1929 г.

В рыболовстве участвует от 100 до 110 тыс. населения, средний доход их в 600 крон не является высоким.

Рыболовство местного значения, не включенное в статистику, составляет в среднем около 100 тыс. тонн в год, приносит до 10—12 млн. кр. дохода и является подсобным промыслом для крестьян.

Норвежская промышленность, специализированная на норвежском специфическом сырье — дешевой гидроэнергии, азоте и лесоматериалах, — является на 30% экспортной промышленностью. Это в первую очередь относится к электрохимической промышленности, бумажно-целлюлозной и рудной. Если взять первый год перехода экономического кризиса в депрессию особого рода — 1933 г., то валовая продукция норвежской промышленности составляла 1.330 миллионов кр., из которых 400 млн., или 30%, шло на экспорт. При экспорте в 1933 г. в 558 млн. кр. вывоз пром. производства составлял почти 75%.

Норвежская обрабатывающая промышленность в 1934 г., за вычетом стоимости сырья, подсобных материалов, амортизации и т. п., представляется в следующем виде (см. табл. на стр. 665/66).

Отрасли 1, 2, 7, 8, 10 и 11 работают главным образом на экспорт. Наиболее концентрированными являются те отрасли, где применяется гидроэнергия как целлюлозная, электрохимиче-

Отрасль промышленности	Выполн. работа в часах	Колич. рабочих	Колич. служащих	Выплачено зарплаты рабочим	Выплачено зарплаты служащ.	Стоимость продукц. в 1.000 кр.	Почасов. зарплата работ.
1. Жел.-делательн. и металл. промышл.	50,368	22.655	3.708	63.023	16.801	11 932	1,25
2. Древесн. и бум.-целлюл. промышленность	31,948	14.153	1.393	37.346	7.926	77.087	1,17
3. Пищевая промышленность	27,048	13.976	2.647	28.504	13.528	113.800	1,06
4. Текстильная промышленность	24.340	11.505	1.065	19.928	5.163	43.360	0,28
5. Конфекц. промышленность	19,627	9.518	1.091	17.305	4.332	35.229	0,88
6. Деревообд. промышленность	17,377	8.220	721	16 833	2.673	27.911	0,97
7. Рудная и литейная промышленность	17,443	7.771	828	22.270	5.050	55.089	1,28
8. Каменн. промышленность	11,539	5.697	581	12 663	2.491	24.413	1,09
9. Полиграфическая промышленность	11,436	4.914	518	16.518	2.465	29.290	1,45
10. Химич. и электро-хим. промышленность	8,519	3.760	908	12.565	5.508	53.571	1,48
11. Жиров. промышленность	5.394	2.319	567	6.008	2.860	19.449	1,11
12. Кожевенная промышленность	4.983	2.274	266	5.242	1.403	11.302	1,05
13. Газов. и электр.-освещен.	1.470	651	187	2.474	797	6.394	1,68
Итого	231,552	107.418	14.430	260.722	71.000	510.827	1,13

ская, рудная и электроснабжение. В отношении производства некоторых видов электрохимической промышленности, как селитры, ферросплавов, алюминия, Н. занимает выдающееся место. Почти все производство алюминия в 30.000 тонн при производственной мощности в 37.000 тонн идет на экспорт,

Заработная плата в Н. в номинальном выражении равняется шведской. Но, учитывая более высокий индекс жизни в Н. и несколько более низкий курс норвежской кроны, можно считать, что реальная зарплата в Н. на 15% ниже, чем в Швеции. Она выражается, считая, что часть фонда оплаты служащих, как тантьемы, дивиденды, совмещение руководства предприятием с владением акциями, относится к капиталистической прибыли — в 50% ценностей, создаваемых обрабатывающей промышленностью. Другими словами, норма эксплоатации выражается в 100%.

Дешевая гидроэнергия является базой норвежской электрохимической индустрии По степени электрической энергооснащенности она является первой страной в мире. Мощность действующих гидростанций исчисляется в 2,6 млн. л. с., из коих используется 80 — 85%. Электрическая энергия распределяется следующим образом: химическая и электрохимическая промышленность — 25%, прочая индустрия — 50%, освещение и пр. — 25%.

Кризис, охвативший страну в 1931 году, когда индекс производства спустился за один 1931 г. на 30%, содействовал созданию в этой маленькой стране хронической безработицы, не рассосавшейся до сих пор. Число занятых рабочих за годы кризиса выражается следующим образом:

Занятых рабочих	Индекс производства (1927=100)
1930 г. 116.000	124
1931 „ 92.000	96
1932 „ 106.000	114
1933 „ 107.000	116
1934 „ 110.000	120

В настоящее время число рабочих достигает уровня 1930 г. при росте производства больше чем на 1/4. Если учесть, что в 1930 г. безработных в городах было 50.000 чел. и в деревнях 60.000 чел. и население страны увеличилось на 70.000 чел., то станет ясен рост хронической армии безработных, вызванный процессом капиталистической индустриализации и высокой техники.

Торговое мореплавание является традиционным норвежским промыслом. Как отрасль народного хозяйства, зависящая исключительно от мировой торговли, она в период кризиса переживала исключительно тяжелые времена. Это видно из следующей таблицы (валовая сумма фрахтов за кризисные годы):

1929 г.	432	млн. кр.
1930 „	412	„ „
1931 „	364	„ „
1932 „	375	„ „
1933 „	390	„ „
1934 „	400	„ „
1935 „	480	„ „
1936 „	490	„ „
1937 „	800	„ „

Чистый доход от торгового мореплавания, за вычетом текущих расхо-

дов в заграничных водах, составлял от 250 до 300 млн. кр. ежегодно в последние предкризисные 1927—1930 гг. В связи с падением курса кроны в 1932—1934 гг. до 60—54% паритета, производственные расходы арматоров в заграничных водах значительно повысились в норвежском валютном выражении, и доход от мореплавания спустился за эти годы ниже 200 млн. кр. В последующие годы депрессии особого рода и оживления норвежское торговое мореплавание еще не могло достигнуть уровня 1928 г., отчасти благодаря существующим низким фрахтам на мировом рынке и разрыву между курсом кроны и иностранных валют. Так, в 1934—1935 гг. фрахтовая ставка была 76, в 1936 г. — 90, и только в 1937 г. она достигла уровня 1929 г. В 1931 г. более 1/4 норвежского тоннажа была на приколе. Прекрасные современные пароходы превратились в дешевые гостиницы в Ословском и Бергенском портах. Мелкие арматоры разорялись, многие суда продавались на слом. Крупные навигационные общества, как В. Вильгельмсен, Ив. Ан. Кристенсен, Бергенске Дампшибселскап, владеющие сотнями тысяч тонн, вышли из кризиса без мелких конкурентов, сбивавших обычно высокие фрахтовые ставки, и с обновленным флотом. Норвежский флот теперь является технически самым усовершенствованным в мире. Больше половины регистр. тонн, 2.000.000 *m*, составляет моторный флот. Только одна Англия в абсолютных цифрах моторного флота (3.000.000 *m*) превышает Н.

На 1 января 1938 г. норвежский флот насчитывал 4.540.000 *m* и превосходил японский (4.216.000). В течение года он перегнал японский и стоит на третьем месте после Англии и США. Нужно также учесть, что часть норвежского флота, во избежание налогов на родине, плавает под чужим флагом. Некоторые страны, как Панама, Эквадор и др., создали целую индустрию из торговли своим национальным флагом. Удельный вес торгового флота в жизни страны виден из следующей таблицы:

На каждые 1.000 жителей приходится тоннажа:

В Англии	470
„ США	107
„ Японии	65
„ Германии	60
„ Норвегии	1.500

Строительство норвежского флота проходит на 80% за границей, в Англии, Дании, Швеции. Отечественные верфи не могут конкурировать с иностранными. Отсталость норвежской судостроительной промышленности служит у буржуазии беспрестанным поводом наступления на зарплату, выдвигая ее снижение как средство конкурентоспособности с за-границей.

С норвежским мореплаванием тесно связан зверобойный флот и зверобойный промысел, развившийся в крупную индустрию. Эта индустрия в ее современных размерах *является* совершенно новой для Н. и насчитывает всего каких-нибудь 15 лет. Она развивается исключительно за счет боя кита в Антарктике. Развитие маргариновой промышленности после войны, связанное с ухудшением положения широких масс, предъявило большое требование на китовый жир. Норвежцы оказались пионерами в антарктическом китобойном промысле и дают около 2/3 мировой продукции китового жира. В Антарктику отправляются целые экспедиции с салотопками в 20—30 тыс. тонн. Все процессы производства от боя кита до консервирования китового мяса проходят на месте. Ежегодно армада норвежских китобоев в составе флота в сотни тысяч тонн отправляется в августе-сентябре из городов Сандефьюр и Торнсберг, расположенных на обоих берегах входа в Ословский фиорд, в Антарктику. Развитие китобойного флота и добыча китового жира шли следующим образом:

Годы	Тоннаж	Китовый жир (в бочках)
1919	37.000	—
1924	103.000	—
1928	103.000	—
1929	192 000	1.210.777
1930	270.000	1.800 000
1931	261.000	2 320 000
1932	250.000	30.000
1933	240.000	1.300..000
1934	240.000	1.240.000

Китобойная промышленность в Н. в известной степени определяет внешнюю политику страны. Оккупация островов Буве и Петра I в антарктических водах, занятие Земли им.

принцессы Рангильды на антарктическом материке, „теоретический" спор о том, является ли Россово море открытым или внутренним, взаимоотношения с Новой Зеландией и т. п. определяются интересами китобойной промышленности, приносившей стране в хорошие годы до 150 млн. кр. Знаменитые антарктические экспедиции полярника Рисер-Ларсена, открывшего новые земли и доказавшего, что „Антарктика кишит непроходимыми для судов китовыми стадами", были предприняты на средства китобойных магнатов Ларс Кристенсена и Свен Фойн Брюнна и должны были опровергнуть требование ихтиологов и зоологов об ограничении убоя кита. Норвежский хищнический убой кита временно в кризисные годы регулировали не бессильные выкладки ученых, но политика мирового жирового треста братьев Унилевер.

В 1931—1932 гг., в разгар мирового кризиса, трест Унилевер, скупивший всю норвежскую китовожировую продукцию, отказался платить прежние высокие цены. Это повлекло за собой крах многочисленных китобойных обществ, разорение целых районов страны, живущих от антарктического китобойного промысла. В 1931—1932 гг. от этого промысла было реализовано всего от 15 до 20 млн. кр. вместо 150 млн. в сезон 1930 г. В 1932 г. норвежский флот почти не участвовал в промысле. В 1932—1933 гг. было заключено новое соглашение с Унилевером об ограничении производства жира и снижении цен. В 1932—1933 гг. продукция китового жира составила 70% продукции 1930 г., но его ценностное выражение составило только 35% — 54 млн. крон. В 1935—1937 гг. она составляла по 70 млн. кр. Реализация улова последующих лет не должна выйти за пределы цен и валовой продукции, указываемой ежегодно Унилевером. Унилевер активно вмешивается во внутреннюю жизнь Н. В 1931 г. он заставил правительство Мувинкеля продать ему, вопреки норвежскому законодательству о концессиях, маргариновые и жировые фабрики Денофа и Лилеборг. Правительство пало по этому вопросу, но пришедшее на смену Мувинкелю правительство аграрной партии Колстада вынуждено было полностью подчиниться требованиям Унилевера контролировать норвежскую жиро-маргариновую промышленность.

Состояние норвежской внешней торговли за годы 1929—1936 отражает тяжелые для страны экономические последствия кризиса:

Годы	Ввоз (в млн. крон)	Вывоз (в млн. крон)
1929	1.073	752
1930	1.065	684
1931	861	467
1932	690	569
1933	665	558
1934	735	578
1935	825	597
1936	926	685
1937	1.292	823

1937 год является рекордным для норвежской внешней торговли. За январь-ноябрь ввоз составляет 1.186,4 млн. крон против 832,2 млн. за соответствующий период прошлого года. Вывоз за тот же период—825 млн. В круглых цифрах за весь год ввоз составит 1.300 млн. крон и вывоз 900 млн. крон.

Алюминия вывезено 21 тыс. тонн против 14 тыс. тонн, никкеля — 6,5 тыс. тонн против 5,8, железной руды — 900 тыс. тонн против 80, древесной массы и целлюлозы—845 тыс. тонн против 720, или на 100 млн. крон против 77 млн. за 1936 г.

Первое место во внешней торговле Н. занимает Англия, второе — Германия. Это явление характерно для всех стран Скандинавии. Оборот Н. с Англией и странами Ословской Антанты составляет свыше 45% импорта и около 50% экспорта. Германия в последнее время увеличила свою долю в норвежском экспорте, главным образом за счет вывоза медной и железной руды и алюминия.

Резкая пассивность норвежского баланса покрывается благоприятным платежным балансом, главным образом за счет доходов от судоходства, китобойного промысла и туризма. Благоприятный расчетный баланс постепенно уменьшает внешний долг Н., содействует накоплению иностранных фондовых ценностей в стране и выкупу предприятий с иностранным капи-

талом. За 1932—1936 гг. уменьшение иностранной задолженчости выражалось следующей тенденцией увеличения внутреннего долга:

Годы	Внутр. долг (млн. крон)	Внешн. долг (млн. крон)	Итого (млн. крон)
1932	783	742	1.525
1934	729	735	1.464
1936	836	715	1.551

Для характеристики норвежского расчетного баланса приведем данные за 1933 г., когда вследствие резкого сокращения пассивного торгового сальдо—107 млн. крон против 394 в 1931 г.,— удалось свести расчетный баланс с активом в 85 млн. кр.:

Доходы		Расходы	
Вывоз	558 млн. крон	Ввоз	665 млн. крон
Продажа кит. жира	36 „ „	Расходы китобойного пр-ма за границей	8 „ „
Доходы от судоходства	390 „ „	Расходы судоходства	195 „ „
Ренты и дивиденды	15 „ „	Ренты и дивиденды	98 „ „
Туризм	80 „ „	Прочие расходы	16 „ „
Транзитные операции	13 „ „		
Прочие доходы	25 „ „		
Итого	1.067 млн. крон	Итого	982 млн. крон

Активное расчетное сальдо выражается в 84 млн. крон.

Хозяйственное положение страны за последние 1936—1937 гг. заметно улучшилось, отчасти благодаря военным заказам Германии и занятости торгового флота при перевозке шведской руды для Германии через норвежский порт Нарвик, усиленному мировому спросу на норвежский алюминий, ферросплавы, медь и т. п. Действия надвигающегося кризиса в Н. скажутся на сей раз значительно раньше, чем в 1929—1930 гг. Об этом уже свидетельствуют довольно пессимистические прогнозы статей норвежской прессы в конце декабря 1937 года и наметившееся с апреля 1938 г. падение индексов производства и цен.

Май 1938 г.

XIV. Дания (*ср.* XLVII, 685 сл.). Внешняя и внутренняя политика Д. за последнее десятилетие определяется ее географическим положением, как хранителя „ключей" от входа в Балтийское море, и ее экономической ролью, как аграрно-животноводческого придатка к двум империалистическим странам—Англии и Германии. Пресловутая датская политика одностороннего безлимитного разоружения, приведшая в 1929 г. к падению образованного в 1926 г. так называемого правительства крестьянских либералов Мадсен—Мюгдаля и приходу к власти Стаунинга, и по сей день является по существу официальной линией датской внешней политики.

Пацифистская волна 1927—1929 гг. одностороннего разоружения, долженствующая сделать проливы Скагеррак, Каттегат, Большой и Малой Бельты и Эресунд фактически безопасными для агрессора, привела к власти правительство социалистов и радикалов Стаунинга—Мунка. С.-д., победившие на выборах в нижнюю палату (фолькетинг) в 1929 г. *), образовали правительство с широкой программой „национального" разоружения, борьбы с безработицей путем расширения общественных работ, развития рыболовства, организации ферм на новых землях для батраков, индустриализации страны и приобретения новых рынков для датского хозяйства, усиления налогового обложения буржуазии и отмены принятого прежним правительством закона о запрещении забастовок и защите штрейкбрехеров. К вящему удовольствию социалистического правительства программа оказалась невыполнимой, так как консервативное большинство верхней палаты (ландтинга) провалило правительственные проекты. Сильная хозяйственная зависимость Д. от Англии в 1929 г. (58% датского экспорта вывозилось в Англию) определяла и направление датской внешней политики.

Серьезные затруднения для правительства Стаунинга возникли в 1930 г., когда последствия мирового кризиса стали сказываться в ускоренном падении сел.-хоз. цен. Датское сельское хозяйство стало переживать большие фи-

*) Выборы 1929 г. дали следующие результаты: с.-д.—61 (+8), крестьянские либералы—43 (—31), консерваторы—24 (—6), радикалы—16 (без изменения), правовая партия—3(+1), немецкая партия—1 (без изменения).

нансовые трудности. Вырисовывался грозный призрак предстоящей деградации этого костяка датской экономики. На внешне-политическом горизонте возникли торгово-политические осложнения с заключением нового торгового договора с Германией, во многих странах намечаются первые попытки перехода от свободы внешней торговли к системе клирингов, преференций и контингентов. В новом 1931 г.—дальнейшее катастрофическое падение цен; Оттавская имперская конференция, наметившая переход Англии к автаркии, к более тесной связи метрополии с ее аграрными доминионами—Австралией, Новой Зеландией, Канадой—за счет хозяйственных взаимоотношений с Аргентиной и Д.; повышение Германией пошлины на масло до 100 марок на центнер и т. д. Правительство приступает к первым „кризисным мероприятиям"; увеличивает прямые и косвенные налоги для оказания помощи сельскому хозяйству; ограничивает ввоз предметов роскоши; устанавливает в сентябре 1931 г. курс кроны в уровень со сниженным курсом фунта стерлингов; проводится запрет вывоза золота; подготовляется законопроект о государственном регулировании внешней торговли—событие, совершенно небывалое в истории Д. и свидетельствующее о глубине кризиса. В 1931 г. заработная плата была снижена от 4% до 8%. Демонстрация безработных в Накскове привела к столкновениям с полицией и войсками. Правительство и профсоюзная бюрократия уговаривали рабочих принять снижение зарплаты. В 1931 г. особенно ухудшилось экономическое положение в датском Шлезвиге, отошедшем к ней от Германии в 1920 г. Ограничение Германией закупок датского масла прежде всего отразилось на положении Шлезвига, снабжавшего сел.-хоз. продуктами Гамбург.

В 1932 г. Д. находилась в разгаре кризиса. На мировом рынке установилось неблагоприятное для датского животноводческого хозяйства соотношение цен между ввозными кормами—жмыхами, маслом, хлебными злаками, и молочно-мясными продуктами датского экспорта; датские сельские хозяева усиленно убивают скот; внешняя торговля, несмотря на увеличение физического объема вывоза, резко падает; в стране растет движение за уменьшение налогов, установление моратория сельскохозяйственной задолженности, понижение курса кроны в целях увеличения экспорта и повышение внутренних цен на сел.-хоз. продукты. Правительство учреждает валютную лицензионную контору, под действие которой подпадает $^2/_3$ датского ввоза; датские экспортеры должны всю свою выручку в валюте передавать самой конторе, ввоз лицензионных товаров ограничивается до 45% ввоза 1932 г.

Полученные от „кризисных мероприятий" дополнительные 106 млн. крон были распределены таким образом: на поддержание крестьянских хозяйств было намечено 62 млн. крон, на помощь по уменьшению безработицы—44 млн. крон. Но все эти средства оказались слабыми паллиативами. Они не могли остановить ни роста безработицы в стране, достигшей в конце 1932 г. 200.000 чел. и сильнее всего захватившей сельскохозяйственные районы, ни прекратить процесс деградации сельского хозяйства, уничтожения скота, заброски мелкими фермерами своих участков, не приносивших уж больше им никакого дохода.

Выборы 1932 г. в фолькетинг сохранили в общем большинство за правительственной коалицией (62 с.-д. и 14 радикалов из 149 членов фолькетинга), но усилили также консерваторов (27 вместо 24), среди которых стало образовываться фашистское крыло. Впервые в 1932 г. коммунистическая партия Д. вопреки бешеной травле со стороны с.-д. провела в парламент двух кандидатов.

Датская буржуазия, пользуясь тяжелым хозяйственным положением в стране, повела наступление против рабочего класса. В начале 1933 г. союз предпринимателей объявил локаут 150 000 рабочих, требуя при пересмотре колдоговоров значительного снижения зарплаты. Правительство, сделав большие уступки кулацкой партии т.н. крестьян-либералов, заручилось ее поддержкой в верхней палате о проведении закона о государственном принудительном арбитраже в конфликтах между трудом и капиталом. Кулаки

получили мораторий по долгам, государственную поддержку крепким хозяйствам, „временно попавшим в финансовые затруднения", конвертирование долгов по низкому проценту, снижение курса кроны до 22,40 за фунт стерлингов при одновременном повышении внутренних цен на сел.-хоз. товары. Одновременно правительство увеличило прямой подоходный налог на 60%, налог на наследства, косвенные налоги и т. д.; увеличение налоговых поступлений пошло гл. образом на помощь клиентуре кулацкой партии. Правительство также обязалось уплатить зажиточному крестьянству за уничтожаемый „излишний скот", причем зорко следило за действительным уничтожением скота, чтобы излишек мяса не снизил внутренние цены на продукты животноводства.

В 1933 г. резко ухудшились датско-германские отношения. Приход национал-социалистов к власти в Германии оживил вопрос об обратном присоединении северного Шлезвига к Германии. Воинственные речи Геббельса и Розенберга в Фленсборге, Любеке и других городах о „находящихся под чужим ярмом зарубежных братьях" послужили сигналом к организации в датском Шлезвиге нацисских немецких штурмовых отрядов, принимавших открытое участие в военных упражнениях в немецком пограничном городе Фленсборге. Одновременно в провокационных целях фашистское правительство „третьей империи" ограничило ввоз датских продуктов, усиливая тем самым разорение Шлезвига и тихонько скупая затем через своих агентов участки разорившихся датских крестьян.

Однако, главной заботой Д. в 1932—1933 гг. было приспособление к английскому рынку. После Скандинавской экономической конференции 1932 г. (см. выше *Швеция*, стб. 643) все три страны повели параллельные переговоры с Англией. Дальше всех пошла Д. В стране появилось даже течение в пользу присоединения Д. к английской таможенной унии. Долгие переговоры с Англией привели к заключению с ней 24 апреля 1933 г. торгового соглашения, в силу которого Англия сохраняет на известном уровне свои закупки в Д., но последняя обязана расширить ввоз английских готовых товаров, как предметов роскоши, текстиля, металлических изделий и пр., в ущерб своей национальной промышленности и другим своим импортным рынкам. Это соглашение в корне изменило структуру датского импорта. Если в 1929—1931 гг. отношение датского вывоза в Англию и ввоза оттуда составляло 4:1, то в 1936 г. это соотношение составляет только 3:2.

Переход датского хозяйства в депрессию особого рода, вследствие исключительного переплетения здесь промышленного кризиса с аграрным, несколько затянулся. Безработица по-прежнему давила на рынок труда. В 1934 г. при возобновлении колдоговоров кочегары и матросы судов заграничного плавания выдвигают требования повышения зарплаты в виду предпринятого в 1933 г. резкого снижения курса кроны. Правительство и руководство профсоюзов стараются сохранить „нейтралитет" в борьбе моряков против арматоров. Борьба доходит до кровавых столкновений в портовом городе Эйсберг и в Копенгагене. Наметившийся в 1934 г. рост мировых цен на продукты животноводства улучшает положение сельского хозяйства, но одновременно вызывает уменьшение реальной заработной платы. Ландтинг попрежнему саботирует правительственные мероприятия по облегчению безработицы и расширению общественных работ, давая таким образом с.-д. возможность свалить вину за все невзгоды на буржуазное большинство верхней палаты. Премьер-министр Стаунинг выступает с демагогическими заявлениями об отмене ландтинга и создании взамен него совещательного экономического органа при правительстве. Растущее на германских деньгах фашистское движение в стране, охватившее некоторые круги крепких фермеров, вызывает возмущение трудящихся масс; они требуют принятия решительных мер против германской пропаганды. Правительство вынуждено провести запрет ношения военных костюмов фашистскими организациями, но идет на различные уступки

германскому фашизму в вопросах международной политики. Оно при свете уже выявившихся планов германской агрессии в Балтике отказывается принять какие-либо меры по укреплению проливов. Равным образом правительство терпит рост на своей территории германских фашистских организаций.

С 1935 г. хозяйственное положение заметно улучшается. Военно-инфляционистская конъюнктура предъявляет спрос на датские сел.-хоз. товары. Рост цен повышает рентабельность датского животноводства. Скотоводческое хозяйство, этот основной капитал страны, постепенно восстанавливается, однако оно и по сей день (см. ниже) не достигает цифр 1929 г.

Выборы в фолькетинг в 1935 г. дали след. результаты: с.-д.—68 (было 62), радикалы — 14 (14), крестьяне-либералы—28 (34), „партия свободы"—5 (0), консерваторы—26 (24), коммунисты—2 (2), правовая партия—4 (4), немецкая партия—1 (1). Коалиция осталась у власти, располагая в нижней палате 82 депутатами из 149. Через год состоялись выборы в верхнюю палату, которые впервые дали в ландтинге большинство с.-д. и радикалам (38 мандатов из 76). Коалиция записала в свой актив: повышение доходов в 1936 году на 8,4% в деревне, 7% в городах и 5% в столице; рост национального богатства на 66 млн. кр., или 1,9%, в сельском хозяйстве, 28 млн. кр. в городах, из которых в столице только 5 млн. Однако, премьер-министр Стаунинг в своей новогодней речи на 1-е января 1937 г. предупредил против лишнего оптимизма, усиленно рекомендуя не увеличивать ни скотоводческого стада, ни выхода животноводческой продукции.

В течение 1936—1937 г. Д. пришлось выдержать сильный натиск нацисского империализма, подчиняющего страну своим агрессивным планам. Германский агрессор, желая заблаговременно превратить Д. в свою военно-мясную кладовую, заключил в начале 1936 г. торговый договор, сопровожденный, по сведениям скандинавских газет, тайным протоколом, в силу которого Германия временно снимает вопрос о пересмотре границ в северном Шлезвиге. Взамен этого „жеста", напоминающего гитлеровский трюк с временным отказом на словах от польского коридора, Д. обязуется продавать Германии по безналичному расчету животноводческие продукты и свой пассивный баланс в пользу Германии оплатить полноценной валютой. За январь—июнь 1937 г. датско-германский оборот составил 201 млн. и 131 млн. крон в пользу Германии. Одновременно Д. обязалась прекратить всякие разговоры со Швецией и Норвегией об общей военно-оборонительной солидарности против агрессора, о совместном со Швецией укреплении Эресундского пролива и т. д. Доказательством этой политики несопротивления агрессору служат выступления Стаунинга в Лунде в марте и в Осло в апреле 1937 г. с речами против „фантазий" о скандинавской „военной общности", заявления близких к правительству лиц и газет, что Д. в случае агрессии не намерена следовать „примеру Бельгии" в 1914 г., а предпочитает быть оккупированной „без напрасного пролития крови".

Естественно, что эта политика несопротивления эвентуальному агрессору и отказа обсудить со Швецией и Норвегией общие военно-оборонительные мероприятия влечет за собою полную безнаказанность для германской шпионской и диверсионной активности в Д. Ютландия, Шлезвиг, города Копенгаген, Орхус наводнены агентами Гестапо, разными германскими организациями, являющимися шпионскими гнездами. „Ландсфюрер" для всей Д., майор Гаупт, и копенгагенский „фюрер", ротмистр Шоффер, являются „по совместительству" корреспондентами германских газет. Кроме этих двух „корреспондентов", в Копенгагене обретается еще 10—15 „журналистов", шпионов, в том числе и убийца Карла Либкнехта Пфлюг-Гартунг. Берлин успел создать себе крепкую базу и среди некоторых датских общественных кругов. Это в первую очередь — союз крупных земельных собственников, лидер которых Гаук, требует усиления экспорта

сел.-хоз. продуктов в Германию ценою политических уступок. Реакционные группы консервативной партии и либерально-крестьянской под руководством двух графов, Кнута и Гольстейна, требуют полной фашизации страны и внешнеполитической ориентации на Германию. Особенно нацисская агентура распоясалась в северном Шлезвиге и в Ютландии. Там действуют фашистские организации Миллера в Гростене, ректора Копмана в Тинглеве и адвоката Фогелзанга в Хадерслеве. Все эти организации откровенно связаны с кильским гаулейтером Лонзе, отпустившим в 1937 г. более одного миллиона марок на „культурную" работу ютландских немцев. Через посредство фашистского лидера Фогельзанга Гестапо организовало финансовое предприятие „Кредитанштальт", скупающее землю в Шлезвиге. За один 1936 г. в руки агентов Гестапо перешло 60 поместий и ферм. Все эти мероприятия, конечно, не сумели привить датчанам симпатий к германским методам и к „третьей империи". На выборах в фолькетинг в 1936 г. на территории б. германского Шлезвига все немецкие партии собрали только 15% голосов.

Естественно, что эта бесцеремонная деятельность Гестапо в Д. вызывает возмущение широких масс. Рабочие критикуют политику правительства, газета с.-д. в Орхусе „Демократен" требует разрыва правительственной коалиции, указывая, что „нацисская" политика поощрения агрессору мин. ин. дел радикала Мунка фатально приведет Д. в лагерь фашистских стран и к полной оккупации страны Германией во время войны. Поднимаются голоса за денонсирование торгового договора 1936 г., отдающего Д. в кабалу Германии.

Шведская и норвежская общественность выражают свое беспокойство по поводу этой „пацифистской" и разоружительной линии правительства Стаунинга — Мунка. Стокгольмская „Нью-Даглигт Аллеханда" констатирует, что Германия вполне может быть довольна политикой Копенгагена и орган Геббельса „Ангрифф" с полным основанием похлопывает дружески по плечу датских социал-демократов. Норвежский официоз „Арбейдербладет" считает, что теперешняя линия датского коалиционного правительства направлена против принципов поддержания коллективного мира и против безопасности Норвегии и Швеции. Скандинавская пресса без различия направлений, если это только не фашистские листки, вынуждена с горечью признать, что неисправимые „пацифисты" - толстовцы играют теперь в Д. на руку подготовляющейся в Берлине германской агрессии в Прибалтике.

Если норвежский строевой лес исторически послужил основой для создания английского торгового флота и шведская железная руда—основным сырьем для английской чугунолитейной промышленности, а Д., наоборот, только с 60—70 годов прошлого столетия включается в близкие хозяйственные взаимоотношения с Англией, то тем теснее становятся эти взаимоотношения и тем зависимее делается Д. от Англии. Быстро развивающаяся промышленная Англия второй половины прошлого столетия предъявляла большой спрос на продовольственные товары — масло и мясо. Находящаяся под боком Д. с 1870-ых годов переключается на обслуживание английского продовольственного рынка; из страны, вывозящей зерно, она превращается в страну, импортирующую хлеб и корма для своего чрезвычайно интенсифицирующегося животноводства. Датская экономика, датские финансы, датская политика становятся тенью английской экономики, английских политических интересов. Такие внутри-английские события, как курс на автаркию после имперской конференции в Оттаве в 1931 г., были решающими для Д. в эпоху кризиса.

В тени британской империи Д. развилась в сплошное поле и огород Англии. 77% ее территории, или 3.314 тыс. *га* из 4.293, занято полевыми культурами. На этой пашне разбито 204.000 собственнических участков, большинство которых представляет типичные кулацкие хозяйства от 10 до 60 *га*. Последняя перепись 1933 г. дает следую-

щее распределение земельной пахотной собственности:

Площадь	Число собственников	В %	Пашня (в 1.000 га)	В %
От 0,55 до 3 га	27.893	13,7	52	1,6
„ 3 „ 10 „	77.784	38,1	472	14,9
„ 10 „ 30 „	72.352	35,4	1.308	41,2
„ 30 „ 60 „	21.406	10,5	845	26,6
„ 60 „ 120 „	8.769	1,8	290	9,1
„ 120 „ 240 „	740	0,4	119	3,8
свыше 240 „	257	0,1	90	2.8
	204.201	100	3.176	100

Сбор и урожай культур в Д. является самым высоким в мире, но тем не менее Д. вынуждена ежегодно ввозить зерновые продукты на сотни млн. крон, так как полеводство играет здесь подчиненную роль в отношении животноводства. Урожай главнейших полевых культур в 1936 г. и потребление этих культур выражается в следующих цифрах:

	Урожай	Ввоз
Пшеница	310.000 *m*	140.000 *m*
Рожь	200.000 „	830.000 „
Ячмень	800.000 „	300.000 „
Кукуруза	—	300.000 „

Весь урожай хлебных злаков в Д. составляет от 2.500 до 3.000 тыс. тонн ежегодно. Ввоз, включая кукурузу, выражается приблизительно в том же количестве. При низких урожаях ввоз соответственно поднимается. Так, в 1932 г. было ввезено свыше 1.000 тыс. тонн кукурузы, кормов от 20.000 тыс. тонн до 25.000 тыс. тонн. Сбор кормовой свеклы в 1936 г. составлял 22.680 тыс. тонн. Урожай с *га* в 1935 и 1936 гг. главнейших полевых культур был таков: пшеница 31,6 и 25,6 цент., рожь 18 и 15,1 цент., ячмень 32,1 и 24,4 цент., овес 28,3 и 22,2 цент., картофель 162 и 170 цент., кормовая свекла 626 и 594 цент., сах. свекла и 377 и 369 цент.

Ниже мы приводим данные об урожайности основных полеводческих культур в скандинавских странах, в Англии и Голландии, природные и климатические условия которых отчасти соответствуют датским (урожай в цент. с *га*).

	Дания					Швеция				
	1931	1932	1933	1934	1935	1931	1932	1933	1934	1935
Пшеница	26,1	30,2	29,5	29,8	31,9	16,8	23,6	24,6	26,6	23,5
Рожь	15,9	18,5	18,2	18,4	18,1	13,7	20,4	20,8	22,8	19,2
Ячмень	26,6	29,3	27,3	27,9	32,0	17,7	20,2	19,1	21,6	20,6
Овес	24,7	26,6	26,1	25,5	28,4	15,4	18,6	17,0	18,7	19,1
Картофель	138	186	178	178	164	112	153	150	147,7	135
Сахарная свекла	259	375	375	391	375	248	337	363	368	366
	Норвегия					Финляндия				
Пшеница	18,9	18,1	17,7	17,5	21,2	16,6	16,8	18,1	16,9	16,1
Рожь	15,6	20,1	15,5	17,1	20,5	13,4	15,1	15,9	16,1	14,5
Ячмень	16,4	21,4	17,4	19,4	19,9	12,6	14,3	13,8	16,7	18,0
Овес	14,4	20,4	18,4	19,3	20,9	14,3	14,7	13,9	16,8	18,5
Картофель	164	207	201	183	183	103	128	160	121	155
Сахарная свекла	—	—	—	—	—	178	252	190	337	229
	Англия					Голландия				
Пшеница	—	21,8	24,1	25,1	23,2	—	29,1	30,2	32,3	28,5
Рожь	—	—	—	—	—	—	21,2	24,0	22,7	18,3
Ячмень	—	20,3	24,3	21,5	21,2	—	27,2	28,0	30,0	29,0
Овес	—	21,0	29,3	20,5	20,7	—	19,6	21,4	20,2	20,4
Картофель	—	176	170	177	163	—	197	191	175	178
Сахарная свекла	—	219	226	256	212	—	381	414	329	331

Однако, эта высокая урожайность, достигнутая большим вложением интенсивного человеческого труда, не является в индустриальных странах достаточно „прибыльной“ для капитализма, когда аграрные страны вынуждены выбрасывать на мировой рынок большие количества сел.-хоз. продуктов по низким ценам. В индустриальных странах, правда, больше не наблюдается таких процессов в сельском хозяйстве, когда „овцы съедают людей“, но превращение годных для сельского хозяйства земель в платные парки для гуляний и в охотничьи заповедники, как в Англии, или в поля для разведения тюльпанов, как в Голландии, является куда более выгодным, чем разведение полевых или огородных культур и пастбищ.

В разгар мирового экономического кризиса падение цен на животноводческие продукты было сильнее, чем на зерновые. Это неблагоприятное соотношение цен между датскими импортными и экспортными продуктами вызвало, помимо других причин кризисного порядка, сброску скота. Развитие датского животноводческого стада за это время развивалось следующим образом:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.
Лошади	498.000	496.000	501.000	520.000	536.000
Рогатый скот	3.198.000	3.273.486	3.184.276	3.070.000	3.116.000
Свиньи	5.435.000	4.806.296	4.040.300	3.295.000	3.503.000

Свиноводческое стадо за годы кризиса уменьшилось на 2.000 тыс. голов, рогатый скот—на 100 тыс. голов, только стадо лошадей, меньше всего нуждающихся в привозных кормах, увеличилось на 40 тыс. голов.

Ежегодная продукция датского молочного хозяйства (1936) доходит до 5.120 тыс. тонн молока против 5.400 тыс. тонн в 1931 г. Около 20% потребляется в стране. Остальные 4.100 тыс. тонн экспортируются в виде масла,сыра и т. д.

Датское сельское хозяйство, несмотря на некоторое улучшение в 1936 г. и в первой половине 1937 г., не в состоянии выйти из состояния хронического кризиса. 2—3% дохода на капитал в сельском хозяйстве являются теперь высоким доходом. В годы высших точек кризиса доход спускался ниже нуля; так, по официальным данным доход в сельском хозяйстве составлял в 1928/29 г. 6,2%, в 1929/30 г. — 5,6%, в 1930/31 г. — 0,3%, в 1931/32 г. — минус 1%, в 1932/33 г.—минус 0,3%. Рентабельным сельское хозяйство становится лишь с 1934 г., но доход еще был далек от уровня 1928-1930 гг. даже в середине 1937 г. (в 1936 г. он был 4,9%) Сильное падение цен на датское масло и мясо с ноября 1937 г. значительно сузит доход от сельского хозяйства за весь 1937 г.

От кризисных мероприятий выиграли, главным образом, кулацкие хозяйства. Большая задолженность мелких крестьян служила мотивом отказа им в правительственной помощи, ибо они не могли представить „гарантии" будущей рентабельности своих участков даже после их санирования. Накануне кризиса задолженность сельского хозяйства, из которой исходили при оказании „кризисной" помощи, по отношению к стоимости хозяйства была такова: мелкие крестьяне — 76,8%, кулаки—68,3%, помещики—68,5%; мелкие крестьяне (хусмен), работающие также и на кулацких хозяйствах, предпочли покинуть свои карликовые земельные участки и полностью перейти в ряды сел.-хоз. пролетариата.

Кооперативные организации по сбыту и экспорту продукции фермеров, по обмолу, закупке импортного зерна, кормов, улучшению пород, убою скота и т. д. также в первую очередь преследуют интересы кулацких хозяйств. Сильнее всего кооперирована кулацкая прослойка крестьянства. Это лучше всего видно из нижеследующей таблицы датской сельской кооперации крестьянских хозяйств.

По своим оборотам датские сел.-хоз. кооперативы являются мощными экономическими организациями, распределяющими прибыль согласно вложенным средствам и организационному участию в операциях, т.-е. опять таки в пользу группы хозяйств от 15

Зарегистрировано % хозяйств

	По улучш. племени. жеребцов-производ.	По улучш. племени. быков-производ.	По улучш. племени. коров	Кооперат. молочн. доен	Кооперат. боен	Кооперат. фабрик бекона	Экспорт яиц	Экспорт птиц	Экспорт скота	Импорт удобрений	Импорт кормов
От 0,38 до 8 га	3,8%	3,8%	88%	53,8%	60,3%	60,3%	22,7%	23,7%	3%	9,0%	18,4%
„ 15 „ 60 „	42,7%	23,0%	90,5%	74,6%	74,6%	78,4%	21,9%	26,2%	17,9%	34,6%	37,8%

до 60 *га*. В Д. в 1936 г. сельская кооперация составляла:

	Число местных кооператив.	Число членов (в тыс.)	Оборот (в млн. кр.)
Кооперативные молочн. предприятия	1.404	190	570
Бойни и фабрики бекона	60	187	440
Организации по экспорту яиц	800	50	23
Организации по экспорту живого скота	12	11	11
Организации по импорту кормов	1.484	92	91
Организации по импорту удобрений . .	1.484	55	25

Оборот кооперативных молочных по отношению к 1929 г. сократился на 180 млн. кр., реально это выражается еще в большем сокращении, так как обесценение датской кроны — ниже снижения курса многих европейских стран-потребителей датского масла и бекона.

Таким образом, только в области экспорта яиц мелкие хозяйства несколько больше кооперированы, чем кулацкие. Это понятно, так как разведение птицы, как мало рентабельного хозяйства, является уделом мелких крестьян. Вообще, насыщенность не только птицей, но и скотом сильнее в мелких хозяйствах, чем в крупных, но это опять-таки свидетельствует скорее о недостаточном использовании основного капитала в мелких хозяйствах, чем в крупных, так как здесь на единицу затраченного труда приходится меньше производственного эффекта, чем в крупных. По переписи 1934 г. на 100 *га* приходилось скота:

	Лошадей	Коров	Свиней	Птицы
От 0,55 до 3 *га* . . .	26	97	237	3.712
„ 10 „ 30 „ . . .	15	58	58	639
„ 30 „ 60 „ . . .	13	47	47	395

Бóльшая насыщенность живым инвентарем мелкого крестьянского хозяйства послужила буржуазным экономистам основным „аргументом" для создания теории о более интенсивном характере мелкого землевладения по сравнению с крупным и о „прогрессивных преимуществах" этой интенсификации. Ленин в своем классическом труде „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии" („Сочинения", т. XVII) блестяще опроверг эту, с позволения сказать, теорию. Крупные хозяйства имеют возможность применять дорогостоющие сел.-хоз. машины и удобрения, использовать машинный труд вместо рабочей или живой тягловой силы, рационализировать все процессы сел.-хоз. труда, получать продукты с меньшими затратами труда, т.-е. интенсивность труда здесь становится выше, чем в мелких хозяйствах, и крупный земельный собственник получает добавочную прибыль по сравнению с мелким.

Датские экономисты в своей сел.-хоз. статистике предпочитают подчеркивать бóльшую насыщенность скотом и живой тягловой силой мелкого хозяйства и крайне неохотно занимаются вопросом о степени механизации сельского хозяйства, метизации скота, которые значительно выше в крупных хозяйствах (см. вышеприведенные таблицы), выходе молока в крупных хозяйствах, применении удобрений и т. п. Ниже мы приводим данные о применении машин и механизации датского хозяйства, опровергающие „теорию" о большей интенсивности мелкого землевладения, теории, основанной на одних данных о прогрессивном падении насыщенности живой тягловой силой по мере увеличения землевладения без учета механизации труда на крупных хозяйствах.

К сожалению, датская буржуазная экономия, в понятных целях, производит статистику применения сел.-хоз. машин по числу, а не по величине хозяйств, но в этом сознательном кривом зеркале буржуазной статистики отражается закон применения сложных и дорогостоющих сел.-хоз. машин только в крупных хозяйствах (данные относятся к докризисному периоду).

Из 204 тыс. хозяйств на вопрос о применении машин ответили 193 тыс.; 11 тыс. хоз. не применяют даже самых простых машин (см. табл. на стб. 687).

Таким образом, сложные полевые машины удобрительные и т. п., применяются только в крупных хозяйствах. Более того, крупные сельские хозяева

	Число хозяйств	%
Сложные сеялки	18.462	9,5
Простые „	79.345	41,0
Сложные молотилки	36.935	19,1
Простые „	53 158	27,5
Косилки-сноповязалки	24.692	12,7
Косилки	42.079	21,7
Удобрительные машины	4.659	2,4
Машины по очистке полей от вредителей	2.407	1,5
Картофелесажалки	3.664	1,9
Картофелекопалки	6.305	3,5

отдают эти машины на пользование более мелким хозяевам. В данном случае столь излюбленная буржуазными экономистами „бо́льшая интенсивность" мелкого хозяйства выражается в самых уродливых формах: мелкий крестьянин за право пользования после сезона полевых работ машиной должен на ней обработать помещичьи и кулацкие поля в самое страдное время.

Еще разительнее процесс интенсификации труда на крупных хозяйствах по сравнению с мелкими выступает в нижеследующей таблице применения механических двигателей в датском сельском хозяйстве:

	Число хозяйств	%
Моторы на керосине	14.783	7,6
Паровые машины	674	0,3
Собственные мельницы	6.097	3,2
Тракторы	2.005	1,0
Паровые локомобили	7.411	3,8
Прочие ветряные моторы	10.512	5,4

Мелкие фермеры при проведении этой статистики заявили, что они не применяют ни одной из вышеприведенных машин: они не под силу мелким и средним фермерам.

Хронический кризис датского мелкого хозяйства, исключительная его задолженность, бесперспективность, сброска мелкими фермерами своих участков наряду с „округлением" крупными земельными собственниками своих поместий — таковы результаты „устойчивости", „выносливости", „интенсивности" мелкого землевладения. Буржуазные апологеты забывают еще такую „мелочь", как напряженный добавочный труд мелкого собственника на своем участке, который не приносит ему ни добавочного продукта, ни добавочной прибыли.

„Всем известны возражения буржуазной политической экономии против известного тезиса марксизма о преимуществе крупного хозяйства перед мелким, имеющего будто бы силу только в промышленности, но не имеющего применения в сельском хозяйстве. Социал-демократические теоретики типа Давида и Герца, проповедующие эту теорию, пытались при этом „опереться" на тот факт, что мелкий крестьянин выносливь, терпелив, готов принять на себя любые лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, что, ввиду этого, в борьбе с крупным хозяйством в земледелии мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость. Нетрудно понять, что такая „устойчивость" хуже всякой неустойчивости" (Сталин, „Вопросы ленинизма", 10-ое издание, стр. 304).

Следует оговориться, что в Д., как, впрочем, и в других капиталистических странах, классификация размеров землевладения по посевной площади не отражает действительного распределения земельной собственности. В крупных хозяйствах пашня, как правило, занимает меньший процент землевладения, чем в мелких и средних.

Мы уже выше указывали, что кроме малоземельных крестьян (хусмен), вынужденных прирабатывать на имениях кулаков и помещиков, существует многочисленный сел.-хоз. пролетариат в 150.000 чел., положение которого является весьма плачевным. Рабочий день сел.-хоз. рабочего летом официально установлен в 10 ч., зимой в $9^1/_2$ и 9 ч., и только с декабря по февраль — 8 ч. Соответствующим образом снижается и зарплата в разные времена года. Зарплата в течение года такова (в кронах):

Неквалифицированные сел.-хоз. рабочие			Работницы		Специалисты скотники
Моложе 17 лет	От 17—21 года	Старше 21 года	Моложе 16 лет	Старше 18 лет	
355	516	607	343	427	758

Почасовая оплата сел.-хоз. рабочих значительно ниже, чем в городе. Несколько выше зарплата сезонных рабочих, она подымается до 50 эре за час (60 коп.) в самое горячее летнее время.

Датское сельское хозяйство переживает хроническую деградацию, начавшуюся еще до мирового кризиса и характерную для аграрных стран в период общего кризиса капитализма. Ниже мы приводим таблицу разрушительных действий мирового хозяйства для датского сельского хозяйства, оказавшихся решающими для датской национальной экономики вообще:

Годы	Индекс стоимости продукции сел. хоз.	Индекс производств. расх. в сельском хоз.	Валовой доход на *га* в кронах	Стоимость всего сел.-хоз. капитала	Стоимость земельной собственн.	Задолженность сельского хозяйства
	(1909—1913=100)					
1925	238	239	—		—	—
1926	185	207	—	8.200 млн.	—	—
1927	143	169	—	(1920)	—	—
1928	184	165	—	—	—	—
1929	137	169	321	—	2.500 млн.	3.000 млн.
1930	139	161	297	—	—	—
1931	106	143	182	—	—	—
1932	84	133	183	5.400 млн.	2.260 млн.	3.100 млн.

Результатом этой деградации датского сельского хозяйства являются вышеприведенные цифры уменьшения датского стада рогатого скота и свиней.

Промышленность Д. является по преимуществу легкой и пищевой. Первая по преимуществу работает на иностранном сырье. В экспорте промышленность участвует в размере 20—25% общего вывоза. Из тяжелой промышленности следует отметить судостроительную, пользующуюся известным реномэ и за границей. В датской промышленности за годы кризиса усилился процесс концентрации и сращивания с банковским и финансовым капиталом. Промышленные предприятия являются по преимуществу акционерными обществами, в которых банки играют решающую роль. В годы кризиса сильнее всего пострадали отрасли тяжелой промышленности, как стальная, металлургическая, химическая, каменная; легкая, наоборот, благодаря государственному регулированию ввоза, сумела удержаться в годы кризиса на уровне 1929 г. и получила значительное развитие в 1934—1937 гг. При общем индексе 1936 г. в 130 по отношению к 1931 г.(= 100) отдельные отрасли дают следующие цифры:

	1929	1932	1935	1936
Пищевая	95	102	120	121
Текстильная . . .	97	109	137	143
Кожевен.-обувная .	110	123	144	139
Камень и руда . .	104	71	121	119
Металлическая . .	111	74	116	117
Химическая . . .	92	98	127	128

Развитие промышленности за 10 лет дает такие цифры:

	1925 (в тыс.)	1935 (в тыс.)	1936
Количество предприят.	89	104	104.720
„ рабочих	270	318	317 395
„ лош. сил	403	695	656.136

Процесс концентрации за последние 10 лет в датской промышленности таков:

	1925	1935
1. Предприятия без найма чужого труда	44.104	51.234
2. Предприятия от 1 до 5 раб.	38.033	42.252
3. „ „ 6 „ 20 „	5.259	6.305
4. „ „ 21 „ 100 „	1.476	1.860

Таким образом, в относительных цифрах сильнее всего росло число предприятий групп 3 и 4.

Результаты рационализации и большей энерговооруженности сказались в большей эксплоатации рабочей силы. Так, в 1925 г. на одного рабочего приходилось продукции маргарина 55 тонн, а в 1929 г.—64; продукции цемента—270 и 375 тонн; спичек—440.000 и 670.000 коробок и т. п.

На первом месте стоит пищевая индустрия. Маргариновая промышленность произвела в 1936 г. около 80 тонн на 65 млн. кр., главным образом для внутреннего оборота: потребление масла считается расточением экспортного фонда страны. Стоимость продукции машиностроения исчисляется в 100 млн. кр., электрической—в 40 млн. крон, деревообделочной—в 50 млн. крон

бумажной—в 60 млн. крон, полиграфической—в 75 млн. крон, мукомольной и сахарной—в 70 млн. крон, текстильной—в 170 млн. крон, конфекционной—в 150 млн. крон, кожевеннообувной—в 75 млн. крон, электромеханической—в 70 млн. крон, мыловаренной—в 30 млн. крон.

Лиц наемного труда в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, домашнем услужении и т. п. считалось в 1936 г. около 700 тыс. рабочих и 150 тыс. служащих (ср. *рабочий класс в Скандинавии*, XXXV, 66 сл.). Организованных рабочих—440 тыс. чел. Безработица стала хронической и с 1932 г. не опускается ниже 150 тыс., к концу 1937 г. достигнув 150—200 тыс. чел. Количество безработных членов профсоюзов составило следующие цифры:

В начале	1930 г.	55.000 (22,4%)
„	1931 „	73.000 (25,1%)
„	1932 „	91.000 (32,0%)
„	1933 „	142.000 (42,8%)
„	1934 „	127.000 (38,5%)
„	1935 „	133.000 (30,3%)
„	1936 „	140.000 (31,7%)

Номинальная заработная плата за последние годы осталась неизменной, между тем как жизненный набор по официальным данным в январе 1937 г. составлял 113 (1931 г.=100) при общем индексе цен в 130. Несомненно, что реальный жизненный набор, учитывая общий индекс цен, выше официальных данных. Таким образом, оживление датской промышленности, составляющее в 1937 г. по приблизительным данным 134, сопровождается процессом уменьшения реальной зарплаты на 12—15%.

Внешняя торговля Д. за период кризиса претерпела более неблагоприятные изменения, чем внешняя торговля Швеции и Норвегии. Это в первую очередь касается экспорта (см. ниже).

Д. была главным образом беконной фабрикой и молочной Англии. 55% ее экспорта направлялись в Англию. Но в отношении импорта она предпочитала закупать более дешевые немецкие готовые изделия. С наступлением кризиса и внешнеторговых ограничений Д. перестраивает свой импорт в значительной части на Англию, чтобы не лишиться английского рынка для своей животноводческой продукции; в 1933 г. Англия уже занимает первое место в датском вывозе:

Годы	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
	(в миллионах крон)									
Импорт	1.840	1.792	1.727	1.465	1.142	1.265	1.353	1.330	1.484	1.697
Экспорт	1.723	1.703	1.610	1.329	1.132	1.200	1.233	1.220	1.327	1.606

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Импорт в миллионах крон								
Из Германии	590	540	490	296	287	289	292	378
„ Англии	263	250	218	254	356	407	476	542
Экспорт в миллионах крон								
В Германию	339	262	173	149	158	188	204	279
„ Англию	996	950	813	721	781	737	789	744

За 1936 г. Германия участвовала в 25,3% датского импорта и 20,3% ее экспорта; для Англии соответственные цифры—36,5 и 54%.

Ввоз зерновых культур, кормов, разного рода удобрений, колониальных товаров составлял в 1936 г. 360 млн. кр., другие растительные продукты, включая и жмыхи—100 млн., нефтепродукты, каучук и т. п.—100 млн., уголь, кокс—100 млн., металл—100 млн., машины—110 млн. В экспорте 1936 г. 75% занимают сельскохозяйственные продукты. Бекон, мясо и т. п. занимают 379 млн. кр., или 28,6%, масло, сыр, молоко—333 млн. крон, или 25, 1%, яйца—112 млн. крон, или 8,4%, живой скот—79 млн. крон, или 6%. В годы кризиса сельское хозяйство, отягченное долгами и финансовыми обязательствами при низких мировых ценах, усиленно вывозило бекон, масло и яйца, выручая из года в год все меньше и меньше. Дальнейшее развитие маргариновой промышленности и усиление внутреннего потребления маргарина вместо масла позволило держать в годы оживления вывоз масла на уровне прошлых лет. Исключение составляет бекон, в отношении которого сказывается уменьшение стада свиней.

Вывоз (в тыс. центнер.)

	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Сгущенное молоко	226	260	245	221	182	170
Масло	1.717	1.578	1.507	1.498	1.383	1.460
Бекон	3.761	3.898	2.441	2.233	1.997	1.740
Яйца (в тысячах дюжин)	46.400	55.200	53.500	54.300	58.600	70.000

Стоимость вывоза сел.-хоз. продуктов в 1937 г. выше, чем в 1936 г. Падение цен за годы кризиса было катастрофическим для датского сельского хозяйства: масло котировалось в 1928 г. 3.08 кр., в июле 1930 г.—2,28, в июле 1932 г.—1,46; для мяса соотв. цифры: 1,80, 1,40, 0,72. Летом 1937 г. цена масла дошла до уровня 1930 г., в октябре—до 2.92, а в ноябре скатилась до 2,52. В конце 1937 г. стали сказываться результаты складывающегося неблагоприятно нового снижения цен на импортные продукты по сравнению с датскими экспортными товарами. В 1937 г. этот процесс продолжался, чтобы к концу года поставить тревожный вопрос о наступлении нового периода возможного падения цен на датские животноводческие продукты, которые, судя по некоторым кризисным прогнозам, будут решающими в 1938 г. Индекс соответствующего неблагоприятного изменения внутренних и внешних цен для датской экономики показывает следующая таблица:

Индекс оптовых цен
(1931 г.=100)

	Январь 1936 г.	Июль 1936 г.	Декабрь 1936 г.	Весь 1936 г.	Весь 1935 г.
Импортные товары	131	135	149	136	127
Экспортные товары	149	146	146	149	141

Датская внешняя торговля определяется взаимоотношениями Д. с Англией и Германией. Ее хозяйственные связи со скандинавскими странами, наоборот, ослабевают, и это вызывает соответствующее охлаждение ее „чувства скандинавской солидарности". В силу постановлений конференции стран Ословской Антанты от 1934 г. все эти страны обязались усилить взаимный товарооборот. За 1936—37 гг. Норвегия, Финляндия и Швеция увеличили свой оборот с остальными тремя скандинавскими странами соответственно на 21, 29 и 33%, оборот же Д. с ними уменьшился на 16%. Чаще раздаются голоса, особенно в германофильских кругах, о хозяйственной и политической нецелесообразности так называемой „скандинавской общности". Это привело к тому, что в мае 1938 г. Д. на конференции Ословской Антанты в Осло выступила за отказ от взаимных преференций стран этой Антанты и за денонсирование старых соглашений.

Датский торговый флот насчитывал на 1 января 1937 г. 1.165.000 тонн. Валовой доход за период 1933—1935 гг. составлял от 180 до 200 млн. крон. В 1936 г. он достигает 215 млн. крон. Окончательные цифры 1937 г. составят от 230 до 250 млн. крон, но в октябре—ноябре началось резкое падение фрахтовых ставок. В ноябре ставки были на 13% ниже, чем в сентябре этого года. Весна 1938 г. представляется мрачной для датских арматоров, чреватa выступлениями моряков, так как при пересмотре в феврале—марте коллективных договоров предприниматели попытаются взвалить тяготы кризиса на датский пролетариат.

Рыболовство и зверобойный промысел играют второстепенную роль в датском хозяйстве, но являются главным промыслом населения Фарерских островов и Гренландии. Ежегодный улов за последние годы исчисляется в среднем в 70—85 млн. килограммов рыбы стоимостью в 35—40 млн. крон.

Внешний и внутренний долг Д. в 1937 г. составил 1.220 млн. крон, меньше в относительных цифрах, чем в соседней Швеции, и значительно меньше, чем в Норвегии. Курс датской кроны на 1937 г. составляет 48,63% стоимости золотой кроны и неизменно следует за английским фунтом стерлингов по твердому номиналу 22,40 кр. за 1 фунт. Домогания экспортных кругов о снижении курса кроны наталкиваются на сопротивления английских доминионов

опасающихся усиления датской конкуренции на великобританском рынке. В обращении в начале 1937 г. было 400 млн. крон, золотая наличность государственного национального банка — 120 млн. крон. Баланс всех частных банков на 1 января 1936 г. составлял 2.950 млн. крон, из которых на долю крупнейших: Ландмансбанкен, Хандельсбанкен и Приватбанкен, держащих в своих руках всю промышленность, приходится 1.550 млн. крон. Депозиты сберегательных касс составляют 2.150 млн. кр. Кассовые данные финансовых институтов на 1 января 1937 г. свидетельствуют о сравнительном малокровии „удачного" 1936 г. для датской экономики. Движение средств этих институтов за 1935 и 1936 гг. показывают следующие данные:

	Банки		Сберегат. кассы
	Ссуды	Депозиты	Депозиты
1 января 1936 г.	1.926 млн.	2.092 млн.	2.147.5 млн.
1 января 1937 г.	2.106 млн.	2.168 млн.	2.163,5 млн

Возросшая промышленная деятельность и усиление импорта за 1936 г. потребовали 80 млн. крон ссуд при увеличении вкладов всего на 77 млн. Сберегательная касса за год зарегистрировала всего на 16 млн. увеличение вкладов, что является отражением все еще недостаточной рентабельности сельского хозяйства. 1937 г. был последним годом оживления. 1938 г. чреват для датской экономики, в первую очередь для сельского хозяйства и фрахтового рынка, многими неприятными неожиданностями.

Май 1938 г.

XV. Финляндия (*ср.* XLШ, 701 сл.). По официальным данным, население Ф. составляло в 1935 г. около 3.600.000 чел.; 20% населения было сосредоточено в городах, 80% — в деревне. По роду занятий население распределялось в 1930 г. следующим образом: 59,6% было занято в промышленности и кустарных промыслах, 4,3% — в торговле, 3,8% — в транспорте. На все прочие занятия (служащие государственных и коммунальных учреждений, служители культов и т. д.) приходилось 15,5% населения. По национальному составу население распределяется так: финны — 88,4%, шведы — 11,1%, русские — 0,15%, прочие — 0,35%. Через всю историю современной Ф. проходит борьба шведского меньшинства, составляющего почти девятую часть населения страны, за сохранение своих национальных и языковых прав, а равно позиций, занятых в общественной и государственной жизни, против агрессивного финского шовинизма.

В течение нескольких лет, предшествовавших возникновению экономического кризиса, почти вплоть до 1928 г. Ф. переживала промышленное оживление. С 1924 по 1928 г. валовая продукция финляндской промышленности выросла почти на 50%. На положении деревни эта благоприятная конъюнктура, как будет видно ниже, отразилась в меньшей степени.

Внутри страны период относительной стабилизации капитализма ознаменовался усиленной взаимной грызней в лагере буржуазии и частыми сменами финляндских кабинетов. В декабре 1926 г., в результате утраты буржуазной коалицией поддержки шведов, недовольных финизаторским курсом правительства, а также вследствие разлада среди аграрной партии, отражавшего брожения среди крестьянства, вызванные неизжитыми последствиями ряда неурожайных годов, разлада, приведшего к тому, что аграрии стали голосовать против избранного с их же участием правительства, — к власти впервые в послевоенный период пришло социал-демократическое правительство во главе с Таннером. Во внутренней политике продолжалась прежняя линия преследований революционного рабочего движения. Финские социал-демократы усиленно старались выслужиться перед буржуазией, всячески подчеркивая свою готовность выполнить ее волю. Во внешней политике с.-д. правительство придерживалось антисоветских установок прежних финляндских кабинетов. Начатые в 1926 г. по инициативе советского правительства

переговоры о заключении пакта о ненападении были в 1927 г. односторонне прерваны финляндским правительством. В вопросах Лиги наций, в которой Ф. все годы, начиная со времени своего вступления в Лигу (1920), была застрельщиком борьбы против СССР, — правительство продолжало прежнюю антисоветскую линию. Не удовлетворяясь проектом финансовой помощи так называемым «угрожаемым в географическом отношении странам» и другими антисоветскими начинаниями, социал-демократическое правительство, в лице с.-д. министра иностранных дел Войонмаа, выступило в 1927 г. с резко заостренным против СССР дипломатическим документом. Речь идет о письме Войонмаа на имя генерального секретаря Лиги наций с предложением об объявлении априори агрессором государства не-члена Лиги наций в его столкновении с государством-членом Лиги. В ту пору, когда СССР не входил в состав Лиги наций и когда антисоветские силы в империалистических странах стремились превратить ее в орудие создания антисоветского блока, инициатива финляндского с.-д. министра носила характер, явно направленный против СССР.

Социал - демократическое правительство Ф. просуществовало всего год. С.-д. партия прибегла к маневру — выдвинула ряд демагогических требований о повышении имущественного налога, понижении некоторых таможенных пошлин и т. д., чтобы выйти в декабре 1927 г. в отставку. Этой демагогией финские социал-демократы хотели «спасти лицо» — поднять свой престиж в глазах социал-демократических рабочих, которые выражали открытое возмущение всей политикой социал-демократического кабинета, в особенности фактом принятия Таннером в мае 1927 г. традиционного парада, посвященного годовщине вступления белых войск в Гельсингфорс в 1918 г. после удушения пролетарской революции.

В 1929 г. Ф. уклонилась от принятия советского предложения о присоединении к так наз. московскому протоколу, по которому Польша, Румыния и Прибалтийские государства обязались в своих отношениях с Советским Союзом ввести досрочно в действие пакт Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики. Однако, в последующие годы, перед лицом возросшего международного удельного веса СССР, роста его политической, хозяйственной и военной мощи, в условиях ухудшения международного положения самой Ф., вызванного развитием экономического кризиса и фашистским разгулом в стране (о чем речь будет ниже), финляндское правительство согласилось на некоторые мирные предложения СССР. Так, например, оно возобновило прерванные в свое время переговоры о заключении гарантийного пакта и подписало с советским правительством в январе 1932 г. договор о ненападении и нейтралитете. В 1934 г. этот договор был продлен действием на 10 лет. В 1933 г. Ф. присоединилась к заключенной в Лондоне по инициативе СССР конвенции об определении агрессора.

Следует отметить, что еще до развития экономического кризиса и начавшегося роста фашистского движения, финляндское правительство вело наступление против революционных рабочих организаций и, в первую очередь, против объединения финляндских профсоюзов и арестовало его левое руководство. Однако, в условиях начавшегося экономического кризиса легальные формы фашизации страны финансовую буржуазию Ф. удовлетворить не могли, и она открыто пошла на развязывание фашистского движения.

Экономический кризис начался в Ф. еще в конце 1928 г., раньше, чем во всем остальном капиталистическом мире. Кризис поразил финляндскую экономику особенно сильно. Объясняется это большой зависимостью Ф. от внешних рынков, поскольку лес, вывоз которого составляет подавляющую часть экспорта страны, играет существеннейшую роль в экономической жизни Ф. Снижение мировых цен на лес и падение спроса на лесные товары резко

обострили развитие экономического кризиса в Ф. Выход на мировой рынок советского леса — главного конкурента финляндских лесоэкспортеров — был использован финскими капиталистами для антисоветской агитации и прямых обвинений по адресу СССР в причастности к постигшим Ф. хозяйственным невзгодам.

Экономический кризис вызвал в Ф. активизацию фашистских элементов, поставивших основной своей целью разгром революционного рабочего движения и нанесение удара растущему влиянию коммунизма. Без этого финляндская буржуазия не мыслила себе обеспечение условий для неограниченной эксплоатации трудящихся масс. Фашисты приступили спешно к мобилизации всех реакционных авантюристических сил внутри страны. Во внешней политике они начали ориентироваться на скорейшую реализацию давнишних антисоветских замыслов финской ~~буржуазии, видя в войне~~ против СССР радикальный выход из охватившего страну экономического кризиса, выход из всех раздирающих ее противоречий. Разгром рабочего движения и мыслился как одно из средств укрепления тыла для всеобъемлющей подготовки страны к войне и, в первую очередь, к интервенции против СССР.

Фашистское движение, или, как оно стало называться, «лапуасское», по имени местечка Лапуа — одного из кулацких районов в Эстерботнии, ставшего главным очагом фашизма, — субсидировалось совершенно открыто финансово-лесопромышленными магнатами Ф. Начатое фашизмом наступление на рабочий класс скоро (уже в 1930 г.) привело к разгону профсоюзов и профобъединения, являвшихся сильнейшими массовыми организациями финляндского пролетариата, аресту сеймовой фракции социалистических рабочих и мелких земледельцев в составе 23 депутатов, к изданию серии чрезвычайных «законов против коммунистов» (под коммунистами правительство разумело все левые элементы), словом, к полному разгрому всего левого рабочего движения и открытому фашистскому террору. Усиление фашизма ознаменовалось резким ухудшением отношений между Ф. и СССР. Лапуасские элементы стали усиленно провоцировать конфликты на финско-советской границе. В частности, лапуасцы начали широко практиковать насильственные переброски в СССР финляндских революционных рабочих. Осенью 1930 г. была сделана даже попытка перебросить в СССР бывшего президента Ф. Стольберга, с целью убийства его на советской территории. Зачинщики провокации намеревались использовать этот факт как повод к войне против СССР. Вдохновителем и организатором этих, закончившихся, к счастью, неудачей, планов был тогдашний начальник генштаба Ф. полковник Валлениус, которого после этого правительство вынуждено было снять с поста. Финляндская печать, и раньше не отличавшаяся особой объективностью в отношении СССР, стала источником систематических кампаний лжи и клеветы по адресу Советского Союза. На ряду с Ригой и Варшавой Гельсингфорс становился центром антисоветских небылиц, снабжавшим мировую печать враждебной СССР информацией. Финская пресса, в особенности фашистская, активно включалась в любую кампанию, направленную против СССР, — будь то по вопросу о «принудительном труде», кутеповщине и т. д. Фашизирующаяся Ф. стала играть активную роль в сколачивавшемся против СССР блоке государств, зачинщиков «крестового похода» против первой в мире республики трудящихся. Нет поэтому ничего удивительного в том, что на процессе «Промпартии» в конце 1930 г. подчеркивалась серьезная роль, которую империалистические державы отводили Ф. в деле подготовки антисоветской войны, и отмечалось значение Ф. в качестве «классической страны» по провоцированию пограничных инцидентов с СССР.

Как только начала ослабляться острота экономического кризиса и почувствовались первые признаки

перехода его в депрессию особого рода, финляндским капиталистам стало казаться, что главные задачи по «искоренению коммунизма», которые они поставили перед лапуасским движением, — а именно, разгром легального рабочего движения и доведение зарплаты пролетариата до голодного уровня, — достигнуты. Интерес их к лапуасскому движению стал заметно пропадать. Своими погромными методами лапуасцы подрывали международный авторитет Ф. и дискредитировали ее во-вне — в Англии и некоторых других странах буржуазной демократии, в кредитах которых финский капитал весьма нуждался. Между тем события в Ф. — разгул лапуасских элементов — отрицательно влияли на кредитоспособность страны и устойчивость ее валюты. Орган финляндских торгово-промышленных кругов «Каупалехти» в этот период прямо заявлял, что «крайне запутанное внутреннеполитическое положение вредно отзывается на валюте Ф.». Внутри страны авантюризм и открытое стремление лапуасских вождей к захвату власти, особенно проявившиеся во время путча, организованного ими в местечке Мянтселе, недалеко от Гельсингфорса, в начале 1932 г., стали отпугивать от них некоторую часть буржуазии. Ценность лапуасцев в глазах финских капиталистов уменьшалась еще и вследствие того, что у них явно отсутствовала серьезная массовая база, так как шедшие за ними массы разочаровывались в их демагогических лозунгах. Идеи народного фронта, объединения всех сил для борьбы с фашизмом все глубже проникали в толщу трудящегося населения Ф. Склонность некоторых горячих голов в финляндской деревне, под влиянием резкого недовольства существующим режимом, принять всерьез лапуасскую демагогию довела до попытки крестьянского восстания в Нивала осенью того же 1932 г., попытки, которая поселила серьезную тревогу в лагере буржуазии, обнаружив всю опасность развязывания активности народных масс. Совокупность всех этих причин и привела к тому, что финская буржуазия стала склоняться к идее легальной фашизации государственной жизни, предпочитая ее открытой фашистской диктатуре. Эту задачу и должен был выполнить пришедший к власти в декабре 1932 г. коалиционный кабинет во главе с правым прогрессистом Кивимяки, просуществовавший до сентября 1936 г., т.-е. около 4-х лет, — срок, кстати сказать, в финляндских условиях рекордный. Последний период пребывания у власти правительства Кивимяки совпал с большими изменениями в финляндской экономике, на которых следует остановиться подробнее.

Как уже отмечалось, преобладающую роль в Ф. играет лесное хозяйство, а в промышленности ее — те отрасли, которые заняты переработкой лесного сырья: лесопильная, фанерная, бумажная и целлюлозная. Это объясняется наличием в стране, помимо значительных лесных богатств, еще и дешевой водной энергии, удобных речных и озерных путей сообщения, а также выгодным приморским положением страны. Лесная промышленность работает в основном на экспорт, давая вместе с отраслями, занятыми выработкой производных продуктов — фанеры, бумаги и целлюлозы — около 85% всего финляндского вывоза. Такая большая зависимость экспорта страны от леса и его производных продуктов составляет слабое место финляндской экономики и давала всегда себя остро чувствовать в периоды экономических кризисов. В особенности Ф. это остро почувствовала во время последнего кризиса. Примерно с 1933 — 1934 г. началось оживление в финляндской промышленности, которое продолжается и поныне, выражаясь, в частности, в росте промышленной продукции и увеличении внешне-торгового оборота. Выросли золотые и валютные резервы страны. Значительно увеличились капиталовложения в промышленность, жилищное строительство и т. д. Безработица сократилась. Но, несмотря на эту благоприятную

конъюнктуру, деловые круги Ф. не скрывают своего беспокойства. Особенно сейчас, в условиях начинающегося в США экономического кризиса, они опасаются, что и в Ф. на смену нынешней высокой конъюнктуре придет экономический кризис, еще более тяжелый, чем недавно пережитый, последствия которого все еще сказываются в экономике страны. Этим и объясняется озабоченность, которая сильно сквозит в высказываниях экономической прессы. Так, например, упоминавшийся уже выше орган финляндских торгово-промышленных кругов «Кауппалехти» еще в номере от 8 июня 1937 г. писал: «То обстоятельство, что рост производства в промышленности внутреннего рынка в первом квартале этого года (13%) был больше, чем в экспортной (4%), можно было бы при обычных условиях считать признаком того, что подъем конъюнктуры приближается к концу (стоит только вспомнить прежний период подъема) ...На рынке лесоматериалов еще не наблюдается признаков беспокойства, хотя этой весной и наблюдалось некоторое ослабление». Финляндские капиталисты не закрывают глаз на симптомы, свидетельствующие о том, что благоприятная конъюнктура близится к концу. Так, например, осенью 1937 г. экономическая печать с большой озабоченностью отмечала, как один из серьезных в этом отношении признаков, факт уменьшения вывоза леса за первое полугодие 1937 г. по сравнению с первым полугодием прошлого года почти на 100.000 стандартов (226.000 вместо 322.000).

Деловые круги Ф. сознают относительность переживаемого страной промышленного оживления, понимают, что оно коренится в факте ведущейся агрессивными государствами подготовки к новой мировой империалистической войне, раскаты которой уже начались на полях Китая и Испании, в факте повышенного спроса на некоторые товары экспортного лесного сырья Ф., имеющие военное значение. На первом месте здесь стоит экспорт целлюлозы, идущей на изготовление взрывчатых веществ. Характерно, что в то время, как экспорт круглого леса и пиломатериалов остается относительно стабильным, вывоз древесной массы и, главным образом, целлюлозы испытывает бурный рост. Так, например, уже в 1935 г. экспорт этих продуктов удвоился по сравнению с докризисным 1928 г.

Увеличенный спрос на лес и лесопродукты, а равно рост цен на них на мировом рынке привели к значительному улучшению экономического положения Ф. В результате решительного нажима широких масс трудящегося населения, лесным и прочим магнатам страны пришлось пойти еще в 1936 г. на рост заготовительных цен на лес, который привел к улучшению положения собственников леса, в том числе и к частичному улучшению для средних и даже мелких крестьян-лесовладельцев. Финские капиталисты вынуждены были затем пойти на удовлетворение настоятельно выдвинутых рабочим классом требований об увеличении зарплаты, требований, активно подкрепленных развернувшейся по всей Ф. в начале 1937 г. волной забастовок. Последние закончились почти повсеместно победой рабочих.

Все это, однако, в очень малой степени улучшило положение широких масс рабочего класса и крестьянства. Уровень заработной платы финских пролетариев всегда являлся, по признанию финляндской с.-д. партии, минимальнейшим в Европе. Финская социал-демократическая печать вычислила, что за годы экономического кризиса, с 1928 по 1932, заработная плата индустриальных рабочих снизилась на 38%. Еще больше упала зарплата лесных и сельскохозяйственных рабочих. Дневная заработная плата сельскохозяйственного рабочего с 27—28 финских марок в 1929 г. уменьшилась до 8—12 фин. марок в 1933 г. (финская марка по нынешнему курсу составляет 11,68 коп.). Даже и сейчас в Ф. безработица хотя и сильно сократилась по сравнению с годами экономического

кризиса, далеко все же не исчезла. По официальным данным она составила, напр. в октябре 1936 г., 3.097 чел. по сравнению с 9.739 чел. в октябре 1935 г. Нужно учесть, что в виду отсутствия в Ф. страхования от безработицы и отсутствия поэтому государственной регистрации безработных, к официальным данным следует относиться с большой осторожностью, поскольку они стремятся затушевать истинное положение вещей.

Положение крестьянства также сильно ухудшилось в годы экономического кризиса, который задел деревню не в меньшей степени, чем город. Сужение внутреннего рынка, резкое сокращение финляндского экспорта и падение цен на вывозимые продукты — все это привело к обострению аграрного кризиса.

Следует учесть, что положение в финляндской деревне стало ухудшаться еще до начала экономического кризиса на почве участившихся в стране неурожаев. Об этом ухудшении может свидетельствовать факт прогрессирующего падения доходности крестьянских хозяйств. Составляя в 1925 г. 5,8% по отношению к стоимости средств производства, доходность сельского хозяйства стала последовательно из года в год скатываться вниз и упала в 1930 г. до 2,8%, т.-е. уменьшилась более чем вдвое.

Ф. насчитывала к началу экономического кризиса в 1929 г. 285.390 хозяйств, которые, согласно официальных данных (ежегодник за 1937 г.), распределялись по размерам землевладения следующим образом:

Размер землевлад. (в *га*)	Число хозяйств	% к общему числу	Количество принадлежащей им земли (в *га*)	% к общему числу
0,25— 2	77.162	27,0	72.478	3,2
2— 3	31.993	11,2	72.896	3,3
3— 10	108.642	38,1	601.518	26,9
10— 25	51.683	18,1	766.121	34,2
25— 50	12 219	4,3	401.377	17,9
50—100	2.864	1,0	187.016	8,4
100 и свыше	827	0,3	136 937	6.1
Итого	285.390	100,0	2.238.348	100,0

Таким образом, и официальная статистика рисует Ф. как страну с преобладающим мелким и средним землевладением.

Из 285 тысяч с лишним финляндских хозяйств около 3/4, т.-е. примерно тысяч 200, не могут прокормиться своим хлебом. Только 15 тысяч кулацких хозяйств продают хлеб на рынок, стимулируемые к этому высокими пошлинами на хлеб, правительственными премиями и т. д. Нужно отметить, что Ф. никогда не была страной, обеспечивающей себя собственным хлебом. Объясняется это тем, что она по преимуществу является страной аграрно-индустриальной с высоко интенсивным сельским хозяйством, но только животноводческого направления. Продукция животноводства составляет около 60% всей сельскохозяйственной продукции страны. Продукты молочного животноводства — масло и сыр — дают около 10% финляндского экспорта. Почти половина крестьянских хозяйств Ф. на имеющихся у них участках или вовсе не имеют годной для обработки земли, — и крестьяне вынуждены наниматься к помещикам и кулакам на сельскохозяйственные работы и на лесозаготовки, — или имеют такой клочок земли, который создает только фикцию независимого крестьянского хозяйства. Изданный в 1922 г. закон, автором которого являлся нынешний финляндский президент Каллио, закон, известный поэтому под названием Lex Kallio (закон Каллио), предусматривал «колонизацию», т.-е. наделение землей безземельных, которых с семьями насчитывалось 40% всего сельскохозяйственного населения (*ср.* XLVI, 583/84). Такое наделение землей должно было быть осуществлено путем принудительного выкупа помещичьих земель. Как и следовало ожидать, этот закон, хотя он и был принят в свое время при активной поддержке всего левого крыла сейма и встретил самое ожесточенное сопротивление реакционных кругов Ф., в очень незначительной степени удовлетворил нужду крестьян в земле. Там, где помещикам не могли помочь отдельные лазейки, допу-

щенные законом 1922 г., выступил всесильный банковский капитал, опутавший финскую деревню сетями кабалы и ростовщической задолженности.

Около 20.000 крестьянских хозяйств, т.-е. 7—8% всего их количества, проданы с аукционов за последние годы, начиная с 1929 г. И даже в нынешнем году, несмотря на переживаемое страной экономическое оживление, имеет место продажа крестьянских хозяйств с молотка. Один этот факт дает ясное представление об исключительном разорении финской деревни, опутанной сетями финансового капитала. Деревня все еще продолжает испытывать зловещее дыхание аграрного кризиса.

Налоговый пресс в Ф. все усиливается. Дороговизна растет. Индекс жизни по официальным данным, сильно, как водится, преуменьшенным, увеличился в 1937 г. по сравнению с 1936 г.: на продовольствие — на 5%, на одежду — на 2%, общий индекс — на 4%. Произведенное недавно профсоюзной печатью Ф. обследование по 36 населенным пунктам страны показывает повышение цен на основные продукты питания только за время с августа 1936 г. по февраль 1937 г. на: 23% — на ржаную муку, 14% — на маргарин, 6% — на коровье масло, 8% — на картофель и т. д. Сама буржуазная печать Ф. вынуждена констатировать, что, несмотря на достигнутые страной в последнее время значительные улучшения в экономической области, рабочий класс и крестьянство продолжают жить по-прежнему в нужде. Улучшение экономической конъюнктуры, равно как дискредитация Ф. во-вне погромной лапуасской деятельностью оказали влияние на позицию финансовой буржуазии Ф., решившей переключиться с курса завершения фашистского переворота на легальную фашизацию страны. Осуществление этой задачи, как сказано выше, было возложено на коалиционный кабинет Кивимяки.

Правительство Кивимяки ознаменовало свое четырехлетнее пребывание у власти крайне реакционными тенденциями во внутренней политике, взяв курс на ограбление населения страны в угоду кучке финансовых магнатов. Эта политика вызвала оппозиционные настроения даже у отдельных элементов правящего класса. Реакционной линии правительства внутри страны соответствовала во внешней политике ориентация на сближение с фашистской Германией.

Рост влияния германского фашизма начался еще с первых дней разгула лапуасского движения. В особенности этому росту способствовало возвращение в июле 1930 г. к власти виднейшего финского деятеля Свинхувуда, известного в качестве последовательного германофила. Сперва он был назначен премьер-министром, а затем в феврале 1931 г. он добился избрания президентом и стал фактическим диктатором страны. Германское влияние в Ф., резко усилившееся с приходом в 1933 г. Гитлера к власти, стало выражаться в росте финляндских культурных связей с Германией, в теснейшем контакте военщины обеих стран, в усиленных визитах германских военных в Ф., в использовании германским фашизмом финляндского плацдарма для военной подготовки против СССР, в частности в деле сооружения аэродромов, строительства стратегических дорог, доков и портовых сооружений, в активизации вопроса о ремилитаризации Аландских островов и т. д. Одновременно наблюдался процесс сближения Ф. с Польшей по линии совместного срыва советских предложений об обеспечении коллективной безопасности в Восточной Европе, а также и процесс усиления финляндских связей с Японией. По мере втягивания Ф. в орбиту влияния агрессивных по отношению СССР стран, происходило обострение финляндско-советских отношений, которое вызывалось, в частности, систематической антисоветской кампанией в финской прессе, лицемерными ее усилиями по защите «соплеменных» народов в СССР, усилиями, в которых нетрудно было разглядеть рецидив старых антисоветских установок финской

буржуазии в отношении Советской Карелии. Лапуасцы вели открытую пропаганду идей создания так наз. «великой Ф.» и захвата советских земель «вплоть до Урала» и т. д.

Открытая близость в отношениях с фашистской Германией, с одной стороны, и последовательное обострение отношений с Советским Союзом — с другой, все это поселило большую тревогу в народных массах Ф. Становилось совершенно очевидным, что правительство Свинхувуда — Кивимяки толкает страну в объятия гитлеровской Германии и проводит неуклонно политику, угрожающую втянуть Ф. в авантюры, замышляемые агрессорами. Слова главы советского правительства В. М. Молотова на сессии ЦИК СССР в январе 1936 г. о том, что интервенционистские планы «не чужды некоторым элементам соседней с нами Финляндии, все больше ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства», — эти слова нашли широкий отклик в Ф. Характерно, что, учитывая настроения в стране, правительство Кивимяки из кожи лезло вон, чтобы прикрыть свои германофильские установки. Оно маскировало их так называемой «скандинавской ориентацией» во внешней политике и добилось в декабре 1935 г. демонстративного принятия финляндским сеймом соответствующего решения, за которое голосовали поголовно все депутаты.

Реакционное правительство Ф. не могло не видеть, что его база в стране все сужается и что единственной его опорой остается верхушка финансовой буржуазии. Свинхувуд и Кивимяки игнорировали многочисленные сигналы, свидетельствовавшие о растущем недовольстве в Ф. политическим курсом правительства. Первым таким сигналом, относящимся еще к 1935—36 гг., можно считать факт активного противодействия, которым были встречены со стороны широких масс трудящегося населения Ф. попытки кабинета Кивимяки ввести смертную казнь за политические преступления. Финляндская реакционная буржуазия едва прикрывала свое намерение уготовить таким путем смертную казнь для мужественного революционного борца Антикайнена, который по грубо состряпанному, совершенно дикому обвинению был присужден к пожизненной каторге. Этого финской классовой юстиции было мало — она хотела во что бы то ни стало приговорить его к смертной казни. Процесс Антикайнена показал, что авторитет финляндской коммунистической партии сильно вырос и получил признание далеко за пределами страны.

Другим серьезным сигналом более позднего времени явились результаты парламентских выборов в Ф., состоявшихся в июле 1936 г. и закончившихся значительным успехом левых элементов. Правительство Кивимяки не захотело сделать для себя никаких выводов из ярко обозначившихся на выборах настроений в стране. Вместо того, чтобы смягчить внутри-политический реакционный курс и пересмотреть занятую во внешней политике линию на сближение с Германией, Кивимяки, действуя в полном контакте со Свинхувудом, пустился на прямую провокацию, бросив обвинение оппозиционно к нему настроенным элементам финляндской буржуазии в участии в движении народного фронта и сфабриковав с этой целью специальные «меморандумы» охранки. Провокация была разоблачена и вызвала большое возмущение у широких кругов финляндской общественности. В результате этого политического скандала кабинет Кивимяки вынужден был в сентябре 1936 г. подать в отставку.

На очередных президентских выборах в начале 1937 г., Свинхувуду, несмотря на все старания финансового капитала страны и объединенного фронта фашизма, военщины и церкви, несмотря на горячее содействие со стороны гитлеровской Германии, не удалось добиться переизбрания, и его кандидатура была провалена. Президентом был избран умеренный правый деятель Каллио, лидер аграрного союза. Каллио 1 марта 1937 г. и занял президентский

пост. Перед угрозой открытого проявления в стране недовольства полуфашистским режимом Свинхувуда, в условиях улучшившейся экономической конъюнктуры, требовавшей от Ф. миролюбивой внешней политики, буржуазия согласилась на кандидатуру Каллио, представляющего кроме ее интересов еще и интересы кулацких слоев крестьянства.

Выявившиеся в Ф. за последний год сдвиги влево, свидетельствующие об активном противодействии рабочего класса и буржуазно-демократических сил наступлению реакции, не могли не найти своего отражения и во внешне-политических установках правительства. Под давлением общественного мнения, под влиянием неблагоприятных для Ф. откликов за границей, где прогерманский курс Ф. обращал на себя серьезное внимание, финляндское правительство, примерно с конца 1936 г., взяло курс на улучшение отношений с СССР и на сближение с Скандинавией. В феврале 1937 г. в Москву приехал с официальным визитом финляндский министр иностранных дел Холсти. Визит этот был оценен даже на страницах реакционной печати Ф. как удачный шаг финляндской дипломатии в деле улучшения отношений с Советским Союзом. Налицо были определенные сдвиги в настроениях общественных кругов Ф. в сторону СССР.

В апреле 1937 г. в Гельсингфорсе состоялась очередная конференция министров иностранных дел четырех северных стран, на которой Ф. имела возможность продемонстрировать уже не показную «скандинавскую» ориентацию, а действительное установление тесного контакта с тремя скандинавскими государствами — Швецией, Норвегий и Данией, ставшее реальным после улучшения Ф. своих взаимоотношений с Советским Союзом. Следующая конференция мининделов северных стран, состоявшаяся в сентябре 1937 г. в Стокгольме, также прошла под знаком дальнейшего сплочения стран Северной Европы в деле борьбы за мир.

Последнее время со стороны германского фашизма наблюдается настойчивое стремление к восстановлению прежних своих позиций в Ф. Вновь учащаются визиты в Гельсингфорс разного рода «гостей» из гитлеровской Германии. В начале августа 1937 г. германское правительство снаряжает в финские воды целую флотилию подводных лодок, что расценивается в советской печати как очередной зигзаг во внешней политике Ф. В октябре 1937 г. Холсти едет с официальным визитом в Берлин.

Немецкие фашисты неприкрыто занимаются обследованием морских и воздушных путей на север, через Скандинавию. Германский империализм подбирается к Северному Ледовитому океану, к северным границам Советского Союза. Германия с некоторых пор стала настойчиво добиваться от финляндского правительства рыболовных концессий в районе Печенги, районе, уступленном Ф. советским правительством по Юрьевскому мирному договору в 1920 г. Германия добивается аренды в Печенге береговых участков и т. д. Берлинские вожделения находят кое-какую поддержку со стороны отдельных финляндских государственных органов, пока правительство Ф. не оказывается вынужденным принять в сентябре 1937 г. специальное решение, кладущее конец германским домогательствам в Печенге. Заслуживает внимания то обстоятельство, что, как сообщала недавно финская печать, аналогичные происки в Печенгском районе наблюдались в последнее время и со стороны Италии.

Гитлеровская агентура не ослабляет своей работы в Ф. Фашистские элементы внутри страны не дремлют. Они имеют опору в финляндском банковском капитале, в крупной промышленности и землевладении, военном командовании, вышедшем в основном из немецкой школы, в церкви и в верхушке бюрократии. Они ставят ставку на то, что коренные антисоветские установки Ф. остаются неизменными. Они исходят из того, что существующий на сегодняшний день в Ф. политический режим немногим

отличается от того положения, какое было год—два тому назад при господстве Свинхувуда — Кивимяки.

И действительно, в Ф. — на словах парламентарная, демократическая республика, на деле же — система удушения всего живого в стране, система запугивания, террора и насилий над рабочим классом, решительного попирания всяческих проявлений активности пролетарских масс. Однако, говорить о фашистской диктатуре в полном смысле этого слова нельзя. В Ф. имеются партии, сейм, существуют некоторые рабочие организации. Партии ведут между собой борьбу в парламенте, на страницах «свободной» печати и т. д.

В 1930 г. и в следующие годы, во время фашистского похода на рабочий класс, финская буржуазия стала усиленно дополнять конституцию серией «законов против коммунистов»; законы эти лишили избирательных и гражданских прав отдельные категории людей, обвиняемых в «измене» государству. Тем самым отменялась часть положений конституции, и в стране фактически вводился полуфашистский режим.

По букве конституции финляндскому населению предоставляются всевозможные «свободы», а на деле беспощадно душится все прогрессивное и передовое, что есть в стране. Рабочие организации терпятся только тогда, когда не подлежит сомнению, что они руководятся социал-демократами. Компартия неизменно пребывает в глубоком подполье.

20-летний опыт существования независимой Ф. дает яркий пример того, как буржуазия в деле защиты своих интересов самым циничным образом игнорирует основы «буржуазной демократии», так торжественно ей же самой провозглашенной на заре капиталистического развития. Когда этого требуют интересы буржуазии, действие конституции просто «выключается». Так было и в 1918 г. — во время кровавого удушения вооруженного восстания финляндского пролетариата, в 1923 г. — при разгроме социалистической рабочей партии и аресте ее сеймовой партии в составе 27 депутатов, и в 1930 г.—при проведении фашистского переворота и аресте 23 депутатов социалистических рабочих и мелких земледельцев. Фашизация государства после 1930 г. искусно финской буржуазией «увязывалась» с текстами демократической конституции.

Вот почему наличие сейчас в Ф. кабинета во главе с левым прогрессистом проф. Каяндером, сформированного в марте 1937 г. из представителей партий центра и социал-демократии и имеющего за собой формально три четверти сейма, т.-е. значительное парламентское большинство, не решает вопроса. Тем более, что есть серьезные основания сомневаться в искренности демократических убеждений значительной части аграрного союза и партии прогрессистов, которые вместе с социал-демократами образуют нынешнюю правительственную коалицию. Вдобавок, из социал-демократической партии Ф. в кабинет вошли самые правые ее деятели, которые, кстати сказать, чтобы облегчить свое участие в правительственной коалиции и сотрудничество с буржуазией, предприняли весной 1937 г. в отношении отдельных левых членов партии и органов печати ряд репрессивных мер, вплоть до исключения из партии. В частности, из рядов с.-д. партии была целиком исключена социал-демократическая организация студенчества — «Академическое социалистическое общество».

Удары, нанесенные в последнее время финляндской реакции и ее покровителям из Германии, создавшие более благоприятные, нежели ранее, условия для борьбы с фашизмом, не снимают с порядка дня внутренней жизни Ф. вопроса о борьбе за преодоление фашистской опасности.

Январь 1938 г.

XVI. Латвия (*ср.* XLVII. 730 сл.). В первые же годы после возникновения Л. как независимого буржуазного государства, она испытывала серьезные экономические трудности, объяснявшиеся в первую очередь тем, что она потеряла прежние связи с Советским Союзом, ее экономика была не-

достаточно конкурентоспособна для сбыта продукции на внешних рынках, а внутренний рынок был чрезвычайно сужен ввиду низкого жизненного уровня широких масс латвийского народа.

Наступление мирового экономического кризиса значительно обострило внутренние и внешние противоречия латвийского капитализма. Сельское хозяйство Л. почти не выходило из кризиса после войны. Промышленный кризис в Л. разразился в 1930 г. В 1931 г. кризис охватил уже все отрасли промышленности, сельского хозяйства, финансов и внешнюю торговлю. Обострение классовых противоречий на почве переживаемого кризиса создало серьезную опасность для устоев латвийского буржуазного государства. В этих условиях наростания революционного кризиса в стране реакционные круги латвийской буржуазии и кулачества прибегли к установлению насильственным путем фашистской диктатуры как средства сохранения капиталистической системы и как средства для переложения всех тягот кризиса на плечи трудящихся масс.

Фашистский переворот в Л. произошел 15 мая 1934 г. Движущей силой его явилась кулацкая партия „Крестьянский союз", руководимая Карлом Ульманисом и генералом Балодисом. Установив фашистскую диктатуру в стране, правительство Ульманиса стало на путь реакции в области внутренней политики. В качестве мер подавления революционного движения в стране и в целях подавления любого голоса критики, правительство распустило все политические партии в стране, арестовало левых политических деятелей, произвело чистку государственного и коммунального аппарата от всех неугодных фашистскому правительству лиц и насадило везде своих сторонников. В области внутреннего устройства страны правительство Ульманиса, подражая итальянскому фашизму, стало на путь создания по принципу итальянских корпораций камер, представляющих различные слои населения в зависимости от их профессии. В этом плане создано 9 камер: промышленная, сельскохозяйственная, ремесленная, труда, культурная и т. д. Венчает эту систему государственный хозяйственный совет, объединяющий все камеры. В задачу корпоративной системы входит примирение „классовых противоречий" в стране. В области экономической политики латвийское правительство стало на путь широкого поощрения монополии, на путь государственных субсидий кулацким слоям деревни и капиталистическим классам города, выплаченных за счет налогов, выжимаемых из народных масс.

Приход к власти фашизма отразился, естественно, не только на внутренней, но и на внешней политике Л. Но раньше, чем охарактеризовать внешнюю политику фашистского правительства, необходимо остановиться на политике Л. до прихода к власти фашистов.

Традиционной политикой буржуазной Л. с момента ее возникновения явилась ориентация на государства Антанты и в первую очередь на Англию, в лице которой буржуазная Л. видела гаранта своей независимости. Латвийские буржуазные круги многие годы работали над тем, чтобы втянуть Л. в блок прибалтийских государств, целью которого явилась бы война против Советского Союза. Пропагандирование в печати идей блока прибалтийских государств сопровождалось враждебной пропагандой против Советского Союза, который враждебные Советскому Союзу в Л. круги пытались представить как государство агрессора, стремящегося, якобы, поглотить прибалтийские государства. В отношении других государств латвийская внешняя политика стремилась к поддержанию нормальных отношений. Такова была в частности политика Л. в отношении Германии.

Изменение политической обстановки Европы в связи с приходом к власти германского фашизма и изменение вслед за этим расстановки сил на европейской арене отразилось соответственно и на настроениях

латвийских буржуазных кругов и на внешней политике Л. Победа в январе 1933 г. фашизма в Германии с его открытой программой захватов и, в частности, превращения государств Прибалтики в свою колонию, не могло не вызвать серьезных опасений у латвийской буржуазии за судьбу независимого латвийского государства.

Вслед за приходом к власти Гитлера в Германии отношения между Л. и Германией резко обострились. В Л. широко проводился бойкот германских товаров, в печати и в сейме раздавались резкие выпады по адресу германского фашизма. В ответ на это Германия запретила 10-го июня 1933 г. ввоз в Германию латвийского масла. Это еще более обострило латвийско-германские отношения. Результаты кризиса латвийско-германских отношений резко сказались на внешней торговле Л. Последняя сильно сжалась в своем объеме.

Особенно остро стала ощущаться в Л. угроза германской агрессии с момента заключения 26 января 1934 г. польско-германского пакта о ненападении, с подписанием которого в печати определенно связывались слухи о германо-польском сговоре о разделе Прибалтики.

Ясно вырисовавшаяся угроза германской агрессии заставила латвийское правительство сделать известные выводы в вопросах внешней политики. В этой связи можно отметить (во второй половине 1933 и в первой половине 1934 гг. до прихода к власти в Л. фашистского правительства Ульманиса) тенденцию к возможному укреплению связей с Англией и Францией и улучшение отношений с Советским Союзом. В качестве одного из новых для данного момента элементов во внешней политике Л. следует отметить широкую пропаганду в печати о необходимости образования Прибалтийской Антанты в составе Л., Эстонии и Литвы.

Идея создания блока прибалтийских государств не являлась новой. Инициатива образования блока прибалтийских государств исходила от держав Антанты. Первые попытки создания блока были сделаны в момент образования прибалтийских государств, с целью использования государств Прибалтики в качестве плацдарма для интервенционистской войны против СССР. Блок мыслился в двух вариантах: в составе государств Финляндии, Эстонии, Л., Литвы, Польши и Румынии (южный блок), и в составе государств Прибалтики, Польши и Скандинавии (северный блок). Начиная с 1920 г., по инициативе Франции и ее союзника Польши неоднократно происходили конференции в столицах государств участников соглашения, где обсуждался вопрос о создании блока, направленного против Советского Союза. Наивысшего развития идея создания блока прибалтийских государств получила в 1922 г., когда в Варшаве было подписано соглашение об образовании блока, так называемый „варшавский аккорд". Однако, этому соглашению не суждено было реализоваться ввиду того, что Литва выпала из этого блока в силу своего конфликта с Польшей из-за Виленщины, а Финляндия отказалась ратифицировать это соглашение вследствие того, что оно имело анти-германское острие, на что не могла пойти Финляндия, состоявшая в очень близких отношениях с Германией. Позже в Л. возникала в 1923 и 1927 гг. идея о создании малого блока прибалтийских государств в составе Л., Литвы и Эстонии, но ввиду сдержанного отношения к нему Литвы соглашения достичь не удалось.

С приходом к власти в Германии Гитлера, выступавшего не только с угрозами, но и прямыми агрессивными действиями против Литвы в Мемельской области, меняется отношение Литвы к прибалтийскому блоку. На этот раз в качестве инициатора создания прибалтийского блока выступает Литва.

25 апреля 1934 г. Литва обращается с меморандумом к Л. и Эстонии, в котором излагает необходимые условия создания блока прибалтийских государств. Инициатива Литвы встретила весьма активное германо-польское противодействие, выразив-

шееся в исключительно сильном нажиме указанных государств на Л. и Эстонию в смысле их отказа от принятия литовского предложения. После длительных переговоров соглашение было подписано 12 сентября 1934 г. в Женеве.

Соглашение между Л., Литвой и Эстонией от 12 сентября 1934 г. не является военно-оборонительным союзом и не содержит военной клаузулы. Основная цель соглашения — координация действий указанных государств в области международной политики. В этой связи устанавливается также тесное сотрудничество дипломатических и консульских представительств государств, участников соглашения. Соглашение, однако, устанавливает, что предусмотренная координация действий в области внешней политики не распространяется на некоторые специфические вопросы литовской внешней политики. Имеется в виду литовско-польский конфликт из-за Виленщины. Соглашение является открытым для вступления других государств при условии согласия всех участников его. Срок действия соглашения — десять лет.

Вопрос о создании Прибалтийской Антанты, как указано выше, возник до прихода к власти в Л. фашистского правительства Ульманиса.

Поскольку основным ядром фашистской группировки, ставшей у власти в Л., явился „Крестьянский союз",—кулацко-буржуазная партия Л., которая всегда добивалась хороших отношений с Германией,—и поскольку идеологически латвийский фашизм близок гитлеризму, можно было ожидать, что латвийское правительство будет стремиться добиться дружбы с гитлеровской Германией. Последующее развитие показало, что эти предположения целиком оправдались. Если в первые месяцы своего пребывания у власти, т.-е. летом 1934 г., латвийское правительство вынуждено было проявлять сдержанность к гитлеровской Германии, ввиду выявившихся совершенно очевидных агрессивных действий Германии, как то: попытка фашистского путча в Австрии 25 июля 1934 г., подрывная работа в Мемеле и т. д., и отсюда стремление оградить свою безопасность путем подписания соглашения о Прибалтийской Антанте, совместная с Эстонией декларация в Москве о том, что Л. относится благожелательно к восточному пакту, — то уже осенью 1934 г. латвийское правительство делает серьезные шаги, направленные к расчистке атмосферы в латвийско-германских отношениях и установлению дружбы с гитлеровской Германией. В этой связи можно упомянуть о таких фактах, как вынесение 25 октября 1934 г. исключительно мягкого приговора участникам нелегальной гитлеровской организации в Л., так называемого „Немецко - балтийского братства", отмена 26 октября решением кабинета министров Л. празднования 22 июня годовщины победы латвийско-эстонской армии под Венденом над немецкими оккупационными войсками так называемой „железной дивизии" фон дер Гольца и немецко - балтийским ландсвером. Далее, следует указать на изменение позиции латвийского правительства в вопросе о восточном пакте ввиду выявившегося резко отрицательного отношения к пакту со стороны Германии и Польши.

Последующие годы, 1935 и 1936, прошли под знаком дальнейшего развития германо-латвийских отношений в области экономической, торговой и культурной. Особенно значительно экономическое проникновение Германии в Л. Достаточно указать, что в 1935 г. на долю Германии падало 21,7 млн. лат, или 25% всего иностранного капитала, размещенного в Л. На долю Германии падает 65% акционерного капитала в металлопромышленности. Велико влияние Германии также и в других отраслях промышленности. Очень значительна доля Германии во внешней торговле Л. Достаточно сказать, что в 1935 г. на долю Германии падало 37,2% латвийского экспорта, в то время как Англия оттеснена на второе место. На долю последней падает 22,9% импорта и 32,3% экспорта. Интенсивно развивались также отношения между Герма-

нией и Л. и в других областях, как-то: печати, „культурной" и т. д. Следует отметить, что так наз. „культурная" связь служит ширмой для шпионской работы.

Отношения между Л. и Англией за указанное время шли по линии главным образом укрепления экономических связей. 17 июня 1934 г. Л. заключила с Англией торговый договор, гарантирующий определенный контингент товаров латвийского производства, ввозимых в Англию беспошлинно. К такого рода товарам относится бекон, масло, сыр, яйца и птица. В свою очередь Л. взяла на себя твердое обязательство покупать в Англии 10 тысяч тонн сельдей и расширить импорт некоторых других промышленных изделий Англии. Правительство Ульманиса признало старый довоенный долг города Риги лондонскому банку „Братья Лазар". В Англии создалось общество сближения с прибалтийскими государствами, созданное по инициативе консервативного депутата Артура Боссом. В 1934 г. английский флот нанес визит Риге и был там встречен весьма дружественно. В 1935 г. Л. направила торговую делегацию в Англию для расширения связи с английскими промышленными кругами. В октябре 1935 г. для переговоров по экономическим делам в Лондон выезжал Монтерс, товарищ мин. ин. дел Л.

На протяжении ряда лет Л. стремилась к укреплению политических отношений с Францией, поскольку она рассматривала ее, так же, как и Англию, как одного из гарантов сохранения независимости латвийского государства. Однако, никаких соглашений серьезного характера между Францией и Л. заключено не было. В сентябре 1933 г. Л. посетил, проездом из Москвы, видный французский государственный деятель Эдуард Эррио. В последующем латвийско-французские отношения развивались гл. обр. по линии торговли. Франция отнеслась благожелательно к заключению пакта прибалтийских государств.

На латвийско-польской дружбе весьма серьезно отразилось заключение германо-польского пакта от 26 января 1934 г., который в Л. рассматривался как пакт, направленный к разделу Прибалтики. Это убеждение подкреплял факт отказа Польши от принятия предложения советского правительства от декабря 1933 г. о совместном гарантировании территориальной неприкосновенности прибалтийских государств, а также статьи в польской печати, в которых некоторые „литераторы", например Студницкий, призывали к разделу Прибалтики и, в частности, к разделу части латвийской территории. В июле 1934 г. министр иностранных дел Польши Бек посетил Ригу и стремился рассеять латвийские опасения на счет польско-германских планов раздела Прибалтики, однако ничего нового в латвийско-польские отношения этот визит не внес.

Серьезно сказывается на ухудшении латвийско-польских отношений существующий между Л. и Польшей спор из-за шести волостей Илукского уезда, отошедших Польше, а также огромный пассив в торговле Л. с Польшей. Между Польшей и Л. существуют весьма развитые отношения по линии военной.

С Эстонией Л. связана военно-оборонительным договором, заключенным в 1923 г. на 10 лет и вновь продленным на тот же срок. С Литвой Л. связана договором от сентября 1934 г. Отношения между тремя государствами развиваются сейчас на базе указанного выше договора.

Развитию добрососедских отношений Л. с Советским Союзом долгие годы после образования Л. мешало, с одной стороны, классово-враждебное отношение латвийской буржуазии к Советскому Союзу, как к стране социализма, с другой — постоянно оказываемое иностранное влияние на латвийскую внешнюю политику, направленное на ухудшение отношений с СССР и на участие Л. в военной интервенции против Советского Союза: последняя, как известно, готовилась в свое время весьма энергично враждебными Советскому Союзу Англией и Францией. Известный перелом в отношениях Советского Сою-

за с Л. сыграло подписание в 1927 г. советско-латвийского торгового договора, происшедшее после разрыва англо-советских отношений. В последующие годы, в связи с ростом мощи советского государства и превращением его в первоклассный фактор международной политики и активнейшего борца за мир, отношения Л. к Советскому Союзу стали меняться. Изменение европейской обстановки в связи с наростанием угрозы со стороны агрессивного германского фашизма заставило руководящие круги Л. искать скорейшего урегулирования и улучшения латвийско-советских отношений. Это нашло свое выражение в целом ряде актов, подписанных между Л. и Советским Союзом. В этой связи в первую очередь следует указать на подписание 28 августа 1932 г. пакта о ненападении между Л. и СССР, заключение которого до того времени латвийские руководящие круги долго саботировали. Летом 1933 г. Л. примкнула к советскому предложению об определении агрессора и подписала это соглашение в Лондоне в числе восьми других государств. 19 июля 1933 г. между Л. и Советским Союзом был заключен новый торговый договор, подведший базу под торговые отношения между обеими странами. В декабре 1933 г. Советский Союз выступил с предложением, обращенным вначале к Польше, а затем к Германии, о совместной декларации о гарантировании неприкосновенности и территориальной целостности прибалтийских государств. Хотя это соглашение было отклонено Польшей и Германией, однако, прибалтийские государства и Л. в том числе не могли не оценить этого важнейшего акта Советского Союза, направленного к гарантии безопасности Восточной Европы. 4 апреля 1934 г. между Л. и Советским Союзом был подписан протокол о продлении пакта о ненападении на 10 лет, до 31 декабря 1945 г. В июле 1934 г. Л., наряду с Эстонией, декларировала в Москве о своем благожелательном отношении к восточному пакту.

Наряду с указанными актами можно отметить развитие отношений между Советским Союзом и Л. по другим линиям. Так, в апреле 1934 г. Советский Союз посетила группа видных латвийских журналистов. В мае 1934 г. в Москве была открыта выставка латвийского искусства. В апреле 1936 г. Советский Союз посетила группа видных латвийских военных во главе с начальником латвийского генерального штаба.

Наряду с этими положительными явлениями нельзя не отметить того обстоятельства, что латвийская печать уделяла много места всевозможным враждебным и лживым высказываниям о Советском Союзе, как собственной фабрикации, так и иностранной, главным образом немецкой, отказываясь от помещения объективной информации о СССР, чем наносился серьезный ущерб советско-латвийским отношениям.

В 1936 г. внешняя политика правительства Ульманиса продолжала развиваться по указанным выше линиям. Наряду с германофильской линией латвийского правительства нельзя не отметить некоторых актов, относящихся к области внутренней политики Л., которые, тем не менее, оказали известное влияние на латвийско-германские отношения. Сюда следует отнести такие акты латвийского правительства, как ликвидация немецких ремесленных гильдий, некоторое урезывание прав германских фирм, немецких школ и т. д. Все это вызвало резкое недовольство в Германии. В свою очередь в Л. вызвали разочарование результаты германо-латвийского торгового договора, на который возлагались большие надежды.

Наряду с германофильским курсом правительства нельзя не отметить того обстоятельства, что указанный курс вызывает недовольство в различных кругах латвийской общественности, в том числе и среди офицерства, осознающих серьезную угрозу германского фашизма для латвийской независимости.

Следует отметить также и то, что с момента вхождения Л. в Совет Лиги наций, как представительницы

Прибалтийской Антанты, латвийское правительство стало сдержаннее афишировать свои симпатии к Германии. Это объясняется тем, что Л. как член Совета Лиги наций не может не учитывать линии поведения других членов Совета Лиги наций, в первую очередь великих держав.

В отношениях Л. с Советским Союзом нельзя не отметить все большего роста симпатий широких масс трудящихся Л. к народам великого Советского Союза, добившихся величайших побед на фронте строительства социализма, закрепленных в новой Сталинской Конституции. На протяжении 1936 г. изменился и стал несколько корректней тон высказываний латвийской печати в отношении СССР.

Март 1937 г.

XVII. Эстония. Нынешняя Э. в прошлом, т.-е. в тот момент, когда она составляла еще часть России, представляла собою одну из наиболее развитых в отношении промышленности и сельского хозяйства областей. На территории нынешней Э. еще в довоенное время были созданы крупнейшие промышленные предприятия типа „Кренгольмской мануфактуры", целлюлозной фабрики „Вальтгоф", „Балтийского завода" и др. Значительно выросла промышленность Э. в годы мировой войны, будучи ориентирована в основном на удовлетворение военных нужд бывшей России. Характерной особенностью промышленного развития Э. являлось то, что предприятия создавались за счет иностранных капиталовложений. До мировой войны в промышленность, находившуюся на территории нынешней Э., было вложено около 80 млн. руб. иностранного происхождения. Сельское хозяйство Э. было также сильно развито. Огромное место в нем занимали крупные помещичьи хозяйства, принадлежавшие немецким баронам.

Хозяйство Э. сильно потерпело уже в 1918 г. от германской оккупации, а впоследствии оно страдало от того, что независимая Э. потеряла свой старый огромный русский рынок сбыта и свою сырьевую базу. Все же в первые годы своего независимого существования эстонская буржуазия делает попытку направить страну по пути индустриального развития, она прилагает огромные усилия к развертыванию промышленности и превращению Э. в промышленную страну. Однако, вскоре выяснилось, что эти попытки обречены на неудачу. Эстонская промышленность оказалась слишком слабой, чтобы завоевать себе место на мировом рынке, а внутренний рынок оказался слишком узким, чтобы поглотить продукцию непомерно развитой промышленности. В 1924—1925 гг. правящие круги Э. обращают свои взоры на сельское хозяйство и ставят своей задачей его „данизацию". В этой связи особое внимание уделяется развитию скотоводства, молочного хозяйства, а также льноводства.

В 1928 г. сельское хозяйство Э. вступает в кризис, связанный с циклическим кризисом мировой экономики и развившийся на базе общего кризиса капитализма. Промышленность Э. вступает в кризис несколько позже, а именно в 1930 г. В 1931 г. кризис ударил по всем отраслям народного хозяйства Э., ее финансам и внешней торговле. Результатом кризиса явилось неслыханное обнищание трудящихся масс города и деревни. Нужда, голод, безработица, невыносимо низкий жизненный уровень всех трудовых слоев населения, — все это привело к резкому обострению классовых противоречий и к росту революционного движения в стране.

В этих условиях эстонская буржуазия и кулачество приступают к фашизации страны с целью подавления революционных настроений масс и переноса всех тяжестей кризиса на трудящихся города и деревни. Наряду с основной партией эстонского кулачества и буржуазии — аграриев, выступившей в качестве фашистской силы, выступила организация „Ветеранов" (по-эстонски „Вабсов") в качестве прямой агентуры германского фашизма. Документально установлено, что с момента прихода к власти

гитлеровцев в Германии последние через своих агентов берут эстонскую организацию „Ветеранов" под свое покровительство и финансируют ее деятельность. Уже летом 1933 г. организация „Ветеранов" выступает с агитацией в пользу пересмотра действующей конституции в сторону урезки ее демократических начал. 12 октября 1933 г. происходил всенародный референдум, которым была одобрена конституция, предложенная „Ветеранами", и 24 января 1934 г. она вошла в силу. По новой конституции в Э. впервые введена в жизнь должность президента республики, избираемого на 5 лет. Президенту присвоены широкие полномочия. Число членов палаты депутатов сокращено со 100 до 50. Палата избирается на 4 года.

„Ветераны", добившись принятия своего проекта конституции, стали готовиться к захвату власти в целях проведения в жизнь новой конституции собственными силами. Широкая подготовка к захвату власти „Ветеранами" велась при активной поддержке со стороны немецких фашистских агентов, в частности при поддержке немцев, проживающих в Э., и руководителя их фашистской организации фон цур Мюлена. В связи с попыткой вооружённого переворота со стороны „Ветеранов", эстонское правительство объявило 12 марта 1934 г. организацию „Ветеранов" распущенной и ликвидировало их военную организацию. В стране было объявлено военное положение, и практически у власти встала диктатура, осуществляемая главой правительства К. Пятсом и командующим войсками Лайдонером. Правительство стало управлять страной на основе закона о военном положении, практически осуществляя фашизацию страны. В этом плане 20 марта 1935 г. были запрещены все существовавшие в стране партии. Правительство создало новую „унифицированную" партию, носящую название „Отечественного союза".

Конкурирующая с правящей группой партия „Ветеранов", будучи формально запрещена, продолжала свою активную деятельность в подполье. „Ветераны" интенсивно подготовляли государственный переворот, наметив его на 8 декабря 1935 г. в день открытия съезда „Отечественного союза", на котором они рассчитывали арестовать правительство и установить собственную власть. Заговор был раскрыт в ночь на 8 декабря, а главари и участники арестованы. Расследование показало, что организация переворота носила очень серьезный характер, план был хорошо подготовлен с точки зрения военной, так как консультантами заговорщиков были бывшие крупные военные (генералы Тырванд, Ларка и др.). Оружие и деньги заговорщики получили из Германии через Финляндию.

В 1936 г. правительство Пятса решило провести новую конституцию. Последняя предусматривает значительное расширение прав президента и образование двухпалатной системы парламента. Вторая палата в отличие от первой, образуемой всеобщими выборами, составляется из представителей сословий, церкви, „Кайселита" и лиц, назначенных лично президентом. Организованный 23—25 февраля 1936 г. референдум по вопросу о новой конституции происходил при фактическом бойкоте его 40% избирателей.

Во внешней политике Э. в годы мирового экономического кризиса продолжала свою традиционную ориентацию на Англию. Э. попрежнему продолжает рассматривать Англию как одну из великих держав, наиболее заинтересованных в сохранении ее независимости. Эстонская буржуазия помнит ту практическую помощь, которая была оказана ей в 1918 г. Англией в ее борьбе с революционным пролетариатом. Интерес Англии к Э. вытекает из ее заинтересованности в этом стратегически важном участке Балтийского моря, на котором она бы не хотела видеть господство германского империализма. Особое внимание Англии привлекают острова Эзель и Даго.

Э. связывают с Англией широкие экономические связи, идущие по линии внешней торговли и по линии

участия английских капиталов в эстонской промышленности. В последние годы Э. во всех важнейших вопросах внешней политики всегда ориентировалась на позицию, занимаемую Англией.

Большое место во внешней политике Э. занимают эстоно-польские отношения. С первых лет своего независимого существования Э. активно участвовала во всех комбинациях прибалтийского блока, которые разрабатывались в Польше и были ориентированы против СССР. Широко развиты связи между Э. и Польшей по линии военной. Одно время между генеральными штабами Э. и Польши происходили регулярные совещания. В последние годы контакт между военными руководителями обеих стран сохранялся. Между Э. и Польшей развиты также отношения и по другим линиям, в частности культурной. Польская дипломатия очень часто в последние годы пыталась использовать свое влияние в Э. для привлечения ее на сторону германо-польского блока. В частности, когда летом 1934 г. выяснилось благожелательное отношение Э. к заключению восточного пакта, эстонский министр иностранных дел Сельямаа был приглашен в Варшаву, где польские правительственные круги пытались отговорить Э. от участия в восточном пакте. Вслед за поездкой Сельямаа в Варшаву последовал визит польского министра иностранных дел Бека в Таллин и Ригу с теми же целями. Однако, в этот период предпринятая Польшей акция потерпела неудачу, что не мешало, впрочем, польской дипломатии в дальнейшем продолжать свои попытки активно воздействовать на внешнюю политику Э.

Отношения Э. с Германией складывались под влиянием той программы агрессии, с которой выступил германский фашизм на европейскую арену, и, в частности, с его захватническими планами в отношении Прибалтики. Эстонское население хорошо помнит угнетательскую роль германских баронов, владельцев значительной части эстонской земли, выступавших в качестве жестоких эксплоататоров и верных слуг царского правительства, и по отношению к германским агрессорам питало и питает глубокую ненависть. Планы германского фашизма в деле захвата Прибалтики ассоциируются у эстонского крестьянства с попыткой обратного захвата германскими баронами земель, которые были отняты у последних после образования независимого эстонского государства (*см.* XLVI, 564 и 596). Эти опасения тем более основательны, что в среде гитлеровского окружения находится значительная часть прибалтийских баронов, а пресловутый Розенберг является выходцем из Э. Вот почему первые годы прихода к власти гитлеровцев в Германии ознаменовались не только охлаждением эстоно-германских отношений, но и серьезным беспокойством эстонской общественности за безопасность границы Э. Справедливость этих опасений была быстро подкреплена фактами подрывной деятельности германских фашистов в Э., целью которых являлась попытка поставить у власти в Э. наемных агентов фашистской Германии. О двойной попытке фашистской эстонской организации „Ветеранов" совершить вооруженный переворот в марте 1934 г. и в декабре 1935 г. было сказано выше. Все это не могло не толкать эстонское правительство на принятие мер, направленных к укреплению безопасности Э. В этой связи следует отметить продление Э. военного союза с Латвией в 1934 г. и вступление Э. в Балтийскую Антанту (соглашение Э.—Латвия—Литва 12 сентября 1934 г. о совместной координации внешней политики).

Все же фашистская Германия не оставила окончательно надежд на укрепление своих позиций в Э. Не подлежит сомнению, что германская фашистская агентура проводит огромную подрывную деятельность в Э. более замаскированными методами, используя для этого немецкое население, проживающее в Э. Этой цели, в частности, служит экономическое проникновение Германии в Э. Последнее находит свое выражение

как в инвестировании капиталов в эстонскую промышленность, так и в расширении внешней торговли с Э.

Отношения Э. к СССР в значительной степени улучшились и за последние годы проходили под знаком все большего их расширения и углубления. В этой связи можно в частности отметить соглашения, заключенные между Э. и СССР. Так, в 1929 г. был заключен торговый договор, в 1932 г. — пакт о ненападении. В 1933 г. заключено соглашение об определении агрессора. В апреле 1934 г. пакт о ненападении был продлен на 10 лет. В июле 1934 г. СССР посетил эстонский министр иностранных дел Сельямаа. В результате его переговоров с наркоминделом Литвиновым и с членами советского правительства было опубликовано коммюнике, в котором Э. заявляла о своем благожелательном отношении к восточному пакту.

Наряду с развитием политических и экономических отношений между Э. и СССР развивались культурные отношения. Ряд выставок: живописи, книги и другие, организованные в Таллине и Москве, способствовали развитию культурных отношений между обеими странами. Весною 1934 г. Советский Союз посетила делегация видных эстонских журналистов. В последние годы происходило известное развитие отношений и по линии армий обеих стран. В мае 1936 г. СССР посетила эстонская военная делегация во главе с начальником эстонского генерального штаба. В феврале 1937 г. Э. посетил с ответным визитом начальник генерального штаба Красной армии с группой командиров Красной армии.

Симпатии широких масс населения Э. к Советскому Союзу особенно возросли в последние годы в связи с огромными достижениями страны социализма и громадной ролью СССР в деле борьбы за мир и безопасность всех народов вообще и народов Прибалтики в особенности.

Март 1937 г.

XVIII. Литва (*ср.* XLVII, 712 сл.). Литовская республика в экономическом отношении является страной сравнительно отсталой по сравнению с другими прибалтийскими государствами — Латвией, Эстонией и Финляндией. Л. является преимущественно сельскохозяйственной страной. Около 80% населения занято в сельском хозяйстве. После приобретения самостоятельности в Л. существовала одно время попытка направить страну по пути промышленного развития. Однако, в 1925—1926 гг. литовская буржуазия берет твердую ставку на развитие сельского хозяйства и на придание ему животноводческого уклона. В результате значительного развития животноводства в Л. экспорт таких продуктов, как масло, бекон, мясо и свиньи, занимает решающее место во всем экспорте страны. Достаточно сказать, что в 1930 г. экспорт скота и продуктов животноводства составил 54% по отношению ко всей экспортной продукции Л. Как и другие страны, Л. остро пережила экономический кризис. Правда, размеры внешней торговли продолжали еще расти и в 1930 г. Так, размеры экспорта 1930 г. составили 333,7 млн. лит, а импорт—312,4 млн. лит по сравнению с 329,8 млн. лит экспорта и 306,4 млн. лит импорта в 1929 г. Однако, цены на экспортную продукцию начинают сильно падать и оказывать разрушительное влияние на литовскую экономику и на положение народных масс. Достаточно сказать, что в 1930 г. было вывезено масла на 80% больше, чем в 1929 г., а выручка оказалась больше прошлогодней всего лишь на 49%. Такое же положение было и в отношении других продуктов сельского хозяйства. В 1931 г. цены на экспортные товары еще больше падают, а на некоторые из них (на зерно, лен, свиней и т. д.) падают даже ниже уровня их себестоимости.

С 1931 г. начинается и падение размеров экспорта товаров из Л. Объем внешней торговли, составлявший в 1930 г. 646,1 млн. лит, сократился в 1935 г. до 280,8 млн. лит. В условиях неслыханного падения размеров внешней торговли и цен на продукты сельского хозяйства правительство для поощрения экспорта прибегает к

системе приплаты к отдельным экспортным товарам. Так, литовское правительство устанавливает приплаты к экспорту пшеницы, ржи, бекона, масла и мяса. Само собою разумеется, что приплаты от экспорта шли целиком в карман кулацкой части деревни и обрушились всей своей силой через налоговую систему на трудящиеся слои деревни и города.

Промышленность Л. чрезвычайно слабо развита. Основными отраслями промышленности, работающими в основном на внутренний рынок, являются пищевая, кожевенная, деревообделочная и т. д. Падение покупательной способности населения привело в свою очередь к острому кризису промышленности. Кризис в промышленности, в сельском хозяйстве и внешней торговле привел к значительному ухудшению финансового положения страны.

Внутренняя политика литовского правительства определялась характером господствующего в стране режима фашистской диктатуры, установленной в декабре 1926 г. По мере ухудшения положения трудящихся масс Л. диктаторское правительство переходит к все более крутым мерам для подавления недовольства широких трудящихся масс и для поддержания господства правящей буржуазно-кулацкой группировки. Правящей в Л. партией является партия таутиников (националистов).

15 декабря 1933 г. на съезде партии таутиников был провозглашен принцип вождизма, а президент государства, Сметона, провозглашен вождем партии и нации. В партии таутиников установлен принцип назначения вождем партии всех должностных лиц партии.

8 февраля 1934 г. литовское правительство издало закон о чрезвычайной охране государства. Закон наделил государственные органы широкими полномочиями для борьбы с анти-государственными элементами. Хотя этот закон и был издан в связи с создавшимся положением в Мемеле, однако он был широко использован властями и в самой Л. Положение в Мемеле к тому времени действительно являлось тревожным ввиду огромной подрывной работы, которая проводилась там агентурой германского фашизма. Создав в Мемельской области две фашистских группировки, германская агентура пыталась использовать их для подрыва литовского государственного суверенитета и с целью окончательного отрыва Мемельской области от Л. и присоединения ее к Германии. Раскрыв тайную работу германских агентов в Мемельской области, литовское правительство отдало руководителей обеих фашистских партий в Мемеле под суд, а сами партии запретило. Закон от 8 февраля должен был способствовать борьбе, которую литовские власти вели в Мемельской области против подрывной работы германских фашистов. Все это не помешало, однако, германскому правительству обратиться со специальной нотой к державам (Англии, Франции и Италии), в которой оно утверждало, что изданием закона от 8 февраля, распространяющего свою силу и на Мемельскую область, литовское правительство, якобы, нарушило действующий международный статут в Мемеле. 19 мая 1934 г. состоялась специальная конференция юристов стран, подписавших в качестве гарантов мемельскую конвенцию. Указанная конференция признала, что литовский закон от 8 февраля ни в каком противоречии с статутом о Мемеле не находится.

Потерпев неудачу в деле развертывания подрывной работы в Мемельской области, германские фашисты подготовляют другой, более обширный план вооруженного переворота в Ковно, целью которого являлось поставить в Л. у власти правительство, которое выполнило бы все те требования, которые пожелал бы ему предъявить германский фашизм. В ночь с 6 на 7 июня 1934 г. в Л. была совершена попытка военного переворота, центром действия которого явился город Каунас (Ковно). Инициаторами переворота явились: бывший премьер-министр Вольдемарас и бывший начальник литовского генерального штаба генерал Кубелю-

нас. Попытка переворота оказалась неудачной и была быстро подавлена. Это, однако, не помешало германской печати объявить об успехе переворота и о назначении Вольдемараса премьер-министром; тем самым германская печать подчеркнула тесную близость, существовавшую между мятежниками и германскими фашистами.

1935 г. принес Л. новые заботы. Летом этого года в Л. происходили крупные крестьянские волнения в Сувалкщине. Основной причиной крестьянских волнений явилось сильное понижение цен на продукты сельского хозяйства, разорившее крестьян, и непомерные тяжелые налоги. Литовское правительство обрушилось на восставших сильными репрессиями и т. о. подавило крестьянское восстание. Продолжая курс на укрепление господствующей в стране диктатуры, литовское правительство запретило в феврале 1936 г. ранее существовавшие в стране политические партии. Новым законом, который назывался законом об обществах, были запрещены партии христианских демократов (хадеки), крестьянских демократов (лаудиники), социал-демократов и все юношеские организации этих партий. Вслед за законом об обществах были издан новый суровый закон относительно печати.

Устранив со своего пути организации, оппозиционно настроенные в отношении господствующего режима, литовское правительство решило установить контакт с общественностью страны. В этих целях 2 мая 1936 г. был издан декрет о созыве сейма и одновременно был издан закон о выборах в сейм. Страна была разбита на 8 избирательных округов, а количество депутатов было определено в 49. Согласно закона, кандидаты в сейм выставляются городскими и уездными самоуправлениями. Выборы в сейм проходили 9—10 июня 1936 г. Население проявило значительный интерес к выборам, всего участвовало в выборах около 70% избирателей. Все 49 депутатов, избранных в сейм, принадлежат к числу членов господствующей в стране партии тautиников. Литовский сейм начал функционировать 1 сентября 1936 г. и проводит свою работу в тесном контакте с находящимся у власти правительством Тубялиса.

Внешняя политика литовского правительства последних лет проходила под знаком борьбы за сохранение независимости литовского государства. Будучи в состоянии конфликта с Польшей из-за захвата последней у Л. в 1920 г. Виленской области, Л. искала мирных и добрососедских отношений со своим восточным соседом Германией. Острые противоречия, разделявшие Германию с Польшей, весьма способствовали литовско-германскому сближению. На сближение с Германией Л. толкнули и такие факты, как общность границы, а также огромная заинтересованность Л., как страны преимущественно сельскохозяйственного экспорта, в германском рынке. Несмотря на то, что от Германии отошла Мемельская область в 1923 г., литовско-германские отношения до прихода к власти Гитлера развивались вполне нормально. Больше того, в 1928 г. было заключено соглашение между Л. и Германией, в котором обе страны признавали неприкосновенность своих границ. В отношении своих прибалтийских соседей Л. вела дружественную политику. Однако, Л. решительно отказалась от участия в подготовлявшихся по инициативе Польши проектах создания блока прибалтийских государств, которые острием своим были направлены против Советского Союза. Между Л. и Советским Союзом существовали все время нормальные и дружественные отношения.

Приход к власти в 1933 г. германских фашистов во главе с Гитлером приводит к серьезным изменениям во внешней политике Л. От прежних нормальных и дружественных отношений с Германией не осталось и следа. Германская фашистская агентура с первых дней прихода к власти Гитлера развернула большую подрывную работу в Мемельской области, целью которой явилось отторжение Мемельской области от Л. и присоединение

ее к Германии. Больше того, как мы упоминали выше, германская агентура не ограничивала свое поле действия одной Мемельской областью, а распространяла свою деятельность также и на саму Л. (попытка переворота 7—8 июня 1934 г., произведенная Вольдемарасом и Кубелюнасом). В ответ на меры самозащиты, которые были предприняты Л. в отношении агентуры германского фашизма, германское правительство обрушилось на Л. экономическими репрессалиями и прямым бойкотом. Все это делалось вопреки существующему и действующему литовско-германскому торговому договору. Влияние запрета вывоза товаров из Л. в Германию было огромно, особенно в учете того обстоятельства, что экспорт Л. был в основном ориентирован на две страны: Германию и Англию. Еще в 1930 г. Германия забирала 60% литовского экспорта. Позже, правда, под влиянием всякого рода ограничений, которые были введены для ввоза сельскохозяйственных продуктов в Германию, литовский экспорт в Германию значительно сократился. Особенно сильно падает экспорт в Германию после фактического проведения Германией бойкота Л., как ответной меры на репрессии, проведенные литовским правительством против агентов германского фашизма в Мемеле и Л. Так, экспорт в Германию, составлявший в 1934 г. 15,1 млн. лит, сократился в 1935 г. до 2,6 млн. лит, а за 5 мес. 1936 г. составил 0,47 млн. лит. Наряду с экономическим бойкотом Л. германское правительство выступило с открытыми угрозами в отношении Л. Так, в своей речи от 20 мая 1935 г. в германском рейхстаге Гитлер заявил, что Германия готова заключить пакты о ненападении со всеми своими соседями, кроме Л., которая, якобы, повинна в том, что нарушает Мемельский статут. 15 сентября 1935 г. на нюрнбергском „съезде" германских фашистов по адресу Л. раздавались открытые военные угрозы. Военные угрозы Германии по адресу Л. носили особо зловещий характер в силу того обстоятельства, что между Польшей и Германией было заключено 26 января 1934 г. соглашение, которое на время снимало существовавший острый германо-польский антагонизм. Таким образом, Л. бралась как-бы в клещи обоими своими сильными соседями. Однако, несмотря ни на какие угрозы и вопреки германо-польскому давлению, литовское правительство твердо проводило свою линию, и германская попытка поставить Л. на колени не удалась.

Утеря Л. германского рынка заставила Л. несколько переориентировать свой экспорт. Первое место в литовском экспорте занимает Англия, а вслед за Англией идет Советский Союз. Перед лицом провала своей политики в отношении Л. и в связи с общей международной ситуацией германское правительство в феврале 1936 г. проявляет инициативу в вопросе о нормализации отношений с Л. В результате длительных переговоров 5 августа 1936 г. между Л. и Германией было подписано соглашение о товарообороте, клиринге и малом. пограничном сообщении (имеются в виду особые льготы, которые предоставляются жителям пограничной зоны в обоих государствах).

Несмотря на урегулирование отношений между Л. и Германией, заботы Л. о защите своей независимости и своего суверенитета от германского фашизма не прекратились. В условиях угрозы открытой агрессии со стороны Германии, появившейся с момента прихода к власти германских фашистов, в Л. появились серьезные настроения в пользу замирения отношений с Польшей. Прекратившийся одно время полностью контакт между Л. и Польшей (в свое время, как известно, созывался целый ряд конференций), вновь возобновился. Так, в 1933 г. состоялся целый ряд встреч между представителями Л. и Польши. В этом году состоялась в весьма секретной обстановке встреча литовского посланника в Париже Шаулиса с маршалом Пилсудским. Эта беседа показала, что ввиду неуступчивой позиции Польши надежды на достижение компромиссного соглашения нет. Однако, и в дальнейшем контакт продолжался. В 1934 г. Ковно посетил

видный польский политический деятель, принадлежащий к правящей группировке пилсудчиков, Александр Пристор. С посещением Пристора Ковно в некоторых кругах связывалась надежда на возобновление литовско-польских переговоров. Однако, поскольку можно судить по сообщению печати, серьезных переговоров в связи с поездкой Пристора в Л. не состоялось. В свою очередь Польшу посетил ряд литовских политических деятелей: Ичас, Пакшас и проф. Н. Биржижка.

Между Л. и Польшей произошел обмен журналистами. Так, в Л. приехал польский журналист Кательбах, а в Варшаву — Густайнис. Печать была склонна рассматривать этих лиц как неофициальных дипломатических представителей. Однако, вскоре связь по линии печати между обеими странами была ликвидирована. Польша решительно уклоняется от какого бы то ни было компромиссного разрешения существующего конфликта. Угнетение литовского меньшинства в Польше еще более ухудшает литовско-польские отношения. В начале 1937 г. в печати было опубликовано заявление Бека, сделанное им в польском сейме. В этом заявлении содержатся открытые угрозы по адресу Л. Эти угрозы подхвачены польской печатью, которая угрожает расправиться с Л. бронированным кулаком. Естественно поэтому, что Л. с тревогой взирает на свою юго-восточную границу.

Угроза военной агрессии со стороны Германии и Польши заставила литовское правительство пересмотреть свою точку зрения в вопросе о пакте со своими прибалтийскими соседями. Л. обратилась 25 апреля 1934 г. с меморандумом к Латвии и Эстонии, в котором она предлагала создать Прибалтийскую Антанту. 12 сентября 1934 г. это соглашение было подписано.

Важнейшим политическим вопросом в отношениях между Л. и другими великими державами, Англией, Францией и Италией, является вопрос о Мемельском статуте. Указанные государства являются гарантами известных специальных прав, которые закреплены за населением Мемельской области и которые нашли свое оформление в специальном статуте о Мемеле. Согласно этому статуту, Мемельская область имеет собственное самоуправление, осуществляемое сеймиком и директорией. До прихода к власти в Германии Гитлера применение статута развивалось в Мемельской области сравнительно гладко. В 1934 г. в результате подрывной работы гитлеровцев нормальное функционирование мемельского сеймика было нарушено. Литовскому правительству пришлось принять специальные меры для борьбы с агентурой германского фашизма в Мемельской области в целях защиты своего суверенитета над Мемельской областью. В результате жалоб Германии 19 апреля 1935 г. сигнаторы (государства, подписавшие конвенцию), Англия, Франция и Италия, обратились со специальной нотой к литовскому правительству, в которой они настаивали на нормальном функционировании сеймика. Литовское правительство разъяснило, что нормальная деятельность сеймика нарушена не по злой воле литовского правительства, а в результате иностранного влияния (германского) в Мемельской области; что меры, принятые Л. в отношении Мемеля, являются лишь защитными мерами, целью которых является сохранение суверенитета Л. над Мемельской областью. Литовское правительство выразило готовность передать вопрос о том, имеет ли место нарушение со стороны Л. Мемельского статута, на рассмотрение гаагского постоянного международного суда. 25 мая 1936 г. состоялись выборы в новый мемельский сейм.

Отношения между Л. и Советским Союзом продолжали развиваться в духе традиционной дружбы. Л. первая подписала в 1926 г. пакт с Советским Союзом о ненападении. В 1931 г. этот пакт был продлен на 5 лет, а в апреле 1934 г. он был продлен еще на 10 лет. Л. явилась одним из первых государств, которое поддержало советскую декларацию, направленную в декабре 1933 г. к Польше, а в марте 1934 г. к Германии, в которой оно

приглашало указанные государства гарантировать территориальную независимость и неприкосновенность государств Прибалтики. Летом 1933 г. между Л. и Советским Союзом было заключено соглашение об определении агрессора (нападающей стороны). В августе 1934 г. Советский Союз посетил литовский министр иностранных дел Лозорайтис. В результате бесед между членами советского правительства и г-ном Лозорайтисом была опубликована декларация, в которой Л. заявляла о том, что она поддерживает идею подписания восточного пакта. Наряду с развитием политических отношений развивались и заняли значительное место в отношениях между обеими государствами торговые отношения. Советский Союз заключает с Л. из года в год торговое соглашение, которое вносит известную стабильность в торговые и хозяйственные отношения между обеими государствами. Равным образом развиваются отношения по линии культуры. Советский Союз посетила в 1935 г. делегация литовских ученых, артистов и т. д.

В мае 1936 г. Советский Союз посетила литовская военная делегация во главе с начальником литовского генерального штаба. В начале 1937 г. начальник генерального штаба РККА нанес ответный визит Л. и таким образом значительно укрепились дружественные отношения по линии армий обоих государств. Таким образом, отношения между литовским народом и народами Советского Союза за все эти годы развивались вполне нормально и дружественно.

Апрель 1937 г.

(Продолжение в следующем томе).